Триумф поражения
Жанна Володина

Annotation

Мой старый дом. Наше агентство "Твой праздник". Все под угрозой: и моя работа, и моя жизнь. На место милейшего, добрейшего, интеллигентнейшего старого хозяина пришел ОН. Новый Хозяин. Его раздражаю я и мои нестандартные, оригинальные идеи. О! Какая ирония! Он не может меня уволить?! Но делает это с завидным постоянством и потрясающим упорством. Посмотрим, кто достоин ТРИУМФА! Какой мой прокол привел к такой… одержимости?

— Он оставит этот… объект в покое и вернется в свой главный офис? — радость победы меня пьянит, как бокал хорошего шампанского. Надо срочно класть бутылку Просекко в холодильник. Какая ирония! Я собираюсь пить за победу над переименованным в Тостер Холодильником охлажденное в холодильнике игристое. Чудесная тавтология! Просто бодрящая и пьянящая!

- Триумф поражения
  - Глава 1. Лифт
  - Глава 2. Смена власти
  - Глава 3. Дресс-код
  - Глава 4. Светлана
  - Глава 5. Версии
  - Глава 6. Начальник охраны
  - Глава 7. "Расстанемся красиво"
  - Глава 8. Награда
  - Глава 9. Корпоратив
  - Глава 10 (1). Последствия глупости
  - Глава 10 (2). Последствия глупости
  - Глава 11. Первое января
  - Глава 12. Фарисей и Кокетка
  - Глава 13. Теория о любовниках
  - Глава 14. Василий
  - Глава 15. Гена
  - Глава 16. "Уховертка"
  - Глава 17. Харассмент
  - Глава 18. Пирожки с котятами
  - Глава 19. Чердак
  - Глава 20. Платье Чикаго
  - Глава 21. Фиолетовая юбка
  - Глава 22. Барби-Русалка
  - Глава 23. Похищение
  - Глава 24. Карточный долг
  - Глава 25. Дежурный
  - Глава 26. Неожиданное возвращение

- Глава 27. Мюзик-холл
- Глава 28. Помолвка
- Глава 29. Дневник
- Глава 30. Ультиматум
- Глава 31. Гостья
- Глава 32. Завтрак
- Глава 33. Ужин
- Глава 34. Одно предложение и несколько вариантов
- Глава 35. Невеста Холодильника
- Глава 36. Первое свидание
- Глава 37. Ответы без вопросов
- Глава 38. Томление души
- Глава 39. Сорока-ворона
- Глава 40. Теория "восточного экспресса"
- Глава 41. mein Leben
- Глава 42. Трудности перевода
- Глава 43. Акценты испанской кухни
- Глава 44. Катарсис
- Глава 45. Пати
- Глава 46. Фотографии
- Глава 47. Клочки по закоулочкам
- Глава 48. Саша
- Глава 49. Девять кругов рая
- Глава 50. Продавец счастья

Триумф поражения
Жанна Володина

Глава 1. Лифт

У всякого нормального человека
временами возникает желание:
наплевать на руки,
поднять черный флаг и начать резать глотки.
Мыслить как преступник (Criminal minds)

— Ты идиотка? Или просто припадочная? — он перевел взгляд с меня на свою мерзко-розовую рубашку с расползающимся на ней кроваво-красным пятном от свежевыжатого гранатового сока. Презрительный взгляд переквалифицировался в бешеный, но он смог совершенно безэмоционально резюмировать. — Скорее, идиотка.

— Мы разве на ты? — огрызнулась я, беспомощно оглядываясь в поисках безопасного угла. Но такового в старом лифте, застрявшем на уровне между третьим и четвертым этажом, не оказалось. Несмотря на достаточно большую площадь, лифт вместимостью шесть человек всегда казался мне крохотной клетушкой, и я до сегодняшнего дня (то есть никогда!) в него за заходила. Лифтовая шахта с указателем этажей, похожим на барометр, всегда внушала мне полное недоверие. Но желание оставить последнее слово за собой сорвало пожизненные предохранители — и я залетела в лифт прямо за тошнотворно-розовым Хозяином.

И мне скоро станет плохо. Надо продержаться всего несколько минут. Римма Викторовна уже сообщила, что проблема с застрявшим лифтом будет вот-вот решена.

Почему у меня не арахнофобия? Прости, Василий, я от страха погорячилась.

Вот очень изящная боязнь — дентофобия. Так нет, не она!

Модная номофобия? Как это современно — бояться остаться без мобильной связи! Увы, и не она.

Вот прекрасный вариант — аблютофобия! Была бы я сейчас в заношенном, нестираном брючном костюме, который элегантно сидел бы на моем немытом, дурно пахнущем теле.

Или атихифобия, например? А что? Чудесный выбор! Боязнь совершить ошибку, маниакальное стремление к порядку, успеху, положительному результату. Только этот самый вариант больше подойдет не мне, Нине Симоновой-Райской, а господину Тостеру. Да! Сегодня он будет Тостером и лишится почетного звания господин Холодильник, которое получил от меня в самом начале нашего знакомства за высокий рост, широкие плечи и параноидальную любовь к белым, нет — белоснежным рубашкам.

Пока паническая атака не привела к физиологическим симптомам и не выдала меня с головой, я начинаю грациозно и очень интеллигентно садиться на пол лифта.

— Тебе плохо или ты так артистично демонстрируешь мне свой страх? — недовольный (впрочем, как всегда!) моим поведением Тостер подхватывает меня подмышки. — Ни за что не поверю, что ты меня боишься! Или у тебя клаустрофобия и я первый раз ни при чем?

— Вовсе нет! — вяло сопротивляюсь я, схватившись за розовую ткань его модной сорочки, подаренной ему святой Светланой, и еле-еле выговариваю, гордясь и своей памятью, и четкостью речи. — У меня нет никаких фобий, кроме гексакосиойгексеконтагексафобии.

— Вы скоро?! Девушке совсем плохо! — рычит в динамик Тостер, и испуганный голос

нашего инженера Дениса Владиленовича сообщает, что буквально через пару минут нас спасут.

— Смотрите, вычту из вашего жалования стоимость каждой минуты сверх обещанной вами пары! — продолжает рычать Хозяин всего и всех в этом здании.

— Даздрасен Владиленович — механик от бога! — кидаюсь я на защиту старого друга, болтаясь в руках Хозяина тряпичной куклой. — За столько лет этот лифт ни разу не ломался. Ни разу! Пока…

— Пока ты в него не влетела, — понимающе закончил за меня Тостер, неуклюже поворачиваясь со мной в руках, словно пытаясь найти место для моего складирования, но так и не решившись посадить меня на посыпанный стеклянной крошкой пол лифта. — Ты говоришь второе непереводимое слово. Это признак панической атаки?

Ничего не придумав и, видимо, устав поддерживать меня под руки, Тостер взял меня на руки.

— Все переводимо, — ворчу я, тут же потеряв связь с приступом, поскольку оказалась в объятиях личного врага, войной с которым живу и энергетически подпитываюсь уже полгода. — Дениса Владиленовича на самом деле зовут Даздрасен Владиленович. Да здравствует седьмое ноября. Стыдно не знать!

— Стыдно?! — мышцы на руках Тостера сжимаются, словно он решил бросить меня на пол. — Почему я должен стыдиться того, о чем я не знаю, поскольку об этом мне никто не говорил?

— Потому что это ваши люди, без которых жизнь этого дома невозможна. Юрий Александрович все обо всех знал. А Дарья Владиленовна, сестра Дениса Владиленовича, тоже не Дарья, — радуюсь я дополнительной возможности рассориться с Хозяином перед тем, как мы расстанемся, словно почти драки, разбитого кувшина с соком и испорченной (надеюсь, навсегда!) рубашки недостаточно.

— И кто же она? — спрашивает меня Тостер, встретившись наглым взглядом своих больших карих глаз с моим гордым (гарантирую!) взглядом.

— Она Даздраперма, — снисходительно сообщаю я, не собираясь помогать ему в расшифровке.

— Тоже что-то там да здравствует? — находчиво говорит Хозяин.

— Да здравствует первое мая! — хвастаюсь я осведомленностью. — Это они для таких, как вы, вынуждены родные имена менять на удобные.

— Как я?1 — Тостер подбрасывает меня на руках, словно я кусочек поджаренного хлеба. — Я то здесь причем? Люди с труднопроизносимыми именами представляются Денисом и Дарьей, а я виноват? Ты дура? Начинаю ужом вертеться в его руках, пытаясь встать на пол. От боязни не осталось и следа! Да я про нее просто забыла! Тостер дает мне встать на ноги, но только для того, чтобы прижать к своей груди мою спину.

Мой костюм! Ленка убьет меня! Я его непоправимо испортила мокрой от гранатового сока рубашкой.

— Не рыпайся! — Хозяин прижимает меня еще сильнее. — Стекло кругом! Не хватало еще, чтобы ты и кровавые порезы на меня списала.

Затихаю, придумывая достойный ответ, но ничего не приходит голову от нервного перенапряжения.

— Если сейчас эти Да здравствует не запустят лифт! — снова рычит в динамик Тостер. — Всех поувольняю к чертовой матери! Всю секту староверов.

— Какое невежество! — радостно фыркаю я, вдохновленная новой темой противостояния. — Где староверы, а где люди с революционными именами? Тогда бы они были Каллистратами, Ермилами, Гермогенами, а не Да здравствует.

— А их дети? — вдруг спрашивает меня Хозяин, развернув лицом к себе и пачкая (гадина!) мой великолепный голубой брючный костюм и спереди.

— Что их дети? — бессильно рычу уже я.

— Как зовут их детей на самом деле? Это же Павел Денисович и Павла Борисовна? — говорит Тостер, поражая меня знанием того, что и дети моих старых друзей работают на него в этом доме.

— Вы знаете, что они их дети? — саркастически ухмыляюсь я.

— Я знаю о своих работниках все! — Тостер начинает перегреваться. — Мне просто была неизвестна эта оригинальная страница их биографии.

— Павел Денисович — Пофистал Даздрасенович, а Павла Борисовна — Польза Борисовна, — ворчу я и вдруг ощущаю исходящую откуда-то мелкую дрожь. Неужели лифт тронулся, пока не тронулась я в этом замкнутом пространстве? Нет. Это смеется мой Тостер, то есть наш Хозяин.

— Что смешного вы услышали? — сквозь зубы спрашиваю я. — Сын нашего инженера, наш же кондитер, Пофистал — Победитель фашизма Иосиф Сталин. А Польза — Помни Ленинские Заветы. Что здесь смешного?

— Отчество Борисовна! — уже во все горло хохочет невоспитанный Тостер. — Отчество подкачало!

— Ну, — против воли улыбаюсь я. — С каким именем Даздраперма Владиленовна нашла мужа, с таким отчеством дочь и ходит. Вы испачкали мой костюм!

— Неужели?! — издевается Тостер. — Я? Твой костюм?

— И неадекватно перешли на ты, хотя ни просьбы на это не выражали, ни разрешения не получали! — снова начинаю вырываться я.

Меня снова берут на руки. Лифт приходит в движение. Мы сжигаем друг друга ненавидящими взглядами. Лифт медленно останавливается на первом этаже, и все работники нашего агентства "Твой праздник" торжественно встречают нас. Римма Викторовна держит в руках аптечку. Денис Владиленович чемоданчик с инструментами. А Павел Денисович поднос с чашечкой дымящегося ароматного кофе. Все в ужасе смотрят на меня, сидящую на руках Хозяина, на его розовую рубашку, залитую соком, на засыпанный стеклянными осколками пол лифта.

— Черт знает что! — ругается наш невоспитанный Хозяин. — Что с лифтом?

— Простите, Александр Юрьевич! — старый инженер качает головой. — Ничего не понимаю. Замер — и все! Сам же и…

— Отмер?! — ехидно спрашивает наш злой и неуправляемый Хозяин, Климов Александр Юрьевич. — Сам?

Хозяин берет чашку кофе, несмотря на то, что тот горячий, выпивает его залпом, словно рюмку водки.

— Рубашку! — приказ для Павлы Борисовны.

— Встречу с Макаровым перенести на час, нет, на два! — распоряжение для Риммы Викторовны.

— Спасибо… Пофистал Даздрасенович, кофе прекрасный! — это открывшему от неожиданности рот Павлу Денисовичу.

— А вы, — нажимая на слово "вы", обращается ко мне Александр Юрьевич, — вы, Нина… Сергеевна Симонова-Райская…

Пока я пытаюсь скрыть удивление тем, что Тостер помнит мое отчество, он заканчивает свои распоряжения. — Вы — уволены! Поскольку я переименовываю это агентство в… "666"!

Вот интересно, он знал, что гексакосиойгексеконтагексафобия — боязнь числа 666, или просто догадался. А может, это его любимое число?!

И он уходит к лестнице вместе с семенящими за ним Риммой Викторовной и Павлой Борисовной.

Все облегченно вздыхают, а Павел Денисович подает и мне чашечку кофе, только с сахаром и мятным сиропом.

— Который раз? — мягко спрашивает Павел Денисович, с огорчением глядя на мой испорченный костюм.

— На этой неделе третий! — радостно сообщаю я, испытывая непреодолимое желание переодеться. — Даже интересно, как будет выкручиваться. Или опять Римме Викторовне поручит?

Разувшись и прилипая к напольной плитке липкими чулками, громко напевая арию Тореодора, я отправляюсь в свои личные комнаты.

— Как дела, Василий? — ласково спрашиваю я своего любимого паука- птицелова. Василий лениво шуршит конечностями и уползает на другой конец аквариума. Обиделся.

— Зря! — искренне сообщаю я ему, иду в душ и кричу из ванной комнаты. — Про арахнофобию я подумала случайно.

Когда я сижу на своей расчудесной кухонке, пью чай и думаю, уезжать ли сегодня домой, в дверь скребется Римма Викторовна.

— Александр Юрьевич велел тебе… — добрая женщина подозрительно кашляет. — Купить ему новую рубашку. Точно такую же. Дал час.

И Римма Викторовна осторожно кладет рубашку Тостера на барный стул.

— Я ему кто? Секретарша? Личный помощник? — вскакиваю я со стула. — Он же меня уволил! Или опять нет?!

— Ну, — Римма Викторовна осторожно пятится к двери, — он передумал тебя увольнять… Он уезжает…

— Он оставит этот… объект в покое и вернется в свой главный офис? — радость победы меня пьянит, как бокал хорошего шампанского. Надо срочно класть бутылку Просекко в холодильник. Какая ирония! Я собираюсь пить за победу над переименованным в Тостер Холодильником охлажденное в холодильнике игристое. Чудесная тавтология! Просто бодрящая и пьянящая!

— Не думаю, — возвращает меня к реальности Римма Викторовна. — Он только сообщил, что через час ему нужна рубашка, а потом часа два его не будет. Настаивал, что точно такую же.

— Может, еще просо с пшеном перебрать? — плююсь я желчью разочарования. Что-то подсказывает мне, что с этой гламурно-розовой сорочкой будут проблемы.

— Нет. Нинка! Такую в России не купить. Это новая линейка Husbands. Франция. Один в один точно нет! — "утешает" меня по скайпу лучшая подруга Ленка, дизайнер авторского нижнего белья. — Даже мои связи не помогут. Что за цвет вообще! Она чья?

— Не поверишь! Тостера! — смеюсь я над Хозяином. А что? Здоровый презрительный

смех для разнообразия лучше горькой и уводящей в неадекват ненависти.

— Могу предложить розовую, итальянскую. Но… — Ленка подозрительно хрюкает.

— Что но? — не понимаю я.

— Она немножко коралловая, — объясняет Ленка.

— Пойдет! — соглашаюсь я. — Все равно он не собирается надевать то, что я куплю. Ему надо меня унизить поручением.

— А как ты вообще ему рубашку задолжала? — любопытствует Ленка.

— По глупости! — с досадой говорю я. — Он не хотел меня слушать — и спрятался в лифт.

— Спрятался? Хозяин? От тебя? — недоверчиво переспрашивает Ленка, исчезнув с экрана и роясь в гардеробной.

— Представь себе! Он меня боится! — уверяю я подругу. — Ну, нашла?

— Нет еще! — куксится Ленка. — Но все перерою и найду! Клянусь!

— Отправляю Димку, — радуюсь я и набираю номер.

— А можно без этого… кретина обойтись? — тут же встает в стойку Ленка.

— Ленуся! Вчера он был просто мажором. Когда успел так деградировать? Димка появляется у меня через десять минут:

— Что, старая Хозяйка, надо? — язвит он.

— Метнуться к Ленке и забрать рубашку для Тостера, — даю я поручение.

— Да! Весь дом гудит! — смеется Димка. — Хочешь узнать самую криминальную версию?

Я отрицательно мотаю головой, но Димку это не останавливает:

— Павла считает, что вы подрались в лифте. Кстати, Нинок, а как ты в лифт попала? Он тебя затащил в него? Узнал, что у тебя клаустрофобия?

— Я сама залетела, — виновато сознаюсь я. — Скорость не рассчитала. А он там розовый такой! Тьфу! А я с подносом и соком свежевыжатым. Гранатовым. Он опять зарубил мою идею. А Тарасовы платят за мой литературный вечер больше, чем агентство заработало за две недели!

— А Тостер… Александр Юрьевич оказался человеком тонкой душевной организации! Он противник разводов! — хохочет мой личный помощник и курьер агентства.

— Какой он бизнесмен после этого? — взываю я к Димкиному сочувствию.

— Понятно! — ухмыляется Димка. — Если в лифте драки не было, мне дальше неинтересно. Хотя, может, вы целовались?

— Пошел! Вон! За рубашкой! — визжу я.

И Димка от греха подальше испаряется.

В кабинете Тостера прохладно. И мне противно, что ему комфортно в этот весенний, но по-летнему жаркий день. Хозяин стоит у окна в костюмных брюках и белой (конечно!) футболке спиной ко мне.

— Принесли? — спрашивает он, не оборачиваясь.

— Естественно! — стойко докладываю я сквозь зубы. — Лучше прежней!

— Прекрасно! — ужасным голосом говорит Александр Юрьевич. — Давайте!

Я иду к его огромному черному столу и осторожно кладу запакованную рубашку на стол. Тихо-тихо пячусь назад и почти доползаю до двери.

— Почему не поглажена? — строго спрашивает Тостер и, быстро вскрыв упаковку, орет. — Что это?!

— Рубашка. Итальянская, — голосом продавца-коробейника рекламирую я. — Тоже розовая.

— Розовая? — шипит Хозяин. — Разве женщины бывают дальтониками?

— Это вопрос или вы просто сокрушаетесь? — вступаю я в привычную словесную перепалку и сразу успокаиваюсь. Я на своей территории. — Да. Женщины бывают дальтониками. Намного реже, чем мужчины. Примерно ваши восемь процентов к нашим нулю целых пяти десятым. Все зависит от хромосомного набора.

— Какой, по-вашему, это цвет? — перед моими глазами появляется рубашечный комок ярко-канареечного цвета.

— Коралловый? — добавив чуть-чуть искренности, спрашиваю я, как можно шире распахнув свои глаза.

— Светлана. Мне. Подарила. Розовую. Рубашку, — чеканит Хозяин. — Я. Сегодня. Должен. Быть. В розовой.

— Святая женщина! — бормочу я, молитвенно скрестив руки.

Меня прижимают в двери спиной и практически душат скомканной рубашкой.

— Прекратите ерничать! — злобным шепотом говорит Александр Юрьевич. — А то я подумаю, что вы ревнуете. Или что ваш хромосомный набор сомнительного состава.

— Ваш собственный хромосомный набор существенно отличается от набора вашего замечательного отца. Вот, кто был настоящим Хозяином нашего дома! — начинаю я почти кричать. — Вы его жалкая копия. Даже не клон.

— Мой отец, — переходит на шепот Тостер, заставляя меня чувствовать себя истеричкой, — слишком доверял всем вам и конкретно вам, Симонова-Райская, особенно. Я же не вижу причин для такого доверия. А поскольку уволить вас я не могу… По его же милости…

— Поэтому вы пресекаете все мои бизнес-идеи и теряете деньги из вредности, — ласково шепчу я ему на ухо. — Гениально!

— Ваши бизнес-идеи — полная галиматья, — очередная порция шепота достается моему правому уху.

— Я буду вашим личным Гали Матье, — соблазнительно фыркаю я в его ближайшее ухо и крепкую шею. — Этот француз был великим человеком, врачом. Лечил своих пациентов шутками. Даже по почте лечил каламбурами. Своей галиматьей добивался нужных целей.

— Не берите на себя того, чего не сможете унести, — Тостер отстраняется и отшвыривает в сторону рубашку. — В вашем случае это не добрая шутка, а чушь и бессмыслица. Каждая ваша идея — бред!

— Вам погладить… рубашечку?! — еле держусь я, чтобы не сорваться окончательно.

— Я сегодня же свяжусь с отцом, и сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться, — вдруг спокойно говорит Тостер.

А я говорила, что он электрический, и время от времени у него заканчивается заряд.

— И что тогда? — устало и вяло спрашиваю я.

— Тогда я, наконец, тебя уволю, — с наслаждением снова, как сегодня в лифте, переходя на "ты", отвечает успокоившийся Александр Юрьевич.

Глава 2. Смена власти

ПОЛГОДА НАЗАД
То ли мне хочется музыки и цветов,
то ли зарезать кого — нибудь.
Евгений Шварц, "Обыкновенное чудо"

Конец ноября стал местью всем, кто уверен, что у природы нет плохой погоды. Посланный в виде наказания прохожим мокрый снег из-за сильного ветра падал почти горизонтально, плевался в глаза и уши, лез в рот. Коротенькое голубое пальтишко с мехом соболя, на недельку данное мне Ленкой пофорсить, не спасало ни от холода, ни от ветра. Оставшись без машины, потому что мой личный помощник Димка загрипповал, я добиралась из родительской квартиры в агентство на переполненном автобусе.

Теплый холл, выложенный терракотовой плиткой (не под старину, а старый по-настоящему) впустил меня вместе с порцией мокрого снега.

— Ниночка! — Павла Борисовна бросается мне навстречу. — Господи! Вы совсем… мокрая!

— Боженька болтает ложечкой в чашечке мироздания! — беззлобно бормочу я, отряхиваясь. — Что случилось? Я же не опоздала?

— Нет-нет! Не опоздали! — хлопочет вокруг меня добрая женщина, чей пятидесятипятилетний юбилей мы отметили совсем недавно. — Юрий Александрович вас очень ждет. Очень.

— Неужели передумал? — огорчаюсь я мгновенно, тут же подумав о своем новом проекте.

— Не знаю! — искренне отвечает Павла Борисовна, на ходу забирая у меня мокрое пальто. — Поторопитесь!

Бегу мимо дверей нашего старого лифта, как всегда, его игнорируя. Далее по широкой мраморной лестнице до кабинета хозяина на третьем этаже. В этом доме постройки тридцатых годов прошлого века всего четыре этажа, но есть большой лифт.

Что только не находилось в здании за это время! Сначала здесь располагалось кооперативное конструкторское бюро, потом несколько самых разнообразных контор: редакция молодежной газеты, детский политический клуб, загс, театральная студия, библиотека. В послевоенное время это было какое-то серьезное административное здание. Потом дом сделали жилым, переоборудовав под 8 квартир для номенклатурной элиты. Еще через сорок лет, в начале девяностых, под магазин выкупили первый этаж, под ателье второй. В конце концов, более двадцати пяти лет назад Климов Юрий Александрович, чудак и бизнесмен, выкупил все это здание, кроме четвертого этажа, на котором оставалось две квартиры: семьи Карповых и семьи Райских.

Еще через некоторое время Павла Борисовна Карпова, юрист по образованию, вместе с Юрием Александровичем организовали агентство "Твой праздник". Павла Борисовна стала личным помощником Климова. Ее двоюродный брат Павел Денисович — шеф-поваром нашего кафе-бара. А их родители, брат и сестра, Денис Владиленович и Дарья Владиленовна, тоже работают в агентстве вот уже третий десяток лет: он инженер по обслуживанию здания, а она долгие годы была бухгалтером. Сейчас милым старикам почти

восемьдесят лет. Дарья Владиленовна последние десять выполняет роль привратницы, сидя в высоком кожаном кресле позапрошлого века в холе здания. Надев изящные очки в тонкой золотой оправе, она каллиграфическим почерком записывает имена всех посетителей в толстую книгу и занимает беседой ждущих в очереди, если таковые есть.

Я родилась уже обладательницей чудесной трехкомнатной квартиры, подаренной мне по этому счастливому случаю бабушкой по маминой линии, с которой мои родители не общались по неизвестной мне причине и которую я никогда не видела: она еще во времена перестройки уехала жить в Карловы Вары. Единственным условием оформления дарственной было официальное изменения моей фамилии с Симоновой на Райскую. Мои родители, милейшие и скромнейшие люди, учительница и инженер- конструктор, сначала совершенно одурели от дороговизны подарка, потом категорически отказались от смены фамилии дочери. Через некоторое время переговоры сторон закончились решением: у меня будет двойная фамилия Симонова-Райская.

Я выросла в этом замечательном доме, в этой уютной ретро-квартире, в которой, по настоянию неизвестной мне Райской Ольги Ждановны, в восемнадцать лет я осталась одна. Родители вернулись в свою старую квартиру, в которой жили до моего рождения и которую все это время сдавали в аренду.

Еще студенткой я начала подрабатывать в агентстве "Твой праздник". Теперь, будучи свежеиспеченным "магистром культурологии" со знанием двух иностранных языков, я стала его арт-директором.

Юрий Александрович был человеком очень легким на подъем и всегда с любопытством и интересом относился к моим новым идеям. Владея обширным бизнесом в России и недвижимостью заграницей. он ностальгически тепло относился к своему маленькому агентству, которое когда-то открыл, поддавшись уговорам Павлы Борисовны и которое было только крошкой того большого пирога, коим он владел.

Меня Юрий Александрович по-отечески любил, неизменно все эти годы называл "доченькой" и только на прошлой неделе, насмеявшись до слез и икоты, разрешил запустить мой новый проект "Расстанемся красиво".

В прошлые выходные первый "праздник" в рамках проекта был проведен на ура и растрогал всех его участников и организаторов.

— Ох, Ниночка! — обнял и расцеловал меня Юрий Александрович. — Я бы на тебе женился, если бы Кристиночку не полюбил.

Тридцатилетняя переводчица Кристиночка стала второй официальной женой нашего старого хозяина. Шестидесятилетний бизнесмен второй раз в жизни решился на брак. По рассказам Павлы Борисовны, Климов- старший развелся с первой женой очень давно, когда их сыну было лет пять-шесть, но помогал и жене и сыну, которого ввел в бизнес.

Теперь Климову-младшему тоже тридцать. Вживую никто из нас его никогда не видел. Желтая пресса и интернет дополняли недостающую информацию: Александр Юрьевич молод, красив, богат, имеет тяжелый характер и невесту Светлану двадцати лет.

Бегу по лестнице и переживаю: хозяин обещал подумать несколько дней, запускать ли мой проект на полную катушку. Просил потерпеть. Но терпение не входит в набор моих личностных качеств. Как и внимательность с пунктуальностью. Но это всего три недостатка. Остальное — сплошные достоинства.

Я добрая, трудолюбивая, ответственная, инициативная, честная. Именно эти качества я перечислила в резюме, которое подготовила на случай провала проекта как инструмент

шантажа хозяина.

Юрий Александрович сидит в кресле и курит сигару. Тепло улыбнувшись мне, он откладывает кубинский деликатес и шутливо подносит палец к губам:

— Ниночка! Кристиночке только не говорите! Она за мое здоровье очень переживает.

— Могила! — клянусь я, положив руку на сердце. Такое обещание дать очень легко. Я видела его молодую жену два раза в жизни и даже ни разу с ней не разговаривала. Не вижу причины, по которой я могу вдруг начать рассказывать Кристиночке о том, что ее взрослый муж курит сигары.

— Вот и славно, дружок мой! — хозяин встает и приглашает меня присесть на черный кожаный диван.

— Мой проект… — нетерпеливо начинаю я диалог, не в силах ждать, когда заговорит он.

— Ваш проект необычен, но интересен. Презентация мне понравилась. Можете начинать рекламу услуги.

Я порывисто обнимаю доброго хозяина и почти друга, как всегда, не удержавшись от проявления эмоций. И тут же вскакиваю, чтобы бежать в рекламный отдел.

— Не торопитесь, дорогая моя девочка! Есть еще одна новость для всех вас. Но вам я ее хочу сообщить первой, вернее, второй после Павлы, — Юрий Александрович хлопает по дивану, приглашая меня вернуться.

Плюхаюсь рядом и удивленно смотрю на хозяина.

— Нас с Кристиной не будет год, — сообщает мне Юрий Александрович. — Я подарил ей на свадьбу кругосветный круиз.

— Год?! — поражаюсь я. — Вас не будет год?

— Почти, — улыбается хозяин, мечтательно прикрыв глаза. — Сто шестьдесят три дня и сто шестьдесят две ночи. Плюс пара перелетов и пара месяцев в Сан-Франциско.

— Здорово… — растерянно говорю я, совершенно не чувствуя радости. — А как же мы? За вас остается Павла Борисовна?

— Не совсем, — продолжает улыбаться, думая о чем-то своем, Юрий Александрович. — У меня в планах передать сыну весь свой бизнес, поэтому этот год руководить всем будет Саша. Александр Юрьевич.

Видимо, мое лицо выражает крайнюю степень удивления. Мысли путаются от неожиданности. Что теперь будет и чем всем нам это грозит?

Хотя… Сам хозяин в последние годы бывал в нашем агентстве редко. Не чаще, чем три-четыре раза в месяц, во всем доверяя Павле Борисовне. Не думаю, что молодой хозяин будет уделять нам все свое внимание. По моим данным, бизнес сына шире и значительнее бизнеса отца.

Да! Точно! Главное, чтобы для нас ничего не изменилось.

Словно в подтверждение моих мыслей Юрий Александрович говорит:

— Саша, наверное, пару раз к вам приедет. Агентство на хорошем счету, не особо прибыльное, но и не убыточное. Он знает, что оно мне дорого, что это одно из первых моих удачных вложений. Теперь, конечно, это не главное дело моего бизнеса, но волноваться вам не о чем.

Слова хозяина успокаивают меня, и я прячу свои сомнения на чердак сознания.

— Будьте умницами! — Юрий Александрович целует меня в лоб. — Я оставлю сыну четкие указания.

Успокоившись, я бегу в свою квартиру переодеваться. Сейчас надо отработать с рекламным отделом и запускать мое новое детище — проект "Расстанемся красиво".

Если бы я знала, что до апокалипсиса остается несколько дней…

Первая неделя декабря началась благостно. Нормализовалась погода: ясное небо, легкий морозец, красивый, какой-то мультипликационный снег, падающий ровно и аккуратно.

Сегодня мы, наконец, заключили договор на очередное мероприятие "Расстанемся красиво". Наш предыдущий клиент дал чудесный отзыв в соцсетях — и появились желающие. Это будет интересно! Уже предвкушаю встречу с клиентами. С утра Димка ведет телефонные переговоры и заполняет анкету. Завтра вечером встреча.

В обеденное время ко мне прибегает Ленка рассказать свои новости, расспросить о моих.

— Правда, есть желающие?! — поражается она, сидя со мной в нашем кафе- баре и наслаждаясь пирожными Павла Денисовича.

— Да, — гордо говорю я, неинтеллигентно облизывая пальцы, испачканные кремом. — Уже несколько семей. Ну, как семей… Бывших пар.

— Никогда бы не подумала! — смеется Ленка. — Слушай, и прибыльно?

— Первое мероприятие мы делали за свой счет. Как рекламную акцию, — терпеливо объясняю я. — А вот второе принесло хорошую прибыль, даже с учетом гонорара для участников. По крайней мере, для нашего небольшого агентства выгода хорошая. Но главное, мне самой это так нравится!

— Да… — с сомнением качает головой Ленка. — Странные есть люди! Вот я с Витькой ни за что бы не стала… Заказывать такое мероприятие. Да еще в агентстве праздников. Это сюрреализм какой-то…

Димка вихрем влетает в пустое кафе, сообщая потрясающую новость: приехал новый хозяин. Нет, не так. Новый Хозяин. Этого придется называть с большой буквы.

Мы с Ленкой протискиваемся за Димкой в переполненное фойе. Здесь почти все работники нашего агентства. Возле кресла неадекватно довольной Дарьи Владиленовны стоит высокий мужчина в черном костюме и белоснежной рубашке. Александр Юрьевич удивительно похож и на своего отца, и на себя самого на фотографиях в журналах и в интернет- публикациях. От него буквально исходит аромат дорогого парфюма и… растерянности.

— Боже мой! Какой экземпляр! — стонет шепотом Ленка, повиснув на локте Димки. — И он будет вашим начальником?

— Хозяином, — шепотом поправляет Димка, с опаской покосившись на наманикюренные ноготочки Ленки, вцепившиеся в его красивую новую рубашку.

Оглядев собравшихся, Хозяин произносит небольшую речь:

— Здравствуйте! Причину моего появления здесь все вы знаете. Я принял решение присмотреться к работе вашего… нашего агентства. Ничего особенного делать для меня не нужно. Продолжайте заниматься своими делами. Если мне что-то будет нужно, я обращусь к…

— Павле Борисовне! — докладывает Римма Викторовна, стоящая рядом с Хозяином.

— Да. Именно. Всем спасибо. Можете работать, — и Хозяин идет к лифту вместе с секретарем и охранником.

— Охрана-то ему зачем? — фыркаю я. — Кто на него тут нападет?

— Статус! — авторитетно отвечает Димка. — Такие люди везде с охраной ходят.

— Такие люди! — зачарованно повторяет за Димкой Лена. — Нинка! Ты должна меня с ним познакомить! Просто обязана!

— Да я сама с ним еще незнакома, — сопротивляюсь я. — И знакомиться не хочу. Какой-то он холодный. Дай бог, уйдет, и все останется так, как было.

— Обещай, что если выпадет такая возможность, — Ленка, бросив Димкин локоть, вцепляется в мой, — то ты это сделаешь.

— Обещаю, — поморщившись от боли, говорю я.

В этот момент Хозяин останавливается и еще раз оглядывает всех нас внимательным цепким взглядом. Большие карие глаза вдруг останавливаются на мне, и в них мелькает какое-то чувство, идентифицировать которое я не могу. Остальные тоже смотрят на меня и молчат. В фойе наступает странная тишина. И только я начинаю думать, что понравилась этому великолепному мужчине как женщина, он дает возможность расшифровать свое мироощущение: и это… брезгливость. Правда! Он смотрит на меня так, как мои гости смотрят на моего паука Василия.

— Вы? — спокойно, бархатно произносит брезгливый Хозяин.

— Я? — ласково переспрашиваю я.

— Кто вы? — Хозяин медленно опускает взгляд с моего лица на мой огромный пуловер крупной вязки, черный с белыми, розовыми и зелеными снежинками, черные джинсы с дырками на коленях. А что? Это классика уличного стиля. Такие имеются в гардеробе каждой уважающей себя трендовой девушки. Дырки — пикантная изюминка образа. Как назвала этот образ Ленка? AI Сдержанно-кричащий.

Вот прямо сейчас у моего молодого Хозяина тоже сдержанно-кричащий вид, и он ждет моего ответа.

— Это Нина Симонова-Райская, — докладывает Римма Викторовна, мягко и сочувственно мне улыбаясь. — Наш… Ваш арт-директор.

— Мой? — с сомнением переспрашивает Хозяин и снова смотрит на меня, вернувшись к моему лицу.

Дерзко смотрю на Александра Юрьевича, взглядом демонстрируя непонимание такого пристального интереса с его стороны.

— Вот с вас и начнем, Симонова-Райская, — безэмоционально говорит Хозяин, поправив воротник белоснежной рубашки. — Начнем знакомство с агентством.

Но в течение часа меня никто не приглашает. Посланный на разведку Димка докладывает:

— Попросил все документы на тебя и твои проекты. Изучает.

Юрий Александрович обещал, что все будет в порядке и нам не надо бояться его сына. Последнюю неделю мы все только и обсуждали, приедет молодой хозяин или нет. Приехал!

Римма Викторовна считала, что тот появится один раз, пробежится по зданию, выпьет чашку кофе и уедет навсегда. Зачем такому крупному бизнесмену погружаться в дела такого мелкого предприятия? А может, вообще какого-нибудь помощника вместо себя пришлет.

Павла Борисовна опасалась, что все будет не так благостно, исходя из того, что писали о Климове-младшем средства массовой информации.

Я же переживала только за свой новый проект, но утешала себя мыслью о том, что Александр Юрьевич в два раза младше отца и, следовательно, в два раза его современнее и мобильнее, а значит, креативен и восприимчив к новому.

Только через полтора часа за мной приходит Римма Викторовна. Она выглядит бледной

и слегка расстроенной.

— Что-то случилось? — спрашиваю я ее, допивая свой чай.

— В общем-то нет, — Римма Викторовна осторожно подбирает слова. — Александр Юрьевич изучает твои документы, материалы по последнему проекту. Но мне не нравится его… реакция.

— А какая у него реакция? — так же осторожно спрашиваю я. — Он что-то говорит, спрашивает?

— Нет, — сокрушается наш секретарь-делопроизводитель, умная, исполнительная сорокалетняя женщина, которая с юности работает в нашем агентстве. — Он читает, смотрит и… злится.

— Как это злится? — пугаюсь я. — На меня? За что?

— Ума не приложу! — сокрушается Римма Викторовна. — Он приглашает тебя. Я прошу, Нина. Будь спокойна и сдержанна. Не связывайся. Не психуй. Не нервируй его еще больше.

— Да чего ж он такой нервный-то? — уже начинаю психовать я. — Что этому… крупному бизнесмену надо в нашем агентстве?

— Это его агентство, — вздохнув, напоминает Римма Викторовна. — Отец передает ему весь свой бизнес. Ты же знаешь.

— Не сейчас! — громко возражаю я. — А через год. И потом, мы прибыльное предприятие. Не сталепрокатный завод, конечно. Но и не убыточные. Это дело юности его отца. Юрий Александрович не даст нас закрыть!

— Да кто говорит о закрытии?! — Римма Викторовна закатывает глаза. — Не придумывали того, чего нет. Он вообще пока только твои документы посмотрел.

— Полтора часа? — недоверчиво спрашиваю я. — Он мою биографию от яйцеклетки читает?

— Я не знаю. А! Он еще с невестой по телефону полчаса разговаривал. Так что не все время тобой занимался, — Римма Викторовна торопит. — Пойдем.

В кабинете Юрия Александровича тепло и комфортно. Работает электрический камин. Сам молодой Хозяин стоит у стола без пиджака в белой рубашке и замороженно мертвым взглядом смотрит на вошедшую меня.

Холодильник! Осеняет меня. Высокий. Широкий. Белоснежный. Дорогой холодильник.

— Можно? — с вызовом спрашиваю я, подавляя желание обратиться к нему по только что придуманному мною прозвищу.

— Прошу прощения, — отвечает он, с удивлением глядя на меня, словно ждал прихода совершенно другого человека, и быстро надевает пиджак. Боже! Какая щепетильность! Словно я застала его без штанов. Ладно. Нина, не придирайся. Это элементарное требование этикета, прекрасно тебе известное.

— Проходите, Нина… Сергеевна, — подсмотрев в лежащей на столе папке, говорит Холодильник. — Садитесь.

За полтора часа не выучил мое отчество?

— Спасибо! — снова с вызовом говорю я, вызывая ответную реакцию — слегка сдвинутые брови.

— Я правильно понимаю, — спрашивает Хозяин у меня, севшей на стул, протягивая мне наш рекламный проспект, — что это ваш последний проект, который вы разработали и на реализации которого настаиваете?

— Правильно, — киваю я, дрожа от внутренней неуверенности и ожидания неприятностей.

— Прекрасно. Я закрываю ваш проект. Спасибо, что зашли. Идите на свое рабочее место, — и Холодильник показывает мне рукой на дверь, как будто я могу выйти через окно.

— Вы не можете закрыть мой проект! — громко возмущаюсь я, не сдвинувшись с места. — Он принят и утвержден вашим отцом. Подписан договор с новым клиентом.

— Еще не подписан. А будет, то есть не будет подписан завтра вечером, — демонстрирует свою осведомленность Холодильник, снова показывая мне рукой на дверь.

— Основания? — почти рычу я, вскакивая со стула.

— Моего решения вам недостаточно? — позволяет себе удивиться моей реакции Хозяин.

— Естественно! — отвечаю я и демонстративно сажусь обратно на стул. — Ваше решение ошибочно и противоречит решению настоящего хозяина агентства, принятому несколько дней назад. Под проект уже выделены средства. А часть их уже потрачена. И это вы должны были понять, если умеете читать документы.

— Если? — холодно переспрашивает Холодильник, включив режим "заморозка". — Вы только что высказали сомнение по поводу того, что я умею читать? Вы считаете это хорошей шуткой?

— Я считаю это логичным предположением, — огрызаюсь я, положив ногу на ногу, сверкая голой коленкой в разрезе на джинсах. — Полтора часа читать и ничего не понять.

— С чего вы взяли, что я читал документы о вас и вашем проекте полтора часа? — Холодильник вперивает в меня суровый взгляд, напоминая мне взгляд моего университетского преподавателя по философии, которого почему-то выводила из себя моя привычка задавать много вопросов.

— Надеялась, — отвечаю я.

— На меня? — усмехаясь, спрашивает Холодильник.

— На вашу способность видеть источники прибыли и желание от них не отказываться, — стараясь успокоиться, говорю я.

— Не отказываться от чего? — уточняет Хозяин, глядя на мою голую коленку — От вас?

— От источников прибыли! — скриплю я зубами.

— Ну, не такая уж это и прибыль, — снова усмехается Холодильник. Второй раз за пять минут.

— Для нашего агентства неплохая, — спорю я. — И вы не можете этого отрицать.

— Хорошо! — Александр Юрьевич встает и идет ко мне, чтобы вырвать из моих рук рекламный проспект и ткнуть в него пальцем. — Это, по-вашему, нормально?

— Что именно? — спрашиваю я, прекрасно понимая, о чем он.

— Устраивать праздник из развода? — рычит Холодильник.

Да! — быстро отвечаю я. — Это нормально. Это желание клиентов расстаться красиво. В Европе никого не удивляет такая услуга. И она востребована. И у нас скоро так будет. И сопротивляться этому, по меньшей мере, глупо!

— Что я с вами спорю? — вдруг спрашивает Холодильник сам себя. — Я принял решение, извольте с ним смириться. Идите, Симонова-Райская, работайте. Кроме этого проекта у вас еще много обязанностей.

Вылетаю из кабинета и несусь к Павле Борисовне.

— Как позвонить хозяину?! — кричу я, вбежав в ее маленький уютный кабинет.

— Это возможно?!

— Возможно, конечно, — пугается Павла Борисовна. — Что случилось?

— Холодильник закрыл мой проект! — возмущаюсь я. — Представляете?

— Представляю, — отвечает Павла Борисовна, усаживая меня на маленький диванчик. — Почему Холодильник?

Большой. Белый. Тупой. — резюмирую я, тяжело дыша. — Где сейчас настоящий хозяин?

— Нина. — Павла Борисовна гладит меня по плечу. — Этот тоже настоящий. Более чем. Воды?

— Так можно дозвониться Юрию Александровичу или нет? — согласившись на воду, истерично спрашиваю я.

— Можно. Нина, можно. Только в Америке сейчас ночь глубокая. Потерпи. У нас с ним разговор запланирован через несколько часов, — успокаивает меня Павла Борисовна, подавая мне стакан воды.

— В Америке? — туплю я.

— Круиз начнется двадцатого января, — объясняет добрая женщина, приглаживая мои волосы. — Сейчас они в Сан-Франциско.

— Сан-Франциско? — снова туплю я и не могу успокоиться.

— США. Штат Калифорния, — Павла Борисовна с трудом забирает у меня стакан, который я сжимаю слишком крепко. — Да. Оттуда начинается их круиз. Потом Санта-Барбара и Сан-Диего. Потом Мексика. Гватемала. Сальвадор и так далее. Сейчас они отдыхают и ждут начала круиза. Созвониться очень просто. Не волнуйтесь!

Вся семья Карповых с детства называла меня на "вы", что мне, конечно, нравилось и даже льстило, особенно когда ко мне в гости приходили школьные подруги.

— Остается только ждать, — почти плачу я от досады. — Как можно быть успешным бизнесменом и таким… тупым!

— Нельзя судить о людях по… первому впечатлению, — мягко говорит Павла Борисовна. — Александр Юрьевич во всем разберется, и все будет хорошо. Посоветуемся с Юрием Александровичем. Разница одиннадцать часов Потерпи.

— Хорошо, — трясясь о злобы и ненависти, говорю я. — Подождем.

В семь часов вечера Павла Борисовна приходит за мной и молча, прикладывая палец к губам, зовет в свой кабинет. Там уже сидят Римма Викторовна и Димка. Надо же, как быстро разносятся слухи по нашему дому.

— Не волнуйся, доченька! — смеется в трубку Юрий Александрович. — Перестарался. Сашка.

— Юрий Александрович! — тороплюсь я спросить самое главное. — Я могу работать с проектом?

— Безусловно! — подтверждает старый хозяин. — Ниночка, работайте, как работали. Я с Сашей переговорю.

— Когда? — спрашиваю я.

— Сейчас и переговорю, — успокаивает меня наш замечательный хозяин.

— Господи! Хорошо-то как! — восклицает Римма Викторовна. — Вот и все в порядке.

— Когда вернется в агентство наш новый Хозяин? — нетерпеливо спрашиваю я у Павлы Борисовны.

— Он еще не уходил, — растерянно говорит Павла Борисовна. — В кабинете сидит.

— Кофе четыре раза пил, — подхватывает Римма Викторовна. — К нему трое человек приехало. Бухгалтерию запросили. Пока вроде все в порядке.

— Действительно, чего он так задержался у нас? — волнуется Димка. — Ему наше агентство, как песчинка в море.

— Не знаю, — спокойно говорит Павла Борисовна. — Но волноваться нам не стоит. Я за бухгалтерию и другие подразделения абсолютно спокойна. Повторяю, у нас все в порядке.

Еще через час я убедилась, что в нашей фирме все хорошо у всех, кроме меня. В начале девятого за мной опять пришла Римма Викторовна, которую Холодильник держал на работе и не отпускал домой, пока сам не наработается.

— Госпожа Симонова-Райская! — голосом взводного командира обратился ко мне Хозяин. От неожиданности чуть не встала по стойке смирно и не вытянула руки по швам. — Принято решение продолжить реализацию вашего… проекта.

Поскольку я обещала Павле Борисовне и Римме Викторовне держать себя в руках, я прикусила обе щеки и промолчала.

Холодильник подошел ко мне вплотную и тихо, чтобы не услышали трое сидящих в кабинете мужчин, роющихся в многочисленных папках и книгах, спросил:

— Когда у вас намечено само мероприятие?

— Через две недели. Там сценарий непростой, — сквозь зубы ответила я.

— Хорошо. Ваш проект на особом контроле. Начиная со стадии подготовки, — Холодильник уже привычным жестом указал мне на дверь.

— Особом контроле? — нахмурилась я, не двигаясь с места и понимая, что мне это совсем не нравится. — Что значит особом?

— Особом, — сказал Хозяин, приблизившись так близко, словно он хочет меня поцеловать, — это значит моем. Отсчитываетесь мне лично за каждый шаг. Понятно?

Трое мужчин, находившихся в кабинете, как по команде, при этих словах подняли головы и строго посмотрели на меня.

— Понятно! — доложила я по-военному и развернулась на пятках. Что поделаешь? У кроссовок нет каблуков. И нет, чтобы просто выйти! Все мое существо так протестовало и против ситуации, и против ее свидетелей, и против этого отмороженно-замороженного, что я не выдержала и, стоя спиной к нему и лицом к дверям, четко произнесла:

— Делаю два шага и выхожу в приемную!

— Что вы сказали? — растерянно переспрашивает Холодильник, и я себе ярко представляю, как мигают все его лампочки от перегрузки.

— Докладываю о каждом шаге! — рапортую я, не оборачиваясь. — Как вы и велели!

Раздается странный звук. Не удерживаюсь и оборачиваюсь. Это смеется, втянув голову в плечи, один из трех мужчин. Двое улыбаются во все свои тридцать два. Один даже подмигивает.

— Веселитесь? — холодно спрашивает Хозяин, вглядываясь в мое лицо.

— Никак нет! — ерничаю я и снова отворачиваюсь лицом к двери. — По уставу не положено!

— Кстати, об уставе, — непонятно чему радуется Холодильник, мягко взяв меня за плечи и развернув к себе. — Спасибо, что напомнили. В вашей… нашей компании есть дресс-код?

— Дресс-код? — переспрашиваю я, потеряв нить разговора.

— Да. Дресс-код. Правила внутреннего распорядка, определяющие внешний вид сотрудников, — радостно говорит мне Хозяин, я же выбираю на его рубашке верхнюю пуговицу, чтобы смотреть только на нее и не встречаться с ним взглядами.

— Я не знаю, — осторожно говорю я, потому что, действительно, не знаю.

— Арт-директор, и не знаете? — обманчиво ласково спрашивает Холодильник, как будто получил команду на разморозку. — Ничего. Я сам узнаю. Идите.

Он разворачивает меня к двери и даже слегка подталкивает на выход.

Решаю сегодня остаться здесь. Сначала отмокаю в горячей ванне, потом залезаю в любимую пижаму и иду на кухонку греть молоко. По совету вездесущей Ленки, вместо обычного ужина я вторую неделю сижу на "ужине для балерин". Горячим молоком заваривается зеленый чай. Вот и весь ужин.

Сейчас уже двенадцать. В десять ушла Римма Викторовна, перед уходом забежав ко мне и сказав, что Хозяин еще здесь. Еще через полчаса убежал на автобус Димка, распереживавшийся, что Холодильник — трудоголик и теперь будет всех задерживать на работе, а Димка — парень молодой, двадцати трех лет от роду, на два года младше меня, очень любит современную клубную жизнь и не хочет посвящать ночи любимому агентству.

В начале первого я с чашкой ужина спускаюсь на первый этаж и привычно забираюсь в кресло Дарьи Владиленовны. Оригинальная подсветка холла делает такие мои вечера сказочно уютными. Пью чайное молоко (или молочный чай?), в которое я по собственной инициативе добавила пару ложек коньяка (для лечения бессонницы) и смотрю на падающий за окном снег. Огромные витринные окна похожи на два больших плазменных телевизора, по которым онлайн транслируют пейзажную зарисовку: зимняя ночь, падающий в свете двух дизайнерских фонарей снег и кленовая аллея, уходящая вдаль.

— Кто здесь? — раздается незнакомый властный голос, и я, как ужаленная, подскакиваю с кресла.

Посреди холла стоит высокий мужчина и спокойно смотрит на меня строгим взглядом. Милая голубая фланелевая пижама с белыми облачками, звездочками и месяцем ясным. Свои непослушные волосы я на ночь заплетаю в две косички. Мой внешний вид слегка удивляет ночного гостя, и он еще раз задает вопрос, но другой:

— Вы кто?

— Это, Николай, наш арт-директор с удивительной фамилией Симонова-Райская. По ночам бродит по дому в поисках новых креативных идей, — насмешливый голос Холодильника я ни с чьим голосом не спутаю. Александр Юрьевич без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами стоит у края лестницы.

— Вы еще здесь? — пищу я, внезапно потеряв голос.

— Немного задержался, — отвечает мне Холодильник, откровенно разглядывая мою пижаму. — Вижу, вы задумались над моим вопросом о дресс-коде и присматриваете варианты?

Гордо расправив плечи, иду к лестнице, шаг за шагом меняясь местами с Хозяином. Охранник Николай не двигается с места, наблюдая за моим передвижением. Холодильник подходит к креслу и берет в руки мою чашку. Почти кидаюсь обратно.

— Это… мой ужин. Мое молоко, — говорю я, протягивая руки к чашке. Холодильник подносит чашку к своему лицу и принюхивается.

— Вы еще и алкоголичка? — спрашивает он, уставившись на мои косички.

— Две ложечки коньяка в молоко с чаем, — огрызаюсь я. — Сейчас нерабочее время. И

что значит — еще и? Еще и к чему?

— К истеричке, — довольный моим вопросом, отвечает он. — По запаху если и две ложечки, то явно столовых.

Вырываю свою кружку из рук Холодильника и, развернувшись к нему спиной, пытаюсь уйти. В это время в ночной тишине дома раздается противный скрип и глубокий вздох. Николай быстро кладет правую руку за левый лацкан пиджака. — У него там оружие! — догадываюсь я. — Вот анекдот! Неужели будет стрелять?

— Кто там? — резко спрашивает меня Холодильник, жестом показав охраннику Николаю не доставать оружие.

Впервые за этот долгий и странный день я испытываю настоящее удовольствие от нашего общения:

— Это наше привидение! — радостно-доверительно сообщаю я, наблюдая за реакцией мужчин.

К сожалению, испуга не вижу. Николай только в легком удивлении приподнимает брови и смотрит на меня, как на умалишенную. Холодильник усмехается и ласково говорит:

— Ну, Симонова-Райская, провожайте! Давайте с ним познакомимся. Выясним, соблюдает ли оно дресс-код.

Глава 3. Дресс-код

Всегда соблюдать дисциплину,
выполнять то, что неприятно,
но нужно делать, — это и есть высокая дисциплинированность.
Антон Макаренко

— Нет? У нас нет дресс-кода? — уточняю я у собравшей нас в холле Павлы Борисовны.

— Нет. И никогда не было, — спокойно подтверждает она, смахнув невидимую пылинку с рукава блузки, ярко-зеленой в белую полоску.

— А теперь будет? — недоверчиво спрашивает Димка, растерянно посмотрев на свою клетчатую сине-желтую рубашку, принтированную светлую футболку и серые джинсы.

— Дресс-код? Да ладно! — ухмыляется наш программист Костик, закатывая рукава коричневого котонового бомбера. — У меня нет смокинга, и я не собираюсь его покупать.

— Вряд ли речь идет о смокинге, — сомневается Римма Викторовна, рассматривая себя в огромном зеркале холла, нервно поправляя васильковый жакет и ниточку жемчуга на шее.

— Друзья, давайте просто выслушаем Павлу Борисовну! Может быть, все не так страшно, как кажется? — тихий голос Дарьи Владиленовны, сидящей в своем царственном кресле заставляет всех нас обернуться на нее. Строгая сухонькая старушка в длинной черной юбке и кремовой блузке с высоким воротником, делающим ее похожей на царственную особу, изящно расправив плечи и, как всегда, прямо держа спину, доброжелательно смотрит на нас своими милыми голубыми глазами.

— Да, мама, вы правы, — вздыхает Павла Борисовна. — Юристы Александра Юрьевича передали мне текст документа.

— На обсуждение? — с надеждой спрашивает Костик.

— Для ознакомления и выполнения, — не радует нас Павла Борисовна. — Но все в пределах вполне приемлемых правил. Во-первых, чистая, опрятная одежда, не откровенная.

— Не откровенная? — просит уточнить начальник рекламного отдела Марина.

— Насколько?

— Декольте, живот, плечи, спина — все закрыто. Длина платьев и юбок до колен и ниже, — откровенно усмехаясь и глядя на Маринину кожаную мини- юбку на молнии, уточняет Павла Борисовна.

— Жесть! — не верит Марина, поправив бретельку топика. — А украшения?

— Про них есть отдельный пункт! — Павла Борисовна берет в руки листы бумаги и зачитывает:

— Из бижутерии и драгоценностей допускаются небольшие серьги, по одной в ухо, фирменные наручные часы, по одному кольцу на каждую руку, в том числе обручальное, одно ожерелье или тонкая цепочка.

— Да ладно! — Костик теребит серьгу в левом ухе. — Это геноцид!

— Геноцид — это нечто другое. Это форма коллективного насилия, совершаемого с намерением уничтожить национальную, этническую, расовую, религиозную группу, — поучает мой помощник Димка, чей диплом бакалавра истории мы обмывали год назад.

— Почему же нечто другое? — вмешиваюсь я в общий разговор после нескольких минут бессильного молчания. — Как раз три первых слова и подходят: форма коллективного

насилия.

— У меня вообще ничего длиннее нет, — хлопает накладными ресницами Марина.

— Кстати, — добавляет масла в огонь Павла Борисовна, — макияж должен быть неярким, а парфюм со слабо ощутимым запахом!

— Он нас нюхать будет? — веселюсь я, тут же решив не подчиняться никакому дресс-коду.

— За нарушение — штраф, — серьезно сообщает Павла Борисовна.

В холле наступает мертвая тишина.

— Интересно! — даже присвистывает Димка.

— А что можно? — не понимая, что происходит, чуть не плача спрашивает Марина.

— Рекомендуются классические костюмы с брюками и юбками. Юбка-карандаш, юбка-колокол, юбка-полусолнце. Платье футляр, платье- трапеция, платье прямое. Длина — миди. Если платье-рубашка, то обязательно с поясом, — продолжает читать Павла Борисовна.

— А цвета какие? — уныло вздыхает Римма Викторовна.

— Базовые, — успокаивающе отвечает Павла Борисовна. — Черный, коричневый, серый. Да, можно неяркую полоску: стальную. серую.

— Прекрасно! — грустно шутит Димка. — Серый костюм в серую полоску — тренд сезона.

— Он вообще нормальный? — я вскакиваю с дивана и начинаю ходить по ковровой дорожке холла туда-сюда. — У нас агентство праздников! Праздников! А не ритуальных услуг!

— Вот! — Павла Борисовна находит нужный абзац. — Блузки могут быть не только белые.

— Господи! Благодетель! — натурально скриплю я зубами. — Еще черные?!

— Однотонные, спокойные. Нельзя пестрые и кислотные. — продолжает добивать нас Павла Борисовна.

— Там и про обувь есть? — интересуется Марина, совершенно потеряв ориентацию во времени и пространстве и тупо глядя на свои фантастически высокие шпильки.

— Боюсь вас огорчить еще больше, — Павла Борисовна устало садится на подлокотник маминого кресла. — Можно туфли-лодочки, туфли-лоферы и туфли-оксворды. Каблук не более пяти сантиметров. Вполне можно подобрать. Главное, чтобы не было открытых пяток и носков.

— Кроссовки? — с одновременными надеждой и безнадежностью в голосе спрашивает Костик.

— Категорически нет! — закругляется Павла Борисовна.

— Это вообще законно? — удивляюсь я.

— Вполне. Мы частное предприятие. Внутренний дресс-код — законное требование владельца, — лишает нас надежды юрист Павла Борисовна. — Александр Юрьевич на словах добавил…

— Что он разрешает цветное белье? — злобно радуюсь я. — Или он и его будет проверять?

Павла Борисовна огорченно смотрит на меня:

— Нет. Он имел в виду, что готов при необходимости сшить всем корпоративную форму.

— Ага! — соглашаюсь я. — И себе с генеральскими погонами.

— Ниночка, деточка! — зовет меня Дарья Владиленовна. — Вы будете чудесно смотреться в платье-футляре. У вас великолепная фигура. А вы скрываете ее под этим… этой футболочкой.

Моя фиолетовая футболка оверсайз и темно-синие джинсы скинни меня вполне устраивают.

— Засада! — Димка сосредоточенно думает, что из его гардероба подойдет лучше всего. — А штрафы большие?

— Пятьсот рублей. Это в первый раз. И так до двух тысяч. Потом сразу пять тысяч и десять, — вычитывает Дарья Владиленовна. надев свои изящные очки в золотой оправе.

— Прошу вас распечатать свои экземпляры документа. Он у всех на электронной почте, — распускает наше собрание Павла Борисовна и добавляет. — Друзья! На самом деле вариантов для создания комплектов множество. Прочтите внимательно. Обязательно что-нибудь придумаете. Вы ведь не хотите шить форму?

— Нет! — стройный многоголосый ответ эхом разносится по холлу.

— Дай Ленке знать — и она тебе гардеробчик на каждый день соберет! — утешает меня Димка.

— Дело не в дресс-коде, а в принципе! — возмущаюсь я, когда мы с ним сидим в кафе-баре и запиваем шок сладким какао. — Это бред! Мы агентство праздников! Мы люди нестандартные. Зачем загонять нас в рамки? Как это поможет делу? Распугает клиентов?

— Вы действительно думаете, госпожа Симонова-Райская, что уместно и со вкусом одетая женщина вызывает меньше доверия у клиентов, чем пацанка в драных джинсах? — имитируя голос Хозяина, спрашивает меня Димка, и мы смеемся, больше от безысходности, чем от искренней радости.

— Зубы обломаете об эту пацанку, господин Климов-младший! — чокаюсь я чашкой какао с другом и помощником.

— Вы уверены, что я хочу вас погрызть? — раздается вопрос. Из подсобки выходит… Холодильник и направляется к нам.

Мы с Димкой одновременно вскакиваем. Мой помощник даже роняет барный стул от неожиданности.

Александр Юрьевич в сером костюме, белоснежной рубашке и черном галстуке. Программа — глубокая заморозка.

— Пока вы готовите заговор и противоречите здравому смыслу и корпоративной этике, работа стоит на месте, — констатирует Хозяин. — И мнение моего отца о вашей работоспособности явно преувеличено.

— Нин, я к себе! — быстро говорит Димка, ставит стул на ножки и растворяется.

— И вы, Нин, — передразнивает моего помощника Холодильник, — пройдите на свое рабочее место. И там (он брезгливо осматривает меня с ног до головы) обдумайте свой завтрашний офисный вид. Или такие, как вы, говорят "прикид"? Хотя нет! Не завтрашний. Сегодняшний. Вечерний. Заключать договор с клиентами будем у меня в кабинете, естественно, в моем присутствии. Вы же не забыли об особом контроле?

— А! Двухкамерный истукан! — стенаю я, вызвав Ленку по скайпу.

— Дурочка! — учит меня подруга. — Используй свои преимущества на полную катушку!

— Какие преимущества?! — удивляюсь я, без сил плюхаясь на стул.

— Красота, молодость, отпадная фигура, ум — начинает перечислять Ленка. — Да в строгом стиле знаешь сколько секса спрятано?! Белую блузочку нечаянно легонечко расстегнула — а там…

— А там — твое белье? — легко догадываюсь я, грустно смеясь. — Кто о чем, а вшивый…

— А там — красное белье! — не унимается Ленка, даже не обидевшись. — Или прозрачное!

— Угомонись! — уже весело смеюсь я. — Он за такие шалости вызовет полицию нравов.

— У нас нет полиции нравов! — смеется и Ленка. — Но интерес вызвать можно!

— Зачем? — искренне пугаюсь я. — Зачем мне его интерес? Мне нужны свобода и мой проект! А его неумные попытки переодеть всех нас — способ создать видимость деятельности. Он не знает, как руководить нашим агентством и придумывает способы его закрыть. Прекрасно понимает, что мы не рядовой офис программистов, не банк, не юридический отдел. Да здесь дресс-код требовать — вообще ничего в деловой психологии не понимать!

— Не думаю, — продолжает сражаться Ленка. — У него два высших образования. Стажировка в Лондоне. Три языка. У тебя только два, между прочим…

— Количество образований не определяет количество ума! — отрезаю я. — Если он всерьез считает, что рваные джинсы мешают добросовестно работать…

— Я тебя не понимаю, Нинка, — сокрушается Ленка. — Цепляешься к мелочам.

— Да из этих эксклюзивных камерных мелочей и состоит наше агентство! — снова завожусь я. — Понимаешь, человек должен иметь право самовыражаться в одежде, макияже, украшениях, парфюме. Столько лет никаких проблем не было! Он специально, понимаешь?!

— Так не дай ему вас закрыть! — почти кричит Ленка. — Выполни его требования — он отстанет и свалит!

— Не думаю, — сомневаюсь я. — Еще что-нибудь придумает. Он уже на наше привидение покушается.

— Да ну?! — Ленка даже присвистывает. — Зачем ему это? Я про него все, что могла, в инете перечитала. У него недвижимости, предприятий и контор разных — море разливанное! Действительно, чего это он к агентству привязался? Мог бы на такие пустяки внимания не обращать.

— Вот! — поддакиваю я. — А я что говорю?!

Вчера ночью

— Вы не боитесь привидений? — с совершенно серьезным видом спрашивает Холодильник, поднимаясь по лестнице на второй этаж и оглядываясь на меня, идущую следом. — Может, вы поторопитесь?

— Нога побаливает, — морщусь я, потерев правую коленку.

— Это, видимо, результат травмы, полученной вами недавно? — остановившись на пару ступенек выше меня, вежливо спрашивает Хозяин.

— Травмы? — растерянно переспрашиваю я, не понимая, о чем он говорит.

— Неловкое падение? Растяжение? — участливо интересуется Александр Юрьевич и плотоядно улыбается.

— С чего вы взяли? — никак не могу понять сути разговора.

— Сделал логичный вывод, глядя на ваши порванные джинсы, — искренне издевается надо мной Хозяин. — Или это результат многочисленных стирок?

— Вы прекрасно знаете, что это модная тенденция! — сквозь зубы зубоскалю я. Вот и каламбур собственного сочинения!

— Те женщины, с которыми я имею привычку общаться, — перестраивается на менторский тон Александр Юрьевич, — не позволяют себе ходить в подобной одежде. Вот и я подумал…

— Что надо мной можно поиздеваться? — невежливо, зато с удовольствием перебиваю его я.

— Я подумал, — жестко повторяет Холодильник, — что дырки на ваших джинсах не результат полета дизайнерской мысли, а следствие несчастного случая.

— Ага! А я такая непроходимая дура, что хожу целый день по агентству в испорченной одежде? — раздражаюсь я, позволив поймать себя на крючок сарказма.

— У вас очень странное агентство, — пожимает плечами Холодильник, продолжая путь наверх.

— У нас… вас прекрасное агентство! — горячусь я. — В нем работают преданные своему делу люди. Заинтересованные, творческие, порядочные…

— Допускаю, — соглашается со мной Хозяин, поднявшийся на второй этаж и прислушивающийся к стоящей там тишине. — Ваше привидение живет не на втором этаже?

— Наше привидение живет, где хочет, — доверительно сообщаю я. — То в холл спустится, то в двери наших с Карповыми квартир скребется…

— А! Да! — вдруг вспоминает Александр Юрьевич. — Ваши квартиры! Удивлен, что вам их оставили.

— Не мне, — честно сообщаю я. — Сначала моей мифической бабушке, а уже потом мне.

— Мифическая бабушка? — неожиданно смеется Холодильник. — Она тоже привидение?

— Она — миф! — делюсь я своей нестрашной тайной. — Я ее никогда не видела. Карповы ее плохо помнят, что странно. Но из-за нее я Симонова-Райская, хотя пару месяцев после рождения была просто Симонова.

— Занимательно, — медленно идя по коридору второго этажа, говорит Хозяин. — Старый дом со старыми тайнами и старыми привидениями.

— Кстати, да! — подтверждаю я. — Этот дом с историей. Такому по статусу положено иметь привидение.

— Поскольку романтик из меня как из вороны истребитель, — хищно улыбается Холодильник, — а в доме из посторонних только я и мой охранник, роль привидения должны выполнять либо вы, либо Карповы.

— Логично, — соглашаюсь я, так как несколько лет назад пришла к точно такому же выводу, когда впервые услышала эти странные звуки.

— Но вы были внизу, рядом со мной, — продолжает рассуждать довольный собой Александр Юрьевич, — значит, это Карповы. Кто-то из них, может, все по очереди. Их, я правильно понимаю, четверо.

— Правильно, четверо, — откровенно улыбаясь, отвечаю я. — Карповых четверо, привидение пятое.

— Только поздний час и хорошее воспитание не позволяют мне идти в гости к

Карповым, — вдруг сурово говорит Холодильник. — И еще логика. Виноват может быть только один, не стоит пугать остальных.

— Вообще-то я раньше так же думала, — снисходительно говорю я. — Потом не нашла мотива и передумала.

— Думаю, мотив сформулировать нетрудно. Поручаю вам… договориться с вашим привидением о необходимости законсервироваться, взять отпуск, лучше пенсию. На меня такие глупые шутки не действуют. Вас проводить до квартиры? — Хозяин делает шаг мне навстречу.

— Не стоит беспокоиться, — фыркаю я и гордо удаляюсь, настолько гордо, насколько позволяют это сделать постоянно слетающие с ног тапки в виде мопсиков.

— Когда дресс-код введет природа — не станет шляп и бигудей! Да и вообще существ, одетых в людей! — скандирует Димка, которого я нахожу в рекламном отделе.

— Ты сам придумал? — восхищается Марина.

— Увы! Не способен к стихосложению! — сокрушается Димка. — Вырыл из недр интернета! Тем более, я, к сожалению, в курсе, что слово бигуди несклоняемое.

— Пошли готовиться к вечерней встрече. — забираю я Димку с собой.

— Девочки! — Марина зовет сотрудниц отдела к своему компьютеру. — Я себе такой костюмчик присмотрела!

Через четыре часа кропотливой работы я готова к встрече с Холодильником и нашим заказчиком.

— Еле-еле достала! — помогает мне быстро переодеваться примчавшаяся в агентство Ленка. — К твоему большому росту такой маленький размер только у бальников. Супер! Зря ты от красного белья отказалась! С волосами что делаем?

— Култышка и литр лака! — командую я. — Обойдусь без красного белья. У меня другое секретное оружие!

Мужской смокинг. Белая рубашка с воротником под бабочку. Сама черная бабочка. Серебряные запонками. Гладко убранные волосы. Строгая култышка. Черные туфли-лоферы. Темно-красные губы без блеска. Холодильник отключился от сети и завис. Через пару минут пришел в себя, прокашлялся и сказал:

— Добрый вечер, госпожа Симонова-Райская!

— Ниночка! — пораженно восклицает наша клиентка Тарасова Галина Ивановна. — Вас и не узнать! Какая роскошь! Боже, как вам идет! Вы затейница! Вы в этом стиле придумали наш вечер? Прекрасно!

Одурев от такого неожиданного восторга, я некоторое время молча смотрю на Галину Ивановну, потом отмираю, рисую широкую улыбку и говорю:

— Вот подумала, если вам понравится, то сделаем так!

— Так! Да! Именно так! Чудесно! — хлопает в ладоши бывшая балерина. — Если все пройдет, как вы и говорили, в стиле камерного театра, то мы со Степой, Степаном Ильичем, будем просто счастливы. Все-таки двадцать один год театру отдали!

— Я рад, что мы вам так угодили, Галина Ивановна. — вмешивается в разговор начавший морозить Холодильник. — Вы не передумали заключать договор на это…

Хочет сказать, сомнительное предприятие? Меня буквально драконит от желания доказать Хозяину свою правоту и креативность моей идеи.

В течение часа я представляю сценарий вечера, и мы обсуждаем с дотошной заказчицей даже мелкие детали. В течение нашего с ней диалога лицо Холодильника остается неизменно вежливым и безразличным. До сих пор не может поверить, что подобная услуга востребована.

Мертвый взгляд оживляется только тогда, когда останавливается на мне. Вот он (взгляд!) пополз с моего лба на нос, губы, шею. На шее зашевелились короткие волоски, хотя и были добросовестно приклеены лаком. Плечи, руки, грудь. На секунду жалею, что не согласилась на красное белье. Он бы его, конечно, не увидел, но я бы ощущала прилив сил от осознания своей наглости. Ничего! Есть у меня, чем его удивить! Довольная Римма Викторовна уже дважды поила нас чаем с малиновыми кексами Павла Денисовича. Мы с Галиной Ивановной съели по два. Холодильник не притронулся ни к чаю, ни к десерту. Только ошарашенно посмотрел на мои губы, когда я слизывала с них крошки.

Довольную клиентку пошла провожать Римма Викторовна.

— Рад, что мы с вами нашли общий язык! — насмешливо говорит Александр Юрьевич.

— И я рада, что вы не были так строги и разрешили нам самовыражаться в дресс-коде! — льщу я начальнику противным голосом.

— Прекрасная идея — самовыразиться в смокинге! — снисходительно хвалит Холодильник, показывая, что разговор закончен, снова указав на дверь.

Да что ж такое-то! Почему он все время ориентирует меня на единственную дверь в своем кабинете. Думает, что я ее не найду или так хамит? Демонстративно кладу ногу на ногу и говорю:

— Искренне благодарю вас за возможность чувствовать себя личностью, а не прислугой.

Его ошарашенный взгляд опускается с моего лица на мои ноги. Вернее, открывшиеся под брюками носки. Один из них красный с желтыми смайликами. Второй зеленый с белыми мухами.

— Я внимательно прочла утвержденный вами документ! Наслаждалась абзацем о женских колготках. Но вы ничего не написали о носках, — сокрушаюсь я. — Пришлось додумывать самой.

— Неправда! — хриплым голосом возражает Александр Юрьевич. То ли голос потерял от восторга. то ли заорать хочет, но сдерживается. — Там есть пункт про носки.

— Есть, — соглашаюсь я послушно. — Есть пункт про носки для мужчин. А я, вот незадача — женщина. Белье смотреть будете?

— Белье? — хрипит Холодильник. — Какое белье? Ваше?

— Про белье тоже ничего не было написано. Какое упущение! Так смотрим?

— доверительно спрашиваю я, потянувшись к галстуку-бабочке.

— Извольте выйти вон! — рычит Холодильник и резко встает.

— Хорошо-хорошо! — пою я и вылетаю из кабинета.

Разувшись и размахивая туфлями, я бегу по коридору в свой кабинет, испытывая возбуждение от того, что вывела его из себя. У меня целая ночь впереди, чтобы придумать свой стиль на завтра. Никогда я еще с таким нетерпением не ждала следующего рабочего дня.

Глава 4. Светлана

Мужчина с утонченным вкусом ищет девушку 92,34 х 61,71 х 93,45.

Не зануда. Современный анекдот

— Кто-нибудь видел Димку? — в третий раз задав один и тот же вопрос, я зашла теперь в рекламный отдел. — Трубку, поганец, не берет!

Три блондинки: руководитель отдела Марина и две ее помощницы — одновременно обернулись на мой голос.

— Он в баре. — приветливо улыбнулась мне Марина и на мгновение пораженно застыла. — Ох, Нина, какая ты…

— Строгая? — испытывая удовольствие от того, что удивила и ее, спросила я ухоженную блондинку в приталенном сером жакете. черной юбке-годе и нежно-голубой блузке.

— Я бы сказала… неожиданно услужливая. — Марина продемонстрировала серьезный уровень речевого развития. по расхожему мнению, не свойственный обладательницам ее цвета волос.

Но я давно убедилась в том, что за гламурно-няшной внешностью Марины скрывается если не глубокий аналитический ум, то удивительная смекалка. Будучи матерью-одиночкой двух очаровательных девочек-близняшек семи лет, она умудрялась получать деньги на их содержание с трех мужчин и никогда ни в чем себе не отказывала, если речь шла об уходе за собой. Более того, ее нынешний официальный кавалер тоже был готов содержать "трех прелестниц" за свой счет.

Я еле-еле дожила до утра. Успех смокинга и очаровательных носков привел к перевозбуждению и бессоннице. Несмотря на щедрое разведение "ужина балерины" рюмкой коньяка, сон не шел. А вот Дарья Владиленовна всегда утверждала, что при сложностях со сном спасается рюмочкой коньяка. Может, у нее коньяк лучше?

Наряд на сегодня я придумала вчера, когда прилетела в свою квартиру, где меня преданно ждали Димка и Ленка. Мой помощник, который не видел меня "в образе", поскольку был услан с поручением в театр, где раньше служили Тарасовы, буквально потерял способность управлять нижней челюстью.

— Нинок! Это… Это… — Димка никак не мог подобрать нужного слова.

— Сексуально! — подсказала смеющаяся и очень довольная Ленка.

— Это да… — согласился обалдевший Димка. — Но я хотел сказать — мощно, убийственно. Я даже не думал, что ты такой можешь быть!

— Какой? — деланно кокетничаю я, аккуратно садясь на кончик стула.

— Манящей, таинственной, — Димка, наконец, возвращает себе свой немаленький словарный запас и достает из него целую россыпь эпитетов, — привлекательной, влекущей, соблазняющей…

— Правда? — с сомнением переспрашиваю я его. — Соблазняющей?

— Конечно, — Димка подпрыгивает со стула. — Это давно известная теория.

— Теория? — интересуется Ленка, с усмешкой наблюдая за оживлением Димки.

— Теория о сексуальности женщин в мужской одежде! — вещает Димка, бегая по моей кухне. — Это вам, женщинам, почему-то кажется, что сексапильно вы выглядите в чем-то

коротком, обтягивающем, оголяющем. А на самом деле…

— На самом деле, действительно, потрясно! — перебивает Димку Ленка. — Если всю неделю так ходить будешь, я и за старого Дениса Владиленовича беспокоиться начну.

— Никаких повторов! — я категорична. — Каждый день что-то новое, обязательно с раздражающим секретом. В этом дресс-коде столько дырок!

— А если он у вас на месяц задержится? — сомневается Ленка. — У меня столько нарядов не найдется.

— Справимся мы с ним за неделю! — храбрюсь я, окрыленная успехом и неадекватной реакцией Холодильника. Невеста-то невестой! А глаза приклеил к мои "женским местам" под мужским костюмом. — Завтра хочу попробовать нечто посильнее.

Когда я делюсь своими мыслями с друзьями. Ленка недоверчиво спрашивает:

— Можно уточнить генеральную цель твоих эскапад? Ты его соблазнить собралась?

— Или женить на себе? — подключается Димка.

— Вовсе уж! — возмущаюсь я и кручу пальцем у виска. — Во-первых, быть женой Холодильника может только какая-нибудь там… Кофеварка или лучше Вафельница. Не мой типаж. А во-вторых. у него невеста есть. Забыли?

— Ну, невеста не жена, — тянет довольный моим эмоциональным ответом хитрый Димка. — Поменять не сложно! Было бы желание!

— Да он замороженный. Работает от сети и то с перебоями. То зависнет. то загудит! — издеваюсь я над Хозяином. — Нам его из агентства убрать надо. Просто из этого дома. И старого хозяина дождаться!

— Как скажешь, подруга, — смиряется с моим видением ситуации Ленка. — То, что ты на завтра придумала. обеспечить проще простого. Утром привезу. Смотри, не промахнись! Поймет намек неправильно — и все!

— Что все? — не понимаю я ее. — Уволит?

— Решит, что ты к нему пристаешь. А современные мужики страсть, как этого боятся. Тем более такие состоятельные и состоявшиеся!

Сейчас, поправляя свой накрахмаленный белоснежный фартук, сшитый из тончайшего гипюра и надетый поверх строгого темно-серого платья из тонкой австралийской шерсти, под взглядами трех блондинок, я вспоминаю вчерашний разговор с друзьями и не могу дождаться. когда смогу использовать секретное оружие этого скромного на вид наряда. А что? Совершенно закрытое платье с длинными рукавами и глухим воротником, белый фартук и нежный кусочек пенного кружева. прикрепленный к моей "бабетте".

— Неожиданно услужливая? — мягко улыбаюсь я девушкам. поправляя камею. приколотую под белым воротничком. Это совершенно чудесное украшение. доставшееся мне вместе с массой подобных мелочей в квартире мифической бабушки. Серебряная брошь, профиль прелестной девушки на серо-голубом фоне.

— Как-то очень услужливо, — растерянно говорит Марина. одергивая свой строгий жакет. — Ты похожа…

— Это просто утренний вариант. — быстро перебиваю я. — Вечером я просто сниму фартук и накладку на волосы.

Но когда я иду на выход, слышу удивленный вздох всего рекламного отдела. Увидели мое "секретное оружие".

Димку в нашем кафе-баре я не нахожу. Павел Денисович, что-то увлеченно

размешивающий в медной кастрюле, стоящей на огне, смотрит на меня и хохочет:

— Вас разжаловали, Нина? Так быстро?

— Нет! Это мой собственный выбор на сегодня, — тоже смеюсь я. — Димку моего не видели?

— Только что тут был. Клиентке какой-то наше агентство показывал. Молодая, хорошенькая, нежненькая. Как вот это пирожное! — Павел Денисович достает из холодильника тарелку с милейшими корзиночками, увенчанными розовым кремом и ягодами голубики. — Будете пробовать? Чайку?

— Нет. Спасибо! — искренне благодарю я. — Я попозже. Боюсь испачкаться. Холо… Хозяин будет недоволен!

Мне сегодня архи важно остаться целомудренно белоснежной, чтобы сыграть второе явление первого действия нашей постановки.

— Хозяин? — рассеянно переспрашивает довольный внешним видом пирожных Павел Денисович. — Он же уехал? Разве нет?

— Как уехал? — я не верю своим ушам. — Куда?

— Павла утром сказала, что Александр Юрьевич уехал куда-то по делам. На несколько дней. Ей вообще показалось, что он уже потерял интерес к нашему дому, — терпеливо отвечает Павел Денисович.

Вместо радости победы чувствую злость и досаду. Как потерял интерес? Так быстро? Чего тогда так кипятился? Дресс-кодами разбрасывался? Или решил все-таки оставить нас в покое по-настоящему? Не связываться с чокнутым арт-директором, которому позволил продолжать свой проект? Но видеть этого не хочет? А что тогда говорил о каком-то там личном строгом контроле?

Разочарованная новостью, иду в свой кабинет. Возле него, в маленькой соседней комнатушке, являющейся кабинетом моего личного помощника, нахожу его и молодую симпатичную девушку.

Прав Павел Денисович. Молоденькая, хорошенькая, нежненькая. Невысокая стройная девушка в широких коричневых брюках и желтом джемпере, делающем ее похожей на мимимишного цыпленка. Блондинка с каре и удлиненными передними прядями. Что-то в ней смутно знакомое есть… Нет. Не могу вспомнить. Она сидит на стуле возле Димкиного стола и заразительно смеется над какой-то его шуткой, отхлебывая чай из его ужасной черной кружки в виде человеческого черепа.

— О, Нина! Нина Сергеевна, доброе утро! — вскакивает со своего места Димка, счастливый и возбужденный. — Вот, возможно, наша будущая клиентка. Показывал агентство. Теперь разговариваем. Ей все наши проекты нравятся.

— Да! Здравствуйте! — улыбается мне девушка, поднимая на меня пронзительно голубые глаза и отставляя чашку с чаем. — Мне все очень нравится.

Девушка смотрит на мое платье с некоторой опаской, видимо, мучительно гадает, кем я здесь работаю.

— Что вас интересует конкретнее? Я арт-директор, — моя улыбка не менее искренняя. Девушка мне сразу понравилась. — Надеюсь, не мой проект "Расстанемся красиво"?

— Нет! — девушка снова заразительно смеется. — Мы еще не поженились. Я подумываю о третьем дне свадьбы у вас. Я посмотрела на вашем сайте…

— Свадьбы? — Димка мрачнеет и без сил садится на свое место. — Но вы же говорили, что хотите детский праздник для племянницы…

— Да, конечно! — девушка поворачивается к расстроенному Димке. — Началось все с этой идеи. Но я приехала, посмотрела на ваше агентство. Альбомы посмотрела… Все ясно. Мой влюбчивый помощник не испытывал состояние влюбленности последние три-четыре недели, после того, как расстался с очередной девушкой. Опять влюбился! Этот вирус поражает Димку один раз в месяц с поразительной точностью. Может, ему прививку какую?

— Простите… — вежливо начинаю я, ласково подмигнув Димке. — Вы…

— Светлана. Светлана Кирилловна, — представляется спохватившаяся девушка, мило покраснев. — Я все время забываю о вежливости. Это я от избытка эмоций. Мне все здесь нравится.

— Все в порядке, Светлана Кирилловна, — я жестами показываю Димке, чтобы он собрался и занялся клиенткой. — И детский праздник, и третий день свадьбы, все, что хотите. Дмитрий Георгиевич к вашим услугам.

Я бегу за информацией к Павле Борисовне.

— Да, Ниночка! Сегодня ровно в девять утра меня вызвал. А приехал, говорят, вообще в восемь! Сказал, что срочно вынужден уехать. Может, и не вернется в наше агентство. Сказал, что позвонит.

Досада царапает сознание острыми коготками. Эх, столько трудов насмарку! Чтобы не разъесть себе сознание кислотой разочарования, погружаюсь в сценарий праздника для Тарасовых, не поднимаясь из-за компьютера часа три.

— Ты где? — звоню Димке. — Пришел в себя?

— Нина Сергеевна! Я пригласил Светлану Кирилловну на ланч. Мы напротив, в "Уховертке". У нас уже вырисовывается сюжет детского праздника, — медово-довольный голос помощника явно показывает, что Димка пока под впечатлением от встречи со Светланой и снова окунулся в иллюзию взаимной влюбленности.

— Хорошо! — сдаюсь я. — Только без категорической договоренности не возвращайся! Нечего рабочее время попусту тратить!

— Яволь, мой фюрер! — радостно кричит в трубку Димка.

Только из вредности и из опасения, что все подумают, что мой внешний вид значит для меня больше, чем просто акция протеста против методов управления персоналом Нового Хозяина, хожу в "костюме служанки" весь день. Ну, не то, чтобы хожу… Трусливо сижу у себя в кабинете.

Когда мои мысли о бесславно сдавшемся Холодильнике начинают ожесточенно драться со здравым смыслом и чувством собственного достоинства, я выхожу из своего кабинета. И это уже вечер.

Сотрудники стягиваются в наше кафе на традиционное вечернее чаепитие. Костик, удивительно милый в белом поло, синих брюках и мокасинах, уже наигрывает на старинном рояле фирмы "Бехшейн", купленном в далекие девяностые Климовым-старшим у Ольги Райской, что-то из легкой классики. Удивительный парнишка, наш программист Костик. Единственный сын в семье двух известных музыкантов, пианистки и виолончелиста, который не оправдал возложенных на него надежд и увлекался чем угодно, но только не классической музыкой. Альпинист, рок-музыкант, поклонник авиаспорта и шоссейных гонок.

Наше кафе оборудовано на первом этаже на месте бывшего актового зала. Рояль стоит на сцене. Здесь проходит часть предлагаемых нашим агентством праздников. Один раз в неделю, по пятницам, Павел Денисович устраивает для нас чаепитие со своими

экспериментальными пирожными. Сегодня это фисташковые эклеры с миндалем.

Мы пьем чай. Разглядываем друг друга и делаем комплименты.

— Ниночка! Ваш неожиданный… выбор меня несколько удивляет! — глядя на меня добрыми и умными глазами, ласково говорит Павла Борисовна. — Мне кажется, это слишком… явный протест против дресс-кода. Посмотрите, какие все красивые, деловые, серьезные. В этом что-то есть…

— Я согласна с Павлой, — смеется Дарья Владиленовна, кофейной ложечкой осторожно пробуя фисташковый крем. — Только посмотрите, с каким вкусом все сейчас одеты.

Я встаю, чтобы налить чай в ее благородно белую чашку, сначала изящно изгибаюсь над столиком, а потом делаю книксен.

— Наконец-то вы нашли занятие, достойное ваших талантов, госпожа Симонова-Райская, — мягкий баритон усиленно прячет насмешку.

Мы все, как солдаты в строю, поворачиваем головы в сторону дверей. В дверном проеме Холодильник. По-прежнему высокий, широкоплечий, в белой рубашке и сером костюме.

Радость и испуг в равной мере охватывают меня, и я, сдержав порыв съязвить, застываю на месте.

— Ну, что же вы? — усмехается Александр Юрьевич. — Мне тоже можно поклониться. Тем более вы выбрали такое прочтение нашего дресс-кода.

— В вашем дресс-коде, — выделяя голосом "вашем", отвечаю я на вызов, — много белых пятен.

— Закрасим, — небрежно говорит Холодильник. — Сценарий вечера для Тарасовых готов?

— Сценарий? — недоумеваю я. — Какой сценарий?

— Вчера вы заверили клиентку и меня, что сегодня приступаете к написанию сценария. Так вы приступили? — отвечает вопросом на вопрос Хозяин.

— Да. Черновой сценарий готов, — растерянно отвечаю я, не понимая, что сейчас происходит.

— Рад, — равнодушно говорит Холодильник, никак эмоционально не подтверждая своей радости и даже интонационно отрицая ее. — Несите, будем читать.

— Что читать? — тупею я от нелепости происходящего. — Сценарий? Зачем?

— Вы забыли о контроле? — откровенно насмехается Александр Юрьевич. — Так быстро? За один день?

— Я прекрасно помню о вашем строгом контроле над моим проектом, — сквозь зубы говорю я. — Просто… мне и в голову не приходило, что вы будете лично читать сценарий.

— Я могу лично не читать, — разворачиваясь и уходя к лифту, бросает Холодильник. — Можете мне пересказать. Своими словами.

— Написан он тоже моими словами! — оставляю последнее слово за собой.

— Мне кажется или вы чем-то довольны, Ниночка? — спрашивает меня Денис Владиленович.

— Почти. Сейчас попробую стать вполне, — поспешно отвечаю я и бегу к лестнице.

— Прошу, — показывая мне на место за столом, говорит Холодильник. — А где же ваш фартук и эта…

— Эта? — делаю вид, что не понимаю.

— Тряпочка на голове, — снова демонстрируя чудеса терпеливости, отвечает Александр Юрьевич.

— Это был дневной дресс-код, — поясняю я. — Теперь время вечернего.

— Мне понравился ваш выбор. Я думаю, вы нашли свой стиль, — констатирует Холодильник. — У вас явные проблемы с соблюдением субординации. Это была бы неплохая ролевая игра.

— Ролевая игра? — я не могу быстро подобрать достойный ответ, чего со мной не бывает никогда.

— Прошу, — повторяет жест Холодильник, — начнем.

— Что начнем? — хрипло спрашиваю я.

— Читать. А вы что подумали? — вежливо задает вопрос Александр Юрьевич.

— У вас филологическое образование? — ехидно интересуюсь я.

— Нет. Экономическое и юридическое, — спокойно отвечает Хозяин, уставившись на мою камею.

— Тогда, может быть, театральный кружок или студенческий театр? — снисходительно спрашиваю я, успокоившись и наслаждаясь диалогом.

— Насколько я помню, нет, — слегка приподняв бровь, говорит Холодильник.

— Тогда зачем вам читать сценарий? Это не ваш… функционал, — огрызаюсь я ласково.

— Мой функционал определяется мною же, — усмехаясь уже и глазами, парирует Холодильник. — Читайте.

— С выражением? — не могу не добавить сарказма в голос.

— Обязательно, — кивает Александр Юрьевич. — Буду признателен.

Я в течение получаса читаю черновик сценария, на ходу делая карандашные поправки. Хозяин внимательно слушает, с легким удивлением глядя на меня. Несколько раз он пытается что-то сказать, но я ему не даю, продолжая декламировать поэтические куски и даже размахиваю руками. Под столом осторожно расстегиваю булавки на правом и левом боку. Приближаясь к концовке, я вскакиваю с места и начинаю ходить вдоль стола, делая широкие шаги. Расстегнутые булавки отваливаются, и незакрепленные полы платья распахиваются перед изумленным взором Хозяина, открывая мои ноги в бежевых чулках с голубыми подвязками.

— Что это? — хрипло спрашивает Холодильник. — Вы сумасшедшая?

— Это мои ноги, — объясняю я. — К состоянию моего разума они имеют весьма опосредованное отношение.

— Вы вообще не понимаете, что такое деловой стиль? — Хозяин откидывается на спинку своего кресла. — Хотя о чем я? Конечно, понимаете. Придуриваетесь. Пытаетесь вывести меня из себя? Догадываюсь, что и о чулках в моем дресс-коде, как и о носках для женщин, ничего нет?

— Есть, — честно успокаиваю его я. — Есть про цвет колготок и чулок. Нет ничего про разрезы на юбках и платьях. Такое упущение! Мне кажется, ваш дресс-код писал дизайнер тюремной робы, причем мужчина.

Нечитаемый взгляд Холодильника смещается на голубую подвязку, и мужчина сглатывает.

— Ваши попытки соблазнить меня смешны и нелепы, — вдруг холодно говорит Александр Юрьевич. — Смешны по-детски и нелепы по сути.

— Нелепы по сути ваши правила! — бешусь я. — Я только показываю вам, насколько нелепы. Вы загружаете коллектив лишними проблемами и тормозите работу агентства специально, чтобы его закрыть! Это неуважение к людям и собственному отцу!

— Неуважение?! — резко встает со своего кресла Холодильник. — Кто говорит о неуважении?!

— Саша! — в кабинет, в котором в звенящей тишине мы с Холодильником сверлим друг друга ненавидящими взглядами, внезапным желтым вихрем влетает… Светлана Кирилловна. — Саша, наконец-то!

— Света? — удивленный Холодильник сначала смотрит на меня строгим взглядом, словно это я устроила их встречу, специально его не предупредив, потом переводит взгляд на висящую у него на шее девушку. — Ты здесь откуда?

— Папа сказал, что ты почему-то пропал в каком-то старом офисе, и я отправилась тебя искать, — Светлана отпускает шею Холодильника и хватает его за руки. — Здесь так интересно!

— Не то слово, — говорит Хозяин, прижимая голову Светланы к своей груди и переводя свой снова не читаемый взгляд с моего лица на мои ноги. — Так интересно мне давно не было.

— Нина Сергеевна! — вырвавшись из объятий жениха, говорит Светлана и оборачивается ко мне. — Мы с Димой столько придумали!

— С Димой? — переспрашивает меня, а не ее Холодильник.

— Дмитрий Георгиевич Добролюбов — мой помощник, — нехотя объясняю я, вцепившись руками за края разрезов.

— Странно, что не Чернышевский, — усмехается Холодильник, теперь глядя на мои побелевшие от усилий костяшки. — Добролюбов, помощник Симоновой-Райской. Театр, а не офис.

— Агентство, а не офис, — поправляю я его, спиной пятясь к открытой двери. Точно, я же ее на сотнях фотографий видела. Только сегодня она уж очень просто одета и без макияжа.

— Я вас еще не отпускал, Симонова-Райская, — Холодильник пытается сделать шаг в мою сторону.

— Прошу прощения, — почти кланяюсь я и, выйдя за порог, говорю. — Мне еще на завтра сутану гладить.

Глава 5. Версии

Мужчина — существо,
противоположное по полу женщине.
Толковый словарь С.И. Ожегова

Пять платьев-футляров лежали передо мной на диване в гостиной, словно солдаты, выстроившиеся для поверки.

— Вот! Как ты и просила, Нинка! — Ленка осторожно, любовно разглаживает ткань первого платья. Оно чернильно-синее, с V-образным вырезом и рукавами три четверти. — Пять красавцев. Пять футляров. На новую неделю хватит. И хорошо, что ты… перестроилась…

— С чего? — хмуро спрашиваю я подругу. — С чего я перестроилась, по- твоему?

— С сомнительных чулок, разрезов и нелепых носков, — раздраженно отвечает Ленка. — Я же тебе говорила, что он примет это за соблазнение.

— Да кому он нужен! — возмущаюсь я такой трактовке ситуации. — Я нашла лазейки в его нелепом дресс-коде — не более того!

— Знаешь, не кипятись, подруга! — нервничает Ленка. — Одно — это твои мысли и намерения, другое — взгляд со стороны. Не удивлюсь, если он сейчас требует от отца твоего немедленного увольнения, боясь, что ты его скомпрометируешь. Он, не забывай, лицо медийное!

— Ага! — настроение портится окончательно. — Это не лицо, а панель управления. Я разумная двадцатипятилетняя женщина, состоявшаяся и не нуждающаяся в дурацкой интрижке с медийной рож… медийным лицом.

— Если судить по двум последним выходкам, то вряд ли, — продолжает спорить Ленка. — Поэтому твоя идея по поводу платьев-футляров "неделька" прекрасна и разумна! Надо только выбрать что-то неброское из украшений к каждому — и готово!

— Выбирай! — предлагаю я, отправившись в спальню и выдвинув сразу три ящика из старого комода.

— Боже! — Ленка даже прикрывает открывшийся рот ладошкой. — Да ты просто королева антиквариата! Ты хоть оценивала это богатство?

— Нет! Не оценивала, — вздыхаю я. — Здесь практически нет драгоценных камней. Все эти украшения ценны своим возрастом и эксклюзивностью.

— Да! — Ленка даже свистит. — Глаза разбегаются. Для делового стиля как раз подойдет! Это ж винтаж!

— Нет! — возражаю я. — Это как раз антиквариат. Для винтажа они слишком стары.

— Ты хочешь сказать, что это не стилизация, а настоящие украшения прошлых веков? — не верит мне Ленка.

— Не хочу сказать, а говорю, — смеюсь я над Ленкиной восторженностью.

— А почему ты мне никогда это все не показывала? — обиженно спрашивает моя подруга.

— Да к слову как-то не пришлось. И потом, сколько мы с тобой дружим по-настоящему? Третий год? — оправдываюсь я совершенно искренне.

— Третий, — подтверждает Ленка.

Два года назад

Последняя электричка была практически пустой. Мы с Димкой сели к окну, которое было поближе к выходу, и я уткнулась в планшет. К утру надо было набросать примерный план творческого вечера для нашего очередного клиента. Для этого мы и ездили в дачный поселок и снимали видео: старый дом, в котором прошло его детство и который продали в трудные для семьи годы. Новые хозяева были так любезны, что показали нам и дом, и участок, и уговорили попить чай с десятью видами варенья. В результате успели только на последнюю электричку.

Димка всю дорогу туда и обратно сетует, что его машина в ремонте и он вынужден быть пассажиром общественного транспорта, что его чрезвычайно раздражает.

— Привык, стиляга! — насмехаюсь я над ним, изредка поглядывая на его обиженное на жизнь лицо и надутые губы.

— Я не стиляга! — возмущается беззлобно Димка. — Я конформист.

— Приспособленец? Беспринципный и некритический? — хихикаю я.

— Вроде того, — ворчит Димка. — Предпочитать автомобиль электричке или автобусу — это признак нормальности.

— Ты же понимаешь, что конформизм из другой оперы? — подначиваю я Димку.

— Понимаю, — подмигивает мне Димка. — Смотри, какая смешная!

Димка говорит о девушке, которая заходит в вагон. Она высокая и нелепо одетая. Под джинсовым сарафаном пестрая футболка и ярко-зеленые легинсы. Длинные светлые волосы собраны в высокий хвост, прихваченный яркой косынкой. Довольно милое личико с мелкими чертами лица и полным отсутствием косметики. В руках у нее многочисленные пакетики самых разных размеров. Штук десять. Девушка плюхается на сиденье напротив нас, практически швырнув на него пакеты, и говорит:

— Привет! Как дела?

— Привет! — улыбается Димка, разглядывая разноцветные пакеты. — А в один большой сложить? Разве не удобнее?

— Возможно, — послушно соглашается странная девушка, с наслаждением вытянув ноги. — Где ж ты был полчаса назад?

— Здесь, — отвечает Димка. — А вы?

— А я бросила машину на незнакомой мне станции и тащусь в город, потому что опаздываю, — сказала девушка. — Ненавижу электрички.

Димка и девушка, оказавшаяся Леной, быстро нашли общий язык: они обсудили свои автомобили, поделились занимательными историями из водительского прошлого и поругали общественный транспорт.

— Слушай, Дмитрий, — говорит на прощание Лена. — Приходи на фотосессию. Я портфолио делаю. Ты ничего такой, мажорненький. Под мою коллекцию подойдешь, наверное. Надо твой живот посмотреть. Пресс есть?

— Обижаешь! — Димка задирает футболку с принтом Че Гевары. — Кубики!

— Прелесть! — Лена проводит длинным ядовито-розовым ногтем со стразами по Димкиному животу. — Мое белье превратит тебя в лакомую конфетку для всех девушек мира.

— Для всех — много! — не соглашаюсь я. — А Димка мне самой нужен. Я без него как без рук.

— Вы пара? — удивленно спрашивает Лена, разглядывая нас.

— Нет! — смеюсь я до слез.

— Не понимаю твоего веселья! — тут же обижается на меня Димка. — Чем я плох для пары?

— Ты всем хорош! — глажу я Димку по плечу. — Просто ты маленький и…

— Маленький?! — картинно возмущается Димка. — Я тебя всего на три года моложе.

— Поверь, дружок, — хлопаю я Димку по руке. — В нашем случае это очень много. Год за три.

— Это было оскорбление? — подозревает Димка. — Ты намекаешь на мой низкий интеллектуальный уровень?

— Женщина априори старше мужчины с рождения, — поучаю я Димку. — Я самостоятельно живу с восемнадцати лет. С семнадцати работаю. А ты любимый сыночек и внучок. Живешь на родительские деньги. Работаешь для разнообразия. Деньги тратишь на девушек и на развлечения. Все так?

— Так, — вздыхает Димка. — Но из твоих уст звучит как-то уничижительно. Все! Бросаю тебя, наше агентство и делаю карьеру модели!

— Карьеру вряд ли, — сомневается смеющаяся Лена. — Но для своего портфолио я тебя беру. Ты хорошенький.

Так у меня появилась подруга Лена Соловьева, художница и дизайнер. Она на тот момент заканчивала институт искусств и работала у старшей сестры в частном ателье. Активная и жизнерадостная, она ворвалась в мою жизнь стремительно и, видимо, навсегда.

— К первому платью подойдет… вот эта! — Ленка аккуратно берет из верхнего ящика старую брошь. — Простенькая и прелестная!

— Фиалка. Это Англия, начало двадцатого века, — соглашаюсь я с выбором Ленки. Светло-голубой и фисташково-зеленый цвета броши нежным пятном будут смотреться на чернильной синеве первого платья.

— Култышка? Бабетта? Хвост? — спрашивает меня Ленка. — Хотя… Подлецу все к лицу. Волосы у тебя богатые. Что хочешь, можно сделать.

— В понедельник я хочу низкий пучок. И еще очки. Для солидности. С темно- синей оправой, — планирую я свой новый образ.

— Слушай! А что там про невесту Холодильника? — вспоминает Ленка. — Ты начала рассказывать…

— Невеста прелестна. Димка влюблен и огорчен. Холодильник зол и невежлив, — констатирую я. — Даже странно, что такая милая, молоденькая, прелестная девушка — его невеста.

— Сейчас поищем, — Ленка хватает планшет. — Вот смотри. Да! Она прелесть! На многочисленных фото Светлана Кирилловна Кострова, невеста Александра Юрьевича Климова. В нарядах для выхода в свет она выглядит взрослее и как-то значительнее. Невысокая и хрупкая, она смотрится совершенной девочкой рядом с моим… тьфу ты, не моим, конечно, Холодильником.

— Ты знаешь, — посмотрев десятки фотографий, тянет Ленка. — Она, действительно, хорошенькая. Чистая какая-то. Глаза очень красивые. Как у принцесс в диснеевских мультиках. И глупой не выглядит.

— Мне она тоже понравилась, — честно говорю я. — И она не глупа. Это очевидно. Я с ней общалась. Милая, молодая, восторженная. Влюблена в Холодильник. Это тоже

очевидно.

— И? — Ленка ждет продолжения.

— И пусть у них все будет хорошо! — заклинаю я. — Пусть он только уберется отсюда. Сидит в своих многочисленных офисах. Живет заграницей. Чего он к нашему маленькому милому агентству привязался? Ему отец уже дважды велел нас не трогать. Вот разве не странно?

— Странно, — соглашается со мной Ленка. — Причина какая-то должна быть. Может, он тут от чего-то прячется?

— Прячется? — не соглашаюсь я с Ленкиной версией. — Если бы прятался, его бы искали. Люди разные, пресса. А у нас тишина. И в новостях о нем ничего нет.

— Да. Даже не знаю, что предположить, — пожимает Ленка плечами. — У меня остается одна версия: он зануда и моралист. Его по какой-то причине раздражает ваше агентство. Может, профиль не нравится. Может, еще что…

Постоянно размышляя над Ленкиными последними словами, я иду на субботний ужин к Карповым. Мы сидим за большим круглым столом, по очереди пробуя кулинарные шедевры Павла Денисовича. Совершенно замечательные люди — мои соседи! Старики Дарья Владиленовна и Денис Владиленович всю жизнь вместе. Вместе с ними живет дочь Дарьи Владиленовны — Павла Борисовна. Павел Денисович, наш шеф-повар и кондитер, живет со своей большой семьей отдельно, и только при необходимости остается у отца на ночь. У Павла Денисовича двое сыновей и двое внуков. Павла Борисовна все время возле матери. Она никогда не была замужем, и у нее нет детей. Может быть, поэтому она всегда относилась ко мне с нежностью и вниманием.

Рассказываю Карповым о версии Ленки. Павла Борисовна, отхлебнув глоток чая, говорит:

— Вы знаете, Ниночка, я тоже голову себе несколько дней ломаю. Наше агентство Саше… Александру Юрьевичу ничем не может мешать. Даже если бы мы были убыточными, для Климовых это не сделает погоды. И дел у него в других офисах столько, что, по моим представлениям, на нас у него ни секунды не сэкономится. А между тем…

— А между тем, он здесь провел уже три дня! — салютует нам чашкой чая Дарья Владиленовна. — И это крайне подозрительно. Но у меня тоже есть версия.

— Мама, поделитесь с нами. Или это секрет? — удивленно спрашивает Павла Борисовна.

— И мне крайне любопытно, тетушка, — причесывает усы Павел Денисович. — Какая же у вас версия?

— Это для Юры, для Юрия Александровича, агентство — часть жизни. Той жизни, которую он сделал сам и которую он ностальгически любит, — тихий голос Дарьи Владиленовны окунает нас всех в воспоминания. — И это было время, когда Юрий Александрович ушел из семьи, оставив маленького мальчика без отца.

— Нет, мама, вы не правы, — возражает Павла Борисовна. — Юрий ушел не из семьи. а от той женщины. Сашу он всегда навещал. Денег для бывшей семьи не жалел. Саше будущее обеспечил.

— Но мужем его матери он не был. Отношения имел с другими женщинами. Полноценной семьи у них не было, — подводит итоги Дарья Владиленовна.

— И вы, тетушка, думаете, что это детская обида Александра Юрьевича? И он хочет

закрыть агентство просто потому, что оно дорого отцу? — уточняет Павел Денисович и кладет каждому из нас по кусочку вишневого пирога.

— Это моя первая версия, — гордо сообщает Дарья Владиленовна.

— О! — удивляется Денис Владиленович, до этого момента не принимавший участие в разговоре. — У вас, сестрица, есть и вторая версия?

— У меня их три! — потрясает нас Дарья Владиленовна.

— Ого! — смеюсь я. — Да вы мисс Марпл! Поделитесь?

— Конечно, дети мои, — улыбается старая женщина. — Вторая напрашивается сама собой, если не соответствует действительности первая. Просто Александр Юрьевич, планируя возглавить бизнес отца, желает избавиться от всего малоприбыльного и мелкого. Оставит только крупное. И это, конечно, не мы.

— Возможно, — медленно говорит Павла Борисовна. — Для этого нас не обязательно закрывать. Нас можно и продать.

— А давайте купим наше агентство? — вдруг приходит мне в голову идея, крутым кипятком ошпаривая сознание.

— Вас всех вводит в заблуждение наша скромная, по сравнению с другими предприятиями Климовых, прибыль, — мягко смеется Павла Борисовна. — Но вы себе не представляете общую сумму всего этого. Это и недвижимость. Сам дом.

— И какая это сумма? — растерявшись, спрашиваю я.

— Квадратный метр в подобном историческом здании стоит около шестисот тысяч рублей, — отвечает Павла Борисовна. — Умножайте на общую площадь. Вы же представляете, Ниночка, сколько стоит ваша трехкомнатная квартира?

— Знаю точно, — отвечаю я, досадуя на себя за глупое предложение. — Меня уже трижды беспокоили покупатели. Я богатая невеста. Как и вы, Павла Борисовна.

Мы смеемся и пьем чай с вишневым пирогом.

— А третья версия? — вспоминаю я. — Есть же третья?

— Вот ее я бы не хотела озвучивать, — вдруг говорит, лукаво усмехаясь, Дарья Владиленовна. — Мне ее еще проверить надо, потому что она очень милая и невероятная.

— Милая и невероятная? — поражается Павла Борисовна. — Так бывает?

— Было бы чудесно, если бы было! — непонятно, но торжественно отвечает Дарья Владиленовна.

Утром в понедельник Холодильник приезжает с самого утра и тут же вызывает меня. Мое чернильно-синее платье-футляр он, не скрываясь, придирчиво осматривает.

— Повернитесь, — неожиданно вместо "здравствуйте" говорит Холодильник. Медленно поворачиваюсь на носочках.

— Хотите сшить себе такое же? — иронизирую я. — Вам поедет.

— Благодарю, — холодно отвечает Александр Юрьевич. — Я подумаю. Будьте добры, к полудню подготовьте мне отчеты по всем своим последним проектам. Не финансовые. Аналитические. Финансовые я уже получил из бухгалтерии. Хочу послушать ваши впечатления. Плюсы и минусы. Риски и выгоды.

— Послушать? — тихо смеюсь я.

— Что вас так веселит? — хладнокровно спрашивает Холодильник.

— У меня складывается стойкое убеждение, что вы не умеете… читать, — храбро отвечаю я. — Вы второй раз просите вам почитать. Может, вам нравится мой хорошо поставленный голос?

— Мне нравится хорошо выполненная работа, — спокойно говорит Холодильник, указывая мне на дверь и неожиданно добавляя. — Что должно отвалиться?

— Отвалиться? — переспрашиваю я вежливо.

— Отпасть, распахнуться? — теперь уже иронизирует он. — Какой секрет у этого платья? Вы повернетесь ко мне спиной, и оно сползет на пол?

— Проверим? — подобострастно спрашиваю я и, повернувшись спиной к застывшему Хозяину, выхожу из его кабинета без приключений.

Нахожу Димку в его каморке вместе со Светланой. Сегодня она в ярко- красном вязаном платье. Этакое яркое пятно на фоне нашего серо-черно- коричневого агентства. И это все по его вине!

— Здравствуйте! — Светлана радостно меня приветствует. — Какая у вас красивая брошь! Антиквариат? Простите, я опять невежлива и задаю бестактные вопросы.

— Все в порядке! — успокаиваю я Светлану. — Вы к Александру Юрьевичу или по делу?

— Я по поводу детского праздника и к Саше, конечно, — мило краснеет Светлана и вскакивает со стула. — Я к вам еще загляну, Дмитрий Георгиевич.

— Дмитрий Георгиевич будет вас ждать, — обещаю я ей, усиленно улыбаясь.

— Она прелесть! — угрожающе говорит мне Димка, когда Светлана выходит.

— Она его невеста! — стараюсь я доходчиво объяснить Димке ситуацию. — Не свободная девушка, а невеста богатого и очень серьезного человека. Он тебя раздавит, если что…

— Если что?! — хорохорится Димка, бледнея.

— Кокетничает с тобой она, а размажут тебя, — втолковываю я своему влюбчивому помощнику. — Не смотри на нее такими телячьими глазами!

— Может, это она тебе голову оторвет или глаза выцарапает? — защищается обиженный Димка. — Ты вокруг ее жениха с намеками вьешься!

— С какими намеками?! — грозно наступаю я на Димку.

— Смокинг, белье, чулки с подвязками, — начинает перечислять Димка. — Костюм служанки в стиле "я на все согласна".

— Пришибу! — искренне обещаю я Димке.

— Да, Нина Сергеевна! — продолжает сопротивляться мой бестолковый помощник. — Если кто и вмешивается в отношения Климова и Светланы, так это вы!

— Кретин! — щедро ставлю я диагноз. — Я протестую. Я агентство спасаю. Для меня этот Холодильник не мужчина вовсе!

— Ага! Он для тебя буржуазия, а ты Ленин! — издевается Димка.

— Бери бумаги по трем последним нашим проектам и ко мне в кабинет. Живо! — командую я.

В полдень выясняется, что Холодильник уехал.

— Не знаю, Ниночка, — разводит руками растерянная Римма Викторовна. — Они вместе со Светланой Кирилловной уехали.

— Мне что-то просил передать? — спрашиваю я, разозлившись. Столько времени на старые проекты потрачено! А мне новым надо заниматься!

— Тебе? Нет. Ничего, — сокрушается Римма Викторовна. — Я только спросила,

вернется ли. Он сказал, что сегодня нет.

С головой погружаюсь в новый сценарий. Сегодня подбираю музыку. Под Чайковского вечером засыпаю прямо за столом.

— Нина! Он тебя вызывает! — осторожно трясет меня за плечо Римма Викторовна. — Он вернулся.

— Он меня, видимо, решил в тонусе держать! — рычу я, подтирая размазавшуюся тушь. — Уезжает, приезжает. Команды раздает!

— Он хозяин, Нина, — успокаивает меня Римма Викторовна. — Ему виднее.

— Добрый день! — с достоинством говорю я, переступая порог кабинета.

— Вы хотели сказать вечер? — поправляет меня Холодильник.

— Нет. Я сказала, что хотела, — выразительно смотрю на настенные часы, показывающие полседьмого.

Хозяин прослеживает мой взгляд и усмехается:

— Соскучились ждать?

— Соскучилась?! — мгновенно вспыхиваю я. — Скорее это вы скучаете по нашему агентству, если возвращаетесь в него в нерабочее время.

— Рамки своего рабочего времени я определяю для себя самостоятельно, — сообщает Холодильник.

— И моего? — нарочито вежливо спрашиваю я.

— Естественно, — пожимает плечами Александр Юрьевич. — И вашего. Приступим?

Мы еще часа полтора работаем в его кабинете, пока за дверью не раздается какой-то шум и даже звук падающего тела.

— Николай?! — окликает невозмутимый Холодильник.

Дверь в кабинет открывается и появляется знакомый мне по первой ночи Хозяина в агентстве личный охранник Климова-младшего Николай.

— Александр Юрьевич! Тут придурок какой-то прорывается. — докладывает Николай.

— Придурок? Прорывается? — уточняет Хозяин, слегка сдвинув брови. — Через что прорывается?

— Получается, что через меня, — отвечает Николай. — Поскольку через их охрану он уже прошел.

Холодильник встает и выходит в приемную. Я осторожно иду за ним.

Черт! Это Гена. Сидит в наручниках на стуле. Губа разбита. Под глазом завтра будет потрясающей красоты синяк.

— Гена! — окликаю я бедолагу.

— Вы знакомы? — позволяет себе удивиться Александр Юрьевич. — Впрочем, чему я удивляюсь?

— Это наш клиент Гена. Геннадий Иванович Муравьев, — терпеливо объясняю я двум мужчинам в черных костюмах. — Он иногда заходит… поболтать.

— Он пьян и опасен, — докладывает Николай, показывая на неадекватного Гену. Гена слегка раскачивается на стуле и тихо поет песню на французском языке.

— Понимаете, — я беру Хозяина за локоть. — Это совершенно не опасный человек. Интеллигент. Умница. Они с мамой — наши постоянные клиенты.

— С мамой? — с усмешкой переспрашивает Холодильник. — Постоянные клиенты? Они детские праздники заказывают? Ему же всего годиков… тридцать?

— Понимаете, — повторяюсь я. — Да. Когда-то это были праздники для Гены. В его детстве. Потом мы делали юбилеи его маме. Чудесная женщина. Музыкальный редактор на одном радио. Готовили презентации книг Геннадия Ивановича. Он очень интересный детский писатель. Может, вы читали его последнюю книгу "Приключения Картофелинки"?

— К моему глубокому сожалению, не читал, — отвечает Холодильник. — Как-то руки не дошли. Может, Николай читал?

— Никак нет! Про Картофелинку не читал. Последние приключения, про которые я читал, были про Буратино, — по-военному докладывает Николай, тщательно скрывая смешинки в глазах.

— Зря! — констатирую я, мучительно думая, как освободить Гену так, чтобы тот не начал говорить.

— Ниночка, любовь моя! — узнает меня Гена, радостно тянет ко мне руки в наручниках. — Я так скучал по тебе!

— Это… к вам? — брезгливо спрашивает Холодильник и несколько раз переводит взгляд с меня на Гену и обратно, словно делает сравнительный анализ объектов.

— Видимо, да, — мне очень хочется самой вывести Гену из агентства, пока он не наговорил лишнего.

— Ниночка! Вы подумали над моим предложением? — Гена смотрит на меня со щенячьей преданностью. — Вы сегодня просто… просто великолепны! Вам так идет это платье! Как представлю, что под ним…

Николай резко поднимает Гену со стула и встряхивает.

— Куда его, Александр Юрьевич? — спрашивает Николай, держа Гену за воротник его легкой куртки.

— К Нине Сергеевне, наверное. — насмешливо предполагает Холодильник. — Это же ее поклонник.

— К вам? — недоверчиво спрашивает меня Николай и тоже начинает сравнительный анализ тел.

— Что вы с ним делаете?! — раздается с порога крик.

О! Только Сальмонеллы здесь и не хватало!

Яна Львовна получила кличку Сальмонелла еще полтора десятка лет назад, когда начала заказывать в нашем агентстве детские праздники для своего сыночка Гены. Такое прозвище ей дал сам Юрий Александрович, которого она доводила своими разговорами до желудочных коликов.

— Сальмонелла относится к первой тройке лидеров диарейных болезней. Отличается вредоносностью и неуязвимостью, — смеясь, говорил мне старый хозяин, когда по вечерам я, десятилетняя девчонка, пробиралась в его кабинет.

Однажды. рисуя возле Павлы Борисовны, которая караулила меня до прихода моих родителей с работы. я познакомилась с Геной. Симпатичный скромный мальчик шепотом спросил меня, не видела ли я его маму.

— Твоя мама — Сальмонелла? — тоже шепотом спросила я.

— Нет, — удивился Гена. — Она Яна Львовна.

Мы часа два играли с Геной в кабинете Павлы Борисовны, пока та обговаривала детали детского праздника для десятилетнего сына. Когда Яна Львовна пришла за сыном, тот радостно сообщил ей, что Нина — его подруга и он приглашает меня на праздник. От Павлы Борисовны Яна Львовна узнала, что я живу в этом доме в трехкомнатной квартире, и с этого

времени я стала "невестой" Гены. По версии Сальмонеллы. конечно. Нет, Гена мне нравился. Он очень добрый и честный. Полная противоположность матери даже в мелочах. Последние пару лет Гена каждый месяц делает мне очередное предложение руки и сердца. Недавно у него появилась привычка делать это слегка подшофе. Для храбрости, видимо. Сегодня этот несчастливый день.

Сальмонелла забежала в приемную и буквально выдернула сына из рук Николая.

— Что это? Наручники?! — завизжала она. — Что вы делаете с моим сыном?

— А как прошли вы? — сурово спросил Яну Львовну Холодильник.

— Обыкновенно, как всегда прохожу, — ответила женщина. — Снимите наручники!

Холодильник приказывает освободить поникшего Гену, которого тут же уводит возмущенная Сальмонелла, пригрозив Николаю Страсбургским судом.

— Проходной двор! — бросает Холодильник в пространство. потом говорит мне с легким презрением. — Идите… спать. востребованная невеста.

Утро вторника в агентстве начинается с потрясающей новости. Хозяин приказал изменить систему охраны здания и даже сменил охранную фирму. С десяти утра по зданию ходят высокие мужчины в черных костюмах, создавая стойкое ощущение, что мы на секретном правительственном объекте.

— Они стирают память такими специальными стирателями, — шепчет мне Димка, когда Павла Борисовна собирает нас в холле. — Видела "Людей в черном"?

— Друзья! — Павла Борисовна улыбается нам успокаивающе. — Александр Юрьевич подписал договор с новой охранной фирмой. Несколько изменяются правила прохода в здание и выхода из него. У вас будут пропуска. Получите в течение дня у Риммы Викторовны. Через сутки установят турникет. Представляю вам начальника нашей охраны Прохора Васильевича Рудского.

Отчетливый женский вздох раздается в тишине холла. На верхнюю ступеньку парадной лестницы, ведущей к лифту, выходит мужчина не существующего в природе вида. Нет, конечно, в некоторых западных фильмах и глянцевых журналах встречаются подобные экземпляры. Но в жизни их так близко никто не видел. Я уж точно. Прохор Васильевич улыбается нам и слегка склоняет голову, приветствуя всех. Это мужчина тридцати-тридцати пяти лет, с идеальным лицом скандинавского воина, идеальной фигурой шпиона высшего эшелона, блондин с идеальной прической и укладкой.

Стон Марины выражает мысль всех присутствующих в холле женщин. И эта мысль формулируется коротко и ясно: "*Почему это не мой мужчина?"*

Глава 6. Начальник охраны

Для того, чтобы сохранить хорошую фигуру
и хорошие отношения,
нужно совершить одно и то же действие:
вовремя закрыть рот.
Олег Рой

— В нашем здании есть клад, — озвучивает свою версию Костик. — И не маленький!

— На агентство готовится нападение, — предполагает растерянная Марина. — Может, преступники думают, что Александр Юрьевич перевез сюда какие- то важные документы.

— Зачем? — ставлю я ее в тупик своим вопросом. — Неужели важным документам плохо лежится в том самом месте, где они были до этого?

— А если ему надо держать их при себе? — находчиво парирует Марина. — А он все время здесь!

— Да глупости! — смеется Павла Борисовна. — Настолько важные документы с собой не таскают. Крайне глупо хранить их в нашем агентстве.

— Тогда клад? — возвращает нас к версии Костика Римма Викторовна.

— Ага! — теперь смеюсь я. — Царскими монетами и ассигнациями.

— Есть идея! — включается в гадание Димка. — Я в фильме одном видел: Хозяин готовит с кем-то тайную встречу, с кем не может встретиться в другом месте. А наше агентство — место незначительное для империи Климовых. Поэтому здесь и состоится встреча для отвода глаз.

— Чьих глаз? — иронизирую я. — Нас здесь несколько десятков человек. Нас тогда убирать надо как свидетелей.

— Убирать? — круглые кукольные глаза Марины становятся еще круглее. — В каком смысле?

— Думаю, удушение, — подхватывает мою шутку Димка. — Чтобы шума не было.

— Да, — немного подумав, соглашаюсь я. — И крови.

В наступившей тишине слышно, как нервно сглотнула Марина. Через пару секунд раздается дружный хохот.

— Идите на места, друзья! — вытирая слезы, говорит Павла Борисовна. — Все разъяснится само собой.

Но ничего само собой не разъяснилось.

К полудню выяснилось, что Прохор Васильевич занял небольшой кабинет на первом этаже. Все сотрудники женщины вдруг вспомнили, что давно не справлялись о самочувствии Дарьи Владиленовны, сидящей в холле, и по очереди отправились ее навещать. Старая мудрая женщина всех благодарила и подробно рассказывала о своем давлении и пошаливающих в последнее время нервишках.

Скандинавский бог то прогуливался по этажам, то тестировал новое видеооборудование, то инструктировал охранников, похожих на манекены в магазине модной мужской одежды. Когда начальник неведомо зачем усиленной охраны пошел в наш бар выпить чашку кофе, случился настоящий офисный коллапс. Желающих перекусить именно в этот момент бар не вместил. Я осталась возле Дарьи Владиленовны, которая получала истинное удовольствие от происходящего:

— Ниночка! Какая прелесть эта жизнь! Я так давно живу на свете, но не перестаю поражаться силе законов природы!

— Вы о силе притяжения полов? — ласково глажу я сухую маленькую ручку Дарьи Владиленовны.

— И о ней тоже, — женщина улыбается мне по-домашнему, по-родному.

В это время в здание стремительной походкой занятого человека входит Холодильник, сопровождаемый Николаем.

— Я побегу, Дарья Владиленовна! — паникую я, шепотом обращаясь к милой женщине. — Сила инстинкта самосохранения, знаете ли…

— Конечно, бегите. Ниночка! — благославляет меня Дарья Владиленовна. — Это так увлекательно — убегать от интересного мужчины, особенно если он не собирается далеко вас отпускать.

— Что за фантазии? — краснею я, испытывая неловкость под голубым лукавым взглядом. — Холодильник меня терроризирует.

— Я и говорю, — согласно кивает Дарья Владиленовна. — Это крайне увлекательно.

Бегу, не оглядываясь, к лестнице. На третьем этаже из "живых" только Костик, Димка и Павла Борисовна.

— Не стали пытать счастья, Нина? — улыбка Павлы Борисовны украшает ее умное лицо.

— Я не связываюсь с призраками, — устало говорю я, запыхавшись от быстрого бега и совершенно не претендуя на внимание полубога — нового начальника охраны.

— Призраками? — удивляется мой помощник. с тревогой глядя на меня. — Твое стремление насолить Хозяину привело к легкому помешательству? Галлюцинации?

— Здравый смысл, — спорю я. — Таких мужчин не существует, значит, он не настоящий.

— Вы мне отказываете в существовании? — негромкий бархатный голос Холодильника раздается над самым ухом, обдавая горячим дыханием шею.

Замираю, не оборачиваясь. Отвечаю громко, демонстрируя хорошо поставленный голос:

— Не все в нашем агентстве имеет отношение к вам. Александр Юрьевич!

— Не расстраивайте меня. госпожа Симонова-Райская, таким странным и нелепым предположением, — Холодильник тоже не двигается и продолжает греть дыханием, словно он Радиатор.

Димка. Костик и Павла Борисовна с самыми серьезными лицами исчезают из коридора, но я вижу, как Димка еле-еле сдерживается, чтобы не фыркнуть от смеха. Ну, получишь потом, помощничек!

— Почему в агентстве так тихо? Где все? — интересуется Хозяин, и мне, вот ей богу. кажется, что его губы слегка касаются моей кожи. От этого по телу бегут несанкционированные мурашки.

— Просто ланч, — отвечаю я и не могу заставить себя сделать шаг в сторону.

— А у вас не аппетита? Совсем? — продолжает делать из меня плавленный сырок Холодильник.

— У меня последние дни… изжога, — доверительно сообщаю я, ошибочно резко разворачиваясь к нему лицом.

Хозяин оказывается настолько близко ко мне, что я, невольно отпрянув, падаю назад. От позорного падения на спину меня спасают крепкие руки, схватившие меня за талию.

— Вот видите, это голодный обморок. — насмешливо говорит мне Холодильник, руки которого тоже оказываются горячими. — Пойдемте!

— Куда? — в пересохшем внезапно горле нет слюны, и мне почти больно.

— Завтракать, — сообщает Хозяин и осторожно отпускает меня.

— Спасибо, у меня нет ни времени, ни аппетита, — продолжаю настаивать, испытывая желание бежать дальше.

— Я. Сказал. Завтракать. — серые, как пасмурное небо осенью, глаза Холодильника недобро щурятся. — Вам накроют в моем кабинете.

— Не имею привычки завтракать с начальством! — грублю я, не понимая, что происходит. — Тем более…

— Вы не имеете привычки выполнять распоряжение начальства, — сообщает мне Хозяин и бросает, уходя к себе в кабинет. — У вас пять минут на осознание приказа.

Бегу в свой кабинет и с удивлением отражаюсь с большом напольном зеркале: лицо розовое, как малиновый крем в эклерах Павла Денисовича, вытаращенные глаза. Тоненький пояс-ремешок моего второго платья- футляра сдвинут на бок. Темно-коричневая ткань, белый воротник-стойка. Серебряная филигранная брошь в виде веточки ландыша с цветами из посеребренного жемчуга.

Что сейчас было? Не понимаю. Ясно одно: Холодильник сменил тактику. Вниманием и почти вежливостью он хочет усыпить мою бдительность. Привожу себя в порядок и иду в кабинет Хозяина.

На журнальном столике стоят две чашки кофе и лежат волшебные горячие рогалики Павла Денисовича, который с довольным видом суетится возле:

— Ниночка! Угощайтесь, дорогая! Ваши любимые — с персиковым джемом!

— Очень мило, — вяло говорю я и сажусь на диван. по которому слегка похлопывает рукой Холодильник.

— У меня есть к вам предложение, — вкрадчиво начинает Александр Юрьевич, чересчур внимательно наблюдая за тем, как я ем рогалик. Пропитанное персиком лакомство выпускает сладкую струйку джема, которая пачкает уголок моих губ. Непроизвольно слизываю капельку, старательно высунув язык. Серые глаза Холодильника снова темнеют, но теперь это не пасмурное осеннее небо, а поздний зимний вечер.

— Вкусно? — интересуется Хозяин, не отрывая взгляда от моего рта.

— Хуже, — искренне говорю я, с аппетитом откусывая от рогалика еще один кусок. — Это просто божественно!

— Настолько, что у вас появился пропавший аппетит? — насмешливо спрашивает Холодильник. — Или вы все-таки пересмотрели свое неадекватное отношение к субординации?

Настроение портится мгновенно. Кладу недоеденный рогалик на блюдце.

— Уже наелись? — сетует Холодильник. — Птичка крошками сыта?

— Не наелась! — вредничаю я, хватая и доедая рогалик. — Аппетит появился, несмотря на ваше присутствие.

— Прекрасно! — констатирует Холодильник ужасным тоном и повторяет. — У меня к вам выгодное предложение. Даже несколько.

— Слушаю, — киваю я, расслабившись и размышляя, брать ли второй рогалик. Сам Хозяин ни к выпечке, ни к кофе не прикоснулся. Он, наивный, просто не пробовал шедевры Павла Денисовича. Попробует — зависимым станет.

— Первое предложение: вы добровольно отказываетесь от места арт- директора и сообщаете об этом моему отцу, — откинувшись на спинку дивана, сообщает мне Холодильник обыденно просто.

Сажусь, расправив плечи и приготовившись к атаке. Ура! Наше общение вышло на знакомый уровень. А то придумал: горячее дыхание. взгляды на губах…

— Есть второе? — саркастически спрашиваю я. — Или вы думаете, что я схвачусь за первое?

— Есть и второе, — усмехается Холодильник. — Для вас лучше первого. Вы отказываетесь от последнего проекта и спокойненько работаете со старыми.

— Спокойненько? — иронично переспрашиваю я.

— Ну, не совсем, но без особого контроля с моей стороны, — обещает Александр Юрьевич. — Практически полная самостоятельность.

— Заманчиво, — тяну я. подняв глаза к потолку. — Вы настоящий искуситель!

— Если бы вы знали, какой! — по-иудовски улыбается Холодильник. — Что решаете? Или вам нужно время для… выбрать?

— Это все предложения? — разочарованно спрашиваю я. — Какой-то скромный выбор…

— Есть и третье, очень выгодное, — ласково говорит Александр Юрьевич и почему-то, встав с дивана, отходит к окну. Оттуда он предлагает:

— Готов выкупить и вашу квартиру, и вашу должность.

От возмущения вскакиваю с дивана и оказываюсь возле Холодильника.

— Значит, это правда?

— Что правда? — осторожно интересуется Хозяин.

— Что вы решили продать наше агентство? — выдвигаю я обвинение.

— По-моему, я только что предложил вам купить, а не продать, — возразил Холодильник.

— Правильно, — нервничаю я. — Сначала вы все у нас купите, а потом продадите!

— У кого у вас? — любопытствует Хозяин.

— У меня и у Карповых! — выкрикиваю я обвинение. — Выкупите наши квартиры, а потом избавитесь от нашего агентства, целиком продав дом. И вам совершенно наплевать на то, что это часть жизни вашего отца, Карповых. моя и еще десятка людей. И мы не убыточные!

— Александр Юрьевич! — окликает с порога кабинета внезапно появившийся Николай. — Нужна помощь?

— Даже не знаю, — медлит с ответом Холодильник. — Еще не понял. Но не волнуйся, Николай! Как только мне будет грозить опасность. я сразу же закричу и позову тебя на помощь. Надеюсь. ты успеешь.

— Надеюсь, что не успеете. Николай! — снова кричу я, почти трясясь от злости, четко осознав, что Хозяин абсолютно не скрывает от меня свои вероломные планы.

— Кому здесь нужна помощь? — незнакомый голос отвлекает мое внимание.

В кабинет входит божественно прекрасный Прохор Васильевич.

— Приветствую, Александр Юрьевич! — говорит он, проходя внутрь и протягивая руку для рукопожатия. — Здравствуйте…

— Нина. — недовольно бурчу я. — … Сергеевна.

— Симонова-Райская. Мой арт-директор, — заканчивает за меня Холодильник.

— Ваш? — Прохор Васильевич дарит мне улыбку бога, медленно и откровенно осматривая меня с головы до ног. — Прекрасный выбор!

— Меня никто не выбирал! — гневно возражаю я. раздражаясь от совершенного вида начальника охраны.

Как я не люблю красивых мужчин! Терпеть не могу таких брутальных и харизматичных! Их ничтожно мало по сравнению с нами. обычными женщинами. И это просто преступление со стороны и Прохора Васильевича, и Холодильника так выглядеть! Стоп, Нина! И этого на Олимп посадила?! Обойдется!

— Я бы вас обязательно выбрал, — целуя мою руку, строго, по-деловому говорит начальник охраны. Предполагается, видимо, что я сейчас лужицей растекусь возле его ног.

— А я бы вас нет! — бурчу я из чувства противоречия. вызывая удивление в глубоком умном взгляде Прохора Васильевича. — Можете не беспокоиться за безопасность своего Холо… Хозяина. Я его не трону!

Прохор Васильевич несколько секунд ошарашенно смотрит на меня. потом откидывает голову назад и начинает смеяться. Громко, искренне. с удовольствием. Губы Александра Юрьевича трогает едва уловимая мягкая усмешка:

— Рад, что у тебя хорошее настроение, Прохор, — в голосе Холодильника не чувствуется той радости, о которой он только что заявил. — Но ты зря расслабляешься, это обманный маневр. Госпожа Симонова-Райская усыпляет твою бдительность.

Симонова-Райская? — переспрашивает начальник охраны заинтересованно. — Вы веточка какой-то дворянской фамилии?

— Это ее звание, — разрешает себе улыбнуться Холодильник. — Намек на рай. Эдем. Яблоневая веточка.

— Это бабушкина причуда, — вежливо объясняю я Прохору Васильевичу, совершенно игнорируя Хозяина. Но терпение не входит в прайс моих достоинств, и я реагирую на провокацию. — Как скажете. господин Климов- Адский.

Прохор Васильевич снова заразительно смеется, и я невольно улыбаюсь в ответ.

— Вы готовы дать мне ответ? — напоминает Холодильник, перестав поддерживать свои же шутки.

— На ваши три предложения извольте получить три отказа. — скалю я зубы. — Разрешите приступить к выполнению своих непосредственных обязанностей?

— Сделайте одолжение! — ухмыляется Холодильник, почему-то нисколько не расстроенный моим тройным отказом. Кажется, у него даже настроение улучшилось.

— А можно я вас провожу? — неожиданно спрашивает меня Мистер Харизматичность — Прохор Васильевич. — Проверю. насколько безопасен ваш кабинет, Нина Сергеевна.

— Как бункер Сталина, — вмешивается Александр Юрьевич. — Кабинет давно проверен.

— Кем? — не понимаю я. — Когда?

— Николаем, два дня назад, — лениво отвечает Холодильник, садясь за стол, погружаясь в бумаги и теряя ко мне интерес.

— Девочки! — непривычно строгая Павла Борисовна сурово смотрит на всех нас поверх очков. — Я собрала вас, чтобы поставить в известность о важном факте в биографии Прохора Васильевича.

Мы набились в кабинет рекламного отдела, собранные там Риммой Викторовной по приказу Павлы Борисовны. Неделя, прошедшая после появления в агентстве Прохора

Васильевича, стала настоящим сумасшествием. Практически все женщины уже попытали счастья, постаравшись привлечь к себе внимание полубога. И домашнюю стряпню носили на первый этаж, и за свою безопасность беспокоились, когда в агентство приходили мужчины, и мужского совета просили.

Прохор Васильевич был вежлив, даже галантен, внимателен к просьбам, глух к комплиментам. Не ел пирожки, булочки и хворост домашнего приготовления. Все свои недюженые силы он отдавал работе. Неожиданно увеличившееся количество клиентов агентства мы связывали с приходом Холодильника напрямую. Серьезный бизнесмен заинтересовался небольшим агентством. Эта новость привлекла и журналистов, и клиентов. Стало многолюдно. Работы прибавилось у всех. Но это не мешало нашим девочкам от двадцати до шестидесяти виться вокруг Прохора Васильевича. Было это настолько откровенно и навязчиво, что Павла Борисовна не выдержала.

И вот мы сидим в кабинете Марины и испуганно смотрим на рассерженную женщину.

— Он женат?! — облекает в слова коллективную женскую мысль Марина.

— Давно и глубоко! — забивает Павла Борисовна первый гвоздь в крышку гроба, в котором добрая половина соискательниц похоронила свои надежды.

— Насколько давно? — выдыхает вопрос блондинка Верочка, надеясь на свою молодость и свежую красоту.

Павла Борисовна выдерживает мхатовскую паузу:

— Двенадцать лет! — такое количество лет звучит как приговор.

— Ах! — веселюсь я, наблюдая за своим родным курятником. — Столько дают за убийство с отягощающими обстоятельствами.

— И дети есть? — почти плачет Марина.

Павла Борисовна снова держит паузу:

— Четверо!

Падающие челюсти заколачивают оставшиеся гвозди.

— Я бы от такого рожала и рожала… — стонет Верочка.

— Как там говорят? — насмехается над нами Димка. — Жена не стенка — можно и подвинуть.

— Двенадцать делим на четыре… — задумывается Верочка.

— Калькулятор? — не удерживается от сарказма Димка.

— Один ребенок каждые три года! — сообщает Марина, печально оглядев нас. — Если за двенадцать лет никто не увел…

— Совершенно верно! — Павла Борисовна очень довольна произведенным эффектом. — Работаем спокойно и ведем себя прилично. А то уже перед Александром Юрьевичем неудобно.

— Кстати, об Александре Юрьевиче! — Марина оживляется. — Он еще не женат.

— Орлы на курицах не женятся! — отрезает Павла Борисовна. — Хватит строить матримониальные планы на пустом месте.

Работаем с Димкой и Костиком до позднего вечера. Опять не успею навестить родителей. После полуночи тащусь вниз, в холл, с чашкой "ужина для балерины". Даже не успеваю устроиться в кресле Дарьи Владиленовны, как свет уличного фонаря, желтой дорожкой пересекающий пол, перекрывает широкая тень.

— Нина Сергеевна? — удивленный вопрос Прохора Васильевича, неожиданно

вышедшего из своего кабинета. — Что-то случилось?

Только сейчас понимаю, что больше недели не спускалась ночью в холл и начальник охраны ничего не знает о моей странной привычке. Позвольте? А почему он здесь? Видимо, я спрашиваю вслух, потому что Прохор Васильевич вежливо отвечает именно на эти вопросы:

— Задержался. Уже ухожу.

— Всего доброго, — устало улыбаюсь я ему, стараясь не глазеть на его мужественное лицо и потрясающую фигуру. Вот ведь щедрой дланью боженька отсыпал мужику! Информация о семейном положении многодетного отца вызывает во мне неподдельное уважение и симпатию.

Но Прохор Васильевич не уходит, а садится возле кресла прямо на ступеньку.

— Я наблюдал за вами, Нина, — вдруг перестав добавлять мое отчество, говорит начальник охраны.

— За мной? — глупо переспрашиваю я. — Зачем? Боялись, что я нападу на Александра Юрьевича?

— И это тоже! — образец женского представления о счастье ослепительно улыбается. — Но еще и потому, что вы очень интересная девушка.

Неужели? Я не ослышалась?

— Интересная? — уточняю я осторожно.

— Весьма, — подтверждает Прохор Васильевич. — Умная и смелая. Впервые вижу особу женского пола, не боящуюся Александра… Юрьевича.

— Его боятся все женщины? — воинственно спрашиваю я, встав в стойку при упоминании имени личного врага. — Почему?

— Я не то слово подобрал, — поправляется мужчина. — Вернее будет сказать, что женщины либо влюбляются в него. либо ненавидят. Что в его случае. в общем-то. одно и то же.

— От любви до ненависти и обратно ходят не все, — возражаю я. — Это шаблон для любовного романа.

— Это шаблон для жизни, — философски поправляет меня Прохор Васильевич. — Вокруг сильных личностей всегда многолюдно.

— Как вокруг вас? — смеюсь я. Мне определенно нравится этот милый мужчина, двенадцать лет верно преданный любимой жене.

— Со мной все проще. — тоже смеется мужчина мечты. — Я не очень общителен, а таинственность привлекает женщин.

— Не очень общителен? — покатываюсь со смеху. — Вы шутник, Прохор Васильевич!

— Еще какой! — раздается голос с лестницы. (И Холодильник еще здесь?!) — Прохор — просто мастер разговорного жанра!

— Доброй ночи! — насмешливо говорит Прохор Васильевич. вставая со ступеньки.

Я вскакиваю с кресла.

— Сидите-сидите. — откровенно насмехается Александр Юрьевич. — Рабочее время на паузе.

— У меня нет, — серьезно отвечает начальник охраны. — Вас отвезти или…?

— Спасибо! Не откажусь. Николая я отпустил, — соглашается Холодильник, подозрительно нас разглядывая.

— Вас проводить? — подает мне руку Прохор Васильевич.

— Я сам провожу госпожу Симонову-Райскую. — вдруг говорит Холодильник. — У меня к ней личный вопрос.

Мы молча поднимаемся по лестнице на четвертый этаж.

— Я заметил, что вы не ездите на лифте, — действительно замечает Хозяин. — Это фобия или…

— Это здоровая привычка! — сержусь я. — Аэробная нагрузка на сердце.

— Как скажете. — соглашается Холодильник.

Возле дверей, ведущих на четвертый этаж, не выдерживаю и спрашиваю:

— Что за личный вопрос?

Александр Юрьевич прислоняется к косяку:

— Я не люблю, когда моего начальника охраны отвлекают по пустякам.

От возмущения сразу срывает предохранители:

— Что?! Я отвлекаю?! Я ужинала, а он появился. При чем здесь вообще я? На какие пустяки, по-вашему. я его отвлекала?

— На несущественные? — иронизирует Холодильник и не торопится уходить.

— А бывают существенные пустяки? — огрызаюсь я. — Не знала.

— Не цепляйтесь к словам. — лениво говорит Хозяин. — Я сам виноват, что перебросил Прохора на этот объект.

— Меня эта переброска никак не смущает, — докладываю я. — Прохор Васильевич, как порядочный семьянин и многодетный отец, достоин всяческих похвал. Он же не виноват, что он…

— Что он? — подсказывает Холодильник.

— Красивый мужчина! — вызывающе гордо говорю я. — Спокойной ночи! Закрывая дверь и невольно оборачиваясь, успеваю увидеть недоуменный, даже растерянный взгляд Хозяина, не попрощавшегося со мной.

Утром, когда я увлеченно расписываю Димке достоинства начальника охраны, он недовольно сопит, потом вдруг вскакивает и куда-то убегает. Возвращается с Костиком.

— Говори! Скажи ей! — требует он от приятеля.

— Неужели Павла Борисовна…? — начинаю догадываться я. — Обманула девочек? Не женат и бездетен?

— Женат двенадцать лет. Четверо детей. Три девочки и один мальчик, — сообщает довольный Костик.

— И почему у вас такие нагло-счастливые рожи? — расстраиваюсь я. — Только не говорите, что он другой… ориентации…

— Ничего подобного, — успокаивает меня хихикающий Димка. — Все в пределах нормы! Стопроцентный мужик!

— Тогда что? — нетерпеливо дергаю я Костика.

Костик, подмигнув Димке и победно посмотрев на меня, торжественно сообщает:

— И года, и дети в сумме!

— В сумме? — смутная догадка тут же приходит на ум.

— Да-да! — смеется Костик, поняв мой взгляд. — Четыре брака — четыре ребенка. Эту мелкую подробность Павла Борисовна упустила.

— И правильно сделала! — я по достоинству оценила ее шахматный ход. — Такого нестойкого красавца наши девочки на пятого и шестого раскрутят.

Ну, Павла Борисовна! Молодец! Интересно, сколько времени продержится эта тайна?

Глава 7. "Расстанемся красиво"

Брак — единственный союз,
из которого можно выйти
только путем роспуска
всей организации.
Владислав Гжещик

Девушки и юноши в элегантных смокингах встречают гостей. Звучит мягкая инструментальная музыка Поля Мориа. Длинный стол накрыт на двенадцать гостей. На противоположных концах стола стоят похожие на трон стулья с высокими спинками, украшенными замысловатой резьбой. На них напротив друг друга сидят бывшие супруги Тарасовы, чей развод сегодня торжественно празднуется в кругу родственников и самых близких друзей.

Галина Ивановна, бывшая балерина, в шифоновом платье винного цвета, на изящных шпильках, с высокой замысловатой прической. Красивое строгое лицо светится легкой грустной улыбкой. Степан Ильич, заслуженный музыкант, флейтист театрального оркестра, в черном строгом костюме, делающем его располневшую фигуру стройнее и внушительнее, радостно приветствует каждого нового гостя. Юноши и девушки в смокингах помогают гостям сесть за стол, согласно строгому плану, и расставляют в большие напольные вазы многочисленные букеты.

— Это абсурд, бред, ведьменский шабаш, — констатирует Холодильник, сидящий со мной и Димкой за отдельным столиком неподалеку.

— Не будем начинать заново наш философский спор, Александр Юрьевич, — приглаживая подол длинного вечернего платья, примирительно говорю я ему, не желая раздражаться в такой ответственный момент и портить себе настроение.

Одев в смокинги группу обслуживающих нас студентов театрального училища, я с помощью Ленки выбрала себе прекрасное платье в стиле "чеонгсам", правая половина которого была чернильно-черной, а левая белоснежно-белой. Я обожаю подобные элегантные платья, на появление которых оказали влияние культура и мода Китая. Они представляют собой облегающие модели с вертикальным воротником, запахом по диагонали и небольшими разрезами по бокам. Конечно, чаще они из яркого шелка с цветочным рисунком. Но Ленка нашла мне это платье "дуэт".

Долго подбирали украшение и остановились на старинных бусах с крупным натуральным янтарем, который специалисты называют "желток" за яркий желто-оранжевый цвет с коричневыми прожилками. Еще дольше рисовала на глазах черные стрелки. Слегка завитые в крупные локоны волосы я забрала в высокий пучок и заколола двумя длинными заколками-спицами. Холодильник в неизменной белой рубашке, черных брюках и сером пиджаке, ожидая меня у лифта, оценивающе оглядел с ног до головы (именно в такой последовательности!) и, усмехнувшись, показал на двери лифта.

— Благодарю, но я люблю лестницу! — вежливо отказалась я, проходя мимо. Холодильник резко выбросил вперед руку и придержал меня за локоть.

— Не так быстро, Симонова-Райская, — строго говорит он. — Мне кажется, вы недооцениваете важность сегодняшнего мероприятия.

Останавливаюсь и, глядя прямо в глаза Холодильнику, вижу серые вихри, закручивающиеся спиралью.

— Я трезво оцениваю важность происходящего, — уверяю я Хозяина, мягко забирая свой локоть. — Уверена, у вас не будет причин закрывать наш проект.

— Посмотрим, — зловеще предупреждает Холодильник и не заходит в лифт, а идет вместе со мной по лестнице.

Торжественный вечер. посвященный разводу Тарасовых, проживших в браке двадцать семь лет, организован в камерно-театральном стиле. Приглашенные актеры пели романсы. Балетная пара студентов хореографического училища исполнила микс-миниатюру. Друг семьи, известный пианист, вместе со Степаном Ильичом, играющем на флейте, подарил гостям мелодию, под которую когда-то танцевали на своей свадьбе первый танец Тарасовы.

Тосты гостей были обговорены мною заранее с каждым. И это был не дежурный набор слов с пожеланиями счастья каждому, но уже не в одной семье, а хронологически продуманный экскурс в семейную жизнь Тарасовых.

Мать Галины Ивановны остроумно рассказала о том, как еще молодой Степан Ильич ухаживал за ее дочерью. Мать Степана Ильича благодарила бывшую невестку за единственную внучку Ириночку, свет очей всей родни. Сослуживцы из театра вспоминали лучшие партии Галины Ивановны. Ученики Степана Ильича порадовали всех пьесой-шуткой, исполненной на трех флейтах. Дочь Тарасовых Ирина. художник-оформитель одного из крупных издательств, написала две картины, которые назвала "Он и Она". Первую, черно-белую, контрастную и какую-то резкую по настроению она подарила матери. а пастельную, нежную — отцу.

— Я знаю, дорогие мои, что вы давно приняли это решение, и уважаю его, — начала свою речь Ирина. — Благодарна вам за то, что договорившись о расставании, вы терпеливо привыкали к этой мысли и берегли меня. И если вы искренне считаете, что не вместе вам будет лучше, то никто не имеет права указывать вам на обратное. Вы взрослые состоявшиеся люди, много сделавшие и в своей профессии, и для меня. Спасибо Вам! Я вас люблю. Постарайтесь быть счастливыми, если этого вы сейчас ищете.

— Молодец, Нина! — салютует мне бокалом лимонада Димка. — Умно. Тонко. Твоя редактура?

Весь вечер Холодильник сидит мрачный и неразговорчивый. Он расслабляется только во время исполнения музыкальных номеров. Когда начинают говорить гости, он заметно напрягается, словно ждет провокации. Финальная часть вечера просто вышибает дух из мощного тела Холодильника, делая его серые глаза черными. По моей задумке последними тостами обмениваются бывшие супруги. Сначала Галина Ивановна вспоминает, как была влюблена и даже сбежала из дома, чтобы быть вместе со Степаном, и показывает всем медное колечко, которое стало его первым подарком. Потом Костик показывает гостям видеофильм, сделанный им вместе со Степаном Ильичом в формате фотоальбома. Сам же Степан Ильич берет в руки гитару, и звучит песня, которую дружно, со слезами на глазах подпевают гости.

Я иду по ночному городу,
Фонари головой качают,
Делят рельсы всю землю поровну
На свои и чужие вокзалы.
На свои и чужие улицы,

Перекрестки, дома, бульвары,
А под ними планета кружится,
Как простой перебор гитары.

Холодильник смотрит на меня сумасшедшими глазами, в которых явно читается приговор: "Вы ненормальная!"

Как стремительно время кружится,
Как безумно бежит дорога.
Чтоб уехать так много нужно нам,
А вернуться чтоб — так немного.
Возвращаемся непременно мы
К городам своим и вокзалам,
А гитары струна задумчива,
Нам так многого не сказала.

Наша "массовка" стройно и неожиданно для всех подхватывает песню, последние слова которой звучат трогательно и оптимистично одновременно.

Фонари от рассвета жмурятся,
Поднимают дугу трамваи,
Мы вернулись к любимым улицам,
Где так долго мы не бывали.
В синем воздухе дождик мечется,
Сыплет капли на город спящий,
А гитарные струны шепчутся
И глядятся в асфальт блестящий.

— Полное впечатление, что мы на юбилее Дня свадьбы! — говорит расчувствовавшийся Димка. — Нинка — ты талант, если не гений!

Когда довольные клиенты и их гости покидают агентство, Холодильник, прямо посмотрев мне в глаза жестким и даже злым взглядом, молча уходит к лифту.

— Он злится, что ему понравилось! — смеется Димка. — И что причин закрывать проект нет!

— Он его идеологический противник. Сам знаешь, что мало кому мой проект нравится, — вздыхаю я, разувшись и с наслаждением вытянув ноги, уставшие от шпильки. За три недели правления Нового Хозяина я разучилась носить каблуки.

— Есть спрос — есть и предложение! — утешает меня Димка. Ты — молодец! Хозяин оценил и отцепится от тебя, вот увидишь.

Но увидела я прицепившегося Хозяина.

Напевая и размахивая снятыми туфлями, босиком поднимаюсь на третий этаж. Большое зеркало в кабинете отражает счастливую и довольную собой, молодую и красивую (хочется надеяться!) женщину.

— Я понял, что в вас не так! — раздается голос за моей спиной. — Вы совершенно лишены эмпатии. Вам нравится издеваться над людьми. Вы получаете от этого почти сексуальное удовольствие.

В зеркале отражается Александр Юрьевич, стоящий вплотную ко мне. Через тонкую ткань платья я чувствую пуговицы его пиджака. Левой рукой Холодильник обнимает меня за талию, а правой рукой берет за подбородок, поднимая мое лицо, поворачивая его направо и налево.

— Только посмотрите на свое лицо! Оно светится от счастья! Вы только что вытащили наружу два сердца, оголили их, выдавили из них воспоминания, желания, мечты и пустыми вставили обратно. Вы страшный человек!

Мое сердце стучит с перебоями. Ни о чем, кроме его рук, мозг не думает, а между тем, ученые утверждают, что тезис о десяти процентах использования мозга — миф, научно опровергнутый. Но в мое сознание больше информации не помещается.

— Поражаюсь, как Тарасовы на это согласились, — негромко говорит Холодильник, не убирая левую руку, а правую перекладывая на мое горло и слегка надавливая так, что моя голова затылком ложится на его плечо.

Так мы и отражаемся в зеркале: высокий мужчина с горящими темнотой серыми глазами, и черно-белый вариант Нины Симоновой-Райской, четко разделенный на две половины.

— Вот она, ваша правая сторона, Нина, черная, как ночь. Это ваши сумасбродные идеи. сумасшедшие проекты, горячая и неуправляемая натура, — Холодильник мягко опускает правую руку под мою правую грудь.

— А это ваша левая сторона. белая, чистая, целомудренная. Это то, какой вы могли бы быть, если бы не шли на поводу у своей буйной, я бы даже сказал. больной фантазии, — левая рука Холодильника поднимается под левую грудь.

Одуревшим взглядом смотрю на наше отражение. Кожа горит под его горячими руками, которые он не убирает.

— Это убийственный коктейль, госпожа Симонова-Райская, — шепчет Хозяин, своими губами щекоча кожу моей шеи.

— Вам не понравился сегодняшний вечер? — сглотнув. спрашиваю я, не в силах ни оттолкнуть его, ни отойти самой.

— Да. Мне не понравился этот вечер, — подтверждает мое предположение Холодильник. — Он был прекрасен, но…

— Но? — дрожу я от напряжения и от осознания тяжести его рук под моей грудью. Что будет, если он переместит руки выше?

— Но ужасен, — противоречит самому себе Александр Юрьевич, действительно, медленно, очень медленно сдвигая руки чуть выше.

— Нина! Вы не знаете, где Саша, Александр Юрьевич? — за дверью моего кабинета раздается голос Светланы.

Александр Юрьевич так же медленно, словно совсем рядом не стоит его невеста. убирает руки и делает шаг назад. Дверь осторожно открывается, и в мой кабинет заходит Светлана, молодая. свежая, бодрая.

— Здравствуйте, Нина! — улыбаясь, говорит она мне. — Саш! Ищу тебя. Мы обещали быть сегодня с папой.

— Я помню, — сухо отвечает Холодильник. — До встречи еще час.

— Мне нужно переодеться, думала, ты меня отвезешь, — радостно отвечает Светлана. с недоумением глядя на туфли в моих руках и мои босые ноги. — У вас что-то случилось, Нина?

— Нет! — растягиваю губы в довольной улыбке. — Александр Юрьевич хвалил меня за проделанную работу. Даже премию обещал.

— Не припоминаю… — мрачно говорит Холодильник. — Обычно премиями я не разбрасываюсь.

— Странно, а мне показалось, что вы только что сказали, что вечер был прекрасен, а я достойна награды, — лукаво напоминаю я Холодильнику, у которого почему-то совершенно испортилось настроение, и он этого не скрывает.

— Я подумаю о вашем награждении. Это единственное, что я могу вам пообещать, — сухо бросает Хозяин и, подав руку Светлане, покидает мой кабинет.

Мы обмываем успех проекта в моей любимой квартире. Димка притащил десять бутылок темного бельгийского пива "Бургонь де Фландрес". Павел Денисович испек мою любимую пиццу с жульеном и кофейно-шоколадное печенье макароне.

— Нинок! Это было великолепно! — провозглашает первый тост Димка, разлив пиво по огромным бокалам.

— Согласен с оценкой! — подтверждает Костик. — Мне через час начало казаться, что Тарасовы сейчас бросятся в загс, чтобы подать заявление на регистрацию.

— Вот не принимаю я эту идею! — жуя пиццу, прихлебывая пиво, с полным ртом говорит Ленка. — Аж мурашки по телу! Праздновать развод — чушь несусветная!

— Почему? — искренне спрашиваю я друзей. — Множество пар расстаются не грязно, не ненавидя друг друга, а сохранив уважение и благодарность за то, что было.

— Тогда почему разводятся? — допытывается дотошная Ленка, пережившая развод о своим Витькой тяжело и мучительно.

— Наверное, перестают любить, — неуверенно говорю я. — Я не знаю. Или встречают новую любовь. которая сильнее старой. Или им так кажется.

— А эти Тарасовы? У них тоже новая любовь? — любопытствует Ленка и тянется за вторым куском пиццы. — Павла Денисовича надо охранять, как золото партии. Все-таки кулинария — волшебство!

— Да. Он обыкновенный волшебник, — соглашаюсь я. — А у Тарасовых никого нет. По крайней мере, мне это неизвестно. Они уже больше года живут отдельно. Развод оформили месяц назад. Но захотели расстаться красиво.

— А тут Нинка со своим проектом! — поднимает второй тост Димка.

— Что хотите говорите, но это неправильно! — не сдается Ленка, раздумывающая, брать ли третий кусок пиццы. — А как Холодильник?

— В глубокой заморозке! — сообщаю я, легкомысленно поедая третье печенье. — Он на твоей стороне целиком и полностью. Проект ему не нравится. Вечер ему понравился, поэтому он разозлился. Сегодня нагуляется с невестой — завтра придет и опять будет закрывать проект.

— Он сегодня гуляет? — Ленка хватает планшет и роется в интернете. — Вот! Они на благотворительном вечере в оперном театре. Какой красавец! Прекрасная пара!

Ленка разворачивает экран в нашу сторону. Возле фуршетного стола Климов-младший и Светлана Кирилловна. Кремовое открытое платье на тоненьких бретельках делает Светлану еще более юной и трогательной. Она обеими руками держится за его полусогнутую руку и жизнерадостно улыбается. Глаза горят каким-то предвкушением. Сам Холодильник сдержан и суров. Фотографу удалось схватить нечитаемое выражение его серых глаз. Вообще эта пара производит впечатление благополучной и стабильной.

— Робот! — ставит диагноз Ленка. — Ни капельки человеческого чувства. Приобнял бы невесту, улыбнулся. У него, наверное, руки деревянные, а сердце пластиковое.

— Руки у него живые, горячие и очень человеческие, — хочется сказать мне, но я, конечно, не говорю.

— А мне кажется, что он как раз чувствительный и ранимый, — неожиданно говорит Димка. — Он же против твоего проекта по самым человеческим причинам.

— Он против нашего агентства по самым нечеловеческим причинам! — возмущаюсь я. — А мой проект — только повод для придирок.

Ночью, оставшись одна, перемыв посуду и мысленно косточки Холодильнику, я принимаю душ, залезаю в ночную рубашку и огромный махровый халат. Сегодня в здании точно никого нет. Я отправляла на разведку Димку. Он принес разведданные: Прохор Васильевич на другом объекте, центральный вход, как всегда, на сигнализации. Шлепаю в холл с чашкой горячего чая и залезаю с ногами в кресло.

— Опять не спится? Или вы продумываете детали нового сценария? — голос Холодильника, вышедшего из комнаты охраны, опять пугает меня.

— Что вы здесь делаете? — возмущаюсь я, оправдывая свой страх и злясь.

— Придумал, как вас наградить, и вернулся, чтобы не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, — темный взгляд путешествует от воротника моего халата к голым ногам.

Глава 8. Награда

Первый человек,
бросивший ругательство вместо камня,
был творцом цивилизации.
Зигмунд Фрэйд

— На самом деле, вариантов мести довольно много! — сообщает Костик, бороздящий просторы всемирной паутины. — Голь на выдумку хитра. Только выбирай!

— Из чего? — хмуро спрашиваю я, наслаждаясь горячим какао с ликером "Бейлиз", которое сварил для меня добрейший Павел Денисович.

— Подмешать слабительное в чай или кофе, — Костик начинает перечислять способы мести подчиненного руководителю. — Подключить голубей- мстителей.

— Это как? — любопытствует Димка.

— Да набросать на капот автомобиля зерна или крошки хлеба, — смеется Костик.

— А на самого… сам объект можно набросать? — скалюсь я, злобно представив себе, как великолепную белоснежную рубашку Холодильника украшают перламутровые подтеки голубиного помета.

— Сложно осуществить технически, — усмехается довольный Костик. Он вообще кажется неадекватно довольным с самого утра, как только услышал от меня просьбу помочь отомстить Хозяину. — Женщины мстят изощренно и через секс.

— Секс?! — в ужасе таращу на Костика глаза. — В каком смысле?

— О! Тут вариантов множество! — Костик даже потирает руки от предвкушения. — Можно подбросить анонимное письмо его девушке о том, что у него есть любовница.

— Не вариант! — категорически отказываюсь я. — Что-нибудь поприличнее?

— Можно разместить на сайте секс-услуг его фото и текстик с его предпочтениями, что-то очень пикантное. Ну, и телефончик, разумеется.

— Да нас его безопасники вычислят за пару минут! — паникует Димка.

— Даже обидно! — иронизирует Костик. — Думаю, за час-полтора. Я программист вообще-то неплохой.

— А можно как-то обойти тему секса? — уныло спрашиваю я друзей, с которыми сижу в нашем кафе-баре в обеденный перерыв.

— Можно, — вздыхает Костик. — Но это уже неинтересно.

— Мне нужно эффективно, фундаментально, так, чтобы его от досады рвало на британский флаг! — поясняю я не в меру развеселившимся юношам.

— Тогда надо собирать на него компромат, — совершенно серьезно, перестав смеяться, говорит Костик. — Могу взяться, но это, мягко говоря, опасно.

— Даже не вздумайте, Нина! — предостерегает Димка. — Тот же душка Прохор Васильевич будет тебя и нас пытать оголенными проводами. Не посмотрит ни на твою красоту, ни на нашу молодость!

— Это если собранный нами материал не будет иметь критической важности для Хозяина. Иначе все наши действия обернутся против нас же, — откровенно говорит Костик.

— Тогда мне не надо по Гамбургскому счету! — горячечно объясняю я. — В таком случае мне можно мелко, подленько, но чувствительно.

— Да, Нина… — тянет с удивлением Димка. — Благородненько, ничего не скажешь! Может, расскажешь, что за ночь могло случиться?

НОЧЬЮ

Вскакиваю с кресла и нервно одергиваю полы халата.

— Я бы предпочла получить награду завтра. Я давно могла бы… спать. Так что это не срочно, наверное?

— Еще как срочно! — не соглашается со мной Холодильник и подходит близко-близко. — Не пригласите на чашку чая?

— На благотворительных вечерах не подают чай? Только шампанское? — с вызовом спрашиваю я, потуже затягивая пояс халата.

— Представляете, какое упущение? — картинно сетует Холодильник, потянув за пояс моего халата, который тут же распахивается, открывая, по словам Ленки, "кружевное чудо". Шелковое, цвета крем-брюле, с кружевным корсетом.

— Что вы делаете? — пересохшими губами спрашиваю я.

— Я нечаянно, — искренне лжет Холодильник, опуская глаза с моего лица на мою… на меня остальную.

Он хочет меня соблазнить, влюбить в себя и достичь своих целей по закрытию агентства, так сказать, малой кровью! Так просто и так цинично! Резко запахиваю полы халата и крепко-накрепко завязываю пояс на два узла.

Холодильник усмехается и отступает от меня на шаг назад.

— Что насчет чая? — переспрашивает Александр Юрьевич.

— Угощайтесь! — хватаю свою чашку и резким движением вкладываю ее в руки Хозяина.

Холодильник с некоторым удивлением смотрит на содержимое чашки, словно не верит, что в ней обыкновенный чай. Потом неожиданно для меня, пристально посмотрев мне в глаза. он залпом выпивает мою чашку чая.

— Неплохо, — говорит он, вкладывая в мои руки пустую чашку. — С чабрецом?

— С травкой одной лекарственной, — шепотом сообщаю я, с удовольствием отметив, как слегка бледнеет его лицо.

— Надеюсь, приворотной? — серьезно шутит Холодильник, снова сосредоточив взгляд на поясе моего халата.

— Что вы! Исключительно отворотной! Как выпьешь, так тебя и отвращает от всего и всех, — доверительно сообщаю я ему, словно лучшей подруге.

— Как интересно! — замогильным голосом отвечает на мой вызов Хозяин. — Давайте проверим крепость отворота?

Холодильник снова тянется к моему поясу. Я ловко отпрыгиваю вбок.

— Проверьте на своей невесте! — нагло советую я, отбегая к лестнице. — На мне бессмысленно. У нас же нет никаких личных отношений. Отворачивать не от чего!

Мой стремительный бег по лестнице. Бешено колотящееся сердце, выпрыгивающее из кружев комбинации и тяжелого халата. Не трачу время на то, чтобы оглянуться и проверить, идут ли за мной. Но трачу его на поиски ключей от квартиры. Халат мне очень большой, поэтому в утянутом состоянии большие накладные карманы оказываются где-то в районе спины. И чтобы достать ключи из правого кармана, мне самой приходится развязать пояс.

— И мне кажется, что то, что под халатом, гораздо интереснее, — раздается голос

Холодильника за спиной. Замечу, совсем не запыхавшийся.

Дрожащей рукой вставляю ключ в замок. Большая горячая рука накрывает мою и помогает повернуть ключ. Дверь распахивается, но я остаюсь стоять на пороге, не двинувшись с места и не повернувшись лицом к незваному гостю.

— Отворот не сработал, — просто сообщает мне Хозяин. — Нужна еще одна доза.

Стойко держу спину прямой и упорно не оборачиваюсь:

— Возможна передозировка при частом употреблении, — нудным голосом опытного врача говорю я.

Ваша хитрость разгадана и будет подавлена в зародыше, господин Холодильник!

Крепкие сильные руки берут меня за талию, и, оторвав от пола, просто переставляют внутрь квартиры. Холодильник делает шаг через порог и захлопывает дверь.

Вырываюсь из его рук, разворачиваюсь, взмахнув полами распахнутого халата, как крыльями. Хозяин застывает на месте, потеряв интерес к моему лицу и не отрывая взгляда от моих кружев.

— А Светлана Кирилловна довольна сегодняшним вечером? — спрашиваю я, смело решив не запахивать халат. — Она в курсе, что вы работаете по ночам, не жалея себя?

— Светлана Кирилловна — умная девушка. Она понимает свое место и ценит особое к себе отношение, — медленно, четко выговаривая каждое слово, отвечает на мой выпад Холодильник.

Прекрасно! Мне дали понять, что все и вся возле Климова Александра Юрьевича имеет свое место и знает ему, этому месту, цену.

— Покиньте, пожалуйста, частную территорию, — я получаю удовольствие, показав Холодильнику на дверь, точно копируя его собственный жест.

— Вы не хотите узнать о своей награде? — усмехается Хозяин, не двигаясь с места. — Любопытство вам не свойственно, как другим женщинам?

— Мне — нет! — утверждаю я, сгорая от желания узнать, что же он придумал в качестве награды. Если теплую постель, то его ждет горячее разочарование. — Мне кажется, что вы неспособны по достоинству наградить меня за хорошую работу.

— Давайте, я попробую? — предлагает Холодильник и делает шаг вперед, обнимает меня за плечи и говорит в самое ухо. — Я проанализировал наши отношения, госпожа Симонова-Райская, и после вашего обтягивающего смокинга, разрезов и чулок с подвязками пришел к выводу, что вы изо всех сил привлекаете мое внимание. Я вам нравлюсь?

Поскольку я ошарашенно молчу, не зная, что ответить и досадуя на саму себя за неверно выбранную ранее тактику, Холодильник, неверно поняв мое молчание, продолжает:

— Два взрослых человека всегда найдут точки соприкосновения, несмотря на разногласия и недопонимание.

И Холодильник тут же, в подтверждении своих слов начинает искать "точки соприкосновения" под бретельками моей комбинации, аккуратно спустив их с моих плеч.

Вырываюсь и делаю два шага назад:

— У нас нет точек соприкосновения, господин Климов! Вы ошибочно приняли нарушение дресс-кода со стороны сотрудника за… знаки внимания к своей персоне! И таким… экстравагантным способом вам не удастся закрыть наше агентство.

— Вы уже знаете, какой способ я выбрал? — красивые брови Холодильника слегка приподнимаются в удивлении. — Просветите, пожалуйста.

— Соблазнение! — выкрикиваю я, гордо сложив руки на груди и задрав подбородок.

— Кого и кем? — лениво интересуется Холодильник, с неизменной усмешкой глядя мне прямо в глаза.

— Меня. Вами, — утверждаю я, не меняя гордой позы.

— Даже так? — Хозяин усмехается еще откровеннее. — Ну, значит я неверно считал ваши знаки.

— Какие знаки? — ворчу я, начиная кутаться в халат.

— Вашего внимания ко мне, — поясняет Александр Юрьевич. — Не хотел вас смущать отказом. Решил поддержать игру. Но у вас, видимо, был другой сценарий?

— Ничего, кроме протеста против нелепого дресс-кода в творческом агентстве и кроме желания вернуть старого хозяина, — честно говорю я. с очередным вызовом глядя на него.

— Вы тратите энергию на мелочи, не имеющие отношение к работе, — констатирует Холодильник. — И еще… переигрываете, пытаясь доказать мне, что я вам безразличен.

— Что? — задыхаюсь я от злобы. — Да вы… Да я…

— Спокойной ночи, уважаемый арт-директор! Берегите себя, не лопните от… досады. — вежливо говорит Холодильник и выходит за дверь.

Через пару секунд дверь снова открывается, и я слышу:

— Жаль, что вы так и не дождались моих слов о награде. Что ж… Останетесь без нее.

— Мне надо отомстить. Обязательно. Иначе меня порвет на сотню маленьких медвежат! — убеждаю я своих друзей.

Димка сочувственно вздыхает и предлагает:

— А может, все-таки скомпрометируешь его? Костя видео состряпает? И будешь шантажировать Светланой?

— Не в этом тематическом поле! — категорически отказываюсь я, вспоминая ночной разговор с Холодильником.

— Все остальные способы тебя тоже все равно не устроят — здесь щепетильности не место. А ты не такая, — пытается объяснить мне Димка. — Не сможешь ты сплетни про него распространять. Документы воровать и перепродавать. Или я не прав?

— Не смогу, — почти стону я. — Безнадега!

— Жди. Наблюдай. Терпи, — советует Костик. — Жизнь подкинет идею. Придумаешь.

— Друзья! — чем-то довольная Павла Борисовна собирает нас в холле. — До нового года две недели. У нас к реализации семь праздников. Работаем творчески, с огоньком. Разрешаю на пару недель смягчить дресс-код.

— Это новогодний подарок от шефа? — радуется Марина.

— Это подарок от меня, — смеется Павла Борисовна. — Александр Юрьевич уехал отдыхать на две недели. Может, на три.

— Отдыхать? — недоверчиво переспрашиваю я. — В каком смысле?

— В прямом, — недоумевает Павла Борисовна. — В Европу. С невестой. Чувствую себя зеленым воздушным шариком, неожиданно лопнувшим лоскутками. Именно такой получил в подарок ослик Иа. Но такой радости, как ослик, не испытываю.

Глава 9. Корпоратив

Мы с мужем развелись по религиозным мотивам.
Я не разделяла его убеждения, что он — Бог.
Вера Фостер

У вас есть какие-то особенные ассоциации, связанные с новогодними праздниками? У моей мамы, которой сорок шесть лет, это обычные мандарины. Причем не сами мандарины, а их запах. Для папы, который старше мамы на пять лет, не существует ни праздника, ни ожидания его без коллективной лепки сотен пельменей с самыми разными начинками. И лепить их надо начинать за неделю до нового года и обязательно всей семьей. Без вариантов.

— Таня! Доложи количество! — счастливый папа в розовом фартуке с клубничками взмахивает испачканными мукой руками.

— Сейчас! — мама сверяется со своими записями в тетрадке. — Тройных — двести один.

Тройными родители называют пельмени с начинкой из свинины, говядины и баранины, взятых в равных пропорциях.

— Сто десять куриных. Шестьдесят с семгой. Пятьдесят щучьих. Сто картофельных, — докладывает мама довольному папе.

— А грибных? — волнуется он. — Сколько Нининых любимых?

— Считаю, папочка! — откликаюсь я, снова сбиваясь со счета. — То ли сто пять, то ли сто шесть…

Ленка и Димка, сегодня, в воскресенье, приглашенные в качестве бесплатной рабочей силы, хихикают и бросаются друг в друга кусочками теста.

— Таня! — испуганно кричит папа маме. — А с редькой мы не делали разве?

— Делали! — хором докладывают мои друзья. — Мы и делали! Ровно пятьдесят пять.

— А почему, Сергей Петрович, вы не делаете гедзу? — интересуется Димка. — Вкусно очень!

— Гедзу? — смущается папа. Он всегда испытывает неловкость, когда чего-то не знает.

— Это японские пельмени такие! — смеется Ленка. — Вкусные. В фарше свинина, зеленый лук, лимон, имбирь, чеснок и даже китайская капуста.

— Суррогат это, а не пельмени! — сурово выносит приговор мой отец, улыбаясь глазами. — Симоновы — патриоты русской кухни.

— А Райские — французской и итальянской, — мягко включается в разговор моя мама. — Говорят, Ольга Ждановна равиоли любила… Любит.

Мою мифическую бабушку, которая мне фактически прабабушка, моя мама плохо помнит.

— Глупости! — ворчит папа. — Это не наши методы — какие-то квадратики с зубчиками по краям. Они их машинками делают. Это преступление!

Мы все дружно соглашаемся с моим разволновавшимся папой.

— А мне Ольга Ждановна на каждый новый год дарила… передавала коробку конфет "Птичье молоко” с голубой и розовой начинкой, — мечтательно вспоминает мама. — Они в дефиците были, но купить по случаю было можно. Так вот… С белой начинкой, желтой, кофейной многие пробовали. И только я угощала с голубой и розовой.

— А я помню первые киндер-сюрпризы! — подключается Ленка. — Они дорогие были. Мне мама покупала всегда не с той игрушкой. Я психовала!

— А я помню напитки Invite и Yupi, — Димке тоже хочется поучаствовать в ностальгическом разговоре. — Яркие такие, вкусные. Мама ругалась страшно! Химией и отравой пугала.

Приходится и мне рассказывать, раз у нас тематический вечер:

— А я обожала сушеные бананы, — вспоминаю я, а родители радостно поддакивают. — Даже помню, как упаковка выглядела. Слушайте! А давайте замутим еще один проект — вечеринка в стиле девяностых, восьмидесятых или даже шестидесятых-пятидесятых и обязательно с угощениями того времени.

— Ты еще за последний проект "Расстанемся красиво" не отсидела! — ерничает Димка. — Новый срок мотать хочешь? Тебя Холодильник заморозит до весны.

— У тебя неприятности, Нина? — сразу паникует моя тревожная мама. — Почему мы с отцом не знаем?

Потому и не знаете, что паникеры и перестраховщики! (думаю я, но вслух не говорю)

Страшными глазами смотрю на Димку и Ленку.

— Наш новый холо… хозяин обожает Ниночку! — уверяет мою маму Димка. — Так и говорит: ваш проект. госпожа Симонова-Райская, лучший из всех, что я видел!

— А вы сами, — подхватывает вредная Ленка, — лучший арт-директор моего холдинга!

— Конечно! — тут же подтверждает сказанное мой добрый папа. — Наша Нина

— творческий человек, трудоголик и красавица!

Вяло улыбаюсь. с трудом представляя себе, как можно связать семантику слов "трудоголик" и "красавица" в один набор.

— В четверг закругляемся со всеми праздниками и готовимся к собственному корпоративу. — зачем-то докладывает моим родителям Димка. — Говорят, будет раздача подарков от нового хозяина. Вот увидите. самая крупная премия будет у Нинки.

— По-другому и быть не может! — не сомневается папа. начиная пересчитывать все пельмени заново.

В пятницу, за два дня до нового года, наше старое агентство устраивает праздник для себя. Расслабившись за две недели отсутствия Хозяина. мы с энтузиазмом готовимся к корпоративу. Идею мальчиков-зайчиков и девочек-снежинок и елочек радостно поддерживает весь коллектив. Жеребьевкой мне достается елочка. Ленка тут же притаскивает мне серо- зеленый костюм:

— Нинка! Это новая модель. Блуза из костюмной ткани с брюками-юолотами. Димка получает от Ленки пышное белое жабо и заячьи уши из настоящего меха.

Фуршетные столы накрыты деликатесами в исполнении Павла Денисовича. Тронную речь уже произнесла Павла Борисовна. Мальчики-зайчики уже исполнили и зажигательный танец, и поздравительные стихи собственного сочинения. Снежинка Марина победила в конкурсе каламбуров. а Костик стал лучшим в караоке. Когда мы все плавно переместились в холл, чтобы начать танцевать, появились… Дед Мороз и Снегурочка.

Прекрасно загримированного Прохора Васильевича все узнали сразу. Такого красивого дедушки никто из Снежинок и Елочек никогда не видел. Возникла коллективная мыслеформа: все "девочки" стали настаивать на прочтении стихов для дедушки исключительно на его коленях, как это и положено по старинной новогодней традиции.

Снегурочка, оказавшаяся… Светланой Кирилловной. в мини-шубке из белой норки, в высоких голубых сапожках и чудесной белой шапочке приглашает всех встать в хоровод.

С момента появления, нет, узнавания Деда Мороза и Снегурочки я нахожусь в состоянии эйфории и отчаяния одновременно. Он здесь! Он приехал! Битва продолжается.

И действительно, когда веселый хоровод пропел главную новогоднюю песенку, в холле появился Холодильник в старой упаковке. Черный костюм. Белая рубашка. Единственной уступкой празднику стал веселенький серо- зеленый галстук.

— Друзья мои! — пафосно радуется Павла Борисовна. — Александр Юрьевич вернулся из отпуска, чтобы вместе с нами повеселиться на нашем замечательном празднике.

— Я очень рад, — начинает свою речь почему-то загорелый, похудевший и уставший Холодильник, — что успеваю поздравить всех вас с наступающим новогодним праздником. Признателен за ваш вклад в общее дело.

Вклад в общее дело! Так и хочется сказать — социализма. По-человечески и слова добрые подобрать не может! Что-то не похож он на отдохнувшего жениха, который провел со своей невестой почти две недели в Европе.

— В честь праздника я решил возвратить вам штрафы, наложенные за нарушение дресс-кода, — невозмутимо продолжает Холодильник, встречаясь со мной глазами. — У некоторых это довольно приличная сумма. Кроме этого, всем положена премия по итогам года.

Под громкие крики осчастливленных работников агентства Дед Мороз и Снегурочка обходят всех с яркими конвертами. Отхожу к креслу Дарьи Владиленовны, которая сегодня тоже Снежинка.

— Какой чудесный праздник, Ниночка! — добрые, но лукавые голубые глаза смотрят на меня с удовольствием. — Какая вы хорошенькая в этих милых брючках! Не стали стихотворение дедушке читать?

— Меня очень очереди напрягают, — отшучиваюсь я.

Прохор-Мороз подходит к Дарье Владиленовне и вручает ей голубой конверт, поздравляя с новым годом.

— И тебе, Елочка, счастья в новом году! — басит Дед Мороз, оставляя меня без конверта.

Понятно! Какая мелкая месть! Решил оставить меня без премии? Да пожалуйста!

— Нинка! Посмотри! — Димка подходит ко мне и открывает свой красный конверт, показывая пять новеньких хрустящих пятитысячных купюр и доказывая, что месть не мелкая. — У тебе больше должно быть. Ты ж арт- директор!

Фыркнув, развожу руками, мол, у меня ничего.

— Да ладно! — не верит мне Димка. — Он не посмеет!

— Что я, по-вашему, не посмею? — пугает Димку вопрос Холодильника, заданный над самым моим ухом.

— Не вы, — тут же ретируется мой трусливый помощник. — Дедушка Мороз!

— Вас обидел Дед Мороз? — усмехается Холодильник, осматривая меня с головы до пят, видимо, выискивая отваливающиеся детали костюма. — Почему вы не Снежинка? Хотя не отвечайте, сам догадаюсь. Снежинка хрупкая, растаять может, а Ёлочка колючая и…

— И?! — с вызовом переспрашиваю я.

— Праздничная, рождественская, изящная, — внезапно вмешивается в наш разговор Дарья Владиленовна, про которую я совсем забыла.

— Разлапистая да размашистая? — угодливо подсказываю я Хозяину.

— Тоже подходит, — соглашается усмехающийся Александр Юрьевич. — Но я хотел сказать ароматная.

— Аппетитная? — улыбаясь, переспрашивает хитрая старушка, делая вид, что плохо слышит.

— Господин сказал, что я приятно пахну, — объясняю я ехидно Дарье Владиленовне.

Холодильник достает из внутреннего кармана пиджака черный (кто б сомневался!) конверт.

— С праздником, госпожа Симонова-Райская!

— Гробовые? — понимающе спрашиваю я. — И много?

— Сообразно вашим талантам, госпожа арт-директор, — слегка склоняет голову в ироничном поклоне Холодильник.

— Ставите на мне крест? — уныло улыбаюсь я.

— Стимулирую активность, — уточняет Александр Юрьевич. — Не хотите пересчитать?

— Не хочу! — дерзко отвечаю я. — Планирую потратить их на подарки друзьям и родным. Если хватит, конечно… Я не буду расточительна.

— Можете ни в чем себе не отказывать, — уверяет меня Холодильник и уходит за стол в кафе.

Еще полчаса наблюдаю за ним из засады (спин Димки и Костика) и злюсь, ощущая нехватку адреналина. Поэтому, когда звучит рокенрольная музыка, вытаскиваю Димку и Костика танцевать в центр круга. Наш зажигательный тройной танец превращается в представление и поддерживается аплодисментами. Все работники агентства окружают нас, выкрикивая возгласы восторга и одобрения.

Рокенрол сменяется медленной тягучей музыкой. Липким медом она заливает мои глаза и уши, потому что танцевать выходят Светлана и Холодильник. Большой крепкой рукой он прижимает ее к себе, а она, преданно заглядывая ему в глаза, обнимает его за шею, прильнув к груди. Отказываю в танце и Димке, и Костику, сославшись на головную боль, отправляюсь по лестнице на четвертый этаж. Прохожу через свой кабинет на третьем, чтобы забрать домой подаренную клиентом бутылку "Боллинджера". Отличная идея: в одного напиться розового брюта. Вдохновленная новой идеей, взлетаю на четвертый этаж. У моей двери, прислонившись к косяку, стоит… Холодильник.

За пару секунд прихожу в себя, чувствуя, как азарт борьбы, без помощи французского шампанского, пузырьками поднимается к небу.

— Ой! — развожу я руками. — А Снегурочку где потеряли?

— Она дедушке помогает, старенький он, — не двигаясь с места, говорит Холодильник.

— Все б дедушки такими были! — возражаю я, медленно приближаясь к собственной двери.

— Какими такими? — интересуется Холодильник, глядя на мои губы. (Точно! Я ничего не путаю!)

— Бодрыми, брутальными, харизматичными, — перечисляю я достоинства Прохора Васильевича и протягиваю Хозяину бутылку. — Отойдите и подержите.

Он послушно принимает из моих рук шампанское и отступает на шаг.

— Вы уже напраздновались? — удивляется он. — Или у вас свидание?

— Как вы здесь оказались? — спрашиваю я, не собираясь пускать врагов в квартиру.

— При помощи лифта, — объяснил Холодильник. — Боялся вас не догнать, но вы где-то задержались.

— Брала стимулирующее, — показываю я на бутылку.

— Будете в такой праздничный день алкогольничать совсем одна? — ласково спрашивает Хозяин.

— Позову Деда Мороза, — парирую я. — А вам рекомендую уединиться со Снегурочкой. Вы прекрасная пара — Снегурочка и Холо… хладнокровный мужчина. Короче, парочка отмороз… хладнокровных.

— Не пригласите? — кивает в сторону моей двери Хозяин.

— Нет, не приглашу, — надуваю я губы. — Вы не умеете себя вести в гостях.

— Тогда я вас приглашаю, — неожиданно говорит Холодильник, не отдавая мою бутылку.

— Эй! Она вообще-то пятнадцать тысяч стоит! — возмущаюсь я такой наглости.

— Предлагаю распить по семь пятьсот на человекоединицу, — заговорщически подмигивает Холодильник. — Под новый год исполняются многие желания. Может, я и ваше выполню.

— Уедете из агентства совсем? — с надеждой спрашиваю я.

— Не так кардинально, — морщится Холодильник. — Я думал, у вас парочка проектов новых есть. Можете лоббировать.

Вспоминаю про свою новую идею.

— Ладно! — соглашаюсь я. — Пойдемте к вам.

В кабинете Холодильника прохладно. На столе стоит огромная сырная тарелка с десятками сортов сыра, плошечками меда разных цветов и горками орехов.

— Для кого такое шикарное угощение? — глотаю я слюну.

— Для вас и меня, — просто отвечает Холодильник, открывая бутылку шампанского и разливая напиток по бокалам. — Захотелось вас угостить.

— Меня? — не верю я. — Зачем?

— Извиниться за неуместную настойчивость при нашей последней встрече, — подает мне бокал Холодильник.

— Да? — я поражена и сражена такой галантностью. Ладно. Перемирие в честь праздника. Не расслабляйся, Нина!

Делаю глоток волшебного напитка и беру кусочек сыра на шпажке. Окунаю его в белый мед.

— Разрешите? — Холодильник вдруг берет мою руку и обхватывает губами медовый кусочек сыра вместе с кончиками моих пальцев.

Замираю и таращу на него глаза. Очнувшись, забираю свою руку. Он же только что извинился?! Неужели считает меня совершенной дурочкой? Даже тактику не меняет.

— Это был мой сыр! — ворчу я и обмакиваю еще один кусочек сыра в мед, быстро отправляя его в свой собственный рот. В спешке роняю капельку меда на блузку, торопясь и боясь, что Холодильник повторит свой фокус.

— Теперь вы испачкались! — упрекает он меня, подходя близко-близко.

И когда я предполагаю, что странный Холодильник сейчас будет хватать меня за воротник блузки, чтобы рассмотреть пятно, он, глядя на мои губы говорит:

— И здесь испачкались! — накрывая мои покрытые медом губы своими губами.

Глава 10 (1). Последствия глупости

Есть только две бесконечные вещи:
Вселенная и глупость.
Хотя насчет Вселенной я неуверен.
Альберт Эйнштейн

— Все красавчики — стопроцентные самцы! — уверяет меня Ленка. — Это как павлины. Ну, или другая какая птица…

— Точно! — отвечаю я, улыбаясь, хотя мне не до смеха. — Природа постаралась.

— Именно! — подтверждает Ленка, расхаживая передо мной, сидящей на диванчике в ее маленькой комнатке, доставшейся ей после развода с подлым Витькой. — Я эту несчастную Серую Шейку с начальной школы помню. А ты селезня видела?

— Видела, — откровенно смеюсь я. Умеет Ленка улучшить настроение! — Перламутровый такой, яркий.

— И не только птицы! — вещает Ленка, словно заправский лектор. — А олень с ветвистыми рогами? А лев с гривой? Ты их жен… то есть самок видела? Моль бледная!

— Самке выжить надо! — доказываю я. — Потомство выходить и родить. Серенькими, убогенькими, неприметными это проще.

— Да! — поднимает вверх указательный палец моя подруга. — А самцу зачем такой яркий окрас? Это же опасно, в конце концов!

— Самок привлекать? — с надеждой на попадание в правильный ответ спрашиваю я.

— Естественно! — радостно подтверждает Ленка, одобряя мою природную сообразительность. — Ты посмотри, как яркий самец рискует, выпячивая доминантные признаки! И это сигнал для кого?

— Для самок! — снова попадаю я в правильный ответ. — Готов к размножению!

— Молодец! — хвалит меня Ленка. — Это знак: тестостероном переполнен, сперматозиодов — вагон и маленькая тележка!

— Красивых мужчин немного, — докладываю я лектору. — Почему?

— Человек природу свою человеческую наизнанку вывернул! — возмущается Ленка. — Ему, самцу человеческому, самочек подавай не для размножения, а для приятного времяпрепровождения! Это мы перед ними с гривами, рогами, перламутровыми перьями… Понравиться хотим.

— Лен! — молю я. — Хватит! Я свою ошибку давно поняла, еще до твоей лекции.

— Нет! Ничего ты не поняла! — не верит мне Ленка. — Зачем в кабинет поперлась? Приключений захотелось? Получила впечатлений? Он найдет, как тебя уволить!

— Руки коротки, — ворчу я, — совершенно четко осознавая свою глупость. Тупую женскую глупость.

— Не так уж коротки, — ехидничает Ленка. — И обнял, и поцеловал!

— И получил! — воинственно сверкаю я глазами и сотрясаю воздух сжатыми кулаками.

ВЧЕРА

Потеряв ориентацию во времени и пространстве, я не отвечаю на мягкий, почти целомудренный поцелуй Холодильника. Я мучительно думаю о двух вещах: во-первых, какая

я дура, во-вторых, куда ему врезать. Вопрос о дурости откладываю для последующего обдумывания и психологической рефлексии, а вот второй вопрос…

Аккуратно и максимально сильно наступаю высоким каблуком на носок его туфля.

— Черт! — стонет мне в губы Холодильник и резко отстраняется. — Больно!

— Надеюсь! — выплевываю я, почти отпрыгивая назад. — Я уже объяснила вам, что поняла всю схему!

— Схему? — морщится от боли (прекрасно!) Александр Юрьевич, недоверчиво рассматривая меня, словно удивляясь тому, как я не беспокоюсь по поводу хрупкости собственной шеи да и самой жизни. — Вы не гнушаетесь любыми средствами, чтобы уничтожить, закрыть наше агентство! — выкрикиваю я обвинение. — Воспользовавшись моим промахом, вы стараетесь соблазнить меня, чтобы потом… чтобы потом…

— Даже любопытно, что же потом? — холодно спрашивает Холодильник, отходя к своему столу и садясь в кресло.

— Например, уволить по статье, — находчиво предполагаю я.

— Спасибо за идею! — хмурит брови Хозяин и мрачно щурится.

— Но! — театрально машу я руками. — У вас не выйдет, господин провокатор! Я не смешиваю личное с профессиональным!

Для раненого человека Холодильник слишком быстро оказывается рядом со мной и почти теснит меня к двери своего кабинета.

— Займемся сугубо профессиональными делами, госпожа Симонова-Райская! — зловеще шепчет Холодильник. — Отчеты за последние две недели на мой стол завтра. И сами за мой стол. Читать свои отчеты.

— Так и не научились? — сочувствую я, легонько похлопывая Хозяина по крепкому плечу.

Александр Юрьевич смотрит на мою руку, как на библейского змия. с ужасом и отвращением. Быстро прячу руку за спину.

— Чтобы вы не обвинили меня в том, что я чего-то не понял в ваших записях, — цедит он сквозь зубы и уже привычным жестом показывает мне на дверь.

Гордо разворачиваюсь на высоких каблуках и выхожу. натыкаясь на Деда Мороза и Снегурочку.

— Саша! Ты и в такой день работаешь?! — ласково упрекает жениха Светлана. обнимая за шею и прижимаясь белой норкой. — И вас. Нина. мучает? Трудоголик, как мой отец! Без отпуска остался. Меня одну в Европу отправил. Работает и работает…

— Это, внученька. современная болезнь. — басит Дед Мороз. — работать на износ, как будто у тебя десять жизней. Ну что. мальчик Саша, был ли ты хорошим весь год?

— Он был очень трудолюбивым! — вмешивается Снегурочка. — Награди его. Дедушка!

— Вот тебе подарочек! — Прохор Васильевич достает из почти пустого мешка радиоуправляемую гоночную машинку.

Пытаюсь незаметно выскользнуть в коридор, но Дед Мороз хватает меня за руку.

— Куда же вы. красавица Елочка? — интересуется он и переходит на "ты". — А ты была. Ниночка. хорошей девочкой? Если была — у меня и для тебя есть чудесный подарочек.

— Это вряд ли, — доверительно сообщаю я и покидаю кабинет. оставив эту отмороженную компанию.

— Он тебя теперь совсем сгнобит на галерах! — переживает Ленка. к которой я

приехала утром и в деталях рассказала о вчерашней истории. — Но ты сама виновата. Он решил, что ты повелась на его мужскую красоту и большие деньги. А кто б не повелся?!

— Я не повелась! — спорю я. — Сглупила. да, — не спорю. Но мне ни красота его, ни деньги не нужны. Мы разного поля ягоды. У него невеста.

— Ты его спровоцировала! — не унимается подруга.

— Пусть! — почти кричу я на нее. — Если он так невесту любит. то он не должен реагировать ни на меня. ни на кого другого. А он ради уничтожения маленького агентства не гнушается соблазнением подчиненного.

— Он не виноват! — защищает Хозяина Ленка. — Он просто самец. Когда самка предлагает себя — он просто реагирует.

— А как же любовь?! — поражаюсь я такому цинизму. — А как же Светлана Кирилловна?

— Может, там голый расчет, — размышляет Ленка. — Или откровенный договор? Может, она и не рассчитывает на взаимность? Может, ее все устраивает?

— Ужас какой! — поражаюсь я. — А вдруг и правда все так?!

— Или он ее обманывает. Для красивого мужика это проще простого, — объясняет Ленка. — Вернемся к теории красоты самцов.

Последние сутки перед новым годом просто сплю, много и долго. Сказалось напряжение последнего месяца. Часа за три-четыре до полуночи хочу вызвать такси и поехать к родителям. А то папа разнервничается…

Вожусь дольше, чем планировала, и никак не могу вызвать такси. Отказывает третий оператор. Выхожу на улицу и пытаюсь голосовать. Тут же возле меня останавливается большой серый автомобиль. Не раздумывая, прыгаю на переднее сиденье.

— Ой! Спасибо вам! Думала, не попаду домой! — радуюсь я, обращаясь к водителю. — Очень хочу успеть к родителям до полуночи!

— Это, смотря, как поедем, — отвечает… Холодильник. — И куда…

Глава 10 (2). Последствия глупости

Я вегетарианец не потому,
что я люблю животных,
просто я ненавижу растения.
А.Уитни Браун.

— Извините, — бормочу я, в ужасе глядя на парадно-выходной стиль Холодильника. Рубашка белоснежная, тонкий темно-синий пиджак в серебряную полоску, серо-черный галстук. И аромат Light Blue Swimming in Lipari от Dolce & Gabbana. По-моему, переводится, как "Светло-голубое плавание в Липари". Свежий, чистый-чистый, оставляющий ощущение, что ты только что полной грудью вдохнул морской воздух. Димка заказал себе такой на мужской февральский праздник от восторженных женщин дружного коллектива.

— С наступающим! — пищу я, открываю дверцу автомобиля и уже выбрасываю ноги в тонких чулках и коротких ботильонах в снег.

— Сидеть! — раздается короткая грозная команда. — Верните ноги в салон! Слушаюсь от неожиданности, просто на автомате.

— Всегда удивлялся тому, как вам хватает мозгов зимой ходить в одном капроне! — говорит, привычно усмехаясь надо мной, праздничная версия Холодильника.

— Кому вам? — эта реплика приводит меня в полную боевую готовность. Азарт борьбы начинает кружить голову с аккуратно уложенными в высокую прическу волосами.

— Женщинам, конечно, — миролюбиво объясняет Холодильник. — До полуночи меньше двух часов. Вы уверены, что вам куда-то надо?

— Уверена. Меня ждут! — с вызовом говорю я.

— Мужчина? — и снова эта мерзкая усмешка. Ну, хорошо, не мерзкая, конечно, но вполне себе раздражающая.

— И мужчина тоже, — честно говорю я. — Любящий и очень волнующийся за меня.

— Отец? — кивает головой Холодильник.

— Не ваше дело! — огрызаюсь я.

— Сергей Петрович Симонов, пятьдесят один год, инженер-конструктор, руководитель отдела на закрытом предприятии, — медленно выговаривая каждое слово, говорит Холодильник. — Татьяна Алексеевна Симонова, сорок шесть лет, учитель русского языка и литературы в гимназии. И их дочь, арт-директор агентства "Наш праздник", Нина Сергеевна Симонова- Райская.

— Это вообще законно?! — только и могу сказать я.

— Конечно, эти сведения в открытом доступе. Я не назвал больше того, что сами эти люди написали о себе в соцсетях, — пожимает плечами Александр Юрьевич.

— И про закрытое предприятие? — не верю я.

— Про закрытое я уже сам, — страшным шепотом сознается Холодильник, наклоняясь ко мне.

Вжимаюсь в дверь и выставляю вперед руки:

— Спасибо, что хотели помочь, — говорю я, нащупывая ручку двери и собираясь эвакуироваться в сугроб. Снег валит безостановочно. Как добраться до дома родителей? Папа без меня и за стол не сядет! И себе, и маме праздник испортит.

— Куда подвезти? — откинувшись назад и поморщившись от досады, спрашивает Холодильник.

— А этого в соцсетях нет? — ехидничаю я, нервно одергивая подол тонкого шерстяного платья изумительного кораллового цвета. Шила его специально в ателье сестры Ленки.

— Значит, к родителям? — вежливо говорит Хозяин, разворачиваясь. Осторожно передвигаемся по утопающему в снегу городу. На каждом шагу пробки и аварии. Едем молча. Звучит легкая музыка, которая раздражает. И запах его раздражает. Смесь дорогого парфюма и абсолютной, фантастической самоуверенности.

Автомобиль останавливается у самого подъезда.

— Я не называла вам адреса, — констатирую я очевидное и непонятно почему беспокоюсь. — До нового года час остался. Вы успеете?

— Куда? — мягко спрашивает он, глядя на мою шею и мой подбородок.

— Туда, где встречаете новый год, — тороплюсь я, представляя, как злится папа. Отключенный телефон лежит в сумочке. Думаю, пара десятков пропущенных.

— Нет, — отвечает Холодильник, сместив взгляд на мои губы и нос.

— Что нет? — не понимаю я, дергая дверь.

— Нет. Я не тороплюсь туда, — насмешливо отвечает на мой вопрос Александр Юрьевич и выходит из машины, чтобы помочь мне вылезти. Сильный порыв ветра отбрасывает полы моего незастегнутого пальто в стороны. Снег тут же забирается под платье, набивается в ботильоны, холодной мукой засыпает волосы.

Холодильник быстро запахивает мое пальто и ловко застегивает на нем пуговицы. Потом поднимает мой воротник, пытаясь закрыть от снега мое лицо.

— Вы в одном пиджаке! — стучу я зубами, подрагивая от дискомфорта. Холодильник молча берет мою сумочку, находит в ней ключи от подъездной двери и запихивает меня в подъезд, оставшись на улице.

Пробегаю первый пролет — ох! как тепло!

Пробегаю второй — ай! промокла насквозь!

Пробегаю третий — уф! бежать еще четыре! Родители живут на седьмом этаже.

В районе шестого этажа останавливаюсь: а что, если ему некуда идти? Почему он не торопится? У него есть мама, невеста, друзья, наконец. А он за час до полуночи возится со мной.

За один пролет до родительской квартиры поворачиваю обратно. Мама с папой, конечно, напридумывают себе много лишнего… Но почему-то мне до слез становится жаль, что ему некуда идти…

С трудом открываю дверь подъезда. Сильный ветер давит в обратную сторону, словно мы с ним соревнуемся в перетягивании каната. Сдвигаю дверь сантиметров на десять-двадцать, не больше. И вдруг слышу голос Холодильника, который, видимо, стоит под козырьком подъезда и разговаривает по телефону.

— Да, я постараюсь не опоздать. Не волнуйся, котенок, я успею.

Котенок?! Тяну дверь на себя и держу ее за холодную железную ручку побелевшими от усилия пальцами. Это надо же! А я к шестому этажу чуть не плакала от жалости к одинокому Холодильнику. Вот сволочь! Продолжает свою игру, несмотря ни на что! Даже опозданием на новогодний праздник рискует!

Запыхавшись, влетаю в родительскую квартиру.

Мама осуждающее качает головой. Молитвенно складываю ладошки.

— А вот и Нина! — радостно кричит мама папе. — Как там Лена? Очень высокая температура?

Понятно! Моя добрая мама откровенно врала папе о том, где я, чтобы его не нервировать.

— Уже лучше! — кричу я в ответ, посылая маме благодарный воздушный поцелуй.

Главное, успеть добавить в список желаний еще одно. На данный момент — главное! Бегу в свою комнату, достаю из сумочки красный лист, который подарила каждому в агентстве Дарья Владиленовна. Специальный, для записи желаний и последующего сожжения.

К просьбе о вдохновении и новых идеях, о здоровье для родителей и семьи Карповых, о росте собственного благосостояния (а что? я заслужила повышение зарплаты!), к мечте о путешествии добавляется мощное желание победы в этой тотальной войне над наглым Холодильником. Даже если листочек будет плохо гореть, сжую так, не дожидаясь пепла.

Глава 11. Первое января

В детстве, когда меня спрашивали,
кем я хочу стать, я неизменно отвечала: матросом!
Первые несколько лет взрослые умилялись моей наивности,
потом стали осторожно объяснять,
что девочек в матросы не берут,
поэтому лучше бы придумать что-нибудь другое, —
ну и пожалуйста, я перестала говорить,
что хочу стать матросом, но это вовсе не означает, что я перестала хотеть…
Макс Фрай "Библиотекарь"

— Нина! Нина! — тихий голос мамы заползает мягким шепотом в мой сладкий сон.

Мне снится Юрий Александрович, который с довольным выражением лица слушает мое очередное творческое предложение, улыбаясь и называя меня доченькой. Потом в кабинете старого хозяина появляется новый. Он злой и хмурится, увидев меня.

— Прекрасно выглядите! — цедит Холодильник сквозь зубы и нагло ухмыляется, глядя на мои колени.

Я почему-то сижу в кресле перед старым хозяином в коктейльном черном коротеньком платье, едва прикрывающим мои бедра.

— Как всегда, полуголая, — констатирует Холодильник, доставая из-за пазухи серо-голубого котенка и вдруг бросая его мне на колени. Котенок от страха пищит и цепляется тоненькими когтями за мои ажурные французские колготки, сползая вниз и оставляя за собой две безобразные дырки.

— Нина! — одновременно зовут меня Юрий Александрович, Александр Юрьевич (с которым я на "ты" не переходила!) и мама.

Выбираюсь из теплой постели и прямо в пижаме бреду на кухню. Там суетится возле кипящих кастрюль папа.

— Ты спала до обеда! — смеется отец, целуя меня в лоб. — Ну что? Кофе с пельменями? С каких начнешь?

Как я люблю первое января! Сон до обеда. Папины пельмени. Неспешные разговоры у елочки в гостиной.

Звонок от Павлы Борисовны становится неожиданностью, причем неприятной. После взаимных поздравлений с наступившим новым годом и моего обещания прийти к ним вместе с родителями на Рождество Павла Борисовна осторожно говорит:

— Ниночка! Мне только что звонил Александр Юрьевич.

— И что ему надо? — настораживаюсь я при упоминании имени личного врага. — Агентство на каникулах до пятого. Он сам разрешил.

— Он передумал, Ниночка, — вздыхает расстроенная женщина. — Сказал, что для нашего агентства есть большой заказ.

— И когда надо выйти? — уныло спрашиваю я, прощаясь с мечтой спать до обеда пять дней подряд. — Неужели завтра?

Павла Борисовна неловко кашляет и с грустью говорит:

— Сегодня, Ниночка. Надо прийти сегодня, дорогая.

— Он с головой дружит?! — возмущаюсь я. — Вся страна отдыхает!

— Мы не государственное предприятие и не муниципальное учреждение, — ласково напоминает мне Павла Борисовна. — Мы частное агентство, а он его хозяин.

— Не он! — привычно возражаю я. — Его отец!

— Нина! — с упреком произносит Павла Борисовна. — Вы все прекрасно понимаете сами. Это семейная фирма.

— Это и бесит! — бешусь я. — В какое время я должна быть?

— Через два часа за вами заедет Рудской, — докладывает Павла Борисовна.

— Кто? — не понимаю я.

— Прохор Васильевич, — смеется Павла Борисовна. — Его фамилия Рудской. Есть претензии?

— Есть! Но не к начальнику охраны! — ворчу я, уныло представляя себе, что сейчас, вместо книжки под пледом в правой руке и бокалом шампанского в левой, программа из десятков пунктов. Душ (еще и голову бы вымыть!), придумать, в чем идти, накраситься, настроиться… Одна надежда на исполнение новогоднего желания. Зря я что ли пепел брютом запивала? — Я и на такси могу, или Димку вызвать.

— Нет. Он сказал, что за вами заедет Рудской. Чем плохо, Нина? Я вас не понимаю, — вздыхает Павла Борисовна.

Черный внедорожник Mercedes-Benz G-класса, именуемый G-Wagen, стоит у моего подъезда. Скандинавский бог Прохор Васильевич приветствует голливудской улыбкой.

— С новым годом, Нина Сергеевна, прекрасно выглядите! — усаживает меня на заднее сиденье Прохор Васильевич и садится рядом. — Не терпится выйти на работу?

— Да просто ломка какая-то! — мрачно подтверждаю я свое горячее желание работать.

— Похвально, но странно, — смеется Прохор Васильевич. — Александр Юрьевич уже ждет вас.

— Бегу и спотыкаюсь, — говорю я про себя, чтобы хамством не шокировать начальника охраны.

Милая Дарья Владиленовна в чудесной голубой блузке и серой длинной юбке сидит в своем кресле и приветливо машет мне ладошкой.

— С новым годом, Ниночка!

— И вас мобилизовали?! — не веря своим глазам, восклицаю я. — Это бесчеловечно!

— Что вы, деточка! — голубые глаза пожилой женщины светятся бодростью и счастьем. — Я так рада быть полезной!

Мне становится неловко от того, что я такая недогадливая. Дарье Владиленовне любое внимание в радость.

— Прошу вас, — Прохор Васильевич вызывает лифт.

— Спасибо, у меня моцион! — улыбаюсь я божественному мужчине и бегу по лестнице в свою квартирку переодеваться, согласно дресс-коду.

Подавив глупое желание надеть то самое коктейльное платье, открываю шкаф. Так. Кремовая блузка с запахом и коричневая юбка-карандаш. Теперь брошь прабабушки Ольги, гранатовая, в виде трехлистника.

Через пару минут ко мне стучится Римма Викторовна:

— С новым годом, Нина! Александр Юрьевич ждет тебя. У него важный клиент.

— Иду! — обреченно отзываюсь я.

Холодильник сидит за столом с пожилым представительным мужчиной. Оба встают, когда я вхожу.

— Нина Симонова-Райская. Мой арт-директор. Автор идеи и проекта, который вас заинтересовал, — представляет меня мрачный и какой-то усталый Холодильник.

— Очень приятно! — мужчина пожимает мою руку. — Я по поводу вашей замечательной идеи тематического вечера эпохи. Моя супруга мечтает обставить юбилей нашего знакомства в стиле того времени. Конец шестидесятых.

— День свадьбы? — уточняю я, поразившись, что Холодильник не только выслушал два дня назад презентацию моей новой идеи, но и уже согласен на ее реализацию.

— Нет. Именно день знакомства. Поженились мы только через восемь лет, когда должна была родиться наша первая дочь, — смеется приятный мужчина. — Разрешите представиться? Борис Константинович Петровский. Обсудим детали?

— Конечно! — искренне улыбаюсь я Борису Константиновичу. — День вашего знакомства в январе?

— Да! Пятнадцатого, — сообщает клиент. — Успеете?

— У госпожи Симоновой-Райской невероятная работоспособность, — рекламирует мои способности Холодильник.

— Александр Юрьевич рассказал мне о вашем желании работать в праздники. Сначала мы с супругой хотели перенести праздник на конец месяца, но господин Климов меня убедил, что вы расстроитесь, что для вас так важно, чтобы день в день… — говорит довольный клиент, восхищенно глядя на меня.

— Александр Юрьевич — очень чуткий и внимательный к подчиненным начальник, — доверительно сообщаю я.

— К пяти часам подготовьте ваши предложения, — отдает распоряжение Холодильник.

— Сегодня?! — не верю я своим ушам.

— Завтра, в семнадцать ноль-ноль, вы встречаетесь с клиентами, которые конкретизируют свои пожелания. У вас должны быть готовы встречные предложения, — завершает встречу Холодильник.

— Поздравляю тебя, Нина! — радуется Римма Викторовна. — Александр Юрьевич так быстро утвердил твой проект. Даже Юрий Александрович, у которого именно для тебя был огромный кредит доверия, так быстро не принимал решения. Даже Павла Борисовна…

— Да-да-да! — хмуро поддакиваю я. — Благодетель!

Мы пьем чай в кафе-баре и обсуждаем новый проект. Мы — это я, Дарья Владиленовна, Римма Викторовна, Павла Борисовна, Димка, Костик и Ленка, которая принеслась из дома, как только выспалась.

— Простите меня за то, что остались без праздника, — сокрушаюсь я. — Кто ж мог подумать, что… меня так быстро поддержат.

— Ты не знаешь, еще не родилась, но мы и тридцать первого декабря, и первого января устраивали праздники в девяностые, — говорит Дарья Владиленовна. — Было очень неплохо.

— Да, — мечтательно подтверждает Павла Борисовна. — Время молодости, энергии и надежд. У нас даже праздновал свой выход из тюрьмы один криминальный авторитет. Я столько кожаных курток и малиновых пиджаков одновременно никогда больше не видела.

Мы смеемся и чокаемся чашками с чаем.

— Не могу поверить, что сегодня первое января, а мы все на работе, — снова и снова

возвращаюсь я к теме разговора.

— Да за такие премиальные чего ж не выйти? — успокаивает меня Димка. — Мне предложили весьма солидную надбавку.

— И мне, — подтверждает Костик.

— И нам, — кивают Карповы мать и дочь.

— Так что все совсем неплохо! — щелкает меня по носу Димка.

Принципиально ничего не делаю сегодня, притворяюсь, что у меня выходной. Ночью с "ужином балерины" пробираюсь в холл. Снегопад прекратился несколько часов назад, поменявшись местами с дождем. Так здорово сидеть в тепле и пить горячий напиток, глядя в большие окна агентства.

— Вы каждую ночь здесь, кроме вчерашней? — меня нисколько не удивляет вопрос Холодильника. Только и ждала, когда подкрадется.

— Что вас задержало? — любопытствую я.

— Задержало?

— Я тут уже минут двадцать, — иронизирую я. — Целых двадцать минут без вашего чуткого руководства.

— Приятно, что вы понимаете это, — иронизирует и он.

— Что это? — включаюсь я в бодрящую игру, даже настроение улучшается.

— Мою руководящую роль, — голос Холодильника понижается до бархатного шепота.

— Вы переоцениваете себя, — уверяю я его.

— Посмотрим, — дружелюбно отвечает он. — Не пора ли вам спать? Вы сова или ранняя птичка?

— Я точно не котенок! И никогда им не буду! — отвечаю я и гордо удаляюсь на лестницу.

Глава 12. Фарисей и Кокетка

Мне нравится быть замужем.
Так здорово найти того самого единственного,
которого ты будешь бесить всю оставшуюся жизнь.
Рита Руднер

«Любовь — это когда хочешь переживать с кем-то все четыре времени года. Когда хочешь бежать с кем-то от весенней грозы под усыпанную цветами сирень, а летом собирать ягоды и купаться в реке. Осенью вместе варить варенье и заклеивать окна от холода. Зимой — помогать пережить насморк и долгие вечера…»

Под пронзительные звуки скрипки, на которой довольно толково играл пятилетний внук Петровских Тимофей, проникновенно и одновременно очень просто, не пафосно, произносила слова Рэя Брэдберри молодая талантливая актриса детского театра Полиночка Треухова.

На этой трогательной ноте почти завершался подготовленный нашим агентством праздник — День знакомства Бориса и Зои Петровских. Несмотря на то, что с раннего утра все шло наперекосяк и я из последних сил держала себя в руках, мероприятие получилось легким, светлым, веселым. Зоя Степановна оказалась необыкновенной женщиной с таким количеством хобби, что сценарий вечера родился сам собой. Мало того, что она была необыкновенной рукодельницей, вяжущей крючком игрушки, и ее сын вместе с Костиком снял чудесный мультфильм, героями которого стали эти самые игрушки. Еще и сценарий мультипликационной сказки написала ее старшая внучка пятнадцати лет. Музыкальный фон придумал сам Борис Константинович, играющий на всех мыслимых и немыслимых музыкальных инструментах. Друзья семьи оказались людьми творческими и легкими на подъем, поющими, танцующими, пишущими стихи.

Сценарий моего вечера напоминал настоящий театральный капустник, разыгранный профессиональными актерами, хотя студенты театрального училища были наняты нами сегодня практически формально в качестве массовки. К концу вечера в зал нашего кафе-бара стянулись почти все работающие в такой поздний час сотрудники, чтобы послушать, как Борис Константинович, меняя музыкальные инструменты, объясняется Зое Степановне в вечной любви.

И хотя накануне я сама репетировала с Борисом Константиновичем по его же просьбе, сейчас это было так же остроумно, как и тогда. Все-таки с чувством юмора надо родиться!

Финальный твист, во время которого и познакомились герои вечера более пятидесяти лет назад, будучи старшеклассниками, танцевали всем миром. Ленка с сестрой помогли мне с костюмами для массовки, выбирая которые, я ориентировалась не только на стиль и моду эпохи шестидесятых, но и на возможность насладиться мини-юбками, пластмассовыми украшениями, облегающими брючками. А мой собственный образ в стиле Одри Хепберн — длинное черное платье с открытыми плечами, перчатками, высокой прической и ниткой бабушкиного жемчуга — вызвал восторг моих милых коллег. Они хлопали, встречая меня в холле.

Все, кроме Холодильника. Испортивший мне новогодние праздники и не приезжавший потом в агентство в течение почти трех недель Хозяин, демонстрируя белизну очередной

рубашки и хмурое выражение каменного лица, стоял рядом с Прохором Васильевичем, широко и приветливо мне улыбающимся.

Осмотрев меня с головы до пят и еще сильнее нахмурившись, Холодильник прошел за мной в кафе. Первые полчаса по выражению его лица было непонятно, нравится ему мероприятие или нет. Потом Холодильник растаял и даже пару раз улыбнулся, что оказалось не только абсолютно удивительным, но и… чудесным. Его искренняя непосредственная улыбка вдруг сделала его совершенным мальчишкой… Что за мысли лезут мне в голову!

После вечера для Петровских никому не хотелось расходиться, такой шлейф послевкусия остался в зале. Костик и Прохор Васильевич играли на рояле в четыре руки, а мы танцевали. Даже Дарья Владиленовна с племянником Павлом Денисовичем, приготовившим к чаю грушевый пирог. Как мы любили такие вечера. устраиваемые после удачного проекта…

Двое студентов-актеров, парень и девушка, повторили для нас милый номер на стихи Леонида Филатова.

Тревожно и серьезно
Я вывел на снегу:
"Наташа + Сережа",
А дальше не могу.
И в этом я, ребята.
Ничуть не виноват.
Сейчас уйду с Арбата
И выйду на Арбат.
Насколько это можно,
Прошу принять всерьез:
Наташа плюс Сережа
Равняется — вопрос.

Юноша в узких коротких брючках и голубой рубашке с короткими рукавами. Девушка в коротеньком цветастом платьице, юбка полусолнцем, белый ремешок на талии, высокий хвост перехвачен лентой в цвет платья.

Она не виновата
И я не виноват.
Плывет как эскалатор
Сиреневый Арбат.
От двоек и нотаций,
И материнских слез.
Сережа плюс Наташа -
Пока еще вопрос.
И всей Москве не спится,
Она у нас в долгу,
Покуда не решится
Проблема на снегу.

— Зайдите ко мне через полчаса, — бросает распоряжение Холодильник, вставая из-за стола и уходя из кафе.

А в ней тревога та же
И тот же в ней серьез:

Сережа плюс Наташа
Равняется — вопрос.

— Нина! Вы — ангел-хранитель нашего агентства! — с блестящими от слез голубыми глазами говорит Дарья Владиленовна, совершенно меня смущая и вызывая ответные слезы. — Это был такой чудесный вечер! Я так рада, что сопричастна, что и я здесь была…

Безумно сладкий и горячий грушевый пирог мы едим, наслаждаясь каждым кусочком, буквально неинтеллигентно облизывая пальцы.

— Вот увидишь! — пророчески предрекает Димка. — Он тебя сейчас такую премию выпишет! Этот Петровский — важная шишка! Вон какой довольный уходил!

— Какие люди удивительные! — восхищается Павла Борисовна. — Сколько у них друзей! Какие дети и внуки! Вот для чего жить надо…

В семье Петровских живет счастье. Долгие годы. И не собирается от них никуда уходить. Мы видели это своими глазами. И я хочу так же. И никак иначе.

В полутемном кабинете Холодильника прохладно. Прохлада эта холодит горящие румянцем щеки. Я довольна собой. Клиенты ушли счастливые. Всем очень понравился вечер. А мои друзья не стали бы меня обманывать, даже из желания сделать мне приятное. После такого выброса адреналина

— эйфория от успеха, сильная, чистая, животворящая.

Холодильник стоит у окна и смотрит на горящий огнями почти ночной город. Приходится даже кашлянуть, чтобы привлечь к себе внимание. Но он не оборачивается, а говорит, продолжая глядеть в окно:

— Вечер был достойный. Я доволен. Чувствуется серьезный уровень подготовки. Борис Константинович выплатил вам дополнительную премию.

— Премию?! — искренне радуюсь я. — Прекрасно! Спасибо. Я могу идти?

— Вы торопитесь? Завтра же выходной, — вдруг спрашивает меня Хозяин, наконец поворачиваясь ко мне лицом.

Недаром мне это лицо еще в холле показалось каменным. Оно и сейчас словно произведение камнетесного искусства, которое мастерски выдолбил из цельного куска холодного мрамора талантливый скульптор. Черты хоть и классические, но резкие. Александр Юрьевич кажется осунувшимся, уставшим, я бы сказала, смертельно уставшим, если бы подбирала поэтическое сравнение.

По сведениям Павлы Борисовны, Холодильник эти три недели занимался своим традиционным бизнесом и не вспоминал о нашем, то есть своем, конечно, маленьком агентстве. Что-то не так с этим его бизнесом?

— Нет. Не тороплюсь, — почему-то отвечаю я, словно девушка, которой кавалер намекает на возможность свидания, если она "сегодня вечером свободна".

— Вы устали? Хотите отдохнуть? — спрашивает Холодильник, впившись в меня строгим инвентаризационным взглядом собственника.

— Это приятная усталость, — озадаченно отвечаю я, не понимая, какой ответ он хочет услышать.

— Возьмите недельный. Нет, двухнедельный отпуск, — советует Холодильник и ожидает моего ответа.

— Отпуск? — теряюсь я. — Сейчас? Почему?

— Чтобы отдохнуть перед новой работой, — терпеливо отвечает Александр Юрьевич, жестом приглашая меня присесть за стол.

— Новой? — переспрашиваю я. — У нас в работе три проекта. Все по плану. Никакой гонки. Только этот проект был… внеплановым.

— Это проект может изменить вашу жизнь, — таинственно говорит Холодильник, глядя на меня мертвыми глазами потерявшего смысл жизни человека.

Молча приподнимаю брови, показывая, что ничего не понимаю.

— Предложение от Петровского, — Хозяин подвигает ко мне сложенный вчетверо лист бумаги.

— Петровского? — глупо переспрашиваю я. — Почему через вас?

— Торопился. Они улетают сегодня всей семьей отдыхать, — устало объясняет Холодильник.

— Вы плохо выглядите, — неожиданно говорю я.

Хозяин усмехается и говорит:

— Зато вы прекрасно!

— Спасибо, — бормочу я, придвигая к себе лист и разворачивая его с опаской.

Теперь мои брови приподнимаются абсолютно самостоятельно, отдельно от мимических усилий своей хозяйки.

— Бред! — констатирую я убежденно. — Таких зарплат не бывает! Вы три недели готовили этот обидный розыгрыш? Подленько даже для вас!

— Подленько?! — гремит Холодильник на весь кабинет так неожиданно, словно долго ждал именно этой реплики, чтобы начать на меня орать.

— Вы хотите, чтобы я поверила, что господин Петровский приглашает меня к себе на работу и собирается платить такую… такую зарплату? — почти заикаюсь я. — Вы такого низкого мнения об умственных способностях собственного арт-директора?!

— Это вы, видимо, считаете меня человеком с отрицательным айкью? — дымится Холодильник. — Если решили, что я буду тратить свое время на нелепые розыгрыши!

— Почему же нелепые? Очень даже лепые! — вскакиваю я со своего стула. — Какие только средства вы не использовали, чтобы закрыть наше агентство и уволить меня!

— И какие же это средства, любопытно? — Холодильник медленно встает и нависает надо мной. — Огласите?

— Оглашу! — цежу я сквозь зубы. — Хамство — раз! Неадекватные приказы — два!

— Чудесно! Наверное, есть еще и три? — Холодильник делает широкий шаг в мою сторону. — Самое страшное три!

— Еще какое три! — отступая назад, гордо говорю я. — Соблазнение!

— Что за глупости! — Холодильник вдруг остывает и с сомнением смотрит на меня. — Вам меня не соблазнить, госпожа Симонова-Райская!

— Мне?! Вас?! — хватаю воздух, как вытащенная на берег рыба.

— Не знаю, что вы там себе напридумывали, — морщится Холодильник. — Но я счастливый жених молодой, красивой, умной женщины.

Каждый эпитет Хозяин произносит, поэтапно опуская взгляд с моего лица сначала на грудь, потом на талию и ноги.

— Естественно! — шиплю я. — Ваш милый котенок лучше всех! Я в курсе! Кроме него никто на вас и не претендует! У вас мания преследования от богатства и… чванства!

— Чванства?! — гомерически смеется Холодильник. — Ваша настольная книга — словарь Даля? Ради меня откопали устаревшее слово?

— Ради вас я откопала множество совершенно не устаревших. очень точных русских

слов! — ликую я, обрадовавшись возможности утереть ему нос. — Надменность. Высокомерие. Кичливость. Снобизм. Спесь. Ханжество. Оторопев от моего напора, Холодильник молчит, пропуская время подать свою очередную реплику.

— А еще фарисейство! Да! Вы — фарисей! — радуюсь я возможности обзываться вне очереди.

— Он то здесь причем? — искренне недоумевает растерявшийся Холодильник.

— Поведение личности с двойным стандартом в моральной оценке! — делаю я контрольный выстрел.

— То есть я лицемер? — выдыхает Холодильник, сжимая руки в кулаки.

— Конечно! — убежденно подтверждаю я его сомнения. — Вы совершаете заведомо безнравственные поступки. Ради эгоистических интересов. Ваши мотивы низменны, а цели антигуманны.

— Вы настоящая… — Александр Юрьевич начинает мучительно подбирать нужные слова. — Кокетка и позерка.

Пока я прихожу в себя от такого подлого ответного удара, он продолжает:

— Вы напрасно используете такой хлипкий арсенал воздействия на меня. Этого недостаточно, если вы хотите… мне понравиться.

— Я хочу работать в нашем агентстве и как можно реже вас видеть! — клянусь я, положив руку на сердце. — Три недели вы радовали нас своим отсутствием. Зачем утруждались сегодня?

— Петровский — важный в моей жизни и моем бизнесе человек, — отвечает мне Холодильник, уже указывая на дверь. — Если бы я знал, что вы считаете дни в мое отсутствие, я бы непременно поторопился.

— Прекратите постоянно указывать мне на выход! — срываюсь я. — Я и так не горю желанием здесь оставаться. Короче. С Петровским или без ваша провокация не удалась!

— Провокатор из нас двоих только один. И это не я! — рычит Холодильник, хватая меня за руку и с размаху впечатывая в свою твердую грудь.

Больно ударившись и потеряв дар речи, я откидываю назад голову и смотрю с испугом в его мрачное тесаное лицо.

— Флирт — преступление наказуемое, — шепотом сообщает мне Холодильник и наклоняется.

Я жду неправильного и неприемлемого в нашей ситуации поцелуя. Но ничего не происходит, кроме того, что Холодильник вдруг медленно оседает на пол, роняя меня на себя.

Визжу от неожиданности, снова ударившись, в этот раз своим лбом об его лоб. И лоб этот горячий, сухой. Господи! Он в обмороке?!

Вскакиваю, хватаю телефон и вызываю сразу всех. охрану, скорую и Павлу Борисовну. Пару секунд раздумываю, вызывать ли полицию.

Через полчаса меня, испуганную и растерянную, навещает в моей квартире Павла Борисовна.

— Что с ним?! — кидаюсь я к ней. — Это не я. Я его не трогала. Клянусь!

— Что вы, Ниночка! — спешит успокоить меня добрая женщина. — У Александра Юрьевича какой-то вирус, возможно, грипп. Плюс переутомление. Оказывается, он не летал перед новым годом в отпуск, а работал без выходных. Да еще заразился. Сумасшедший!

— Не думала, что такие большие и крепкие мужчины падают в обмороки! —

недоверчиво говорю я, подозревая Холодильник в обмане.

— Еще как падают! — невесело улыбается Павла Борисовна.

— Его увезли на скорой? — осторожно спрашиваю я.

— Увезешь его! — сетует Павла Борисовна. — Поставили укол. От госпитализации он отказался. Собирается спать в кабинете. Хотели пригласить его к себе, в комнату Павла Денисовича.

— Сомневаюсь, что он согласится, — качаю я головой.

— Он и не согласился! — вздыхает Павла Борисовна.

Промучавшись часа два от сознания собственной вины, проворочавшись с боку на бок в надежде заснуть, я встаю и крадусь в его кабинет. Уговариваю себя так: краем глаза посмотрю, что с ним все в порядке, и убегу. А если не в порядке — вызову скорую еще раз.

Александр Юрьевич с закрытыми глазами сидит в глубоком кресле без пиджака, в расстегнутой до пояса рубашке. Лицо бледное, спокойное. Не похоже, чтобы он дышал… Надо проверить… Я, конечно, клятву Гиппократа не давала, но и об оставлении человек в опасности статью помню…

На носочках подхожу поближе, наклоняюсь, прислушиваюсь… Дышит! Так же на носочках разворачиваюсь и делаю маленький шаг по направлению к двери. Крепкая рука хватает меня за подол халата и тянет назад. Второй раз за сегодняшний ночной вечер с визгом прижимаюсь к твердому Холодильнику.

Одной рукой он уверенно держит меня за талию, другой приподнимает мой подбородок, чтобы заглянуть в глаза.

— Вы упорны, госпожа Симонова-Райская, — говорят его горячие даже на расстоянии губы. — Я ослаблен болезнью, и у меня нет сил сопротивляться вашей настойчивости.

Не успеваю ни взвизгнуть еще раз, ни хрюкнуть от такой наглости: горячие мягкие мужские губы прижимаются к моим.

Глава 13. Теория о любовниках

Если женщина идет с опущенной головой — у нее есть любовник!
Если женщина идет с гордо поднятой головой — у нее есть любовник!
Если женщина держит голову прямо — у нее есть любовник!
И вообще — если у женщины есть голова, то у нее есть любовник!
Фаина Раневская

— Вы хотите меня заразить? — растерянно спрашиваю я, отобрав свои губы у губ Холодильника.

— Я хочу удовлетворить ваше любопытство, — шепчет Холодильник.

— Мое любопытство, вернее, мое беспокойство по поводу вашего здоровья ничего общего не имеет с… поцелуями. Тем более это… негигиенично, — говорю я, упираясь ладонями в железную грудь Александра Юрьевича. Замечу: голую железную грудь, едва прикрытую расстегнутой белой рубашкой.

— Какой ужас! — послушно соглашается со мной Холодильник. — Слизистая — настоящий рассадник микробов и вирусов.

— Рада, что вы это понимаете, — действительно радуюсь я, пытаясь встать с его колен.

Но никто меня и не думает отпускать. Две широкие большие ладони аккуратно обхватывают мое лицо и приближают к лицу Холодильника.

— Я уверен, что ваш иммунитет, госпожа Симонова-Райская, обладает противовирусными свойствами. А у моего уставшего организма нет сил бороться с вызванным болезнью наваждением, — снова шепчет Холодильник мягко, почти нежно и целует меня, противореча этой нежности, сильно, крепко, я бы даже сказала, страстно.

— У вас гриппозный бред? — с трудом вырвавшись, сердито спрашиваю я. — Вы меня с кем-то путаете, господин Климов-младший, например, с котенком…

— Я ни с кем не могу вас перепутать, — отрицательно качает головой Холодильник, глядя на меня своими выразительными карими глазами, светящимися каким-то лихорадочным блеском. — Вы отравили мое существование за последние несколько месяцев.

— Я?! — кричу я, начиная бороться за свободу и руками, и ногами. — Вы… прохиндей!

— Я еще предыдущие звания, данные вами, не успел поносить, — тихо смеется Холодильник, зачем-то взяв мою правую ладонь и положив себе на лоб. Лоб у него прохладный.

— Прекрасно! — снова начинаю использовать все четыре конечности, чтобы встать с его колен, но терплю неудачу. Сильные руки почти без усилий удерживают меня на мужских коленях. — Получайте еще! Вы заслужили! Носите с удовольствием. Мошенник. Жулик. Ловкач.

— Может, запишете? — улыбается Холодильник своей очаровательной мальчишеской улыбкой, совершенно меня обезоруживая. — Память у меня неплохая, но болезнь, знаете ли, влияет…

— Пожалуйста! — тоже улыбаюсь я против воли. — Пройдоха. Плут. Аферист. Шельмец.

— В ваших устах звучит как музыка, — серьезно сообщает мне Холодильник и снова

целует меня, с каждой секундой распаляясь все сильнее и углубляя и без того глубокий поцелуй.

Совершенно не понимаю, что мне сейчас делать. Конечно. за первую неделю нашего общения я сама невольно убедила его в том, что готова предложить большее. А теперь, несмотря на все мои объяснения, он мне не верит и идет напролом. И этому разбуженному мною зверю недостаточно его милого котенка. Ему зачем-то нужна я. Зачем — понятно, конечно. Но в роли любовницы Хозяина разовой или долгоиграющей я себя совершенно не представляю. Хотя, когда он так улыбается… И так целуется…

Почувствовав мои колебания и сомнения, Холодильник со стоном перемещает свои губы на мою шею. Это мгновенно отрезвляет.

— Александр Юрьевич! Не настолько вы больны, чтобы не понимать, что сейчас делаете, — осторожно укоряю его я, понимая, что физически с ним не справлюсь.

— Я отчетливо понимаю, что я сейчас делаю, — охотно соглашается странно послушный Холодильник. — Я вас целую и получаю от этого удовольствие. Очень надеюсь, что и вы тоже.

— А как же ваша невеста? Ваш котенок? — с досадой спрашиваю я, откровенно наслаждаясь неправильными поцелуями.

— У меня нет котенка. И собаки нет. Меня никогда не бывает дома. У меня даже рыбок аквариумных нет. — шепчет Холодильник, поцелуями прокладывая горячую дорожку по моему плечу.

— У вас есть невеста! — отпихивая настойчивого мужчину, почти кричу я, напоминая его же собственные слова. — Молодая, красивая, умная.

— Есть, — вздохнув. соглашается Холодильник. — Невеста есть, но это другое…

— Другое?! — мне удается вскочить на ноги и отпрыгнуть от сидящего мужчины на пару шагов. — Я не буду вашей любовницей!

Холодильник встает с кресла и начинает медленно застегивать рубашку.

— Я не предлагал вам быть моей любовницей, — спокойно и жестко говорит он. — Ни слова об этом не сказал.

— Значит, ваши поцелуи — предложение к деловому сотрудничеству? — горько иронизирую я, отступая еще на один шаг. — Вы так премируете арт- директоров? Может, и начальника охраны такими премиальными балуете? Поэтому Прохор Васильевич так вам предан?

Холодильник стремительно хватает меня за лацканы халата и придвигает к себе:

— Мужчины не прощают таких шуток даже красивым женщинам, — угрожающе цедит он сквозь зубы, почти приподнимая меня над полом.

— Какие шутки?! — тут же возмущаюсь я. — Никаких шуток. Логичное предположение. Я вам в качестве любовницы не нужна, но поцелуи свои вы мне настойчиво навязываете. Вот я и решила, что это ваш личный способ расплачиваться за хорошую работу. Прохор Васильевич ведь хорошо работает?

— Как насчет предложения Петровского? — рычит Холодильник. — Готовы к получению баснословной зарплаты?

— Нет! — гордо и громко отвечаю я. — Мне вполне хватает моего сегодняшнего заработка и моей нынешней должности.

— Я не Петровский. Премиями разбрасываться не буду! — угрожает мне Хозяин.

— Никто и не ждет! — парирую я. — Ни премий, ни поцелуев! Вы сами с ними лезете!

— Лезу?! — крик Холодильника срывается на шепот. — Вы совершенно не умеете разговаривать с начальством.

— Растерялась! — отбиваюсь я в прямом и переносном смысле, вырвавшись из крепких рук Холодильника. — Никто из прежнего начальства меня не целовал!

— Я рад, что я у вас первый! — неожиданно улыбается детской улыбкой Александр Юрьевич.

— Вы не избавитесь ни от агентства, ни от меня! — чеканю я.

— Звучит зловеще, — усмехается Холодильник. — Но… не страшно, уж извините. Я говорил Петровскому, что вы не согласитесь. Он утверждал, что от таких предложений не отказываются. Интересно будет увидеть его лицо…

— Чтобы избавиться от меня, вам придется меня… убить! — ни с того ни с сего выкрикиваю я.

— И что мне делать с вашим трупом? — совершенно серьезно спрашивает Холодильник.

"Положите в морозилку", — хочу остроумно предложить я, но, конечно, не предлагаю.

— Послушайте, Нина, — начинает Холодильник, слегка поморщившись и потерев своими красивыми пальцами виски.

— Сергеевна. — ворчу я, сложив руки за груди.

— Нина Сергеевна. Вы совершенно правы. У нас с вами могут быть только деловые отношения. У меня есть невеста. У вас, наверное, есть жених? — разбавив равнодушный вопрос вопросительной интонацией, спрашивает Александр Юрьевич.

— Нет у меня жениха, — огрызаюсь я. — В любом случае, это вас не касается!

— А как же тот настойчивый писатель? — насмехается Холодильник. — И мама его, такая активная женщина…

— Гена и Сальмонелла? — по-доброму смеюсь я. — Гена — приятель, почти друг детства. Это Сальмонелла, то есть Яна Львовна, придумала сделать из нас пару. Мне кажется, что Генка тяготится этой историей даже больше меня.

— Странно, что такая… девушка не хвастается большим количеством женихов, пытаясь избавиться от навязчивого внимания мужчины, — мягко усмехается уставший Холодильник и садится обратно в кресло.

— Какая такая? — удивленно переспрашиваю я, удивившись прежде всего тому, что Холодильник назвал самого себя "навязчивым мужчиной".

— Красивая, необычная, я бы сказал, оригинальная, — отвечает на мой вопрос Хозяин, примагнитив мой взгляд своим.

— Спасибо, конечно… — растерянно говорю я и отползаю спиной к двери. — Хорошо, что мы с вами поговорили, все выяснили…

— И что же мы выяснили? — строго спрашивает Холодильник, так строго, что мне кажется, что я снова студентка и ко мне без видимых причин придирается преподаватель философии.

— Что я внесла некоторую… смуту в наши с вами отношения. в первую неделю вашего присутствия здесь. Вы неверно истолковали мой… порыв не следовать дресс-коду. Вам не нужна любовница. У вас есть прекрасная невеста. — торопливо докладываю я, практически приблизившись к спасительной двери.

— Стоять! — жестко командует Холодильник мне, уже взявшейся за ручку, потом контрастно мягко добавляет. — Отдохните завтра как следует. госпожа Симонова-Райская.

Раз вы отказались от работы у Петровского, будете много работать на меня.

— Я не боюсь работы! Теперь, когда мы все выяснили… — напоминаю я ему.

— Что выяснили? — бестолково переспрашивает он.

— Что вам не нужна любовница! — выкрикиваю я и поспешно убегаю в свою квартиру.

Утром воскресенья появляется вызванная накануне на помощь Ленка, сама взвалившая на себя обязанности моего духовника, личного психотерапевта и лучшей подруги. Выслушав мой сбивчивый рассказ о произошедшем после вечера для семьи Петровских, она с открытым ртом несколько минут сидит на моем диване в гостиной. Потом решительно говорит:

— Все! Я его раскусила. Он вынуждает тебя напроситься в любовницы, чтобы потом легче было избавиться. Тебе надо решить, будешь ты это делать или нет. Понимаешь, есть некоторые плюсы…

— Лена! Ты в своем уме?! — я почти теряю дар речи. — Какие плюсы?

— Вот не передергивай! — нервничает Ленка. — В положении любовницы богатого человека есть серьезные преимущества. А у твоего кандидата еще и молодость, красота, сила, ум…

— Не надо его рекламировать! — возмущаюсь я вдохновению Ленки.

Ленка усаживает меня рядом с собой и терпеливо говорит:

— Слушай! Это легкие отношения. Никто ни на кого не давит. Есть свободное время — встречаетесь. Нет — не встречаетесь. Чем плохо?

— Потому что я не хочу встречаться! — так же терпеливо объясняю я.

— Не понимаю. Богат, красив, умен. У тебе никого нет. В чем причина? — недоумевает подруга. — Тебе, красотка, двадцать пять. Не восемнадцать. И это отличный опыт общения с представителем противоположного пола.

— Зачем мне этот опыт? — психую я, потеряв остатки терпения.

— Приятное времяпрепровождение. Отвлеченность от быта. Свежие эмоции. Материальная поддержка, наконец! — начинает психовать и Ленка. — Нельзя быть такой дурой в твоем возрасте. Он что, плохо целуется?

— Хорошо, — ворчу я. — Целуется он хорошо. Мне особо и сравнить не с чем. Вернее, не с кем. Ему это зачем? Любую может пригласить. Невеста молоденькая есть.

— Вот! Ключевое слово "молоденькая". С ней особо не разгуляешься. Там, наверное, брак по расчету. Со стороны Холодильника и Светиного папы, — поучает меня Ленка. — Он мужчина тридцатилетний. В самом соку. Ему нужны легкие отношения без обязательств. Без разборок и ссор.

— Наши с ним отношения и есть разборки и ссоры, — объясняю я непонятливой подруге. — Свежие эмоции — да. Но лежат они в другой плоскости.

— А я бы так не сказала! — яро возражает Ленка. — То он халат тебе развязывает, то на колени садит, то целует… Нет. Тут на лицо особый интерес именно к тебе, Нинка!

— И что мне делать? — уныло спрашиваю я, вспоминая, как горела кожа в тех местах, где ее касались его губы.

— Слушай! Тетя Лена даст тебе важные советы. Во-первых, не выпрашивай подарки. Во-вторых, не лезь в его личную жизнь. В-третьих, с уважением отзывайся о его невесте или жене. В-четвертых, не пытайся ее заменить. В-пятых…

— Подожди! — с ужасом кричу я, пытаясь остановить поток Ленкиных советов.

— Я не собираюсь быть его любовницей.

— Тогда просто дослушай теорию! — отмахивается от меня Ленка. — Не с ним, так с кем-нибудь другим пригодится. В-пятых, не знакомь его со своими родственниками. В-шестых, не выпрашивай подарки. Или это уже было во- первых? В-седьмых, не рассказывай ему о своей личной жизни.

— У меня пальцы скоро кончатся, — пытаюсь шутить я, но Ленку не остановить.

— В-восьмых, пока он тобой интересуется, попытайся установить несколько своих правил и заставь его им следовать, — продолжает Ленка. — В-девятых, не будь истеричкой. Он должен отдыхать с тобой душой. Ну, и в-десятых, будешь дура, если такого упустишь!

Довольная собой Ленка откидывается на спинку дивана.

— Когда я ему сказала, что не стану его любовницей, — напоминаю я Ленке, — он разозлился и ответил, что и не собирался мне этого предлагать!

— Это все эмоции! — не верит Ленка. — Целоваться лез? Лез! Значит, по- любому в постель тащит. Он же не подросток.

— Так он на один раз тащит! — трясу я одним пальцем перед Ленкиным лицом. — Как я, переспав с ним один раз на пробу, останусь уважаемым и востребованным арт-директором?!

— Качественная встреча в постели двух взрослых людей не может умалять профессиональных качеств, — крутит у виска Ленка. — Вот представь, ты — врач, он — космонавт. Что изменилось после романтической встречи? Она лечить не сможет, он летать на орбите?

— Я. На него. Работаю, — по словам объясняю я. — Он мой работодатель. Я его подчиненная. Это не может не накладывать…

— Хорошо! — перебивает меня Ленка. — Пусть накрадывает. Большой простор для выбора ролевых игр.

Трижды поссорившись с Ленкой за один воскресный вечер, отправляю ее восвояси.

— А вот ты подумай на досуге, — зловеще пугает меня Ленка на прощание, — почему такой шикарный экземпляр мужчины целоваться лезет, а в любовницы не берет? Задумайся! Это звоночек оттуда!

Ленка выразительно поднимает вверх палец.

Вместо "ужина балерины" уже в первом часу ночи тащусь вниз с открытой бутылкой красного сухого вина, которую мы недопили с Ленкой. Даже себе не сознаюсь, что хочу с ним встретиться. Нет, сознаюсь, конечно. Но выбираю экшен-версию: чтобы разбить об его голову бутылку и залить красным цветом его белую рубашку. Знаю, что не появится. После моего ухода вчера из его кабинета он вызвал Рудского и уехал домой. Ну, или к котенку… А может, они вообще вместе живут…

Поэтому, когда я наливаю в свой бокал порцию вина и возле уха раздается вопрос:

— Что празднуете? — от неожиданности проливаю вино на маленький столик Дарьи Владиленовны.

— Зачем вы меня пугаете?! — бросаюсь я в атаку. — Чего вам не болеется дома в окружении близких? Вам только вчера скорую вызывали! Вы знаете, какова смертность среди молодых и сильных мужчин?

Холодильник разворачивает меня к себе, отбирая и отставляя в сторону бутылку.

— Я погорячился и неверно вас информировал, — сообщает он мне. почти касаясь своими губами моих.

— Что значит — неверно информировал? — теряюсь я, загипнотизированная его горячим, лихорадочным взглядом. Недолечился он, точно недолечился…

— Вы правы, я не прав, — вносит еще порцию загадочности в наш странный разговор Холодильник.

— Я права? — сомневаюсь я. — А в чем? Не подскажете?

— Я растерялся и соврал. — объясняет Холодильник, но понятнее не становится.

— И что же именно вы соврали? — осторожно уточняю я, тихонько шевеля плечами, чтобы освободиться от объятий.

Почувствовав это, Холодильник прижимает меня крепче и держит сильнее:

— Я согласен.

— На что? — стараюсь быть вежливой, но получается плохо.

— Я согласен на то, чтобы вы стали моей любовницей

Глава 14. Василий

Неумение врать — еще не повод говорить правду.
Мудрость из интернета

Выбор у меня был небольшой, я бы даже сказала — скудный. Пощечина или поцелуй. Мастерски вывернув сознание наизнанку, я нашла третий вариант: вежливый вопрос.

— Александр Юрьевич! Как человек терпеливый и интеллигентный, готова списать ваши последние слова на осложнение после болезни, которую вы, скорее всего, перенесли на ногах, что не могло не сказаться…

Холодильник тяжело дышит и угрюмо молчит. Пользуюсь этим обстоятельством, чтобы продолжить говорить:

— Вы чуть-чуть перепутали авторство реплик в нашем диалоге. Это я должна соглашаться или не соглашаться стать вашей… любовницей. И только после вашего же предложения об этом. Как мне помнится, вчера вы совершенно ясно и недвусмысленно выразили свою позицию: у вас есть невеста и вам не нужна любовница.

Холодильник недовольно пыхтит, но молчит.

— У вас, несомненно, большой выбор девушек… женщин, готовых оказать вам такую разовую или долговременную услугу, — набираюсь смелости и тихонечко глажу ладонями его напряженные плечи. — Знаете такую мудрую офисную поговорку? Не спать там, где работаешь, и не работать там, где спишь? По-моему, лучше не скажешь, правда?

По бешено горящим карим глазам Хозяина чувствую, что ни слова из того, что я ему только что сказала, до него не дошло. Он только схватил мои руки, гладящие его плечи, соединил их вместе и прижал к своей груди. И снова ничего не сказал. Так… Положение осложняется…

И когда Холодильник наклоняется ко мне с прекрасно считываемым намерением поцеловать, я отбрасываю всякую вежливость:

— У вас, видимо, не грипп, а настоящий менингит, господин Климов! Отказаться от госпитализации было не просто ошибкой, а преступлением!

— Менингит? — рассеянно спрашивает Холодильник, впервые за долгое время произнеся одно слово вслух. — Почему менингит?

— Воспаление мозговых оболочек, — терпеливо растолковываю я. — Серозный или гнойный — решать врачам.

Холодильник, заподозрив неладное, резко отпускает меня и даже наклоняет голову набок, словно он большая умная собака, которая вслушивается в слова хозяина.

— Я, конечно, поставила бы на хронический, но, вполне возможно, что я по-дилетантски не права, — успокаиваю его я.

— Хронический менингит? — рычит Холодильник.

Слава богу! Снялся с паузы.

— Сильная головная боль, рвота, обморок, — радостно перечисляю я. — У вас ведь все это было? А если менингококковый, то еще сыпь будет!

— Сыпь?! — рев Холодильника становится вполне узнаваемым и поэтому долгожданным. — Что вы себе позволяете?

— Не больше, чем вы! — выскальзываю из его объятий, пользуясь секундным

замешательством растерявшегося мужчины. — Осложнениями после менингита могут быть глухота и слепота. По-моему, как раз…

— Я, по-вашему, глухой и слепой? — начинает медленно нагреваться Холодильник.

— Вы глухи и слепы ко всему, что говорю вам я! — тут же обвиняю я товарища Климова. — Но, может статься, это ваши врожденные дефекты!

— Вы вообразили, что бессмертны? — перенастроив программы, совершенно спокойно вдруг спрашивает Холодильник.

— Природный такт не дает мне возможности предложить другие распространенные осложнения после менингита, — честно задираюсь я.

— Ничего. Давайте придержим ваш такт до лучших времен, еще пригодится. Говорите смело, не бойтесь! — подначивает меня Хозяин.

— Как скажете! — шутовски кланяюсь я. — Интеллектуальные нарушения. Гидроцефалия — водянка головного мозга.

— Вы перечисляете собственные диагнозы? — насмешливо и зло спрашивает Холодильник. — Хотя нет! Конечно, не ваши. У вас даже почвы для такого заболевания нет! Чтобы получить водянку мозга, нужно, как минимум, иметь сам мозг!

Гнев бросает меня на амбразуру. Очень хочется вцепиться ему в лицо. Но я терплю. Своей цели я уже добилась — увела разговор в сторону. Но следующие слова Холодильника возвращают нас к тому, с чего мы и начали.

— Тогда ведите себя соответственно собственным словам! — рявкает Александр Юрьевич. — Не создавайте у меня впечатление, что вы не прочь…

— Я уже дважды извинилась! — почти визжу я. — Все объяснила. Мы сговорились на том, что будем выстраивать деловые отношения…

— И для скрепления этого договора вы явились ночью в мой кабинет в ночнушке и халате? — скептически спрашивает Холодильник и тут же добивает. — И поцелуи мои принимали, разомлев на моих коленях. Вы с собой сначала договоритесь, госпожа Симонова-Райская!

Вот он как все вывернул! Мастер! От злости и негодования меня трясет в буквальном смысле этого слова.

— А мне кажется, все дело в том, что я первая и единственная особа женского пола, которая не считает вас неотразимым мужчиной! — я чрезвычайно довольна собой.

— Вы — единственная особа, переворачивающая с ног на голову даже базовую логику! — кричит на меня Холодильник. И крик его музыкой растекается по моим венам. Это мое пространство по умолчанию.

— Прекрасно! Договорились! — пафосно говорю я. — Теперь, надеюсь, ни у кого из нас не осталось никаких сомнений по поводу возможного сценария развития наших отношений?

— Мне все предельно ясно! — чеканит слова Холодильник, включая режим заморозки. — Мужчины не выживут возле вас в радиусе ближе полукилометра. Это безжизненный ядовитый круг, в котором отравляется все живое.

— Неправда! — обида захлестывает меня горячей волной. — Просто мне это не надо. Когда я встречу того, кого выберу. я все буду решать сама.

— Вы не проживете рядом с нормальным мужчиной больше суток! — выносит вердикт Холодильник, направляясь к лифту. — И ему не выжить, если он не обвешается чесноком и не запасется осиновым колом и серебряной пулей. Глухое, рвущееся наружу бешенство заставляет меня выкрикнуть вслед противному мужчине очевидную глупость:

— Василий второй год живет со мной и не жалуется!

— Ты прикрылась Василием?! — хохочет в трубку Ленка. — Что будешь говорить, когда он узнает, кто такой Василий?

— А как он узнает? — ворчу я. — Василий ему не скажет.

Долго не могу заснуть от перевозбуждения, ругая себя за то, что в свои сложные и запутанные отношения с Хозяином приплела ни в чем не повинного паука-птицелова.

Следующие две недели проходят на удивление спокойно. Александр Юрьевич появляется в агентстве всего три раза, увидев меня, вежливо здоровается. Не вызывает с отчетами, не просит почитать сценарии, не приводит новых клиентов.

Затишье благотворно сказывается на моем настроении и работоспособности. Замечательно проходят два детских праздника. Один из них для Сашеньки, чудесного мальчика-инвалида детства. Его праздник из нашей благотворительной программы, которую начал еще Юрий Александрович, подключившись к работе одного из фондов помощи детям. Сашенька создает удивительные рисунки большими пальчиками своих больных ножек. Ручек у него нет. Совсем. Мы обыграли героев его рисунков, сшив волонтерам костюмы по эскизам мальчика. Волонтеры разыграли юмористический спектакль на основе любимых детских стихов поэтов самых разных исторических эпох. Сам Петровский, сразу согласившись помочь в реализации этого проекта, сыграл нам на музыкальных инструментах множество веселых композиций.

Утомило только телевидение. Ни я, ни мой помощник Димка не справлялись с напором тележурналиста Захара Синицына, сующего свой нос везде и всюду. Поэтому и подготовка к празднику, и сам праздник для меня были подпорчены его навязчивым присутствием. Захар постоянно находился рядом, буквально дышал в затылок — и это не метафора. Ходил за мной по пятам, задавал сотни ненужных вопросов.

— Мы оговорили круг ваших вопросов с пресс-службой Климова, — вежливо напоминала я время от времени, но это мало помогало.

Можно было, конечно, пожаловаться Павле Борисовне, которая быстренько выставила бы съемочную группу, нарушающую договоренности, из агентства. Но тогда праздник остался бы без освещения на телевидении, а мне и всем нам было важно показать Сашеньку и его работы как можно большему количеству людей.

— Захар! Вам не надо сюда. Это женская гримерная, — аккуратно удерживает Захара нервничающий Димка, когда я скрываюсь от назойливого журналиста в комнатке, где переодеваются и гримируются волонтеры — наша массовка.

Студентка театрального училища Полиночка Треухова приклеивает себе длинные накладные ресницы, голубые и блестящие. В голову приходит освежающая мысль:

— Полиночка! — обращаюсь я к девушке. — У меня много работы. Могу я поручить вам тележурналиста? Его надо сопровождать и занимать разговорами. Справитесь?

— С Синицыным? С Захаром? — с придыханием спрашивает Полиночка, усиленно моргая голубым блестящим чудом, делающим ее похожей на Мальвину, буфетчицу из сельского магазина и инопланетную принцессу одновременно.

— С ним! — подтверждаю я.

— Господи! Конечно! — почти визжит Полиночка.

Но последний тактический ход избавляет меня от Захара не более, чем на полчаса. Захар снова появляется возле меня со своим оператором, щуплым мужчиной, неизвестно какими усилиями держащим огромную телекамеру.

— Похоже, это твой личный поклонник! — докладывает уставший и злой Димка. — Ни за что на Полинку не отвлекся.

— Он меня лапает! — шиплю я без сил. — Закончится праздник, и я ему врежу. Терплю из последних сил. Вот отснимет весь материал…

Под игру на балалайке девочка из детской театральной студии читает стихотворение Саши Черного, к которому нарисовал иллюстрацию художник-инвалид Сашенька.

На столике банка.
Под банкой стакан,
Под стаканом склянка,
В склянке таракан…
Ах, как ему стыдно!
Не мил ему свет…
Все насквозь ведь видно,
А он — не одет…

Аукцион Сашенькиных картин, который задорно, с огоньком проводят его счастливые родители, выручает раз в десять больше, чем запланировано. Впечатленный праздником, Сашенька неожиданно просит разрешения нарисовать мне в подарок картину.

— Конечно! — комок в горле еле дает проговорить следующие слова. — Буду с нетерпением ждать, Саша.

— Нет. Не надо долго ждать. Я хочу подарить сегодня, сейчас, — хватает мою руку хрупкой ножкой восьмилетний белокурый мальчик. — Я сейчас нарисую. Отец Сашеньки приносит все, что мальчику необходимо. Костик садится к роялю, а Борис Константинович Петровский берет в руки гитару. Под легкий мотив всем известной детской песенки на нежно-голубом листе пастельными мелками правая ножка Сашеньки сначала выводит нежный абрис девушки с высокой прической, потом ярко-красный мелок завершает портрет: у девушки появляется тело в форме сердца.

Радостный мальчик вручает мне рисунок. Обнимаю его и целую в худую щечку. Поднимаю глаза и вижу строгое просветленное лицо Холодильника и… слезы в глазах Прохора Васильевича, стоящего рядом с Хозяином. После праздника, воспользовавшись всеобщей суматохой. меня откровенно зажимает в углу возле барной стойки Захар Синицын.

— Вы — настоящее чудо, Ниночка! — жарко шепчет он моему правому уху. — Я могу договориться, чтобы вас взяли работать на телевидение. Такое маленькое агентство — не ваш уровень. Моя протекция дорогого сто… Видимо, он должен был сказать "стоит", но не успел. Сильные руки Прохора Васильевича перенесли тележурналиста Синицына на пару метров от меня, за кухонную дверь. Беспомощно оглядываюсь по сторонам: вижу довольного и подмигивающего мне Димку, успокаивающе улыбающуюся Павлу Борисовну, показывающего большой палец Костика и горящие бешенством глаза Холодильника.

В этой глубине карего взгляда не только бешенство, но и злость, раздражение и недовольство. Не поверите. Мной.

Холодильник резко разворачивается и уходит из кафе.

Как и куда делся журналист, увидеть не успеваю. Начинается традиционное празднование удачно реализованного проекта. Шампанское, фрукты и пироги Павла Денисовича: с грибами, с капустой, с рыбой, с ягодами. Мы все какие-то одухотворенные и по-детски счастливые.

Общее мнение высказывает Дарья Владиленовна:

— Это было не только оригинально, но и просто красиво. Это было так по-человечески, так по-доброму, что мне очень хочется не останавливаться и сделать для этого мальчика что-то еще. Спасибо всем вам! Вселенная начала отдавать вам долги, Ниночка! Вы столько доброго и красивого сделали, работая в нашем агентстве, что незапланированное, экспромтное желание Сашеньки нарисовать ваш портрет немедленно — вершина сегодняшнего праздника. За вас, Нина!

Сердце щемит от благодарности этой доброй пожилой женщине и всем моим друзьям в нашем агентстве.

Костик бежит к роялю, и мужчины стройным хором поют мне в подарок романс на стихи Вертинского.

Каждый тонет — как желает,
Каждый гибнет — как умеет.
Или просто умирает,
Как мечтает, как посмеет.
Мы с тобою гибнем разно,
Несогласно, не созвучно.
Безысходно, безобразно,
Беспощадно, зло и скучно.
Как из колдовского круга Нам уйти, великий Боже,
Если больше друг без друга Жить на свете мы не можем?

Часа через два иду искать Прохора Васильевича, чтобы поблагодарить за помощь с Синицыным. Его нигде нет.

— Скорее всего, у Александра Юрьевича, — сообщает мне Павла Борисовна.

— Они в его кабинете почти час что-то решают.

Послушно сажусь в приемной и жду. Но терпение не мое достоинство. Через пять минут начинаю ходить туда-сюда и подслушивать под дверью. Из кабинета Холодильника выходит один из охранников агентства, вежливо здоровается и быстро уходит, неплотно прикрыв дверь. Подслушивание становится более эффективным. Хорошо, что в приемной нет Риммы Викторовны.

— Всего мужчин с именем Василий семь человек. Четверо работают в агентстве и сейчас. Все проверены. Не они, то есть не он. Двое работали раньше, уволились более трех лет назад. На курсе культурологов Василиев не было. Вообще во время студенчества ни с одним Василем не дружила. Отползаю от дверной щели и плюхаюсь на первый попавшийся стул. Здесь и находит меня Римма Викторовна.

— Нина! Тебе плохо? — пугается она и предлагает мне воды.

Мне не плохо. Мне катастрофически весело. Холодильник, подключив всю свою "охранку". вместе с героическим Прохором Васильевичем ищет моего постоянного любовника Василия.

Бегу в свою квартиру и бросаюсь к аквариуму. Василий греется под лампой и спит.

— Ну что. любовничек? Пошалим? — смеюсь я и звоню Ленке.

Глава 15. Гена

Ученые выяснили, чего хочет женщина.
Но она уже передумала!
Мудрая мысль из интернета

— Нина! К тебе Генка. Трезвый и торжественный! — насмешливо сообщает Димка, заглядывающий в мой кабинет.

— Сальмонелла? — сдерживаю отчаянное желание залезть под стол.

— Один. Без матери, — сочувственно говорит Димка, перестав насмехаться.

— Только ты сиди под дверью! — приказываю я своему легкомысленному помощнику. — Если что, я орать буду! Он в последнее время активизировался.

— Не дрейфь, я рядом! — обещает Димка и распахивает дверь.

Геннадий Муравьев в парадно-выходном коричневом костюме с модным двубортным пиджаком, с большим букетом белых хризантем, с решительным выражением лица появляется на пороге.

— Нина! Наконец я смог застать тебя на рабочем месте! Это моя четвертая попытка! — сразу начинает жаловаться Гена.

Знал бы он, сколько сил мною и моими добрыми друзьями потрачено на то, чтобы эта встреча не состоялась! Пока Гена поднимался с первого этажа на третий, я успевала укрыться либо в своей квартире, либо в квартире Карповых. Римма Викторовна и Димка печально сообщали расстроенному начинающему писателю, что "Ниночка, к сожалению, на выезде, ее нет в агентстве". Как мы сегодня его проворонили?

— Привет, Гена! — радостно протягиваю я руки приятелю, с которым познакомилась пятнадцать лет назад.

Гена порывисто пожимает мне руки и вручает букет.

— Спасибо! По какому случаю? — благодарю и спрашиваю я, тут же сообразив, что нельзя было задавать такой провокационный вопрос. Как будто я не знаю, по какому именно случаю…

— Прекрасно выглядишь! — отступая на шаг и откровенно любуясь мною, с придыханием говорит Гена.

Мы с Ленкой перешли на офисные сарафаны. Сегодня это серо-голубой сарафан из твида с бретелями халтер.

— Дословно переводится как "хомут", — поучает меня Ленка.

— Я знаю, как переводится слово "халтер", — ворчу я на подругу, но больше в шутку.

Сарафан мне очень нравится. Бретели держатся на круглом деревянном ошейнике ручной работы. Блузка с высоким воротником белизной готова поспорить с рубашками Холодильника, который ведет себя более чем странно. Конец января и февраль проходят под девизом "На фронте без существенных перемен". То его сутками нет в офисе, то сутками же он из него не выходит. Я практически перестала спускаться в холл с "ужином балерины", боясь встретиться там с караулящим меня Хозяином и проиграть, нет, не в словесном, а в рукопашном поединке.

Но как только бдительность моя начинала дремать и я осторожно, как пугливая лесная

лань, пробиралась к креслу Дарьи Владиленовны, появлялся Холодильник. Это было уже трижды. Первый раз он гарантированно должен был быть в каком-то там головном офисе с французами, но к полуночи оказался в холле. Второй раз улетел в Вену на двое суток, вернулся через сутки прямо в холл. Третий раз я в режиме онлайн наблюдала за ним на одном из интернет-каналов: Холодильник принимал участие в благотворительном концерте вместе со Светланой Кирилловной и физически не мог так быстро оказаться в холле, когда я туда пробралась. Но он оказался.

Все наши ночные диалоги можно сравнить с перестрелкой нервных новобранцев. Стреляем больше от страха, чем с целью попасть. Но каждая такая стычка оставляет послевкусие бодрости и какого-то нового смысла в продолжении этих странных отношений.

— Он тебя берет измором! — вынесла вердикт опытная Ленка, которую ее первый муж Витька, по ее же словам, взял долговременной осадой, как турецкую крепость.

— Измор — это гибель от истощения, — почти плачу я. — Мои силы на исходе.

— Что это значит? — оживляется Ленка. — Ты готова сдаться? Будешь его любовницей?

— Точно нет! — клянусь я. — Такие отношения не для меня.

— Он на тебе не женится, — осторожно напоминает Ленка.

— Никто и не просит! — фыркаю я. — Я, если и выйду замуж, то только по любви.

— Обыкновенной? — смеется по-доброму подруга. — Или все-таки сказочной?

— Дарья Владиленовна говорит, что обыкновенной любви не бывает. — рассказываю я. — Любые отношения, построенные на любви, уже необыкновенные. А ей виднее. Она Сталина видела!

— Чего добивается он — мне понятно, — задумчиво говорит Ленка. — А вот чего добиваешься ты?

— Сохранения агентства таким, каким оно было четверть века. Сохранение своей должности. Она меня вполне устраивает. Нет, не так… Я люблю свою работу, как тот бессмертный пони.

Ленка смеется. начинает плести мне косу и тихонечко поет:

Я люблю свою работу!
Я приду сюда в субботу.
И, конечно, в воскресенье.
Здесь я встречу День рожденья,
Новый год, 8 Марта.
Ночевать здесь буду завтра.
Плащ-палатка, вещь-мешок.
— У супруга будет шок!
Если я не заболею,
Не сорвусь, не озверею,
Здесь я встречу все рассветы,
Все закаты и приветы!
От работы дохнут кони.
Ну а я- бессмертный пони!

Ленка весело и бодро доплетает французскую косу.

— Одно удовольствие тебя заплетать! Это несправедливо и абсолютно бесчеловечно! — возмущается Ленка совершенно искренне.

— Что?! — не понимаю я ее.

— Почему у тебя такие роскошные густые волосы. а у меня волос на две драки осталось?! — Ленка размахивает моей косой, как революционер на баррикаде знаменем. — И ты права. Нинка! Я тоже люблю свою работу.

— Тогда чего ж не заканчиваешь песню? — иронизирую я, и Ленка поет.

Но однажды на работе.
Если вы меня найдете, —
Без движения лежу
И от радости не ржу,
Знайте: я трудом добита
И откинула копыта.

— Эта коса делает тебя совершенной девочкой! — восторгается Гена и пытается меня поцеловать.

— Гена! Руки! — жестко командую я, и он сразу обижается.

— Дружеский поцелуй в щеку еще никому не повредил, — ворчит он.

— Геночка! У меня много работы, прости, ради бога! — медленно меняю диспозицию: отступаю за свой стол. — Не мог бы ты поторопиться…

— Я не собираюсь торопиться! — нервничает Гена. — Этот разговор слишком важен для меня, чтобы я спешил!

Так… Похоже, что не обойдется…

— Гена! — осторожно начинаю я, планируя как можно скорее выпроводить Гену из своего кабинета.

— Не перебивай меня! — нервничает Гена, пытаясь зайти за мой стол.

Далее в течение пяти минут мы двигаемся по периметру кабинета: я убегаю, он догоняет.

— Ниночка! Мне двадцать пять лет!

— Геночка! Мне тоже!

— Вот именно. Пора подумать и о собственной семье. Самое время!

— Я думаю, Геночка. И вот, что я надумала…

— Я первый! Я пришел с предложением! — фальцетит Гена. — В прошлый раз меня почти арестовали, когда я пытался…

— Ты был пьян, Геночка!

— Я был просто огорчен тем, что ты так холодна ко мне!

— Я не холодна, я реалистична!

— Ты внушила мне надежду!

— Когда?

— Когда взяла меня за руку на крыше!

— Я пыталась тебя успокоить!

— Я не волновался!

— Ты мог упасть!

— Я ловил голубя!

— Зачем?

— Чтобы послать тебе любовное письмо!

— Письма носят не любые голуби, а почтовые! И только по знакомому маршруту!

— Я тогда этого не знал! Мне было двенадцать лет!

— Гена! Я занята, мне надо работать!

— У меня важная новость! Я не могу больше ждать!

— Говори и уходи!

— Я… я люблю тебя!

Я резко останавливаюсь, и Гена натыкается на меня.

— Гена! Это очень сильные слова. Я тоже тебя люблю, но…

— Но не как мужчину? — горько усмехается Гена. — Мама была права…

— Сальмо… Яна Львовна говорила с тобой обо мне? — спрашиваю я, не зная, как закончить этот нелепый разговор сегодня.

— Мама справедливо считает, что нам надо привыкнуть друг к другу, — настойчивый кавалер протягивает руки и тянет меня к себе.

— Гена! Мы знакомы пятнадцать лет! Я достаточно к тебе привыкла, чтобы понимать, что у нас с тобой…

— Не торопись! — спорит Гена, настойчиво пытаясь обнять меня, сломив сопротивление моих рук, упершихся ему в грудь. — Не делай поспешных выводов!

— Гена! У меня было достаточно времени, чтобы…

Я не успеваю закончить фразу, как он все-таки преодолевает сопротивление моих рук, которые сгибаются и прижимаются к его груди. Гена захватывает мои губы жадным поцелуем. Все это так нелепо и неожиданно, что первые пару секунд я ничего не делаю, а только выбираю, что именно буду ломать этому идиоту.

На третьей секунде я решаю врезать Гене по этим его наглым губам, которые сейчас пытаются углубить свой настойчивый поцелуй, но не успеваю привести план в исполнение. Гену отрывают от меня, и я вижу, как он буквально отлетает от меня по направлению к Николаю, охраннику Холодильника. Бросок этот совершает сам Хозяин.

Николай крепко хватает Гену за руки и заводит их тому за спину.

— Что вы себе позволяете?! — кипятится Гена. — Опять?!

Холодильник не смотрит на Гену, взятого в плен, а сверлит холодным взглядом меня. Во взгляде этом злость и что-то еще, вроде… разочарования. Да как он смеет так на меня смотреть?! Целуюсь с кем хочу!

Видимо, последнее предложение я произношу вслух, поскольку Холодильник, слегка поморщившись, отвечает именно на эту реплику:

— Это я уже понял. Но пока вы работаете в моем агентстве, вы не будете делать этого на рабочем месте.

— Отпустите Гену, Николай! — прошу я, совершенно не зная, что теперь делать. И с Геной, и с Холодильником, и с этим поцелуем.

— Не вздумай! — цедит сквозь зубы Холодильник.

— И не собирался! — коротко отвечает Николай.

— Что здесь происходит?! — возмущаюсь я. — Почему вы ворвались в мой кабинет без стука и без разрешения?!

— Вам звонили и приглашали ко мне, — саркастически замечает Холодильник, усмехаясь, но глаза у него невеселые. — Но вы не брали трубку.

Смотрю с удивлением на аппарат внутренней связи. Я точно помню, что никакого звонка не было.

— Я понять не могу одного, — строго говорит Холодильник Николаю. — Как и почему?

— Как и почему? — переспрашиваю я.

— Вопрос задан не вам! — грубит мне Хозяин.

Николай бледнеет и отвечает:

— Не могу знать. Я был с вами.

— Через пятнадцать минут пригласи Рудского ко мне в кабинет! — отдает Николаю распоряжение Холодильник и. обращаясь уже к Гене, добавляет. — Если вы пришли не для того, чтобы заключить договор с нашим агентством, то прошу вас его покинуть и не отвлекать моих сотрудников.

— Я пришел к старому другу. Это не запрещено законом! — хорохорится отпущенный Николаем Гена, поправляя пиджак.

— Это не разрешено правилами внутреннего распорядка. Госпожа Симонова-Райская находится на работе, и я, как ее работодатель, определяю наполнение ее рабочего времени, — почти с ненавистью глядя на Генку и раздражением на меня говорит Холодильник.

— Прекрасно! — злобно радуюсь я. — Гена, жди меня сегодня в семь часов, после моей работы. в баре "Уховертка". — А сейчас мне, действительно, надо работать, прости, милый.

Слово "милый" приводит Гену в возбуждение крайне степени. Он посылает мне воздушный поцелуй и уходит. Это же слово, видимо, приводит Александра Юрьевича в бешенство и тоже крайней степени. Когда за Николаем и Геной закрывается дверь, я выразительно смотрю на Хозяина и повторяю его любимый жест: приглашение на выход.

— Приведите себя в порядок! — шипит Холодильник, указывая на маленькую раковину в дальнем углу моего кабинета.

— А что не так?! — с вызовом спрашиваю я, подойдя к зеркальной двери шкафа. — По-моему, все в полном порядке.

— Я бы на вашем месте умылся, — угрожающе говорит Холодильник и двигается на меня.

— Вот еще! — трусливо пищу я, инстинктивно делая шаг назад. — Я испорчу макияж. Со мной все в порядке.

— Вы в полном беспорядке! — рычит Холодильник и, настигнув меня, пятящуюся назад. практически за шкирку тащит к умывальнику.

Мой "хомут-халтер" в этот момент служит мне плохую службу. Одной рукой Холодильник держит меня за него, другой открывает кран, пускает воду и начинает… мыть мои губы.

— Вы сошли с ума! — визжу я, отбиваясь.

Холодильник расставляет ноги и зажимает меня между ним, теперь одной рукой прижав к моему телу обе моих руки, а другой продолжая насильно умывать меня, с остервенением натирая мои губы.

— Что вы делаете?! — кричу я, захлебываясь водой, которую щедро зачерпывает большой и широкой ладонью Холодильник.

— Мою грязный рот! — рычит Хозяин. — Где у вас мыло?!

— Вы психопат! Маньяк! У вас настоящее расстройство личности! Кем вы себя вообразили? — паникую я, реально пугаясь такой бешеной реакции сильного мужчины. Утопит к чертовой матери — и поминай, как звали… — Я вся вымокла! Прекратите!

Холодильник резко останавливается и разворачивает меня к себе. И блузка, и сарафан мокрые на груди. Думаю, от дорогого тонального крема не осталось и следа, как и от

помады.

— Вам не понравился цвет моей помады? — фыркаю я, безуспешно пытаясь вырваться из его рук.

— На вас уже не было никакой помады! — сжимает мои плечи Холодильник. — Ее уже… слизал Гена!

— Слизал?! — я захлебываюсь от такой наглости. — Да что вы себе вообразили? Пошляк!

Схватив меня за косу и крепко взяв ее в кулак, Холодильник притягивает мое лицо к своему.

— Я вообразил, что все это только мое! И немного… расстроился.

Кожа подбородка и губы горят от процедуры жесткого умывания и начинают гореть еще сильнее, когда Холодильник начинает целовать и мои губы, и мое лицо.

Глава 16. "Уховертка"

Бог пообещал мужчине, что много
хороших и послушных женщин
можно будет найти в любом уголке Земли.
А потом сделал Землю круглой…
И смеялся, смеялся, смеялся…
Современный анекдот

Мой телефон разрывается от звонков, но ответить я не могу. Телефон лежит в сейфе Холодильника. Почти девять, а мы работаем.

Холодильник, сердитый и мрачный, сидит в своем кресле, а я, злая и гордая, на противоположном конце стола. Мы составляем план-график реализации моих проектов на март. Не торопясь, дотошно Холодильник знакомится с описанием каждого проекта, задает десятки вопросов. Как только начинает казаться, что очередной отчет подошел к концу, Холодильник тут же вызывает Римму Викторовну и просит принести все документы по проекту, включая уже подписанные договоры, и начинает их тщательно изучать. У него снова появляются вопросы, для ответов на которые вызывается то кто-нибудь из бухгалтерии, то из рекламного отдела.

Жесткое насильственное умывание, мокрая одежда и неожиданные поцелуи Холодильника совершенно лишают меня возможности рассуждать здраво и принять разумное решение. Настойчивые, какие-то сумасшедшие поцелуи приятно раздражают натертую кожу лица и ощущаются остро и даже как-то трогательно. Уверена, если посмотреть на нас со стороны, покажется, что после долгой разлуки встретились влюбленные и не могут насытиться друг другом.

Меня чрезвычайно огорчает одна мысль: когда меня целовал Гена, я тратила драгоценные секунды на то, чтобы придумать, как его остановить и куда врезать побольнее, теперь, когда меня целует Холодильник, я снова трачу время на фантазии о том, как мы выглядим со стороны.

Холодильник останавливается сам, тяжело дышит и иронично спрашивает:

— Что с вами? Я успел заметить, что мужские поцелуи вас парализуют…

Эта спасительная для меня ирония напоминает мне суть нашего противостояния. Освободившись из его рук, кидаюсь к маленькому шкафчику возле раковины и достаю из него флакончик с душистым жидким мылом.

— Вы спрашивали, есть ли у меня мыло? — радостно вопрошаю я. — Есть. Земляничное!

Выдавив на ладонь щедрую порцию розовой жидкости, я с остервенением начинаю тереть губы, щеки, подбородок, артистично демонстрируя, как я стираю с лица его поцелуи.

— Переоденьтесь и спускайтесь в мой кабинет! — бросает мне, выходя, почти дымящийся Холодильник. — У вас полчаса!

Нарочно прихожу через сорок минут. Александр Юрьевич оглашает список "срочных" дел на сегодня. Осознав объем того, что он собирается сделать и видя на часах пять часов пятнадцать минут, ехидно выражаю сомнение в том, что это вообще возможно.

— Я не зверь. Будем работать с перерывами на отдых, — отвечает Холодильник.

— Это напоминает мне старый анекдот, — устало смеюсь я. — Судья обращается к подсудимому: "По совокупности вы получаете срок триста шестьдесят пять лет. Но вы не волнуйтесь, мы не звери, отсидите, сколько сможете".

Холодильник слегка кривится, видимо, это и есть улыбка.

— Мой рабочий день заканчивается через час и сорок пять минут, — улыбаюсь уже я, искренне и нахально.

— Ваш рабочий день нормируется мной, — возвращает мне улыбку Хозяин, такую же искреннюю и такую же нахальную.

— Мой рабочий день нормируется в соответствии с трудовым законодательством, — остроумно парирую я. — Прочесть пару статей трудового кодекса?

— Сделайте одолжение! — почти нежно отвечает чем-то очень довольный Холодильник. — Тогда у нас сегодня на работу уйдет еще больше времени. Решать вам.

— У меня свидание, — угрожающе напоминаю я. — Гена будет ждать меня в "Уховертке". В семь часов.

— Работайте бодрее и продуктивнее. Уложитесь к семи — пойдете в свою "Уховертку", — миролюбиво разрешает Холодильник.

Естественно. к семи часам мы не успеваем сделать и половины из намеченного Хозяином. Ровно в семь звонит Гена.

— Я уже в баре, Ниночка! — кричит он, пытаясь перекричать громкую музыку. — Ты скоро?!

— Гена! Я немного задерживаюсь. прости! — тоже кричу я.

— Госпожа Симонова-Райская! У вас нет элементарных представлений о деловом этикете и субординации! — рычит Холодильник. — Во-первых. вы должны были извиниться. во-вторых. попросить у меня разрешения ответить на звонок…

— Мой рабочий день закончился, — вежливо отвечаю я. стараясь не разозлиться. — Или мы все-таки читаем трудовой кодекс?

Я демонстративно отвечаю и на второй звонок, и на третий. Полвосьмого я обещаю прийти через полчаса. Полдевятого — минут через сорок. Четвертый звонок уже от глубоко и надежно пьяного Гены выводит Холодильник из себя. Он хватает мой телефон и кладет его в сейф, закрыв на кодовый замок.

— Потрясающе! — мои глаза. наверное, уже украшают мой лоб. — Я буду с вами судиться!

— Не хватает развлечений? — усмехается Холодильник. — С удовольствием! Когда в девять часов Александр Юрьевич очередной раз вызывает к себе Римму Викторовну. я. воспользовавшись ее присутствием. выскальзываю за ней в приемную.

— Римма Викторовна! Он и вас держит на работе, и Марину! — шепотом кричу я и хватаю ее за руку. — Давайте на него пожалуемся. хотя бы Юрию Александровичу?

— Что ты, Нина! — пугается Римма Викторовна. — Я сама согласилась за такую премию! И Марина всем довольна.

— Премию?! — удивляюсь я. — Он обещал премию?

— Уже выплатил. Три часа назад бухгалтерия начислила и перевела на наши карты. А тебе разве нет? — испуганно спрашивает секретарь Холодильника.

— Не знаю. Может… У меня телефона нет, чтобы посмотреть, — растерянно отвечаю я ей и возвращаюсь в кабинет.

— Верните мой телефон! — требую я смело. — Десятый час. Это переходит всяческие границы!

Холодильник открывает сейф и возвращает мне телефон. Десять пропущенных от Гены и три с незнакомого номера. Перезваниваю специально, чтобы позлить Хозяина.

— Нина! — громкая музыка бара "Уховертка" снова врывается в мое ухо. — Это Женя. бармен. Помнишь меня?

Женька был Ленкиным хорошим приятелем. Мы любили ходить в бар в его смену.

— Да, Женечка! — радостно кричу я. перехватив злой взгляд-выстрел Холодильника. — Что ты хотел?

— Я бы хотел, чтобы ты забрала Генку! — просит меня Женька. — А то хозяин сейчас полицию вызовет. — Он напился и пристает к клиентам со стихами и рекламой твоих достоинств.

— Моих достоинств? — не понимаю я.

— Забери его! — не слышит меня Женька. — Только побыстрее.

Наш разговор-крик прекрасно слышит Холодильник, и, когда я, ничего ему не сказав, бегу к двери, он резко говорит:

— Я пойду с вами! И без возражений!

Бар "Уховертка" находится на противоположной стороне улицы. Пересекая проезжую часть в сопровождении Холодильника и Николая, я чувствую себя героиней фильма-боевика или триллера. В баре многолюдно, шумно и весело. Грустный, уставший и совершенно пьяный Генка сидит на барном стуле и рассказывает Женьке обо мне:

— Мы полюбили друг друга еще в детстве. Мама считает нас идеальной парой. Но я и сам так думаю. Я готов жениться хоть сегодня, но Нина предлагает мне сначала пожить вместе, присмотреться друг к другу…

От такого наглого вранья я совершенно теряюсь, что мне не свойственно. Пока я хватаю ртом воздух, чтобы заорать на Генку, Холодильник молча кивает Николаю, тот подходит к Генке, аккуратно снимает того со стула и, обняв за талию и положив Генкину руку себе на плечо, медленно начинает выводить плохо соображающего и мутно видящего горе-писателя на улицу. Со стороны они похожи на двух фронтовых товарищей: здоровый помогает раненому.

Пытаюсь идти за ними, но дорогу мне перегораживает Холодильник.

— Вы устали сегодня. Давайте я вас угощу чем-нибудь, — миролюбиво говорит Александр Юрьевич.

— Я… Мне нужно помочь Гене, — снова теряюсь я.

— Николай поможет ему лучше вас. Вы сейчас Гену даже не удержите, — мягко уговаривает меня Холодильник.

Женька, верно считав, что перед ним не простой смертный, тут же приглашает нас за вип-столик. Иду за Женькой и мучительно соображаю, как выбираться из этой трясины.

— Будете ужинать по-настоящему или заказать вам молока? — усмехается Холодильник, когда мы садимся за маленький столик на двоих.

— Я хочу суп, — неожиданно даже для самой себя говорю я. Весь день мечтала о тарелке горячего супа.

Холодильник смотрит на меня с удивлением и какой-то… нежностью.

— Только его здесь, наверное, не готовят, — сомневаюсь я.

— Приготовят! — твердо говорит Александр Юрьевич и оборачивается к Женьке.

Чашка горячего сырного супа с сухариками кажется мне божественным подарком. Холодильник заказывает мне чай, себе кофе.

— Вы пьете кофе на ночь? — спрашиваю я, хрустя сухариками. — Не вредно?

— Бодрит! — отвечает Холодильник, последние несколько минут не сводящий с меня странного взгляда.

— Скоро ли свадьба? — нагло интересуюсь я, насытившись и чувствуя силы для продолжения борьбы. — А где заказала платье Светлана Кирилловна? А правда, что третий день свадьбы вы будете делать в нашем агентстве? У меня есть парочка идей. Поделиться?

Каждый следующий вопрос меняет цвет лица Холодильника на тон темнее. Последний вопрос вызывает скрежет зубов.

— Вы слишком любопытны, Нина… Сергеевна! — медленно отвечает Александр Юрьевич.

— Почему же? — дурачусь я. — Мы с вами практически не расстаемся. Целуемся как близкие люди. Вы спасаете моего близкого друга…

— Насколько близкого? — резко наклоняется ко мне Холодильник. — Что между вами?

— Между нами ничего! — честно говорю я. — И вас это не касается! Неожиданно открытое мое колено под плиссированной юбкой накрывает горячая ладонь.

— Мне в последнее время кажется, что все, что касается вас, касается и меня, — шепотом говорит Холодильник. Громкая музыка не позволяет слышать слова, тем более произнесенные шепотом, но я их слышу, вернее, догадываюсь по губам, на которые смотрю, как завороженная.

— Вернемся к Светлане Кирилловне, — предлагаю я, стряхнув наваждение. — А свадебное путешествие у вас куда запланировано? В Париж? Или ближе к экватору?

— А что выбрали бы вы? — вдруг серьезно спрашивает Холодильник.

— Я? — мечтательно закатываю глаза. — Я давно коплю на путешествие. Я бы выбрала Париж. Я была в Италии, в Испании, в Германии. Но давно, еще школьницей. Мне моя прабабушка дарила путевки. А во Франции я не была. Мне кажется, что именно Париж — город влюбленных.

Вторая горячая ладонь накрывает второе мое колено.

— Полетели! — читаю я по губам.

— Куда полетели? — читает он по моим губам.

— В Париж.

— Когда?

— Если хочешь, то прямо сейчас. Сегодня.

Открываю рот и не могу его закрыть. Потом начинаю чувствовать, как раздражение, гнев, злость порциями поступают в мой организм.

— Александр Юрьевич! — кричу я. — Я не буду вашей любовницей. Ни в Москве, ни в Париже, ни в раю!

Пытаюсь встать, но ладони, лежащие на моих коленях, не дают мне этого сделать.

— Пустите меня! — вырываюсь я и резко встаю. — Вы прелюбодей! Холодильник смеется и откидывается на спинку стула.

— Откуда вы берете эти устаревшие слова?

— Ничего не устаревшие! — возмущаюсь я. — Прелюбодей — тот, кто совершает грех прелюбодеяния.

— Это ж когда я его совершил? — продолжает смеяться Холодильник, покоряя меня

своей мальчишеской улыбкой снова и снова.

— Вы планируете! — обвиняю я. — Это тоже грех! Кроме того, кто его знает, скольким вы его предлагаете, может, только я и отказываюсь. а другие…

Не успеваю увидеть, как Холодильник оказывается со мной рядом и, жестко обняв за талию, прижимает меня к себе:

— Только прелюбодей? Никаких уточнений не будет?

— Беспутник. сладострастник, греховодник, — говорить приходится в самые губы Холодильника, поскольку он меня к себе не просто прижимает, а наклонился близко-близко, так близко, что наше рваное дыхание смешивается.

— Я так понимаю, это все звания для сексуально активного мужчины? — легкое прикосновение к моих губам.

— Мы в публичном месте, — мстительно говорю я. — Не боитесь, что нас увидят? Сфотографируют? Снимут видео?

— Не боюсь, — его губы снова касаются моих. — Три человека отвечают за то, чтобы этого не случилось.

Верчу головой по сторонам. Точно. Вернувшийся Николай. И еще два охранника из нашего агентства.

— Предусмотрительно, — ворчу я, пытаясь вырваться из рук Хозяина. — Я, видимо, права. Вас заводит мой отказ. Вам никто и никогда не отказывал? Я имею в виду женщин?

Холодильник искренне пытается вспомнить:

— Никто и никогда. Но…

— Что но? Это вас подначивает? Я права? — вырываюсь сильнее.

— Но я никому и не предлагал, — просто отвечает мне Холодильник, переложив сильную руку на мою шею.

— Будете сворачивать? — спрашиваю я, поняв, что дергаться бесполезно.

— Странные у вас представления о прелюбодеях, — ухмыляется Хозяин. — Так мы летим?

— У меня просрочен загранпаспорт, — говорю я.

— Дайте мне сутки. Нет. Десять часов, — отвечает Холодильник, захватывая мою нижнюю губу.

Господи! Да он просто одержим!

Наступаю каблуком на носок мужского туфля. Холодильник морщится и выпускает меня из рук.

— Вы. Мне. Не интересны. Как мужчина! — рычу уже я. — Мне нравится другой типаж!

Холодильник открывает рот, чтобы то ли спросить, какой же типаж мне нравится, то ли для того, чтобы сказать мне гадость.

В это время в кафе входит… Светлана Кирилловна в сопровождении интересного возрастного мужчины.

— Вот и спутница в Париж! — радуюсь я и сама окликаю девушку. — Светлана Кирилловна!

Светлана видит нас и широко улыбается. Хочу двинуться ей навстречу, но Холодильник удерживает меня сзади на пояс юбки.

Светлана и мужчина подходят к нам сами.

— Добрый вечер, Нина Сергеевна! — тепло говорит девушка. — Римма Викторовна подсказала, что вы здесь.

Вот молодец, агент Римма Викторовна! Завтра поблагодарю за службу.

— Говорит, работали несколько часов без перерыва и пошли перекусить, — объясняет свое появление в баре невеста Холодильника. — Ой! Я опять… Нина Сергеевна, позвольте представить вам моего папу. Кирилл Иванович. Высокий мужчина в сером костюме и сером пальто внимательно смотрит на меня, и во взгляде его появляется заметный интерес.

— Это и есть тот замечательный арт-директор, о котором ты прожужжала мне все уши?

— Это мой арт-директор Симонова-Райская, — вежливо, но сухо говорит Холодильник.

— Присядем? — спрашивает всех Кирилл Иванович.

— Спасибо! Я тороплюсь и побегу! — бодро сообщаю я всем.

Холодильник делает еле заметный кивок в сторону Николая. Тот кивает в ответ. Понятно. Нашел мне провожатого.

— Что вы! Ни в коем случае! — неожиданно придерживает меня за локоть Кирилл Иванович. — Молодые пошепчутся, соскучились, наверное. А вас я оставляю себе, прекрасная Нина!

Только хочу вежливо отказаться, как вижу молнию бешенства в карих глазах Холодильника.

— Как скажете! — покорно отвечаю я Кириллу Ивановичу, испытывая восторг от возможности позлить Холодильник.

Глава 17. Харассмент

Ревность у мужчины складывается из эгоизма,
доведенного до чертиков, из самолюбия,
захваченного врасплох, и раздраженного ложного тщеславия.
Оноре де Бальзак

Кирилл Иванович оказывается приятным и легким в общении человеком. Он отводит меня за соседний столик и заказывает по моей просьбе молочный коктейль. За пятнадцать минут я узнаю историю знакомства Александра Юрьевича и Светланы Кирилловны: Кирилл Иванович сам познакомил своего делового партнера с младшей дочерью, Светлана мгновенно влюбилась.

— Саша, Александр Юрьевич — удивительный мужчина, — почти восторженно рассказывает мне отец Светланы Кирилловны. — Такой, какой и нужен моей Светлане.

Вежливо киваю, очень хочется переспросить, какой именно, но мне неловко демонстрировать повышенный интерес к своему начальнику.

Кирилл Иванович сам, без наводящих опросов, продолжает:

Спокойный, уравновешенный. Совершенно не склонный к эмоциональным срывам.

Усилиями удерживаю брови на предназначенном природой месте. Мы говорим о моем Холодильнике? Человеке, который рычит, орет, хватает, прижимает, целует без разрешения? Ну-ну…

— Завтра у них целый день фотосессия, вот он и недоволен, прячется от Светланы, — беззлобно смеется Кирилл Иванович.

Сказать, что Холодильник недоволен — ничего не сказать. Светлана что-то показывает ему в телефоне, наклонившись через столик, а он то пустым взглядом смотрит в телефон и рассеянно кивает, то поднимает глаза на меня, и тогда я встречаюсь с мрачно-черными глазами одержимого человека.

— Нина! Очень рад знакомству с вами! — отец Светланы широко и искренне улыбается. — Простите за настойчивость, свободны ли вы завтра вечером?

— Вечером? — недоумеваю я, никак не желая принять ухаживания еще и этого великолепного образчика мужского обаяния, превосходства и сексуальности.

— Я мог бы придумать что-нибудь оригинальное, — хищно улыбается Кирилл Иванович.

— А как к нашему свиданию отнесется Светлана Кирилловна и ее мама? — находчиво спрашиваю я.

— Света вас обожает и восхищается вашими проектами. А ее мама умерла пятнадцать лет назад, — спокойно и просто отвечает Кирилл Иванович.

— Простите, — краснею я. — Я не знала…

— Ничего страшного. Ваш вопрос был абсолютно правильным и уместным, — успокаивает меня ласково улыбающийся мужчина. — Я должен был сам сказать это раньше. Но… Увидел красивую девушку — и растерялся, как юнец.

Снова краснею. Холодильник, как будто почувствовав мои смятение и неловкость, с тревогой смотрит в нашу сторону.

— Я настаиваю, — Кирилл Иванович заглядывает мне в глаза. — Если я чрезмерно

настойчив, то прошу прощения.

— Благодарю за предложение, но оно лишнее. Мне есть, с кем провести субботний вечер, — вежливо говорю я, вложив в свою интонацию максимально возможные искренность и деликатность.

Кирилл Иванович в шутливом жесте поднимает обе руки вверх.

— Сдаюсь! Прошу меня простить еще раз! Жаль… А что я хотел? Такая необычная девушка не могла быть для меня свободной.

— Вы меня извините, но мне нужно уйти. Меня ждут, — я слезаю с барного стула и протягиваю отцу Светланы руку.

Он церемонно прощается со мной. Увидев это, Холодильник порывисто встает и направляется к нам.

— Николай вас проводит, — приказывает мне, а не Николаю Александр Юрьевич.

— Спасибо, — бормочу я, понимая, что спорить бесполезно.

Долго стою под горячими душевыми струями, пытаясь смыть раздражение и возбуждение, одновременно охватившие меня.

— Полетели!

— Куда полетели?

— В Париж.

— Когда?

— Если хочешь, то прямо сейчас. Сегодня.

Это никогда не кончится. Он явно добивается того, чтобы я уволилась. Мужчина, который в качестве жены и любовницы может выбрать почти любую… Кроме меня.

Не сознаюсь самой себе, что расстроена. Но я очень расстроена. И Парижем, и фотосессией, и смертью мамы Светланы, и неподдельным интересом ее папы.

Дверной звонок, громкий и неожиданный, буквально подбрасывает меня с дивана, на котором я глубоко страдаю. За дверью Холодильник. Стоим не двигаясь. Он не делает попытки войти. Я не делаю попытки отодвинуться и пропустить.

— Я подумал, что что-то случилось. Вы не спустились в холл, — объясняет свое появление Холодильник.

— Действительно, странно, — мрачно усмехаюсь я. — Всего-то час ночи.

— Вы были расстроены, — обвиняет меня Александр Юрьевич. — Что наговорил вам этот ловелас?

— Теперь вы откапываете устаревшие слова? — я поворачиваюсь спиной к Хозяину и иду в комнату.

Холодильник проходит за мной в гостиную:

— Не только вы на это способны. Старый ловелас, если угодно, волокита, распутник.

— Вы делаете комплименты будущему тестю, — напоминаю я, кутаясь в плед.

— Я вас предупреждаю, что не все мужчины возле вас имеют благородные намерения, — хмуро говорит стоящий в центре моей гостиной Холодильник.

— Только вы? — смеюсь я, восхищаясь наглостью мужчины.

— Ничего смешного. Да. Только я, — не улыбаясь, подтверждает Холодильник.

— Послушайте! Не замечала за вами такого тонкого чувства юмора, — очень злюсь я. — Сегодня просто день харассмента.

— Мы не в Штатах, — парирует Холодильник, недовольно прищуриваясь. — Кирилл

Иванович назойливо приставал к вам? Вы почувствовали скрытые сексуальные мотивы?

— Эти мотивы я почувствовала от вас! — кричу я. — Непристойные предложения. Шантаж с целью принуждения. И… И…

— И? — помогает мне веселящийся Холодильник.

— Прикосновения! — вспоминаю я.

— Мир сходит с ума, — сетует Холодильник. — А как мужчине выражать свой интерес к женщине?

— К чужой — никак! — почти лаю я.

— Чужой? — сама не понимаю, как оказываюсь в сильных руках. — Чья вы женщина? Гены? Этого алкоголика?

— Гена не алкоголик! — до слез обижаюсь я, забыв начать вырываться. — Да. Он иногда выпивает… для храбрости… Только тогда, когда идет предложение делать.

— А над моим предложением вы подумали? — горячий шепот опаляет ухо.

— Вы разве делали мне предложение? — решаю не вырываться, чтобы не упал плед.

— Даже несколько. Вы не помните? — горячее дыхание опаляет уже шею.

— Я помню, что вы скоро женитесь, поэтому готовы со мной переспать и слетать в Париж, — докладываю я, чувствуя, что подгибаются колени. Холодильник мрачнеет и убирает руки.

— Тогда это Василий? — в голосе Холодильника появляются грозные нотки.

— Послушайте, Александр Юрьевич! — кутаюсь в плед. — Это нелепо и смешно! Оставьте меня в покое! Зачем вам интрижка с женщиной, которой вы не нравитесь?

Выброс руки — и я прижата к каменной груди.

— Вы лжете, госпожа Симонова-Райская! — скрипит зубами "спокойный, уравновешенный, совершенно не склонный к эмоциональным срывам" Холодильник. — Вас так же тянет ко мне, как и меня к вам.

— Что за одержимость?! — психую я. — Настоящая паранойя!

— Если я одержим, то в ваших силах провести обряд экзорцизма, — губы Холодильника ставят клеймо на лбу, подбородке, щеках.

Застываю и не двигаюсь. Как его остановить? И надо ли останавливать? Спасительная мысль приходит неожиданно и кажется единственным способом отвлечь Холодильник от того, что он делает.

— Василий, — тихо напоминаю я, когда губы Холодильника прижимаются к моим губам.

— Василий? — вопросительно выдыхает в мой рот Холодильник.

— Я рассказываю вам о Василии, а вы сразу уходите, — ставлю я условие. Холодильник подозрительно смотрит на меня:

— Вы расскажете правду?

— Я вам правду покажу, — выбираюсь из объятий и иду к закрытому большим платком аквариуму.

— Почему-то мне кажется, что я делаю неверный выбор, — бормочет Холодильник.

Отбрасываю платок. Василий спит за большим декоративным камнем.

— Это Василий? — Хозяин нервно кашляет.

— Он! — гордо говорю я. — Живем вместе два года.

— Кем он был до этого? — лицо Холодильника светится улыбкой счастливого человека. — До того, как вы его заколдовали?

— Он был навязчивым мужчиной, распускающим руки. Теперь их восемь, но протянуть не к кому, — отвечаю я, примагнитившись взглядом к его улыбающимся губам. — Вы обещали…

— Если бы у меня было восемь рук, вы бы со мной не справились. — вместо прощания говорит Холодильник и уходит.

— Я с твоими двумя не справляюсь! — выдыхаю я, без сил плюхаясь на диван.

Приехавшая утром Ленка привезла горячий завтрак и теперь, открыв рот и распахнув глаза, слушает меня и постоянно перебивает.

— В сейф? Гена напился? В Париж? Отказалась?!!!

— Зато он познакомился с Василием, — говорю я с набитым ртом. Блинчики с творогом великолепны.

— Значит, Светланин отец вдовец? — задумчиво спрашивает Ленка. — Очень старый?

— Меньше пятидесяти точно! — клянусь я.

Ленка лезет в планшет.

— Так… Костров Кирилл Иванович. Сорок семь лет. Вдовец. Двое детей. Сын и дочь. Сыну двадцать четыре, дочери двадцать. Есть внучка. О! У него сейчас роман с актрисой мюзикхолла.

— Меня пригласили стать следующей, — поливаю блинчик вишневым вареньем.

— Ты правда в Париж не полетишь? — недоверчиво спрашивает Ленка.

— Конечно, нет! — удивляюсь я вопросу. — Я не готова к роли любовницы. И это крайне мерзко по отношению к Светлане!

Ленка долго думает, потом осторожно говорит:

— Понимаешь, Нинка… Тут ведь как могло быть… Жил-был на свете Холодильник. И все у него было хорошо. И бизнес успешный, и невеста молодая и красивая. И брак светил по расчету, крепкий и договорной. Но однажды встретил он Нину Прекрасную. И влюбился… И теперь не знает, что делать и с бизнесом, и с невестой, и с браком… И слово нарушить нельзя. И от любви отказаться… Призадумаешься тут!

Давлюсь блинчиком и кашляю до слез.

— Какая любовь, Лена? Так не бывает!

— Еще как бывает! — горячо спорит Ленка. — Да сплошь и рядом! Ради одного секса не стал бы такой человек к тебе вязаться! Я уверена! Да с ним любая пойдет!

— Не любая! — гордо говорю я. — И ты бы не пошла.

Ленка с сожалением смотрит на меня и шепчет:

— Я бы пошла. И с Холодильником, и с папой Кириллом.

— Ты специально так говоришь, — не верю я подруге. — Попала бы в мою ситуацию, поняла бы, что это не шутки.

— Да хоть бы разик попасть! — молится Ленка.

Дверной звонок снова пугает меня до одури. Это Павла Борисовна.

— Нина! Я к вам вот за этими документами, — она подает мне листок бумаги со списком.

— Что случилось? — тупо смотрю на список документов.

— Александр Юрьевич завтра вылетает в Париж, — докладывает исполнительная Павла Борисовна. — В командировку.

Пока я мстительно проговариваю про себя метафору про "фанеру над Парижем", Павла Борисовна добавляет:

— Нина, вы летите с ним.

Глава 18. Пирожки с котятами

В ревматизм и в настоящую любовь не верят до первого приступа.
Мария Эбнер-Эшенбах

— Нина! Не давайте ему повода вас уволить! — растерянно убеждает меня расстроенная Павла Борисовна.

— Согласна! Глупо не воспользоваться такой замечательной возможностью!

— подключается к уговорам Римма Викторовна.

Ну не могу же я рассказать этим чудесным женщинам, пришедшим ко мне вечером в субботу, про модный сейчас харассмент, добравшийся и до нашего милого старого агентства. Они-то уверены, что для их любимой Нины поездка в Париж — прекрасная возможность увидеть город. о котором та мечтала, и вырасти в профессиональном плане.

— Дорогие мои! — молитвенно складываю ладошки. — Я не полечу в Париж. Миссия господина Климова-младшего совершенно выполнима и без моего участия в ней. Я не очень хорошо себя чувствую, не хочется разболеться в полете или на чужбине.

— Может, к врачу обратиться? — беспокоится Римма Викторовна. — Провериться? Уверена, что ничего серьезного. Зато спокойно полетишь…

— Я. Никуда. Не полечу. — с чувством говорю я, и женщины умолкают, неловко улыбаясь.

— Давайте пить чай! — играю роль радушной хозяйки. — У меня есть лимонный кекс. Павел Денисович только что принес.

Расстроенные женщины, не выполнившие свое диверсионное задание, усаживаются со мной за кухонный стол, и мы втроем наслаждаемся лимонным чудом нашего кондитера-волшебника.

Оживает сотовый телефон Павлы Борисовны. Она берет трубку и, извинившись. выходит в гостиную. Возвращается через десять минут, бледная и чем-то огорченная.

— Ниночка! Александр Юрьевич просил вам передать, что если вы не вылетаете с ним завтра утром в Париж, то…

— Могу паковать чемоданы? — горько усмехаюсь я.

— Что-то вроде этого… Можете писать заявление на увольнение, — вздыхает Павла Борисовна.

— Не дождется! — фыркаю я, нисколько не расстроившись. — Писать заявление я не собираюсь. Увольнять меня не за что!

— Вы не выполняете прямой приказ своего непосредственного руководителя, — мягко напоминает Римма Викторовна.

— Я в понедельник принесу справку от врача о том, что мне нельзя летать на самолетах, — весело смеюсь я. — И никто не посмеет меня уволить.

— Он посмеет, — убеждает меня испуганно Римма Викторовна.

— Судиться будем! — смело провозглашаю я. — И выиграем!

— Это ваше окончательное решение? — на что-то еще надеется Павла Борисовна.

— Более чем! — констатирую я.

Субботний вечер проходит нервно. Я планировала прибраться и почитать, но со страхом прислушиваюсь, не раздастся ли дверной звонок. Убираюсь лениво и некачественно. Читать

вообще не хочется. Жду нападения. Ни за что не пойду в холл с молоком. Чувствую, охотник уже там.

Включаю телевизор и пытаюсь настроиться на фильм, в котором кипят нешуточные страсти: героиня изменяет герою и скоро попадется. Незаметно втягиваюсь в просмотр и запиваю горячим кипяченым молоком зеленый чай с миндалем. В одиннадцать часов вечера раздается звонок в дверь.

С громко бьющимся сердцем на цыпочках пробираюсь к дверному глазку. Весь обзор закрывает мощная грудь Холодильника. Стою не дыша и не двигаясь.

— Я прекрасно знаю, что вы дома, — громко сообщает мне очевидное Холодильник. — Откройте. И мы поговорим.

Пока я думаю, ответить ли что-нибудь значительное и остроумное, Хозяин добавляет:

— Советую открыть дверь. Не бойтесь!

Я боюсь?! От немедленного решения открыть дверь и смело встретиться с врагом меня удерживают только остатки здравого смысла. Нина! Он тебя провоцирует! Держись!

— Самолет в восемь утра. Мы еще все успеем! — чуть хриплым голосом уговаривает меня Холодильник

Что все?! Меня слегка потряхивает от перевозбуждения и страха. Все — это работа и постель? Я и в России прекрасно поработаю. а в его постель я не собираюсь. Можно. конечно. все это гордо и громко выкрикнуть из-за двери, но это кажется мне малодушием. Лучше промолчу. Открывать опасно. Кричать из укрытия глупо. И я снова молчу. прижавшись глазом к глазку.

— Нина! Наш разговор сложится продуктивнее, если вы откроете дверь, — ласково уговаривает меня Холодильник. — Давайте не будем развлекать господ Карповых. Им слышно все, что я говорю.

Зажимаю рот рукой в буквальном смысле. Надо продержаться! Но как же хочется ответить!

— Нина! — Холодильник становится настойчивее. — Не хотите лететь — не полетим. Давайте поговорим об этом. Давайте поговорим о том, как мы не полетим в Париж.

Вот ведь искуситель! Очень хочется открыть дверь и броситься в бой. Терплю.

— Хорошо. Не хотите пускать в квартиру, не надо. Я подожду вас в холле. Спускайтесь, — в голосе Холодильника появляются еле заметные угрожающие нотки.

Несколько минут стою с бешено бьющимся сердцем под дверью, потом иду на кухню и залпом выпиваю стакан холодной минеральной воды. Щеки и уши горят.

Несмотря на предыдущее решение не реагировать и не откликаться на провокации, и мой разум, и моя душа, и даже мое тело рвутся в бой, я бы даже сказала, в рукопашную. За четыре месяца Холодильник подсадил меня на наше противостояние, как на сильный наркотик. Хотя Ленка утверждает, что это я подсадила и его, и себя. Не поверите! Она его считает жертвой моего обаяния! Мне трудно в это поверить. Такой состоятельный и состоявшийся во всех сферах жизни мужчина может выбрать подобную себе женщину. Я же, несмотря на туманное дворянское происхождение, не того полета птица, не того поля ягода.

Обхватываю себя руками и явно чувствую дрожь. Черт! Не хочу трястись всю ночь от невысказанного и непонятого. В бой, Нина!

Тщательно выбираю одежду, чтобы даже намека на фривольность или соблазн не было. Пуританское платье-мешок длиной до середины икр с воротником под горло темно-серого цвета с широким вязаным пояском. Сапоги-чулки "стрейч" из серой замши, не оставляющие

открытыми никакой участок ног. Волосы тщательно прочесываю и забираю в высокий пучок. Мадемуазель "серый чулок" готова к встрече с Холодильником. Осторожно спускаюсь по лестнице на первый этаж, чуть-чуть трусливо надеясь на то, что Холодильник уже ушел.

Он здесь. Стоит посреди холла спиной к лестнице, засунув руки в карманы и глядя в огромные витринные окна. Хотя я ступаю совершенно бесшумно, он будто чувствует мое приближение и резко поворачивается. Черный костюм, белая рубашка, суровое неприветливое лицо.

— Добрый вечер! — пищу я, остановившись в паре шагов от недовольного мужчины.

— Сомневаюсь, — резко отвечает Холодильник. — Какой-то дефицит доброты у вас, госпожа Симонова-Райская. Держите меня в черном теле.

— Неправда, — шепотом спорю я. — Вы неприлично настойчивы. Я прилично раздосадована.

— Командировка в Париж абсолютно деловая, — вкрадчиво говорит Александр Юрьевич и делает шаг вперед. — Вы зря переживаете.

— Я не переживаю. Я не собираюсь лететь в Париж с вами. Я обязательно полечу туда с любимым человеком или одна, если все-таки его не встречу, — серьезно и сердито говорю я и делаю шаг назад.

— Вам бы понравилось, — хрипло шепчет Холодильник. — Вы не понимаете, от чего отказываетесь.

— Я в здравом уме и твердой памяти ответственно заявляю вам, что я взрослая девочка и абсолютно четко понимаю, от чего отказываюсь, — почти клянусь я, прижав руки к своей груди.

— Позвольте вам не поверить в очередной раз, — не соглашается со мной Хозяин.

Да что ж это такое! Ему точно не помешает обряд экзорцизма. И опять я говорю последние слова вслух.

— Я сам предлагал вылечить меня от одержимости вами, — напоминает по- прежнему хрипло говорящий Холодильник.

— Вы знает как? — не верю я и на всякий случай делаю еще один шаг назад.

В три быстрых шага Холодильник стремительно сокращает расстояние между нами и, схватив мои руки, прижимает их раскрытыми ладонями к своей груди. Даже через ткань белой рубашки я ощущаю его горячую кожу.

— Чтобы изгнать из тела несчастного нечто потустороннее, надо прикоснуться к нему и произнести нужные слова, — губы Холодильника почти касаются моих губ.

— Прикоснуться к нему? — переспрашиваю я, тоже получается как-то хрипло.

— К телу, — поясняет Холодильник. — Я точно знаю, что надо прикоснуться к телу. Кожа к коже.

Пока я хватаю ртом воздух от такой неприкрытой наглости, Холодильник вдруг одним движением дергает за ворот свою рубашку. Пуговицы разлетаются в стороны, обнажая крепкую мужскую грудь. Он берет мои ладони и кладет их на свою горячую кожу.

Парализованная и оглохшая, смотрю на свои слегка дрожащие руки, которые чувствуют, как бьется его большое и сильное сердце. Зачем я спустилась? Мне не справиться с таким мощным напором целеустремленного мужчины, который поставил себе цель добиться меня во что бы то ни стало. И он готов поступиться многим, чтобы достигнуть поставленной цели. Я не готова поступиться ничем.

— Я не знаю нужных слов, — нервно сглатываю я, пытаясь оторвать ладони от его груди. Это бесполезно. Кожа ладоней горит, словно их прижимают к обогревателю.

Холодильник спешно переименовывается мною в Обогреватель.

— Давайте вместе придумаем, — большие ладони Обогревателя не могут успокоить дрожь в моих руках. — Это должны быть очень действенные слова.

— Вы безумец! — шепчу я.

— Помочь? — предлагает перегревшийся Обогреватель. — Психопат. Рехнувшийся. Ненормальный. Маньяк. Помешанный. Умалишенный. Душевнобольной.

— Вы меня пугаете, — честно говорю я. — Очень. Но я не изменю решение.

— И что же вы решили? — Обогреватель берет мои руки и прижимает ладонями к своим щекам. Со стороны, уверена, кажется, что влюбленная женщина обнимает любимого мужчину.

— Я не буду вашей любовницей. Я не полечу в Париж. Я не уволюсь. Я не дам вам закрыть или продать агентство, — произношу я, как мантру.

— А так? — мягко спрашивает он, опустив мои руки вдоль тела, крепко обняв и накрывая мои губы своими губами.

Поцелуй похож на обещание чего-то большего. Меня начинает бить крупная дрожь, мне жарко, словно я заболела лихорадкой.

— Вы дрожите, как новорожденный котенок, — горячечно шепчет Обогреватель, захватывая губами мою нижнюю губу.

Последнее слово бьет меня разрядом тока высокого напряжения. Котенок! Я сжимаю зубы. захватывая в плен его нижнюю губу.

Обогреватель вскрикивает о боли и с силой отрывает меня от себя.

— Господи! Больно!

— Вы мне противны! Вы сами! Ваши мерзкие поцелуи! Вы непорядочный человек. Порядочность не купить на ваши миллионы и не получить в подарок от судьбы. Меня трясет от отвращения к вам! — кричу я, отскочив от разгневанного и ничего не понимающего Обогревателя.

На моих глазах за несколько секунд Обогреватель снова превращается в Холодильник. Холодный, мрачный, злой. Я вижу небольшую ранку на его нижней губе и выступившую капельку крови. которую Александр Юрьевич медленно вытирает тыльной стороной ладони, размазав кровь по подбородку.

— Прошу прощения. Ошибочно принял отвращение за другой глубокое чувство, — презрительно говорит Холодильник.

Я отворачиваюсь от него и с достоинством и прямой спиной ухожу на лестницу.

Утро воскресенья начинается с назойливого телефонного звонка.

— Нина! Доброе утро! — спокойный вежливый голос Павлы Борисовны воспринимается мною как наказание за грехи. Боже мой! Только девять утра! Сегодня же воскресенье!

— Утро не может быть добрым, — охрипшим голосом говорю я. У меня по- настоящему болит горло.

Павла Борисовна смеется и продолжает:

— Нина! Александр Юрьевич просит вас в одиннадцать часов быть в агентстве. У вас заказ. Он говорит, что заказчик просит именно вас.

— Он разве не в Париж сейчас летит? — удивляюсь я.

— Он едет сюда с заказчиком, — вздыхает Павла Борисовна. — Почему он не полетел, я не знаю и не мое это дело.

Кто б сомневался! За произошедшее вчера теперь буду расплачиваться именно я и не по-детски.

Как вспомню "котенка", так дрожь отвращения снова прокатывается по телу. Вспоминаю, как в детстве обижалась на папу, когда он шутил, отвечая на мой вопрос, с чем пирожки, испеченные мамой.

— С котятами! — хохотал отец, чрезвычайно довольный шуткой, которая своей жестокостью доводила маленькую Нину до настоящих слез. Мысленно пожелав Холодильнику на завтрак пирожки с котятами, ползу в ванную.

Сегодня я выбрала платье-мундир песочного цвета. Отразившись в зеркальной двери шкафа в своем кабинете, жалею, что на платье нет погон, а на голове фуражки или пилотки. Цвет платья усиливает мою бледность, вызванную сильной болью в горле. Все-таки я заболеваю… Ровно в одиннадцать стучу в дверь кабинета Хозяина. Меня встречает счастливая Светлана Кирилловна в чудесном сливочно-кремовом брючном костюме и суровый Холодильник с мертвым, пустым взглядом.

— Нина Сергеевна! Помните, мы с вами и Дмитрием Георгиевичем договаривались, что я закажу в вашем агентстве детский праздник для племянницы? — буквально бросается мне навстречу Светлана.

— Здравствуйте! — улыбаюсь я. Черт! Горло болит все сильнее, даже слюну трудно сглатывать. — Конечно, я помню.

— Ой! Здравствуйте, Нина! Извините, — смущается Светлана. — Саша… Александр Юрьевич сказал, что договариваться надо напрямую с вами.

— У вас есть какие-то идеи? — спрашиваю я, подчинившись приглашающему жесту Холодильника и сев за стол. — Сроки?

— У Машки день рождения через две недели после праздника Восьмое марта, — сообщает Светлана.

— Хотелось бы поговорить с ее родителями или с вами, чтобы понимать, что нравится и не нравится девочке, — осторожно говорю я, боясь попасть впросак, как тогда с женой Кирилла Ивановича. — И с девочкой обязательно надо познакомиться. Это тоже важно. Мы должны понимать, кому мы делаем праздник.

— Машка здесь! — голубые глаза Светланы с восторгом смотрят на жениха. — Она с дедом, моим папой, внизу, возле этой замечательной доброй старушки. Они скоро поднимутся.

Звук остановившегося лифта слышен и в кабинете. В раскрытую Николаем дверь заходит Кирилл Иванович с огромным букетом белых роз. Штук тридцать, не меньше. Рядом с ним маленькая девочка трех-четырех лет в милом голубом пальтишке, шляпке и высоких шнурованных ботиночках. Нежно-голубые глаза девочки Маши очень напоминают глаза ее тети, Светланы Кирилловны.

— Нина Сергеевна! Это наше извинение за то, что беспокоим вас в воскресенье! — Кирилл Иванович протягивает мне роскошный букет.

— Что вы! — отказываюсь я. — Это лишнее. Работа есть работа. Я понимаю, что профиль у нашего агентства необычный и привыкла работать в выходные.

— Я настаиваю! — действительно настаивает будущий тесть Холодильника. Сам же Холодильник больше похож на свежемороженую рыбу. Вроде и выглядит неплохо, но надо

посмотреть еще цвет жабр, чтобы убедиться, что он свежий.

— Шаша! — радостно визжит маленькая Маша и, распахнув ручонки, несется навстречу Холодильнику.

Выражение лица его мгновенно меняется: он широко улыбается той самой мальчишеской улыбкой, которая выворачивает мою душу наизнанку. Как такая улыбка может принадлежать такому отъявленному негодяю? Обманщику невест, соблазнителю арт-директоров и любителю пирожков с котятами?

Холодильник подхватывает Машку на руки и, высоко подбросив, позволяет девочке обнять себя за шею.

— Привет! Мой котенок! — ласково говорит Холодильник.

— Маша Шашин котенок! — утверждает девочка, взяв Холодильник за уши и звонко чмокнув в нос.

— Проходу ему не дает! — смеясь. жалуется мне Кирилл Иванович. — Не разрешает Светке выходить за него замуж.

— Просто конкурентка! — подтверждает Светлана, с любовью глядя и на племянницу, и на жениха. — Того и гляди уведет!

— Уведет! — подтверждает Машка, смеясь вместе со всеми.

— И новый год Александр на работе встретил бы, если бы Машка ему каждые полчаса не названивала и не орала в трубку, что "котенок ждет Шашу"! — забирая внучку из рук Холодильника, рассказывает Кирилл Иванович.

Теперь болит не только горло, но и голова.

Глава 19. Чердак

Твой человек не тот, с которым тебе хорошо, а тот, без которого тебе плохо.
Мудрость из интернета

Я не знаю, какова на вкус наждачная бумага, но легко могу себе это представить: горло дерет острой болью, трудно дышать и глотать. Я проспала со спиртовым компрессом несколько часов и проснулась, когда ко мне приехали родители.

Папа, считающий себя человеком, сведущим в постановке диагнозов и таблеточном лечении, привез с собой всю домашнюю аптечку, а это два чемоданчика размером со школьный портфель. Внимательно посмотрев мое горло, он радостно и убедительно заявил:

— Резкая боль в горле. Першение, сухость и жжение в глотке. Сухой кашель. Накопление слизи. Увеличение шейных подчелюстных узлов. Повышение температуры до тридцати восьми. Я тебе ставлю острый фарингит!

— Чему радуешься?! — привычно ворчит мама. — Врач-самоучка! Без анализов, без мазков…

— Спорим! — почти кричит оскорбленный папа. — Вот вызывайте врача, вызывайте, и посмотрим!

Папа начинает доставать из "аптечки" спреи, растворы для полоскания:

— Нинка! Я тебя хоть раз неправильно лечил?

Отрицательно мотаю головой. Никогда. Всегда правильно.

Появляется Павла Борисовна и осторожно, почти заискивающе говорит мне:

— Ниночка! Александр Юрьевич вызвал вам врача.

— С какой стати?! — возмущаюсь я. — Я совершеннолетняя и у меня есть родители!

— Вот именно! — поддакивает папа, выбирающий раствор для полоскания.

— Ой! Как хорошо! — не соглашается с нами мама. — Павла Борисовна! Спасибо! Это замечательно. Пусть Нину посмотрит врач.

— Нет! — не верю я в происходящее. — Что за бред?! Я вполне способна сама вызвать себе врача! Александр Юрьевич явно погорячился.

— Умница! — посылает мне воздушный поцелуй папа, подогревающий чайник.

— Это профессор, доктор наук, — продолжает настаивать Павла Борисовна.

— Почему не министр здравоохранения? — обалдев, фыркаю я недоверчиво.

— Ого! — папа в растерянности чешет затылок. — Может, Нинка, пусть посмотрит? Заботливый у тебя начальник.

— Да хоть академик! — протестую я.

— Понимаете, Нина, — Павла Борисовна с опаской оглядывается на дверь. — Профессор уже здесь. Александр Юрьевич его в своем кабинете принимает и чаем угощает с Павлушиными пирожными. Я не представляю, как я сейчас скажу, что вы его не пустите…

Кожей чувствую, как неловко Павле Борисовне, и мне становится стыдно.

— Хорошо. Пусть будет профессор.

Павла Борисовна приводит в мою квартиру маленького сухонького старичка, реально похожего на доктора Айболита, вместе с высокой и красивой медсестрой, больше похожей на солистку кардебалета. Это сколько же времени она макияж делала? С утра вечерний?

Профессор балагурит, осматривает меня, отпуская шуточки и комплименты. Напрашивается на свадьбу, до которой "все у меня заживет". Медсестра берет у меня кровь и мазок из горла на анализ.

— Дорогуша! Скорее всего у вас острый фарингит. Мазок покажет, грибковый, вирусный или бактериальный. Вот вам рекомендации по полосканию, орошению горла. Вот пара таблеточек хороших. Принимать по схеме. Да! Еще щадящая диета: нет горячему, холодному, острому, кислому, газированному. По результатам мазка завтра выпишу вам антибиотик. Как предпочитаете? Колоть или пить?

— Пить! — хриплю я испуганно, удивляясь, как мгновенно киснет красивое лицо медсестры. Вот садистка! Видимо, ей доставляет удовольствие колоть невинные жертвы в попу шприцем.

Когда профессор с ассистенткой уходят, из кухни гоголем выходит мой отец.

— Ну что, Таня? — ехидно говорит он маме. — Я не знаю, кто платит за визит этого профессора, но это мой гонорар.

Вернувшаяся Павла Борисовна смеется:

— Медсестра так хочет, чтобы вам выписали уколы, что всю обратную дорогу до кабинета Александра Юрьевича об этом говорила. Готова приходить каждый день и за вами, Нина, ухаживать.

— Почему? — не понимаю я причины веселья Павлы Борисовны. — Зачем за мной ухаживать? У меня фарингит и мне двадцать пять лет.

— Думаю, Ниночка, чтобы каждый день видеться с Александром Юрьевичем. Девушка зависла, когда его увидела. Даже Павлушины пирожные есть не смогла. А кто от них откажется? Никто!

— Павла Борисовна! — молю я. — Не допустите, ради бога!

— Что ты, он сам… — Павла Борисовна оглядывается, словно за ее спиной прячется Хозяин, — напугался, сказал, что у нас в штате есть медсестра и что помощь со стороны нам не нужна.

— А кто у нас медсестра? — туплю я.

— У нас нет медсестры, — шепотом выдает тайну Павла Борисовна. — И никогда не было. Мы же не пионерский лагерь, не школа и не детский сад. Облегченно выдыхаю. Пронесло! Надо же… Испугался внимания со стороны красотки медсестры. Пугливый какой…

Неделя на больничном проходит неожиданно активно и шумно. Сплю до полудня. Горячую еду от Павла Денисовича мне приносят то Димка, то Римма Викторовна, то он сам. По вечерам по очереди меня навещают мама, папа и Ленка. Не бездельничаю: набрасываю черновик проекта праздника для девочки Маши. Светлана Кирилловна прислала письмо с описанием того, что любит ее племянница, чем увлекается, чего терпеть не может.

— Дрыхнешь? — ехидничает Димка, принесший мне обед. — Симулянтка ты, Нинка! Мы в поте лица…

— Ладно! — смеюсь я, с любопытством разглядывая деликатесы на подносе. — Перетрудился, бедненький!

— Да мы все перетрудились! — клянется Димка, выпучив на меня глаза. — Твой Холодильник злой, как голодная собака на привязи. Появляется к вечеру и косит под привидение.

— Как это под привидение? — не понимаю я, перестав наслаждаться теплым шампиньоновым крем-супом.

— Это новая байка нашего агентства! — Димка усаживается на кресло напротив меня. — Началось все с Дарьи Владиленовны, которая забыла свои очки на своем кресле в холле. Поздно вечером за ними вернулась… А там..

— А там? — переспрашиваю я, уже догадавшись о том, что расскажет мой помощник.

— А там Хозяин. Стоит в темноте и в окна молча смотрит. И глаза красным огнем светятся! — нагнетает Димка.

— Не придуривайся! — сержусь я на Димку.

— Да все правда чистая! — обижается Димка. — Ну, кроме глаз, конечно…

— И причем здесь привидение? — ворчу я, почувствовав усиление сердцебиения.

— Так на следующий день Маринка задержалась с оформлением последнего заказа и пошла проверить, не ушел ли еще Прохор Васильевич. У нее план соблазнения есть. Они его всем отделом разрабатывали и утверждали, — вещает Димка, развалившись в моем кресле. — Спускается в холл, а там…

— Холодильник. Стоит. В окно смотрит. Глаза красные? — саркастически заканчиваю за него я.

— Почти. Стоит. Смотрит. Сам бледный. На Маринку резко повернулся. Маринка говорит с какой-то надеждой. А потом узнал, разозлился и прикрикнул, — Димка чрезвычайно доволен собственным рассказом.

— И что? — я недовольно пожимаю плечами. — Привидение здесь причем?

— Потом его еще Павел Денисович, который мясо тушить с ночи ставил, видел. Так его Хозяин и не заметил. Посмотрел сквозь — и все! — не сдается Димка. — А Римму Викторовну он до чертиков напугал! Она думала, что нет никого, — а он в кабинете спит себе на диване, хотя уходил накануне раньше нее! Что скажешь?

— Что я могу сказать? — сержусь я. — Я сижу безвылазно дома. Лечусь. Сплю. Ем.

— Нет, дорогая! Ешь. Молись. Люби. Это самая модная мантра, — хохочет наглый Димка. — А не тебя ли он караулит?

— Почему меня? — пугаюсь я. Не готова я Димке, а значит, всему агентству рассказать о ночных встречах с Холодильником. Ленка знает — и достаточно.

— Ну не Павлу же Борисовну? — находчиво спрашивает Димка. — Хотя, конечно, еще в здании по ночам Дарья Владиленовна есть…

— Я не собираюсь отвечать за то, что Холодильник по ночам бродит по агентству, как медведь-шатун, или, как ты говоришь, как привидение, — оправдываюсь я.

— Жаль, — ерничает Димка. — На тебя была вся надежда…

И еле уворачивается от летящего в него скомканного полотенца.

Сегодняшний воскресный вечер юбилейный. В прошлое воскресенье я заболела. Вчера профессор, приведенный ко мне Павлой Борисовной, разрешил мне со вторника выйти на работу.

Мучаюсь весь вечер: спускаться или нет? К полуночи понимаю: хочу. Хочу спуститься. Но не спущусь. И не спускаюсь.

Понедельник начинается рано. Почему-то встаю в восемь утра, за неделю устав валяться в постели. Чувствую себя прекрасно: бодра и весела. Вчера я почти два часа разговаривала со Светланой Кирилловной по телефону про Машу. Забросала ее вопросами. И теперь у меня

есть несколько идей, которые я буду разрабатывать.

В кабинете Павлы Борисовны я узнаю, что Холодильник сегодня еще не появлялся, а вчера ночью, по словам Дениса Владиленовича, бродил по первому этажу, отбирая хлеб у настоящего привидения.

— Чего ему домой не идется? — недоумеваю я, но получается неискренне.

Эту мою неискренность и Павла Борисовна, и Римма Викторовна, и даже Димка легко и быстро считывают.

— Бог его знает! — вздыхает Павла Борисовна. — Может, не хочется?

— У меня просьба, Павла Борисовна! — перевожу разговор на другую тему. — Дело на полмиллиона! Мне нужно попасть на чердак в кладовую. Хочу проверить одно детское воспоминание.

— Пожалуйста, попадай! — разрешает Павла Борисовна. — Только оденься соответственно. Там полгода не прибирались. Замок кодовый. Код я тебе дам.

— Поможешь? — спрашиваю Димку, но тот сразу отказывается.

— Ты чего, забыла? Я ж аллергик. Мне в пыль нельзя!

— Ладно, сама справлюсь! — машу рукой. — Мне очень туда надо.

Димка приносит мне комбинезон маляра и несколько масок.

— Ты ж не прибираться идешь? Я правильно понимаю?

— Нет. Я иду подтвердить одно детское воспоминание. Надо для Машиного праздника, — сообщаю я, запаковавшись, как вирусолог из современного зарубежного сериала.

— Нина, к тебе пришел Гена! — звонит мне Римма Викторовна. — Охрана спрашивает, надо ли пропускать.

— Александра Юрьевича нет? — быстро спрашиваю я.

— Нет. Еще нет, — отвечает Римма Викторовна.

— Тогда пусть пропустят.

Надо с Геной по-человечески поговорить. Мы не виделись с того злополучного дня, когда я зазвала его в бар "Уховертка".

Увидев меня в комбинезоне, Гена слегка оторопел.

— Нина, что случилось?

— Ничего. Начальник утвердил такой дресс-код, — вздыхаю я, лукаво улыбаясь.

— Да ладно… — не верит мне приятель.

— Шучу. Иду на чердак с важной миссией, — таинственным шепотом сообщаю я. — Так что, если ты поговорить, то покороче.

— Я, конечно, поговорить… — теряется Генка. — Слушай, давай помогу?

— У нас больше нет комбинезона, — сетую я, обрадовавшись, что можно идти на чердак не одной. Все-таки клаустрофобия… А ты сегодня такой… модный.

Гена в стильном клетчатом костюме-тройке, красивый, торжественный. Слава богу, без цветов.

— В гримерной есть большой синий халат, — вспоминает Димка. — Тебе подойдет.

Димка провожает нас на чердак, как член государственной комиссии космонавтов на космодром. Дурашливо крестит и даже целует меня в лоб. Кодовый замок быстро открывается.

— Вот. Внутри предохранитель. Осторожно с ним. Не заденьте, а то дверь закроется, — пугает нас Димка.

Старый чердак заставлен коробками, чемоданами, сундуками. Настоящий антиквар сошел бы здесь с ума от вожделения. Хочется открыть все и посмотреть, что же там лежит. Вспоминаю, что последний раз я была здесь с отцом, когда мне было лет семь-восемь. Я должна их найти…

— Что ищем? — бодро спрашивает Генка. — Клад? Иконы? Золото?

— Кукол! — отвечаю я. — Мы ищем кукол моей прабабушки Райской Ольги Ждановны.

— А где они? — с сомнением разглядывает десятки коробок мой добровольный помощник.

— Я помню, что они в картонных коробках. Каждая отдельно. Точно не в сундуках и не в чемоданах. Возможно, даже подписаны, — мучительно вспоминаю я.

— Тогда вперед! — паясничает Гена. — Может, их позвать, и они отзовутся?

— Не пугай! — прошу я искренне. — Я их вообще-то не люблю. У меня куклофобия.

— Хорошо-хорошо, — успокаивает меня Генка. — Справа налево или слева направо?

— По часовой стрелке! — бодро командую я.

— Слушай, а они антикварные? Им по сколько лет? — любопытствует Гена.

— Антикварные. Антиквариатом принято называть все предметы искусства, созданные до Второй мировой войны. Куклы. в основном. фарфоровые. Из Китая, Франции и Германии.

Пыли много. Хорошо, что мы надели маски. За час мы находим всех кукол. Справились бы быстрее, но так интересно разглядывать то, что мы обнаруживаем в разноцветных коробках!

Посуда с клеймом царского двора. Старинные платья и туфли. Много книг, журналов.

Первой куклой, найденной нами, становится немецкая девочка ростом аж семьдесят три сантиметра. в синей шубке и синей меховой шапочке.

Второй тоже немецкая рыжеволосая кукла Вероника в зеленом атласном платье, к которой прилагается маленькое деревянное кресло и плюшевая собачка.

Третьей становится изящная француженка Маргарита в длинном коричневом платье и кружевных панталонах. Черные волосы завиты в тугие локоны.

Номер четыре меня очаровывает и пугает одновременно. Это семидестипятисантиметровая немочка Розина в длинном белом одеянии, белом чепце с собственной ванной комнатой. Вот кто похож на привидение! Всего кукол находится семь штук. Одна красивее другой. Я аж трясусь от возбуждения.

— Вроде все! — констатирую я. — Теперь надо осторожно перенести их в мой кабинет, и я буду вызывать специалиста, чтобы их освежить.

— Подожди! — Генка хватает меня за руку. — Ты обещала поговорить.

— Конечно, поговорим, — киваю я приятелю. — Не здесь же.

— Нет. Здесь! — вредничает Генка. — Там будет твой чокнутый начальник!

— Гена! — взываю я. — Здесь пыльно и неуютно. Я хочу на свет к людям!

— Нет! — настаивает Гена и… захлопывает дверь. снимая ее с предохранителя.

— Ты чего? — я даже стаскиваю маску. — Ты пьян?

— Я абсолютно, категорически трезв! — важно говорит Гена. — Ты теперь меня не отфутболишь, как всегда!

— Гена! Как мы будем выходить? — устало спрашиваю я, садясь на ближайший сундук.

— Позвонишь кому-нибудь, — беспечно пожимает плечами Гена.

— У меня нет телефона. Я его не брала, — чихаю я и снова надеваю маску.

— И у меня нет, — растерянно и испуганно говорит Генка, только сейчас поняв, что

натворил. — Но тебя же будут искать.

— Кто?! — психую я. — Я Димку с эскизами отправила к Ленке и с набросками ролей в театральное училище к Эмме. Это часа на три.

— А остальные? Тебя же должны потерять? — возмущается Генка. Вот молодец! Смеет возмущаться!

— Я на больничном. Меня не должно быть на рабочем месте до завтра, — в бешенстве рычу я. — Гена, прости, но ты идиот!

— Вовсе нет! — сопротивляется мой незадачливый поклонник. — Я верю, что нас скоро спохватятся. Прекрасная возможность расставить все точки над "И«|

— Ставь свои точки! — дергаюсь я, вставая с сундука.

Эта фраза была ошибкой. Она заставляет Гену рвануться ко мне, будто мы играем в догонялки, и схватить меня, будто я уже проиграла.

— Ниночка! — ласково шепчет Генка, снимая с меня маску. — Я так тебя люблю. Мы обязательно должны быть вместе. Никто не будет ценить тебя так, как я!

— Почему никто? — обижаюсь я, тут же расстроившись. — У меня есть еще пара предложений.

— Как ты можешь сравнивать! — кричит Генка. — Меня и совершенно посторонних тебе мужчин?!

Пока я трачу время на осмысление того, что сказал Генка про посторонних мужчин, он меня сильно, крепко, больно целует.

В этот момент дверь на чердак распахивается, и в дверном проеме я краем глаза вижу две фигуры: Николая и Холодильника. Радостно мычу, отпихивая разошедшегося Генку, но это плохо получается. Помогает мне Николай, который сначала с заметным глазу усилием останавливает Холодильника, делающего шаг вперед, потом аккуратно отрывает Гену от меня, вежливо со мной поздоровавшись. Николай, обнимающий Гену, куда- то исчезает вместе с ношей.

В наступившей тишине раздается насмешливый голос Хозяина:

— Вы просто нимфоманка, госпожа Симонова-Райская!

— От такого же слышу! — огрызаюсь я.

— Вообще-то это женский диагноз! — утверждает мрачный Холодильник, осторожно осматриваясь по сторонам. — Зачем вы сюда залезли? И кто его пустил?

— Не залезли, а пришли. Искать нужные вещи для праздника Маши, — гордо сообщаю я. вздернув нос.

— Вы уверены, что Маше нужно это? — и Холодильник разводит руками, показывая на все пыльное помещение в принципе.

— Уверена! — отрезаю я. — Вы задали все свои вопросы? Мы можем отсюда уйти?

— Нет. Не все, — медленно отвечает Холодильник. — Вы только что никуда не торопились, охваченные… сладострастием.

— Говорите уж сразу похотью, — фыркаю я презрительно. — Развратом.

— С этой точки зрения я еще ситуацию не рассматривал. И вам лучше не подсказывать мне эту идею, — щурит глаза Холодильник и угрожающе наступает.

— Что за странный интерес к моей благочестивости? — отступаю на шаг назад и упираюсь в тот сундук, на котором сидела.

— Благочестивость — это нравственная высота, вам недоступная, — пафосно утверждает Холодильник, подходя ко мне вплотную.

— Почему же? — отбиваюсь я словами. — Откуда такие выводы?

— Исключительно эмпирические. основанные на наблюдениях за вами. — Холодильник берет меня за подбородок и аккуратно, нежно прикасаясь. трет большими пальцами кожу моего лица возле уголков губ.

— Что за странная забота о чистоте моего лица? — хриплю я. — Навязчивая какая-то…

— Навязчивая, — соглашается Холодильник. — Не успеваю предотвратить — приходится работать с последствиями.

— Здесь нет воды, не умыться. — шепчу я, парализованная его прикосновениями.

— Да, — снова соглашается он. — Почему вы не вырывались?

— Не вырывалась?

— Из рук Гены. От его поцелуя? — Холодильник наклоняется, и я понимаю, что он сейчас меня поцелует. Традиционно туплю и медлю.

Но Александр Юрьевич обманывает мои ожидания: он быстро берет меня за руку и оборачивает вокруг моей оси, словно мы партнеры в знойном танго, потом с силой прижимает спиной к своей груди. Успеваю только охнуть.

— Вы очень неразборчивы в выборе партнера. — упрекает меня Холодильник ласково, терпеливо.

— Не ваше дело! — пищу я.

— Оказалось, что мое. — вздыхает Холодильник. — Если я вас не остановлю, вы перецелуетесь с половиной офиса и города.

— Кем вы меня считаете?! — поражаюсь я неприкрытой наглости и хамству. — И даже если этот так… То вас это не касается! Я целуюсь, с кем хочу! Если я решу, что это пол-офиса. значит, это будет пол-офиса!

— Не будет! — меня прижимают еще сильнее. до боли в ребрах. — Это был ваш последний бенефис. госпожа Симонова-Райская. Больше вы ни с кем целоваться не будете.

Левая рука держит меня за талию. Правой рукой он берет меня за подбородок и поднимает мое лицо к своему.

— Что значит ни с кем? — искренне спрашиваю я, отчетливо поняв, что он нездоров.

— Ни с кем. кроме меня, — говорят его губы, но меня не целуют.

Точно! Он больной! Он не может меня поцеловать. потому что меня только что целовал Генка.

Ужом выворачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с Холодильником.

— В чем дело? Мы не будем целоваться? — обильно сочусь сарказмом. — Брезгуете. Хозяин?

— Я не сторонник ролевых игр, но слово "хозяин" мне нравится, — усмехается Холодильник.

— Значит, не буду вас так называть! — радуюсь я возможности противоречить.

— Тем более крепостное право отменено сто пятьдесят девять лет назад. Холодильник, не отрываясь. смотрит на мои губы и тяжело дышит.

— Значит, и вы будете целоваться только со мной? — дурашливо спрашиваю я. — И с невестой ни-ни?

— Я готов и к этому, — вдруг говорит Холодильник, не меняя фокуса зрения.

— Готовы не целоваться с невестой? — нервно смеюсь я. — Как это? Как вы это ей объясните? И на свадьбе не будете целоваться?

Холодильник злится и молчит.

— Уйдите из нашего агентства, пожалуйста, — начинаю уговаривать его я. — Туда, где были до этого всего. И все будет хорошо, честно-честно…

На мое "честно-честно" Холодильник вдруг улыбается своей фирменной улыбкой, и я непроизвольно поправляю его челку, чтобы придать его лицу еще более мальчишеский вид. Он замирает и почти не дышит.

— Уйдете? — с надеждой переспрашиваю я.

— Нет! — выдыхает Холодильник и со стоном захватывает мои губы.

Глава 20. Платье Чикаго

Влюбиться — не значит любить:
влюбиться можно и ненавидя.
Федор Достоевский

— Старуха! Ты где? — громкий окрик Димки спасает меня от поражения.

Я вырываюсь из рук одурманенного, иначе не скажешь, Холодильника. Темно-карие глаза Александра Юрьевича не выражают ничего, кроме непонятной мне одержимости мною же. Он с таким разозленным видом смотрит на дверной проем, что я начинаю беспокоиться за Димкино здоровье.

Ничего не подозревающий Димка заглядывает внутрь, но не заходит: боится пыли.

— Здравствуйте, Александр Юрьевич! Нина, ты в порядке?

— Дима! — несказанно радуюсь я появлению личного помощника. — Помоги, пожалуйста, перетащить коробки!

— Помните о том, что я вам сказал, — наставительно и покровительственно говорит мне Холодильник.

— А что вы мне сказали? — глупо хлопаю ресницами, делая вид, что не помню.

— Я сказал, что сегодня был ваш последний бенефис и что вы больше не можете себе позволить того, что все-таки позволили сегодня, — громко и отчетливо отдает распоряжение Холодильник.

— Почему? — капризно удивляюсь я. — Мне почему-то кажется, что могу.

— Через полчаса в моем кабинете! — рычит Холодильник и идет к выходу.

— Не могу. Я еще на больничном. Если только завтра, — сочувственно вздыхаю я вслед.

Осторожно вытираю пыль с перенесенных в мой кабинет коробок с куклами, заново рассматриваю каждую.

— Красотки! Вы приглашены на день рождения маленькой славной девочки Маши.

Куклы снисходительно, даже высокомерно смотрят на меня, сказывается их благородное происхождение, датированное началом прошлого века.

— Нина! Отец Маши третий раз отказал мне! — сообщает запыхавшийся Димка.

— Отказал в чем? — не понимаю я.

— Ты просила организовать встречу с родителями Маши, — терпеливо напоминает Димка.

— И? — недоумеваю я. — Ты не можешь ее организовать?

— Не могу! — подтверждает Димка. — Отец Маши, телефон которого дала Светлана, каждый раз ссылается на неотложные дела и отсутствие времени.

— А мать? — удивляюсь я. — Начни с матери.

— У Маши нет матери, — вздыхает огорченный Димка.

— Как это нет матери? — у меня почти отвисает челюсть и начинает отчетливо болеть сердце. — Умерла? Как бабушка?

— Насколько я понял Светлану, она ушла из семьи и оставила ребенка. Теперь Машей занимаются отец, дед и тетя Светлана, — сообщил Димка.

— Какой ужас! И в таких семьях все, как у всех, — мне не верится, что мать вот так просто оставила своего ребенка. — Может, ее выгнали?

— Кто его знает? — пожимает плечами Дима. — Неудобно было спросить у Светланы. Да и не наше это дело…

— Неожиданно просто, — бормочу я. — Никогда бы не подумала… А я еще голову ломала, почему с Машиным праздником так носится Светлана…

— Да! Ситуация! — тянет задумчиво Димка. — Я сегодня еду к ним домой. Буду по твоему опроснику еще раз со Светланой и Кириллом Ивановичем разговаривать. Может, неуловимого отца увижу.

Противостояние обостряется с наступлением первых мартовских дней. Атмосфера в агентстве кажется мне грозовой и гнетущей. Удивительно, но такие ощущения испытываю только я.

В ожидании женского праздника по дому буквально порхают озабоченные сотрудницы и из уст в уста передают разведданные о том, как наши мужчины собираются нас поздравлять. От версии о спектакле в стихах до версии об общем мужском танце в балетных пачках.

Холодильник не вызывает меня больше на разговоры в свой кабинет. Приезжает во второй половине дня. Но я кожей чувствую его присутствие ежеминутно: под дверью моего кабинета всегда кто-то из подопечных Прохора Васильевича или он сам.

— Слушай, мать! — интересуется насмешливый Димка. — Ты у Хозяина что-то сперла?

— Почему? — хмурюсь я.

— Разве это не тебя караулят? — ухмыляется мой нахальный помощник. — На выходе не обыскивают?

— Я не выхожу, почти не выхожу, — объясняю я.

Выйти мне теперь вообще сложно: только с Прохором Васильевичем или с Евгением, самым неразговорчивым нашим охранником. Когда мы с Ленкой ездили за сувенирами по магазинам, было очень трудно привыкнуть к тому, что он с нами.

— Надо писать заявление в полицию! — уверенно убеждает меня подруга, с опаской оглядываясь на Евгения, стоящего у выхода из бакалейной лавки.

— О чем? — смеюсь я. — О том, что меня охраняют? Кто ж такое заявление примет?

— О том, что тебя преследуют! — негодует Ленка. — Это нарушение прав и свобод! Конституционных!

— Не говори глупости! — сержусь я. — Я уже привыкла. Бесит, конечно, но я использую ситуацию по максимуму.

— Это как? — Ленка озадачена.

— Я заставляю их нервничать! — шепотом делюсь я секретом. — Димка, Павла Борисовна и Римма Викторовна перебрасывают на меня всех клиентов мужчин.

— И в чем прикол? — недоумевает Ленка. — Не думает же твой Холодильник, что ты будешь с каждым из них целоваться?

— Я вообще не уверена, что он понимает, что ему надо! — с досадой говорю я. — Но то, что он бесится от этого, бальзамом на душу. Только бы не догадался, что они мне помогают…

— Это какое-то Средневековье! — не сдается Ленка. — Он расстается со Светланой и собирается ухаживать за тобой?

— Нет, конечно! — фыркаю я. — Хотя его странные слова, что он готов не целоваться с собственной невестой, лишь бы я никого к себе не подпускала… кроме него… Разве это не

странно?

— А как ты проверишь, что он не целуется с невестой? — удивляется Ленка.

— Ты ту-ту? — ругаюсь я. — Я и не собираюсь проверять! Пусть целуется, с кем хочет и сколько хочет! Зачем мне ему верить? Меня не задевают и не касаются его отношения с женщинами.

Мы с Ленкой заходим в кафе, чтобы выпить чашечку натурального кофе, но больше для того, чтобы позлить Евгения, которому Ленка всучила все наши пакеты.

— Да… Ситуация… — задумчиво тянет моя подруга, глядя то на меня, то на охранника. — Нашла коса на камень. Но что-то тут не так…

— Почему? — пожимаю я плечами. — Все так. Я уже привыкла. Четвертый месяц пошел…

— И все-таки… Ты, конечно, девушка красивая, Нинок, почти молодая, из хорошей семьи… Но… — Ленка с сомнением рассматривает меня.

— Даже обидно! — надуваю я губы. — Что не так?

— Ты сама говорила про птицу и про ягоду, — напоминает подруга. — Про ваше несоответствие. Несмотря на квартирку в несколько миллионов, ты не тянешь на его женщину.

— Согласна! — активно киваю. — Вот не претендую. Это он меня… преследует.

— Удивительно не то, что преследует, а то, что не сдается, — уверяет меня задумчивая Ленка. — Пристал — отказали — отвали! Известная формула. А он… Очень уж странные отношения у него с невестой. Прямо под носом собирается с тобой куралесить.

— Я не собираюсь с ним куралесить! — фыркаю я, наслаждаясь горячим крепким кофе.

— В том-то и дело, что пока у тебя это плохо получается! — хихикает Ленка, облизывая кофейную ложечку. — Он же как запрограммированный. Слушай, а если Светлане как-то намекнуть? Или ее отцу?

— С ума сошла? — пугаюсь я. — Стыд какой! А потом, кому они поверят. мне или ему? А я опозорюсь. И увольняться придется, и переезжать.

— Вот! Поневоле революционером станешь! — шутит Ленка и всерьез переходит к лозунгам. — Надо же как-то свергать этих олигархов! Чтобы не думали, что им все позволено!

— Но меня же он не получил! — успокаиваю я ее и ласково говорю хмурому Евгению, подмигивая. — И не получит!

Евгений почти скрипит зубами: уверена, его раздражаю я сама и все, что со мной связано, и свое поручение он терпеть не может.

Накануне женского праздника в агентстве радостная суматоха. Все гадают, как поздравит нас Хозяин, который не появлялся уже три дня.

— Надеюсь на хорошую премию, — подкрашивает губы Марина. — У меня отпуск в мае. Собираюсь в Эмираты.

— Премия — само собой! — соглашается Римма Викторовна. — Но и для души чего-нибудь хочется.

— Что может подарить человек без души для души? — иронизирую я.

Но утром седьмого марта наше агентство превращается в цветник. Каждая женщина, от уборщицы до Павлы Борисовны, получает свой букет цветов. Все они разные и по-настоящему красивые. У Павлы Борисовны это большой букет розовых роз. У Марины —

бордово-красных. У девочек из рекламного отдела — чудесные кустовые желтые хризантемы с синими ирисами. Дарья Владиленовна получила корзину ромашковых хризантем. Я осталась без цветов. Совсем. Курьеры, обошедшие с утра все агентство с букетами и записочками, не заглянули ни в мой кабинет, ни в мою квартиру.

— Опаньки! — чешет затылок Димка. — Султан наказывает свою наложницу за непослушание?

— Что за ассоциации? — сержусь я. — Не нужны мне его цветы.

— А я думаю, что Хозяин для Нины какой-то сюрприз готовит, — предполагает веселый Костик. — Может, он тебе вообще розарий подарит или дерево какое.

— Шутка дня! — смеюсь я, совсем не расстроившись.

Костик прав. От Холодильника можно ожидать всего. Хотя, думаю, будь его воля (так она, воля, его и есть!), он с удовольствием подарил бы мне тот самый цветок, который ловит насекомых.

Ближе к вечеру нас ждет концерт. Оказывается, наши мужчины приготовили для нас вечер романсов. Костик в концертном фраке садится за рояль. Первым поет Денис Владиленович. Торжественно строгий в костюме- тройке. Седой и солидный.

Ни пурпурный рубин, ни аметист лиловый.
Ни наглой белизной сверкающий алмаз
Не подошли бы так к лучистости суровой
Холодных ваших глаз,
Как этот тонко ограненный,
Хранящий тайну темных рук,
Ничьим огнем не опаленный,
В ничто на свете не влюбленный
Темно-зеленый изумруд.

Павел Денисович в неизменном черном костюме с красной бархатной бабочкой выжимает из глаз восхищенных женщин искренние слезы.

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые…
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые.
Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Все же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного…

Изысканно трогательный Костик выбирает изысканный роман Вертинского. Ваши пальцы пахнут ладаном,
А в ресницах спит печаль.
Ничего теперь не надо нам,
Никого теперь не жаль.

Настоящий фурор производит опоздавший Прохор Васильевич. Во-первых, он по-прежнему красив как дьявол, а это каждый раз как-то забывается, во- вторых, оказывается, прекрасно поет и сам играет на рояле, отказавшись от услуг Костика, в-третьих, он выбирает оригинальный романс, и всем присутствующим женщинам, даже мне, начинает казаться, что он поет именно мне.

Я не люблю Вас и люблю,
На Вас молюсь и проклинаю.
Не видеть Вас я не могу,
Но встречи с Вами избегаю.
Вы так наивны, так умны,
Вы так низки и так высоки,
Вы так земны и неземны,
Вы так близки и так далеки.

Кошу глаза в сторону — и натыкаюсь на карюю бездну, тут же поглощающую меня. Мне начинает казаться, что это Холодильник выбирал начальнику охраны романс и приказал спеть его только для меня.

Вы — сладкий яд, Вы — горький мед,
Вы — божество, Вы — сущий дьявол.
Я Вас ищу, от Вас бегу.
Я не люблю Вас и люблю.

Мурашки носятся по моему телу, поскальзываясь, сталкиваясь друг с другом, даже повизгивая. Как же так! Павла Борисовна клятвенно обещала мне… Начинаю остро ощущать свою тактическую ошибку: я выбрала не то платье. Это вечернее платье в стиле Чикаго, откровенно смелое, на грани дерзости. Оголенные плечи, длина выше колена, серебряная бахрома, облегающий грудь и талию черный гипюр, стразы по вороту.

Холодильник не просто пожирает меня глазами, он меня давно сожрал и теперь жадно и раздраженно обгладывает кости. Встречаюсь с испуганными глазами Павлы Борисовны, и понимаю, что она удивлена не меньше меня. Значит, он ее обманул. Хотя… Зачем ему это? Римма Викторовна подтвердила версию Павлы Борисовны:

— Сегодня у Александра Юрьевича деловой ужин с партнерами. Он не придет на наш вечер.

Кот из дома — мышки в пляс! Ленка привезла мне это черно-серебряное платье и с сомнением сказала:

— Дресс-код на праздники, разумеется, не распространяется. Но если ты пытаешься не привлекать к себе внимание, то выбрала не ту модель.

— Холодильника не будет! — напеваю я освобожденно, вертясь у зеркала. — Давай прическу придумывать.

Ленка придумывает "львиную гриву" и долго завивает мне волосы для крупных локонов.

— Теперь ты голливудская звезда! — уверенно награждает меня титулом мой домашний модельер и визажист, посыпая золотистой пудрой мою шею, плечи и руки.

Теперь же именно эти оголенные участки моего тела сканирует недобрым взглядом недовольный Холодильник. Во время легкого ужина кусок не лезет мне в горло. Ни деликатесные закуски, приготовленные Павлом Денисовичем, ни хрустально-ледяной розовый брют, который услужливо подливает мне Димка, не лезут в горло под тяжелым, чугунным взглядом. Когда начинаются танцы и конкурсы, воспользовавшись тем, что Холодильника отвлек Прохор Васильевич, атакованный желающими танцевать сотрудницами и откровенно прячущийся за Хозяина, я ускользаю к лестнице. Трусливое решение бежать и переодеться руководит мною, хотя я ругательски ругаю себя за это. Забегаю в кабинет, чтобы поменять туфли, и застываю соляным столбом. Весь кабинет в

каллах, белых, красных, желтых, даже фиолетовых, стоящих в прозрачных высоких вазах-стаканах. Когда за спиной раздается дверной скрип, я не оборачиваюсь, я и так знаю, кто это.

— Я боялся, что вы не зайдете в кабинет, а спрячетесь в свою нору, — бархатный шепот обжигает шею сзади.

— Вы можете чего-то бояться? — тоже шепотом не верю я ему.

— Хорошо, опасался, беспокоился, — поправляется он и кладет ладони на мои плечи.

— И эти слова вам не подходят, — не сдаюсь я, чувствуя, как нахальные мурашки наперегонки лезут на мои плечи под его теплые ладони погреться.

— Почему? — лениво удивляется он.

— Потому что они человеческие, — нервно сглатываю я. — А вы…

— А я? — мужские губы едва касаются моего затылка. — Не человек?

Очень хочется сказать "Холодильник", но я не решаюсь.

— А вы… черствый и холодный, — придумываю я ответ.

— Странно, — кожей головы чувствую, как он улыбается. — Странно, что черствым и холодным меня называете именно вы… Вы, с которой я такой мягкий и горячий.

То, что горячий, чувствую и боюсь. Выныриваю из-под рук Холодильника и, отступив на пару шагов, поворачиваюсь.

— Мягкий? — возмущаюсь я. — Вы?

— Но мы же говорим обо мне, — напоминает Холодильник, сократив расстояние между нами. — Вы не замерзли? Не хотите согреться?

— П-почему я должна замерзнуть? — заикаюсь я.

— На вас почти ничего не надето! — идет в наступление Александр Юрьевич, интонация которого из бархатной превращается в стальную.

— Это платье Чикаго! — задыхаюсь я от возмущения. — Я на праздник пришла! Я не на работе!

— Это не платье! — скалится Холодильник. — Это кусочек прозрачной тряпочки, не оставляющий простора воображению!

— Просто у вас скудное воображение! — огрызаюсь я.

— Неужели?! — меня рывком прижимают к себе. — Не нужно быть обладателем богатого, чтобы заметить это… (он гладит меня по шее), это… (ладони опускаются на шею), это (обводят грудь, не прикасаясь), это… (крепко ложатся на талию).

— Это… — я еле сдерживаюсь, чтобы не рвануться из его рук и не спровоцировать на большее. — Это у меня в наличии в любой одежде.

— В этом и проблема. — тяжело дышит Холодильник, прижимаясь губами к моей шее.

— От-пус-ти-те! — чеканю я слоги. — Вас не должно касаться ни мое ретро- платье, ни части моего тело под ним. Пересчитывайте их у своей невесты.

— Не стоит ревновать, хотя мне неожиданно приятно, — шепчет мне на ухо Холодильник.

— Это ваша забава, а не моя! — упираюсь руками в твердую широкую грудь.

— Да. — неожиданно легко соглашается Холодильник. — Я ревнив. До недавнего времени думал, что лишен этой способности.

— Вы выбрали не тот объект для своей ревности, — искренне уверяю я Хозяина.

— Но я уже выбрал и настойчиво рекомендую вам переодеться, — серьезно и строго говорит Холодильник. — Вокруг вас слишком много мужчин с богатой фантазией, и меня

это… раздражает.

— Последний раз вы настаивали на том, что я не должна целоваться, — напоминаю я вежливо своему работодателю. — Теперь же вам зачем-то нужно, чтобы я скромнее одевалась и вне работы. Вам не кажется, что вы, как минимум, не имеете на это никаких прав, а, как максимум, вообще нарушаете мои права свободного человека.

— Все мы не свободны! — философски замечает Холодильник, никак не поддержав мой "Биль о правах".

— А я хочу свободы! — кричу я. — Мне надоел Евгений. Он меня раздражает, а я его.

— Он вас чем-то обидел? — мгновенно напрягается Холодильник.

— Нет! Не обидел! — бешусь я. — Скоро я сама его обижу. Зачем вы его ко мне приставили?

— Потому что сам не могу находиться рядом, — тихо отвечает Холодильник. — И потому, что не могу допустить, чтобы кто-то был рядом.

— Вы ничего этим не добьетесь! — устало отвечаю я. — Я вам это уже говорила.

— Мне верится, что добьюсь, — не соглашается со мной Александр Юрьевич.

— Как?! Как?! — снова кричу я. — Как вам хватает стыда за несколько месяцев до свадьбы добиваться расположения другой женщины?!

— Свадьбу мы перенесли, — быстро отвечает Холодильник.

— Куда перенесли? — дурею я от его слов.

— На неопределенное время, — машет он рукой и тянет ее ко мне.

— Прекрасно! — меня начинает трясти от злости. — Ради меня вы перенесли свадьбу и женитесь чуть попозже? Так?

— Почти, — хмурится Холодильник. — Что не так?

— Да все не так! — смеюсь я, почти плача. — То, что вы устроили мне — преступление! Вы пользуетесь тем, что я не могу рассказать обо всем Светлане или Кириллу Ивановичу.

— Пользуюсь, — соглашается Александр Юрьевич. — Но вы можете рассказать, если очень хочется.

— Не могу! — кипячусь я. — Что они обо мне подумают? И что подумаю о себе я? Вы слепы и глухи!

— Это вы нечетко видите, — возражает Холодильник. — Вы до сих пор не заметили целых сто одну каллу.

— Заметила! — ехидничаю я. — Странный выбор цветка. Или вы осознаете свою роль в этом спектакле?

— Роль? — не понимает меня Холодильник.

— Вы знаете притчу о каллах? — с сомнением спрашиваю я мужчину.

— А есть такая притча? — мягко спрашивает он.

— Есть! Об африканской девушке из бедной семьи, которую насильно выдали замуж за старого вождя. Чтобы не отдать себя в ненавистные руки, девушка бросилась в костер, мечтая свести счеты с жизнью. Но боги сжалились над ней и превратили ее в прекрасный белый цветок, — гордо рассказываю я.

— И поэтому каллы стали символом свадьбы и взаимной любви? — усмехается Холодильник. — Всегда считал, что в притчах и легендах нет логики. Зато знаю, что они и цветы жизни, и цветы смерти. Но я в этот символизм не верю. Я их выбрал за элегантность и красоту. Они мне напомнили вас.

Я подозрительно замираю, услышав настоящий комплимент.

— Дешевый трюк, — фыркаю я. — Мне не двадцать лет, чтобы на него покупаться.

— Жаль! — констатирует Холодильник. — Все было бы намного проще. Не будем тратить время, переодевайтесь!

— Как вы себе это представляете? — стыдно, но я опять кричу. — Я ушла в одном платье, вы ушли за мной. А потом мы вернулись, а я уже в другом платье?

— Хороший план! — одобряет Холодильник. — Вас проводить до квартиры?

— Вы на учете у врача-психиатра не состоите? — ласково интересуюсь я.

— Нет, — пожимает плечами Холодильник. — Но верно иду в этом направлении.

Александр Юрьевич идет к дверям и открывает их, беся меня своим фирменным. приглашающим на выход жестом.

— Вы серьезно? — не верю я в происходящее.

— Более чем. — кивает Холодильник. — Вперед!

— Я не пойду! — протестую я, но почему-то писком. — И вы не заставите меня переодеться!

И через секунду оказываюсь прижатой к стене. Руки Холодильника смыкаются на моей шее, но не больно, а нежно.

— Нина Сергеевна! — губы Холодильника говорят прямо в мой рот. — На вашем месте я бы так не рисковал. Вы настойчиво вызываете во мне желание вас переодеть. Впрочем, я согласен.

Поцелуй начинается как легкое приглашение, за несколько секунд превращаясь в настоящее нападение. Когда я. по сложившейся традиции парализованная, начинаю это осознавать, поцелуи превращаются в настоящее сумасшествие, сильные, глубокие. болезненные.

— Саша! Ты у Нины Сергеевны? — голос Светланы из приемной отрывает меня от Холодильника, хотя мужчина пытается меня удержать и просит меня молчать, прижав к моим губам палец.

— Светлана! — радостно кричу я, в порыве вдохновения закусив его палец зубами.

Большие карие глаза Холодильника становятся бездонными и черными. Он не отрываясь смотрит на свой палец, а мне не хватает ума разжать зубы. Александр Юрьевич успевает опомниться первым и, осторожно проведя ладонью по моей щеке, с усилием отбирает палец.

Красивая, в модном белом кашемировом пальто, Светлана напоминает готовую невесту.

— Саша! Я успела! Я успела хотя бы к концу вашего праздника! — приветливо махая мне рукой. в кабинет входит Светлана Кирилловна.

— Я вижу, — спокойно отвечает ей Холодильник, глаза которого по-прежнему отражают черную бездну.

— Потанцуем? — кокетничает Светлана, вцепившись в локоть жениха, почему-то перенесшего дату свадьбы.

— Ты знаешь, что я не люблю, — брюзжит Холодильник.

Пробираюсь к дверям.

— Вы куда?! — рявкает Холодильник. — Вы недослушали мое последнее распоряжение.

— Как раз дослушала, — уверяю я его. — И пошла выполнять.

Фиолетовую мини-юбку и черную атласную блузку с запахом я нахожу быстро.

Желание выбесить Холодильник меня пугает, но не останавливает. Трачу время на переделку прически: распускаю волосы и тщательно их расчесываю.

Когда в новом наглом образе я спускаюсь в кафе. то вижу танцующих медленный танец Светлану и Холодильника. Рассеянный отрешенный взгляд Холодильника бродит по залу и останавливается на мне.

Фиолетовая юбка играет свою роль просто безупречно: расслабленная ладонь Холодильника на талии Светланы резко сжимается в кулак, лицо каменеет. подбородок становится еще квадратнее. глаза загораются бенгальскими огнями.

Димка усмехается. Костик потирает руки, Римма Викторовна охает и только Дарья Владиленовна по-матерински нежно смотрит на меня и на Александра Юрьевича и почти хлопает в ладоши.

Встречаюсь глазами с губами Холодильника. которые говорят одно слово. прекрасно читаемое даже издалека: "Убью!"

Глава 21. Фиолетовая юбка

Ревнивцы не нуждаются в поводе:
они часто ревнуют совсем не по поводу,
а потому что ревнивы.
Уильям Шекспир

— А он? А ты? А он? Да ладно! Вот фрукт! — короткие реплики моей подруги Ленки время от времени прерывают мой эмоциональный рассказ о вчерашнем празднике в агентстве.

Вечер праздничного дня мы проводим вместе: сидим на моей кухне и допиваем розовый брют. который не лез мне в рот вчера. А сегодня ничего — третий бокал заливается легко и бодро.

Вчерашний вечер стал для меня настоящим потрясением и новым уровнем наших странных. паранормальных отношений с Холодильником. Считав с уст Хозяина "Убью!", я криво улыбнулась (от страха), гордо выпрямилась (от злости) и плавно прошествовала (от безысходности) к своему столику, за которым сидела с Димкой и Костиком.

— Восхищен! — зубоскалит Димка, измеряя наглым взглядом длину моих ног и оценивающе присвистывая.

— Я предполагал, что они длинные и стройные, — задумчиво тянет удивленный Костик. — Но одно дело думать, другое — видеть! Я в ауте!

— И мы оба — трупы! — испуганно констатирует Димка. поймав выражение глаз Холодильника. — Срочно делаем скучающие лица! Пошла ты со своими ногами, Симонова-Райская!

— Куда? — шиплю я, деланно улыбаясь.

— На все четыре стороны! — искренне отвечает Димка. — Я профессиональный трус! Мои кубики на прессе — детский сад против кулаков Хозяина.

— До его кулаков дело вообще не дойдет! — картинно паникует Костик, для храбрости выпивая рюмку текилы. — Нас вырубит одним ударом его охрана. Ты Нинкиного Евгения видел?

— Он не мой, он Холодильника! — слабо протестую я, опасаясь смотреть на Хозяина.

— Правильно, не смотри! — нервно хихикает Димка. — Он жжет напалмом. Мы уже не в счет. Но и от тебя горстка пепла должна остаться. Как там в детстве говорили? Ноги выдернет и спички вставит! Гарантирую!

— Я бы тоже выдернул! — неожиданно подцакивает пьяненький Костик. — Смотри, Прохора Васильевича на твоих ногах заклинило. Мои айтишники все теперь твои рабы.

Кошу глаза направо: программисты из отдела Костика, четверо молодых мужчин, понимающе мне улыбаются и даже подмигивают. Погорячилась ты, Нина, с фиолетовой юбкой… Хотя… Позвольте!

— Марину из рекламного кто-нибудь видит?! У нее юбки вообще как будто нет! — вяло возмущаюсь я.

— Для Маринки — это норма. За времена дресс-кода прошлые ее наряды еще не забыты. — доходчиво, словно маленькому ребенку, объясняет Димка. — А ты, мать, так нас раньше не баловала.

Он, конечно, прав. Эта юбка у меня вообще случайно оказалась: мы с Ленкой летом

хотели по ночным клубам искать ей олигарха вместо гада Витьки. Надо признать, что с юбкой я промахнулась, как чуть ранее с платьем Чикаго. Теперь, кроме хорошей мины при плохой игре, и рассчитывать не на что.

— Мне кажется или Хозяин смотрит на меня? — нервничает Димка. — Точно смотрит! Решает, как меня убивать будет, медленно или быстро.

— Выбирай, чтобы быстро! — серьезно советует почти протрезвевший Костик.

— Еще пытать могут…

— Прекратите, придурки! — шиплю я на них, опрокидывая второй бокал сухого белого вина. — Димка! Зачем он на тебе смотрит?

— Будь я проклят! — Димка почти трет глаза. — Он посмотрел на меня, на свою Светлану и снова на меня. Кто ему рассказал, что она мне нравится?!

— Дурак! — успокаивает его Костик. — Он тебе явно намекает: как только начнется новый танец, ты должен пригласить Светлану.

— Зачем? — не понимает Димка. — Я, конечно, не против, только зачем ему просить меня танцевать со своей невестой?

— Для ее нейтрализации! — важно говорит Костик, весело салютуя мне рюмкой текилы. — Смешные вы! Все ясно как божий день! Димка танцует со Светланой, и ему можно будет пригласить нашу Нинку.

— Я не пойду, — пищу я, запивая писк третьим бокалом.

— Интересно было бы посмотреть, — смеется Костик. — И привлечешь внимание своим отказом? Разозлишь его еще больше? Дашь понять Светлане, что вас с Хозяином связывает нечто большее?

Все, что говорит Костик. заставляет меня втянуть голову в плечи, но я вовремя соображаю, что прятаться нельзя. В конце концов, юбка — мой флаг, знамя моего протестного партизанского движения. Какой там девиз у партизан? Правильно! Чтобы земля горела под ногами врага! Ни воды ему. ни еды. ни воздуха!

Кокетливо и томно улыбаюсь Димке и перекидываю ногу на ногу.

— Отвали. Нинка! — возмущенно шепчет мой личный трусливый помощник. — Я еще лет семьдесят жить планировал, причем со всеми конечностями, что у меня есть на данный момент!

— Иди! — советует Костик другу. — Я твою шкуру спасаю. Иди к Светлане! Димка покорно встает и, нарисовав смелую улыбку, идет к столику Холодильника.

— Подошел. Пригласил. Разрешили. — докладывает мне. сидящей спиной к происходящему, Костик и громко восклицает. — Что я говорил!

— Что?! — пугаюсь я.

— Он идет сюда! — зловеще шепчет Костик. — Я же говорил…

Но Костик не успевает договорить того, о чем он мне говорил. потому что за моей спиной кто-то стоит. судя по поднятым вверх глазам моего приятеля.

— Добрый вечер, Александр Юрьевич! — хитро произносит Костик. явно наслаждаясь ситуацией.

— Добрый! — недобрым голосом подтверждает Холодильник и. положив руки на спинку моего стула, спрашивает. — Разрешите вас пригласить. госпожа Симонова-Райская?

— Меня? — хрипло переспрашиваю я, не поворачиваясь. — Я не танцую. У меня болит… голова.

— Ну не нога же! — вежливо перебивает меня Холодильник. — А голова пройдет.

Он берет меня за локти и вытаскивает из-за стола. уводя танцевать.

— Вы же не любите танцевать?! — огрызаюсь я, выбрав сицилианскую защиту, защиту нападением.

— Ненавижу! — мрачно подтверждает Холодильник. — Но мне надо успокоиться для вашей же безопасности.

— Даже ревнивые мужья и женихи так себя не ведут! — говорю я верхней пуговице его рубашки. вздрогнув, когда он обнимает меня за талию. крепко и сильно.

— Возможно. — соглашается Холодильник, осторожно ведя меня в танце. — У меня нет опыта в этих статусах.

— Ваша невеста танцует с привлекательным молодым человеком, — ехидно говорю я. — Не боитесь, что уведет?

— Не боюсь. — быстро и просто отвечает Холодильник. — Он не посмеет, она не захочет.

— Как вы уверены в себе! — иронизирую я.

— Не в себе — в них, — поправляет меня Холодильник. — В себе я не просто не уверен, я себе сейчас не доверяю.

— Вот видите! — радуюсь я. — Вам не доверяет уже два человека. А если мы проведем опрос сотрудников…

— Прекратите меня злить! — шипит Холодильник. — Вы достаточно меня разозлили, чтобы подливать масло в огонь.

Три бокала сухого белого на голодный желудок творят чудеса.

— У меня еще есть шорты, кожаные, коричневые, — доверительно сообщаю я ему на ухо.

Холодильник вздрагивает и морщится:

— Я понимаю, что вы издеваетесь, но и вы должны понять: не в ваших интересах меня подначивать.

— А что в моих интересах? — спрашиваю я, встречаясь с его глазами.

Он долго смотрит на меня, не отвечая, потом говорит:

— Мы можем подняться к вам. Мы можем поехать ко мне. Мы можем полететь в Париж. Или Лондон. Или Мадрид. Мы можем остаться в агентстве на ночь, если вы никуда не хотите.

От ужаса я даже некрасиво открываю рот. Со стороны, наверное, кажется, что он меня чем-то напугал, потому что танцующий со Светланой рядом с нами Димка с тревогой смотрит на меня и вопросительно приподнимает брови. Светлана же встречается взглядом со мной и приветливо улыбается. Она что, слепая или глупая?! Что за странное смирение?! Бесит уже! Вот мне ее уже не жалко!

— Идите к черту! — рычу я.

— Значит, вы не для меня подобрали такую милую юбку? — скалится Холодильник.

— Не стоит считать все, что происходит вокруг вас, относящимся к себе, — важно поучаю я Хозяина, остро чувствуя, как его широкие горячие ладони прожигают ткань моей блузки до кожи, почти оставляя ожоги.

— Все, что происходит вокруг вас, непосредственно касается меня, — не соглашается Холодильник, перемещая правую руку на мой позвоночник и начиная большим пальцем поглаживать мне косточку.

— Прекратите! — шепчу я. — Люди заметят. И решат, что у нас с вами отношения.

— Неужели? — ухмыляется Холодильник, продолжая поглаживания. — Вас это смущает?

— Меня это бесит! — честно говорю я, вздрогнув от новой позвоночной ласки.

— Ни я, ни вы, ни, наконец, ваша Светлана — мы все этого не заслужили.

— Вы не переборщили с количеством участников? — большой палец Холодильника рисует эротические вензеля вдоль моего позвоночника.

— Количество вы определили сами, — говорю я сквозь зубы. — Послушайте, на нас смотрят мои коллеги и близкие друзья.

— Вижу! — холодно отвечает Холодильник. — Молодые люди уже полчаса не отрывают глаз от ваших ног. Вы же этого добивались?

— Я добивалась свободы! — гордо трясу распущенными волосами. — И я ее добьюсь! Отзывайте своего Евгения и дайте мне возможность работать так, как я привыкла. Одеваться так, как мне хочется. Целоваться с тем, кто мне нравится.

На слове "целоваться" руки Холодильника дергаются. Музыка заканчивается, но вместо того, чтобы вести меня к моему столику, Александр Юрьевич, клещами держа меня за локоть, с невозмутимым выражением лица ведет меня мимо моего столика в фойе, а оттуда к лифту. Торможу всеми конечностями, вцепившись в лацканы его пиджака.

— Отпустите! Что вы делаете?! Нас все видели!

— Мы просто поговорим о вашей манере одеваться, — ворчит невозмутимый Холодильник.

— Просто поговорим? Вы обещали меня убить! — напоминаю я, тормозя ногами.

— Одно другому не мешает, — подтверждает Холодильник, легко преодолевая мое сопротивление. — Сначала поговорим, потом я вас убью.

— На лифте не поеду! — почти визжу я. — Вдруг он застрянет!

— Да пожалуйста! — фыркает Холодильник и тащит меня на лестницу.

Перед дверью кабинета Евгений, серьезный и молчаливый, как всегда. Встает по стойке смирно и молча смотрит на Хозяина, затаскивающего меня в приемную.

— Никого и ни при каких обстоятельствах! — сурово отдает команду Холодильник.

— Так точно! — по-военному отвечает Евгений, не удержавшись и отпустив взгляд на мои ноги.

— Отставить! — рычит Холодильник и буквально впихивает меня в кабинет. Здесь темно и прохладно. Александр Юрьевич включает свет и осуждающе смотрит на меня. Не на всю. Только на ноги.

Машинально одергиваю короткую юбку и натыкаюсь на ехидные слова:

— Вряд ли от этих судорожных движений она станет длиннее.

— Вы меня смущаете! — обвиняю я.

— Неужели? — почти смеется он. — Вас можно смутить? Скромные девушки думают об этом заранее.

— Вы намекаете, что я нескромна? — поражаюсь я. — Скромность не определяется длиной юбки.

— Зато от ее длины напрямую зависит мое настроение, — нахально отвечает Холодильник.

— Следите за Светланой и ее юбками! — говорю я, сложив руки на груди.

— Мне безразлична длина ее юбок, — хрипло говорит Холодильник. — Абсолютно.

— Вы загнали меня в угол! — огрызаюсь я, как крыса в мышеловке. — Но даже это не

заставит меня уволиться или согласиться на ваше неприличное предложение.

— Что же в нем неприличного? — искренне удивляется Холодильник. — Мы взрослые совершеннолетние люди и можем делать все, что захотим.

— Замечательное ключевое слово — захотим! — кричу я. Что ж такое! Я с ним все время кричу. — А я не хочу!

Холодильник выбрасывает вперед руку и берет меня за шею, притягивая к себе.

— Вы лжете! — шепчет он. — Вам так же непросто, как и мне. Просто вы лучше справляетесь.

— С чем? — шепчу я в ответ.

— С чувством, с влечением, с тягой, невыносимой тягой, — шепчущие губы неумолимо приближаются.

— У меня нет никакой тяги, — из последних сил сопротивляюсь я этой самой тяге и его словам. — У вас мания, вожделение. Это страшная ошибка.

Руки Холодильника ложатся на мою спину, снова прожигая до голой кожи.

— Возможно, это лучшая ошибка в моей жизни, — серьезно говорит Холодильник и забирает в плен мои губы.

Мое сердце колотится так, что я слышу этот стук совершенно отчетливо. У меня впервые получается не застыть в параличе, а тут же оттолкнуть Хозяина.

— Вы хотели поговорить и убить! — тяжело дыша, напоминаю я. — Вернемся к моей одежде. Так что там с моей юбкой?

— Она безобразна! — Холодильник дышит не менее тяжело. — Ноги прекрасны. Но мне не нравится, что это видно не только мне.

— Я все поняла, — усиленно киваю и спиной отхожу к дверям. — Договорились. Если вам так хочется, все юбки будут до колен и длиннее. Голову платком покрывать не надо? Могу не пользоваться косметикой, чтобы вы не волновались.

— Куда вы отползаете? — хмурится Холодильник. — Не надо утрировать. Вернитесь! Евгений вас все равно не выпустит.

— Да вы просто какой-то восточный князек! — мой вопль раздается эхом по кабинету. — Я хотела закончить все миром, но вы же невменяемый!

Рывком открываю дверь. В дверном проеме стоит Евгений, перекрывая собой выход из кабинета. Сначала Евгений безэмоционально смотрит мне в глаза, потом взгляд опускает на мои ноги.

— Глаза! — команда Евгению.

— Дверь! — команда мне.

— Саша!

Нет! Светлане Кирилловне надо вручить приз за самое своевременное появление!

Невеста Холодильника появляется в приемной.

— Ты опять работаешь? Ты обещал мне три танца, — девушка нервно и виновато улыбается.

— Я учту все ваши замечания, — вежливо склоняю я голову перед Хозяином и быстро сбегаю в свою квартиру, чтобы больше из нее не высовываться.

Слегка кружится голова, и проблемы вчерашнего вечера уже не кажутся проблемами. Мы с Ленкой допиваем вторую бутылку розового брюта и решаем веселиться дальше.

— Я сейчас позвоню Женьке! — предлагает мне Ленка.

— Какому Женьке? — туплю я. — Моему охраннику Евгению?

— Дура что ли? — хихикает Ленка. — Моему Женьке, ну, бармену из "Уховертки", помнишь?

— А! Этому? Помню, — подтверждаю я, чрезвычайно развеселившись, что обоих молодых людей зовут Женями. — А зачем? Мы идем в "Уховертку"?

— Нет! Мы идем в ночной клуб "Лакмус". Женька там подрабатывает по праздникам. Проведет. Оторвемся! — убеждает меня Ленка.

— Ага! — куксюсь я. — А мне потом оторвут все, до чего дотянутся. Да и мой Евгений меня не выпустит ни в какой клуб!

— Спокойно! Тетя Лена знает свое дело! — Ленка выходит на площадку, где сидит на стуле и с умным видом читает журналы о кулинарии (других у меня не было) Евгений.

— Евгений! Не могли бы вы принести из холла пальму? — Ленка встает перед охранником.

— Пальму? — недоверчиво уточняет Евгений, подозрительно глядя на меня и Ленку.

— Пальму. Ту, которая возле кресла Дарьи Владиленовны, — Ленка берет Евгения за локоть и заглядывает в глаза. — Понимаете, дружок, она заболела.

— Дарья Владиленовна? — спрашивает Евгений.

— Нет. Пальма. Заболела пальма. Ее поливать надо каждый час с лекарством. Ну, не ходить же Нине Сергеевне так часто вниз. А ночью как быть? — сокрушается Ленка.

— Ночью? — пугается Евгений.

— Поливать надо и ночью. По будильнику, — объясняет терпеливо Ленка.

— Я могу пальму в квартиру принести, — находчиво предлагает Евгений, как будто пару минут назад не об этом попросила Ленка.

— Прекрасная мысль! — благодарит Ленка и целует Евгения в щеку.

— Он ее не сможет принести! — смеюсь я. — Ее слон не поднимет.

— Чудесно! — радуется Ленка. — А мы с тобой через подъезд и в "Лакмус". Пока он опомнится…

Громкая клубная музыка почти не позволяет разговаривать. К нам за столик через полчаса после нашего прихода просят разрешение подсесть двое высоких симпатичных мужчин спортивного телосложения.

— Пожалуйста-пожалуйста! — стонет Ленка, с которой мы опять допиваем бутылку шампанского. — Чур, блондин мой!

Правда, через десять минут оказывается, что блондин все-таки… мой. На Ленку он никак не реагирует. Зато брюнет охотно общается с моей подругой и делает ей смешные комплименты.

— Леночка! Вы красивы, как моя мама! А моя мама была мисс своего факультета.

— Агроном-животновод? — хмурится Ленка.

— Почему? — обижается брюнет Виталий. — Журфака.

Молодые люди оказываются хоккеистами, отмечающими очередную победу в клубе.

— Потанцуем? — вежливо спрашивает меня блондин Алексей. У него оригинальная современная прическа: сама стрижка короткая, а на шее длинные локоны. Это чтобы из-под каски видно было! — догадываюсь я.

— Потанцуем! — соглашаюсь я, и мы выходим на танцпол.

Так и перемежаем шампанское с танцами. Хоккеисты Алексей и Виталий покупают нам еще одну бутылку.

Последний медленный танец становится очень чувственным и почти интимным. Аромат парфюма Алексея с хвойными нотками почему-то кружит голову. Голубые глаза кажутся васильковыми глазами принца. Белокурые локоны умиляют до приступа нежности, и я пропускаю их сквозь пальцы. Алексей наклоняется к моему лицу, проводит большим пальцем по моим губам и осторожно спрашивает:

— Можно?

— Можно, — шепчу я, вытягивая губы трубочкой.

Наклоняющееся ко мне лицо блондина Алексея расплывается и уходит в туман, вместо него всплывает лицо Холодильника и прожигающие насквозь почти черные глаза, открывающие путь в бездну. И я в нее с удовольствием ныряю.

Первыми словами, которые я слышу после выныривания, становятся слова Евгения:

— Была одна таблетка. Они бросили ее в шампанское. Надо промыть желудок.

— Лицо не трогать. Ходить после должны сами. Не перестарайтесь! — это голос Холодильника, совсем рядом со мной.

— Слушаюсь! — ответ Евгения совсем издалека.

— Выпей! — из глубокого доброго сна меня вырывает настойчивый и злой голос Холодильника.

К моим пересохшим губам прикладывают прохладный стакан, вызывающий наслаждение этой своей прохладой. Жидкость неприятная на вкус. Через пару минут чувствую тошноту и головную боль.

Сильные руки поднимают меня и несут. Ванная комната. Это моя ванная комната! Крепкие пальцы берут за шею и наклоняют над раковиной. Меня долго и качественно рвет. Потом знакомые ладони прохладной водой моют мое лицо, доставляя удовольствие и прикосновениями и мягкостью воды.

— Залезай! — командует большой и смутно знакомый мужчина в черных брюках и белой рубашке с закатанными рукавами и открывает воду в душевой кабине.

— Платье, — напоминаю я старому знакомому, которого я не помню, но который мне точно нравится. Это я помню. — Надо снять.

— Не надо! — хрипло отказывается знакомый, чье имя я не могу вспомнить. Мое модное серо-голубое платье-рубашка намокает вместе с Ленкиным авторским бельем и французскими чулками. И когда сильная струя душевой лейки ударяет меня в лицо, затылок, шею. я вспоминаю, кто это.

— Вы?! — кричу я, отбиваясь от прохладных струй.

Глава 22. Барби-Русалка

Знаете, что меня пугает больше всего, кроме страха остаться одному?
Провести всю жизнь не с тем человеком.
Бернард Шоу

Бледная испуганная Ленка, приехавшая ко мне на следующий день, и вполовину не так бледна, как я. Меня без специального грима можно брать хоть в массовку фильма про зомби, хоть в театр на главную роль Гоголевской Панночки. Кожа лица бледная и какая-то прозрачная, круги под глазами сине-серые, а сами глаза тусклые и больные, хотя обычно яркие, голубо-зеленые, как у родительской кошки Генриетты элитной породы Русская голубая.

— Ужас какой! — причитает расстроенная Ленка. — Чувствую себя преступницей! Нинка, прости!

— За что? — вяло и незаинтересованно спрашиваю я, провожая Ленку в гостиную.

— Это ж я тебя потащила в "Лакмус", — виновато вздыхает подруга, осторожно присаживаясь ко мне на диван, на котором я сижу, закутавшись в огромный серый плед крупной вязки, и размышляю о смысле жизни.

— Заметь, я бежала впереди тебя добровольно, — пытаюсь я шутить.

Голова уже не болит: она пустая, как спелый арбуз, даже звенит так же. У меня просто нет сил, никаких и ни на что.

— Представляешь, какой гад твой Алексей! — заводится Ленка, облегченно обрадовавшись, что я не виню ее в последствиях нашего похода в клуб.

— Мой? — икаю я и снова начинаю пить теплую воду с лимоном.

— А чей? — удивляется вмиг рассердившаяся Ленка. — Я его выбрала, а он выбрал тебя. Твой!

— Ага! Чтобы отравить! — бурчу я, запивая недовольство приятно кислой лимонной водой. — Или ты забыла такую маленькую подробность?

— Не отравить, идиотка, — искренне бесится Ленка. — А добавить остроты ощущений! Ты же сама попросила, а теперь их твой Холодильник через свои связи в спецслужбах вообще посадит!

— Посадит? — глупо переспрашиваю я. — Сама просила? Не просила я никаких таблеток!

— А кто, выпив со мной вторую в клубе и четвертую за вечер бутылку шампанского, начал жаловаться, что ему не хватает чувственности и интима? — прокурорские интонации в голосе Ленки заставляют меня боязливо поежиться. — Кто задирал юбку и подмигивал несчастным хоккеистам? Вот так…

И Ленку скривило на левый глаз.

— Задирал юбку? — не верю я Ленке. — Я не могла…

— Еще как могла! — вдруг смеется Ленка, вспоминая вчерашнюю ночь. — Как увидела напротив нашего столика Евгения, так и разошлась не на шутку! Коленки оголила, к Алексею прижалась и стала просить у него чего-нибудь этакого!

— Оголилась, прижалась и этакого? — выбираю я из потока слов самые невероятные для меня.

— Мы с тобой последний раз напивались так… знатно на прошлый новый год, — мечтательно вспоминает Ленка. — Конечно, я не успела ни сообразить, ни увидеть, как этот Алексей тебе в бокал таблетку бросил. Даже Евгений в реальном времени не заметил, только потом по видеозаписи, я так поняла, они с твоим Холодильником увидели, что произошло. Но это было… эпично!

— Что это? — чувствую, как горячий стыд лишает последних сил.

— То, как Евгений яростно отрывал тебя от Алексея. То, как аккуратно передавал тебя Холодильнику. И то, как жестко охрана Холодильника разбиралась с бедными спортсменами, — перечисляет довольная Ленка.

— Прямо в клубе разбиралась? — поражаюсь я.

— Нет, конечно! — фыркает Ленка. — Помню, как Холодильник сказал Евгению: "Лицо не трогать. Ходить после должны сами. Не перестарайтесь!"

— Кошмар! — хватаюсь я за голову. — Какая-то маленькая таблеточка — и я чуть не разделась перед Холодильником!

— На такое количество шампанского? Неудивительно! — утешает меня Ленка и с любопытством спрашивает. — А почему не разделась?

— Он потащил меня в душ прямо в платье, твоем белье и чулках! — пожаловалась я.

— Моем белье?! Варвар! — вопит Ленка, вскакивая. — Почему не сняла?

— Я ему предлагала, — шепчу я и краснею. — Он не согласился и облил меня холодной водой прямо в одежде!

— Не согласился? — пораженная Ленка плюхается обратно на диван. — Это уже интересно! А как лечил?

— Лечил? — я пожимаю плечами. — Сначала дал выпить мерзкую воду, вызывающую рвоту, потом держал, как овцу, над раковиной, пока меня выворачивало наизнанку. Знаешь, как было больно и противно?!

Ленка смотрит на меня блюдечными глазами:

— Тебя рвало, а он стоял рядом?

— Стоял, держал, не давал разогнуться, умывал лицо, заставлял снова пить эту мерзкую гадость и снова держал, — меня передергивает от неприятных воспоминаний.

— Боже, Нинка! — всплескивает руками Ленка. — Это невероятно!

— Нет ничего невероятного в том, что перепившей женщине стало плохо! — снова краснею я.

— Красивый, богатый, просто невероятный мужчина вместо того, чтобы проводить время с влюбленной молоденькой невестой или на все согласной шикарной любовницей, возится с тобой во время весьма неприятных… процедур, — с придыханием говорит почему-то расчувствовавшаяся Ленка и даже всхлипывает, будто собирается расплакаться.

— В чем подвох? — туплю и не понимаю я. — Ты же помнишь, что он меня караулит и за мной следит? Кто орал о нарушении моих конституционных прав?

— Это было до того как! — активно защищается Ленка. — До того, как он повел себя так… так…

Ошарашенная моим рассказом, Ленка долго не может подобрать слова, а я не могу понять, что она хочет сказать.

— Нинка! Это любовь! — наконец выносит вердикт определившаяся подруга.

— С чего ты взяла? — сразу пугаюсь я. — Какая любовь? Страсть, может быть. Одержимость, вероятнее всего.

— Страсть к невменяемой и накачанной непонятно чем женщине? — недоверчиво сомневается Ленка и мотает головой. — Бред! Он мог тебя кому угодно перепоручить. Вызвать врачей. Меня попросить за тобой поухаживать. В конце концов, не бегать за тобой по клубам и не спасать от невольных соблазнителей. А лично спасать от отравления было вовсе не обязательно, только если…

Ленка таинственно молчит, подняв вверх указательный палец, а я, как загипнотизированная, смотрю на этот палец и жду очередного приговора.

— Только если он по-настоящему не влюблен! — подводит итог подруга, хлопнув по дивану ладошкой.

— Влюбленный чужой жених, — ворчу я и кутаюсь в плед. — Мне чужого не надо.

Ленка морщится и терпеливо продолжает говорить:

— Нин! Он уже был в статусе жениха, когда познакомился с тобой. Теперь ему непросто: надо куда-то невесту девать. Ты же не можешь не понимать, что для него это брак по расчету. Но он же отложил свадьбу!

— Невесту можно деть в жены! — находчиво подсказываю я выход. — Что и произойдет рано или поздно. Перенос свадьбы — еще один способ воздействовать на меня. Он решил, что я ему нужна. Это страсть и одержимость. Влюбленный мужчина мужественно поговорил бы со своей невестой и по-порядочному переключился бы на меня.

— Быстро только кошки родятся! — парирует Ленка. — Еще неизвестно, чего от тебя ожидать! Он невесту бросит, а ты все равно хвостом вильнешь и не ляжешь в его постель. Что ж ему договоренности нарушать!

— Цинично! — злюсь я до дрожи, совершенно забыв, что это Ленкина версия, а не признание самого Холодильника.

— Эй! — трясет меня Ленка за плечи. — Подруга! Это мой вариант. Один из…

— Есть еще? — уныло интересуюсь я.

— Конечно! У нас с Димкой есть общая идея, — начинает новый круг размышлений Ленка.

— Вы с Димкой нас обсуждаете? — не верю я своим ушам.

— Конечно! Еще как! — поспешно подтверждает Ленка. — Тебя в агентстве все обсуждают. У всех свои версии.

Кто б сомневался! Наше агентство как одна большая семья: все друг друга любят и уважают, позволяя себе информационно вмешиваться в события чужой личной жизни.

— И какие? — сдаюсь я на милость родного коллектива.

— Никто, кроме Маринки, не верит, что ты станешь любовницей хозяина при живой невесте-жене, — Ленка загибает первый палец.

— А Маринка? — сердито щурюсь я.

— А Маринка всех сопротивляющихся таким мужчинам женщин считает скудоумными и богом обиженными, — делится информацией пронырливая Ленка.

— Что еще говорят? — осторожно спрашиваю я.

— Дальше проще, — Ленка приготовила второй и третий пальцы. — Либо женится, либо нет.

— Конечно, женится рано или поздно! — соглашаюсь я с обеими версиями.

— Ты не поняла! — смеется Ленка, поправив выбившуюся из моего хвоста прядку волос. — На тебе женится или не женится!

Хватаю ртом воздух, словно аквариумная рыбка, вытащенная из воды.

— На мне? — пищу я, потеряв от испуга голос. — Почему на мне?

— А кого он преследует? — Ленка крутит пальцем у виска. — Кого ревнует не просто к каждому столбу, а к каждому мужчине, прошедшему мимо? Да Димка сон потерял от страха. Его с пристрастием допрашивал Прохор Васильевич.

— Что у меня может быть с Димкой?! — возмущаюсь я, обретя от злости громкий голос. — Кроме дружбы? Он же маленький! На три года меня младше!

— Так! — Ленка делает руки в боки. — Что за возрастная дискриминация?! Я тебя на два года старше, но Димка и мне подходит!

— Ага! Парочка! Гусь и гагарочка! — хихикаю я. — То-то вы грызетесь постоянно!

— Я теоретически! — отбивается Ленка. — А ты над моими словами подумай! Редкий мужчина твой Холодильник! И страсть у него к тебе настоящая. А из нее много чего как плохого, так и хорошего выйти может.

— Ничего хорошего из этого не выйдет! — пророчески говорю я, прощаясь с подругой.

Сегодня состоится самый странный и необычный праздник из всех, которые мне доводилось организовывать. Это день рождения Машеньки Костровой, четырехлетней девочки, у которой есть тетя, дедушка, странный отец и нет матери. А еще у нее есть маленькая детская страсть — куклы.

Приведенные в порядок "чердачные" красавицы и сам Александр Юрьевич Климов-младший — единственные гости за столом именинницы. Ее отец, высокий и худой молодой мужчина, очень похожий на Светлану, свою родную сестру, дедушка Кирилл Иванович и Светлана Кирилловна сидят за соседним столиком. Больше "человеческих" гостей у ребенка нет. Так захотела сама Маша.

Я и Полиночка Треухова в наряде Коломбины ведем этот необычный вечер по сценарию, который дался мне непросто. Детский праздник без детей. Условие именинницы.

Студенты театрального училища, от Буратино до Мальвины, проводят для Маши веселые подвижные игры, в которых она соглашается участвовать сначала с опаской, потом с все большей охотой. Я оказалась права: Маша никогда и ни с кем так не играла. Почему? Не понимаю.

Добрый, нежный взгляд Холодильника, которым он смотрит на свою будущую племянницу в течение всего вечера, как по мановению волшебной палочки становится острым и злым, когда он смотрит на меня. Меня, Барби-Русалочку. Ленкино ателье справилось с заказом великолепно: по Ленкиному же эскизу создана обтягивающая блестящая голубо-зеленая юбка-хвост в пол и топик-лиф, оставляющий открытыми плечи и живот. Прекрасно зная, что за открытый живот я получу десять лет лагерей без права переписки, Ленка закрыла его невесомой прозрачной тканью с блестящими вкраплениями. Судя по флюидам недовольства и раздражения, которыми сочится Холодильник, прикрытый живот меня не спасает. Видимо, условный срок я все-таки получу.

Наряженная в платье наподобие кукольной одежды, именинница Машенька и вправду похожа на дорогую фарфоровую куклу, ожившую в мире людей. Как и обещала, Светлана помогла Маше подготовить подарок для гостей — выученное наизусть стихотворение. Артистично и как-то по-взрослому девочка, поставленная на резную табуреточку, прочла:

Верещит в углу сверчок,
Дверь закрыта на крючок.
Я разглядываю книжку
Про хрустальный башмачок.

Во дворце веселый бал,
Башмачок с ноги упал.
Очень Золушке обидно
Покидать высокий зал.
Но она домой ушла,
Платье пышное сняла
И опять в тряпье оделась
И работать начала…
Стало тихо и темно,
Лунный луч упал в окно.
Слышу голос мамин милый:
"Спать тебе пора давно!"
Замолчал в углу сверчок.
Повернусь-ка на бочок -
Догляжу во сне я сказку
Про хрустальный башмачок.

Дедушка и тетя дарят Маше… хрустальные башмачки — итальянские прозрачные туфельки.

Холодильник удивляет меня, когда приглашает Машу танцевать, взяв девочку на руки. Она крепко обнимает сильную шею Шаши и счастливо смеется при каждом крутом повороте Холодильника вокруг своей оси. После танца Климов-младший встает на колено и дарит нашей живой кукле… кольцо с драгоценным камушком. Это изумруд.

Нежные пирожные в виде разноцветных бабочек подают всем, в том числе и семи куклам. Тоска и жалость сжимают мое сердце, вызывая першение в носу и горле. Это самый печальный праздник в моей жизни! Да по сравнению с ним торжественный развод Тарасовых — фестиваль юморины.

— Нина Сергеевна! — восхищенный тон в голосе Кирилла Ивановича слегка напрягает. — Это было великолепно! Так, как мы и хотели!

Элегантный дедушка Маши ведет меня в медленном танце и параллельно делает комплименты. Благодарно киваю головой, но ничего не отвечаю. Я в шоке. Без комментариев. Странно то, что вы именно так и хотели.

Танцующие рядом Холодильник и Светлана бесят меня самим своим существованием, а не только танцем, в котором Хозяин крепко прижимает к себе невесту и сверлит меня взглядом ревнивого мужа, наконец-то поймавшего изменницу-жену с поличным.

— Как русалочье платье удивительно окрасило ваши прекрасные глаза! — не унимается Кирилл Иванович. — Просто наполнило цветом!

Приклеиваю кукольную улыбку и снова ничего не отвечаю.

Кирилл Иванович неожиданно целует по очереди обе моих руки — и я начинаю бояться, что Холодильник на глазах у всех трансформируется в Чайник или Самовар. Еще не выбрала во что, но точно кипящее и выпускающее пар. Ожоги разной степени гарантированы.

Если я не придумаю, как справиться с одержимостью Хозяина, он скоро либо убьет меня, либо запрет в высокой башне от всего мира. И это не метафора!

— Это явно лишнее, благодарю вас, — мягко улыбаюсь я настырному мужчине, отбирая свои руки.

— Не откажете мне в удовольствии пригласить вас на ужин? — настаивает Кирилл Иванович, провожая к столику.

Няня и странный молчаливый отец увозят Машу домой, а мы, взрослые, остаемся "праздновать".

— Нина Сергеевна! — Светлана лучится счастьем. — Спасибо Вам за Машу. Она сегодня ляжет спать счастливой. Она год ждала кукольного дня рождения!

Пока я думаю, что ответить, Кирилл Иванович рассказывает всем:

— Нина Сергеевна согласилась поужинать со стареющим холостяком!

Мои глаза, по моим же подсчетам, должны были увеличиться вдвое, но то, что неинтеллигентно открылся мой рот, это совершенно точно.

Слова будущего тестя срывают Холодильнику последний предохранитель. В отражении карих глаз я уже посмотрела диафильм: моя мучительная смерть, прощание с моим бездыханным телом, девять дней, сорок, годины… Все как и положено…

Остаток вечера проходит так: Холодильник молчит и сердится, я сержусь и молчу, Светлана болтает без умолку, Кирилл Иванович сыплет комплиментами и шутками. Когда семейство Костровых отбывает из агентства вместе с Холодильником, мы с друзьями садимся пить чай с пирожными-бабочками.

— Платье какое удивительное! — улыбается Дарья Владиленовна. — Какая оригинальная идея!

— Это все Ленка! — хвастаюсь я талантами подруги. — Ее идея, ее исполнение!

— Ты супер! — хвалит Костик, съедая четвертое пирожное. — Но жалко тебя.

— Точно! — подхватывает Димка. — Шла бы переоделась. Вернется ведь… А сегодня полнолуние.

— Слушайте! — смеюсь я. — Я с декабря только и делаю, что постоянно переодеваюсь!

— Зато жизнь нескучная! — утешает меня Павла Борисовна.

— Обхохочешься! — мрачно подтверждаю я. — Пара часов у меня, наверное, есть…

В этот момент в кафе возвращается Холодильник.

— Госпожа Симонова-Райская, прошу вас подняться в мой кабинет.

Хозяин разворачивается и уходит.

— Ты кричи, если что, — усмехается Костик. — Я могу полицию вызвать.

— Глупости, — гладит меня по руке Дарья Владиленовна. — Идите, наша принцесса! Идите навстречу своему… начальнику. Нехорошо заставлять начальство ждать.

— Нинка! Подтверди при свидетелях, что свой письменный прибор ты завещаешь мне! — просит Димка.

— Перебьешься! — вяло шучу я и отправляюсь к Хозяину.

По дороге трусливо передумываю и на цыпочках пробираюсь в свою квартиру. Получилось!

В темноте сбросив туфли, прохожу в гостиную. Свет ночного города бьет в расшторенные окна, оставляя на полу ленивых фонарных зайчиков. Иду к дивану, стараясь на них не наступить. Блестки на ткани в свете уличных фонарей переливаются и превращают меня в сказочную принцессу.

Потягиваюсь и говорю блесткам:

— Эх! Где же мой принц, а? — и с размаху сажусь на диван.

Уже приземлившись вторыми девяноста, понимаю, что это не диван. Это чьи-то колени. Закричать не успеваю: широкая ладонь зажимает мне рот.

— Я здесь, моя принцесса!

— Вы?! — так далеко с места без разбега может в нашей семье прыгать только кошка Генриетта. Теперь и я.

Больно, очень больно ударяюсь о край журнального столика. От падения можно уберечься, расставив ноги, но в юбке такого фасона этого не сделать. Вскрикнув, шатаюсь и падаю прямо в руки вставшего с дивана Холодильника.

— Польщен! — усмехается он, включая торшер-шар. — И мечтать не смел, что вы сами упадете ко мне в руки. Думал, придется уговаривать пару часов. Сэкономим время.

— Как. Вы. Сюда. Попали?! — вырываюсь я. — Это моя квартира!

— Так же, как и в первый раз две недели назад, — напоминает он мне день, вернее, ночь моего позора.

— Это уголовно преследуемое деяние! — важно пугаю я его.

— Ваше очередное платье — вот деяние! — ожидаемо рычит Холодильник.

— Это смешно! — бросаюсь я в атаку. — Это костюм Барби-Русалочки. Куклы! Это сценарий! Это моя работа!

— Тысячи, сотни кукол, почему именно с голым животом? — в сироп сарказма Холодильник обмакивает каждое слово.

— Это любимая кукла Маши! — считаю нужным объясниться.

— Если бы вы сшили костюм с закрытым животом, ребенок бы и не заметил! — Климов-прокурор категоричен.

— Неправда! Просто костюм сделан один в один! Что непонятного? — криком парирую я. — Я же не собираюсь идти в нем в ресторан с Кириллом Ивановичем.

— Об этом вообще забудьте! — резко отрезает Холодильник.

— Послушайте, Александр Юрьевич! — я осторожно беру мужчину за локоть и придумываю, как поменять тему разговора. — Я так и не поблагодарила вас за помощь в клубе. Вы спасли меня от позора и чего-то большего.

Холодильник подозрительно щурится, не доверяя мне ни на грош.

— Вы орали, чтобы я катился к черту, — напоминает он. — Набросились на меня с душевой лейкой. Намочили.

— Была не в себе. Осознала. Прошу прощения, — приглашающий на выход жест копирую талантливо.

Холодильник хватает меня за талию и прижимает к себе, положив горячую ладонь на мой почти голый живот.

— Кирилл Иванович смотрел весь вечер только сюда. А я придумывал, как сдержаться и не напугать ребенка и персонал агентства, — шепчет Хозяин, начав гладить мой живот.

— Ваша ревность больна, дика и нелепа, — вздохнув, отвечаю я. — Мы друг другу никто.

— Вы для меня то, что я не готов делить ни с кем, — ладонь не останавливается, поглаживаниями вызывая дрожь во всем теле.

— Почему? — тихо стону я.

Этот стон вызывает дрожь, но уже не мою, а его сильного и большого тела.

— Потому что ты моя, — легко переходя на "ты", отвечает он, впечатав мое тело в свое, до боли, до нового стона.

— Почему? — снова спрашиваю я. — Кто так решил?

— Я. Я так решил. А я своих решений не меняю, — вторая рука спускается на мое

бедро, пострадавшее от встречи со столиком, и начинает ласково растирать место ушиба. — Надо намазать кремом. Снимите платье.

— А мое решение не учитывается? — с трудом справляясь с желанием вцепиться в лицо Холодильника, говорю я.

— Учитывается. Но только положительное, — усмехается мне в рот Хозяин, усиливая нажим на живот и на бедро.

— Это сумасшествие какое-то, — устало шепчу я.

— Вот с этим согласен, — кивает он. — Так что насчет платья?

— Нет. Не сниму, — отвечаю я, вырываясь и отступая на шаг назад. — Даже если вы посадите меня в этой квартире под домашний арест, вы меня не получите и за сто лет.

— Спорное утверждение, — почти смеется он надо мной. — Просто я и вполсилы не старался. Берегу ваши нежные чувства.

Звонок в дверь заставляет меня вздрогнуть. Господи! Почти ночь! Кто это может быть? Никто из Карповых. Без предварительного телефонного звонка они в дверь не позвонят. Ленка? Ночью? Вряд ли.

— Нина Сергеевна! Надо поговорить. Это срочно! — глухой голос за прочной дверью узнаваем. Кирилл Иванович.

Открываю рот, чтобы ответить, что не открою дверь. Но сказать ничего не успеваю. Холодильник прижимает меня к двери, закрывая рот поцелуем.

Следующие минуты, показавшиеся мне часами, тянутся бесконечно. Десять? Пятнадцать? Двадцать? Не знаю. Кирилл Иванович, не замолкая, что-то говорит на лестничной площадке. Холодильник целует меня. Лихорадочно, не останавливаясь ни ка секунду, не давая набрать воздуха в легкие.

— Нина! — настойчивый бизнесмен Костров начинает стучать в дверь. — Я не верю, что вы спите. Откройте, мне надо рассказать вам о Саше, Александре Юрьевиче. Холодильник замирает, на секунду оторвавшись от моих губ и встретившись со мной взглядом, потом снова целует болезненно вспухшие, истерзанные губы, но нежно, едва касаясь.

Но как только я хочу ответить Кириллу Ивановичу, поцелуй углубляется и становится почти безумным. Одной рукой Холодильник берет меня за горло, на другую наматывает мои распущенные русалочьи волосы.

Глава 23. Похищение

Я влюблен в тебя не больше, чем ты в меня, и не дай Бог, полюбить тебя, детка!
Маргарет Митчел "Унесенные ветром"

— Он запретил тебе, но ты все равно пойдешь? — недоверчиво уточняет Ленка, с которой я разговариваю по скайпу, дожевывая бутерброд с сыром и запивая горячим кофе.

Свой воскресный завтрак я начинаю поздно, поскольку ночь с субботы на воскресенье выдалась странной и тяжелой. Она загнала меня в тупик. Проникновение Холодильника в мою квартиру, его несдержанное поведение, слова о том, что он все решил и, несмотря на мое сопротивление и нежелание, все равно не отпустит. Сумасшедшие поцелуи под нескончаемый поток слов за дверью. И, наконец, мой эмоциональный срыв, напугавший меня и разозливший Хозяина.

Когда глубокий поцелуй Холодильника, схватившего меня за горло и за волосы, становится бесконечным, я вдруг начинаю ощущать возбуждающую тоску. Именно тоску. Странная все-таки штука — жизнь… Этот красивый, сильный, настойчивый мужчина так добивается моего ответного внимания, что, произойди это в другой ситуации, я бы сдалась после первой атаки. Такому напору вообще сложно сопротивляться. Победить можно только в двух случаях: если ты искренне и по-настоящему любишь кого-то другого или если ты… Нина Симонова-Райская, которая не может себе позволить пойти на обреченные с самого начала запретные отношения. Кто-то другой, может быть, и согласился бы, но я не могу. Воровать у судьбы даже наполненные такой страстью отношения — губить свое будущее, даже если его и нет.

Рука, схватившая волосы и оттягивающая мою голову назад, держит намертво. Рука же на горле совсем не давит, она ласкает, чувственно, страстно. Кожа под ней плавится и стекает под вырез лифа-топика Барби-Русалки. И когда ладонь Холодильника начинает опускаться за стекающей кожей под лиф, я взрываюсь. Бьюсь в его руках, как глупая курица, которую хозяйка уже поймала на суп и несет к топчану, чтобы отрубить голову. Занятый поцелуем рот издает громкие протестующие стоны. Руки лупят по всему, до чего достают. Прижатое к двери тело дергается без остановки. Услышав звуки борьбы, Кирилл Иванович за дверью громко говорит:

— Я слышу вас, Нина Сергеевна. У вас что-то случилось? Вы мне откроете? Раздосадованный моим сопротивлением, Холодильник ослабляет хватку, выпуская мое горло и мои волосы, но не отрывается от моего рта. И тогда я поступаю инстинктивно: я кусаю горячий и настойчивый мужской язык. Подавляя крик, Холодильник резко отпускает меня и шарахается в сторону. Карие глаза, ставшие фатально черными, горят неутоленной страстью и бешенством.

— Что вы делаете?! — шипит он.

— Нет! — шепотом кричу я. — Это что вы делаете?!

— Я хочу вас, — просто и категорично отвечает Холодильник, морщась и ворочая языком во рту.

— А я вас не хочу! — лаю я тем же срывающим голос шепотом.

— Вы лжете! — рычит Холодильник. — Вас трясет в моих руках!

— От раздражения, бессилия и ненависти, наконец! — парирую я, боясь повысить

голос, хотя очень хочется орать во все горло.

— Снова ложь! — отметает мои слова Холодильник.

— Да что ж такое! — обхватив себя руками и сдерживая дрожь бессильной ярости, отплевываюсь я. — Вы не слепой и глухой. Вы просто… тупой. Я не поддамся вам. Вам придется меня… изнасиловать.

Сказав последние слова, я тут же страшно пугаюсь, что сама подсказала Холодильнику выход из сложившейся ситуации.

— Кем вы меня считаете?! — злость, наполнившая глаза мужчины, потоком льется на меня, прижавшуюся к входной двери и скалящуюся на него, как пойманная в ловушку зверушка.

— Наглым, озлобленным, неудовлетворенным мужчиной, который считает, что ему все позволено, что он всего может добиться, стоит только захотеть, — быстро перечисляю я, испытывая удовольствие от каждого слова, поскольку он воспринимает их, словно пощечины, слегка дергая головой. — Вы не свободны. Но даже если…

— Что если?! — выражение лица Холодильника не предвещает ничего хорошего.

— Даже если, — упорно продолжаю я, — что-то пойдет не так, и вы не женитесь на Светлане, никаких отношений у нас с вами не будет. Я не хочу быть ни вашей невестой, ни вашей любовницей, ни женщиной на раз. Я не хочу иметь с вами никаких отношений, кроме деловых. По правде говоря, и деловые не хочу. Но в такие условия нас поставил ваш отец. От работы в агентстве я не откажусь, даже если им всегда будете руководить вы!

После небольшой паузы, в течение которой Холодильник сжимает и разжимает кулаки, мы картинно молчим и схлестываем в безмолвной битве острые взгляды.

— А я не откажусь от вас, даже если вы не будете работать в моем агентстве, — заканчивает спор Холодильник, показывая мне, что ничего не изменится.

— Кирилл Иванович! — кричу я, заставив Холодильник вздрогнуть от неожиданности. — Уже очень поздно. Я не открою вам. Позвоните мне завтра, пожалуйста, только попозже. Я планирую долго спать.

Лицо Холодильник каменеет и желваки ходят по нему, пугая меня своей жесткостью. Еще несколько минут проходят в молчании, за это время уходит Кирилл Иванович. Потом Холодильник движется к входной двери в ответ на мой демонстративный шаг в сторону. Звучит строгое предупреждение:

— Я не рекомендую вам встречаться с Кириллом Ивановичем,

— Почему?! — нахально выкрикиваю я, наслаждаясь тем, что уже можно привычно кричать на него. — Боитесь, что он узнает о том, что вы меня преследуете, или я узнаю о том, что таких, как я, в вашей жизни вагон и маленькая тележка?

— Я боюсь, что он заинтересован не в информации о вас или обо мне, а в вас самой, — отвечает Холодильник. — Поэтому я не разрешаю вам с ним встречаться.

— Вот так просто? — холодно интересуюсь я. — Не разрешаете? А если я не послушаюсь? Что будет? Вы меня… накажете?

— А вы проверьте, — пожав плечами, говорит Холодильник и уходит.

— Ты дура! — искренне говорит Ленка. — Зачем дразнишь быка красной тряпкой?

— Я добиваюсь свободы и добьюсь ее, — с набитым ртом говорю я. — Сегодня я пойду в ресторан с Кириллом Ивановичем. У меня к нему много вопросов. И про Машу, и про его интерес ко мне. Еще одного Хозяина в своей жизни я не выдержу.

— Евгений тебя не выпустит, — мрачно предрекает Ленка.

— Выпустит, — обещаю я. — У него нет приказов меня не выпускать. Только охранять. Я уже его спрашивала.

Полчаса назад я выскочила на площадку, где дежурил Евгений, и вместо "здравствуйте", выпалила:

— У меня сегодня много дел!

Евгений встал со стула и сдержанно ответил:

— Как скажете.

— Я пойду по делам, — строго предупредила я.

— Как скажете, — повторился Евгений, напряженно глядя на меня.

— У вас какой приказ? Никуда меня не выпускать? — настаивала я, вставая на цыпочки и заглядывая Евгению в глаза.

— У меня приказ сопровождать вас и охранять, — доложил охранник, отшатываясь от меня.

— Прекрасный приказ! — восхитилась я, похлопала застывшего Евгения по плечу и вернулась в квартиру.

— Ясно, — говорит Ленка, с беспокойством вглядываясь в мое лицо. — Куда идешь? Во сколько? Что одеваем?

— В пять вечера в ресторан "Сольди", — сообщаю я подруге то, что сказал мне позвонивший в полдень Кирилл Иванович.

— Жди. Сейчас все привезу! — обещает Ленка и отключается.

Я не разрешила Кириллу Ивановичу за мной заехать. В модный дорогой итальянский ресторан меня привозит Евгений, который провожает меня до дверей и возвращается в машину ждать. Кирилл Иванович в великолепном сером костюме и ярком синем галстуке уже ждет меня возле стойки администратора.

— Вы… прекрасны! — чувственно улыбнувшись, Кирилл Иванович откровенно осматривает меня с ног до головы. Именно в таком порядке. Потому что я в зеленом коктейльном платье, у которого несколько объемных юбок длиной до колена. Красные лакированные туфли на шпильке и красный клатч. Ленка, которая красила меня долго и тщательно, сделала акцент на губы. Они тоже красные.

— Слушай! Это настоящий вызов с твоей стороны. Если этот Кирилл Иванович проявляет интерес не к тебе, а как-то тебя собирается использовать в своих играх, то сегодня точно переключится на тебя! — Ленка вздыхает. — Ты уверена в том, что делаешь?

— Более чем! — грозно отвечаю я.

Теперь, стоя перед красивым зрелым мужчиной, которому нет еще и пятидесяти лет, я вижу, каким неподдельным интересом загораются его глаза.

— Спасибо, — спокойно и вежливо отвечаю я на комплимент. — Добрый вечер!

— Добрый! Простите, поражен, ослеплен вашей красотой и вкусом! — извиняется Кирилл Иванович, провожая меня к столику. Это отдельный кабинет в глубине ресторанного зала.

— Я позволил себе смелость сделать заказ на двоих, — лучезарно улыбаясь, говорит мужчина. — Думаю, вы не были в этом ресторане, и сразу хочу поразить вас здешней кухней.

— Это ваш ресторан? — догадываюсь я.

— Мой, — кивает Кирилл Иванович. — Вам нравится?

— Здесь красиво, — я оглядываюсь по сторонам, напрягаясь от того, что мы сидим не в общем зале.

— Не переживайте, — считывает мои мысли мужчина. — У меня самые добрые и искренние намерения.

— И в чем они заключаются? — спрашиваю я, посмотрев Кириллу Ивановичу прямо в глаза.

— Сразу к делу? Хорошо, — Кирилл Иванович откладывает вилку и салфетку.

— Вино или что-то другое?

— Вино, пожалуйста, сухое, белое, — прошу я, разглаживая свою салфетку. Мой бокал наполняется невидимым официантом, стоящим за моей спиной.

— Так в чем? — нетерпеливо напоминаю я, пригубив вино.

— Простите, ради бога, если я ошибаюсь, — аккуратно начинает Кирилл Иванович. — Но мне почему-то кажется, что Саша, Александр Юрьевич, проявляет к вам повышенный интерес. И я имею в виду не вашу работу на него арт-директором.

Я прекрасно понимаю, что он имеет в виду. Но не могу подтвердить этого. Ни за что.

— Это ошибочный взгляд. Он сложился потому, что у нас с господином Климовым-младшим несколько противоположные взгляды на некоторые аспекты работы нашего агентства, — спокойно объясняю я, стараясь не сжимать ножку прохладного бокала. — А я слишком эмоциональна для более спокойного диалога с начальством. Вот Александр Юрьевич и выходит из себя. Если вы считаете, что я угроза браку вашей дочери, вы очень ошибаетесь. Никакие отношения, кроме рабочих, нас не связывают.

— Очень рад этому, — цепко удерживая мой взгляд, говорит Кирилл Иванович. — Мне очень дорого счастье дочери, а она влюблена, как девчонка. Впрочем, она и есть девчонка…

— Они прекрасная пара, — дежурная фраза под дежурную улыбку.

— Согласен, — вздыхает Кирилл Иванович. — В моей семье, как вы успели заметить, Нина Сергеевна, есть некоторые проблемы с этим самым счастьем.

Делаю большой глоток вина, запоздало оценив его терпкий вкус.

— Вы о себе или о Маше?

— Я обо всех, — жестко отвечает Кирилл Иванович. — И о себе, и о Маше, и о сыне.

— Я могу спросить? — мягко спрашиваю я.

— Конечно, — улыбается Кирилл Иванович. — Спрашивайте.

— Где Машина мама? — отставляю бокал в сторону.

Кирилл Иванович грустно смотрит на меня:

— Машина мама оказалась женщиной, не умеющей и не желающей заниматься детьми. Она ушла от Миши, когда Машка только родилась. В один непрекрасный день просто взяла и ушла.

— Разве так бывает? — не верю я ему. — Из такой семьи?

— Какой такой? — раздраженно спрашивает Кирилл Иванович. — Вы имеете в виду известность и богатство? Это не всегда удерживает мужчину и женщину вместе.

— Но ребенок, — мои глаза наполняются слезами. — Как она могла оставить вашего сына, я представить могу, но дочь, только что рожденную дочь…

— Легко и без сожалений! — презрительно отрезает Кирилл Иванович. — Поверьте, дорогая моя, такие женщины, к сожалению, существуют, живут, дышат одним воздухом с нами, но ни к чему не привязываются, даже к своим детям…

— А Миша, ваш сын, не пытался найти себе новую жену, а девочке маму? — совершенно наглею я, продолжая интересоваться частной жизнью посторонней мне семьи.

Кирилл Иванович морщится и отвечает довольно жестко:

— Вы же видели Мишу? — мужчина вздыхает. — Он у меня с детства болезненный и совершенно не мужественный. Не мальчиковый мальчик. Удивляюсь, как он с Татьяной познакомился и жениться решился. Я был против, но он настоял. К сожалению, это был первый и последний его мужской поступок…

Я помнила Мишу, Машиного отца и брата Светланы, хотя видела его только один раз на вчерашнем детском празднике. Да. Он не производил впечатление сильного человека и вообще отца.

— Маша очень славная. Но ее любовь к куклам не кажется вам пугающей? — решаюсь спросить и это.

— Ни в коей мере! — снова жестко реагирует Кирилл Иванович. — Маша нормальный ребенок, растущий в любящей семье, но пока без матери. Я надеюсь только на лучшее.

— Конечно! — тут же соглашаюсь я, испугавшись, что расстроила и рассердила Кирилла Ивановича своими вопросами.

— Я смог воспитать двоих детей один, — напоминает мне холеный, красивый мужчина, протянув ко мне руку и взяв мою. — И Миша с моей помощью справится. Хотя ему нет еще и тридцати. И на нем рано ставить крест.

— Несомненно! — миролюбиво соглашаюсь, пытаясь забрать руку.

— И на мне крест ставить тоже рано, — вдруг хищно улыбнувшись, заявляет Кирилл Иванович, не отпуская мою руку. — Я получил ответы на все свои вопросы. Остался только один…

— Какой? — нервно сглатываю, снова безуспешно пытаясь забрать свою руку.

— Если вас ничто не связывает с Сашей и вы свободны… Могу ли я надеяться, что вы, моя прекрасная леди, разрешите мне ухаживать за вами? — Кирилл Иванович прижимает мою руку к своим губам. Они сухие и холодные.

— Она не свободна, — обманчиво мягкий голос Холодильника заставляет меня в буквальном смысле подпрыгнуть на стуле, а господина Кострова вынуждает нехотя отпустить мою руку.

— Саша? Какими судьбами? — хмуро спрашивает Кирилл Иванович стоящего возле нашего стола Холодильника.

— Пришел пообедать, — просто отвечает Александр Юрьевич. — Мне сказали, что вы тоже обедаете. Оказалось, с моим арт-директором.

— Сегодня выходной, — говорю я вместо приветствия. — У меня тоже обед.

— Видите, как все чудесно совпало, — Холодильник, не спросив разрешения, садится за наш стол. — Воскресный обед. Теплый разговор.

Кирилл Иванович откидывается на стуле и спрашивает:

— Если я не ошибаюсь, ты сейчас должен обедать со Светланой в другом месте?

— Ошибаетесь, — говорит будущему тестю Холодильник, но смотрит только на меня.

Он вообще никуда не смотрит, а только на меня, опускаясь с глаз, носа, губ на шею, плечи, грудь, талию и возвращаясь к глазам.

— У меня поменялись планы, — усмехается Холодильник, и у меня сердце останавливается от страха, такая это усмешка.

— Понятно, — говорит Кирилл Иванович, но по выражению его лица этого не

скажешь. — Прости, что ты сказал, когда подошел к нам?

— Я сказал, что госпожа Симонова-Райская не свободна для начала новых отношений, — снисходительно отвечает Холодильник, глядя на мои губы.

— Ты настолько осведомлен о ее личной жизни? — в голосе Кирилла Ивановича появляется едва заметное раздражение.

— Я многое знаю о своих лучших работниках, — усмешка Холодильника становится ледяной. — Если я ничего не путаю, то Нина Сергеевна в настоящий момент не разобралась со своими последними отношениями. А как порядочная и щепетильная девушка, она…

— Она разберется с этими отношениями сама, — перебиваю я Александра Юрьевича и, вставая, обращаюсь к Кириллу Ивановичу. — Простите, но у меня пропал аппетит. С вашего позволения, я поеду домой.

Мужчины синхронно встают. Кирилл Иванович поспешно отодвигает мой стул.

— Доброго дня! — насмешливо обращается ко мне Холодильник, садясь обратно за стол. — Привет Василию!

— Василию? — заинтересованно спрашивает Кирилл Иванович. — Это…

— Это мой… близкий друг, — быстро отвечаю я, мысленно поблагодарив Холодильник за подсказку. — Очень близкий. Мы вместе второй год. И я не готова заканчивать эти отношения.

— Благодарю за встречу и разговор, — в ответе Кирилла Ивановича явственно слышны досада и легкая мужская обида. — Вас проводят.

— Спасибо, в этом нет необходимости. Меня ждут, — благодарю я, стараясь не встречаться взглядом с Хозяином. Вот уж кто "мальчиковый мальчик"! Выхожу из ресторанного кабинета и останавливаюсь, прижимая к себе клатч, чтобы отдышаться.

— Это переходит все границы! — слышу я громкую и резкую реплику.

Но, вопреки сложившемуся в голове сценарию, эта реплика принадлежит не Кириллу Ивановичу, а Холодильнику.

— Позволь вернуть тебе эти же слова! — жестко отвечает бизнесмен Костров бизнесмену Климову. — Ты давал слово. Ты обещал.

— Я помню все свои обещания, — голос Холодильника приобретает металлическую окраску. — И я еще ни одно из них не нарушил.

— Формально — нет, — устало отвечает на это Кирилл Иванович. — Но чувства Светланы…

— Напомните мне, в каком из пунктов нашего договора говорилось о моих чувствах? — иронией пропитано каждое слово Холодильника.

— Ни в каком, — раздраженные интонации не уходят из голоса Кирилла Ивановича. — Но ты публичный человек…

— Вы тоже! — отрезает Холодильник.

Я слышу звук отодвигаемого стула и почти убегаю из ресторана в машину.

— Поехали быстрее! — командую я Евгению.

Он медленно поворачивается ко мне и говорит:

— Сейчас поедем, минутку, — и выходит из машины.

Пока я пытаюсь приостановить бешено колотящееся сердце, хлопает автомобильная дверь и на место водителя садится Холодильник.

— Вы? — выдыхаю я.

— А на кого это похоже? — ласково спрашивает он.

— А где Евгений? — глупо спрашиваю я.

— Едет за нами в моей машине, — вежливо отвечает мне Холодильник, выезжая с парковки ресторана.

— А куда мы едем? — пищу я.

— Поговорить, — спокойно отвечает Хозяин, глядя на меня в зеркало заднего вида.

— А мы разве еще не наговорились? — снова пищу я, ругая себя за трусость и малодушие.

— Я — нет, — мягко объясняет Александр Юрьевич. — Тем более появилась новая тема для разговора.

— Какая? — не могу удержаться от вопроса.

— Ваше непослушание, — терпеливо объясняет Холодильник. — Вы не понимаете простейших команд.

— Я не ваша собака! — сразу завожусь я, от гнева и злости обретая собственный голос. — И не выполняю команды.

— Жаль! — откровенно смеется надо мной Холодильник, выезжая на загородную дорогу. — Как бы все упростилось к обоюдному удовольствию!

— Вы издеваетесь? — догадываюсь я.

— Если только чуть-чуть, — неожиданно подмигивает мне Холодильник. — Не бойтесь. Получите наказание за непослушание — и все.

— И все?! — кричу я, начав дергать ручку двери, пытаясь открыть ее.

— Заблокировано, — сочувственно говорит мне невыносимо красивый и безобразно наглый мужчина.

— Вы меня пугаете! — честно сообщаю я ему.

— Опять лжете, — вздыхает Холодильник. — Пугал я вас вчера. И, как оказалось, безрезультатно.

— Я с ним встречалась не как с мужчиной, — снова трушу я. — А как с дедушкой Маши. У меня были вопросы.

— Странное место для получения ответов на свои вопросы вы выбрали, — сетует Хозяин. — Да и наряд тоже.

— Опять?! — подпрыгиваю я на заднем сиденье. — Это скромнейшее коктейльное платье! Оно чем вам не угадило?! Не короткое. Не открытое. Целомудренное. Да в нем молиться в церкви можно!

— На вас ничто не смотрится целомудренно, — возражает Холодильник, увеличивая скорость автомобиля до критической.

— Я боюсь! — кричу я от настоящего страха. — Куда вы несетесь?!

— Хочу быстрее доехать, — объясняет Холодильник, но скорость заметно сбрасывает.

— Куда? — почти заикаясь спрашиваю я, представив себе парочку ужасных картинок.

— В тихое место, — отвечает Холодильник и замолкает, время от времени глядя на меня в зеркало.

Минут двадцать мы молчим. Я мучаюсь: пытаться ли достать телефон, чтобы набрать сообщение Ленке или Павле Борисовне? Не решаюсь. Увидит.

Мы въезжаем в загородный коттеджный поселок через шлагбаум с охраной. Трехэтажный дом из красного кирпича, к которому мы подъезжаем по сосновой аллее, выглядит роскошно. В нем есть даже лифт, смотрящий сейчас на нас серо-голубыми тонированными стеклами, выходящими наружу здания.

— Где мы? — нарушаю я молчание.

— У меня в гостях, — отвечает Холодильник, вытаскивая меня из машины.

— Так в гости не приглашают! — огрызаюсь я.

— Так вы и гостья необычная, — мрачно шутит Хозяин, за локоть подтаскивая меня к крыльцу.

Оборачиваюсь и вижу Евгения, который подъехал за нами.

Холодильник быстро проводит меня по первому этажу и усаживает на диван перед растопленным камином.

— Грейтесь!

— Я не замерзла! — отвечаю я, вскакивая. — Что вы собираетесь со мной делать? Изнасилуете?

Александр Юрьевич, высокий и широкоплечий, в сером коротком пальто, спокойно и заинтересованно смотрит на меня, потом отвечает:

— Это предложение?

— Вы псих! — верещу я, затравленно оглядываясь в поисках оружия.

В принципе, здесь много подходящих предметов: и железная кочерга возле камина, и напольные вазы, и интерьерные фигурки африканских животных.

— Значит, не предложение, а предположение? — вздыхает Холодильник. — И снова жаль…

— Прекратите паясничать! — кричу я. — Что вам надо?

— Как максимум — вас. Как минимум — поговорить, — демонстрируя необыкновенное терпение отвечает Хозяин, снимая пальто и бросая его в руки появившегося Евгения.

— Меня вы не получите! Разговаривали мы вчера и все решили! — гордо отвечаю я и плюхаюсь на диван.

— Вы сами создали новую тему для разговора! — возражает Холодильник. — Зачем вы встречались с Костровым?

— Я вам все рассказала еще в машине! — скрещиваю руки на груди. — Мы говорили о Маше.

— И его интересе к вам? — Холодильник смотрит на меня. прищурившись, говорит с интонацией обличителя лжецов.

— Я об этом не говорила. Он говорил, — честно отвечаю я. — Моей вины в этом нет!

— Есть, — обманчиво мягко спорит Александр Юрьевич. — Вы дали повод. Я прекрасно знаю, как вы умеете это делать. Испытал на себе.

— Сколько можно возвращаться к одному и тому же?! — бешусь я. — Я даже принесла вам извинения за свое поведение во время нашего… знакомства.

— Поздно, — твердо и хладнокровно говорит Холодильник.

— Что поздно? — холодею я, вспомнив сюжет последнего триллера, который мы смотрели с Ленкой и в котором герой-психопат закапывал своих жертв в милом садике возле загородного дома.

— Поздно убеждать меня в обратном. Как пишут в ваших любимых любовных романах? Мы с вами истинная пара, — без усмешки, но с издевкой произносит Холодильник.

— Я не читаю любовные романы, — бормочу я, выбитая из реальности его последними словами. — И вы сумасшедший. больной человек. Мужчина без чести и гордости! Не можете достойно смириться с отказом женщины. Готовы держать в плену и пугать изнасилованием.

Холодильник сжимает кулаки, но не двигается с места.

— Об изнасиловании твердите только вы. Я не сказал об этом ни слова.

— Зато много что сделали! — кричу я. — Вы меня похитили!

— Разве? — смеется он. — По-моему, я пригласил вас в гости.

— Это называется пригласил?! — кричу я еще громче, в надежде на то, что в доме есть люди. Должны быть.

— Шурка! Что происходит? — раздается незнакомый мужской голос и со второго этажа к нам спускается мужчина.

Он в джинсах и сером свитре, плотно облегающем спортивную фигуру. Ростом ниже Холодильника, но шире в плечах.

— Матвей? — я вижу, что Холодильник удивлен. — Ты здесь?

— Ты сам разрешил, если приеду неожиданно, — переводя взгляд с меня на "Шурку", растерянно отвечает незнакомый мне Матвей.

Холодильник кивает и молчит, о чем-то задумавшись.

— Здравствуйте, прелестная девушка! Вы и есть Светлана? Рад познакомиться. Я друг Шурки. Лучший и единственный, — радостно обращается ко мне брутальный блондин, потом оборачивается к Холодильнику, но подмигивает мне. — Любимчик судьбы ты, наглец Климов, одна краше другой. Я тоже хочу такую невесту! Уступи!

Глава 24. Карточный долг

Отчаяние — ерунда. Я могу жить с отчаянием.
Надежда — вот чего я не выношу.
Джон Клиз

— Прекрати придуриваться и пугать моего арт-директора! — как-то устало говорит другу Холодильник. — Ты прекрасно знаешь, как выглядит Светлана.

— Эх! Такую шутку испортил! — снова подмигивая мне, говорит Матвей, откровенно и заинтересованно разглядывая меня, сидящую на диване в длинном черном демисезонном пальто с огромным капюшоном и в красных туфлях на шпильках. А что? Я ж на машине с Евгением была, поэтому и не стала надевать сапоги.

— Арт-директор? — переспрашивает недоверчиво Матвей. — Зачем тебе арт-директор? Ты расширил сферу бизнеса?

— Я получил в подарок отцовское агентство, — не сводя с меня тяжелого темного взгляда, отвечает другу Холодильник, и мне отчетливо кажется, что под словом "подарок" он имеет в виду совсем не агентство. — Это агентство занимается устройством праздников. Госпожа Симонова-Райская его арт- директор.

— Потрясающе! — восхищенно говорит Матвей, приближаясь ко мне и протягивая мне руку. — Матвей Сокольский. Тоже в некотором роде бизнесмен, но гораздо скромнее, чем ваш Александр. Простите…

— Нина, — угрюмо подсказываю я, подавая руку и еле-еле сдерживая желание надеть на голову капюшон.

— Что-то случилось, Нина? — обеспокоенно спрашивает меня Матвей, задержав мою руку в своей. — Шурка, простите, Александр Юрьевич — человек суровый, а начальничек — не приведи господи! Обижает вас, наверное?

— Нет. Не обижает, — твердо говорю я, сглотнув. — У нас с ним творческие споры.

— Но вы кричали! — не верит мне Матвей, поднимая меня с дивана. — Разрешите ваше пальто?

Он осторожно вынимает меня из моего пальто, бросив его все тому же бесшумно появившемуся Евгению.

— Ого! — оценивающе вскрикивает он, рассматривая мое коктейльное зеленое платье. — Вы с Александром собрались куда-то?

— Мы уже вернулись, — рычит Холодильник, глядя на руки Матвея, держащие меня за локти.

Усмехнувшись, Матвей убирает руки.

— Значит, творческие споры? Жаль. Мне привиделось, что я вас спас, прекрасная принцесса. Как минимум, от злобного чудовища, — продолжает шутить Матвей.

"Злобное чудовище" делает взмах рукой, и снова появляется Евгений. Холодильник что-то быстро и отрывисто говорит ему, охранник кивает.

— Сейчас будем обедать, — командует Холодильник. — А то мы с Ниной… не успели даже начать.

— Я приглашен? — не сомневается Матвей и усаживает меня на диван. — Если это не Светлана, то я могу поухаживать за твоей гостьей?

Он по-хозяйски отправляется к бару и достает из него какую-то красивую бутылку с

янтарной жидкостью.

— Аперитивчик! — радостно сообщает он, налив алкоголь в три маленьких бокала. — За знакомство!

— Спасибо, я не буду! — резко отказываюсь я, лихорадочно придумывая, как убраться отсюда поскорее без серьезных потерь.

— Тогда и мы не будем! — тут же покорно соглашается Матвей и обращается ко мне. — Очень хотелось бы познакомиться с вами поближе, Нина. Вам надо больше отдыхать. Работать на этого робота и не уставать зверски — невозможно. По себе знаю. Мы когда-то вместе начинали. Потом разделились, чтобы сохранить дружбу. И еще потому, что не поделили девушку.

— Девушку-то как раз и поделили, — недобро усмехается Холодильник.

— Фу! Какой грубиян! — безобидно смеется Матвей и садится на диван рядом со мной. — У Нины сложится о нас впечатление, как о каких-то распущенных иэвращенцах.

— Бывают скромные извращенцы? — философски спрашивает Холодильник.

— У Нины Сергеевны есть своя теория по этому поводу.

— Интересно! Поделитесь? — широко улыбается мне Матвей. У него добрые серые глаза, которые улыбаются вместе с его губами.

— Ничего интересного, — тихо говорю я. — Я за честные, чистые. верные отношения.

— Так вам несказанно повезло. милая девушка! — Матвей широким жестом забрасывает за мою спину левую руку. — Я адепт такого же учения. Подтверди, друг!

— Подтверждаю, — теперь улыбается и Холодильник, пробивая мое сердце своей по-мальчишески наивной улыбкой. Вот как у него так получается? — Просто ревностный приверженец именно таких отношений.

— Но согласись, я тебя тогда спас! — хвастается Матвей. очевидно, напоминая о той самой девушке, которую они "разделили".

— Тебе приятно так думать, — парирует Холодильник. — И мне не хочется тебя разочаровывать. Думай, как привык.

— Кругом одни завистники! — громким шепотом говорит мне на ухо Матвей, придвинувшись поближе.

Слегка отшатываюсь, пугаясь такой близости и реакции на нее со стороны Холодильника. И реакция эта не заставляет себя ждать.

— У моего арт-директора ревнивый… молодой человек. Даже не начинай движение в эту сторону, — предостерегающе говорит Холодильник и развивает тему. — Болезненно ревнивый, неадекватный. легко выходящий из себя.

— Правда? — Матвей заглядывает мне в глаза насмешливо-сочувственно и даже слегка отодвигается. — Это, наверное, очень сложно? Иметь отношения с таким человеком?

— Невыносимо, — вдруг и я включаюсь в словесную игру двух старых друзей. Холодильник зря ее начал. Сейчас получит по полной программе! — Маниакальная подозрительность, не имеющая под собой никаких оснований. Тупая ревность без причины и без права ревновать.

— Без права ревновать? Интересно, — удивляется Матвей. внимательно глядя на меня. — Вы считаете, что ваш молодой человек не имеет права вас ревновать? Оригинальная теория… Вы за полное доверие в отношениях? Вы не считаете ревность признаком любви?

— А вы сторонник аксиомы "Бьет — значит любит"? — нападаю я на Матвея.

— А он бьет? — очень серьезно спрашивает меня Матвей с настоящим беспокойством в

глазах.

— Нет, — честно шепчу я, но не сдаюсь. — Но это ничего не значит. Нельзя навязывать свободному человеку отношения, в которых второй не нуждается, более того, бежит от них, как от огня.

— Как же вы стали парой?! — поражается Матвей. — Если вы против ваших отношений? Пара по принуждению?

Открываю рот, чтобы ответить, но за меня отвечает серьезный и мрачный Холодильник:

— Нинин мужчина уверен, что ему нужна только она, — неторопливо объясняет он другу. — И сил отказаться от нее у него нет.

— Такой слабак? — въедливо спрашивает Матвей. став таким же мрачным и серьезным, как и Холодильник. — Силы удерживать девушку есть, а отказаться от нее сил нет? Занимательная история… Обычно так бывает, когда…

— Когда? — мне неприятна близость Матвея, который сидит рядом, меня напрягает прожигающий взгляд Холодильника, меня странно возбуждает этот нелепый разговор, который начал мой Хозяин и который он зачем-то поддерживает сейчас, все глубже погружая в него своего друга.

— Когда любишь, — совершенно просто и коротко отвечает Матвей на мой сложный вопрос. — Или ошибочно думаешь, что любишь.

— Нинин мужчина совершенно уверен в своих чувствах, — вдруг говорит Холодильник, протягивая мне руку и помогая встать с дивана.

— Какой интересный экземпляр! — улыбается сероглазый Матвей. — И уверен в своих чувства. И не отпускает. И ревнует. Просто находка для сценаристов и писателей. Но вас, Нина, это напрягает?

— Меня это бесит! — откровенно и горячо говорю я. — Это не мой формат отношений.

— Тогда от них надо избавляться, — советует Матвей, чему-то продолжая улыбаться. — Вы слышали про клин клином? Предлагаю себя в этом качестве. Очень люблю приключения и помогать попавшим в беду красавицам. А ты, Шурка, что ж до сих пор не помог девушке?

— Я не хочу, чтобы кто-то вмешивался в мои отношения с… Василием, — испуганно отступаю я, воспользовавшись, как и Холодильник сегодня, старой легендой.

— Василием? — разочарованно и растерянно переспрашивает огорченный Матвей. — А я было решил…

— Что же ты решил? — карий взгляд скрещивается с серым в безмолвном поединке.

— Что смогу спасти принцессу, — не сразу отвечает Матвей, тоже вставая. — Наказать злобного дракона… Василия.

Прости, дружок-паучок! Опять тобой прикрылись…

— Госпожа Симонова-Райская и сама сражается на равных с мужчинами. Ты не видел ее в бою, — усмехается Холодильник, прижав мой локоть к своему боку.

— Хотелось бы посмотреть, — Матвей смотрит на меня с любопытством и каким-то состраданием.

— Обойдешься, — шутливо говорит Холодильник, и мы проходим в гостиную. Здесь накрыт обеденный стол на троих. Возле стола суетятся две женщины, молодая и пожилая, которые оборачиваются на нас с доброжелательными улыбками.

В доме есть люди! Почему же никто, кроме Матвея, не пришел мне на помощь?

Обед прекрасен, и мне неловко, что я ем с аппетитом. По-моему, после похищения несчастная девушка должна гордо голодать, но я хочу есть. Тем более, такого вкусного

ростбифа я давно не ела. Ладно, не буду себя ругать, может, мне еще пешком отсюда до города добираться.

— Надолго приехал? — спрашивает Холодильник Матвея, забивая гвозди суровым взглядом.

— Думаю, на полгода, — откинувшись на спинку стула отвечает Матвей. — Могу перебраться в гостиницу, если стесняю. Вы со Светланой здесь живете?

Холодильник звереет. Нет, по его лицу этого почти не видно. Это я научилась определять его эмоции за пару секунд. Инстинкт самосохранения, знаете ли, как утверждают ученые, самый сильный из всех инстинктов. Его подавить может только один — инстинкт материнской любви. Любая другая любовь здесь бессильна.

Смотрю на Матвея и понимаю: он тоже все видит, лучший друг как никак. Еще через пару секунд понимаю, что Матвей просто наслаждается эмоциями Александра Юрьевича, купается в них.

— Нет. Мы не живем здесь со Светланой, — сквозь зубы говорит Холодильник. — Мы вообще со Светланой не живем. Это неприлично.

Так! Со мной, значит, прилично было бы, а со Светланой нет…

— Почему? — ухмыляется Матвей. — Что за старорежимные и устаревшие представления? Когда ты в них уверовал? Раньше тебя ничто не смущало. Помнишь…

— Матвей! — рык Холодильника пугает меня и прислуживающих у стола женщин, но не Матвея.

— Простите, Нина, — Матвей поднимает руки вверх в извиняющемся жесте. — Вспомнил старые времена, не сдержался, простите еще раз.

— Простите, Александр Юрьевич, — теперь извиняется охранник Евгений. — К вам приехала Светлана Кирилловна.

Холодильник прикрывает глаза, пряча истинные эмоции, и сжимает челюсти.

Светлана в ярко-голубом коротеньком пальтишке, в белых сапогах с высокими ботфортами появляется в гостиной с неизменной улыбкой на пухлых губах.

— Еле-еле догадалась, где ты, — капризно говорит она, быстро осмотрев гостиную. — Матвей? Здравствуйте! Давно вас не видела.

Мужчины встают при ее появлении. Лицом Холодильника можно сквашивать молоко. Лицо же Матвея сияет удовольствием, вернее, предчувствием будущего удовольствия.

— Светлана! Как приятно, что вы меня помните! — Матвей церемонно целует руку Светлане. — У вас недевичья память — мы же виделись только один раз.

— Разве такого интересного мужчину можно забыть? — кокетничает Светлана, оглядываясь на жениха. — Я вас прекрасно помню. У моего жениха немного друзей. Это нетрудно.

— Друзей и не может быть много, — снимая со Светланы пальто и отдавая его Евгению, поучает Матвей. — А любимый человек вообще в одном экземпляре должен быть.

— Совершенно с вами согласна! — горячо поддерживает Матвея молодая, красивая, нежная Светлана Кирилловна, садясь с нами за стол. — Здравствуйте, Нина Сергеевна! Не ожидала вас здесь увидеть.

Решаю осложнить и без того непростую жизнь Хозяина. Сам затеял — сам и выбирайся!

— Вы знаете, Светлана Кирилловна! — откровенничаю я. — Я и сама не ожидала. Но вы же знаете, каким настойчивым может быть Александр Юрьевич?

Светлана краснеет, а я злюсь на себя. Докатилась! Ребенка обижаю. Девочке едва

двадцать, а жених вокруг другой круги наматывает. Да еще там что-то нечисто со свадьбой, если верить подслушанному.

— Да, — покорно соглашается Светлана. — Если Саша начинает работать, его не остановить.

Не остановить. Этот Бронепоезд точно не остановить. Надо начинать партизанскую войну, подбирать бойцов и закладывать взрывчатку на пути следования этой непробиваемой ничем махины.

— Даже в воскресенье вас вызвал? — осторожно позволяет себе удивиться Светлана, кивком поблагодарив девушку, положившую ей порцию мяса и овощей.

— Да! — беспечно отвечаю я, воздав должное прекрасно приготовленному мясу. — Александр Юрьевич работает на только по воскресеньям, но и по ночам.

— Ночам? — снова краснеет невеста, и я снова ощущаю неловкость от своей выходки.

Поднимаю глаза на мужчин: Матвей с нескрываемым восхищением смотрит на меня, а Холодильник, который, по моим подсчетам, должен кипеть и пузыриться, насмешливо и почти ласково смотрит на меня, явно подначивая — "продолжай, мне нравится".

Где я ошиблась? Почему его не задевает моя ирония? Я почти прямо указала его невесте на наши частые встречи по ночам и в выходные, а его это не испугало. Чем он доволен? Неужели Ленка права, и он хочет избавиться от своей невесты? Поэтому и свадьбу перенес, и мои выходки не пресекает? И почему так доволен Матвей?

Эти и другие мысли бродят потерянно в моей голове, удрученно собираясь в кучку и расходясь снова на все четыре стороны.

Остаток обеда проходит в молчании, которое напрягает только меня и Светлану, мужчины, оба чем-то довольные, спокойно едят, изредка поглядывая на нас. После обеда Холодильник приглашает нас пройти обратно в каминную комнату. Матвей предлагает руку Светлане, и они идут впереди. Холодильник выдвигает мой стул, помогая мне встать из-за стола.

— Вы прекрасны в своей ревности! — горячо шепчет он мне на ухо.

— Ревности?! — тут же задыхаюсь я от негодования. — Что вы очередной раз возомнили о себе?

— Не о себе, а о вас, — не соглашается Холодильник, прижав мою спину к своей груди на пару секунд, но этого хватает, чтобы меня обдало жаром. — Я возомнил, что вы меня ревнуете. И оказалось, что это почти… счастье.

— И не мечтайте! — грублю я, быстрым шагом направляясь за Матвеем и Светланой. — Верните меня домой!

— И не подумаю, — шепчет Холодильник, идя за мной. — Выставлю их — и поговорим.

— Да о чем нам разговаривать?! — криком шепчу я, остановившись и резко развернувшись к нему. — Ничего нового вы мне сказать не можете.

— Поскольку навязываемое вами изнасилование не мой метод покорения женщин, то остается только дар убеждения, — и, схватив меня за локоть, Холодильник тащит свою жертву к камину.

— Вы знаете, Александр Юрьевич, — чересчур громко говорю я. — Мне срочно нужно домой. Меня ждут родители на воскресный ужин. Мы сегодня много сделали, можно закончить и завтра.

— Нет! — резко прерывает меня Холодильник. — Я хотел бы детали вашего последнего

проекта обговорить до конца именно сегодня.

— Моего?! — неприкрыто возмущаюсь я. — Вы автор идеи, не надо приписывать мне свои заслуги.

— Хорошо, — покорно соглашается Холодильник. — Пусть это будет наш совместный проект. Разделим славу.

Матвей, сидящий со Светланой на диване перед камином, смотрит на нас с восхищением, как наивный зритель, наслаждающийся игрой любимых актеров в новой спектакле, сценарий которого ему неизвестен и поэтому интересен.

— Кофе? — преувеличенно вежливо спрашивает гостей Холодильник.

— Спасибо, с удовольствием! — откликается Светлана. — Если можно, то мне со сливками.

— Мне с коньяком. И побольше. Коньяка, — заказывает Матвей.

— Вам? — наклоняется ко мне Холодильник. — Чего побольше? Кофе или коньяка?

— Я люблю кофе с лимоном, медом и красным перцем, — вызывающе смотрю на Александра Юрьевича. — Но я не пью кофе во второй половине дня. Он меня бодрит. Боюсь не уснуть и не выспаться.

— Уснуть у вас и так шансов немного, — хамит мне на ухо Холодильник и делает знак рукой.

Через несколько минут пожилая женщина приносит на подносе четыре чашки кофе, который мы пьем в неловкой тишине.

— Давайте поиграем! — весело предлагает Матвей.

— В прятки? — хищно улыбается Холодильник. — Я согласен.

— Какие прятки? — смеется Матвей. — Все по-взрослому! Играем на желание.

— По-моему, это совершенно неуместная игра для нашей компании, — резко возражаю я. — Я здесь случайно и по работе.

— Не нагнетайте, милая! — машет на меня руками Матвей. — Работа закончилась. Вечер воскресенья. Давайте расслабимся!

— А я бы сыграла! — неожиданно подключается к нашему разговору Светлана, опять покраснев.

Детский сад! Чувствую себя старухой по сравнению с ней. А эти хороши! Им же тридцатник!

— Во что? — скрипя зубами спрашиваю я.

— В карты! — находчиво предлагает Матвей. — Девочки, вы умеете играть в карты?

— Я умею! — хлопает в ладоши Светлана.

Моя прежняя симпатия к этой девушке почти забыта. Надо быть такой дурочкой! Если Матвей предлагает играть в карты на желание, то он точно уверен в том, что они выиграют. Все ради желания, а не ради игры.

— Хорошая мысль! — насмешливо говорит Холодильник, поддерживая друга.

— Я согласен.

Видит бог, я давала им возможность достойно выйти из ситуации. Спасибо, папочка, за твою науку. Все родственники и знакомые семьи Симоновых знают, что садиться играть со мной в карты — остаться без штанов. Мой отец — карточный виртуоз, начал меня учить играть с пяти лет. И уже последние пять лет я выигрываю и у него, причем семь раз из десяти. "Дурак" (49! видов), "Вошь", "Ноль", "Зеваки", "Пьяница", "Рыба”. Меня ничем не удивить и не напугать.

— Предлагаю покер! — то ли сжигает, то ли замораживает меня взглядом Холодильник.

— Давайте! — снова хлопает в ладоши Светлана.

Играю в растерянность. Смущенно пожимаю плечами.

— Не волнуйтесь, Нина! Я тоже играю редко и практически всегда проигрываю, — клюет на мою растерянность Матвей. — Во-первых, повеселимся, во-вторых, если боитесь, договоримся о желаниях сразу. Никаких пошлостей и унижений.

По знаку Холодильника Евгений приносит несколько листов бумаги.

— Так! — командует Матвей. — Каждый запишет свое желание по отношению к каждому. Чтобы не было обвинений в придумке на ходу.

— И еще ограничители! — жестко говорит Холодильник.

— Какие ограничители? — недоуменно спрашивает Светлана. — Никогда о таком не слышала.

— Никаких вечных желаний! Никаких "навсегда"! — небрежно бросает Холодильник, не сводя с меня сумасшедшего взгляда.

Плохо! Но не безнадежно.

Каждый из нас пишет на своем листке желания каждому, приписывая внизу листа требуемые Холодильником "ограничители".

— Девочки! — Матвей азартно потирает руки. — Покер состоит из отдельных раздач. Для победы в раздаче нужно выиграть банк. Он состоит из ставок игроков. Ваша задача — дойти до вскрытия карт и показать лучшую комбинацию. Или дождаться того, чтобы все сбросили карты. Понятно?

— Да! — Светлана аж светится. Неужели хорошо играет или ее греет желание? Уверена, Холодильнику она загадала скорую свадьбу.

— Я не умею играть в покер, — вру я. — Давайте в простого дурака, или я вообще играть не буду.

— Давайте! — быстро перестраивается Матвей. — Подкидной? Переводной?

— Без разницы, — отвечаю я. — Пусть будет подкидной.

Евгений приносит новую колоду. Игра начинается. С первых минут понятно, что Матвей — коллекционер козырей, Светлана — коллекционер крупных карт, а Холодильник — коллекционер пар. Погружаюсь в знакомую среду, все делаю параллельно: запоминаю и считаю карты, отслеживаю и предугадываю.

Так… В биту ушли козырные семерка, десятка и дама. "Семь, десять, дама". Так… Добавилась восьмерка. "Семь, восемь, десять, дама". Колода полностью разыграна. Я точно знаю, какие козыри на руках у моих противников. На подкорку записываю движение крупных и козырных карт. Отдельная полочка для карт, которые принимают мои соперники после меня и до меня. Теперь нетрудно предугадать, чем они будут ходить или отбиваться.

Первой проигрывает Светлана. Играет она бестолково и суетливо. А карты суеты не любят. Вторым вылетает Матвей, от досады хлопающий по подлокотнику кресла.

Мы остается вдвоем с Холодильником. Папа назвал бы его достойным противником. "Дурак" не "покер", но выиграть мне надо позарез. Ко всем комбинациям подключаю ответные кокетливые взгляды Матвею, который просто поедает меня восхищенным взглядом. Мне надо сбить с делового и жесткого настроя Холодильник, который играет спокойно и уверенно. Слегка расставляю ноги, оголяя колени, и наклоняюсь вперед. Вырез, конечно, далек от декольте, но при наклоне кое-что все-таки видно. На секунду встречаюсь с

глазами Холодильника и начинаю выбирать сосенку, под которой он меня прокопает. Потому что он сбивается, пока не с игры, но с ровного дыхания. И уже дважды тратит время на грозные взгляды в сторону друга.

— Нинка! — в моем воображении со мной начинает разговаривать папа, словно я с ним на радиосвязи. — Не забывай управлять толщиной колоды, ориентируйся на козырь, лежащий внизу стопки. Это лакомый кусочек. Забирай! Всего-то надо, чтобы при четырех оставшихся в колоде картах ходил противник.

Мой выигрыш встречен аплодисментами Матвея и Светланы. Она радуется так, словно выиграла сама. И я понимаю, почему: не только я спаслась от желания Хозяина, но и она счастлива, что выиграл не Александр Юрьевич. Я разрываю лист со своими желаниями на три полоски и отдаю проигравшим.

— Господи! — восклицает Светлана, розовея от удовольствия. — Нина Сергеевна! Это удивительно! Показать фокус?

Девушка берет свой лист и показывает мне свое желание, которое она заготовила для меня: "Еще один праздник для Маши по вашему сценарию и при вашем участии". Действительно, почти фокус: я ей загадала то же самое.

Матвей, прочитав мое желание на своем клочке бумаги, начинает хохотать, вызывая гневное движение бровей Холодильника.

— Прости, Шурка! Сам понимаешь, карточный долг — вещь святая! У меня пошло время, — и Матвей направляется к выходу.

— Ты куда? — удивленно спрашивает Холодильник друга, ничего не понимая.

— Выполнять проигранное желание, друг мой! — паясничает Матвей. — У меня меньше десяти минут.

— Что вы ему загадали? — обращается ко мне Хозяин тоном человека, который предлагает осужденному на смерть назвать последнее желание.

— Не позднее, чем через… уже шесть минут он должен отвезти меня домой, — любезно отвечаю я, видя, как на моих глазах, живой и почти человеческий Холодильник превращается в глыбу льда. — Не хотите ли прочитать свое? Прежде чем прочесть, Холодильник твердо говорит мне:

— Я не буду стреляться, хотя в этом доме есть из чего. И с третьего этажа головой вниз тоже на прыгну.

— Как можно подозревать меня в такой кровожадности! Желаю вам умереть своей смертью и в свой час, не более! Мое желание проще и очень сокровенное. Помните о святости карточного долга! — пафосно говорю я, видя, как охает и прикрывает ладошкой рот шокированная Светлана. Да, бедная, сегодня просто вечер откровений…

Холодильник читает мое желание и угрюмо усмехается.

— Вы не оригинальны! Вы еще ручку в руки не взяли, а я знал, что вы там напишете. Для арт-директора вы не очень креативны!

— Для арт-директора, может быть, — не споря, соглашаюсь я. — А для Нины Симоновой-Райской главное — постоянство, основанное на жизненных принципах.

— Карета подана, ваша светлость! — Матвей стоит в дверях в стильном коричневом пальто с мои черным пальто в руках.

— Благодарю! Всем приятного вечера! — желаю я остающимся в доме Светлане и Холодильнику.

— Подождите! — рявкает Холодильник, не стесняясь ни друга, ни невесты. — Вы

забыли познакомиться с ограничителями.

— У меня простой, — встревает в разговор Светлана. — Никакой пошлости и сексуального подтекста. Так что все в порядке.

— У меня ограничитель к Нининому желанию вообще не подходит, — показывает мне листочек Матвей.

"Не переодеваюсь в женскую одежду и обувь. Не целуюсь с мужчинами".

— Прочтите мой! — приказывает Холодильник, сев в кресло.

Беру в руки листок, усилием воли заставляя их не дрожать.

"Вашему желанию срок — два месяца. Потом я не остановлюсь".

Пока я просчитывала его — он просчитал меня. Но два месяца — это огромный срок, шестьдесят дней, за которые я все придумаю. Даже странно, что Холодильник дал так много времени, а не пятнадцать минут или сутки.

— Выброси! — дает команду Евгению Хозяин, показывая на стол с картами.

— Не надо! — подбегая к столу, кричу я. Чтоб тебя! Я точно знаю, сколько стоит такая колода карт! Больше десяти тысяч. Я подарю ее папе. Я выиграла благодаря ему! — Можно? — запоздало и испуганно спрашиваю я Хозяина.

— Ради бога! Наслаждайтесь! — говорит он, почти с презрением глядя на меня. Все, что есть на столе, смахиваю в свою красную сумочку и гордо иду по направлению к Матвею. Он одевает на меня пальто и даже застегивает его на все пуговицы под скрежет зубов Холодильника. Надеваю на голову огромный капюшон.

— Вы похожи в этом пальто на католическую монашку, — шутливо- благоговейно говорит Матвей.

— Пойдемте, сын мой! — шучу и я, чрезвычайно собой довольная.

Всю дорогу Матвей пристает с шутками и комплиментами, напрашивается в гости, назначает свидание. Вяло реагирую, в основном, улыбаюсь. Припарковавшись возле моего подъезда, Матвей спрашивает:

— Расскажете про желание для Шурки, пожалуйста, я от любопытства просто чешусь!

— Помажьтесь кремом! — сердобольно советую я. — Но вас это не касается.

— Так нечестно! — обижается Матвей. — Я же его друг!

— Но не мой! — возражаю я.

— Готов! — тут же находит, что сказать, Матвей. — И дружить, и даже больше!

— Вы же помните про Василия? — напоминаю я. — Это страшный… собственник.

— Василий существует? — не верит мне мужчина. — Я думал, это стеб.

— Василий существует! — подтверждаю я и дергаю дверь автомобиля.

Матвей выскакивает из машины, чтобы помочь мне выйти.

— Не прощаюсь, принцесса! — целует он мою руку. — Есть предложение организовать банду и гастролировать, обыгрывая всех в карты и наживаясь нечестным трудом.

— Я подумаю, — обещаю я и бегу домой.

Дома я вываливаю содержимое клатча в верхний ящик комода. Клатч Ленкин, и завтра его надо отдавать.

Посылаю воздушный поцелуй Василию.

— Ты опять меня выручил, дорогой!

— И что ты написала Холодильнику? — умирает от любопытства Ленка, которой я в мельчайших подробностях докладываю по скайпу обо всем, что произошло сегодня.

Ищу листок в кармане пальто.

"Снимаете охрану. Прекращаете преследование. Полная свобода и в офисе, и вне его. Отношения строго деловые".

— А он? Согласился? — не верит Ленка в благородство Холодильника.

— Карточный долг святой, его выплачивают безропотно, — важно сообщаю я.

— Слушай! Тебе надо было с ним спорить и играть на себя! — делится идеей Ленка. — Отыграла бы и свободу, и сундук золота в придачу.

— Поздно, — вздыхаю я. — Два раза такая фишка не прокатит. Хорошо, что хоть раз сработала.

— И что будешь делать со своей свободой? — вдруг ехидничает подруга. — Куда девать? Такой мужчина за тобой ухаживал — спровадила.

— Ухаживал? — фыркаю я. — Это называется по-другому.

— Что-то здесь нечисто… — сомневается Ленка. — Он прекрасно понимал, какое желание ты напишешь. И, по логике, не должен был позволить, чтобы игра в карты на желание даже началась, не то что дошла до проигрыша.

— Он очень хорошо играет, — возражаю я. — Просто он не думал, что я играю лучше.

— Не думаю, — продолжает сомневаться Ленка. — Он все и всегда просчитывает наперед. Он не мог не просчитать и свой проигрыш.

— Он и просчитал, — подтверждаю я. — Поэтому и поставил ограничитель.

— Какой ограничитель? — не понимает Ленка, далекая от игр на желание.

— В приличных компаниях в играх на желание обязательно учитываются личные ограничители: кто-то не выполняет пошлые желания с сексуальным подтекстом, кто-то желания, связанные со спортивными заданиями, ну, не отжимается, не бегает и тому подобное, — растолковываю я Ленке. — Кто-то отказывается привлекать посторонних людей, выбегать на улицу и выполнять там задания, или в любом другом общественном месте.

— И как он тебя ограничил? — Ленка от любопытства приближает лицо к камере вплотную.

"Вашему желанию срок — два месяца. Потом я не остановлюсь", — читаю я.

— Круто! — взвизгивает Ленка. — Я обзавидовалась!

— Чему?! — не понимаю я. — Чему тут можно завидовать?

— Дура ты, Нинка! — устало пророчит Ленка. — Ты представляешь, каких усилий ему стоило такой долгий срок назначить, при его-то одержимости? Два месяца! Не дня, не недели!

— Честно говоря, — сознаюсь я проницательной подруге, — меня это тоже удивило, если не сказать больше.

— А о чем это говорит? — строго спрашивает Ленка.

— О чем? — тупо переспрашиваю я.

— О сильном чувстве! — радостно кричит Ленка. — Терпеть два месяца, когда хочется утащить в пещеру прямо сейчас! Он показывает тебе, что дает тебе время привыкнуть к этой мысли. Хочет доказать глубину своих чувств. И свадьбу для этого же отложил. И не будет никакой свадьбы со Светланой! Он за это время придумает, что сделать.

— Он дал тебе взятку? — горько смеюсь я, слушая сказочную версию подруги. Конечно, версия красивая, но невероятная.

— Я открыла добровольный фан-клуб! — решительно провозглашает Ленка. — Прости,

подруга дней моих суровых, но теперь я на его стороне. Шпионить не буду. Не продамся. Но и поддерживать твои происки против него тоже не стану!

Утром под дверью я не обнаруживаю Евгения. Нет личной охраны и в офисе. По сообщению Павлы Борисовны, Холодильник улетел в командировку. Куда-то заграницу. Она не знает, куда. Все дела оставил на нее.

Но что удивительно. Почти каждый день в агентство приходит… Светлана Кирилловна. Оказалось, что Холодильник поручил ей курировать один из наших благотворительных проектов. Светлана работает в кабинете Холодильника, изредка вызывая то меня, то Марину из рекламного отдела, то Римму Викторовну для передачи поручений.

Я вернулась к своей традиции: поздним вечером в пижаме или халате я спускаюсь в кресло Дарьи Владиленовны с "ужином балерины". Никто не появляется в холле, чтобы устроить очередную словесную битву или потянуть за пояс моего халата.

Вместе со свободой пришли скука и тоска. Первое время я оглядывалась, ожидая, что Холодильник все-таки приставил ко мне хоть какого-нибудь соглядатая. Но никого не видела и не чувствовала.

Мы с Ленкой уже дважды сходили в ночной клуб, где танцевали до утра, отбивались от приставучих кавалеров, но никто не появился бить им морды.

Холодильник держал данное слово.

— Ты определись, что тебе надо! — смеется надо мной Ленка, с которой мы сидим в уличном кафе одним апрельским воскресеньем. — Ты сказала отвали — он отвалил!

— Понимаешь, — стараюсь честно объяснить свои ощущения, — во-первых, я неплохо изучила этого человека, он холодный только снаружи — внутри плазма, магма. Не в его характере ждать. Во-вторых, он должен отомстить. Чувствую левой пяткой!

— Не знаю, что там подсказывает тебе левая пятка, — снова смеется довольная Ленка. — Но, по-моему, ты просто скучаешь.

— Что?! — задыхаюсь я от возмущения. — Подруга называется!

— Я председатель фан-клуба! — важно напоминает Ленка. — Тебе его не хватает!

— Мне не хватает адреналина, — искренне соглашаюсь я. — Драки, драйва, криков. Но это быстро пройдет. Начинаю привыкать к спокойствию.

— Все вернется! — предрекает провидица Ленка. — Еще снесет взрывной волной! Ты думаешь, почему он в агентстве не появляется? Чтобы тебя не видеть. Ему от твоего вида крышу сносит. С глаз долой! И Светлану к агентству прикрепил, чтобы тебе о себе напоминать. Ревность твою вызывает.

— Глупости! — возражаю я. — Я его от себя как раз к Светлане и отталкивала постоянно.

Вечером иду в кресло и натыкаюсь на Дарью Владиленовну, сидящую в нем.

— Простите, Дарья Владиленовна! — улыбаюсь я старой женщине. — Я не думала, что так поздно здесь кто-то есть.

— Да. Обычно в это время я уже сплю. Рано ложусь и рано встаю. Но сегодня мне захотелось с вами поболтать, Ниночка! — мягко и ласково Дарья Владиленовна берет меня за руку.

Ставлю чашку с молоком на стол и сажусь прямо на ступеньку рядом с креслом.

— Вы знаете, моя дорогая, что я люблю вас с самого вашего рождения. Вы росли на

моих глазах, — Дарья Владиленовна щурит голубые глаза. — И мне очень захотелось сказать вам, как я за вас рада. Такая любовь случается не у каждого. Это награда вам за то, что вы необыкновенный, чудесный человек.

— Награда? Любовь? — вглядываюсь я в знакомое с детства доброе лицо. — Вы обо мне?

— Конечно! — радуется женщина. — Посмотрите на меня, дорогая! Я когда-то, очень давно, отказалась от любви, потому что мне казалось, что я одна за двоих знаю, как все должно быть. Как правильно. Как прилично. Как лучше и для меня, и для него.

— И что случилось? — осторожно спрашиваю я.

— Жизнь не дала мне второго шанса, — просто и спокойно отвечает на мой вопрос старая женщина.

— Вы считаете, что это мой шанс? — и я замираю, ожидая ее ответа.

— Странно, что так не считаете вы, — Дарья Владиленовна внимательно смотрит на меня своими умными глазами. — Я знаю, вы честны, щепетильны и откровенны. Хорошо представляю, какие противоречивые мысли ходят в вашей голове. Это прекрасно, что вы сомневаетесь и не хотите быть причиной несчастья другого человека. Но это не тот случай…

— А какой это случай? — продолжаю сомневаться я.

— Счастливый, моя дорогая, счастливый, — Дарья Владиленовна встает и, поцеловав меня в лоб, уходит к лифту.

Я перебираюсь в кресло и долго, медленно, маленькими глотками пью в темноте остывшее молоко.

— Сегодня возвращается Холодильник! — сообщаю я Ленке за нашим совместным традиционным завтраком по скайпу.

— О! Он не выдержал! — громко радуется подруга. — Всего лишь сорок пятый день! Сдался, миленький! Я же говорила!

— Ты не так говорила! — спорю я с Ленкой. — Ты говорила, что сила его чувств так велика, что он готов терпеть два месяца.

— Вот! Поэтому и не вытерпел! — изящно выворачивается Ленка. — Ну, скажи же, что ты соскучилась!

— Ни капельки! — возражаю я, вспомнив спокойные шесть недель. Да, скучноватые, да, длинноватые. Но спокойные!

— Врешь! — закругляет разговор Ленка и отключается.

Утро следующего дня начинается с приказа о моем увольнении.

— Что попросил? — нахмурив брови, переспрашиваю я у Риммы Викторовны.

— Александр Юрьевич только что попросил приготовить проект приказа о вашем увольнении, — хихикая, повторяет Римма Викторовна.

— Это так смешно? — удивленно спрашиваю я.

— Конечно! — кивает головой секретарь Хозяина. — По условиям передачи агентства в руки Климова-младшего Климовым-старшим наложено вето на увольнение всего старого кадрового состава. Список из двадцати человек. Начинается с Павлы Борисовны, дальше все Карповы, а потом сразу ты, Нина. В первой пятерке.

— Холо… Хозяин это знает? — вздыхаю я.

— Знает, конечно, — продолжает хихикать Римма Викторовна.

— Приглашает меня в кабинет? — догадываюсь я о причине такого приказа — ему надо

заманить меня к себе под деловым предлогом. Мог бы просто вызвать. Я же его арт-директор. Что за игры?

— Нет! — отрицает Римма Викторовна. — Наоборот, просил тебя его не беспокоить.

— Меня?! — не верю я в услышанное.

— Да. Так и сказал, Симонову-Райскую пока ко мне не пускать, — подтверждает Римма Викторовна, перестав смеяться.

Вылетаю из своего кабинета и влетаю в его, преодолев расстояние за пару минут. Холодильник сидит за своим столом и перебирает какие-то бумаги. Хлопаю дверью от злости и раздражения. Он медленно поднимает на меня глаза, равнодушно-карие, спокойные.

— Я вас не приглашал, — резко говорит он, вставая из-за стола. — Даже специально попросил, чтобы вы пока не приходили.

— Что за глупости с моим увольнением? — выдыхаю я, забыв и вспомнив, какой он… внушительный, красивый, сильный.

Александр Юрьевич похудел и, если можно так говорить про мужчину, похорошел. И он был… Глазам не верю! В розовой рубашке!

— Что это? — задаю я второй вопрос. — Что с вами случилось?

Холодильник хмурится и непонимающе смотрит на меня.

— На вас розовая рубашка! — обвиняю я.

— А на вас голубой костюм! — отвечает мне Холодильник. — В чем ирония?

— Вас опоили, заколдовали, пытали? — не верю я свои глазам. — Вы не могли добровольно надеть рубашку такого цвета.

— Мог и надел, — сухо отвечает на мои эмоциональные крики Холодильник. — Эту рубашку мне подарила моя невеста. Мы сегодня идем на важную встречу и должны быть в одном… цвете. Для Светланы это важно.

Мне напомнили про невесту. Поставили на место. Что ж… Постою.

— Черт с ней, вашей рубашкой! — ругаюсь я неинтеллигентно. — Что за бред с моим увольнением?

— Почему бред? — терпеливо-равнодушно отвечает Холодильник. — Я послал запрос отцу. Вдруг он не откажет?

— За что? За Тарасовых? — догадываюсь я. — Вы просматриваете бумаги по моему последнему проекту?

Послушайте, госпожа Симонова-Райская, — спокойный голос Холодильника пугает и раздражает одновременно. — Вы уже разводили господ Тарасовых. И сводили. Теперь заново? Они шизофреники, которым доставляет удовольствие сходиться и расходиться.

— И что? — бешусь я. — Галина Ивановна и Степан Ильич — наши постоянные клиенты. Не наше дело, сколько раз они будут сходиться и расходиться. Наше дело — провести праздник так, как его не проведет ни одно агентство города.

— Я знал, что у вас сбиты самые важные морально-нравственные ориентиры, — пожимает плечами Холодильник и показывает свой знаменитый жест на выход.

— У меня?! — я почти теряю дар речи. — Это мне говорит человек, который ежедневно склонял меня к близости при живой невесте? Преследовал? Шантажировал? Угрожал? Запугивал?

Холодильник едва заметно морщится и не отвечает.

— Кстати, рубашка отвратительная! — бросаю я, гордо выходя из кабинета начальника.

— Это не он! Это кто-то другой! — раздраженно рассказываю я Димке и Костику, с которыми сижу в нашем кафе и пью кофе.

— Не торопись с выводами, — задумчиво говорит мне Димка. — Ты ж не знаешь, где он был и что делал.

— Не знаю, но точно не на передовой! — машу я на Димку руками. — Он в розовой рубашке!

Оба молодых человека смотрят на меня пораженно.

— Розовой? — переспрашивает Димка. — Ты, мать, ничего не перепутала?

— Мерзко розовой! — подтверждаю я.

— Это серьезно! — присвистывает Костик.

В кафе спускается Павла Борисовна.

— Нина, вы только не волнуйтесь, но Александр Юрьевич не подписывает договор с Тарасовыми. Я ничего не могу сделать!

— Дежавю какое-то! — бормочу я, забирая у Павла Денисовича поднос с кувшином гранатового сока и двумя стаканами.

Сейчас ко мне подъедет Галина Ивановна Тарасова обговаривать сценарий нового праздника для их семьи. А он договор подписывать не хочет?!

Выхожу с подносом в холл и направляюсь к лестнице. Посреди холле стоит Холодильник и разговаривает с Прохором Васильевичем, увидев меня, хмурится и быстро идет к лифту.

— Александр Юрьевич! — окликаю его я.

Холодильник не оборачивается и не останавливается, заходя в вызванный для него лифт.

Это что сейчас было? Он меня игнорирует? Прячется в лифт?

Желание оставить последнее слово за собой срывает пожизненные предохранители — и я залетаю в лифт прямо за тошнотворно-розовым Хозяином.

Глава 25. Дежурный

Дружба между мужчиной и женщиной ослабевает к вечеру.
Народная мудрость

Собрание тайного общества последователей Нины проходит в моей большой, но уютной квартире.

— Что с Тарасовыми? — беспокоится растерянный Димка. — У нас же почти все готово. Неужели отменим?

— Праздник для Тарасовых проведем, даже если не удастся уговорить хозяина подписать договор! — авторитетно утверждаю я. — Надо только быть уверенными, что Хозяина не будет в агентстве.

— Заманчиво, но опасно! — осторожно предостерегает Римма Викторовна. — Он совершенно непредсказуем. Появиться может в любой момент.

— Поэтому нам нужны железобетонные гарантии его отсутствия, — терпеливо объясняю я Римме Викторовне и Павле Борисовне. — И это ваше задание.

— Мы не сможем провести проект по нашей бухгалтерии, — строго напоминает мне Павла Борисовна.

— Тарасовы готовы расплатиться наличными, — радостно сообщаю я заговорщикам. — Просто сделаем расчеты, как для безнала, чтобы в случае чего все-таки провести задним числом.

— Безумство! — со страхом смотрит на нас Ленка.

— Нет. Если заручиться поддержкой Юрия Александровича, — успокаивает ее мудрая Павла Борисовна и, хитро улыбаясь, добавляет. — А мы заручились. Обговорив основные детали подпольного праздника, часть заговорщиков расходится. С оставшимися разговор принимает более личный характер.

— Вы с Холодильником сегодня все рекорды по крикам побили, — смеется довольный Димка. — А ведь когда он только приехал, таким тихим показался… Изменившийся. Молчаливый. Спокойный. Нет! Наша злобная Нинка на метле прилетела — началась буря!

— Он похудел, — некстати вспоминаю я, пропустив, но запомнив Димкину шутку.

— Сохнет от любви, — подсказывает Ленка. — Шутка ли! Сорок пять дней без женщины!

— Этого мы знать не можем! — вяло протестую я, ощутив, как сжалось что-то внутри и родилось нечто гаденькое и необъяснимое.

— Гарантирую! — клянется Ленка, положив руку на сборник стихов Окуджавы, который лежит на журнальном столике. — Чем закончилась история с рубашкой?

— Не знаю, — с удовольствием хихикаю я. — От твоей коралловой он наотрез отказался! Орал так, словно бизнес потерял.

— Сейчас посмотрим! — Костик быстро-быстро набирает что-то в своем ноутбуке, с которым никогда не расстается. — Вот ваш Холодильник!

С экрана на нас смотрит счастливая Светлана в роскошном вечернем розовом платье, так идущем ей. Потому что молодая и свежая. В моем возрасте с розовым надо быть очень осторожной. Холодильник с лицом директора кирпичного завода, слегка придерживая Светлану за талию, смотрит в объектив светского фотографа. Он в привычной белоснежной

рубашке. Пустячок, а приятно…

— Что-то он не так доволен, как его несостоявшаяся невеста, — замечает Ленка.

— Почему несостоявшаяся? — спорю я с подругой. — Еще ничего не ясно.

— Мне, — Ленка тычет себе в грудь указательным пальцем, — все совершенно ясно с самого начала! Александр Юрьевич в поиске способа удовлетворить всех и в ожидании окончания второго месяца разлуки.

— Так не бывает! — горячусь я. — Всегда надо выбирать. Я согласна, что часто это непросто, но никто не просил его выбирать. Мне кажется, что он и не собирался это делать…

— Он давно выбрал. Ему просто девушка попалась красивая, но туповатая, — сетует Ленка, подмигивая нашим мальчикам.

— Неправда! — горячится расстроенный Ленкиными словами Димка. — Светлана не туповатая. Она просто… скромная и застенчивая.

— Да не о твоей Светлане речь! — крутит у виска Ленка. — Здесь другие главный приз за тупость выиграли. Те, которые вне конкуренции.

— Не смешно! — громко протестую я. — Это только твои домыслы. Ты за Хозяина сама все придумала. А ему от меня только одно надо было. Он этого не получил — и был таков!

— Он это самое получить может платно и бесплатно в любое время суток! — вдруг поддерживает Ленку Костик. — А на тебе его замкнуло так, что все агентство на цыпочках и шепотом несколько месяцев жило, пока он не уехал так надолго.

— Да уж… — тянет Димка. — Теперь он вернулся, встретился с Нинкой и вспыхнул снова. Как говорится, из искры возгорится пламя!

— Ага! Из искры! — подхватывает шутку Костик. — Нет! Просто наша Нинка была с канистрой бензина.

— Клоуны! — беззлобно огрызаюсь я. — Вы выдаете желаемое за действительное. Такие люди, как Холодильник, не руководствуются чувствами. Только логикой. Ну, сбил слегка программу сначала, причем от злости, а потом перезагрузился — и как новенький!

— Нет! Его сбило окончательно и бесповоротно, — убеждает меня Ленка, — Он давно твои вводные в программу включил и несколько вариантов твоего завоевания просчитал. То, что происходит сейчас, просто один из вариантов. Не сработает — просчитает другой. Не удастся со вторым — будет третий!

— Это не походило на завоевание! — сердито ворчу я. — Это было… соблазнение, давление, запугивание, в общем, что угодно, но не завоевание.

— Звучит как песня! — мечтательно закатывает глаза Ленка. — Каждая вторая женщина о таком всю жизнь только в книжках читает да в фильмах смотрит! Влюбился. Воспылал почти животной страстью. Активно принуждает к сексу, но не насилует. а уговаривает. Просто список желаний на новый год, а не программа действий маньяка!

— Девочки! — предупреждающе смеется Димка. — Вы нас плохому научите! Вернемся к Светлане. Она сегодня напоминала про обещанный праздник для Маши.

— Я очень-очень хочу подготовить такой праздник! — искренне горячусь я. — Но для живой девочки Маши! Настоящий детский праздник. С детьми, понимаете?!

— Понимаем! — мои друзья синхронно кивают головой.

— А где ты ей детей возьмешь? — спрашивает меня Димка. — Напрокат?

— Я что-нибудь придумаю, — не сдаюсь я. Гоняю мысли об этом туда-сюда постоянно. — И еще я хочу найти ее мать.

— Зачем? — теперь звучит синхронный вопрос от троих.

— Чтобы понять, что произошло, — объясняю я. — Это не дает мне покоя.

— Вообще-то я могу помочь, — обещает Костик. — Я тут порылся… И вот, что нашел.

Костик разворачивает в мою сторону экран своего компьютера. На фотографии молоденький Михаил рядом с такой же юной девушкой- невестой. Свадьба Климова-младшего. Потом мы просматриваем видео пятилетней давности, которое на просторах интернета нашел Костик. Щуплый сын Кирилла Ивановича кажется мне по-настоящему счастливым. Он так трогательно оберегает свою невесту, что даже наши чужие глаза видят, как молодые любят друг друга. "Татьяна" — моя память услужливо предлагает имя жены Михаила, так ее назвал свекр, Климов-старший. Мою маму зовут так же, но я и в страшном сне не могу себе представить, чтобы она бросила меня, свою единственную дочь. Татьяна и на фото, и на видео выглядит как счастливая, по-настоящему влюбленная женщина.

— Почему? — удивленно произношу я.

— Может, она наркоманкой стала? — осторожно предполагает Ленка. — У богатых это часто скрывается, чтобы репутацию семьи не испортить.

— Вариант! — поддерживает Ленкину версию Димка. — Поэтому ее и выгнали. Хотя… Возможно, что и не выгоняли. Лечат где-нибудь в закрытой частной клинике и от всех скрывают и ее саму, и информацию о ней.

— Или заграницей! — увлеченно подхватывает Костик и таинственно добавляет. — Но…

— Но? — мне не терпится узнать, что нарыл наш пронырливый айтишник.

— Но она жива, здорова, живет в новой семье. Уже три года, — рассказывает Костик, довольный произведенным впечатлением.

— Вот стерва! — пряча слезы, возмущается Ленка, для которой вопрос материнства болезненно тяжел. Моя подруга потеряла ребенка за два года до нашего знакомства во время долгого и сложного развода с "негодяем" Витькой. Выкидыш на поздних сроках. — Убила бы! Живет себе, а ребенок брошен. Семья, конечно, богатая, только мать ничто не заменит. Деньги тем более…

Мое сердце сжимается, отдаваясь болью под лопатками. Как же так? Почему?

— Я вам больше скажу, — как-то странно вздыхает Костик, словно боится нас расстроить. — У нее двое детей. Погодки. Мальчик и девочка. Пацан двух лет и годовалая девочка.

Мы пораженно молчим. Ленка всхлипывает. Это более чем странно… Кирилл Иванович описал мне Татьяну безответственной и равнодушной. Просто профессиональной кукушкой.

— Ты сможешь ее найти? — быстро загораюсь я новой идеей. — Пожалуйста!

— Постараюсь. Думаю, что смогу, — самодовольно усмехается Костик. — Дай мне времени до завтра.

Звонок в дверь заставляет меня посмотреть на часы. Правильно, девять часов вечера. Как по будильнику.

— О! — подкравшись к дверному глазку, шепчет Ленка. — Твой Дежурный!

— Мне теперь страшно любопытно, твой Холодильник ему руки-ноги медленно переломает или быстро голову свернет? — хохмит Димка, потирая руки.

— Ну, пятнадцать дней тронуть не должен, если слово сдержит, — неуверенно говорю я, растерявшись.

— А потом свернет, не сомневайся! — убеждает меня довольный ситуацией Димка и

просит. — Достанешь билетики в первый ряд на это представление?

— Они лучшие друзья, — фыркаю я. — Мне поначалу вообще казалось, что его Холодильник приставил ко мне вместо Евгения. Типа негласной охраны.

— Поначалу? — улыбается Димка. — А теперь тебе так не кажется?

— Теперь нет! — смеется на цыпочках отошедшая от двери Ленка. — Не зря же все агентство зовет его Дежурный.

Мои друзья несколько минут посвящают издевательствам надо мной и Матвеем Сокольским, который ежедневно приезжает в агентство меня "навестить". Даже не знаю, как так получилось…

Полтора месяца назад, на следующий день после того, как Матвей привез меня домой из загородного коттеджа Холодильника, он появился снова под предлогом проверить, все ли со мной в порядке. В тот день он довольно долго сидел в нашем кафе и болтал с приходящими перекусить сотрудниками. Потом караулил меня под моим кабинетом. Я думала, чтобы приставать с расспросами. Но я ошиблась.

— Милая моя! — Матвей широко развел руки, словно собрался крепко обнять.

— Да у вас тут так интересно! Я получил ответы на множество вопросов.

— А именно? — осторожно спросила я лучшего друга Холодильника, который заявился в агентство в элегантном сером костюме и пепельно-серой рубашке.

Смешно! Жили у бабуси два веселых гуся. Один серый. другой белый.

— Видите ли, — усмехнулся Матвей, заглядывая мне в глаза и ожидая какой- то реакции. — Час назад я пил кофе с главой рекламного отдела. Теперь…

— Вы знаете обо мне все и даже больше! — искренне-облегченно рассмеялась я. — После Марины мне лучше не придумать. Не буду и пытаться…

— Почему же? — картинно расстроился Матвей. — Теперь вопросов еще больше! Я просто сгораю от любопытства, милая!

— И чем же я вам так мила? — удивилась я, приправив свой вопрос иронией.

— Вы милы сами по себе! — радостно сообщил мне Матвей. — Я чувствую, что являюсь вашим спасителем. Пока не понял от чего, но точно знаю, от кого. Это вы признаете?

— Признаю! — мне весело и грустно одновременно. Что было бы, если бы вчера в доме Климова на оказался неожиданно приехавший друг?

— Значит, вы должны мне кое-что приятное! — Матвей осторожно, почти с опаской взял меня за локоть. — Завтрак? Обед? Ужин?

— Максимум — полдник! — невольно рассмеялась я, настойчиво освобождая свою руку.

— Оригинально! — подхватил смех Матвей. — Мне тридцать лет, а я еще никогда не полдничал с красивой, нет, очень красивой девушкой!

— Тогда я вас угощу! — пообещала я, уверенная, что передо мной шпион Хозяина.

— Вы в курсе, — подобострастно говорит мне Матвей, — что ваши глаза толкают мужчин на необъяснимые поступки? Только что они были голубыми. теперь почему-то зеленые.

Мы сидим в нашем кафе, и Павел Денисович угощает нас настоящей творожной запеканкой, за возможность попробовать которую любой из нашего агентства отдаст ползарплаты.

— Боже! — восклицает Матвей, положив в рот маленький кусочек запеканки. — Я

прошу политического убежища в вашем агентстве. Могу отрабатывать дворником или посудомойкой.

Я смеюсь, попадая под обаяние его веселых серых глаз, смотрящих на меня с интересом, но без подтекста.

С того самого дня ежедневно Матвей появляется в агентстве под любым предлогом: пополдничать у Павла Денисовича (подсел, что ж поделать!), привезти мне букетик подснежников (не смог пройти мимо, надо подарить, ведь их уже сорвали!), прочесть мне новое стихотворение, которое он выучил (раз в неделю учу по одному стихотворению — и так всю жизнь!), пригласить на выставку, на прогулку, в театр, в кино (знаю, что не пойдете, милая, но… попытка не пытка!).

За полтора месяца все в агентстве так привыкли к Матвею, что он, с легкого языка Павлы Борисовны, получил прозвище Дежурный.

Последнюю неделю Матвей приходит в девять часов вечера, минута в минуту. Агентство уже закрыто, и он приходит со стороны внутреннего двора ко мне в квартиру. Напрашивается на чай и развлекает меня стихами или шутками. Задерживается ненадолго, минут на тридцать-сорок. Потом уходит, чтобы прийти на следующий день.

— Запускать? — хихикает Ленка.

Киваю и задумываюсь: Матвей вообще знает, что Холодильник вернулся? Или нет?

Май стоит теплый, почти жаркий. Матвей в легких джинсах и синей футболке.

— Всем привет! — здоровается Дежурный. — Вечеринка или заговор?

— Вечеринка! — отвечаю я.

— Заговор! — дружно подтверждают Ленка, Костик и Димка.

Матвей раскатисто смеется, наполняя весельем и хорошим настроением комнату.

— Проводишь? — находчиво спрашивает Димку Ленка.

— Конечно! — быстро понимает намек мой помощник и вскакивает с дивана. Друзья уходят, оставляя нас наедине и напоследок беспрестанно подмигивая.

— Обязательно скажи своему Дежурному, что жить ему осталось две недели, — Димка очень доволен собой и своей шуткой.

— Окуджава! — улыбается Матвей, увидев на журнальном столике старый сборник стихов. Он начинает артистично декламировать:

Эта женщина! Увижу и немею.
Потому-то, понимаешь, не гляжу.
Ни кукушкам, ни ромашкам я не верю
и к цыганкам, понимаешь, не хожу.
Напророчат: не люби ее такую,
набормочут: до рассвета заживет,
наколдуют, нагадают, накукуют…
А она на нашей улице живет!

— Прекрасно! Спасибо! — благодарю я гостя, улыбаясь против воли от уха до уха, и говорю. — Мне есть, чем ответить!

Девочка плачет: шарик улетел.
Ее утешают, а шарик летит.
Девушка плачет: жениха все нет.
Ее утешают, а шарик летит.

Женщина плачет: муж ушел к другой.
Ее утешают, а шарик летит.
Плачет старушка: мало пожила…
А шарик вернулся, а он голубой.

— Прелесть! — улыбается мне Матвей.

— Еще какая! Это наивное стихотворение Окуджавы мое любимое! — соглашаюсь я.

— Вы не поняли! — смеется Матвей, обливая меня теплым расплавленным оловом добрых серых глаз. — Это вы, милая, прелесть!

— Спасибо за комплимент, — осторожно говорю я. — Но он лишний.

— Почему? — глаза Матвея внезапно становятся темно-серыми, как хмурое весеннее утро. — Мне приятно говорить вам комплименты, тем более они правдивы и искренни.

— А мне неприятно, — честно отвечаю я. — Вернее, не неприятно, а неловко. Я не хотела бы изменять что-то в наших отношениях.

— У нас есть отношения? — быстро спрашивает меня Матвей, подходя близко-близко.

— Нет. То есть, да… — путаюсь я под внимательным строгим взглядом насторожившегося мужчин. — Я не знаю. О дружбе говорить рано, об отношениях бесполезно.

— Почему? — снова быстрый вопрос и странный взгляд.

— Дружба для меня чувство серьезное и ответственное, — я старательно подбираю слова для объяснения своих представлений о жизни. — А отношения я ни с кем строить не готова.

— Почему? — звучит в третий раз.

— Потому что не люблю, — тихо и твердо отвечаю я, не отводя своего взгляда. — Других отношений с мужчиной я себе не представляю.

— Отношения можно вырастить, выкормить, взлелеять, — шепчет Матвей, беря меня за руку.

— Тогда для меня это не чувство, — возражаю я, забирая свою руку. — Я не хочу растить и лелеять.

— Чего же вы хотите? — Матвей не собирается отодвигаться.

— Я хочу абсолютного понимания невозможности существования отдельно, — говорю я, отступая назад.

— Это тоже может прийти постепенно, — не соглашается со мной Матвей.

— Зачем вам это? — подозрительно спрашиваю я. — Это задание вашего друга или ваша инициатива?

Матвей недовольно хмурится, досадливо морщась:

— Милая! Я не из тех, кто выполняет задания. Платон мне друг, но истина дороже!

— Тогда зачем эти ежедневные встречи? — начинаю я допрос с пристрастием.

Матвей долго молчит, потом отходит к окну, смотрит на улицу. Только минут через пять напряженной тишины он начинает говорить:

— Не буду врать, что у меня "понимание невозможности существования отдельно", но я близок к этому.

— Не надо! — испуганно прошу я. — Мне бы не хотелось…

— Но дружбу? Дружбу ведь можно вырастить и выкормить? — не сдается Матвей, повернувшись ко мне со странным выражением лица. — Или вы из тех, кто не верит в дружбу между мужчиной и женщиной?

— Не знаю, никогда об этом не задумывалась, — теряюсь я. — Хотя с Димкой и Костиком я дружу. С Костиком четыре года, с Димкой два.

— Вот! — радостно восклицает Матвей. — Значит, бывает такая дружба?

— Они моложе меня, — привожу я первый аргумент.

— Возраст дружбе не помеха, — парирует Матвей. — Вы дружите с Карповыми, а они вас все значительно старше.

— Они мои подчиненные, — вспоминаю я.

— Вообще не аргумент! — смеется Матвей. — Как раз дружить с подчиненными — дурной тон!

— Наше агентство вообще необычное! — горячусь я.

— Я заметил! — успокаивает меня Матвей. — Мне у вас очень нравится. Здесь пахнет традициями и временем. А это дорогого стоит!

— Спасибо! — на этот раз моя благодарность искренняя.

— Пожалуйста! — смеется Матвей. — Не хотите прогуляться?

— Нет. Не хочу, — привычно отказываюсь я.

— Но начинающие друзья вполне могут себе позволить прогуляться, — усмехается мужчина.

— Я не могу, — возвращаю Матвею усмешку. — Чай?

— Нет. Откажусь, пожалуй, — расстроенно отвечает Матвей, наполнив хитрые глаза печалью. — Вы подтверждаете одно из самых печальных моих предположений.

— Поделитесь, какое? — против воли улыбаюсь я обаятельному мужчине.

— Обязательно, но не сейчас, — обещает Матвей и идет к выходу. — До завтра, милая!

Утром в мой кабинет приходит довольный Костик.

— Вот адрес Татьяны. Хочешь совет?

— Хочу, — покорно соглашаюсь я, испытывая радостную тревогу. Я не совсем дурочка и понимаю, конечно, что не верну Маше мать. Но я хотя бы пойму, что произошло в этой странной семье.

— Она каждый вечер гуляет в парке возле дома с обоими детьми. В такую хорошую погоду часа два, не меньше. Где-то с шести до восьми, — выдает нужную мне информацию Костик. — Вот ее свежее фото.

На фотографии я сразу узнаю девушку со старого видео. Чуть поправилась. Выглядит спокойно-счастливой. Сидит на лавочке с букетом белой сирени в руках и улыбается фотографирующему нежно, с любовью. Как?! Как она может быть такой довольной и расслабленной, когда бросила свою первую дочь? Видела ли она, в кого превратилась маленькая одинокая девочка?

— Не реви! — бурчит Костик, стесняясь моих слез. — Поедешь?

— Поеду! — решительно отвечаю я, вытерев слезы.

После ухода Костика некоторое время сижу, рассматривая фотографию. Боюсь ехать одна. Надо, чтобы кто-то меня сдерживал. Ленка отпадает: все, что касается брошенных детей, ей противопоказано. Димка кажется мне незрелым для настоящего помощника. Костик по вечерам занимается спортом. Карповых вообще привлекать нельзя — вредно для из здоровья.

— Матвей! Привет! — за полтора месяца впервые звоню мужчине сама. — Есть просьба. Поможешь?

— Милая! Это не розыгрыш? — пораженным голосом спрашивает Матвей. — Я тебе

нужен?

— Для дружеской услуги, — спохватываюсь я, сделав вид, что не заметила переход на "ты". — Вечером, около шести.

— Рад, что ты вспомнила обо мне, — проникновенно говорит Матвей, закрепляя успех. — Очень рад. Спасибо.

Вечером Матвей приезжает за мной, и мы едем на другой конец города, в новый жилой микрорайон. Припарковавшись, прогуливаемся в довольно большом парке. В этот теплый майский день в парке много народа. Почти все с детьми. Пугаюсь, что могу не найти Татьяну. Еще по дороге коротко рассказываю Матвею о цели нашей поездки. Сначала он пораженно молчит, потом осторожно говорит:

— Милая! Твое ли это дело?

— Не мое! — со вздохом соглашаюсь я. — Но ничего с собой поделать не могу! Если бы ты видел Машу, ты бы понял меня.

— Как скажешь, — медленно отвечает Матвей. — Рад помочь.

Именно Матвей увидел и узнал Татьяну. Она раскачивала на качелях маленького хорошенького мальчугана одной рукой, а другой рукой придерживала за ручку ярко-желтую детскую коляску.

Пока я мучительно придумывала, как подойти и начать разговор, Матвей неожиданно взял меня за руку и решительно повел по направлению к Татьяне.

— Здравствуйте, Татьяна! — Матвей остановился возле качелей.

Женщина удивленно посмотрела на нас и ничего не ответила. По выражению ее лица было понятно, что она мучительно пытается вспомнить нас, но не может.

— Нет! — начала объяснять я. — Вы нас не знаете. У нас к вам важное дело. Мы можем поговорить?

— Я не виновата! — схватив ребенка с качелей, она прижимает его к себе левой рукой, правой пытаясь толкать вперед коляску, чтобы обойти нас.

— Не бойтесь! — Матвей встает на пути коляски. — Мы не причиним вреда ни вам, ни вашим детям. У нас только пара вопросов.

— Я отдам деньги. Позже. У меня пока нет! — в глазах Татьяны плещется настоящее отчаяние.

— Нам не нужны никакие деньги! — я молитвенно складываю руки. Только поговорить.

Я усиленно улыбаюсь перепуганной женщине, Матвей, получивший локтем в бок, тоже приветливо и обаятельно улыбается.

— Вы от кого? — слегка успокаивается Татьяна.

— Мы от себя. Мы только спросить, — продолжаю уговаривать я.

— Давайте присядем! — берет в свои руки ситуацию Матвей и ведет всех нас к длинной деревянной лавке.

— Что вам нужно? — Татьяна тяжело дышит, сев и посадив на колени сына, спокойного мальчишку, одетого в милый бело-голубой полосатый костюмчик.

— Вы мама Маши Климовой?! — выдаю я вдруг без предисловия.

Татьяна охает и прижимает к себе ребенка, пытаясь встать. Матвей аккуратно придерживает ее, не давая подняться.

— Не бойтесь! Хотите мы покажем вам свои документы?! — почти кричу я, пытаясь ее удержать, и начинаю рыться в сумочке в поисках паспорта. Татьяна внимательно

рассматривает мой паспорт и водительские права Матвея, немного успокаивается.

— Что именно вы хотите знать? — дрожащим голосом говорит Татьяна.

— Вы мама Маши Климовой?! — повторяю я вопрос.

— Да! — кивает Татьяна, глядя вперед стеклянными глазами.

— Почему вы оставили ребенка отцу и не пытаетесь участвовать в жизни Маши? — пытаю я ее. — Вас выгнал муж или его отец?

Татьяна вглядывается в мое лицо, пытаясь что-то увидеть.

— Я ушла сама.

— Почему? — не могу удержаться от дурацкого вопроса. — Разлюбили Михаила?

— Михаила? — непонимающе переспрашивает Татьяна. — Да. Нет. Дело не в этом.

— А в чем? — вкрадчиво спрашивает Матвей, подкупая Татьяну новой улыбкой.

— Это неважно! — Татьяна все-таки вскакивает со скамьи и громко говорит, так, чтобы ее услышали окружающие.

— Мне пора кормить детей! Всего доброго!

И быстро удаляется по аллее, дергано толкая перед собой коляску. Я пытаюсь пойти за ней, но Матвей меня не пускает. Только сейчас замечаю, что он так и не отпустил мою руку.

— Не надо, милая! Мы напугали ее. Надо придумать что-то другое.

— Не верю! — горячо говорю я.

— Чему, милая? — ласково спрашивает Матвей, положив вторую руку на мое плечо.

— Тут что-то не так! Не могла Татьяна добровольно оставить ребенка от любимого человека, а потом рожать от другого! Ты же видел! — доказываю я.

— Похоже на то, — соглашается со мной Матвей, слегка приобнимая. — Поехали. Подумает, что делать дальше.

На следующий день после обеда Римма Викторовна приходит ко мне в кабинет и, плотно закрыв дверь, шепотом говорит:

— Нина! Мне надо тебе кое-что показать. Александр Юрьевич уехал на час. Пока приемная пуста, нам надо пройти в его кабинет. Это важно.

В кабинете Холодильника как в холодильнике. Холодно и тоскливо.

— Синяя папка на столе. Только запомни, как лежала. Быстро посмотри — и уходи! — Римма Викторовна убегает в приемную.

Осторожно открываю синюю папку. Господи! Обманул! Внутри целая россыпь фотографий. Успеваю увидеть несколько верхних: я и Матвей. Вот мы держимся за руки, как будто влюбленная парочка. Вот Матвей обнимает меня за плечи, а я преданно смотрю ему в глаза. Вот он поправляет локон моих волос, заправляя его за ухо (не помню такого!).

Холодильник за мной следит! Горячая мысль обжигает, оставляя ожог на тонкой корочке доверия, которая начала образовываться сорок шесть дней назад.

— Это промышленный шпионаж или вы соскучились? — громкий вопрос, заданный голосом Холодильника, застает меня врасплох, и я роняю пачку фотографий, которых оказывается несколько десятков. Они веером рассыпаются по столу.

— О! — сразу начинаю отстреливаться, давясь сарказмом. — Ваше благородие! Мужчина! Человек чести! Мужик сказал — мужик сделал!

— Если вы о фотографиях, — спокойно говорит Холодильник, медленно подходя ко мне и почти парализовав ароматом знакомого парфюма. — То не принимайте все насчет себя. Посмотрите внимательно! Это не ваша фотосессия.

Опускаю взгляд на стол, обхватывая себя дрожащими руками. Холодильник начинает

раскладывать передо мной снимки не торопясь, по одному. Татьяна выходит из подъезда. Татьяна гуляет по аллее, ведя за руку сына и толкая коляску с дочерью. Вот она сидит на бортике песочницы, в которой возится сын. Вот достает из коляски дочь. Вот кладет ее обратно.

— Я всегда держу свое слово. Я не слежу за вами. Я слежу за ней.

Глава 26. Неожиданное возвращение

— Ступайте прочь! Прочь от меня!
Уходите, слышите?
Я не желаю вас больше видеть.
Никогда. Я буду счастлива, если вас разорвет снарядом!
На тысячи кусков! Я… Не утруждайте себя подробностями.
Основная мысль ваша мне ясна.
Маргарет Митчелл "Унесенные ветром"

— Зачем вы это делаете? — пораженно спрашиваю я Холодильника. — Вас Светлана попросила?

— Нет. Меня никто ни о чем не просил. Я сам решаю, что мне делать, — Холодильник спокойно собирает рассыпанные по столу фотографии, складывает в папку и ледяным тоном спрашивает. — А вот как вы с… Матвеем там оказались?

— Решили прогуляться по красивому парку, — предложила я первую проходную версию.

— На другом конце города? — иронизирует Хозяин, невозмутимо усмехаясь. — Именно в этот парк захотелось?

— Свобода волеизъявления гражданина распространяется и на выбор парков для прогулок, — находчиво подсказываю я.

— И на выбор сопровождающих? — начинает работать морозильная камера.

— Естественно! — тут же соглашаюсь я и добавляю, не удержавшись. — Вы сами меня познакомили с Матвеем. Если это так можно назвать…

— А как бы вы это назвали? — Холодильник хмурит брови.

Смотрю на мрачного мужчину. Все-таки похудел… Может, болел?

— Ну… Сам Матвей считает, что спас меня, — нахально вредничаю я.

— Даже так? — лицо Холодильника темнеет еще больше, резче обозначаются скулы.

— Да. Я тоже так считаю! — горячо и честно говорю я. — Если бы он не оказался тогда в вашем доме…

— Вы серьезно считаете, что вам что-то угрожало? — негромко и разочарованно спрашивает Холодильник.

— Мне угрожали вы, — услужливо напоминаю я.

— Разве? — Холодильник грустно усмехается. — Я просил время для обстоятельного разговора. Вы мне его не давали. Я поменял обстановку.

— Вы поменяли декорации для вашего спектакля, — сквозь зубы жестко констатирую я, перестав тщательно подбирать слова для ответа. — Но разыграть спектакль по своему сценарию вы не сможете. Главная актриса любит импровизировать.

— Я это заметил, — небрежно бросает в ответ Холодильник. — Вы вообще склонны к эпатажу.

— Я?! — мгновенно задыхаюсь от возмущения. — Неужели?! Вы хотя бы знаете точное значение этого слова? Эпатаж — это умышленная скандальная, провокационная выходка. Шокирующее поведение, нарушающее общепринятые нормы. Все про вас, не про меня!

— Провокации ваши, а умысел мой? — уточняет Хозяин.

— Какие провокации? — моему возмущению нет предела.

— Самые разнообразные: разрезы до резинки чулок, короткие юбки, голые животы, шампанское с наркотиками, похотливый Гена, пронырливый журналист. Всего и не упомнить, — быстро и резко бросая слова, перечисляет Холодильник.

— Поправьте меня, если я ошибусь, — шиплю я, нервно облизывая пересохшие губы. — Вы, господин Климов-младший, новый хозяин нашего агентства. Вам тридцать лет. Вы ведете успешный бизнес по всей стране и даже зарубежом. У вас двадцатилетняя невеста. Вы медийное лицо, занимающееся благотворительностью и имеющее репутацию порядочного человека и бизнесмена.

Холодильник слушает меня невнимательно, загипнотизированный тем, как я облизываю губы и нервно их кусаю.

— Все так?! — настаиваю я на своем.

— Так, — сглатывает Холодильник и хмурится. — К чему вы ведете? Что за панегирик?

— Напоминаю вам, кем вас считают, — презрительно говорю я. — А теперь то, что вижу я. Одержимый своей прихотью мужчина, обманывающий невесту, будущего тестя, прессу и публику. Недовольный жизнью мальчик, первый раз не получивший ту игрушку, которую захотел. А теперь и игрушка, может, не так нужна, как думалось вначале. Но… Азарт! Как так?! Мне отказали! Да кто?! Какая-то финтифлюшка! Должна была визжать от счастья, что ее выбрали! А она нос воротит! Теперь уже дело чести ее… подчинить!

С каждым моим словом плечи Холодильника каменеют все больше и больше, подбородок обозначается все резче, руки, выпустившие папку, медленно сжимаются в кулаки.

— Все так? — дублирую я вопрос.

Холодильник делает шаг вперед и берет меня мертвой хваткой за плечи.

— Не смейте! — шепотом кричит он.

— Не нравится? — злорадно смеюсь я. — Что я сказала не так?

— Не смейте говорить о себе так! Обо мне можете говорить все, что вам угодно, о себе — нет! — отрезает Холодильник и смотрит на наручные часы. — Вы неверно трактуете нашу ситуацию. Но об этом мы поговорим через четырнадцать дней и три часа.

От удивления теряю дар речи и молча смотрю на мужчину.

— И не торопитесь с выводами. Ни насчет меня, ни насчет Матвея, — Холодильник отпускает меня.

— Ваш друг — непорядочный человек? — не отступаю я.

— Мой друг — замечательный человек, — без пафоса, спокойно отвечает на мой выпад Холодильник. — И он мой единственный друг, хотя в последнее время общаемся мы нечасто. Я верю ему, как себе.

— Тогда в чем проблема? — нервно смеюсь я. — Он для меня не опасен так, как вы. Или вы намекаете на ту старую историю?

— Какую историю? — не понимает меня Хозяин.

— О девушке, которую вы поделили, — напоминаю я ехидно. — Меня вы не поделите! Ни один из вас мне не нужен.

Холодильник растерянно смотрит на меня, потом медленно говорит:

— Никто делить вас и не планировал.

— Вот! С этого места поподробнее! — неадекватно радуюсь я его последней реплике. — Познакомьте меня со своими планами.

— Через четырнадцать дней, — отвечает Холодильник, указывая мне на дверь.

Когда я уже берусь за ручку двери, мне в спину бросают слова:

— Не пытайтесь больше встречаться с Татьяной! Вы все испортите!

Тут же разворачиваюсь и спрашиваю:

— Что я могу испортить? Что вообще происходит?

Холодильник отвечает жестко и коротко:

— Не лезьте! Вас это не касается!

Утро в агентстве начинается с неожиданной, необыкновенной, нелепой новости. Старый Хозяин, Климов-старший прерывает свой "медовый" год- путешествие и возвращается домой.

— Почему? — вытаращив глаза на Павлу Борисовну, хором спрашиваем мы.

— Я не знаю! — пожимает плечами Павла Борисовна.

— А мы только на прошлой неделе отслеживали по карте, где они проплыли, — вспоминаю я.

— Да. США. Мексика. Гватемала. Сальвадор. Эквадор. Перу. Чили. Аргентина. Фолкпендские острова. Уругвай. Бразилия. Сенегал. Гамбия. Кот-д/Ивуар… — наизусть вспоминает Костик. — Им же еще полгода плыть!

— Что-то случилось? — пугается Римма Викторовна. — Юрий Александрович заболел?

— Или, может, его Кристиночка? — подхватывает Димка.

— Друзья! Сама в недоумении! — Павла Борисовна открывает сообщение на своем телефоне. — "Добрый день, Павла! Мы возвращаемся. Вылетели домой. Подробности при встрече. Юрий".

— С одной стороны, — начинаю я размышлять, — это хорошо. С другой — тревожно как-то…

— Остается только ждать, — вздыхает Павла Борисовна. — Послезавтра Юрий Александрович будет в агентстве.

Два дня проходят в суетной лихорадке ожидания. Павел Денисович по просьбе Павлы Борисовны готовит фуршетный стол. Я слоняюсь по агентству и гоняю в голове вопросы, на которые у меня нет ответов.

Что не так с Татьяной? Кому она должна деньги? За что? Где ее муж, отец двух детей? Почему она бросила Машу? И, главное, почему мне нельзя лезть в эту историю? Вру. Главный вопрос не этот. Что будет через четырнадцать, нет, уже через тринадцать дней? И что мне делать с тревожной мыслью о том, что Холодильник заболел? По крайней мере, выглядит он так, словно полтора месяца до этого пролежал в больнице.

— Или пил не по-детски! — подсказывает еще одну версию Димка, когда мы нашей компанией сидим вечером в "Уховертке". — С горя, что ты его отвергла!

— Не смешно! — ругаюсь я.

— Почему? — фыркает на меня Ленка. — Я с Димкой согласна. Мой Витька при малейшей проблеме пил, как сволочь последняя.

— Не похоже, — поддерживает меня Костик. — Не такая фигура, чтобы сорок пять дней бухать. Два-три — еще куда ни шло… Я искал инфу про его отсутствие. Нарыл только три недели в Лондоне, причем без Светланы. Неделю в Берлине и Бонне, тоже в одиночку. Остальное время покрыто завесой тайны. Никаких следов.

— Бедненький! — всплескивает руками сердобольная Ленка. — Улетел из страны,

чтобы слово сдержать! Представляешь, как ему трудно?! А ты бесчувственная… кукла!

Удивленно смотрю на разгорячившуюся подругу. Откуда такая симпатия к Холодильнику?

— Он тебе за пиар приплачивает? — шучу я грустно.

— Нет! — гордо говорит Ленка и, хихикая, добавляет. — Хотя мог бы. Надо ему намекнуть.

— А что будет, когда данный тебе срок кончится? — спрашивает Димка, отправляя в рот ролл.

— Не знаю, — пожимаю я плечами, уныло разрывая на тарелке греческий салат.

— Мне кажется, что он сделает тебе предложение! Вот увидишь! — горячится Ленка, наматывая на вилку спагетти. — И тебе будет стыдно за свои подозрения!

— Какое предложение? — кручу вилкой у своего виска. — С какого перепугу? Такие люди так не женятся.

— А если сделает все-таки? — интересуется Димка, поливая следующий ролл соевым соусом. — Что ответишь?

— Ребята! Опомнитесь! Я замуж хочу по любви! — клянусь я, положив правую руку на папку меню. — Максимум, что есть с его стороны, это страсть и досада, идущие рука об руку. Страсть разрослась потому, что не получила выхода и удовлетворения, а досада, потому что не получила немедленного согласия жертвы. Теперь это, как ни смешно звучит, дело чести для отвергнутого мужчины. По таким причинам не женятся. По таким причинам увольняют, уничтожают, короче, выбрасывают из жизни и мстят.

Друзья молча смотрят на меня и не пытаются возражать.

— Будем надеяться, что Александр Юрьевич из тех, кто не мстит женщинам, — выражает мою тайную мысль Костик.

— Вот увидите! — Ленка показывает нам язык. — Это любовь. Внезапная. Сильная. Крышесносная. И он не знал сначала, что с ней делать. А теперь знает и не отступится.

— Вот это и пугает! — сознаюсь я друзьям.

— По твою душу! — смеется надо мной Костик, показывая на вошедшего в бар Матвея.

— А этот тебе нравится? — пытает меня Ленка, пока Матвей, высмотрев наш столик, двигается к нам.

— Нравится, — киваю я подруге. — Но сердце не екает. И я не влюблена.

— Печально это слышать, — сетует Матвей, услышавший мои последние слова. — Просто нож в сердце, милая!

— Как вы нашли меня здесь? — подозрительно спрашиваю я.

— Ну… выбор у меня был небольшой, — подсаживаясь к нам за стол, рассказывает Матвей. — Агентство, дом, бар.

— Я могла уехать к родителям, — ворчу я на Дежурного.

— Могла, — миролюбиво соглашается он. — К ним бы я, конечно, не поехал. Нина, у меня есть билеты на премьеру в мюзик-холл. Завтра вечером. Не хотите сходить?

— Не хочу! — традиционно отвечаю я.

— Я хочу! — вмешивается в наш разговор Ленка. — Меня поведете?

Матвей с интересом смотрит на нее, потом говорит:

— Легко! Но только вместе с Ниной!

Ленка больно пихает меня в бок локтем.

— Хорошо! — угрюмо соглашаюсь я. — Но только ради Ленки.

В полдень следующего дня в холле агентства многолюдно. Мы ждем приезда Юрия Александровича. В баре накрыты фуршетные чайно- кофейные столы. Холодильник в черном костюме, белой рубашке и лиловом галстуке стоит с Прохором Васильевичем возле лифта на центральной лестнице и не обращает на меня никакого внимания.

Сегодня я тщательно подбирала одежду: на мне приталенное серо-голубое платье до колен и черное болеро без пуговиц. На нем изысканно смотрится прабабушкина серебряная брошь с бирюзой. Это булавка, к которой прикреплена виноградная гроздь и тончайшие серебряные листья. Только на накладку серо-голубых теней я потратила полчаса. Волосы забрала в низкий хвост.

— У тебя глаза сегодня какие-то генриеттовские, — шепчет мне Димка, лично знающий родительскую кошку Генриетту. — Аж мурашки по коже! Меня айтишники Костиковы спрашивали, не линзы ли у тебя. Глаза не поймешь какие, зеленые или голубые…

— Голубо-зеленые, — вежливо отвечаю я, отмечая про себя, что мои предположения о болезни Холодильника не беспочвенны. Ну, почему он такой похудевший?!

— А почему не зелено-голубые? — удивляется Димка.

— У Генриетте в метрике написано голубо-зеленые, — смеюсь я.

— Вот у Светланы они просто голубые, нежные, спокойные. А у тебя не глаза — звезды! — философствует Димка.

— Да ты поэт! — продолжаю веселиться, невольно поглядывая на Хозяина.

И в одно из таких вороватых подглядываний встречаюсь с ним взглядом. Холодный карий омут нагревается на глазах до теплого темного меда. Пространство вокруг меня теряет четкие очертания, смазывается, расплывается и начинает плыть по кругу. Теплый мед берет меня в сладкий плен, я чувствую, как увязаю в нем всеми своими лапками. Вот что значит голод! Вчера не смогла поужинать — не было аппетита. Сегодня не завтракала — проспала и долго собиралась. Других причин так реагировать на взгляд Холодильника не вижу.

По радостному шуму догадываюсь, что приехал Старый Хозяин. В холле появляется он, помолодевший, загорелый, подтянутый. Вскидывает обе руки в знак приветствия. Направляется к сыну под громкие аплодисменты, но резко останавливается, увидев меня.

— Доченька! — Юрий Александрович распахивает руки, предлагая его обнять, что я с удовольствием и делаю.

— Все хорошо? — шепотом спрашиваю я его на ухо.

— Все прекрасно! — заговорчески шепчет мне в ответ мужчина. — Сколько раз уволена?

— Немного. Не больше пяти, — ласково смеюсь я, чувствуя радость в отеческих объятьях.

Холодильник смотрит на нас не отрываясь. Юрий Александрович отпускает меня и поворачивается к сыну. Тот делает несколько шагов отцу навстречу. Мужчины тепло пожимают друг другу руки, но не более. Никаких объятий.

— Ты один? — вместо приветствия звучит вопрос сына.

— Нет. С Кристиной, — ответ отца, который с удовольствием смотрит на входящую в холл красивую молодую женщину в коротеньком розовом плаще с крупными зелеными цветами и в лакированных зеленых туфлях на фантастической платформе. Яркая блондинка с тщательно уложенными локонами и идеальным естественным макияжем. Кристина выглядит лет на двадцать, хотя я знаю, что ей точно тридцать.

— Добрый день, Кристина Григорьевна! — слегка склоняет голову Холодильник,

усмехаясь.

— Саша! Здравствуй! — Кристина протягивает руку, как светская дама, для поцелуя.

Холодильник вежливо пожимает ее, не поднося к губам. Серые глаза Кристины щурятся. Опустив длинные ресницы, она быстро стреляет острым взглядом в мою сторону.

— Дорогие мои! — Юрий Александрович обращается ко всем. — Я так рад вас всех видеть в агентстве! Я не смог быть так долго вдали от вас. Павел Денисович по моей просьбе организовал фуршет. Я хочу, чтобы вы приятно провели время. Приглашаю вас отметить и мою свадьбу, и мое возвращение. Объявляю сегодняшний день нерабочим!

Под радостно-удивленные возгласы сотрудников охрана Прохора Васильевича вносит три коробки шампанского. Юрий Александрович с сыном и Кристиной идут к лифту. Старый Хозяин оборачивается ко мне:

— Ниночка! Прошу вас с Павлой Борисовной ко мне… к Александру Юрьевичу в кабинет.

Когда мы с Павлой Борисовной через пять минут приходим в кабинет Холодильника, то видим накрытый роскошный стол. На шесть человек.

— Зачем мы? — шепчу я Павле Борисовне.

— Не знаю, — одними губами отвечает она.

Не успеваю я подумать, кто шестой, как Прохор Васильевич приводит в кабинет Светлану Кирилловну.

— Вот и все в сборе! — довольный Юрий Александрович усаживает за стол сначала Павлу Борисовну, потом Кристину. Для меня и Светланы стулья одновременно выдвигает Холодильник.

Несколько минут все разглядывают друг друга, не произнося ни слова. Юрий Александрович смотрит на меня и Павлу Борисовну. Светлана и Кристина смотрят на Холодильника. Холодильник на отца. Я, разглядев всех, смотрю в пустую белую тарелку.

— Любимые мои! — Юрий Александрович улыбается мне и Павле Борисовне.

— Я принял решение весь бизнес передать сыну. Это вам уже известно. Но… недавно принял новое решение. Наше агентство я все-таки оставляю себе.

Павла Борисовна эмоционально всплескивает руками. Мои губы сами собой растягиваются от уха до уха, но сердце почему-то тяжелым камнем падает куда-то вниз. Светлана радостно улыбается. Кристина равнодушно оглядывает всех. Холодильник выпрямляется и встает, резко отодвинув стул.

— Что случилось, сынок? — как-то слишком весело спрашивает сына отец. — Что-то со стулом?

Светлана и Кристина испуганно смотрят на Холодильника.

— Я не отдам агентство! — взяв себя в руки, говорит Холодильник и спокойно садится за стол. По его окаменевшему лицу я понимаю, что он в бешенстве.

— Не ты ли полгода назад настаивал на этом? — иронизирует Юрий Александрович. — Что-то изменилось?

— Все изменилось, — твердо отвечает Холодильник отцу, но смотрит на меня.

— Ты знаешь условие, — Юрий Александрович чуть ли не потирает руки от удовольствия.

— Оно неприемлемо, отец! — отрезает Холодильник.

— Я не понимаю, что здесь происходит? — Кристина выразительно смотрит на мужа и кладет ему руку на плечо.

— Старый спор с сыном, дорогая, — Юрий Александрович нежно целует руку жены. — Но он похоже не готов уступить.

— Что уступить? — волнуется Светлана, ничего не понимающая в происходящем.

— Не что. Кого, — объясняет смеющийся Старый Хозяин. — Не будем сегодня ссориться. Давайте перекусим! Мне полгода снились деликатесы Павла Денисовича.

К концу этого странного обеда я подвожу итоги, основанные на личных наблюдениях: во-первых, Светлана и Кристина не любят друг друга, и это еще слабо сказано, во-вторых, Юрий Александрович наслаждается злостью и раздражением Александра Юрьевича, в-третьих, Холодильник ревнует меня даже к своему отцу, который время от времени целует руку не только жене Кристиночке, но и мне.

Тоска горячей жидкостью разливается по венам. Я почти добилась своего: вернулся Старый Хозяин, который намерен оставить агентство под своим руководством. Отчего же мне так плохо, что я чувствую тошноту и впервые не могу отдать должное стряпне Павла Денисовича?

Мучительный, выматывающий обед, наконец, подходит к концу. Благодарю и выхожу из кабинета начальника, встретив в приемной ожидающего меня Матвея.

— Спектакль в семь часов, милая, — напоминает он мне, пожимая руку.

Из кабинета быстрым шагом выходит Кристина, встречается взглядом с

Матвеем и тормозит, словно наткнулась на стеклянную стенку. Матвей широко и как-то нахально улыбается жене Юрия Александровича. Она презрительно щурится и, вздернув подбородок, отворачивается. Выходящий из кабинета Юрий Александрович бросает последнюю фразу сыну:

— Условие ты знаешь! Все в твоих руках!

— До скорой встречи, доченька! — машет мне рукой Старый Хозяин и, нежно взяв под локоток Кристину, ведет ее к лифту.

— Как у вас тут интересно! — смеется Матвей, лаская меня серым добрым взглядом. — Все собрались в одном месте.

— Кто все? — не понимаю я.

— Все женщины мужчин Климовых, — улыбается мне друг Холодильника. — Кстати, как вам наша общая?

— Кто общая? — невольно улыбаюсь я в ответ.

— Ну, та девушка, которую мы с Шуркой якобы поделили? — удивляется моей недогадливости Матвей. — Кристина.

Глава 27. Мюзик-холл

Мужские безумства ради женщины — просто возня в песочнице по сравнению с авантюрами, на которые способны женщины ради мужчин.

Мудрость из Интернета

— Мы должны быть самыми красивыми! — заявляет Ленка, с которой мы выбираем платье для вечернего похода в мюзик-холл в магазине при ателье, который принадлежит Ленкиной сестре. — Все Сонькины платья существуют в одном экземпляре.

— Матвей сказал, что у шоу новый формат. Спектакль смотрят зрители, сидящие за столиками с шампанским и фруктами, — вспоминаю я информацию, которую мне сообщил днем Матвей.

Правда, слушала я его невнимательно, так меня поразил факт биографии Кристины, которая была "общей" девушкой и Матвея, и Холодильника.

— Спектакль в формате site-specific играется в пространстве, где по сюжету разворачивается действие, — Матвей провожает меня до моей квартиры, но зайти не просится. — Действие происходит в баре, и зрительный зал в него превращают. Час тридцать без антракта. Много песен и танцев.

— Оригинально, — рассеянно отвечаю я ему и решаюсь спросить, только сейчас заметив, что сегодня в приемной Холодильника мы снова перешли на "вы". — Вы так давно знакомы с Кристиной?

— Очень давно, — охотно рассказывает Матвей. — Она моя одноклассница. С Шуркой я ее познакомил. Будете слушать дальше?

— Буду, — отвечаю я, остановившись под своей дверью.

— Если в кратком пересказе, то Шурка Кристине очень понравился. Вы заметили, милая, что он нравится всем женщинам? — Матвей саркастически улыбается.

— Нет, не заметила — противоречу я очевидному.

— Какая вы невнимательная! — дарит мне очередную улыбку Матвей. — Так вот… Он ей понравился, она ему не очень. Но… Кристинка была настойчива и упорна. Постепенно даже Шурка привык к тому, что она часто рядом. Даже стал подумывать о браке, но…

Матвей делает эффектную паузу, стараясь вызвать во мне горячий отклик слушателя, потом продолжает:

— Но тут ваш покорный слуга решил проверить целомудренность и стойкость потенциальной невесты друга. И оказалось…

— И оказалось, что не такая уж она целомудренная и стойкая? — легко догадываюсь я, откинувшись спиной на свою дверь.

— Так точно, милая! — заразительно смеется Матвей. — Даже уговаривать не пришлось.

— Не жестоко? — спрашиваю я, глядя прямо в серые глаза Матвея, горящие какой-то мыслью, которую я не могу прочесть.

— Это было бы жестоко, если бы я влез в их отношения и долго соблазнял девушку, — жестко и резко отвечает мне Матвей, поражая меня такой своей реакцией. — Подстраивал мелкие пакости, сплетничал, наушничал. Нет. Ничего этого не понадобилось. Один раз после вечера в ресторане Шурке пришлось срочно уехать к матери, а я подвез Кристинку до дверей ее квартиры. И просто обнял и поцеловал. Этого хватило для того, чтобы она повисла

у меня на шее и потащила меня в свою квартиру.

До дверей ее квартиры… С подозрением смотрю на Матвея.

— Найдя такой замечательно-приятный способ проверок девушек друга, вы поставили его на поток? — не могу удержаться от ехидного выпада.

— Нет. Не поставил. Способ эксклюзивный. Использовался один раз, — усмехаясь, говорит Матвей. — Через три с половиной часа я за вами заеду, будьте готовы, милая.

И вот теперь мы с Ленкой заняты выбором платьев. К моему рассказу про Кристину и Матвея Ленка отнеслась философски и тут же дала оценку действиям Кристины:

— Ну и дура, что твоего Холодильника упустила! Хотя я ее понимаю. Матвей тот еще…

— Лена! — возмущаюсь я. — Она была девушкой Холодильника и затащила в свою постель его лучшего друга!

— Да уж… Специалистка! — морщится Ленка, перебирая вечерние наряды. — И что тебя так удивляет?

— Способы проверки девушек на верность, — я перевожу глаза с одного наряда на другой. Пока ни на чем мой взгляд не останавливается.

— Вот тут ты не права! — Ленку заинтересовало длинное темно-синее платье. — Нет. Мне не пойдет. Стиль минимализм — не мое. Давай, меряй!

— Подожди! Почему я не права? — не могу я успокоиться, забирая у Ленки выбранное ею платье.

— А как еще проверить наверняка? — недоумевает она.

— Надо доверять, наверное, — неуверенно говорю я подруге.

— Ну, доверился бы твой Холодильник Кристине, сейчас бы не его отец ее мужем был, а он. А она изменяла бы ему с каждым встречным! — Ленка даже перестала разглядывать платья, уставившись на меня. — Прекрасный способ! Действенный! Тем более, он же сказал, что не соблазнял и не лез. Ее инициатива была!

— Интересно, — бормочу я, поглаживая приятную на ощупь ткань платья. — Как ты думаешь, он сейчас меня проверяет?

Ленка закатывает глаза и говорит:

— Все может быть! Но мне почему-то так не кажется! Холодильник тебя за длину подола со свету сживает, а уж за физическую измену обоих похоронит!

— Какая физическая измена? Мы не пара! Я вообще никому изменить не могу! У меня нет мужчины! — кричу я шепотом на Ленку, чтобы не привлекать к себе внимание.

— А вот это целиком и полностью твоя вина! — сообщает мне довольная Ленка, выбрав себе кремовое платье в греческом стиле. — Двадцать шестой год на бобах пошел! Она еще роется! Какая разница: женой или любовницей? Это была бы красивая страница в твоей серой жизни.

— Ничего она не серая! — сопротивляюсь я. — Нормальная, спокойная жизнь. А настоящую любовь можно встретить и в сорок, и в пятьдесят!

— Тогда все океюшки! — смеется Ленка. — Тогда еще лет двадцать киснуть можешь. Пошли в примерочную!

Классическое темно-синее платье приталенного покроя длиной до пола. Вырез под горло, длинные рукава и потрясающая спина, которой нет.

— Такое платье только после солярия можно надевать, — не соглашаюсь я с выбором подруги. — На спину посмотри! Ее же нет! Совсем!

— Нет… — задумывается она на минутку, потом кричит. — Соня!

В примерочную заглядывает Ленкина старшая сестра Софья.

— Сонечка! Надо закрыть спинку у этого платья. У нас всего час. Получится? — Ленка умоляющим взглядом смотрит на сестру.

Соня берет в руки платье и быстро отвечает:

— Думаю, что получится. Выбери только, какой тканью.

Мы с Ленкой выбираем тончайший кружевной гипюр.

— Стразики? — искушающе спрашивает Софья, но не меня, для которой платье предназначено, а Ленку.

— Обязательно! — тут же соглашается Ленка.

Переодеваемся и готовимся к выходу у меня дома. Надеваю платье и встаю перед зеркалом.

— Вот она, классика! — восхищается Ленка. — Ничего лишнего. Только одна подчеркивающая деталь.

— Да. Деталь хороша! — не могу не согласиться я, поворачиваясь спиной к зеркалу. Открытая спина закрыта кружевным гипюром с капельками стразов и смотрится откровеннее, чем до этого голая. — К ней серебряные туфли подойдут.

— Завивай пока локоны плойкой! — командует Ленка. — Я тебе потом все вверх подниму, чтобы шея голой была.

Свои светлые волосы Ленки наоборот выпрямляет и красиво укладывает на спину и плечи.

Встречающий нас Матвей поднимает вверх большие пальцы.

— Удивлен! Восхищен! Сражен!

В фойе мюзик-холла нас неожиданно окликает Кирилл Иванович. Его сопровождает невысокая изящная молодая женщина в красивом красном платье, так идущем к ее черным вороным волосам, распущенным по открытым плечам.

— Добрый вечер, дамы! — Кирилл Иванович церемонно целует нам с Ленкой руки. — Привет, Матвей! Рад тебя видеть. Позвольте представить вам мою спутницу. Это Маргарита, актриса мюзик-холла.

— Приятно познакомиться! — теперь целованием рук занялся Матвей. — Маргарита, вы не заняты в сегодняшнем спектакле?

— В "Первом свидании"? Нет, — улыбается Маргарита, обнажая белоснежный ряд маленьких зубов.

— Будет интересно? — спрашивает Кирилл Иванович Маргариту, посмотрев на меня с восхищением и сожалением одновременно. Мы не виделись почти два месяца, с того самого обеда в ресторане "Сольди".

— Весьма! — убеждает нас Маргарита. — Ее тянет к плохим парням. Он работает на Уолл-Стрит, и его бросила невеста прямо у алтаря. Они отчаялись устроить свою личную жизнь. А друзья и родственники устраивают им свидание вслепую в танцевальном баре.

— Мне уже нравится! — уверенно заявляет Ленка, взяв под руку Матвея.

Маргарита неожиданно для ее маленьких размеров смеется низким грудным смехом:

— Это мюзикл. Неловкие паузы, глупые шутки, забавные совпадения, неожиданные признания. И, конечно, танцы!

Нас провожают к столику на троих. Справа за столиком на двоих располагаются Кирилл Иванович и Маргарита. Столик слева пока пуст.

Оглядываюсь по сторонам и хвалю себя за то, что согласилась пойти. Я давно не была в театре и успела соскучиться по этой уникальной атмосфере. Тихо, фоном звучит блюз, который вживую исполняют музыканты. Зрители постепенно рассаживаются за столики. Столик слева долго не занимают, и мы с Ленкой начинаем гадать, кто сюда сядет.

— Спорим на бутылку! — смеется Ленка. — Это будет кто-то известный. Актер или политик. Такие всегда опаздывают.

— А я ставлю на влюбленную пару! — спорю я с подругой. — Она опаздывает, а он ее ждет. Причем обязательно молодые!

Официант разливает в наши бокалы игристое и ставит фруктовую и сырную тарелки. За пару минут до начала спектакля за столик слева садятся… Светлана и Холодильник.

— Ты знал! — разозленной гусыней злобно шиплю я на Матвея, автоматически переходя на "ты". — Мог бы и предупредить!

— Я не знал! — честно врет Матвей, состряпав искренний взгляд. — Я вообще билеты за сутки менял. Я же брал два сначала, потом добирал для Елены Прекрасной. Или твоя лучшая подруга тоже в сговоре со мной?

— Эта? — киваю я в сторону ошарашенной Ленки. — Эта может все!

— Я? Да! — радостно соглашается с моим приговором Ленка. — Но сейчас ни сном ни духом!

— Шурка просто за тобой следит, — криво усмехается Матвей. — Или за мной. Но по одной причине.

— Это по какой? — подозрительно спрашиваю я, стараясь не смотреть налево.

— Отгадай! — Матвей салютует другу бокалом вина и приветственно кивает Светлане. Спектакль начинается неожиданно. Я вздрагиваю, услышав первую реплику актеров. Через полчаса понимаю, что в восторге от задумки режиссера. Ощущать себя присутствующим в нью-йоркском баре очень оригинально. Музыка легкая и жизнерадостная.

Только усилием воли держу голову так, чтобы она не повернулась налево. Но не выдерживаю. Только краем глаза гляну — и все! Слегка повернув голову, буквально натыкаюсь на глаза Холодильника, темно-вишневые в красно-желтой театральной подсветке. Он смотрит на меня, не отрываясь и не моргая. Видимо, все это время смотрит. Светлана блуждает взглядом по сторонам и натянуто улыбается мне, встретившись взглядом. Слегка склоняю в ответ голову. И нарочно смотрю вправо. Меня сносит волной жесткого взгляда Маргариты, даже мурашки бегут по телу. Ей- то я что сделала? Неожиданная агрессия Маргариты заставляет меня резко отвернуться влево, и я снова попадаю под мощное, почти магнетическое влияние взгляда Холодильника.

— Игра в гляделки! Прикольно! — издевается надо мной Ленка, наклонившись поближе. — У тебя еще ничего не расплавилось? Марго тебя сейчас сожжет цыганским взглядом и добьет заговором. Это тебе за Кирилла Ивановича, видимо. Глотнув игристого, снова поднимаю глаза на Холодильника. Он смотрит, как и смотрел. Ничто и никто в зале, кроме меня, его не интересует. Гордо отворачиваюсь и весь следующий час чувствую, как горит под его вишневым взглядом моя левая щека. Господи! Какая страсть! Ленка права. За такой взгляд женщина может многое отдать. И я бы отдала, если бы сейчас, на спектакле, это был взгляд незнакомого, вдруг влюбившегося в меня мужчины.

— О! Да тут все крайне запущено! — горько смеется Матвей.

Играет зажигательная танцевальная музыка. Актеры резво танцуют рокенрол под аплодисменты зрителей. Лицо Матвея кислое, словно он пьет не вино, а уксус. Лицо

Холодильника суровое и хмурое, с таким сидят на поминках боевых товарищей. Маленькое лицо изящной Маргариты, которое она изо всех сил пытается сохранить, постоянно морщится от досады, стоит ей посмотреть на меня. Лицо Ленки лоснится довольством, словно она наелась своих любимых эклеров в исполнении Павла Денисовича. Лицо Кирилла Ивановича выражает крайнюю заинтересованность происходящим, он делает вид, что погружен в спектакль, время от времени бросая на меня заинтересованный взгляд, который тут же, как ПВО, перехватывает Маргарита. Выражение лица Светланы растерянное, она постоянно отвлекается на спектакль, забывая играть в гляделки. Эх, молодежь! Через полтора часа спектакль заканчивается. Я встаю со своего места с ощущением ожога на левой щеке, будто я опрометчиво заснула на солнцепеке.

— Я не знал, что все так серьезно! — оправдывается передо мной Матвей, когда помогает мне надеть мой черный плащ с огромным капюшоном.

— О чем ты? — небрежно спрашиваю я, испытывая желание приложить к левой щеке лед. Вот разве так бывает? Разве можно обжечь взглядом?

— О Шурке и о тебе. О вас, — просто отвечает Матвей, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Нет никаких нас! — грубо отрезаю я, идя к выходу, не дожидаясь Ленки и Матвея, и налетаю на Кирилла Ивановича.

— Осторожно, Ниночка! — говорит он, подхватывая меня под руки. — Это я виноват — встал у вас на пути.

— Любопытно, знаете ли вы, Кирилл Иванович, у кого можно встать на пути, а у кого нет? — ленивый, равнодушный, холодный голос Холодильника контрастно обжигает меня горячим дыханием.

— Ума не приложу, что ты имеешь в виду, Сашенька! — продолжая галантно поддерживать меня, отвечает ему Кирилл Иванович.

— Так! — громкий насмешливый голос Матвея разряжает накаляющуюся обстановку. — Пока вторую даму одевал, первая сбежала. Нина! Куда же вы без меня?

Пока я придумываю версию ответа, Холодильник взглядом заставляет Кирилла Ивановича убрать от меня руки. Господи! Что он делает! Это ж так очевидно всем!

— Понравился спектакль? — интересуется Маргарита, одаривая на меня взглядом стоматолога-садиста.

— Класс! — отвечает за нас двоих Ленка, подхватив меня под руку. — Спасибо за прекрасный вечер, нам с Ниной пора!

— Почему же? Всего лишь половина девятого. Детское время! — не уходит с дороги Кирилл Иванович. — Давайте все вместе поужинаем! Я приглашаю. Светочка! Саша! Как вам моя идея?

— Папочка, я за! — радуется Светлана, целуя отца в щеку.

Холодильник молчит и смотрит на меня. Хоть топись и вешайся! А где же обещанные… сколько там сейчас? Двенадцать дней?!

— Мне рано вставать, — не соглашаюсь я. — У меня работы завтра много и начальник строгий.

При этих моих словах Холодильник хмурится и криво ухмыляется.

— А он вам поблажку даст! — уговаривает меня Кирилл Иванович, порционно добавляя злости в и без того злые глаза Маргариты. — Разрешит выйти с обеда?

— Разрешит, — хрипло, закашлявшись, отвечает на этот выпад Холодильник.

— А у меня другой хозяин с сегодняшнего дня, — возражаю я, смело глядя в глаза Холодильнику.

Он на секунду прикрывает бешеный взгляд веками, потом открывает глаза и спокойно возражает:

— Юридически пока все мое. И не только пока. Необдуманное желание Юрия Александровича еще надо претворить в жизнь. И сделать это будет не так просто, как он сегодня дал всем понять.

— Поедем, отвлечемся! — вдруг предает меня и Матвей, нахально приобняв за талию и меня, и Ленку. — Только, чур, Кирилл Иванович, на нейтралку. Не к вам, и не ко мне!

Светлана виснет на руке Холодильника, которая, естественно, в ответ на объятия Матвея сжалась в кулак. Доверяет он другу, как самому себе… Рассказывай сказки!

— Что значит на нейтралку? — спрашивает Матвея и одновременно умоляет меня щенячьим взглядом согласиться Ленка.

— Это значит, что не только у Кирилла Ивановича есть ресторанный бизнес, — шепчет нам Матвей. — Но и у меня. Раньше он был совместным с Шуркой, потом я отделился. А Шурка ресторатор был так себе…

Холодильник никак не реагирует на слова Матвея, хотя прекрасно их слышит.

— Когда я еще в такую компанию попаду? — шепчет мне на ухо Ленка, оторвав от Матвея и утаскивая в сторону. — Трудно поужинать с подругой?

— С подругой нетрудно, — огрызаюсь я. — Со всеми остальными…

— Не будь страусом, Нинка! — взывает ко мне Ленка. — Во-первых, тебе Марго успокоить надо, она от ревности тебя скоро покусает. Убеди ее, что Кирилл Иванович тебе не нужен. Во-вторых, мне кажется, я чуть-чуть заинтересовала Матвея. Дай хотя бы попробовать. В-третьих, про Татьяну и Машу в неформальной обстановке что-нибудь выяснишь у Холодильника.

— Хорошо, — сдаюсь я. — Уговорила.

"Нейтральный" ресторан "София" полон, но для нас находится зарезервированное место — столик на семерых. Поприветствовать гостей выходит сам хозяин, невысокий лысеющий мужчина, которого обнимает Кирилл Иванович, называя Митенькой.

— Какими судьбами? Хотя польщен! — Митенька улыбается нам искренне, широко. — У нас европейская кухня на любой, даже самый изысканный вкус. Думаю, ваши дамы останутся довольны!

— Не сомневаюсь в этом, спасибо, дружище! — Кирилл Иванович хлопает Митеньку по плечу.

Матвей усаживается между мной и Ленкой. Справа от меня неожиданно садится Холодильник, опередив Кирилла Ивановича. И у меня застывает вся правая сторона, замороженная долгим затяжным взглядом.

— Чего такая кислая? — шепчет мне Ленка, слегка откинувшись назад.

— Спина! — говорю я одними губами. И Ленка меня мгновенно понимает.

Ни в театре, ни в ресторане я не поворачивалась к Холодильнику голой спиной, ну, то есть гипюровой, конечно. Всегда была либо боком, либо позади, либо в плаще. Но если вспомнить его реакцию на мой русалочий живот…

— Сиди и не вставай, — советует Ленка. — Может, пронесет…

Не пронесло.

Справившись с салатом, Кирилл Иванович приглашает Марго танцевать и элегантно

кружит ее в медленном танце, восхищая нас и красотой движений, и чувственностью.

— Потанцуем? — Матвей наклоняется ко мне, так и не съевшей свой морской салат.

— Нет! — испуганно отвечаю я. — Спасибо, но нет!

— Я хорошо танцую, — обижается на меня Матвей. — Я кандидат в мастера спорта по спортивным бальным танцам! С четырех лет до двадцати занимался!

— Не по этой причине, — мягко говорю я. — Я плоховато себя чувствую. Потанцуйте с Ленкой.

— Обязательно. Но только при условии, что ты тоже со мной потанцуешь, — настаивает Матвей.

— Не могу сообразить, на "ты" мы или на "вы", — смеюсь я.

— По-разному, — отвечает Матвей. — В зависимости от ситуации.

— Сейчас? — улыбаюсь я.

— На "ты"! — провозглашает Матвей, поднимая тост.

Потанцевав с Ленкой, Матвей подает руку мне. Вздыхаю. Ничего не поделать. Одна надежда на двенадцатидневное водяное перемирие.

Матвей, действительно, ведет очень хорошо. Стараюсь удержать партнера спиной к нашему столику. Несколько раз встречаюсь глазами с Холодильником. Они пустые и какие-то безжизненные.

— Нина! В танце всегда ведет мужчина, — делает мне замечание Матвей. — Что вы в меня вцепились? Дайте мне свободу движения!

И Матвей начинает кружить меня по танцполу, а потом неожиданно занимает статичную позицию, повернув меня спиной к нашему столу. Кошу лиловым глазом… Глаза Холодильника оживают, словно к фитилю свечи, нет, сигнальной ракеты, поднесли зажигалку.

— Ты не представляешь, что ты сейчас натворил! — очень злюсь я.

— Почему не представляю? Очень даже хорошо представляю, — хитро, по-лисьи улыбается мне довольный ситуацией Матвей. — Вдохнем жизнь в эту ледяную пустыню!

— А спасаться где будешь? — невольно смеюсь я, восхищаясь наглостью и смелостью Матвея.

— В женском туалете! — громко шепчет мне Матвей и так же громко смеется.

Моя гипюровая спина горит еще сильнее, чем горела левая щека в театре. Холодильник никуда больше смотреть не может. Поглядывают и Кирилл Иванович, и двое мужчин за соседним столом. У Холодильника не меньше трех раз прошла перезагрузка. Я трусливо скрываюсь в том месте, которое подсказал мне Матвей. В женском туалете.

— Он мучительно думает, то ли убивать Матвея, то ли бить морду Кириллу Ивановичу, то ли ломать руки и ноги тем двум мужикам, — хохочет Ленка, прибежавшая ко мне в туалет. — Нинка! У меня аж мурашки по телу! Чтобы на меня так мужик смотрел!

— Как так? — трясясь, словно в лихорадке, спрашиваю я.

— Как на последнюю женщину на земле! — пафосно отвечает подруга. — А Матюша тот еще жук!

— Матюша? — удивляюсь я.

— Я придумала Матвея так называть. Интимно, правда? — хихикает довольнющая Ленка.

— Интимно, — покорно соглашаюсь я. — Интересно, если я просижу здесь час, меня спохватятся?

— Дверь выломают! — продолжает хихикать Ленка. — Холодильник этот ресторан разберет по кирпичику.

— Не вариант! — нервно вздыхаю я. — Возвращаемся. Вот скажи мне, что в моей спине может вывести из себя? Она же закрыта.

— Ну, как закрыта, — хитро щурится Ленка. — Формально, конечно, да.

— Формально?! — давлюсь криком. — Полностью закрыта!

— Но все видно. Каждую косточку. Каждый сантиметр кожи спины и этой самой… попы, — смущает меня Ленка.

— Какой попы?! Что ты несешь?! — испуганно кричу я. — Пытаясь посмотреть на свою спину в зеркало.

— Вырез же ниже талии? Ниже! — пытается втолковать мне подруга. — А ниже спины что? Не знаю, как у тебя, у меня попа.

Меня ошпаривает кипятком стыда. С этой точки зрения я на размер выреза еще не смотрела. Теперь посмотрела, и мне стало плохо. Конечно, не его дело, как и во что я одеваюсь, но зато мне самой есть до этого дело. Ладно, я помню, что у меня есть охранная грамота: двенадцать дней. Главное, чтобы Холодильник тоже об этом помнил…

Ленка идет на выход, махнув мне рукой. Покорно иду за ней, как на голгофу. Она открывает дверь, потом почему-то ругается и, метнувшись назад, затаскивает меня в ближайшую кабинку. Спросить, что случилось, я не успеваю, Ленка зажимает мне рот рукой и делает страшные глаза. Я молчу, понимая, что происходит что-то важное и надо соблюдать тишину.

— Ты его еще не получила! — или я пьяна с полбокала игристого, выпитого еще в театре, или у меня галлюцинации, но это голос Кристины.

— Почему же? — отвечает на выпад голос Светланы. — Почти получила. Небольшая отсрочка ничего не значит. Саша разберется со своими делами, и у нас будет свадьба. Уже обговорены все детали.

— А главную деталь вы обговорили? — ехидно спрашивает Кристина.

— Какую деталь? — растерянно спрашивает Светлана. — Дату?

— Дату само собой разумеется. Я про новое увлечение Саши, — плюется желчью Кристина.

— Не понимаю, — резко отвечает Светлана.

— Все ты понимаешь! — бесится Кристина. — И его ты не получишь так же, как не получила я.

— И она не получит! — в голосе святой Светланы появляется заметное слуху раздражение.

Выпучив глаза, Ленка тычет меня пальцем в грудь.

— Согласна, вряд ли, но опасность есть, — предостерегает Кристина. — Заклинило его, невооруженным глазом видно! А я ее один раз только видела, но все почувствовала. Невозможно не почувствовать. От него просто жар идет. Это, Светуля, страсть.

— Страсть не вечна, — по-философски спокойно замечает двадцатилетняя Светлана.

— А брак — вещь отрезвляющая. Тебя, надеюсь, брак с Юрием Александровичем отрезвил?

— От чего? — резко спрашивает недовольная Кристина.

— От страсти, — в голосе Светланы явственно слышится насмешка.

— Рано радуешься, дорогуша! — голос Кристины слегка дрожит от напряжения. — С

тобой еще ничего не ясно. Дату свадьбы отодвинул, а на какое число не сказал. Потому что нет такого числа!

— Будет! — так же спокойно, как и раньше, отвечает на выпад Светлана.

— Посмотрим! — сразу за последней репликой хлопает дверь, видимо, Кристина ушла.

Через пару минут уходит и Светлана. Мы с Ленкой воровато выбираемся из кабинки.

— Экшен! — выдыхает Ленка. — Откуда взялась Кристина? Вот точно — узнала, где Холодильник, и примчалась. И старика, наверное, притащила.

— Не называй его так, — морщусь я, расстраиваясь из-за Юрия Александровича.

— Не буду, — миролюбиво соглашается Ленка. — Пошли, а то группу спасения отправят на наши поиски!

— Иди, — устало прошу я подругу. — Дай мне еще пару минут.

Ленка, подозрительно посмотрев на меня, уходит. Я же, оставшись одна, замораживаю руки под очень холодной водой, потом прикладываю их к горячему лбу, шее, щекам. Холод приводит в чувство. Только что я узнала, что являюсь главным препятствием на пути к сердцу, кошельку и постели Холодильника сразу у двух женщин. И что мне делать с этим знанием?

В коридоре возле женского туалета меня ждет Матвей.

— Эй! — весело окликает он меня. — Это было мое убежище!

— Прости, что воспользовалась твоей идеей, — грустно смеюсь я.

— Да ладно! Я не жадный! — с тревогой вглядываясь в мое лицо, утверждает Матвей.

— С тобой все в порядке? У тебя шея мокрая.

Матвей осторожно стирает капельку воды с моей шеи. Я замираю на мгновение, потом вздрагиваю от громкого резкого окрика за спиной:

— Убери от нее руки!

Матвей стоит лицом к Холодильнику, я спиной, но, даже не видя его лица, я кожей чувствую, как под его взглядом горит моя гипюровая спина. Матвей поднимает руки вверх, словно сдающийся в плен солдат, и, несмотря на то, что я цепляюсь за его синий пиджак в попытке остановить, он быстро уходит. Стою, не поворачиваясь, гордо глядя на кадку с пальмой. Несколько минут ничего не происходит, не выдерживаю напряжения и все-таки оборачиваюсь. Тут же утыкаюсь взглядом в узел его галстука. Холодильник стоит близко-близко.

— Двенадцать дней, — напоминаю я хрипло.

— Уже почти одиннадцать, если перевести в часы, — тоже хрипло отвечает мне Холодильник. — Но вы меня провоцируете на срыв.

— Неправда! — возражаю я, поднимая свои глаза до его глаз. — Я просто живу жизнью молодой свободной женщины.

Он заводит свои руки за мою спину, но не прикасается, а держит их в нескольких сантиметрах от моего тела, но жар ладоней я все равно чувствую.

— Я думал, что смогу выдержать, поэтому и вернулся, — негромко говорит Холодильник моему уху и моей шее. — Оказалось, не выдерживаю и двух дней.

— Что вам нужно от меня? — тихо спрашиваю я, опасаясь, что сейчас за нами придут все, кому не лень. И Кристина, и Светлана.

— Вас, — выдохнул Холодильник, опаляя мою шею горячим потоком желания и еще чего-то еле уловимого.

— Двенадцать дней, — еще раз напоминаю я, выскользнув из его рук и направляясь в

зал.

Странно, но за нашим столом нет Кристины и Юрия Александровича. Я не могла перепутать ее голос ни с чьим. Светлана смотрит на меня по-детски наивно, Маргарита крайне заинтересованно, как-то по-новому, не так, как до этого, Ленка подмигивает. Матвей встает, чтобы помочь сесть за стол.

— Где же Саша? — Маргарита вопросительно приподнимает брови. — Мне показалось, что он пошел вас искать.

— Меня? В женском туалете? — иронично спрашиваю я, начав борьбу взглядов. — Мне казалось, что мальчики ходят в другую сторону.

— Вы были в женском туалете? — внезапно спрашивает меня покрасневшая Светлана.

— Была, — спокойно отвечаю я и вижу, что по моей интонации Светлана поняла: я слышала ее разговор с Кристиной.

Светлана начинает нервно комкать салфетку на коленях. Возвращается Холодильник. К столу подходит Митенька, начав рекламировать лучшие горячие блюда своего заведения. Марго, Светлана и Ленка выбирают рыбу, а я стейк прожарки медиум.

— О! Да ты кровожадная, милая! — довольно громко говорит мне Матвей, вызывая легкую рябь на лице Холодильника.

Далее ужин протекает в неспешных разговорах о спектакле, теплой майской погоде, прогнозах на будущее лето, поездке Кирилла Ивановича и Марго в Вену. Рассказ Марго о Венской опере все слушают с неподдельным вниманием. За нашим столом молчат только два человека: я и Холодильник.

Мы расстаемся на крыльце ресторана, рассаживаясь по разным машинам.

— Спасибо за прекрасный вечер! — Кирилл Иванович машет нам рукой и ведет к своему автомобилю довольную и успокоившуюся Марго. А ведь я с ней даже не разговаривала! Что же ее так успокоило?

Холодильник коротко кивает нам и уходит со Светланой к своему автомобилю.

— Странно! — разочарованно усмехается Матвей. — Даже драки не будет?

— Будет! — убежденно хихикает Ленка. — Но попозже. Через двенадцать дней.

— Куда делась Кристина? — недоумеваю я.

— Какая Кристина? — не понимает нас Матвей.

— Кристина Климова, — объясняю я. — Мы ее слышали. В туалете.

— Интересно! — задумывается Матвей. — Она искала тебя?

— Нет. Она разговаривала со Светланой, — рассказываю я. — О Холо… об Александре Юрьевиче.

— Понятно, — Матвей перестает удивляться. — Климова-старшего она получила, но, видимо, этого ей мало. Нужен и младший для комплекта.

— Все это совершенно не важно. Меня это не касается, — устало говорю я.

— Боюсь, милая, еще как касается, — Матвей ласково гладит меня по щеке и тут же одергивает руку. — Черт! Забылся. Не хочется жить без правой руки. Свыкся как-то с ней.

Ленка хихикает. Я молчу. Мы отъезжаем от ресторана.

Дома наливаю в чашку один кипяток и, не снимая платья, в одних чулках, босиком спускаюсь в холл. Не сажусь в кресло, а встаю возле окна. Я понимаю, что я дура и кого я жду. Но ничего не происходит. Холл пуст. Медленно выпиваю кипяток, успокаивая мелкую дрожь, сотрясающую тело. Тепло, но я замерзла. С пустой чашкой не торопясь поднимаюсь по лестнице, вслух считая ступеньки.

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Вышел зайчик погулять!

Сзади раздается тихое и низкое:

— Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет!

Замираю на шестой ступеньке, прижав к животу пустую чашку. Кожей спины чувствую, что он стоит сразу за мной, на пятой ступеньке.

— Пиф-паф! Ой-ой-ой! — глубокий грудной мужской голос заставляет мое тело вибрировать.

— Умирает зайчик мой, — шепчу я, не оборачиваясь.

— Я не позволю зайчику умереть, — к гипюровой спине прижимаются горячие губы, и я вздрагиваю. — Вы замерзли, потому что постоянно ходите полуголая.

Обвинение сразу возвращает меня в реальность, и я прыгаю на следующую ступеньку, одновременно разворачиваясь. Скорее всего, этот прыжок у меня получился бы, если бы не длина платья. Я наступаю на собственный подол и подарком сваливаюсь на руки Холодильнику. Чашка падает на мраморные ступеньки, разбиваясь вдребезги. Звук этот пугает меня больше, чем руки Холодильника, и я дергаюсь. Он еще крепче, до боли, прижимает меня к себе.

— У нас с вами уже есть традиция, как у настоящей пары, — говорит мне Холодильник, горящим взглядом сканируя мое лицо.

— Какая? — пищу я, пытаясь выбраться из теплого плена его сильных рук.

— Вы бьете посуду, а я спасаю вас от ран и порезов, — сообщает мне Холодильник. — Не дергайтесь, пожалуйста, я все равно вас не отпущу. Здесь все в осколках.

— Отнесите меня повыше на пару ступенек, — нахожу я выход из положения.

— Нет! — не соглашается Холодильник. — Осколки могли отлететь куда угодно. Холодильник со мной на руках начинает подниматься по лестнице. Второй этаж. Третий.

— Вряд ли осколки могут поворачивать за угол, — шепчу я на ухо Холодильнику.

— Вы не представляете, насколько они коварные, эти осколки, — шепчет он в ответ. — Летают, куда хотят.

Возле дверей моей квартиры Холодильник останавливается, но не опускает меня.

— Вы донесли, — напоминаю я.

— Донес, — соглашается Холодильник. — Прошло уже больше пяти минут, а мы с вами ни разу не поругались.

— Если вы меня сейчас же не поставите, — угрожаю я, — обязательно поругаемся. Холодильник опускает меня на пол, заставив мое тело скользить по его телу, медленно, никуда не торопясь.

— У меня есть вопрос, — говорю я, тяжело дыша. — Что будет через двенадцать дней? Холодильник пожимает плечами.

— Я все написал в ограничителе.

— Вы написали: "Я не остановлюсь". Что вы имели ввиду? — нервно сглатываю я.

— Это и имел в виду, — отвечает Холодильник, лаская взглядом мои шею, плечи, живот, ноги. Клянусь, я чувствую это, как настоящее прикосновение!

— Даже если я буду сопротивляться? — не успокаиваюсь я.

Он долго не отвечает, потом говорит:

— Не буду пугать вас своим ответом. Поверьте, вы будете в курсе и в гуще событий. Чтобы не наговорить лишнего, разворачиваюсь к Холодильнику спиной и открываю дверь. Неужели ничего не скажет?

— Вы же понимаете, что надели это платье в первый и последний раз? — звучит мне в спину.

Довольно улыбаюсь и ничего не отвечаю.

— Пришел все-таки? — Ленка очень довольна. — Молодец, что спустилась!

— Он стал какой-то другой, Ленка! — делюсь я своими наблюдениями.

— Лучше или хуже? — пытает меня подруга.

— Не знаю. Другой, — осторожно объясняю я. — Вот сейчас мне стало любопытно, что он тогда загадал. Ну, когда мы в карты на желание играли.

— Чего ж не подсмотрела? — досадует Ленка. — Рискну предположить, что там было загадано одно, мягкое и теплое.

— И что это? — туплю я.

— Его постель, дурочка! — смеется надо мной Ленка.

— Ерунда! У меня был ограничитель, — смеюсь уже я.

— Какой? — от любопытства Ленка даже подпрыгивает и на несколько секунд исчезает с экрана компьютера.

— Самый простой и самый распространенный: запрет на секс, любые интимные вещи, включая поцелуи, — рассказываю я.

— Смысл тогда спорить? — поражается Ленка. — Да еще с красивыми мужиками!

— Я ж не ты! — парирую я.

— Да уж… Была бы я на твоем месте… — мечтательно говорит Ленка. — Ладно, а какое желание было у твоего Холодильника?

— А я откуда знаю? — удивляюсь я вопросу и пожимаю плечами. — Он же не выиграл, вот и не озвучил.

— Жаль… — разочарованно тянет Ленка, а меня словно током прошибает одна мысль.

— Подожди! — кричу я, вспомнив, как смахнула в красный клатч со стола всю колоду карт и все бумажки, что там лежали, чтобы не собирать и не тратить время.

Бегу к комоду в прихожей и открываю верхний ящик. Точно! Карты вперемешку с листками бумаги здесь. Трясущимися руками выискиваю бумажки и читаю написанное. Вот он! Лист Холодильника. Крупным мужским почерком написано:

"Ты не вмешиваешься в мои отношения с Ниной," — это явно для Матвея.

"Расскажи мне правду о матери Маши," — для Светланы.

Третье желание расплывается у меня перед глазами, и я долго не могу его прочесть:

"Разреши мне хотя бы быть рядом, чтобы доказать тебе…".

Глава 28. Помолвка

— А давай мы не будем никогда ссориться?
Ну, по-настоящему никогда?
— Никогда, никогда? Давай. Фэнтези — мой любимый жанр.
Реплики героев сериала "Не родись красивой"

Я плохо спала. Спала ли вообще? Даже этого не понимаю. Но раз мне снился сон, значит, все-таки спала.

В этом странном сне все было ярким и каким-то нарочито выпуклым. И Кристина, перебегающая с колен Матвея на колени Холодильника. И Ленка, сгоняющая ее с этих коленей. И Марго в коротеньком платье в стиле ретро, поющая в микрофон одну из фривольных песенок мюзикла «Первое свидание». И даже девочка Маша, одетая в длинную белую ночную рубашку и чепец, словно позаимствованные у немки Розины с нашего чердака, и нараспев читающая детские стихи недовольному Холодильнику в тот момент, когда Ленке удавалось отогнать от него Кристину. Холодильник сидел на своем кабинетном диване, почему-то стоящем в холле агентства, и хмуро смотрел на всех. Мне же он дарил и вовсе бешеные взгляды, потому что я стояла напротив его дивана в компании Сальмонеллы и Гены, которые насильно надевали на меня несуразное свадебное платье: обтягивающее, с разрезами по бокам до самых бедер, с огромным вырезом и спереди, и сзади, усыпанное нелепыми стразами размером с пятирублевую монету. Я была в одном белье из последней Ленкиной коллекции, белоснежном, фосфоресцирующем на фоне моей загорелой кожи, и прозрачных чулках со швом и ярко-красными подвязками. Сальмонелла приказывала сыну держать меня покрепче, но Генка жалел меня и давал мне вырываться, поэтому его матери никак не удавалось меня одеть. Взгляд же Холодильника обещал мне все земные муки, которые только доступны его воображению. Вот я причем? Помоги тогда, чего сидишь?

Стоящие у входа в бар Кирилл Иванович и Светлана оживленно обсуждали происходящее в холле, но не торопились вмешиваться.

Сидящий на кресле Дарьи Владиленовны Юрий Александрович с болью и разочарованием смотрел на мечущуюся от одного мужчины к другому жену, но ничего не говорил и ничего не предпринимал. Вообще ничего. Выражение его расстроенного лица было настолько потерянным и жалким, что я расплакалась. От слез и проснулась, вернее сказать, очнулась.

Яркое майское утро в режиме реального времени издевается надо мной всем, что есть в его арсенале. И назойливыми лучами весеннего солнца, бьющего в мои восточные окна, и шорохом легкой занавески, колышущейся усилиями майского ветерка, и пением сошедших с ума птиц, соревнующихся с будильником в громкости и неудачности выбранного для звукового сопровождения времени.

Иду в ванную и с состраданием смотрю на свое заплаканное, а значит, опухшее лицо. Оказываю себе скорую помощь коктейльными кубиками из морозилки. Теперь кофе, крепкий и сладкий. И обязательно кашу, тоже горячую, но не сладкую, а постную, чтобы было приятно запивать ее кофе.

Первая ложка пшенки: перечитываю желание Холодильника и не знаю, как теперь на это реагировать. А надо ли реагировать? Оно же просроченное. Или нет?

Вторая ложка пшенки: глупо улыбаюсь крошечному воспоминанию о последних словах Холодильника, адресованных моей голо-гипюровой спине: «Вы же понимаете, что надели это платье первый и последний раз?»

Третья ложка пшенки: я не смогу пережить эти одиннадцать дней, спокойно ожидая своей участи. Что он сделает? Что значит «не остановлюсь»? Затащит в постель, несмотря на сопротивление и протест?

К десятой ложке пшенки я так себя накручиваю, что готова сорваться и бежать к Холодильнику затевать спор с обвинениями, криками, дракой. Но считаю до ста и, как и положено пожившей и умудренной опытом двадцатипятилетней женщине, не спеша выбираю обличье на сегодня и с достоинством выхожу из квартиры, отправившись на третий этаж в свой кабинет.

Кабинетное зеркало в пол отражает измученную сомнениями и ожиданиями молодую женщину, зажатую в серый приталенный жакет с крупными пуговицами и длинную прямую юбку, тоже серую, но более темного оттенка. Даже нежно-голубая блузка с пышным жабо и камеей из слоновой кости не придает этой женщине свежий вид. Если бы мне поручили описать то, что я вижу, то я бы подобрала беспощадные эпитеты: беспомощная, неуверенная, обескураженная, испуганная, потерянная, смущенная, озадаченная, огорошенная, смятенная, оторопелая.

Кажусь себе похожей на учительницу дореволюционной гимназии и даже нахожу сходство с прапрабабушкой Анной, чей фотографический портрет конца девятнадцатого века украшает спальню Райских.

— Ты чего такая? — бодро спрашивает меня влетевший в кабинет Димка.

— Какая? — я уже устала, а еще и не начинала работать.

— Растерзанная, — быстро подбирает подходящее слово мой толковый помощник, по точности лексического значения опережая мои десять эпитетов. Кроме того, именно это слово отражает то, что было со мной во сне.

У Димки вообще с языком, устным и письменным, полный порядок. Человек патологической грамотности, что совершенно не свойственно молодым людям его возраста, но свойственно людям его воспитания. Димка поздний ребенок из чудесной образованнейшей семьи. И мать, и отец — научные работники не в первом поколении. Мама — проректор престижного вуза, папа, страшно сказать, академик. Димку они завели, когда обоим было за сорок, любят сильно, прощают все, что можно и что нельзя.

— Растерзали, вот и растерзанная, — сообщаю я Димке.

— Холодильник или Генка уже успел? — гадает мой помощник.

— Генка? — не понимаю я. Димке про свой сон я не рассказывала. Откуда взялся Генка?

— О! Так ты и не в курсе! — довольный Димка потирает руки и стряпает умильную физиономию. — Вставать надо раньше, старуха! Расслабилась. Живешь в отдельно от коллектива, который пашет с рассвета!

— Слушай, пахарь! — смеюсь я, испытывая нежную симпатию к этому замечательному молодому человеку. — Мне Александр Юрьевич разрешил сегодня начать работать попозже. Так что я пропустила?

— Что-то страшное! — зловеще говорит Димка. — Но подробностей я не знаю. Знаю только, что в девять утра к Холодильнику на прием пришла Сальмонелла с новым заказом. А с девяти тридцати Холодильник разносит агентство.

— Что значит разносит? — не верю я свои ушам.

Вчера Холодильник, конечно, пару раз вышел из себя, кричал на Матвея, дотронувшегося до моей шеи, запретил мне носить очередное платье с открытой спиной. Но был более чем сдержан ночью в холле, вернее, на лестнице. Мы даже обсудили обоюдную способность не ссориться при каждой встрече. Что могло произойти? Хотя…

— Вспомни, — прошу я Димку, — как Сальмонелла выводила из себя Юрия Александровича! Поэтому и Сальмонеллой стала!

— Похоже на то… — недоумевает Димка. — Может, какой дурацкий праздник своему сыночку Геночке организовала?

Звонок внутреннего телефона: Павла Борисовна зовет всех "наших" пить травяной чай. Мы с Димкой напуганы и потрясены: это наш многолетний знак SOS.

Все Карповы, Римма Викторовна, Костик, Димка и я. Павел Денисович выносит большой заварочный чайник и чайные чашки. По сложившейся многолетней традиции мы пьем этот чай без десерта. Единственная уступка ситуации — сахар. Красно-желтый чай из семи травок, добрую часть которых мы и не знаем, а отгадать не можем. Точно есть смородиновые листья и чабрец.

— Слушайте! — Костик с благоговением смотрит на свою полную чашку. — Что на самом деле случилось? Кто объяснит? Хозяин бизнес потерял? Я в инете ничего не нашел по этому поводу.

— Не могла его Сальмонелла так довести! — сокрушается Римма Викторовна. — Если Юрий Александрович с ней справлялся в одиночку, то для Александра Юрьевича с его-то охраной! Глупости, не верю!

— Зря не верите! — с какой-то горечью и растерянностью говорит Павла Борисовна, отхлебывая чай. — Началось все с Сальмонеллы.

— Да ладно! — не верит Димка. — Она ругаться приходила или праздник заказывать?

— Сначала праздник заказывать, а потом ругаться, — вздыхает Павла Борисовна, с недоумением глядя на меня. — Все, конечно, встанет на свои места, но будет ой как непросто вам, Нина.

— Мне? — нервно смеюсь я. — А причем здесь я?

Павла Борисовна отвечает на мой вопрос, произнеся слова, смысл которых я долго не могу понять. Вот каждое слово в отдельности понимаю, а вместе они не имеют никакого общего смысла.

— Сегодня Сальмонелла пришла заключать договор с нашим агентством на проведение праздника. Помолвки. Гены и Нины.

— Почему Нины? — ошарашенно спрашивает вместо меня Димка.

— Почему с Геной? — удивляется Дарья Владиленовна.

— Почему помолвка? — возмущается Римма Викторовна.

— Почему ты молчишь, Нинка? — поражается Костик.

Все смотрят на меня и требуют немедленного ответа. Восемь пар вопрошающих глаз. Неравнодушные родные лица друзей.

Сначала я молча перевариваю информацию, потом понимаю, что не переварю — подавлюсь.

— Я вчера была в мюзик-холле, — хрипло, потеряв от волнения голос говорю я и вижу как от недоумения вытягиваются лица окружающих меня людей. — То, о чем вы сейчас говорите, больше похоже на розыгрыш или водевиль. Даже если Сальмонелла — автор этой

чудовищно смешной и нелепой идеи, я здесь ни при чем.

— Александр Юрьевич сначала тоже так решил и вежливо попросил Яну Львовну покинуть агентство или придумать другой заказ, но Яна Львовна была настойчива и показала Хозяину какую-то доверенность от тебя и какие-то письма, — Павла Борисовна вглядывается в мое лицо, словно ищет в его выражении ответы на все свои вопросы.

— Бред! Полный бред! — сомневаюсь я в реальности происходящего. — Какая доверенность…

Неожиданно вспоминаю.

— У Генки была от меня доверенность. Давно. Три года назад. Ее срок давно истек.

— На что? — спрашивает Костик. — На помолвку?

— Да какую помолвку? — искренне смеюсь я. — На действия от моего имени при передаче в музей книг моей прабабушки. Уникальные фолианты. Она просила передать их государству. Генка вызвался помочь. Я ему у нотариуса выписала доверенность на действия от моего имени, так как книги были моими по дарственной. И потом… По доверенности заключить помолвку нельзя. У нас такой процедуры в законе нет.

— Нет, — согласно кивает Павла Борисовна. — А письма?

— Вот письма — это, действительно, странно… — задумываюсь: нет у меня в памяти никаких воспоминаний под грифом "Гена и письма". — Я никогда не переписывалась с Геной. Может, пару открыток к дню его рождения подписала. Не больше.

— Чушь какая! — поправляет усы Денис Владиленович. — Неужели бы Нина нам не сказала о помолвке?

— Ниночка, не волнуйтесь, — бросается меня успокаивать Дарья Владиленовна. — Это недоразумение. Чья-то ошибка. Оплошность.

— Или злой умысел! — выдвигает новую версию Димка. — Нинка! Придави нас синонимами!

— Интрига, коварство, подвох, происки, — послушно выдаю я.

— Еще каверза и злонамеренность! — добавляет с доброй усмешкой Дарья Владиленовна.

— Только чьи? Муравьевых? — спрашивает Костик. — Так Нинку в невестки хочет, что придумала целый план?

— Сальмонелла может! — хохочет Димка.

Все смеются, вспоминая случаи, связанные с семейкой Муравьевых. Набирается с десяток, глупых и смешных. Все чаще раздается смех. Вот кто-то уже просит Павла Денисовича принести шоколадное печенье.

— Холодильник в агентстве? — осторожно спрашиваю я. И все замолкают, глядя на меня с сочувствием.

— Он немного рассержен, — аккуратно начинает Римма Викторовна.

— Без немного, — ворчит Павла Борисовна.

— Зато с очень! — констатирует Костик. — Он так орал на Прохора Васильевича, что стены дрожали.

— Что орал? По существу? — допытываюсь я.

— Что у нас не агентство, а проходной двор. Что Прохору можно доверить охранять только курятник. Что эту особу, ну, Сальмонеллу, и пускать нельзя было, — в подробностях докладывает Костик.

— Сначала все было хорошо, — подключается Римма Викторовна. — Александр

Юрьевич посмеялся над заказом Яны Львовны на помолвку. Доверенность даже читать не стал — передал юристам, те подтвердили, что подделка.

— А я говорила! — радуюсь я. — Это, видимо, та доверенность, что на книги была оформлена.

— Но потом Яна Львовна достала какие-то письма из сумочки. Александр Юрьевич ни брать, ни читать не хотел. Она сама начала что-то там зачитывать, а он аж почернел за пару секунд. Ее из кабинета выставил и… — Римма Викторовна вдруг замолкает.

— Что и? — испуганно переспрашиваю я, догадываясь, что ничем хорошим это не закончилось.

— И разнес кабинет, — спокойно заканчивает за Римму Викторовну Денис Владиленович.

— Правда разнес или это розыгрыш такой? — не верю я Римме Викторовне и даже Денису Владиленовичу.

— Правда, — вздыхает Павла Борисовна. — Я видела: две вазы напольные разбил и гепарда больше нет.

Огромный керамический гепард стоял в кабинете Хозяина с незапамятных времен. На нем, между прочим, стояло клеймо английского королевского фарфорового двора.

— Да что за письма такие это были? — допрашивает меня Димка. — Вспоминай, старуха, пока тебя, как гепарда, на мелкие кусочки не покоцали.

Все снова молча смотрят на меня. Но теперь осуждающе.

— Ниночка не может быть в это замешена, — строго журит всех Дарья Владиленовна.

— Я же говорю, каверза это.

— Значит, разберется Хозяин постепенно, — обнадеживающе говорит Римма Викторовна. — Остынет и разберется.

— А я уже говорила нашей Ниночке, что это весьма увлекательно — не уступать мужчине, — вдруг вспоминает Дарья Владиленовна и мечтательно улыбается чему- то своему.

— Ага! — ворчит Димка. — Он за поцелуи с Генкой из нее Муму сделал, чуть не утопил.

— И за платья с юбками если не жизнью, то здоровьем рисковала, — явно насмехается Костик.

— Предатели! — обзываюсь и обвиняю я. — Зачем все рассказывать, людей шокировать?

— Ниночка! — ласково смеется Дарья Владиленовна. — Неужели вы думаете, что мы все это сами не видим?

— Да уж! — улыбается мне материнской улыбкой Павла Борисовна. — Мы все только фон, декорация для развития ваших отношений.

— Каких отношений?! — обиженно кричу я. — Вы ничего не знаете! Тут такое! Я и половины честно рассказать не могу!

— И не надо! — поправляет усы Денис Владиленович. — Не наше это дело. Вы молодые, развлекайтесь.

— А Хозяин где сейчас? — спрашивает Димка. — Когда Нинку душить придет? Сегодня просто футбол с испанцами. Мы ее по очереди караулим или все вместе?

— Можешь сегодня свою очередь пропустить! — разрешает Павла Борисовна. — Сегодня Карповы на дежурстве.

— А где твой Дежурный, который Матвей? — вспоминает Димка. — Давайте на него Нинку сдадим. Ему в кайф будет.

— Он ренегат, как оказалось, — говорю я, сглатывая слезы благодарности. — Отступник и изменник.

— На Холодильника работает? — догадывается Димка.

— Нет. Не работает. Он просто самый настоящий друг, — честно говорю я. — И никогда ему дорогу не перейдет. Хотя до вчерашнего дня собирался. Поэтому и обзываюсь. Так… Для красного словца.

— Так где Хозяин? — не унимается Димка.

— Александр Юрьевич уехал, никто не знает, куда, — докладывает Римма Викторовна. — Но и Николай, и Евгений здесь.

— Странно, — пожимает плечами Костик. — Это ж его личная охрана. Неужели опять к тебе приставил?

— Не должен, — удивляюсь я, чуть не проболтавшись про одиннадцать дней. Вскакиваю и бегу в комнату охраны здания. Прохор Васильевич и Николай пьют кофе.

— А где Евгений? — спрашиваю я вставших с места при моем появлении мужчин.

— На крыльце, — отвечает мне Прохор Васильевич, странно на меня глядя.

Бегу на крыльцо. Евгений неподвижно стоит и смотрит на аллею. Просто памятник герою охранного труда.

— Женечка! — пою я лисой. — А где Александр Юрьевич?

Евгений, вздрогнув от моего "Женечки", с испугом смотрит на меня. Да… Охранник…

— Уехал, — говорит Евгений, делая от меня шаг назад.

— А куда? — делаю шаг вперед и ловко хватаю за локоть.

Евгений с ужасом смотрит на мои пальцы, вцепившиеся в ткань его черного пиджака.

— Нина Сергеевна! — мои пальцы мягко отцепляют от Евгения. Прохор Васильевич заглядывает мне в лицо:

— Чем я могу вам помочь?

— Можете! — тут же соглашаюсь я. — Где Хозяин? Куда он уехал?

— Полетать, — обыденно и просто сообщает мне начальник охраны.

— Полетать? — сильнее удивить меня сегодня уже нельзя. — На чем?

— На самолете, — доходчиво объясняет мне Прохор Васильевич.

— Он улетел в командировку? — уточняю я, снова хватая за руку, но уже нашего полубога.

Прохор Васильевич сначала аккуратно отцепляет меня и от себя, потом отвечает:

— Он будет летать на своем спортивном самолете. У Александра Юрьевича есть спортивный летный клуб, — Прохор Васильевич делает от меня шаг назад. — Он спортивный летчик.

— Прекрасно! — даю я оценку талантам Холодильника, наступая на Евгения, хватая его за рукав и спрашивая. — А вы все почему здесь, а не с ним?

— Нина Сергеевна! Везде камеры! Прекратите хватать Евгения, пожалуйста, — начальник охраны спасает от меня рукав пиджака Евгения.

— Вы думаете, что на основании видеозаписи меня могут привлечь к ответственности за нападение на охрану агентства? — меня начинает разбирать нервный смех.

— На основании этой видеозаписи Евгений может остаться без работы, — вздыхает Прохор Васильевич.

— Почему? — дурею я.

— Потому что со стороны это можно трактовать как приставание Евгения к вам, — и по выражению лица Прохора Васильевича видно, что он не шутит.

— Вас можно хватать? — интересуюсь я, совершенно запутавшись в происходящем.

— И меня не надо, но можно. Отца четверых детей могут и пожалеть, — лукаво улыбается мне начальник охраны. — Но ради них же я бы не рисковал.

— У меня последний вопрос, — делаю руки в боки. — Мне рассказали, что Хозяин был сегодня расстроен и… раздражен немного. И в таком состоянии он поехал полетать? Я ничего не путаю? Он будет в небе один и за рулем?

— За штурвалом, — вежливо поправляет меня Прохор Васильевич. — Господин Климов — прекрасный пилот. Он справится.

— А почему без охраны? — не унимаюсь я.

Самый красивый начальник охраны на всем белом свете с жалостью смотрит на меня, видимо, считая меня женщиной с интеллектом печеньки.

— Просто любопытна ваша версия, — улыбается мне Прохор Васильевич улыбкой врача-психиатра, уже поставившего диагноз, но раздумывающего, кому его сообщать, больному или родственникам. — Чем бы Евгений с Николаем ему помогли в одноместном самолете?

Чувствую себя дурой и выжатым лимоном. С позором возвращаюсь в здание. Да пожалуйста! Пусть летает! Кому он нужен, летчик-самолетчик!

Остаток дня проходит напряженно и мучительно-ожидательно. Сотрудники агентства смотрят на меня, как на диковенного зверька в зоопарке. Милого, но опасного. Сходила, посмотрела, что там с кабинетом. Да. Разбиты два напольные вазы и гепард. Гепарда жаль. Пострадал ни за что…

— К Муравьевым идти, чтобы про эти таинственные письма выяснить или ждать Холодильника? — спрашиваю я Ленку, выйдя в скайп.

— Тебя, Нинка, и на полчаса оставить нельзя! — психует Ленка. — Когда ты их Генке написала?

— Вы все белены объелись? — почти визжу я. — Я. Ничего. Генке. Не писала. Тем более такого, чтобы Холодильник в бешенстве громил кабинет.

— Спокойно! Тетя Лена думает! — Ленка чешет затылок. — Может, Сальмонелла записку любовную от тебя Генке подделала?

— Нет. Тут что-то серьезнее, чем просто записка. На нее не было бы такой реакции. Точно не было бы, — не соглашаюсь я.

— Вообще-то ты права, — вздыхает Ленка. — Не стал бы взрослый тридцатилетний мужик из-за этого психовать так.

— А я что говорю! — нервничаю я. — Генку бы он пришиб, меня на хлеб и воду. Это максимум. Но гепарда вдребезги — и в небо?!

— Еще версия! — радуется Ленка своей смекалке. — Это спектакль, чтобы ты волновалась за него.

— Ага! А Сальмонелла — приглашенная в антрепризу актриса? — не верю я. — Да и не такой человек Холодильник, чтобы сценки разыгрывать… Он выше этого. Наорать, наказать — это пожалуйста. Но не розыгрыш.

— Пожалуй, — соглашается Ленка. — Тогда не знаю. Жди его. И будь осторожна в выборе слов. У тебя с этим проблема. Оскорбленный влюбленный хуже раненого тигра.

— Знать бы, чем и кто его оскорбил…

Перед сном трусливо просматриваю новости в сети, в поисках катастроф в малой авиации. Вроде нет. Хорошо.

В полночь наконец-то раздается звонок в дверь. Подхожу и, не проверяя кто, говорю:

— В квартиру не пущу. Спущусь в холл сама. Через десять минут.

От двери удаляются тяжелые шаги. Уговариваю себя тем, что сейчас узнаю, что же случилось на самом деле. Это придает храбрости. Потом ее уменьшает мысль о том, что Холодильник "улетел", чтобы не прибить меня под горячую руку, остыть. Значит, перегрелся, а это опасно. Раздираемая противоречиями, стускаюсь в холл. Холодильник ждет меня. Холодный. Чужой. Каменный.

— Как полетали? — пищу я, не зная, как начать разговор.

Надо было надеть фиолетовую юбку. Его бы переклинило и отвлекло. Судя по горько-злому взгляду, самолет помог не очень.

— В пределах штатного задания, — отвечает мне Холодильник чужим голосом.

— Полегчало? — прощупываю я почву.

— Издеваетесь? — жестко спрашивает он. — Нравится?

— Нет. Конечно, нет! — нервничаю я. — Не нравится.

— Врете! — Холодильник оказывается возле меня и мертвой хваткой берет меня за плечи. — Маленькая актриса, играющая эмоциями и чувствами.

— Послушайте! Что бы ни наговорила вам Сальмонелла… Она не совсем нормальная, вы же должны это понимать! — странно, но мне очень хочется оправдаться.

— Нет! Это вы послушайте! — рычит Холодильник. (Господи! А вчера казалось, что он человек). — Я нарушаю свое слово, данное вам. Больше нет никаких одиннадцати дней. Я вам их больше не даю.

Глава 29. Дневник

Жаль, королевство маловато, разгуляться мне негде.
Ну, ничего, я поссорю соседей между собой — это я умею.
Евгений Шварц "Золушка"

— Что значит не даете? — храбрюсь я, пытаясь освободиться из жестких объятий, нападая от отчаяния. — Я у вас в принципе и не просила ни шестьдесят, ни одиннадцать дней. Это была ваша игра!

— Игра? — Холодильник на секунду закрывает глаза, чтобы открыть их и опалить меня лихорадочным, испепеляющим взглядом. — Это вы упорно играете свою роль. С первого дня. С первой встречи.

— Я просто защищаюсь! — огрызаюсь я, чувствуя, что между нами сейчас происходит что-то непоправимое, безнадежно необратимое. — Что вы хотите предпринять? Я могу узнать, что так вывело вас из себя?

— Разочарование, — выдыхает Холодильник. — Жестокое разочарование в себе.

— В себе? — растерянно перепрашиваю я. — По какой причине?

Холодильник тяжело дышит и бездумно сжимает мои плечи еще сильнее. Я ойкаю от настоящей боли, и он словно приходит в сознание, отпуская меня и отшатываясь.

— Александр Юрьевич! — я вкладываю в свою интонацию максимально угадываемую обеспокоенность. — Я уверена, что все, что предложила вам Сальмонелла, сфабриковано ею же. Но что бы она ни придумала, вы зря так реагируете.

— Я вообще не понимаю, как мне удалось отреагировать так, как я это сделал, — бросает мне Хозяин объяснение. — Я просто само спокойствие в сравнении с тем, что мне хочется сделать. Вам повезло, что мы не встретились в десять часов утра.

— Да я воообще везучая, — бормочу я, дурея от абсурдности ситуации. — С рождения!

— Вы зря ехидничаете, — устало говорит Холодильник. — Сейчас я здраво могу и рассуждать, и поступать.

— Звучит обнадеживающе, — уныло соглашаюсь я с точкой зрения Хозяина и делаю еще одну попытку. — Доверенность же была поддельной?

— Доверенность? — подозрительно переспрашивает Холодильник.

— Доверенность на действия от моего имени, — напоминаю я.

— Вам уже сообщили? — презрительно говорит Холодильник. — Впрочем, чему я удивляюсь? Тут все работают не на меня, а на вас.

— Не все, — ворчу я.

— Да вы что?! Не все?! Какое упущение! Это ваша недоработка! — сочится сарказмом из всех щелей Хозяин.

— Так доверенность липовая? — не отстаю я, осторожно выдыхая от осознания того, что после заявления об отмене ограничителя я стою на своих двоих и меня не волокут в логово.

— Да! — лает Холодильник.

— Прекрасно! — радуюсь я. — Это просто распрекрасно! Значит, и остальное — фикция!

— Фикция? — тихо спрашивает Холодильник, и от его шепота мне становится по-

настоящему страшно. — А вот в этом я не уверен.

— Вы можете показать или рассказать?! — не выдерживаю и начинаю кричать. — Я не понимаю, о чем вы говорите и что вас так выбесило!

— Даже не догадываетесь? Вы должны были спохватиться, что у вас этого нет! — кривая усмешка искажает лицо Холодильника.

— Спохватиться писем, которые я не писала?! — возмущение клокочет в моем горле.

— Каких писем? — видно, что Холодильник огорошен. — Ваши шпионы плохо работают.

— Это мои друзья, а не шпионы! — горячусь я. — И они не доносят, а беспокоятся обо мне.

— Правильно делают! — Холодильник снова переходит на рык. — Я бы на вашем месте беспокоился!

— А я и беспокоюсь! — докладываю я. — Полгода уже беспокоюсь! Живу как в осаде! Как в бреду! Как во сне!

Холодильник внезапно оказывается близко-близко, ласково берет меня за подбородок и, поглаживая мои губы большим пальцем правой руки, шепчет:

— Нет. Это я живу полгода, как во сне…

Взгляд карих глаз. гипнотизирующий, жадный, горячий, пронзителен и глубок. Он накрывает меня колпаком, звуко- и светонепроницаемым. Я проваливаюсь в чистый, абсолютный вакуум, который поглощает все мои мысли, уничтожает все мои попытки вырваться из его рук.

Поцелуй становится логичным продолжением гипноза. Губы Холодильника теплые и нежные, они едва касаются сначала моего подбородка, щек, носа, лба. а потом забирают в плен губы, мягко, но настойчиво.

Только не отвечать! Только продержаться! Это вдруг почему-то невыносимо трудно. Хочется ответить… Но я не отвечаю.

— Вы не закрываете глаза, — шепчет Холодильник. — Почему? Я думал, что все девушки. когда целуются, закрывают глаза от восторга.

О! Спасибо за помощь! "Все девушки"!

— Не знаю. Я с девушками не целовалась, — легкомысленно отвечаю я. — Вам виднее. У вас опыта больше.

Холодильник медленно отстраняется от меня и отпускает.

— Кстати, о письмах, — хрипло говорит он. — Были еще и письма? О чем можно писать Гене? Вы графоманка? Не можете преодолеть страсть и тягу к сочинительству?

— Не надо обзываться! — героически шучу я. — Эта тяга человека, совершенно лишенного способностей к сочинительству. Вы только что назвали меня бездарностью.

— Нет, госпожа Симонова-Райская! Вы весьма одаренная особа! Этого не отнять! — тон, выбранный Холодильником, говорит об обратном. Он хочет меня задеть, обидеть и обижает. — Что за письма?

— Это был мой вопрос! — возмущаюсь я. — Я первая спросила!

Александр Юрьевич смотрит на меня озадаченно, потом улыбается этой самой своей улыбкой. Щедрой, заразительной, по-детски радостной и совершенно обезоруживающей И ему сейчас так подходят и "Шаша", и "Шурка".

Неожиданно смущаюсь, застенчиво улыбаясь в ответ. Господи! Надеюсь, я не покраснела. Бред какой-то! От поцелуя не смущалась, а от улыбки развезло.

— Я не видел и не читал никаких писем, — просто и спокойно говорит Холодильник. — Не хватало мне еще и их…

— Конечно, не видели и не читали! — злобно радуюсь я. — Их не существует! И какой бы пасквиль не сочинила про меня Сальмонелла, я готова его оспорить и вернуть ваш ограничитель.

— Готовы? Оспорить? Вернуть? — Холодильник буквально плюется в меня словами. — Пошли!

Хозяин хватает меня за руку и тащит за собой к лифту.

— Нет! Не поеду! — кричу я.

Но Холодильник не слушает меня, а берет в охапку и затаскивает в лифт. Закладывает уши, и громко, разряженно стучит сердце. Стараюсь сосредоточиться и взять себя в руки. Если считать в обратную сторону, то можно отвлечься. Всего-то ехать до третьего этажа.

Десять-девять-восемь-семь…Прижимаюсь спиной к стенке лифта и гордо выпрямляюсь. Шесть-пять-четыре… Не могу позволить ему увидеть свой страх. Три-два-… Что такое?! Зачем?!

Мой мозг разрывается от страха и раздражения. Холодильник буквально за пару секунд до остановки лифта нажимает кнопку "Стоп".

— Зачем? — пересохло горло, и давит виски. — Что вы сделали?!

— Остановил время, — ответил Холодильник. — Хотел рассказать вам, как все могло бы быть, если бы вы не сделали того, что сделали.

Головная боль или врожденная глупость не дают мне понять, что же все- таки происходит конкретно сейчас, в этом старом лифте.

— А что я сделала? — шепчу я, закрыв глаза. Становится легче.

— Откройте глаза, Нина! — просит Холодильник, тепло тела которого я чувствую совсем рядом.

— Нет! — отрицательно мотаю головой. — Не хочу вас видеть.

— Тогда слушайте! — слышу я в правом ухе.

Крепкие руки поднимают меня, и я понимаю, что со мной на руках Холодильник садится прямо на пол лифта. Охаю от неожиданности, но глаза не открываю, даже оказавшись на коленях Хозяина.

— Так и не откроете? — ласково шепчет мужчина моей шее, мгновенно покрывшейся мурашками, и, не получив ответа, продолжает. — Как хотите! Осторожные поцелуи перебегают с шеи на плечи, руки, возвращаются к лицу, щекам, закрытым глазам. Терпкий, томительный поцелуй накрывает мои губы.

— Вы когда-нибудь любили мужчину? — вдруг спрашивает меня Холодильник. Еле сдерживаюсь, чтобы не открыть глаза.

— В каком смысле? — икаю я.

— Во всех смыслах. Плотском, эмоциональном, общечеловеческом… — Холодильник прижимается к моему лбу своим лбом.

— Вас это совершенно не касается! — у меня осталось не так много степеней защиты, и я почти кричу. — Что за прихоть разговаривать на полу лифта в пустом здании, где можно поговорить в любом кабинете агентства? Все равно никто не помешает.

— Я уже сказал, — устало говорит Холодильник, и я жалею, что не могу видеть выражение его глаз. — Когда мы выйдем отсюда, все изменится и испортится. А я хотел бы хоть ненадолго ощутить, что мог бы почувствовать, если бы вы были другой.

— Другой? — не понимаю я. — Я такая, какая есть. Вы добровольно что-то там придумали.

— Придумал, — соглашается Хозяин, беря мое лицо в ладони и целуя в уголок губ.

— Зачем мы сидим на полу? — шепчу я.

— На полу сижу я, — возражает Холодильник. — А вы сидите на мне. Вам неудобно?

— Да! — контрастно его негромкому голосу я снова почти кричу. — Мне неудобно сидеть на полу на коленях у постороннего мужчины, который меня целует против моей воли.

— А мне показалось, что вы почти ответили на мой поцелуй. Там, в холле, — усмехается мне в рот Холодильник. И я не вижу эту усмешку, а ощущаю ее тонкой кожей воспаленных губ.

— Вы упорная! — восхищается мужчина. — Ну, посмотрите на меня. Как тогда…

— Тогда? — мяукаю я, вздрогнув от прикосновения к спине и животу.

— Тогда, когда я вас первый раз увидел, — Холодильник губами тащит с плеча мою футболку, которую я надела вместе с джинсами, когда собралась спуститься вниз.

А вот сама виновата! Эту огромную голубую футболку я купила папе, но ему не понравился принт: Ежик в тумане и надпись "Если тебе одиноко и на душе гадко, выйди в туман и крикни: "Лошадка!"

— Нет, Нинка! — замахал на меня руками папа. — Я такой авангард не ношу.

И бесполезно объяснять, что авангард — это нечто другое. Хорошо, сама буду носить.

Футболка мне велика чудовищно, поэтому ткань охотно падает с плеча почти до локтя. Скриплю зубами и тащу футболку на место. Холодильник не делает попытки повторить шалость.

— Я тогда подумал… — Холодильник обхватывает губами мочку моего уха. — Таких глаз не бывает! Какие красивые линзы! У вас хороший вкус, Нина. Вы удачно подобрали комплект.

Как малолетка попадаюсь на хитрость, открыв глаза и возмутившись:

— Это не линзы!

Холодильник парализует меня своей улыбкой, используя ее как тяжелую артиллерию. Потом осторожно целует сначала правый глаз, потом левый.

— Не хотите поцеловать меня в ответ? — смеется он. — Успокоить? Вдруг у меня клаустрофобия?

— Я хочу выйти отсюда и получить ответ на свой вопрос! — ловко вырвавшись и вскочив на ноги, я нажимаю на нужную кнопку. Лифт мягко дергается и достигает нужного этажа. Холодильник встает, смотрит на меня тяжелым взглядом представителя Священной Инквизиции.

— Я почти поверил вчера, что у меня получится, — говорит Холодильник, беря меня за руку и целуя ее. — Всем свойственно ошибаться. Даже таким самонадеянным мужчинам, как я. Мне жаль, что вы оказались другой. Но и это не заставит меня отказаться от вас.

— Хватит говорить загадками! — трясусь я от злости, внезапно замерзнув в своей дурацкой футболке. — Вы хотели мне что-то показать?

— Вы это, несомненно, видели! — зло усмехается Холодильник и, не оборачиваясь на меня, быстро идет в свой кабинет. — Я вам просто это верну!

— "И Канатчиковы власти колют нам второй укол!" — пою я строчки из песни Высоцкого. В сумасшедшем доме не была, но теперь легко себе его представляю.

В кабинете у Холодильника прибрано. Сразу бросается в глаза отсутствие огромного

керамического гепарда. Хозяин подходит к своему столу и, достав несколько тетрадных листов в клеточку, буквально бросает мне.

— Узнаете, откуда вырвано?

Тетрадные листки в клетку действительно откуда-то вырваны впопыхах, неаккуратно. Листы исписаны крупным почерком, очень похожим на мой, но не моим. Так. Уже легче. Теперь прочтем, и все станет ясно.

Я плюхаюсь на диван и начинаю читать. После первых двух предложений распахиваю глаза на Холодильника.

— Что это?

— Ваш дневник, я полагаю, — горько-ехидно отвечает Холодильник и уходит к окну, отвернувшись от меня на ночной город.

"Сегодня я выиграла в карты на желание у Холодильника. О! Это чувство победы над монстром! Оно непередаваемо! Спасибо, папочка, что научил меня играть в карты, иначе уже сегодня ночью я была бы изнасилована цинично и просто, как наложница султана".

Потрясенно смотрю на спину Холодильника и чувствую, как шевелятся волосы на голове.

"Конечно, Холодильнику не понравилось мое желание, и он наложил на него двухмесячное "вето', но это же шестьдесят дней свободы от его назойливого внимания! Все-таки я молодец! Откуда берутся мужчины, не понимающие слова "нет'? Кстати, Матвей совсем неплох, кажется запал на меня, надо будет это использовать".

Я не помню, чтобы хоть что-то, даже маленькие замкнутые пространства, пугали меня так, как эти тетрадные листы.

"Холодильник ел меня глазами весь спектакль в мюзик-холле. Еще этот Кирилл Иванович со своими липкими взглядами! Марго скоро просто зарежет меня фруктовым ножом. Хотя… Права Ленка, это тоже можно использовать. И возвращение Юрия Александровича можно использовать, надо только подумать как".

Холодильник вдруг резко разворачивается ко мне и смотрит, не отрываясь, пронизывающим, испытующим взглядом.

"Было очень смешно слушать Светлану и Кристиночку, прячась с Ленкой в кабинке туалета. Полезное подслушивание. "Общая" девусика Матвея и Холодильника хоросиа! Как Светлану поддевала! Но и Светочка не промах. Надо же… Двадцать лет, а выдержка как у сорокалетней стервы".

— Почему Холодильник? — неожиданно спрашивает он.

— Белый, большой, широкий, холодный, — говорю я, глядя ему в глаза. Взгляд не отвожу. — Все проще простого. Графологическая экспертиза.

— Я думал об этом первые несколько минут, — тихо отвечает мне Холодильник. — Но серьезно додумать эту мысль не смог. Скажите, госпожа Симонова-Райская, что из написанного вами…

— Не мной!

— Хорошо, — равнодушно соглашается Холодильник. — Что из написанного на этих листах не ваши мысли?

— Оценки и выводы! — тут же отвечаю я.

— А факты. события, люди?

Долго молчу, глядя на проклятые листки, потом поднимаю на него глаза.

— Это правда. Почти.

— Я так и думал, — Холодильник щурится хищно, остро. — Я оценил ваш ход. Вы решили меня отвратить от себя всеми возможными способами. Я так понимаю, что Геннадий Муравьев просто вырвал и выкрал эти странички из вашего дневника, чтобы как-то использовать в борьбе за ваше тело и душу? Но проболтался матери. Или все это по ее заданию.

— У меня никогда не было никаких дневников. кроме школьного, — говорю я, вставая с дивана.

— А это уже неважно! — Холодильник подходит вплотную ко мне. — Там, в небе. я понял, что все равно не откажусь от вас.

— Чтобы отомстить? — бред происходящего не умещается в сознании.

— Подойдет любой вариант, который вы придумаете. — пожимает плечами Холодильник. — Мне все равно. Я приму любой.

Большая рука ложится на мое горло, не сжимая, нежно, трепетно.

— Как жаль, что ты другая, — шепчет Холодильник и целует меня. И это поцелуй-наказание. Ему не нужно, чтобы я отвечала. Ему нужно завершить игру в желания и ограничители.

В голове стучат молоточки и поет Высоцкий:

Тех, кто был особо боек,
Прикрутили к спинкам коек,
Бился в пене параноик,
Как ведьмак на шабаше.
Развяжите полотенце,
Иноверы, изуверцы,
Нам бермуторно на сердце
И бермутно на душе.

Глава 30. Ультиматум

Прежде чем ворошить чужое белье, надо удостовериться, выстирано ли свое.
Народная мудрость

— Листы остались у Холодильника? — уточняет задумчивая Ленка.

— Да, — говорю я ей, разливая по чашкам горячий зеленый чай. — Сначала швырнул мне, сказал, что экспертиза его уже не интересует. Ему не важно, я это писала или не я. Потом…

— Как это не важно? — перебивает меня Димка, огорошенный новостью, он даже привстает со стула. — Да это самое главное! Тебя очернили, оклеветали!

— Неужели он верит, что это ты? — Ленка потрясена ситуацией.

Мы сидим в моей гостиной и пьем чай. Я вываливаю на друзей подробности произошедшего вчера (ну, почти все подробности…). Сказать, что они в шоке — ничего не сказать.

— Видимо, да, верит. — вздыхаю я, чувствуя, что это все-таки обидно и задевает.

— Хорошо. — начинает рассуждать Костик. — А почему, если это не ты, это тоже не важно?

— Прочтете — поймете, — снова вздыхаю я, доставая телефон. — Просто он спросил, правда ли то, то там написано…

— Какая правда? — Ленка давится чаем. — Откуда там могла взяться правда?

— Понимаешь, там почти все, как будто это я писала! — до сих пор не могу прийти в себя.

— Почти? — хватается за слово Ленка. — Что значит почти?

— Навязчивые, повторяющиеся фразы о том, что я хочу всех использовать, — объясняю я друзьям. — И Матвея, и Кирилла Ивановича…

— Жаль, что прочесть нельзя! — сетует Димка. — Можно было бы, кроме графологической экспертизы, сделать и стилистический анализ. Мама помогла бы. Такие подписи под заключением поставили бы — Холодильник обалдел бы! Это люди уровня Даля и Лихачева.

— Ой! — пугаюсь я. — Такого уровня не надо!

— Так у тебя все равно текстов нет! — расстраивается Ленка. — С чем ваши экспертизы делать?

— Листочков нет, — подтверждаю я. — Но есть их фото.

— Так что ж ты! — всплескивает руками Димка. — Давай читать!

— Листы не отдал, значит? — спрашивает довольный Костик. — Это хорошо! Сам будет проверять на подлинность. Вот увидишь!

— Хорошо хоть фото сделать дал, а не заставил съесть эти бумажки, — невесело шутит Димка.

— Показывай скорее! — Ленка аж трясется от любопытства.

— Подождите! Надо сбросить и распечатать покрупнее. Будем анализировать! — предлагает Костик. — Пересылай мне, Нинка, я пойду распечатаю.

Через пятнадцать минут мы рассаживаемся в моей гостиной, каждый с распечаткой в руке. Еще несколько минут проходит в молчании — ребята читают. Я уже выучила все

наизусть за бессонную ночь и тоскливое утро. Еле дождалась обеденного перерыва, чтобы позвать мальчишек и вызвонить Ленку.

— Офигеть! — интеллигентно резюмирует прочитанное сын доцента и академика.

— Не слабо! — поддерживает его Костик. — Не ожидал…

— Это… Это… — Ленка не может подобрать слова и только открывает рот.

— Это очень умно придумано, — еще раз пробегая текст, говорит Костик. — Куча реальных фактов плюс обидные выводы. Действенное сочетание!

— Но грубовато как-то… — задумывается над чем-то Димка. — Нинка права: стиль не ее. Пересолено да переперчено…

— Откуда?! — Ленка, наконец, нашла нужное слово и еще несколько. — Откуда они… она это все знает?! Не понимаю…

— Вот! — возбужденно говорит Костик. — Первые разумные слова! Думайте, господа, думайте!

— Так! Первая запись, — я вслух перечитываю текст.

"Сегодня я выиграла в карты на желание у Холодильника. О! Это чувство победы над монстром! Оно непередаваемо! Спасибо, папочка, что научил меня играть в карты, иначе уже сегодня ночью я была бы изнасилована цинично и просто, как наложница султана".

— Кто? Если нас исключить? — спрашивает Димка. — Нинка! Мы же нас с Ленкой исключаем?

— Я бы с вас лучше начала. — лукаво улыбаюсь я, глядя, как обиженно вытягиваются лица друзей. — Ладно. расслабьтесь! Если это кто-то из вас, значит, так мне и надо. сама таких друзей выбрала. Грош цена такой дружбе…

— Это не мы! — клянется Ленка. — Я даже за Димку ручаюсь!

— Почему это даже? — пыхтит недовольный Димка. — Может, это я за тебя ручаюсь?

— Я сама ручаюсь за всех троих, не будем тратить время! — громко ругаюсь я. а потом тихо добавляю. — Еще Холодильника надо исключить. Никто не возражает?

— Всех исключим, и ты, Нина, останешься единственной подозреваемой! — хохочет Костик, и получает символический подзатыльник. — Кто тогда остается?

— Светлана и Матвей. Там же больше никого не было? — допрашивает меня Ленка.

— Евгений был и прислуга, — вспоминаю я, — две женщины.

— Это мысль! — почти взвизгивает Ленка. — Прислугу легко подкупить!

— Как вариант оставляем и прислугу! — соглашается Костик, беря чистый лист бумаги и что-то на нем рисуя. — Но после Светланы и Матвея.

— Подождите! — останавливаю я довольных друзей. — А про папочку, научившего меня играть в карты, "автору" прислуга рассказала?

— Кто об этом знал? — спрашивает Ленка. — Кроме нас, конечно.

— Карповы знают. Эти люди неприкосновенны. Скорее я поверю, что сама это написала, чем они! — горячусь я. — Генка, кстати, тоже знал, с детства.

— Вот вам и ответ! — радуется Димка. — Стопроцентный кандидат!

— Допустим, — Костик продолжает рисовать и писать, потом командует. — Приступаем ко второй записи.

"Конечно, Холодильнику не понравилось мое желание, и он наложил на него двухмесячное "вето", но это же шестьдесят дней свободы от его назойливого внимания! Все-таки я молодец! Откуда берутся мужчины, не понимающие слова "нет"? Кстати, Матвей совсем неплох, кажется запал на меня, надо будет это использовать".

— Здесь сложности. Первой узнала Ленка. Позже вы, мальчики, — вздыхаю я.

— А Светлана? Она же тоже играла? — рассуждает Димка.

— Она не знала, какой ограничитель наложил Холодильник, — возражаю я. — Вслух я не зачитывала.

— А ты Светлане ничего не рассказывал? — вдруг говорит Ленка Димке.

— С ума сошла? Хозяина обсуждать с его невестой?! — Димка даже оторопел. — Мы со Светланой разговаривали про третий день ее будущей свадьбы, про праздник для Маши, про то, что она хотела бы поработать в нашем агентстве, быть полезной. Все!

— А про Нинку она спрашивала что-нибудь? — интересуется Ленка. — Вспоминай!

— Про Нинку? Спрашивала, есть ли у нее муж или жених… Где училась… Не пара ли мы… Вроде все! — мучительно вспоминает мой помощник. — Нет! Точно — все!

— А ты, Ленка? — Костик пристально смотрит на мою лучшую подругу. — Никому не сболтнула? Нечаянно, конечно!

Ленка возмущенно выпучивает глаза:

— Я Нинкины секреты ни с кем не обсуждаю!

— Ладно, не горячись, — примирительно просит Костик. — Матвей?

— Ну… Он лучший друг Холодильника, мог только приблизительно догадаться о сути ограничителя. Но точное количество дней… — рассуждаю я. — Хотя ему сам Холодильник мог сказать. Но у меня ощущение, что он бы не стал.

— Я тоже думаю, что не стал бы, — поддерживает меня Ленка. — Ты для них яблоко раздора.

— Ладно. Не будем терять времени. Давайте дальше! — руководит нами Костик.

"Холодильник ел меня глазами весь спектакль в мюзик-холле. Еще этот Кирилл Иванович со своими липкими взглядами! Марго скоро просто зарежет меня фруктовым ножом. Хотя… Права Ленка, это тоже можно использовать. И возвращение Юрия Александровича можно использовать, надо только подумать как".

— Светлана. Кирилл Иванович. Марго, — быстро перечисляет Ленка. — И еще двести человек зрителей. Холодильник ни на одного актера даже для разнообразия не посмотрел. На Светлану ни разу глаза не скосил. Как уставился на Нинку, так и завис…

— Зафиксировал! — Костик продолжает свои зарисовки. — Дальше! Скоро обед закончится.

"Было очень смешно слушать Светлану и Кристиночку, прячась с Ленкой в кабине туалета. Полезное подслушивание. "Общая" девушка Матвея и Холодильника хороша! Как Светлану поддевала! Но и Светочка не промах. Надо же… Двадцать лет, а выдержка как у сорокалетней стервы".

— Вот к этой записи у меня вообще претензий нет, — честно говорю я. — Мне реально было смешно слушать, как они Хозяина делят.

— Да. И Кристина хороша, лучше не скажешь. И она в прошлом общая для Матвея и Александра Юрьевича. И Светлана точно не промах, девушка с удивительной выдержкой, — подтверждает каждое мое слово Ленка. — Единственное слово меня напрягает — стерва. Не из твоего лексикона, Нинка!

— Что ты там рисуешь? — тянется к Костику Димка. — Покажи!

Костик показывает нам лист, на котором цветными маркерами нарисованы и подписаны несколько фигур: Светлана, Кирилл Иванович, Кристина, Матвей, держащиеся за руки Сальмонелла и Генка и Некто.

— Что за Некто? — недоумевает Ленка. — Кого ты так зашифровал?

Костик с показной жалостью смотрит на Ленку, взглядом показывая свое снисходительное отношение к ее скудоумию.

— Это Некто, — терпеливо объясняет Костик моей подруге, подмигивая нам. — У нас с вами есть подозрения насчет нескольких конкретных человек. Но нет доказательств. А это может быть и кто-то другой, знакомый нам или неизвестный, причем никому. Я назвал его Некто. По-моему, логично.

— А! — Ленка смеется над собой. — Поняла. А эти мелкие кто?

Несколько разноцветных человечков нарисованы внизу листа.

— Это Евгений, прислуга и другие, на первый взгляд, те, кого могут использовать втемную. Их нельзя не учитывать.

— Что за цифры? — Ленка тычет в лист длинным голубым ногтем.

— Рейтинг. Пятерка у Сальмонеллы с Генкой. С них все началось. Даже если они исполнители, они знают заказчика. Четверка у Светланы. Она везде присутствовала, знает обо всех ситуациях. Тройка у Матвея. По единице у Кирилла Ивановича и Кристины. Засветились меньше всех, — логично размышляет Костик. — С кого начнете?

— Начнем? — не понимает Димка. — Что начнем?

— Искать того, кто это задумал и воплотил. Я пробью всех за сутки. Вытащу все, что могу. Но и вживую работать надо с контингентом, — важно говорит Костик, и я начинаю чувствовать себя агентессой, завербованной внешней разведкой.

— Начнем с Кирилла Ивановича и Кристины, — решаю я, и Костик восхищенно показывает мне большой палец. — Соображаешь, мать!

— Почему? — тупит обиженная Ленка. — У Сальмонеллы пятерка, у Светланы четверка, а ты начинаешь с тех, у кого меньше?

— Потому что возможностей у них много, а засветились они только раз, — умничаю я. — Я бы на их месте сделала так же.

— Точно! Согласен! Голова ты, Нинка! — подлизывается Димка. — Можно я буду со Светланой работать? Я аккуратно!

— Можно! — радую его я. — Только после подробного инструктажа. А я займусь Кириллом Ивановичем.

— Я Матюшу могу прощупать, — мечтательно говорит Ленка, нарочито сладко потягиваясь. — Но тщательно и ежедневно.

— Заметано! — смеясь, подтверждаю я ее выбор.

— Никакой самодеятельности! — совершенно серьезно предупреждает Костик. — Все детали обговариваем вместе.

— Холодильник тебя вчера отпустил без боя? — Ленке очень любопытно. — Ему же проверить твою, ладно, не твою писанину легче легкого. Чего тогда завелся?

— Сказал, что разочарован в себе, — вспоминаю я. — И я теперь знаю, что он навскидку почерк сравнивал. Римма Викторовна сказала, что он брал в отделе кадров мое личное дело. Там есть несколько документов, написанных от руки. Вы же видите, что похож почерк. Давайте, идите на рабочие места, встречаемся вечером.

— В себе разочарован, не в тебе? — восхищается Ленка, когда я провожаю ее из агентства. — Как романтично!

— Ничего романтичного! — вяло спорю я. — Еще он говорил, как жаль, что я оказалась не такой.

— Какой не такой? Не понимаю, — Ленка хватает меня за руку и тащит на крыльцо.

Тут же на крыльце появляется Евгений и начинает смотреть вдаль.

— Что?! Опять?! — Ленка восхищена. — Разочаровался, но не отказался?

— Как-то так… — вздыхаю я. — Думала, не отпустит вчера. Нет… Отпустил.

— Откуда такое разочарование? — ехидничает Ленка. — Что ж сама не осталась?

— Причины те же, — твердо говорю я и прощаюсь. — До вечера!

Ленка убегает в ателье. Я быстро, ловко и неожиданно хватаю Евгения под руку и тащу в здание.

— Пойдемте-ка на службу, мой дорогой!

Евгений сначала шарахается в сторону, практически вырвав свою руку из моих, а потом поспешно открывает мне дверь. Поднимается со мной до третьего этажа на приличном расстоянии. Нет. Мне у него никогда никакую информацию не выудить. Пока пойдем другим путем.

— Нина! Александр Юрьевич просил тебе передать! — Римма Викторовна подает мне запечатанный конверт. — Просил прочесть при мне.

— Вам? — недопонимаю я просьбу.

— Не мне. При мне, — вежливо поправляет секретарь Холодильника. Пожимаю плечами и открываю конверт. Быстро пробегаю глазами написанное.

— Я прочла. Спасибо, — бормочу я, и Римма Викторовна уходит.

Смотрю на содержимое конверта и понимаю: Холодильник, действительно, отменил ограничитель.

"В шесть тридцать за вами зайдет Евгений. Мы с вами идем в Филармонию. Звезды мировой оперы. Потом в ресторан. В полночь летим в Париж либо едем в мою квартиру. У вас целых два варианта. P.S. И вы, конечно, помните, что для вас дресс-код распространяется и на нерабочее время?"

— Вечерняя встреча отменяется, — звоню я Ленке. — Получила приказ пойти на свидание. Пока никаких вариантов отказа не придумала. Единственное, что приходит в голову: закрыться на все замки, подпереть дверь шваброй и отстреливаться из трубочки. У меня горох есть.

— Да! Дела! — Ленка мучительно думает. — Может, сходишь? Ничего он тебе не сделает. До сих пор же не сделал!

— До сих пор он думал обо мне как-то по-другому. Теперь разочарован. Может и сорваться! — нервничаю я.

— Да хоть бы! — кричит на меня Ленка. — Человек тебе практически признался в том, что запал на тебя с первой минуты знакомства! Оду воспел твоим глазам! И сказал слова, которые каждая вторая женщина не слышала от красивого мужика и не услышит!

— Неправда! — возмущаюсь я. — Он меня замуж не звал! Даже намеков не делал!

— А еще выделывались сегодня днем вместе с Костиком, намекали, что я дурочка! — предъявляет претензию Ленка. — Я про слова "хочу вас"! Можно замуж несколько раз выйти, а с таким чувством сказанные слова ни разу не услышать.

— Не фантазируй! — прерываю ее я. — Ты не можешь знать, с каким чувством! Я сама не поняла, с каким.

— Ты не поняла, а я поняла! — менторским тоном говорит мне моя подруга. — Мужчина признался тебе, что ты его женщина. Что непонятного?

— Да все непонятно! Все! — пытаюсь я убедить Ленку. — Со Светланой ничего не

решил, но откровенно ею не интересуется. Мною откровенно интересуется, но упрекает в том, что я "не такая", как он себе придумал. Ленка сердится на меня:

— Мужик от страсти сгорает полгода — пальцем не тронул! Поцелуи всякие не считаются. Поцелуи — детский сад! Раз тебе от него не спрятаться, иди навстречу. Чем спокойнее ты будешь относиться к его вниманию, тем спокойнее он будет на тебя реагировать. Вы же сами дрова в топку ваших ссор подбрасываете! Что хочешь со мной делай — не обидит он тебя! Зацепило его конкретно! Не хотел бы от тебя чего-то большего — не терпел бы столько времени! Ты же не дура, Нинка! Сама понимаешь, что твое грехопадение организовать ему — пара пустяков. Но ведь он до сих пор ничего серьезного и не предпринял…

— Уже предпринял, — думаю я, но вслух не говорю. Вслух я говорю другое. — Не вижу смысла в нашей встрече. Он будет настаивать — я не уступлю. Трата времени.

— Мы с мальчиками все-таки встретимся, хоть и без тебя, — задумчиво сообщает мне Ленка. — Покумекаем над тем, как все выяснить.

— Без меня ничего не делайте! — паникую я. — Я хочу участвовать.

— Не волнуйся, Нинка! Лучше подумай, как обратить Холодильника в свою веру. С его-то возможностями найти интригана — плевое дело! — убеждает меня Ленка искренне и горячо.

— Не будет он искать! — уверяю я подругу. — Для него это даже невыгодно. Теперь он может упрекать меня еще в чем-то, понятном ему одному. И наказывать за свое понимание ситуации. Он решил, что может меня наказывать! Бред!

— Не пугай меня! — ворчит Ленка. — Это он красуется перед тобой. Понравиться хочет. Помнишь, что мы с тобой говорили про самцов?

— Ладно! Мне собираться надо, — вздыхаю я, вспомнив про дресс-код в нерабочее время. — Холодильник ведет меня в Филармонию. (Про Париж и его квартиру я решила умолчать).

— О! В чем пойдешь? Я тебе три новых вечерних привезла, помнишь? В любом можно, — радуется Ленка.

— Как выяснилось, не в любом, — сообщаю я. — На меня наложили дресс-код.

— Прикольно! — смеется Ленка. — Будешь вредничать или послушаешься?

— Еще не решила, — отвечаю я и отключаюсь.

Вру. Я решила не испытывать судьбу, чтобы не получить обвинение в намеренном соблазнении.

Платья в стиле нюд пришлось отбросить первым. Характерная особенность этого наряда — это цвет, приближенный к цвету кожи, его естественным оттенкам.

Вторым было отказано платью-сорочке, черному с серым кружевом. Дело даже не в ревности Холодильника. Я сама бы не пошла в Филармонию в таком наряде.

Остается только серое платье в стиле "Летучая мышь". Эффектный, почти повседневный образ в сочетании с приглушенным вырезом на плече и кроем оверсайз.

Завиваю волосы локонами и поднимаю на затылок, создавая прическу при помощи десятка шпилек.

Выбираю подвеску из бирюзы от таинственной Ольги Ждановны Райской: это маленький меч на серебряной цепочке.

В шесть часов двадцать девять минут раздается звонок в дверь. Евгений смотрит на меня с опаской, но вежливо здоровается и не менее вежливо интересуется, готова ли я.

— Готова! — докладываю я. — Ведите!

В огромном кожаном салоне прохладно. Мне приходится сесть на заднее сидение рядом с работающим в экстремальном режиме Холодильником.

— Добрый вечер! — гордо говорю я Хозяину и сажусь, стараясь не задеть его.

— Как скажете, — насмешливо соглашается он, обшаривая меня взглядом. — Надеюсь, ваше платье без секретов. Прекрасно выглядите!

— Спасибо! — огрызаюсь я, заведясь с пол-оборота. — Каких именно секретов вы боитесь?

— Разрезов вроде нет… Спина и грудь закрыты. Длина впечатляет: до середины икр. Должен же быть какой-то секрет? — не унимается Холодильник. — Может, она становится прозрачным в электрическом свете?

— У меня есть такое! — с довольным видом сообщаю я. — Платье в стиле нюд. Оно такое телесное. Но пока не было повода куда-то его надеть.

— И не будет! — завершает наш диалог Холодильник. — Вы любите оперу?

— Да! — говорю я, обрадовавшись (глупость какая!) тому, что осталось незамеченным и непрокомментированным мое голое левое плечо.

— Настолько, что готовы отвлекать своими голыми плечами зрителей? — невесело отвечает мне Холодильник.

Вот ведь зануда!

— Это очень приличное платье! — бросаюсь я в атаку. — Рукава длинные, само длинное, не в обтяжку!

— У вас. Голое. Плечо, — рычит Холодильник.

— Вы больной, — ласково говорю я, решив не спорить с очевидным. — Оно не голое. Оно просто открытое. И если вы будете утверждать обратное, поедете в Филармонию один.

Холодильник пыхтит и ничего не отвечает.

— Можно ехать? — осторожно спрашивает Хозяина Евгений. — Вы ограничены по времени.

— Можно! — выплевывает команду Холодильник.

Я спокойно пожимаю плечами и делаю вид, что смотрю в окно. Надо было надеть черное старушачье платье, которое подарила мне на прошлый день рождения моя мама. В нем у меня нет ни плеч, ни груди, ни талии, ни попы, ни пола. Что сподвигло мою маму, не разбирающуюся ни в моде, ни в стилях сделать такой подарок — загадка. Теперь приходит на ум мистическая отгадка: мама предвосхищала мою встречу именно с этим мужчиной. Это, видимо, называется материнским чутьем.

Я не помню ни концерта оперных звезд, ни ужина в роскошном ресторане "Медуза". Вернее, помню, но отрывочно. Сидящий рядом со мной в зрительном зале Холодильник не пытался со мной разговаривать, не брал за руку, не сверлил взглядами. Он спокойно и расслабленно смотрел на сцену и слушал. В ресторане спросил меня, что бы мне хотелось попробовать, не удовлетворился пожатием плеч и заказал для меня салат, который я расковыряла вилкой, но так и не попробовала. У меня вообще случился приступ: потеря слуха, четкого зрения и обоняния.

— Париж или…? — вдруг спрашивает меня Холодильник, напугав до коликов в животе.

— А может, мы здесь просто поговорим? — с надеждой говорю я. — Или еще куда сходим?

— Мы можем сходить в Париж, — насмехается надо мной Холодильник. — Или ко мне

в гости. Третий вариант мне не нужен.

— Гости? — пищу я, окончательно похоронив креветку под горсткой салата. — А что мы будем делать?

— Значит, вы выбираете гости? Я верно вас понял? — переспрашивает меня Холодильник, одновременно звоня кому-то по сотовому. — Париж — отбой!

— Я не выбираю гости! — паникую я. — Я готова пообщаться с вами в агентстве, или здесь, или в любом другом ресторане.

— Нет, — качает головой Холодильник. — Либо — либо.

— А поинтересоваться, что хочет девушка? — делаю я еще одну попытку.

— Девушка потеряла право голоса, когда решила, что может манипулировать взрослыми людьми! — резко отвечает мне Хозяин.

— Я? Манипулировать?! — я привлекаю внимание окружающих своим криком.

— Вы несправедливы, господин Климов! Вы утрируете — раз! Пользуетесь сплетнями — два! Запугиваете меня — три!

— Прошу! — вставая и протягивая мне руку, говорит Холодильник. — Рад буду видеть вас своей гостьей, госпожа Симонова-Райская!

— Всегда найдется козел, который придумает про тебя какую-нибудь гадость. Овца, которая не только пустит эту информацию в массы, но еще обязательно что-то добавит от себя, и баран, который непременно всему этому поверит, — злобно говорю я, в знак протеста сложив руки на груди. — Жаль, что это не моя мысль. Но очень точная!

— Прочтете мне лекцию в машине! — обрывает мой монолог Холодильник. — Поехали!

Глава 31. Гостья

Лучше иметь сотни врагов за стенами своего дома, чем одного-единственного внутри него.

Народная мудрость

Меня сажают в совершенно другой автомобиль за заднее сиденье. Евгения нигде нет. За рулем Холодильник. Он спокоен и сосредоточен, ведет автомобиль медленно и как-то задумчиво, время от времени поглядывая на меня в зеркало заднего вида.

Я нервничаю, но почему-то не боюсь. Видимо, полугодовое противостояние, в котором сегодня ночью Холодильник решил поставить точку, не только закалило меня, но и постепенно привело к пониманию того, что он меня не тронет, пока я сама этого не позволю.

В многоэтажном доме в центре города квартира Холодильника занимает целый этаж. Она огромная и очень мужская. И еще очень… одинокая. Особый мужской колорит: минимализм, сдержанность, спокойствие. Все элементы интерьера так и кричат о силе, уверенности хозяина. Сочетание дерева, кожи, металла, камня — все работает прежде всего на функциональность, а уже потом на уют. Дизайн квартиры не лишен оригинальности и удивительных акцентов. Мне кажется, что если бы мне предложили на выбор несколько вариантов интерьера, я бы безошибочно угадала стиль Холодильника.

В гостиной, куда я прохожу, ведомая за локоть, просторно и светло, благодаря холодному оттенку стен, мебель шоколадная и синяя. Ковер цвета мокрого песка даже со стороны кажется таким мягким, что я испытываю непреодолимое желание разуться и ступить на него босыми ногами.

— Я разуюсь? — спрашиваю я Холодильника, поздно осознав, как двусмысленно могут звучать мои слова. Глаза мужчины вспыхивают каким-то затаенным чувством, но быстро гаснут.

— Вы можете даже раздеться, — грубо шутит он, но тут же вежливо добавляет. — Если хотите, конечно.

Снимаю туфли, держу их в руках и не знаю, куда деть. Холодильник подходит ко мне вплотную, кладет руки на мои и аккуратно забирает туфли. Отворачиваюсь и наступаю на ковер босой ногой, ощущая, как по телу побежали мурашки блаженства. Да на таком ковре спать надо, а не ногами по нему ходить! Мурашки вызывают настоящую дрожь во всем теле, и я обхватываю себя руками.

— А я говорил вам, что голые плечи до добра не доведут! — мягко упрекает меня Холодильник, положив горячие руки на мои плечи, мгновенно согревая и останавливая дрожь. — Но вы чрезвычайно упрямы, хотя иногда мне это нравится. Отступаю на шаг, избавляясь от близости, и дерзко отвечаю, теперь дрожит и мой голос:

— А мне не нравится все, что связано с вами!

— Вы красивая, чувственная лгунья! — хрипло говорит Холодильник, но больше ко мне не прикасается. — Вам нравятся и мои слова, и мои действия. И вы давно бы ответили мне взаимностью, если бы не преследовали какие-то свои цели.

И тут я решаюсь сказать то, что пришло мне в голову сегодня:

— Лгун вы! — обвиняю уже я. — Говорите, что хотите, но теперь вы прекрасно знаете,

что эти странички якобы дневника писала не я. Да. В первые минуты вы поверили, что это я. Сутки спустя — уже нет. Но вам зачем-то нужно, чтобы я была уверена в обратном. Так что это вы преследуете какие-то свои цели!

Холодильник молчит и смотрит на меня взглядом барракуды. По крайней мере, именно так смотрела на меня одна из них в большом аквариуме в Геленджике. Спокойно, но безжалостно, демонстрируя, что я раздражаю ее самим фактом моего существования и стояния по ту сторону толстого аквариумного стекла.

— Хотите кофе? Или, может быть, шампанское? Виски? — неожиданно спрашивает Холодильник, отступая от меня на шаг назад.

— А какой у вас кофе? — миролюбиво задаю я вопрос, раздумывая, почему он не ответил на прямой выпад. Я права?

Готова всю ночь пить с ним кофе, вместо того, чтобы… Не знаю, как облечь в слова свои тревоги.

— Не знаю… — растерянно отвечает мне Холодильник. — Давайте посмотрим.

И он, взяв меня за руку, как маленькую девочку, ведет на кухню. И это не кухня, а мечта технократа. Вот где и внутренняя сила, и независимость. Четкая геометрия, натуральные материалы и невероятное количество бытовой техники. В этом помещении нет ничего лишнего, ни одной детали. Глубокие темные оттенки серого, кофейного. Ни одного яркого акцента.

Холодильник левой рукой открывает шкаф над кофемашиной и достает пакет с кофейными зернами, из правой руки он не выпускает мою руку.

— Такой подойдет? — насмешливо спрашивает он.

Делаю вид, что с пристрастием рассматриваю пакет.

— Molinari Qualita Rosso, — читаю я и глубокомысленно соглашаюсь. — Подойдет. Холодильник усмехается:

— Алкоголь?

— Нет. Благодарю, — скромно опускаю глаза. — Я не пью на ночь алкоголь. Голова кружится.

— А что делать тем, у кого голова кружится и без алкоголя? — вдруг говорит мне Холодильник, подавляя мою волю своей невероятной мальчишеской улыбкой. Вот как у него так получается? Пытаюсь тихонько вытащить свою руку из его руки, но она слегка сжимается и не отпускается. Вот так, одной рукой, Холодильник засыпает в кофе-машину зерна, ставит две чашки и нажимает на кнопку. Бытовой прибор светится веселыми огоньками, красными и синими, словно подмигивает мне с насмешкой.

— Хотите, я покажу вам мою квартиру? — снова "вдруг" спрашивает меня Хозяин, делая и говоря не то, что я от него ожидаю.

— Зачем? — пищу я. — Мы же собрались пить кофе.

— Но он же еще не готов! — отвечает Холодильник и тянет меня за руку из кухни, начиная экскурсию, которую ему никто не заказывал. — В большой гостиной вы уже были. Вот малая гостиная… Это мой кабинет… Это две гостевые комнаты… Это моя спальня…

Холодильник останавливается перед черной дверью и одним толчком распахивает ее. Огромная мужская спальня восхищает размерами и совершенно подавляет величием. Загадочные антрацитовые оттенки, белые и хромированные вставки, окна в пол, впрочем, как и во всей квартире.

Резко торможу, хватаясь рукой за дверь. Холодильник замирает, но не делает попытки

затащить меня в спальню.

— Мы хотели пить кофе! — криком напоминаю я.

— Хотели — будем! — мягко соглашается Холодильник и за руку ведет меня на кухню.

— Мы так и будем ходить парой? — пищу я.

— Вас что-то не устраивает? — усмехается Холодильник, отпуская мою руку, но только для того, чтобы сложить другую, левую, в кулак и снова взять в свою, тоже левую, большую и горячую. — Ваша ладошка в два раза меньше моей. Как у воробушка.

— У воробья нет ладошек, — напоминаю я, чувствуя, как моя пульсирует в его, словно Холодильник держит не мою руку, а мое сердце.

И мы пьем кофе, сидя рядом, соединенные левыми руками.

— Хотите что-нибудь к кофе? — предлагает вежливый хозяин. — Сыр? Сладкое?

— Сыр, пожалуйста, — прошу я хриплым голосом, мечтая только о том, чтобы он отпустил мою руку.

Холодильник отпускает меня, встает и идет к холодильнику. Осознав это, я непроизвольно смеюсь. Он оборачивается ко мне, нахмурив брови, потом снова улыбается:

— Вы дали мне прозвище Холодильник?

— Так получилось… — неловко улыбаюсь я в ответ, понимая, как это некрасиво давать клички людям.

Холодильник достает тарелку с сырной нарезкой и ставит передо мной, за руку больше не берет. Мне становится спокойнее. Где-то в сумочке в большой гостиной звонит мой телефон.

— Я могу взять трубку? — осторожно спрашиваю я.

— Вы не пленница, вы гостья, — отвечает мне Хозяин.

Бегу в гостиную. Ленка.

— Нинка! Ты почему до сих пор не дома? Где ты? Все нормально?

— Я? — оборачиваюсь на стоящего в дверном проеме Холодильника. — Я в ресторане с Александром Юрьевичем. Мы ужинаем.

— Он рядом? — догадывается Ленка. — Слышит тебя? Точно все нормально?

— Да, конечно! — успокаиваю я подругу. — Я позвоню тебе, как только доберусь до дома.

Бровь Холодильника слегка приподнимается в удивлении от моей наглости.

И я решаюсь сказать:

— Вы сами отвезете меня домой или мне надо вызвать такси?

— Вы дома, — лениво отвечает мне мужчина, но лихорадочный блеск карих глаз никак не сочетается с этой ленностью.

— Я у вас дома, — испуганно напоминаю я. — Вы сами назвали меня гостьей.

— Я врал, — просто и серьезно говорит Холодильник. — Вы же сами обвинили меня в этом.

— Это вы меня дважды называли лгуньей! — забывая об осторожности, нападаю я. — Признайтесь, вы же уже знаете, что дневник писала не я. При вашей склонности к обвинениям в мой адрес вы не вытерпели бы и дня в неизвестности!

Холодильник в два шага оказывается возле меня, но не прикасается.

— Да! Я знаю, что все это писали не вы! Но вы сами признались мне в том, что все факты — правда.

— И что с фактами?! — выхожу я из себя. — Да, играли в карты. Да, я выиграла. Да, вы

привезли меня в свой загородный дом не в карты играть. Наложницей султана я себя не представляла. Такое сравнение мне в голову не приходило. Не знаю, чье оно, но оно довольно точное.

— Вы намекаете на мой гарем?! — Холодильник постепенно заводится. — Я не был ни с одной женщиной с тех пор…

Хозяин замолкает, тяжело дыша и сжимая кулаки.

Я пораженно открываю рот. Он сказал, что не имел отношения с женщинами с того времени, как… познакомился с мной? Полгода?

— Меня совершенно не касается ваша бурная интимная жизнь! — одновременно возмущаюсь и смущаюсь я. — Я просто объясняю вам факты, упомянутые в фальшивом дневнике!

— Кому вы говорили про мой ограничитель? — меняет тему Холодильник, больше не желая говорить о своем вынужденном воздержании.

— Я? — тут же теряюсь и краснею. — Ленке и мальчикам.

— Мальчикам?! — рычит Холодильник.

— Костику и Димке. Они мои друзья, — защищаюсь я. — Я советовалась с ними, как…

— Как от меня избавиться? — горько спрашивает Холодильник, и мне снова неловко.

— Как справиться с вашей настойчивостью, — находчиво подбираю я слово и продолжаю излагать факты. — В мюзик-холле меня реально убивала взглядом Марго. Ни за что!

— Она защищала свою территорию, — мрачно констатирует Холодильник. — Вы опасны для нее. Вы претендуете на ее мужчину.

— Послушать вас, так я бросаюсь на каждого встречного! — обиженно кричу я. — Мне не интересен ваш тесть!

— Он мне не тесть! — отрезает Холодильник. — А вы поощряете его интерес к вам!

— Ну, будущий тесть, какая разница! — раздражаюсь я. — И чем это я интересно его поощряю? Тем, что здороваюсь?

— Вы с ним обедали! — обвиняет Холодильник так эмоционально, словно говорит о том, что застал меня с этим мужчиной в постели.

— Я выясняла информацию о маме Маши! — оправдываюсь я. Оправдываюсь? Ужас какой! Дожила!

— А в туалете вы какую информацию выясняли? — насмехается надо мной Холодильник.

— В туалете я пряталась от вас! — возмущаюсь я. — И вы это прекрасно знаете! Вы сами загнали меня туда!

— Вы явились голой в мюзик-холл и в ресторан! — карие глаза Хозяина темнеют до угольных. — Матвей хватал вас за…

— Матвей танцевал со мной, положив руки на мою талию и спину! — кручу пальцем у виска. — Так танцуют медленные танцы. Вы со своей святой Светланой танцуете так же. Или нет?

— Если это ревность, то я счастлив, но если это вызов, то вспомните, как скромно одевается Светлана, — парирует Александр Юрьевич. — Особенно по сравнению с вами.

— А не надо нас сравнивать! — психую я. — Следите за внешним видом своей невесты! Мой вас не касается!

За пару секунд оказываюсь в крепких объятиях, больно прижатой к каменной груди.

— Мы очень давно выяснили, что меня не волнуют ее наряды, — шепчет Холодильник.

— А мои наряды волнуют?! — нервничаю я, высвобождаясь из объятий, подтягивая край платья на оголенное плечо.

— Бесят! — коротко отвечает Холодильник, зафиксировав взгляд на моем плече, которое, конечно, не закрылось платьем, фасон не позволил. — И вы это прекрасно знаете, но продолжаете делать неверный выбор.

— Вы не имеете права диктовать мне, в чем мне быть! — еще раз требую я.

— Оказалось, что я не в состоянии вынести взгляды других мужчин на ваших оголенных прелестях! — сообщает мне Холодильник. — То ноги, то спина, то плечо…

— Это ваша проблема! — огрызаюсь я и совершаю роковую ошибку.

Холодильник снова хватает меня, одной рукой беря за талию, другую положив на мою шею.

— Нет… — Холодильник опять переходит на шепот. — Это наша общая проблема. Вы нуждаетесь в хорошем стилисте.

— У меня есть личный стилист, — дрожу я, нагреваемая горячим Холодильником.

— Не смешите меня! — отвечает мне мужчина. — Она дизайнер нижнего белья!

— Вы говорите так, словно она пария! — возмущаюсь я и обижаюсь за подругу.

— Я в который раз настойчиво рекомендую вам тщательнее выбирать наряды! — одна рука Холодильника поднимается по спине, другая опускается с горла на грудь. Я вздрагиваю и с усилием отталкиваю мужчину.

— Я вызываю такси! — угрожающе предупреждаю я.

— Вы останетесь здесь! — не менее угрожающе отвечает на мою угрозу Холодильник.

— Вы понимаете, что вы делаете?! — не верю я в реальность происходящего. — Я свободная женщина. Я не останусь с вами, и не надо меня запугивать!

— Просто любопытно, как вы сможете уйти, — Холодильник садится на диван и вытягивает ноги. — Двери закрыты. Окна тоже. Этаж пятнадцатый.

То, что этаж пятнадцатый, напоминать не надо. Еле пережила подъем в лифте.

— Не удерживайте меня, пожалуйста, — стараюсь говорить спокойно и не перейти на привычный крик. — Мне надо домой.

— Я уже ответил вам. Вы дома, — Холодильник жестом приглашает меня сесть. Отрицательно мотаю головой и возражаю:

— Это ваш дом. Не мой.

— Ваш дом там, где я, — неожиданно хрипло говорит Александр Юрьевич и резко встает. — Не бойтесь меня и не сопротивляйтесь. Этой ночью вы не выйдете из моей квартиры.

От ужаса я каменею и холодею. С сожалением глядя на мои увеличившиеся от страха глаза, он добавляет:

— Сейчас вы пойдете в любую гостевую спальню. Закроетесь в ней и ляжете спать. Там есть все необходимое. Отдельный душ и туалет. Я обещаю, что не зайду к вам ни под каким предлогом.

— Обещаете? — горько усмехаюсь я, икнув.

— Да. При одном условии, вернее, при двух, — мягко и вкрадчиво отвечает Холодильник.

— Условия? — кажется, у меня дергается правый глаз. — Два условия?

— Вы прямо сейчас закажете свой завтрак, чтобы я успел сделать вам приятное, и

пообещаете мне, что за нашим совместным завтраком будете называть меня Сашей.

Глава 32. Завтрак

Она верила в гороскопы… А Он тем временем двигал звезды…
Макс Фрай

Ночной город строго смотрит на меня в огромные окна квартиры Холодильника, равнодушно сияет огнями, не испытывая ни сочувствия, ни хотя бы понимания. Стою у окна и смотрю на родной город дерзко, нахально, даже заносчиво. Да! Я осталась здесь, в его квартире. Но одна, не в его постели. И это победа, хоть и временная.

В шкафу нахожу голубой домашний костюм, белый махровый халат, серое домашнее платье-мешок с длинными рукавами, вырезом под горло, длиной практически в пол. Все в магазинной упаковке. Не удерживаюсь от нервного смеха: платье — "мечта Холодильника" или униформа для нашего штатного привидения, живущего в доме более пятидесяти лет. Оно увидит — обзавидуется!

Выбираю голубой костюм, он мне чуть-чуть велик, но ткань приятна на ощупь и ластится к телу, как верное и любимое домашнее животное. На принятие душа пока не решаюсь. Звоню Ленке.

— Наконец-то! — орет она в трубку так, что мне приходится отставить телефон от уха во избежание контузии. — Ты где?!

— Я в квартире у Холодильника. Он меня не отпускает. Придется остаться на ночь, — вываливаю я на Ленку самую свежую информацию.

— Господи! — снова кричит Ленка, оглушая меня второй волной воплей. — Ты есть! Услышал мои молитвы! Надоумил эту дурочку!

— Позвольте! — возмущаюсь я. — Почему дурочку?!

— Нет! Теперь, конечно же, не дурочку, а умничку! — радость и облегчение потоком льются из трубки прямо на меня, почти захлестывая. — Эх! Я же тебе для этой самой… первой ночи такой комплект сочинила! Хотела на день рождения подарить. Думала, ты такого мужика на расстоянии до лета продержишь. А ты умнее оказалась…

— Остынь! — прерываю я поток Ленкиных криков. — Я в гостевой спальне. Одна. Обещал, что не зайдет ни при каких обстоятельствах.

— Да его канонизировать надо, твоего Холодильника! — стонет Ленка и с недоумением спрашивает. — Чего ж домой не отпустил? Зачем ты ему тогда? Чем пугает? Чем шантажирует?

— Меня запугали совместным завтраком и шантажируют тем, что за завтраком я должна называть его Сашей, — нехотя признаюсь я.

Ленка потрясенно молчит, потом спрашивает:

— Шутишь?

— Увы, ко нет! — подтверждаю я серьезность его намерений.

— Послушай моего совета, — вкрадчиво говорит моя подруга. — Прими душ и ложись в кроватку под одеялко, оставив дверь открытой, так, чтобы щелочку видно было.

— И кто из нас двоих дурочка? — беззлобно смеюсь я.

— Точно не я! — убеждает меня Ленка. — Нин, ты присмотрись, подумай. Ты хоть представляешь, как долго и как тяжело ему ждать твоей взаимности? Другой бы уже или плюнул, или силой взял… Смотри, если у него терпение кончится, он тебя бросит — будешь

локти кусать!

— Чтобы меня бросить, со мной сначала надо парой быть! — возмущаюсь я. — Так что, если бросит, то кого-то из своих фантазий, но не меня!

После разговора с Ленкой появляются силы на душ. Долго стою под теплыми сильными струями и согреваюсь, чувствуя, как устала от перенапряжения и нервного истощения. Практически теряюсь на огромной кровати, застеленной темно-синим атласным бельем. Уткнувшись в прохладную подушку носом, мгновенно засыпаю.

Просыпаюсь от легкого стука в дверь и долго соображаю, где я. Голос Холодильника за дверью быстро возвращает меня в реальность:

— Нина! Десять часов утра. Вы готовы завтракать? Заказ выполнен.

— Какой заказ? — хриплю я и начинаю прокашливаться.

— Тот, который вы озвучили вчера, — объясняет Холодильник. — Вы помните второе условие?

— Да… Я помню… Спасибо, я скоро, — продолжаю прокашливаться.

— Жду вас на кухне, Нина!

После душа надеваю платье "мечта Холодильника", заплетаю косичку. Выуживаю из косметички консилер, пудру, тушь, карандаш и помаду. Смотрю на это богатство, потом сваливаю все обратно. Обойдусь без камуфляжа.

Холодильник стоит спиной ко мне и что-то раскладывает на тарелки. Он в джинсах, серой футболке и босиком.

— Доброе утро! — осторожно говорю я.

И Холодильник резко оборачивается, мгновенно охватив взглядом меня всю, от косички до ног, тоже босых:

— Я совершенно забыл о тапочках. Сам их не люблю, вот и вам не купил, — оправдывается он.

— Я тоже их не люблю, — сознаюсь я. — Редко надеваю. Даже в холл иногда босиком спускаюсь.

— А вот это плохо, можно простудиться, — шепотом говорит Холодильник, подойдя ко мне. — Спасибо, что надели это платье, а не свое.

— Простите, Саша, но паранджу я не нашла. Весь шкаф перерыла, — скромно говорю я, глядя ему прямо в глаза.

Но Холодильник ошарашенно смотрит на мои губы и просит:

— Скажите еще раз!

— В вашем шкафу нет паранджи, — шепотом упрекаю я.

— Нет! Имя! — говорит Холодильник. — Назовите мое имя!

— Саша, — называю я по имени Александра Юрьевича. — Мы с вами опоздали на работу.

— Позавтракаем и поедем. Ничего страшного. У нас с вами есть блат в руководстве компании, — и мальчишеская улыбка парализует меня. Карие глаза теплые, почти медовые.

Невольно улыбаюсь в ответ.

— Ваш заказ готов! — Холодильник сгибает руку в локте и вешает на нее белое полотенце, другой рукой делая приглашающий к столу жест.

Нервно вздрогнув, сажусь за стол.

— Прошу вас. Гранола и яйца Бенедикт, — услужливо говорит Холодильник.

Поднимаю на него удивленные глаза:

— Я пошутила вчера.

— Зато я нет, — серьезно отвечает мне Хозяин квартиры и агентства.

— Очень красиво! Привезли из ресторана Матвея? — интересуюсь я, с восторгом разглядывая свой завтрак.

— Обидно! — усмехается Холодильник. — Неужели я произвожу впечатление человека, не умеющего готовить?

— Вообще-то да, производите, — честно отвечаю я на вопрос. — Не обманывайте меня хотя бы в этом!

— Клянусь! — Холодильник кладет руку на мое плечо. — И гранола, и яйца Бенедикт — моих рук дело!

— Тогда что здесь? — хитро спрашиваю я, подвигая к себе вазочку с гранолой.

— Рисовые хлопья, сушеная вишня, кешью, миндаль, тыквенные семечки, семена льна, сироп агавы, черный шоколад, миндальное масло, — докладывает Холодильник. — Запек, остудил, наломал, залил йогуртом.

— Я никогда не ела яйца Бенедикт, — покраснев, сознаюсь я. — Гранолу делает мне на завтрак моя мама. Редко, но делает. А про яйца я реально пошутила, простите… Саша.

Карие глаза темнеют от удовольствия:

— Ради своего имени из ваших уст я превзошел самого себя! Попробуйте! Поджаренный тост, яйцо-пашот, ветчина и голландский соус. Он мне всегда удается на славу, не буду скромничать. Приятного аппетита!

— Спасибо! — благодарю я. — А вы… Саша?

— И я. Я так долго ждал этого завтрака. Правда, представлял его по-другому, но так тоже хорошо, — Холодильник ловко управляется с ножом и вилкой, приступая к завтраку.

Копирую его движения, я на самом деле никогда не ела яйца Бенедикт. Знала только, что это бутерброд с яйцом-пашот. Аккуратно режу яйцо, и яркий желток красиво вытекает на поджаренный хлеб с ветчиной.

— Просто фокус! — искренне восхищаюсь я. — Теперь мне понятно, почему в вашей биографии был ресторанный бизнес.

— Был. И поэтому тоже, — послушно соглашается Холодильник.

Мы не спеша завтракаем, обмениваясь ничего не значащими фразами о кулинарии, рецептах оригинальных завтраков.

— Что бы вы хотели на завтрак завтра? — вдруг спрашивает меня Холодильник, и я давлюсь гранолой.

— Что значит завтра? — отхлебывая глоток горячего кофе, говорю я. — Завтра я планирую завтракать дома.

— Нина, вы чего-то не поняли из того, что я сказал вам вчера? — передо мной мой Холодильник, несмотря на джинсы и футболку и отсутствие белой рубашки с галстуком.

— Вы не можете говорить это серьезно! — резко вскакиваю я со стула.

— Я похож на клоуна? — спокойно реагирует на мой эмоциональный всплеск Холодильник. — Сегодня вам надо перевезти сюда свои вещи, те, что вам нужны. Евгений вам поможет. И Прохор Васильевич тоже.

— Зачем вы это делаете? — теряю я голос от волнения и шепчу. — Это сумасшествие какое-то!

— Вот с этим я согласен! — Холодильник материализуется возле меня. — Пора как-то лечить очередной приступ.

— Вы похищаете меня? — не верю я в то, что говорю.

— Не подсказывайте мне идеи! — усмехается Холодильник. — Я могу купиться!

— Хватит шутить! — кричу я, обретя от злости голос. — Четко объясните, что вы делаете?! И что делаю я в вашей квартире?!

— Вы живете со мной в моей квартире, — охотно объясняет Холодильник и упрекает. — Вы перестали обращаться ко мне по имени. А я свое слово сдержал: ночью вас не беспокоил, хотя мне пришлось привязать себя к кровати морскими канатами.

— Послушайте, Саша! — энергия возмущения питает мой ум и мое тело. — Это перешло все границы! Вы не можете заставить меня жить с вами!

— Почему? — холодно спрашивает Холодильник. — Могу. Одну ночь вы уже провели здесь. Что мешает провести вторую? Третью?

— В качестве кого, Саша?! — иронизирую я, в бессильной злобе мои руки сжимаются в кулаки. — Вы забыли, что я вам десятки раз уже объясняла? Я не буду вашей любовницей!

— Никто вам и не предлагает, — Холодильник протягивает руку и берет мою косу.

— А что же вы предлагаете? — совершенно ничего не понимаю и тяну косу к себе.

— Деловое предложение, — уверяет меня Холодильник, наматывая мою косу на свою руку и приближая мое лицо к своему. — Вы живете здесь, со мной. Сегодня вечером придут специалисты с эскизами, выберете себе интерьер. Хотите — сами нарисуйте, что вам нужно.

— Мне ничего не нужно! И я не буду с вами спать! — надо срочно звонить в полицию или вызывать омон.

— Я не сказал спать, я сказал жить! — Холодильник слегка натягивает мою косу. — Клянусь, что не зайду в вашу комнату без приглашения и в свою силком не потащу.

— Тогда зачем все это? — пытаюсь освободиться, но не могу отодвинуться ни на миллиметр. Хватка Холодильника только усиливается. Рычу сквозь зубы. — Вы оставите меня без волос!

— Ни в коем случае! — нежно отвечает Александр Юрьевич. — Я буду их беречь…

Он снимает с кончика косы резинку и начинает медленно распускать мои волосы, пропуская пряди между своими растопыренными пальцами.

— У вас волшебные волосы, Нина, — горячий шепот обжигает мои губы, но он не целует меня. — И глаза тоже волшебные. И сама вы…

— Волшебница? — догадываюсь я. — Вы ошибаетесь, Саша. Я самая обыкновенная. Просто вы не привыкли к отказам. Но игра затянулась…

— Никто с вами не играет, — спокойно отвечает мне Холодильник, хотя я прекрасно вижу, что это спокойствие дается ему крайне тяжело. Это понятно и по напряженным плечам, и по потемневшим глазам, и по окаменевшему лицу. — Все абсолютно серьезно.

— А вторая гостевая для Светланы? — не могу удержаться я от вопроса. — Или для Кристины? А может, обеих?

Мощным броском меня прижимают к стене, даже не успеваю испугаться, так быстро это происходит.

— Считаете это хорошей шуткой? — Холодильник упирается руками в стену по обе стороны от меня. — Довольны?

— Нет! — смело отвечаю я, парадоксально чувствуя себя в полной безопасности. Вот не могу сказать, что питает это мое спокойствие, но оно теплым душем окатывает мое тело. — Я очень недовольна всем, что происходит между нами!

— А что между нами происходит? — интересуется Холодильник, убирая от моего лица

локон и заправляя его за ухо.

— Противостояние на пустом месте, — терпеливо объясняю я. — Вам не понравилось мое сопротивление — вы разозлились, потом разозлилась я. Как-то так…

— Давайте перестанем злиться, — мягко предлагает Холодильник, мазнув губами по моим губам, нежно прижимается своими губами к моей шее.

— Прекратите, — собираюсь паниковать я, но никак не паникуется, только жилка на шее пульсирует часто-часто.

— Я не могу вас отпустить, — словно извиняясь, глухо стонет Холодильник. — Я не трону вас, даже если мне придется отрезать себе… руки. Я поклялся себе, что дождусь вас, вашего добровольного прихода в мою… ко мне. И я буду ждать.

Я не знаю, что мне ответить на это признание, но мое внутреннее "я" еще не получило ответов на свои вопросы.

— Светлана! — напоминаю я, и Холодильник замирает, но не отходит.

— Расскажите мне о своей ревности, — по-мальчишески улыбаясь, просит Холодильник. — Это согреет мне душу.

— У вас есть душа? — нарываюсь я на ссору, но ничего не получается.

— Оказалось, что есть. Сам удивлен, — Холодильник, наконец, убирает руки и отступает на шаг. — Когда вижу вас, думаю о вас, у меня давит вот здесь. Холодильник кладет руку себе на грудь.

— Надо больше отдыхать, — тихо советую я. — Сердечные болезни помолодели.

— Вы могли бы попытаться меня подлечить… — тепло-карие глаза обшаривают мое лицо в поисках нужного ответа.

— Вас есть кому лечить, — не сдаюсь я, продолжая удерживать главную нить разговора.

— Я никогда не был близок со Светланой, — прожигая меня взглядом, говорит Холодильник. — И никогда не буду.

— Она ваша невеста, — шепотом напоминаю я.

— Бывшая! — резко отвечает Холодильник.

— А она об этом знает? — с сомнением спрашиваю я, почему-то ощущая, как глупое сердце запустилось мотоциклетным толчком.

— Безусловно, догадывается, — недобро усмехается Холодильник. — Сегодня узнает точно. Вы это хотели услышать?

Я пожимаю плечами. Я не знаю, что я хотела услышать. Но вопросы у меня не кончились:

— Что заставляет вас думать, что отсутствие у вас невесты как-то поменяет мое к вам отношение?

— Я очень на это надеюсь, — после небольшой паузы отвечает мне Холодильник.

— На самом деле это облегчает понимание ситуации только для вас, но не для меня,

— честно говорю я. — И я не буду с вами жить. Ни в разных спальнях, ни в одной. Мы с вами сейчас отправимся на работу, а после нее я останусь дома. Для того, чтобы жить вместе с человеком мне надо другое.

— И что же? — напряженно спрашивает Холодильник. — Что нужно вам из того, что я не смогу организовать, достать, пообещать?

— Вы вообще ничего не сможете сделать, — искренне говорю я. — И я не смогу.

— Почему?! — Холодильник берет меня за плечи и встряхивает. — Почему?!

— Потому что я хочу полюбить, — говорю я, глядя ему прямо в глаза. — Но я не хочу,

чтобы это были вы, Саша.

Глава 33. Ужин

Еще неизвестно, что хуже: мужское "одно на уме" или женское "сама не знаю, чего хочу".

Современная мудрость

— Принцесса в курсе, что через час обеденный перерыв? — издевается надо мной Димка, заглядывая в мой кабинет. — Чего не предупредила, что будешь позже?

— Да я у родителей ночевать осталась и проспала, — делаю честные-честные глаза. — Они на работу ушли рано. а я будильник забыла поставить.

— Повезло тебе, что Хозяин только что приехал! — утешает меня мой добрый помощник. — Буквально перед тобой.

Конечно, передо мной. Я вышла из автомобиля Холодильника за квартал до агентства. Выпустил безропотно. Он вообще не сказал мне и двух слов после "я не хочу, чтобы это были вы, Саша".

Нет, сказал ровно три:

— Жду в машине.

За квартал до нашего агентства настойчиво говорю:

— Будьте добры! Остановитесь, пожалуйста!

Встречаюсь взглядом с Холодильником в зеркале заднего вида. Взгляд холодный и отстраненный, поэтому терпеливо объясняю:

— Я не хочу подъезжать к работе на вашем автомобиле и с вами.

Александр Юрьевич молча паркуется.

— Спасибо, — выхожу из машины и бодрым шагом иду на работу, читая детскую считалочку:

Я — зверек
И ты — зверек.
Я — мышонок,
Ты — хорек.
Ты хитер,
А я умен.
Кто умен,
Тот вышел вон!

Сидящая в кресле Дарья Владиленовна тепло и радостно приветствует меня:

— Добрый день, Ниночка! Вас ждала Галина Ивановна Тарасова. Не дождалась. Сказала, что подойдет после трех.

— Спасибо большое! — искренне улыбаюсь я женщине, которую знаю всю свою жизнь. — Буду рада помочь таким замечательным людям!

Дарья Владиленовна хитро улыбается в ответ и заговорчески подмигивает мне.

— Нина! Как хорошо, что вы пришли! — в мой кабинет приходит очень довольная Павла Борисовна. — Александр Юрьевич только что разрешил праздник для Тарасовых. Представляете?

— Ничего себе! — Димка даже присвистывает. — Что это с ним? Плюсики, Нинка, он зарабатывает. Понравиться тебе хочет!

— Замечательно! — кивает Павла Борисовна и, уходя, добавляет. — Замечательно, что не надо никого обманывать и устраивать подпольный праздник.

— Слушай, Нинка! — Димка складывает ладони в молитвенном жесте. — Ты после завтрака задержалась, можно, я задержусь после обеда? Я Светлану на кофе пригласил в "Уховертку". В разведывательных целях, конечно…

— Хорошо, разведчик! — смеюсь я снисходительно. — Смотри, как бы Холодильник тебя не рассекретил!

Димка убегает, а я погружаюсь в работу, не прерываясь ни на чай, ни на обед. Встаю из-за стола только один раз, когда мне звонит Галина Ивановна Тарасова, которая извиняется, что не может подъехать в агентство. Договариваемся о встрече завтра.

Разговариваю с ней и одновременно потягиваюсь и приседаю: без движения тело затекло. Потом снова возвращаюсь к работе. Останавливаюсь, только когда в обед мне звонит Ленка:

— Ну что?! С чем можно поздравить? Оставляла дверную щелку?

— Кто о чем… — ворчу я. — Не оставляла. Рассказать нечего.

— Блин! — разочарованно тянет подруга. — Какая ты глупая, скучная, несовременная, Нинка!

Пока я мысленно соглашаюсь с ней, она уже тараторит:

— А вот я сегодня встречаюсь с Матюшей! Постараюсь выяснить, не он ли тот писака.

— Понятно, — смеюсь я. — Еще один боец невидимого фронта! Димка со Светланой встречается. тоже ради меня!

— Ты нам не веришь?! — так и представляю, как Ленка обиженно вытягивает губки. — Считаешь нас меркантильными?

— Как минимум, лицами, заинтересованными не только в расследовании! - намекаю я.

— Ну, что сказать… — раздумывает Ленка. — Если серьезно, то от повышенного внимания Матвеюшки я отказываться не буду. И не уговаривай!

— Да ради бога! — фыркаю я. — Моя мечта — пониженное внимание.

— И что? Добилась? — иронизирует Ленка. — И как оно? Льстит? Пониженное?

— Не льстит, а утешает, согревает и вдохновляет — наставляю я подругу. — Тебе просто внимания хочется или планы строишь?

— Видно будет, заранее прогнозировать не буду, но и клювом щелкать не собираюсь! — заявляет Ленка. — Ты насчет Кирилла Ивановича что-то придумала?

— Хочу ему позвонить, — делюсь и я своими планами, открывая верхний ящик стола в поисках визитки. — Праздник для Маши все равно готовить будем. Вот и повод!

— Удачи! — смеется Ленка. — Где ночуешь сегодня, гулящая подружка?

— Очень остроумно! — злюсь я. — Дома!

Ленка хихикает и кладет трубку, а я некстати вспоминаю слова Холодильника о том, что мой дом там, где он.

Красивая темно-синяя визитка с золотым тиснением подсказывает мне нужный номер телефона, и я, сосчитав до десяти и трижды глубоко вздохнув, звоню Кириллу Ивановичу с рабочего.

— Слушаю вас! — раздается резкий ответ, ощущение, что человек очень занят и звонок его отвлекает от чего-то важного.

— Здравствуйте, Кирилл Иванович! — громко, четко и очень вежливо говорю я.

— Нина? — он узнает меня по голосу и резко меняет тон: в нем появляется удивление,

приправленное радостью. — Чем обязан такому счастью?

— Простите, что беспокою, — осторожно начинаю я, нервно сглотнув. — Я хотела уточнить сроки по новому празднику для Маши. Если вы не передумали…

— Что вы! — бодро и быстро отвечает Кирилл Иванович. — Конечно, не передумали! Я все переживал, что вы слишком заняты или что Саша вас завалил работой!

— Все в пределах нормы, — строго говорю я. — Работа в нашем агентстве — дело моей жизни. Я всем довольна, в том числе и режимом.

— Простите! — искренне восклицает Кирилл Иванович. — Я не хотел вас обидеть! Это была шутка! Видимо, неудачная…

Мысленно ругаю себя за реакцию, которой могу все испортить.

— Я тоже шучу, — вымученно смеюсь я. — Давайте выберем время для встречи. Завтра вам удобно?

— Мне удобно сейчас, прямо сейчас, — мгновенно отвечает мужчина, убеждая меня горячо и сердечно. — А вам?

— Хорошо, — неуверенно отвечаю я, растерявшись от неожиданности. — Вы подъедете в агентство?

— А мы можем встретиться в другом месте? — снова быстро реагирует Кирилл Иванович. — Ресторан? Любой. Какой вы выберете. Не обязательно мой.

— Ресторан? — снова теряюсь я и пытаюсь объяснить. — Ресторан не настраивает на рабочий лад. Я предпочитаю обговаривать детали в своем кабинете.

— Хорошо! — тут же соглашается Кирилл Иванович. — Жаль. Хотел совместить приятное с полезным. Только я буду без Светланы, у нее днем какие-то планы.

Знаю я, какие у нее планы, но вам, конечно, не скажу. Вслух я говорю другое:

— В нашем агентстве я смогу показать вам видео и фото детских праздников, которые мы провели за несколько лет. Может, какие-то идеи вам и понравятся.

— Прекрасно! — не спорит со мной Кирилл Иванович. — Через полчаса или минут сорок буду у вас.

— Нина! Хотите перекусить? — ко мне заглядывает обеспокоенный Павел Денисович. — Я принес вам тарталетки и чай.

— Тарталетки? — благодарно улыбаюсь я.

— Да! Сырно-крабовые, грибные и с красной рыбой. — соблазняет меня наш добрый кондитер.

— Звучит божественно! — потягиваюсь я. — Спасибо!

Павел Денисович хлопочет возле моего стола, ставит поднос с тарталетками и чашкой горячего травяного чая.

— У вас все в порядке? — беспокоится старый друг семьи.

— В полном! — радостно вру я хорошему человеку. — Начинаю работу над новым проектом для Маши.

— Это замечательно! Да, еще я слышал, что Александр Юрьевич разрешил праздник для Тарасовых? — осторожно интересуется Павел Денисович.

— Разрешил, — киваю я. — Сама удивлена. Но рада.

— Вот все и налаживается! — потирает руки Павел Денисович.

Улыбаюсь и ничего не отвечаю. Просто я не знаю, что можно ответить. Все, что происходит в моей жизни последние полгода, пока с трудом поддается анализу. У Ленки получается, у меня нет. И к выводам мы приходим совершенно разным.

— Нина! — заглядывает ко мне Римма Викторовна. — К тебе Кирилл Иванович Костров.

Встречаю гостя на пороге и вижу стоящего под моей дверью Евгения. Когда я шла в полдень в кабинет, его на посту не было. Он вообще вчера куда-то исчез после ужина в ресторане. Значит, охрану Холодильник не снял. Кто б сомневался… Сколько у меня минут на общение с Кириллом Ивановичем наедине? Даст ли он вообще хоть несколько минут?

Кирилл Иванович приносит с собой свежесть майского дня и ароматы черного перца, виски, амбры и соли.

— Вам идет этот парфюм, — неожиданно даже для самой себя говорю я и смущаюсь.

— Благодарю! Вы очень добры и внимательны! — галантный мужчина целует мою руку, задерживая ее в своей чуть дольше, чем это допускается приличиями.

— Прошу вас, проходите! — радушно приглашаю я. — У меня несколько интересных вариантов.

Кирилл Иванович проходит к столу, на котором я разложила рекламные альбомы со множеством фотографий.

Пять минут. Десять. Дедушка Маши внимательно меня слушает, задает очень точные и правильные вопросы.

Пятнадцать минут. Нет… Видимо, Холодильник сменил тактику или больше не считает Кирилла Ивановича своим соперником или помехой.

Двадцать минут. Решаюсь задать вопрос:

— А Михаила Кирилловича мы сможем задействовать в празднике? Ну, не только как зрителя?

Кирилл Иванович хмурится, но отвечает вполне дружелюбно:

— Конечно! Правда, у Миши работы последнее время много. Я часть бизнеса на него перевожу. Но… Думаю, что кое-что можно будет придумать. У вас получится его уговорить.

— Прекрасно! — радуюсь я. — Я обязательно попробую.

— Давайте сегодня вечером и попробуем! — подхватывает Кирилл Иванович, оживляясь. — Я приглашаю вас, Нина Сергеевна, на ужин в нашу дружную маленькую семью. В девять часов вас устроит?

С трудом отбрасываю первую мысль — отказаться.

— Спасибо, удобно ли это? — сомневаюсь я.

— Еще как удобно! — убеждает меня Кирилл Иванович. — Это будет исключительно деловой ужин. Только вы, я и мои дети.

— Исключительно? — автоматически повторяю я, по привычке пугаясь, как этот ужин воспримет ревнивый Холодильник.

Двадцать пять минут. Вспоминаю бородатый анекдот: два киллера ждут объект заказа в подъезде. Час, второй, человек не появляется. Один киллер говорит другому: "Слушай, что-то я волнуюсь, не случилось ли с ним чего?" Неужели Холодильник столько времени смог вытерпеть? Чудеса!

Не веря в долготерпение Александра Юрьевича, решаюсь на второй вопрос:

— Кирилл Иванович, нам всем любопытно, будет ли Светлана Кирилловна организовывать третий день свадьбы в нашем агентстве?

Кирилл Иванович слегка приподнимает брови, показывая мне, что вопрос его удивил. Но отвечает на этот вопрос не он.

— Всем любопытно или только вам? — в дверях моего кабинета стоит Холодильник.

Краснею и вскакиваю из-за стола. Надо же… Караулила и проворонила…

— Всем… Нам… Это интересно, — выкручиваюсь я, как могу, добавляя подобострастно. — Это такая честь — организовывать праздник для Хозяина агентства!

— Уверен, что не только честь, — усмехается внешне спокойный Холодильник. Но я вижу, как плещется карий океан бешенства в его глазах. Настоящий шторм. Баллов шесть по шкале Бофорта: высокие волны с белыми гребнями, гнутся тонкие стволы и толстые сучья деревьев, гудят телефонные провода.

— А что же еще? — спрашиваю я, лихорадочно соображая, как сделать так, чтобы Холодильник не узнал об ужине. Но моему желанию, как говорится, не суждено сбыться.

— Саша! Добрый день! Вот… Приобрел привычку посещать твое агентство, — доброжелательно говорит Кирилл Иванович, пожимая руку Холодильнику.

— Я заметил! — резко бросает Холодильник, и шторм достигает семи баллов: море покрыто белыми пенистыми гребнями, которые срываются ветром с поверхности воды, качаются уже крепкие стволы деревьев, гнутся сучья.

— У тебе здесь такое сокровище спрятано! — мне начинает казаться, что Кирилл Иванович специально выводит Холодильника из себя, преследуя какую-то одному ему известную цель. — Готов похитить, если повезет!

— Не повезет, — спокойствию Холодильника позавидует любой игрок в покер. И только я вижу, что шторм разыгрался до десяти баллов: волны обрушиваются на берег и скалы с грохотом, срывает крыши с прибрежных домов.

— Нина Сергеевна приглашена на наш семейный ужин, — сообщает довольный Кирилл Иванович. — Она согласилась, чем меня несказанно осчастливила.

Закрываю глаза: двенадцатибалльный шторм сейчас снесет все на своем пути. Малодушно открываю один глаз: чудеса! легкое волнение, слабый прибой, на деревьях колышатся листья.

Вот это выдержка! Что его так успокоило?

— Тогда до вечера? — улыбается Холодильник, но не Кириллу Ивановичу, а мне, и выходит из моего кабинета, оставив нас одних.

— На ужине будет и Александр Юрьевич? — выдыхаю я. — Вы же сказали, что только я, вы и ваши дети…

— Ну, он мне почти сын, — доверительно говорит Кирилл Иванович, внимательно вглядываясь в выражение моего лица. — За вами заедут, Нина Сергеевна. Будьте готовы к семи тридцати.

— Не нужно! пугаюсь я, нарисовав в воображении картину схватки Евгения с охранником Климова. — Меня привезут.

— Может, пойдешь в костюме аквалангиста? — шутит Ленка, которой я дозвонилась по скайпу. — Никаких разрезов и вырезов!

— Ага! — хихикаю я. — Только в обтяжечку, а так скромнее и не придумаешь… Ленка громко смеется.

— Ладно! Давай смотреть, что есть новенького. Вот смотри! В фольклорном стиле. Тоже никаких разрезов и декольте. Лиф облегающий. Юбка широкая в пол. Рукава длинные. Вон какая расцветочка веселая!

Платье нежно-фиолетовое с насыщенно-фиолетовыми и бирюзово- голубыми цветами.

— Спина? — подозрительно смотрю я на великолепное платье.

— Закрыта! Прелесть, а не платье! Везу? — Ленка вертит наряд перед камерой.

— Вези! — соглашаюсь я с благодарностью.

Приехавшая ко мне Ленка заплетает мне французскую косу и рассказывает о встрече с Матвеем:

— Напрямую спросить не решилась. Но не такой человек Матвей, чтобы подлоги устраивать. Мотив тогда какой? Если за тебя борется, то подловато для мужика. Не похож он на такого. А подкуп вообще не прокатывает.

Коттедж Костровых великолепен и величественен. Евгений помогает мне выйти из машины и провожает до крыльца. Встречает меня Кирилл Иванович, элегантный и бодрый, в сером костюме и голубой рубашке, делающей его свежим и моложавым.

— Вы так прекрасны, Нина, что я начинаю серьезно подумывать о вашем похищении, — смеется мужчина, чрезвычайно довольный своей шуткой. — Ваши глаза сейчас кажутся фиолетовыми. Это потрясающе!

— Не перевозбуждайтесь, Кирилл Иванович, — звучит холодный совет Холодильника, вышедшего на крыльцо. — В вашем возрасте это может навредить здоровью.

Холодильник в черном костюме, белой рубашке и черном галстуке. Он мгновенно охватывает быстрым взглядом меня всю. И мне начинает казаться, что у этого абсолютно закрытого платья есть и декольте, и голая спина, и разрезы до бедер, поскольку штиль в глазах Холодильника за пару секунд переходит в умеренный шторм со слабым прибоем. Что не так?!

В огромной гостиной к нам почти выбегает Светлана в легком бежевом платье с желтыми цветами, молодая и очень милая, со слегка, но заметно размазанной на лице помадой. Как после поцелуя, некстати думается мне.

— Добрый вечер! — она хватает Холодильника за локоть. — Саша! Ты ушел встречать гостью? Я тебя потеряла.

— Прогуляемся по дому или сразу к столу? — Кирилл Иванович подает мне руку.

Пока я придумываю ответ, за меня отвечает Холодильник:

— Госпожа Симонова-Райская не обедала сегодня! Давайте уже ужинать.

— Я обедала, — возражаю я, рассердившись на такую бесцеремонность.

— Тарталетки — это не полноценный обед, — грубо возражает Холодильник, и я вдруг понимаю, что это он велел Павлу Денисовичу покормить меня.

За длинным, красиво накрытым столом сидит Михаил, который нехотя встает при нашем появлении.

— Добрый вечер! — вежливо рассматриваю сына Кирилла Ивановича.

— Здравствуйте! — равнодушно отвечает он и садится обратно за стол.

— Нина! Любите ли вы каре ягненка? В красном вине? — искушающе спрашивает хозяин коттеджа. — С молодым картофелем и сметанным соусом?

— Звучит потрясающе! — делаю вид, что сглатываю слюнку. — Я и забыла, что вы ресторатор!

— Я прежде всего гурман! — смеется Кирилл Иванович, помогая мне сесть за стол и садится рядом.

Напротив нас располагаются Светлана и Холодильник. Светлана в течение всего ужина ластится к жениху, как нуждающаяся во внимании кошка. Холодильник никак не реагирует на ее поглаживания, прижимания к плечу. Он накрывает меня тяжелым взглядом с первой секунды ужина и не отпускает с привязи ни на секунду.

— Давайте прогуляемся по участку перед десертом! — предлагает Кирилл Иванович. — Светочка! Ты что-то решила с третьим днем свадьбы? Нина Сергеевна сегодня очень настаивала, чтобы его провело Сашино агентство.

— Здорово! — Светлана хлопает в ладоши, словно маленькая девочка. — Все зависит от Саши! Надо определиться с первым днем, чтобы понимать, когда будет третий.

Светлана кладет руку на локоть Холодильника и начинает наглаживать ткань его рукава.

— Прогулка — прекрасная идея! — Холодильник встает из-за стола и помогает встать Светлане.

Мы вчетвером выходим на крыльцо. Про Михаила никто не вспоминает. Он куда-то уходит, не попрощавшись. Холодильник неожиданно предлагает руку не Светлане, а мне и помогает спуститься с крыльца. Светлане приходится воспользоваться помощью отца. Мы молча делаем пару кругов по двору. Я держу под руку Александра Юрьевича, и, даже если захочу отцепиться, у меня ничего не получится. Холодильник держит меня мертвой хваткой, положив тяжелую горячую ладонь на мою руку.

— Дамы извинят нас? — резко, почти сквозь зубы спрашивает вдруг Кирилл Иванович, когда мы возвращаемся к крыльцу. — Саша, можно тебя на пару минут в мой кабинет? Светлана! Развлеки гостью, пожалуйста!

Мужчины уходят, а мы со Светланой садимся на длинный белый кожаный диван и неловко молчим.

— Папа сказал, что у вас есть парочка неплохих идея насчет праздника для Маши? — тихо спрашивает Светлана, вцепившись в меня колючим взглядом своих красивых глаз.

Ответить я не успеваю: в гостиную возвращаются мужчины. Первым широкими шагами идет Холодильник. За ним заметно растерянный Кирилл Иванович. Холодильник подходит ко мне и дергает меня с дивана, как дед репку.

— Нам пора домой, — говорит Холодильник, накрывая меня ураганным взглядом, сметающим на своем пути любые вопросы и любое сопротивление.

За пару минут мы спускаемся с крыльца, садимся в машину к Евгению и выезжаем за ворота. По скорости это похоже на эвакуацию.

— Я не попрощалась с хозяевами! — возмущенно пищу я сидящему рядом со мной на заднем сидении Холодильнику. — Это крайне невежливо! Что случилось?

— На меня пытались давить, — отвечает мне Холодильник, разворачиваясь ко мне всем телом. — Глупо и бездарно.

— Почему? — спрашиваю я, отодвигаясь и прижимаясь к двери автомобиля.

— Почему глупо и бездарно? — усмехается Хозяин, подвигаясь ко мне.

— Почему давить? — поправляю его я, вжимаясь в дверцу.

— Потому что я разорвал договор, связывающий меня с семьей Костровых, — говорит Холодильник, взяв в ладони мое лицо и накрыв мои губы своими.

Глава 34. Одно предложение и несколько вариантов

Какой бы сильной ни была женщина, она ждет мужчину сильнее себя…

И не для того, чтобы он ограничивал ей свободу, а для того, чтобы он дал ей право быть слабой.

Анжелина Джоли

Горячие и мягкие губы Холодильника ласково мучают мои, дрожащие и холодные. По сложившейся дурацкой традиции, я не сопротивляюсь, а рефлексирую: какая моя ошибка привела к таким последствиям?

Я согласилась на ужин, в надежде поговорить с Михаилом о Маше и хоть на пару сантиметров приблизиться к пониманию странной ситуации в семье Костровых. В результате, и с отцом девочки не поговорила, он, как бурундук, провел ужин в полном одиночестве, несмотря на то, что за столом, кроме него, было еще четыре человека, и Светлану не прощупала на предмет фальшивых дневников.

Зато теперь сижу на заднем сидении автомобиля Холодильника и целуюсь с ним… Нет! Не так! И… позволяю себя целовать.

Вдруг яркое и свежее воспоминание наплывает на меня отчетливой картинкой: нежная Светлана со слегка, но заметно размазанной на лице помадой. Как после поцелуя… Этого воспоминания хватает, чтобы отмереть и начать сопротивляться.

Холодильник отпускает меня, но не отодвигается и постепенно, с заметным усилием успокаивает свое прерывистое тяжелое дыхание.

— Что теперь не так? — спрашивает Александр Юрьевич. — Я абсолютно свободный от каких бы то ни было обязательств человек.

— Но это не значит, что я должна с вами целоваться, — теперь тяжело и прерывисто, как после пробежки, дышу уже я. — Поцелуи… случаются по взаимному согласию двух сторон. Я не просила вас меня целовать.

— Вам это тоже нравится. Я чувствую это, когда вас целую, — негромко, но твердо говорит Холодильник, обшаривая внимательным взглядом мое лицо.

— Вы, видимо, большой любитель поцелуев? — спасаюсь едким сарказмом. — Сначала с одной, потом с другой?

— Вы говорите загадками, — отвечает мне Холодильник, и недоумение отражается в его красивых карих глазах. — Одна и другая? С чего вы взяли?

— Я своими глазами видела размазанную поцелуями помаду Светланы, — ехидничаю я. — Кроме вас, ей разве есть с кем целоваться?

— Таких подробностей личной жизни Светланы я не знаю, — равнодушно и отстраненно пожимает плечами Холодильник. — Я с ней никогда не целовался. И уж тем более сегодня не собирался этого делать.

Холодильник тянется ко мне, но я выставляю вперед руки.

— Почему тем более сегодня? — не могу удержаться от любопытства, но, уже задав вопрос, начинаю себя ругать. Вот какое мне до этого дело?! Его обрадует моя заинтересованность…

— Утром, за завтраком, я обещал вам, Нина, что сегодня Светлана станет бывшей моей невестой, — напоминает мне Холодильник, впиваясь острым взглядом в мое лицо, словно

хочет уловить малейшие изменения в его выражении.

— Но сделали вы это вовсе не потому, что хотите свободно со мной целоваться, — нахально смеюсь я, вызывая нахмуренные брови и сузившийся взгляд.

— А для чего же, по-вашему? — Холодильник не отпускает моего взгляда потемневшими до антрацита глазами.

— Вы удачно избавляетесь от ненужной невесты, — максимально вежливо поясняю я. — Вас тяготили эти отношения. Это было заметно. Всем.

— Неужели? — иронизирует Александр Юрьевич и пользуется секретным оружием: мальчишеской улыбкой. — Мне чертовски приятно, что вы за мной наблюдали.

— Неправда! — попадаюсь я на крючок, как глупая молодая рыба, впервые выплывшая на прогулку без взрослых. — Я никогда за вами не наблюдала. Меня ваша личная жизнь вообще не касается. Можете хоть гарем завести!

— Врунишка! — горячо и нежно шепчет мне Холодильник, снова протягивая ко мне руки, и вдруг я оказываюсь у него на коленях.

Взвизгиваю и со страхом смотрю на затылок Евгения, который молча ведет машину и совершенно не реагирует на то, что происходит за его спиной. Каменная спина, каменная шея, каменный затылок. Не водитель, а памятник.

— Старый ловелас прав, — взяв меня за подбородок, говорит Холодильник. — В этом платье у вас фиолетовые глаза.

— Хорошее платье! — мгновенно начинаю я привычную рокировку. — Полностью закрытое. У вас не может быть никаких претензий!

— Но они у меня все-таки есть! — Холодильник берет мои руки и кладет их раскрытыми ладонями на свое лицо. — Оно вам идет. Даже слишком. И поэтому оно не кажется мне полностью закрытым.

Вспоминаю свои глупые ощущения в тот момент, когда Холодильник вышел на крыльцо и увидел меня, поэтому и неуместно хихикаю.

— Я насмешил вас? — ласково спрашивает Хозяин и медленно, чувственно проводит большим пальцем за моим ухом, запуская в марафонский забег сотни, а то и тысячи мурашек.

— Когда вы на меня посмотрели там, на крыльце, я увидела на своем платье и декольте, и разрезы, и даже голую спину, — нервно-весело сознаюсь я.

— Когда я увидел вас… такую красивую, — большой палец продолжает гладить меня за ухом, разгоняя мурашки до крейсерской скорости. — То сразу… разозлился, что это видят и другие.

— Это ненормально, — шепчу я растерянно, сразу же расхотев смеяться. — У вас нет ни причин, ни прав так реагировать на меня.

Одна рука Холодильника ложится на мою спину, вторая на бедро, и я вздрагиваю оттого, какие они горячие и нетерпеливые.

— У меня есть все права на вас. Потому что я вас выбрал и потому что я от вас не откажусь, — руки гладят спину и бедро.

— Ответ неправильный! — взвиваюсь я, отбрасывая его руки. — Я тоже должна вас выбрать, чтобы это было взаимным. А я не собираюсь вас выбирать!

— А если подумать? — почему-то совершенно не разозлившись, спокойно отвечает мне Холодильник, начиная неторопливо меня целовать в лоб, нос, щеки, шею.

— Прекратите! — шиплю я, пытаясь высвободиться из крепких и цепких рук. —

Немедленно отпустите меня!

— Назовите меня по имени! — жарко просит Холодильник, пылко прижимаясь к жилке на шее.

— Нет! Больше не назову! — трясясь от возбуждения, клятвенно обещаю я. — Это плохо на вас действует!

Пальцы его почти запутываются в моих волосах, растрепав тщательно заплетенную Ленкой французскую косу, а мужские губы берут на абордаж мои губы терпким, сильным поцелуем, который никак не кончается. Все длится и длится…

— Имя! — жестко требует Холодильник, выдыхая мне прямо в рот и углубляя и без того глубокий поцелуй.

Я перестаю понимать, где и с какой целью мы находимся, так ошеломляет меня этот самый настоящий и самый неправильный на свете поцелуй. Сначала я придумываю себе, что не сказать его имя — самый лучший выход. Пусть треснет от злости! Потом до меня доходит, что тогда поцелуй никогда не закончится. Он итак становится бесконечным и дурманно- навязчивым. Губы горят и уже пульсируют легкой болью, но Холодильник не отпускает, продолжая сладкую пытку: то нежную, то острую, на грани фола.

Тихим стоном показываю ему, что недовольна. Больше ничего не могу сделать: одной рукой он крепко-крепко держит мои руки, заведенные назад, другой обхватил шею.

— Имя! — настойчиво напоминает он, оторвавшись от моих губ только на секунду.

Решаюсь проиграть битву, чтобы потом выиграть войну.

— Саша! — со стоном сдаюсь я, и мои губы с видимой неохотой отпускают.

— Я так и думал, что вы сдадитесь, Нина! — мягко упрекает он меня. — Но я доволен и этим. Совершенно дурею, когда слышу свое имя, произнесенное вами.

— Вы и без этого дурной! — гневно огрызаюсь я, неожиданно ловко сползая с колен Холодильника, но не очень-то изящно плюхаясь на свое место. — Услышьте меня! Отсутствие у вас невесты не делает меня вашей… женщиной.

— Наличие у меня невесты вас напрягало, раздражало и не давало пойти мне навстречу, — недовольно рычит Холодильник.

— Вы делаете неверные умозаключения! — искренне возмущаюсь я. — Да! Тот факт, что у вас есть невеста, раздражал меня, но не потому, что я хотела занять ее место!

Холодильник отчетливо напрягается и даже сжимает руки в кулаки. Но я его не боюсь. Вот не боюсь — и все!

— Меня возмущала ситуация, при которой несвободный мужчина пытается завести плотские отношения на стороне, совершенно не смущаясь! — быстро выкрикнула я, серьезно опасаясь, что высказаться в полном объеме мне не дадут.

Но Холодильник опять удивил, выхватив из потока моих возмущенных слов совсем не те, на которых я делала акцент:

— Плотские отношения?! — гнев и почти обида плещутся в карих глазах, грозя выплеснуться наружу и накрыть меня высокой волной. — Вы увидели только это?!

— Я увидела то, что мне показали! — пугаюсь я, поскольку обида становится для меня неожиданной эмоцией со стороны этого большого и сильного мужчины.

Холодильник почти задерживает дыхание, словно собирается нырнуть в воду и уйти на глубину:

— Возможно, что со стороны так и выглядело, — вдруг соглашается он со мной. — Но на самом деле это было не так…

— А как? — быстро спрашиваю и стискиваю зубы от злости на себя. Вот зачем спросила? Это же настоящая провокация с моей стороны!

Холодильник долго не отвечает на мой вопрос, потом, внезапно отодвинувшись от меня, говорит:

— Я понял, что вы мне нужны, — наконец говорит он, устало прикрыв глаза и откинувшись на спинку сиденья. — Но вы, к сожалению, правы… В каком статусе, это для меня тогда было не важно…

И я снова, как неопытный переговорщик, провоцирующий преступника во время переговоров о сдаче в руки правосудия, задаю глупейший вопрос:

— Тогда?

Одно слово, сказанное мной в инстинктивном порыве узнать правду, вселяет в Холодильника силы и бешеные эмоции:

— Тогда! — резко соглашается он со своим же словом. — А теперь никакого другого статуса, кроме вечного, и быть не может!

— Вечного? — икаю я, раздавленная силой эмоций и уверенности. — Ничего вечного нет. Все относительно, а значит, и временно.

— Клеймо вечности ставят люди, — философски отвечает мне успокоившийся Холодильник. — И только от них зависит, будет это торговое тавро или магический рисунок, связывающий навечно.

Последние слова так поражают меня, что я некрасиво и неинтеллигентно открываю рот, на который, не отрываясь, смотрит Холодильник, и глаза его наполняются физически ощущаемой мужской страстью.

— О чем вы говорите? — пищу я беспомощно, гипнотизируемая черно-карим взглядом. — О каком статусе?

— О статусе жены, — напряженно отвечает Холодильник, снова выискивая в выражении моего лица мои искренние эмоции.

— Тысячи разведенных людей смеются сейчас над вашими словами. Нет! Сотни тысяч, миллионы! — отвечаю я, чувствуя, как мурашки, резко затормозив и взвизгнув, бросаются врассыпную, сталкиваясь лбами и роняя друг друга. — Этот статус невечен. Смешно и глупо так утверждать! Тем более вам…

— Вы постоянно принимаете меня за шута! — грозно говорит Холодильник, выбросив руки вперед, схватив меня за обе руки и зафиксировав их живыми наручниками. — Что бы я ни сказал — все вас развлекает!

— Потому что это так и есть! — нервничаю я, паникуя и не зная, что мне теперь делать. — Мы совершенно не знаем друг друга. Мы люди из разных социальных кругов. Вы хоть понимаете, что такое семья? Ее на чувствах основывать надо!

— Раньше не понимал. Теперь понимаю, — отвечает мне Холодильник, не отпуская мои руки.

— Не может быть! — не сдаюсь я. — Да мы с вами полгода ссоримся и выясняем отношения. Вас во мне все раздражает. Вы сами говорили.

— Я врал. Или лукавил. Или был расстроен вашим внешним видом, — оправдывается Холодильник, расцветив лицо улыбкой и меняя направление бега несчастных, запутавшихся в происходящем мурашек.

— Кстати! — нервно-радостно кричу я. — О моем внешнем виде! Вам надо жениться на католической монашке. Хотя… Нет! У них лица открытые. Вам нужна женщина в хиджабе!

Нет! Он только голову закрывает. Вам нужна женщина в парандже! С вашими взглядами на женскую красоту вы должны были бы жить на востоке!

— У меня нет таких взглядов! — раздраженно говорит Холодильник. — Вернее, не было, пока… я вас не встретил. Я работаю над этим. Честно скажу, получается пока плохо. Но я стараюсь! Такая ерунда творится со мной только при виде ваших нарядов!

Ошеломленно смотрю на сидящего рядом мужчину. Неужели наш диалог реален и я не сплю?

— Нина! Я не сдамся. Вы должны это понять, — Холодильник притягивает меня к своей груди и по-отечески прижимается губами к моему лбу.

— Мне двадцать пять лет! — почти кричу я, придавленная абсурдностью и нелепостью происходящего прямо сейчас. — Я надеюсь на то, что еще смогу встретить человека, с которым я построю отношения на любви и доверии.

— А мне тридцать, — кожей лба чувствую, что Холодильник улыбается. — И я уже встретил!

— Давайте так! — примирительно говорю я, отодвинувшись от мужчины. — Спокойно обдумаем ситуацию и поговорим как-нибудь потом еще раз.

— Нет! — Холодильник берет меня за шею привычным уже жестом. — Так не пойдет. У вас всего два выхода: либо сейчас, забрав нужные вам вещи, мы уезжаем ко мне…

Чувствую, как мои глаза существенно расширяются, занимая собой всю площадь лица, а Александр Юрьевич продолжает:

— Либо вы соглашаетесь стать моей женой. Только на этом условии вы сможете остаться у себя дома.

— Зачем вам женщина, которая вас не любит и боится? — горько спрашиваю я, и мужчина резко отпускает меня, настолько резко, что я даже падаю на спинку.

— Правда, боитесь? — так же горько шепчет Холодильник.

Я краснею и заставляю себя честно ответить:

— Нет. Не боюсь. Но опасаюсь ваших неожиданных выходок!

— Если выходки ожидаемые, то это, наверное, не выходки? — грустно улыбается Холодильник.

Автомобиль паркуется возле агентства. Евгений не двигается и ничего не спрашивает, но теперь смотрит на Хозяина в зеркало заднего вида.

— Мне кажется, что отдельный разговор уже и не нужен, — облегченно говорю я, взявшись за ручку дверцы. — Мы успели обо всем поговорить. Холодильник едва заметно кивает, но, как оказывается, не мне, а Евгению: щелчок блокиратора двери ясно дает понять, что меня еще не отпустили и разговор не окончен.

— Так что вы решили? — отстраненно и нарочито вежливо спрашивает Холодильник.

— Вы… вы больной на всю… свою морозилку! — по-настоящему психую я, нервно дергая ручку. — Кто так делает предложение?! Посмотрите парочку фильмов, книжки почитайте! Это пятое в моей жизни предложение — и самое нелепое!

— Согласен! — тут же серьезно отвечает Хозяин, положив ладонь на мою руку на ручке дверцы. — Я все это сделаю. Тогда есть третий вариант.

— Третий? — меня потряхивает от смеси злости, раздражения и… возбуждения. — Все-таки решились на изнасилование?

— Вы так часто говорите об этом, что мне начинает казаться, что вы меня уговариваете! — смеется Холодильник. — Все проще и традиционнее. Разрешите мне за

вами ухаживать. Как это делают другие, более нормальные, чем я, люди. И если после этого вы мне снова откажете, то…

— Вы оставите меня в покое? — с надеждой говорю я. Но глупое сердце бьется в ребра, наказывая меня за эти поспешные слова.

— Вряд ли, — хрипло говорит Холодильник, снова кивая. Двери разблокированы. — Тогда приступим к четвертому варианту…

— И сколько их у вас? — дверь открывается, и вышедший из-за руля Евгений подает мне руку.

— Много, не сомневайтесь! — резко бросает Холодильник. — Так на каком варианте вы остановились? Вы решите сами или разрешение ухаживать за вами надо получать у ваших родителей?

Уже ступив ногами на асфальт, я замираю:

— Ради бога! Не надо пугать моих родителей! — вернув ноги в салон, я сама хватаю Холодильника за руки. — Обещайте, что вы этого не сделаете!

— Вы говорите так, словно я буду брать их в заложники! — хмурится мужчина, неожиданно освобождаясь от моих рук. — Вы считаете меня таким мерзавцем? Сам предложу вам на выбор: негодяем, подлецом, подонком. Так?

— Нет! Не так! — кожей чувствую его обиду. — Просто мои родители… Они сразу встанут на вашу сторону. А это будет нечестно… Мы с вами сами разберемся. Нам на двоих пятьдесят пять лет!

— Так хотят от вас избавиться? — и взгляд, и тон Холодильника смягчаются. — Почему?

— Ну… возраст, и все такое, — смущаюсь я, жалея, что сказала правду.

— Возраст?! — Холодильник откидывает назад голову и хохочет, громко и обидно. Для меня. — Вам же всего двадцать пять!

— Моя мама меня уже в двадцать один родила, — объясняю я, невольно улыбаясь, так заразителен его смех. — Ей кажется, что я в сору роюсь… И что меня скоро никто не возьмет… замуж.

— Как жаль! — вздыхает Холодильник. — Базовая логистика подсказывает мне, что глупо терять таких сильных союзников. Но… Я вам обещаю, что не прибегну к их помощи.

— Обещаете? — недоверчиво переспрашиваю я и злобно напоминаю. — Вы обещали отдать карточный долг, но не выполнили своего обещания.

— Я застрелюсь, чтобы смыть позор кровью. Хотите? — Холодильник приближает ко мне свое лицо.

— Не хочу! — фыркаю я и немного оправдываю его, неожиданно даже для самой себя. — Сорок пять дней продержались все-таки. И потом… вас спровоцировали этими фальшивыми дневниками.

— Из вас вышел бы прекрасный адвокат! — говорит Холодильник, прижавшись губами к моей щеке. — Искренний и честный.

— Вы пытались узнать, кто это? — отстраняюсь я, краем глаза видя открытую дверцу автомобиля и застывшего Евгения.

— У меня есть официальное заключение, что это не ваш почерк, и заключение о том, что ни один из проверенных мною людей этого не писал,

— Холодильник снова тянется ко мне.

— А чей почерк вы проверяли? — я поражена. Почему он мне не сказал, пока я не

спросила?!

— Всех в агентстве. Всех Костровых. Отца и Кристины. И твоей подруги, — перечисляет Холодильник, забравшись рукой под рукав платья и поглаживая мою кожу. Утомившиеся мурашки вздыхают и снова отправляются в путь.

— И? — замираю я в предвкушении ответа.

— Такая проверка бессмысленна, — большой палец Холодильника наматывает круги по воспаленной воображением коже. — Я ее осуществил больше для порядка.

— Почему? — не понимаю я. — Почему бессмысленна?

— Все просто, — тяжело дышит Холодильник. — Подделывать чужой почерк — это техническая способность, данная не каждому. А современная графологическая экспертиза сильна и однозначна. Это риск. Поэтому для таких работ нанимают специалистов по подделке. Дорого, но надежно.

Кожа под его пальцами горит, и голова плохо соображает. Поднимаю глаза на Холодильника и вижу, что его лихорадит, как и меня. Несмотря на все сказанное и сделанное, нас просто потряхивает на прохладном черном кожаном заднем сидении его дорогого автомобиля представительского класса.

— Значит, нам не найти писавшего? — разочарованно шепчу я, отбирая свою руку.

— А зачем он вам? — пожимает плечами Холодильник, беря себя в руки и больше не прикасаясь ко мне. — Вам нужен тот, кто это придумал и воплотил.

— Хорошо! — бодро говорю я, подавая руку Евгению и выходя из машины. — Об этом и поговорим на первом свидании.

В считанные секунды Холодильник оказывается возле меня на улице:

— Вы определились с вариантами?

— Определилась, — отвечаю я, инстинктивно делая шаг назад, и неловко шучу. — Поболтаем завтра. На первом свидании. О тех, кому выгоден был этот фокус с дневником.

Холодильник даже убирает руки за спину, демонстрируя мне полную покорность, но говорит не то, что я от него ожидаю:

— Нет. Завтра мы поболтаем о тех, кто делал вам предложение до меня. Вы же не забыли, кто это был?

Глава 35. Невеста Холодильника

В каждом взрослом мужчине больше от мальчика, чем в женщине — от девочки.
Кристина Кофта

Ленка молчит уже дольше пяти минут и рассеянно жует красно- фиолетовые листья радичио и нежно-зеленые листья рукколы. Миска с салатными листьями стоит в центре моего кухонного стола. Это единственная закуска, которую я поставила к бутылке красного грузинского вина, которую принесла Ленка, приехавшая ко мне ночью на такси.

— Лена! — тихо и осторожно окликаю я, но она молчит и отрешенно смотрит на миску. — Лена! Ку-ку!

Подруга поднимает на меня глаза, которые подозрительно блестят.

— Он сделал тебе предложение?

— Да. Как бы сделал… — вздыхаю я. — Ты третий раз спрашиваешь.

— Почему как бы? — не понимает Ленка, шмыгая носом.

— Он предложил это как альтернативу переезда к нему. А ухаживать за мной решил, когда я от всех вариантов отказалась, — объясняю я.

— Повтори про вечность, — шепотом просит меня Ленка, словно внучка бабушку, обещавшую рассказать на ночь сказку.

Еще раз вздыхаю и послушно повторяю слова Холодильника, которые запомнила и повторяла про себя уже десятки раз:

— Клеймо вечности ставят люди. И только от них зависит, будет это торговое тавро или магический рисунок, связывающий навечно.

— Ты знаешь, Нинка, — отчетливо всхлипывает Ленка. — Я не понимаю, чего тебе еще надо. Вот хоть тресни! Не понимаю! Где ты еще найдешь мужчину, который считает брак вечностью?!

— Черт! — вскакиваю я, чуть не уронив бокал с вином. — Это его выбор! Его! Не мой! Это он решил, что нам надо быть вместе! Не любовниками, так супругами! Ты понимаешь, что все эмоции и чувства, которые нас связывают, это верхняя планка чудовищного нервного накала. А дальше? Дальше только спад! Какой брак? Где любовь? Где трепет? Где постепенно зарождающиеся чувства? Что мы будем делать в этом браке? Не вылезать из постели? А потом, когда проголодаемся? Когда надо будет о чем-то поговорить, кроме этой самой постели?!

Без сил плюхаюсь обратно на стул. Теперь вскакивает Ленка и начинает метаться по моей кухне, как зверек в клетке:

— Тогда не упусти свой шанс! Не замуж выскочить, а чувства свои понять! Ты понимаешь, как его зацепило, что он даже жениться готов?!

— Вот именно — зацепило! — я снова вскакиваю, теперь чуть не уронив стул. — Задело, житья не дает, лишило покоя, зудит во всех местах! Так закусился, что…

— Жизнь свою, спокойную, богатую, размеренную, на много лет вперед просчитанную, под ноги тебе положил! — перебивает меня рассерженная и расстроенная подруга. — А ты по ней топчешься, как по асфальту!

— Вы все глухие что ли?! — кричу я в ответ, хватая бокал и залпом выпивая терпкое красное вино. — Разве не понятно, что не все женщины хотят с ним спать или выйти за него

замуж?! Не поверишь — но так бывает!

— Верю, — неожиданно тихо говорит Ленка и садится на краешек своего стула. — Все, что ты сейчас сказала, Нинка, справедливо. Просто со стороны кажется, что ты с жиру бесишься.

— Почему?! — пораженно спрашиваю я и тоже сажусь. — Ты же хорошо меня знаешь. Неужели ты думаешь, что я лукавлю или рисуюсь?

— Нет. Так я как раз не думаю, — Ленка снова начинает жевать листики салата, но теперь не отрешенно, а очень нервно. — В этом и проблема! Проворонишь все и всех!

— Он ни разу не сказал о каких-то чувствах, кроме ревности и страсти, которые рвут его на части, — пытаюсь я объяснить. — Долго на таком фундаменте мы не простоим. Страсть пройдет, а ревность может довести и до физического насилия, и до тюрьмы. А потом… когда все успокоится… он может встретить еще один объект страсти… И я стану Светочкой, которая тяготит, от которой нужно избавиться!

Ленка ошарашенно смотрит на меня и искренне говорит:

— Прости! Так я на ситуацию, конечно, не смотрела. Но подумай вот о чем… Ленка вертит в руках бокал, держа его за длинную ножку:

— Он влюблен. Сначала бесился от этого. Потом бесился от того, что ты не уступила. Дальше ревновал и снова бесился. И похищал, и давил, и шантажировал. Нина! Он просто по-другому не умеет! Как ты не поймешь! Все, что он использовал против тебя, — это доступный в его понимании арсенал. Он просто поверить сам не может, что его так накрыло.

Ленка пристально смотрит мне прямо в глаза. По-взрослому, строго и ответственно:

— Ведь сколько раз мог силу применить? Много раз! Мог тобой, ничего не соображающей после клуба, воспользоваться. Не стал! В квартиру к себе затащил — и снова не тронул! Ему тридцать лет. а он впервые влюбился! Ну невдомек ему, что тебе другого хочется! Он уже стольким поступился!

— Невестой? — хрипло и беспомощно предполагаю я.

— И ею тоже! — звонко чокается со мной подруга. — К ней никаких чувств не было. А с тобой так накрыло! Да он контуженный просто! Как хочешь, но это любовь с первого взгляда. Для него, конечно. Ты подслеповатая у нас…

— Не надо обзываться, — шучу я, обиженно надувая губы. — Я верю в любовь с первого взгляда, но… У меня с Холодильником она уже не случилась…

— А у него случилась! — нервничает Ленка, разливая остатки вина и запихивая в рот целый пучок салата. — Чего сыра пожадничала? Ты посмотри на себя! И талия, и ноги, и грудь — все в полном порядке! А глаза! Почти никто не верит, что это не линзы! Красота красотинская! Ты вообще в курсе, что мои портняжки перед твоим приходом бегают зубы дополнительно чистить и туалетной водой обливаются?

Портняжками Ленка называет двух своих закройщиков — Леонида и Георгия. Им лет по тридцать-тридцать пять. я думаю.

— Леня и Гера? — удивляюсь я. — Никогда не замечала! Они же женаты оба!

— А Женьку бармена замечала? Да у него руки трясутся, когда мы с тобой в бар приходим! — смеется Ленка, видя мой потерянный вид. — Он в твоем присутствии коктейли без блендера делать может.

— Если ты сейчас сочиняешь, чтобы меня пристыдить… — угрожаю я.

— Больно надо! — оскорбляется Ленка. — Кирилл Иванович, конечно, не поэтому тебя

обхаживает, но ты ему тоже нравишься. Вспомни, как тебя мгновенно возненавидела Марго! Не меня — тебя!

— Ты еще Димку с Костиком приплети! — хихикаю я, видимо, вино начало действовать, потому что все, что говорит Ленка, мне кажется смешным.

— А ты забыла? Сама же рассказывала, как Димка первые месяцы работы в агентстве тебя преследовал и как ты его отшивала не по-детски, — возмущенно вспоминает Ленка. — Или врала?

— Не врала, — растерявшись, вспоминаю я. — Да он дурачок молоденький был. Ты же знаешь, какой влюбчивый! Спокойно мои внушения воспитательного характера выслушал и влюбился на целый месяц в Верочку из рекламного. Уж Костика тебе не притянуть, если только за уши!

— Просто он умнее Димки. Но если хочешь на спор, то попробуй оказать Костику особое внимание — и он твой! — заводится Ленка.

— Ты чего от меня хочешь? — не понимаю я Ленку. — Чтобы я что поняла? Что Холодильник увидел меня — и, как в сказке, влюбился навечно?

— Это, конечно, утрировано безбожно, но в принципе похоже на правду, — с сожалением допивая вино, говорит Ленка. — И если ты сейчас не будешь его провоцировать на ревность и дашь ему возможность ухаживать за тобой по-человечески…

— Да чтобы его спровоцировать, мне надо просто выйти из квартиры в мир! — мне очень важно, чтобы Ленка меня поняла. — Эта ревность как болезнь!

— Потому что он знает, что ты еще не его! И ему это трудно, практически невозможно пережить! Отсюда и ревность неконтролируемая. Он в себе неуверен. Ты понимаешь это или нет? Он, имеющий все и всех, не может добиться взаимности от девушки, в которую влюбился! Представляешь, какие чувства и мысли ему мозг взрывают?! Да он ходячий реактор! Одно неосторожное слово, действие… — Ленка вскакивает и наматывает круги по кухне.

— Вот! — вскакиваю и я, начиная движение след в след. — Ты сама и ответила на свой вопрос. Одно! Одно неосторожное слово — и он свернет мне шею, или расстреляет всех мужчин в радиусе километра, или надстроит в нашем доме угловую башню и замурует меня там навечно. Хотя нет! Он сделает это все одновременно!

Ленка резко останавливается, и я натыкаюсь на нее.

— Стоп! ДПТ! — смеется Ленка грустно. — У меня права отберут. Я пьяненькая.

— А у меня их вообще нет! — хихикаю я.

Ленка мягко обнимает меня и грустно шепчет на ухо:

— Все будет хорошо! Дай ему возможность показать себя с другой стороны. Не торопись с выводами. Неужели нигде не екает? Нисколечко?

Я не отвечаю на эти вопросы, потому что не хочу врать единственной близкой подруге, потому что екает, да еще как… Но вот так быстро, не узнав человека, я не могу решиться на большее.

Укладываю Ленку спать в гостиной, а сама ворочаюсь в спальне, на большой старинной кровати гражданки Райской Ольги Ждановны. Переворачиваюсь так часто, словно хитрая королева подложила мне в постель не одну горошину, а целую горсть. Тело ломит, голова болит. И я прекрасно понимаю, что грузинское красное ни при чем. Меня рвут на части сомнения и противоречия, желания и страхи. Воображение подбрасывает самые разные мозаичные картинки, одна нереальнее другой: вот я, застыв, позволяю Холодильнику себя

целовать, вот он, напряженный и злой, давит на меня бешено-ревнивым взглядом, вот мы вдвоем, растерянные и уставшие, сидим на полу в нашем старом лифте, и он нежно целует мои прикрытые веки.

Засыпаю под утро и просыпаюсь внезапно от острой и горячей мысли: я теперь невеста Холодильника!

Энергичная и жизнерадостная Ленка хлопочет на кухне, что-то шкварчит на сковородке, квартира наполнена ароматом свежесваренного кофе.

— Доброе утро! — напевает она. — На тебя яичницу с колбасой и помидорами делать?

— Делать. Спасибо, — голова не болит, хотя я явно не выспалась. И я понимаю — это от безотчетной тревоги.

— Ужасно любопытно, как Холодильник будет ухаживать! — тут же облекает в слова мои тревоги Ленка. — Наверное, завалит подарками!

— Рестораны, украшения, театры, концерты, путешествия, — вяло, неэнергично перечисляю я, заранее зная "список" ухаживаний Холодильника. — Потащит в Париж…

— Потащит?! — возмущается Ленка. — Тебя еще и тащить туда надо?! И почему именно Париж? Главный город влюбленных?

— Я ему как-то нечаянно рассказала, что хочу в Париж с любимым человеком, — сознаюсь я подруге. — С тех пор его на Париже заклинило…

— Логично! — делает вывод Ленка. — Теперь полетишь?

— Нет. Ключевое слово не Париж, а любимый, — ворчу я, ковыряясь вилкой в яичнице.

Ленка ничего на это не отвечает и молча наливает мне кофе. Так, в молчании, мы завтракаем, размышляя про себя и не торопясь делиться своими мыслями.

— А он работать тебе не запретит? — вдруг волнуется Ленка. — Мне почему-то кажется, что он всех своих жен будет сажать под домашний арест.

— Вот видишь! — вскидываюсь я. — И ты о его женах говоришь во множественном числе!

— Это фигура речи! — отмахивается от меня Ленка. — Выбрала, что сегодня наденешь?

— Да! — оживляюсь я. — Он будет доволен!

В течение часа Ленка помогает мне создать образ "синего чулка" в прямом смысле этого слова. Я надеваю синее платье-футляр длиной до середины икр, настоящие синие чулки и черные лакированные туфли на низком каблуке. Волосы Ленка зализывает мне в низкий пучок и фиксирует его черными шпильками. Единственной свежей деталью становится жемчужная нить под горло.

— Точно без макияжа? — сомневается Ленка. — Давай хоть реснички подкрасим!

— Нет! — категорично отвечаю я. — Базы и жемчужной пудры остаточно. Еще помада телесного оттенка. Никакой туши, теней, подводки и блеска.

— Ты будешь похожа на бледного призрака! — упрекает меня Ленка. — Хочешь отвратить Холодильника?

— Хочу не вызывать у него новых приступов ревности, — объясняю я и встаю перед зеркалом.

Но что-то здесь не так… То ли такой фасон платья мне идет, то ли от злости и бессилия глаза стали выразительнее, но то, что я вижу, облекает в слова моя подруга:

— Я тебя недооценила, Нинка! Потрясающе! Это ж надо так выигрышно на глазах сыграть! И они еще не накрашены!

Смотрю на себя и разочарованно мычу: передо мной высокая изящная девушка с

открытым лицом, на котором голубо-зелеными блюдцами сверкают бирюзовые глаза. Нитка жемчуга делает образ каким-то трогательным и чувственным.

— Я не хотела… — обескураженно бормочу я. — У меня была другая цель…

— Теоретически придраться не к чему, — озадаченно говорит Ленка. — Но Холодильник найдет.

Упоминание личного врага приводит меня в полную боевую готовность:

— Пусть попробует! Тогда я закачу истерику. Он меня еще в истерике не видел!

— О! Я тоже не видела! — смеется Ленка. — Можно селфи сделать и мне переслать?

Звонок в дверь отвлекает нас от моего внешнего вида. За дверью Евгений со скромным букетом из белых тюльпанов, завернутых в холщовую ткань. Евгений молчит, выпучив на меня глаза. Начинаю говорить первая:

— Здравствуйте! Это мне? Или это вас кто-то поздравил?

Евгений оторопело смотрит на меня, потом переводит взгляд на букет и резким движением выбрасывает руку вперед, словно хочет разбить мне нос боксерским ударом. Еле удерживаюсь, чтобы не отпрянуть.

— Доброе утро! Это вам от Александра Юрьевича с пожеланиями хорошего Дня!

— Александр Юрьевич не смог сам донести букет до моей двери? — пугаю я ехидным вопросом бедного охранника.

— Не могу знать! — по-военному отвечает тот, вытянувшись во фрунт.

— Александра Юрьевича нет в агентстве, — докладывает Римма Викторовна.

— Звонил, сказал, что подъедет к полудню.

Метнулся за билетами в Париж и в ювелирный — приходит мне на ум, и я стряпаю кислую гримасу.

— Ты сегодня по-особенному очаровательна! — делает мне ненужный комплимент Римма Викторовна. — Есть повод?

— Думаю, что есть! — подхватывает невероятно довольная чем-то Павла Борисовна.

— Вы что-то знаете, чего не знаем мы? — подозрительно смотрю на Павлу Борисовну.

— Нет. Ничего, — внезапно тушуется она. — В двенадцать часов подъедут и Климов-старший, и Климов-младший. Александр Юрьевич велел всем нам прийти в его кабинет. Всей администрации. Ниночка! Вы совершенно прелестны сегодня!

До двенадцати пытаюсь работать над проектом для Тарасовых, но недоброе предчувствие не дает мне делать это эффективно. Мысль то и дело возвращается к ожиданию чего-то неотвратимого.

В полдень я с Павлой Борисовной захожу в кабинет Холодильника. Там уже сидят за кофейным столиком Юрий Александрович и Кристина. На стульях вдоль стены я вижу сидящими руководителей всех отделов. Здесь и Мариночка из рекламного, и Костик от айтишников, и еще четверо. Единственный стоящий человек — Прохор Васильевич.

Холодильник, строгий и торжественный, сидит за своим столом, но встает при нашем появлении. Прохор Васильевич провожает к столу Павлу Борисовну и помогает ей сесть. Меня под локоть крепко берет Холодильник и ведет к стулу, стоящему по правую руку от его кресла.

У всех напряженные и строгие лица, словно все ждут какой-то плохой новости. Юрий Александрович встречается со мной глазами и тепло, по-отечески мне улыбается, но взгляд настороженный и собранный. Кристина в роскошном темно-зеленом платье-пальто едва заметно дрожащими руками ставит кофейную чашечку на блюдце и украдкой бросает на

меня остро-возбужденный взгляд.

Сижу с прямой спиной и гордо поднятой головой, усиленно делая вид, что спокойна и даже равнодушна к происходящему. Тревожные противоречивые мысли раздирают меня на части изнутри. Неужели Юрий Александрович все-таки заберет у сына агентство и почему меня это вдруг так расстраивает? Или агентство будет продано по договоренности сына и отца Климовых? Зачем здесь руководители всех отделов? И почему у Холодильника такое спокойное лицо, а Юрий Александрович заметно нервничает? Кристина вообще места себе не находит. Как то, что мы сейчас услышим, относится к ней? И почему лицо Павлы Борисовны прямо-таки лоснится от удовольствия? Может, агентство опять передадут ей? Тогда есть опасность, что Холодильник утащит меня в Париж… Осторожно скашиваю глаза вправо: Холодильник смотрит только на меня, и я чувствую себя голой под этим страстным, ничем не прикрытым взглядом. Что он делает?!

— Господа! — начинает говорить Холодильник, не спеша, словно тщательно подбирает слова, и звучат они веско и совершенно однозначно. — Вчера по взаимному согласию обеих сторон мы с Костровой Светланой Кирилловной отказались от ранее принятого решения о заключении брака.

Кристина, побледнев и покраснев одновременно, бросает на меня уничтожающе-презрительный взгляд. Возвращаю ей ласково-дерзкий. Она судорожно хватает кофейную чашку за тонкую ручку, и тут же новую порцию кофе ей подливает Павел Денисович. Кофейные чашки стоят только возле Климова-старшего и его молодой жены, остальным присутствующим кофе никто не предлагает.

— Чем же вызвано это решение? — дрогнувшим (или показалось?) голосом спрашивает Юрий Александрович, испытующе глядя почему-то на Павлу Борисовну. Замечаю, как та успокаивающе прикрывает веки. Да здесь заговор, не иначе! Только в чем его суть?

— Взаимным согласием его принять, — терпеливо повторяет Холодильник, насмешливо глядя на отца.

— Не может быть! — вдруг выкрикивает Кристина. — Я сегодня разговаривала со Светланой. Она утверждает, что это только твое решение! И Кирилл Иванович с Юрой связывался. Он не согласен с твоим решением! Холодильник снисходительно смотрит на Кристину несколько томительных секунд, в течение которых ее шея постепенно покрывается пятнами, потом поворачивается к Павле Борисовне и кивает головой. Павла Борисовна открывает красную папку, с которой пришла, и молча передает Юрию Александровичу какие-то бумаги.

— Ты видишь, отец, что я прав. Это подписи Кострова Кирилла Ивановича, подтвержденные его же нотариусом.

Климов-старший быстро, но внимательно просматривает бумаги, которые передает стоящему за его спиной маленькому человеку в черном костюме. Тот, в свою очередь, тоже быстро пробегает взглядом записи, потом кивает старому хозяину.

— Удивил! — выразительно говорит сыну отец. — Ты помнишь, чем рискуешь? Вернее, от чего отказался?

— Естественно, — просто и негромко отвечает Холодильник. — У меня хорошая память, отец. Я помню все свои потери. Не все из них были добровольными, как эта.

И мне почему-то кажется, что речь не об этой ситуации. Итак, свадьбы Холодильника и Светланы точно не будет. Это закреплено юридически.

— Ну что ж… — Юрий Александрович улыбается сыну и поглаживает по плечу чем-то

недовольную Кристину. — Твое право, сын мой. Это твоя жизнь, твоя судьба, и ты вправе отказаться от куска этого жирного пирога. Скажу честно — удивил!

Итак, Холодильник отказался от какой-то прибыли? Я верно поняла слова Климова-старшего? Думаю, да. И до этой минуты, глядя на странные отношения жениха и невесты, я была уверена, что их связывает что угодно, но только не любовь. Я бы поступила точно так же. Создавать семью только на материальной основе для меня неприемлемо. Но мое финансовое состояние ничтожно по сравнению с состоянием Холодильника. Так что мое мнение больше на романтике основано, чем на здравом смысле…

— Рад, что доставил вам несколько приятных минут, — саркастически ухмыляется Холодильник, обращаясь к отцу, но глядя на меня. Ощущение, что этим самым взглядом он гладит мою шею, залезая под воротник закрытого платья. Чувствую, опять попадет ни за что… Надо было под платье водолазку надеть…

— Зачем такое торжественное расторжение договоренностей? — выплевывает едкий вопрос успокоившаяся Кристина. — К чему столько зрителей и посторонних слушателей? Что за непонятное желание работать на публику? Перед кем ты хочешь выглядеть не таким, какой ты есть на самом деле?

Кристина травит меня взглядом красиво подведенных серых глаз. Просто кураре! Юрий Александрович спокойно похлопывает жену по колену.

— Все эти люди здесь для того, чтобы услышать мое второе заявление, — Холодильник, наконец, отрывает от меня свой горячий взгляд, снова встает, но теперь за моей спиной и кладет ладони на мои плечи.

Брови Юрия Александровича пораженно поднимаются, челюсть Кристины, наоборот, опускается, губы Павлы Борисовны растягиваются в искренней улыбке, а мои глаза размером начинают спорить с разрезом глаз, которого явно не хватает для увеличившегося глазного диаметра.

— Госпожа Симонова-Райская оказала мне честь и согласилась стать моей невестой! — ладони Холодильника сжимают мои плечи до настоящей боли, предвосхищая мои возражения. — И я намерен сделать все, чтобы за время, прошедшее от помолвки до свадьбы, она от своего решения не отказалась. Холодильник берет мою безвольную правую руку и прижимается губами к тыльной стороне ладони. Ахает Павла Борисовна, хлопает в ладоши Марина, подмигивает Костик, давится шоком Кристина. Встречаюсь глазами с Юрием Александровичем и вижу, как вспышкой появившаяся радость сменяется почти состраданием. Да что тут происходит? Холодильник, не обращая внимания на присутствующих, переворачивает мою руку и прижимается губами уже к ладони. Мурашки от ладошки расползаются по всему телу, щекоча меня многочисленными лапками.

— Павла Борисовна! Даю вам поручение: в течение двух недель подготовьте, пожалуйста, праздник в честь нашей помолвки, — Холодильник сжимает мою руку, запрещая мне этим жестом даже открывать рот. — И учтите все замечания и пожелания Нины Сергеевны!

— Конечно! Мы все с удовольствием примем участие в подготовке этого праздника! — горячо заверяет Хозяина Павла Борисовна. Мариночка поддакивает и ерзает на стуле, ей не терпится первой выбежать из кабинета и разнести новость по дому. Костик еще раз подмигивает, но на лице беспокойство и тревога.

Я не знаю, что написано на моем лице, поскольку я заставляю себя думать, что я вот прямо сейчас играю в покер и должна сохранить полную невозмутимость. Внутри все

трясется мелкой противной дрожью, и Холодильник чувствует это, поскольку до сих пор не убрал руки с моих плеч.

— Поздравляю! — с интонацией "ненавижу" кривляется Кристина.

— Впечатлен! — Юрий Александрович встает с кресла. — Ты же понимаешь, что теперь будет, Саша? Ты действительно этого хочешь? Если разрывом со Светланой ты просто не приобретал того, что было бы хорошо приобрести, то теперь…

— Отец! — резкий, властный окрик Холодильника заставляет Юрия Александровича замолчать. — Повторяю, у меня хорошая память. Я все помню без ваших напоминаний.

— Ты уверен, что это стоит того, что ты теряешь? — Юрий Александрович подходит к нам, и я поспешно встаю со стула.

— Уверен! — Холодильник пожимает протянутую ему руку.

— Доченька, выдержи это, и мой сын обязательно сделает тебя счастливой, — шепчет мне на ухо Климов-старший, сердечно обнимая. — Если, конечно, не сдастся.

— Всем хорошего дня! — Юрий Александрович подает руку одеревеневшей Кристине и выводит ее из кабинета, тепло всем улыбнувшись. Стремительно разворачиваюсь к Холодильнику и открываю рот, чтобы завизжать, закричать или еще как-то выразить свой протест.

— Стоп! — неожиданно командует мне Холодильник и делает знак рукой Прохору Васильевичу.

Через пару секунд мы в кабинете одни.

— То, что я согласилась принимать ваши ухаживания, не делает меня вашей невестой и не определяет дату помолвки через две недели! — лаю я злобной Моськой.

Холодильник медленно осматривает меня с головы до ног и говорит:

— Только вы можете так одеться, Нина, что температура моего тела становится близка к гриппозной.

— К чему привяжетесь? — от злости и бессилия стучу кулаками по его каменной груди. — К платью? К туфлям? К жемчугу?

Холодильник перехватывает мои руки, прижимая к своей груди оба моих кулачка одной своей ладонью.

— На вас колготки или чулки? — хрипло спрашивает меня Холодильник. Испуганно пытаюсь высвободить руки, но он не дает и вторую руку кладет на мое бедро, томительно медленно опуская руку вниз. Под его горячей ладонью резинка чулок на левой ноге сжимается и начинает сдавливать ногу.

— Чулки! Я так и знал! — выдыхает Холодильник. — Вы решили свести меня с ума?

— Образ "синий чулок" придуман как образец антисекса! — пищу я, прокашливаясь и дрожа, потому что пальцы его продолжают кружить вдоль чулочной резинки. — Послушайте! Давайте спокойно поговорим!

— Давайте! — Холодильник резко отпускает меня и так неожиданно, что я, качанувшись, чуть не падаю.

— Кристина права, — обвиняю я. — У вас дурацкая манера устраивать шоу! Сначала вы публично расторгли договор с Костровыми и на глазах отца и дочери увезли меня, потом так же при скоплении свидетелей придумали несуществующую помолвку!

— Почему несуществующую? — не соглашается отошедший от меня и спрятавший за спину руки Холодильник. — Я планирую вам понравиться. Нет, даже очаровать.

— Обхохочешься! — фыркаю я. — Вы вряд ли преуспеете в этом! Букет белых

тюльпанов — еще куда ни шло! Но насильственная помолвка — это уже перебор!

— Вы не дали мне шанса! — Холодильник стремительно возвращается ко мне. — А обещали! Праздник в честь нашей помолвки — часть этого ухаживания. А зрителей и слушателей я собрал с единственной целью: я хочу, чтобы все знали, что вы моя, особенно вы.

— О каких ваших потерях говорил ваш отец? Вы теперь что-то должны Костровым? — вспоминаю я свой первый вопрос.

— Нет, — Холодильник берет меня за подбородок. — Это они теперь мне ничего не должны. Не волнуйтесь, я ничего не потерял.

— Но вы что-то все-таки потеряли из-за странного и нелогичного желания быть со мной? — не унимаюсь я.

— Ерунда, не стоящая ни секунды вашего внимания, — шепчет мужчина, положив руки на мои бедра и поглаживая теперь обе резинки.

— Руки! — резко командую я, и Холодильник вскидывает их вверх, смеясь.

— Мне надо работать, — напоминаю я. — До вечера!

— Слушаюсь, моя госпожа, — иронизирует Холодильник и делает два широких шага, чтобы опередить меня и открыть дверь.

— Не забудьте к нашему вечернему свиданию приготовить список ваших поклонников и краткий пересказ историй вашей… любви, — теперь Холодильник приказывает мне, демонстрируя явно испортившееся настроение.

— В ресторан поведет? — интересуется Ленка, появившись на экране.

— Без понятия! — пожимаю плечами.

Уже восемь вечера, а мне никто ничего еще не сказал. Ни место, ни время, ни дресс-код.

— Как бы в Париж не улететь! — сетую я.

Звук пришедшего сообщения отвлекает меня от разговора с подругой, которой я хотела рассказать про сегодняшнее шоу в кабинете Холодильника, но пока не успела.

"В одиннадцать часов в холле агентства. Форма одежды свободная. Саша".

Глава 36. Первое свидание

Если я когда-нибудь и выйду замуж, на регистрации нас будет стоять трое — я, жених и человек, который будет держать пистолет у моего виска.

— Я хочу это! — восклицаю я, разбирая то, что притащила мне Ленка, и выуживая из почти десятка нарядов именно эту рубашку цвета топленого молока с вышивкой: фисташковые листочки на воротнике и на лацканах рукавов. — Оверсайз? Только очень уж большая! Это какой размер?

— Если на один размер больше, то это просто великовато! — поучает меня Ленка. — Стиль оверсайз — это больше на два-три размера. Такие хрупкие девушки, как ты, Никка, могут позволить себе на три-четыре размера больше. Это только подчеркнет твое изящество.

— Юбка или брюки? — советуюсь я с подругой, уже надев приглянувшуюся рубашку.

— Что угодно, главное, чтобы было узким, — задумчиво смотрит на меня Ленка. — У тебя есть такие узкие серые брючки до косточки. Они живы?

— Живы! — радостно вспоминаю я и бегу в гардеробную. — Сейчас найду!

— Блеск! — констатирует Ленка, разглядывая меня в готовом комплекте. — Но рубашку эту получишь только при одном условии…

— Как это?! — теряюсь я. — Что за глупости?

— Рубашка идет в комплекте с бельем, — хитро улыбается Ленка. — Я же говорила, что приготовила его для твоего первого свидания.

— Вовсе уж разошлась! — упрекаю я Ленку. — Могу идти хоть в мужских труселях фабрики "Большевичка". Мое белье он не увидит!

— А это как вам будет угодно, — деланно равнодушно говорит тщеславный дизайнер авторского белья, но не выдерживает и тут же обижается. — Это боди из французского кружева телесного цвета. Что? Трудно надеть что ли? Тебе все равно — а мне приятно!

— Ладно-ладно! — успокаиваю я Ленку. — Надену.

Пока Ленка отпаривает рубашку, она непрерывно меня допрашивает:

— Холодильник что-то теряет, разорвав договоренности с Кириллом Ивановичем?

— Нет. Я так поняла: этот договор был выгоден Костровым по какой-то нематериальной причине, а Холодильнику наоборот. Он финансово значительно выиграл бы, — объясняю я подруге то, что поняла сама.

— Чудненько! — почти поет Ленка. — Ради тебя он отказался от прибыли?

— Да, — киваю я, разглядывая себя в зеркало в боди Ленкиной работы. Оно по цвету сливается с кожей, и я кажусь себе голой. Но эта обнаженность какая-то волшебная: все закрыто, но тонкий рисунок кружев лежит на теле естественно и торжественно-целомудренно. — Отказался. Но не ради меня, а чтобы избавиться от Светланы.

— Сильно! — присвистывает Ленка, то ли глядя на меня в боди, то ли давая оценку жертве Холодильника.

— Наверное, — неуверенно соглашаюсь я. — Просто я не представляю себе, что именно он теперь не получит.

— И теперь все знают, что вы пара? — Ленка не может сдержать улыбку.

— Не пара! — с воплем отворачиваюсь от зеркала. — Просто я разрешила ему за собой ухаживать!

— Надеюсь, я на помолвку приглашена? — Ленка защищается от меня отпаривателем, обдавая горячим влажным облаком.

— Никакой помолвки не будет! — нервно смеюсь я. — Тем более через две недели!

— Да как скажешь! — примирительно говорит Ленка. — Не будет, так не будет! А чем тебя старый хозяин расстроил?

— Не то чтобы расстроил, — теряюсь я, не зная, как объяснить. — Он вел себя очень странно. Пожелал мне счастья со своим сыном, но вывел того из себя. Дважды напомнил, что в этом случае теряет Холодильник.

— И что же? — любопытная Ленка даже замирает. — Что он теряет?

— Понятия не имею, — вздыхаю я, снова любуясь собой в зеркале. — Хозяин старший напомнил, Хозяин младший разозлился, что ему напомнили.

— Раз напоминал, то много, — задумывается Ленка. — Вот тебе еще одно доказательство его чувств к тебе. И знак, что не все в этой жизни деньгами измеряется.

— Я бы не торопилась с выводами, — глажу себя по бокам, кожей ладоней чувствуя нежность ткани. — Он бизнесмен до мозга костей. Выкрутится. Вряд ли от прибыли откажется или без нее останется.

— Ага! Влюбилась! — подначивает меня Ленка.

— Ты с чего взяла? — удивляюсь я такому странному и нелогичному выводу. — Не влюблялась я!

— Я про мое боди! — смеется Ленка. — Классное, правда?

— Божественное! — повышаю я ставки.

Без пяти одиннадцать я готова: рубашка оверсайз, брюки, балетки и распущенные волосы. Так я понимаю "свободную форму".

В агентстве никого нет. Нет даже Евгения под моей дверью. Медленно иду к лестнице и застываю на верхней ступеньке пролета. На каждой ступеньке лежит белая роза, крупный бутон на длинном стебле. Аккуратно спускаюсь по мраморным ступенькам. Белые розы лежат от третьего этажа до первого — ровно сто двадцать. Посреди холла стоит овальный стеклянный стол с двумя стульями. На столе узкая прозрачная ваза, в которой высокая крупная темно-красная роза.

— Сто двадцать первая, — шепчу я, поднимая глаза на Холодильника и встречаясь с теплым медовым взглядом.

— Я знал, что вы будете считать, — негромко говорит мужчина в джинсах, белой (а то!) сорочке навыпуск и синих замшевых мокасинах.

— Я не считала, — возражаю я. — Я двадцать пять лет, ну почти, хожу по ним ежедневно. Их сто двадцать. Я могу рассказать вам, на какой из них есть сколы, а где самая большая ямка, вытоптанная за семьдесят лет. А поскольку роза лежит на каждой ступеньке…

— Эх! Разрушили такую легенду… — мягко усмехается Холодильник. — Прекрасная девушка спускается по ступеням башни, считая по пути нежные белые розы, символизирующие ее чистоту и целомудренность. А у подножия башни рыцарь с красной розой, лепестки которой получили свой насыщенный цвет, долгие месяцы питаясь его кровью, ослабляя, лишая сил молодой цветущий организм. Рыцарю казалось, что его красная роза будет прекрасна на фоне ста двадцати белых, и девушка поймет, что это его сердце.

— Вы романтик, уважаемый рыцарь, — я по-настоящему поражена. — Где вы вычитали

эту легенду? Я никогда ее не слышала…

— Я придумал ее сам. Сегодня, — мальчишеская улыбка делает рыцаря-самозванца очень привлекательным. — Это может показаться странным, но в школе я хорошо писал сочинения и был любимчиком учителя литературы.

Если он и в школьные так улыбался, то, наверное, был любимчиком всех учителей.

— Красивая история, — искренне говорю я. — Герои слегка идеализированы. Но это жанровая особенность всех сказок и легенд.

— Почему идеализированы? Не согласен, — Холодильник отодвигает для меня стул. — Девушка прекрасна. Рыцарь предан только ей.

— Хорошо. Не будем обижать героев, — невольно улыбаясь в ответ, говорю я, с удивлением глядя на накрытый стол. — Но согласитесь, аллегория с красной розой- сердцем слишком приторная.

— И снова не соглашусь, — шепчет мне на ухо, обдавая горячим дыханием, Холодильник. — Рыцарю виднее. Это же его сердце.

— Что это? — спрашиваю я, показывая на стол.

На нем два прозрачных чайника с индивидуальным подогревом и голубые пиалки. Жестяная коробочка с зеленым чаем. В чайниках подогревается… молоко.

— Решил разделить с вами ваш ужин, — сообщает второму моему уху Холодильник. — Ваша стойкая приверженность к этой диете меня восхищает.

— Мужчины на таких диетах не сидят, — замерев с прямой спиной, отвечаю я.

— Сидеть я не собираюсь, — ласково уверяет меня Холодильник. — Но попробовать… хочу.

Это "хочу" бьет меня разрядом тока, и я вздрагиваю. Холодильник проводит рукой по моим волосам:

— У прекрасной принцессы прекрасные волосы… Следующую легенду я придумаю про волшебную силу этих волос.

— Давайте ужинать, — почти умоляю я, ощущая, как волна смущения окатывает меня с головы до ног.

Холодильник отходит от меня и отправляется к своему стулу:

— Показывайте, как вы это делаете.

— Гораздо проще, чем вы тут затеяли! — преувеличенно радостно говорю я, с облегчением понимая, что теперь, когда он отошел, мне и дышится, и думается легче. — Я просто заливаю горячим молоком ложку зеленого чая. В термосе.

— Не можем же мы ужинать с термосом, — в атаку пошла новая улыбка. — Это не романтично. Устроим молочную церемонию.

Холодильник кладет по ложке чая в каждый чайник, стоящий на живом подогреве.

— Один шеф-повар сказал мне, что с огня надо будет снять через девяносто секунд,

— доверительно сообщает Холодильник, переворачивая изящные песочные часы.

— Павел Денисович? — догадываюсь я, на душе становится тепло: друзья рядом.

В каком-то странном, но комфортном молчании мы сидим эти полторы минуты. Я смотрю на пламя под моим чайником. Холодильник смотрит на меня. Взгляд этот не напрягает, но тревожит. В нем отражается не разгаданное мною чувство. Оно теплое и доброе.

— Ну как? — лукаво спрашиваю я Холодильника, когда он отпивает первый глоток. — Нравится?

Холодильник несколько секунд держит теплое молоко во рту, потом глотает и отвечает:

— Как в детстве. Мама грела для меня молоко с плодами шиповника для иммунитета. Говорила, что я редко болею благодаря этому отвару.

Упоминание мамы вводит меня ненадолго в состояние растерянности. Странно, но у этого человека-Холодильника тоже есть мама, для которой он маленький мальчик, любимый сын.

— Расскажите о том, каким вы были ребенком, — неожиданно говорю я вслух то, о чем, казалось, подумала про себя.

— В вашем тоне мне слышится некое неверие в то, что я вообще был ребенком, — иронизирует большой и сильный мужчина.

— Есть немного, — смеюсь я, поражаясь его догадливости. Есть же мини-холодильники…

— Обо мне лучше самой мамы никто не расскажет, — вдруг говорит Холодильник. — И она очень хочет с вами познакомиться.

— Познакомиться? — икаю я от испуга, запивая испуг молокочаем. — Не вижу повода. Холодильник мрачнеет и хмурится.

— Даже сейчас не видите?

Вздыхаю. Молочное перемирие подошло к концу.

— Вы разрешили ухаживать за собой, — жестко напоминает Холодильник. — Наши мамы прекрасно вписываются в эту историю.

— Мамы? — снова икаю я. — Моя не вписывается.

— Почему? — карие глаза Холодильника темнеют на пару тонов. — Вы скрываете от мамы всех своих мужчин?

— Не всех, — быстро отвечаю я и по нехорошему блеску в мужских глазах понимаю: поторопилась с ответом.

— То есть с кем-то вы ее знакомили? — вопрос звучит с прокурорской интонацией: если бы он прозвучал на незнакомом мне языке, то я бы решила, что у обвиняемого требуют открыть место, где он спрятал труп.

— Мама знает Гену и… — начинаю оправдываться я, одновременно разозлившись.

— Так! — Холодильник резко встает и отходит к витринному окну. — Один из пятерых — это Геннадий Иванович Муравьев?

— Вы знали это раньше! — встаю напротив. — Это не новость для вас!

— Естественно! — презрительно отвечает Хозяин. — Не новость. Он вертится вокруг вас в моем агентстве.

— И вы не можете сказать, что я его поощряю! — заявляю я. — Нельзя реально верить, что я могу его выбрать.

— Кто остальные четверо? — допрашивает меня Холодильник.

— Не собираюсь рассказывать! — фыркаю я. — Это было раньше, и вас никак не касается.

Через секунду оказываюсь в объятиях.

— Вы забылись, — негромко говорит он моей макушке. — Меня касается все, что касается вас. Я это вам уже говорил.

— Вы ревнуете к тому, чего нет, — отвечаю я его воротнику. — Это не мои бывшие. Это мужчины, решившие, что я должна стать их женой.

— Их слишком много, — возражает макушке воротник.

— Вам должно быть приятно, что я нравлюсь и другим, — огрызается макушка.

— Ни черта подобного! — рычит воротник. — Но… я прошу прощения, Нина! Я опять все порчу… Я не хотел…

— Врете! — ворчит макушка. — Хотели!

— Вру! — послушно соглашается воротник и шепчет. — Хотел!

И снова слово "хотел" воспринимается мною в другой семантике, отправляя боевые мурашки в марш-бросок. Руки Холодильника, обнимающего мои плечи, спускаются до талии. Он слегка отстраняется и говорит:

— Вы очень красивы сегодня, Нина!

— Спасибо, — краснею я. — У вас впервые нет претензий к моему костюму?

— Только комплименты, — Холодильник вдруг запускает руки под мою рубашку, прижав ладони к моей голой спине. — Удобная модель!

— Отпустите! — твердо говорю я, начиная дрожать.

— Не могу! — отвечает Холодильник, и я чувствую ответную дрожь его крупного тела.

— Если вы сейчас… — начинаю говорить я, стуча зубами, но недоговариваю. Холодильник целует меня, тяжело дыша и забирая все мое дыхание. Стучу кулаками по его каменным плечам и спине. Он отпускает меня, но выражение его лица просто пугает.

— Вы пригласили меня на свидание, — резко говорю я. — И я определяю, чем мы будем на нем заниматься.

Холодильник на мгновение прикрывает глаза, потом смотрит на меня тяжелым нечитаемым взглядом.

— И чем бы вы хотели заняться?

— Зря иронизируете! — отвечаю я, отступая на шаг. — Я пришла поговорить. У меня много вопросов. Про Машу, про Светлану, про Кристину…

— Хорошо! — соглашается Холодильник, остывший и равнодушный. — Давайте поговорим. Но условие… Вопрос за вопрос. Отвечаем максимально честно. Задавать можно любой личный вопрос. Абсолютно любой, слышите, Нина?

— Слышу, — теряюсь я, хотя сама предложила такой сценарий вечера. — Отказаться нельзя? Ну, если вопрос не понравится?

— Можно, — отвечает Холодильник. — Но тогда ответ придется заменить поцелуем. Обещаете?

— Кровь за кровь, глаз за глаз? — нервно смеюсь я. — Я не буду с вами целоваться.

— Отлично! Договорились. Тогда вы будете отвечать.

Глава 37. Ответы без вопросов

Между врагом и другом тонкая черта. И там, где она заканчивается, нет начала и нет конца…

Дети Дюны (Children of Dune)

— Я не боюсь ваших вопросов, — храбро пожимаю я плечами. — Но и играть в одни ворота у вас не получится. Вы тоже будете только отвечать.

— Как скажете… — картинно вздыхает Холодильник. — Но должен ж я был попробовать… Начинайте, жестокая! Что же вы так хотите узнать?

Мы церемонно садимся на свои стулья за стеклянным столом, напротив друг друга, словно противники в настольной игре, сложной, интеллектуальной, в которой победитель неизвестен до самого конца. Холодильник спокоен и расслаблен.

— Что вы знаете о Маше и ее матери Екатерине? — задаю я очень важный для меня вопрос.

В умных внимательных карих глазах мужчины появляется разочарование, но он быстро берет себя в руки и стирает это чувство: глаза холодные и терпеливо- ожидающие:

— Уже немало. Осталось проверить одно предположение.

— Это не ответ! — возмущаюсь я. — Это отговорка! Так на любой вопрос ответить можно!

— Не нервничайте, Нина! — Холодильник успокаивающе похлопывает по столу ладонью. — Предлагаю вам завтра утром поехать со мной, чтобы получить ответы на свои вопросы по поводу Маши. У меня было предположение, теперь я могу его доказать. Осталось получить словесное подтверждение еще от одного человека.

— Я поеду! — мгновенно соглашаюсь я. — Не расскажете о своем предположении?

— Не расскажу, — ласкает меня взглядом Холодильник. — А как же мелодраматический эффект? Теперь моя очередь?

Я киваю, и мне задают вопрос, которого я ждала. Холодильник не оригинален.

— Я хочу знать истории всех предложений руки и сердца!

— Всех за один вопрос? — ерничаю я, положив ногу на ногу и расслабляясь.

— Много чести — целый вопрос на одного! — хамит напряженный Холодильник.

— Это почему? — даже обижаюсь я. — Вы так говорите, словно за мной не могли ухаживать достойные люди!

— Вы же вчера говорили, что никто за вами не ухаживал, а вам просто делали предложение? — наклоняется вперед сердитый Холодильник.

— Так и было… почти так, — раздражение легкой волной наплывает на меня и от меня откатывается к Холодильнику. — Ничьих ухаживаний я не поощряла! Хотя нет… В детском саду мне очень-очень нравился один мальчик. Мы с ним всегда были мама и папа в ролевых играх. В младшей группе он меня замуж позвал, а я согласилась!

— И вышли? — нежно спрашивает Хозяин, снова расслабившись.

— Увы! — смеясь, фыркаю я. — Славик меня бросил в подготовительной группе: влюбился в девочку, у которой была белая кроличья шубка.

— Альфонсо! — с упреком говорит Холодильник и совершенно серьезно добавляет. — Хотите, я его найду и накажу за то, что он вас обидел?

— Не надо его искать. Я знаю, где он сейчас, — вздыхаю я, улыбаясь. — Славка был

моим одноклассником. Он женат на той самой кроличьей шубке. У них девчонки- близнецы нынче под новый год родились.

— Надеюсь, этот меркантильный товарищ входит в четверку ваших женихов? — по голосу Холодильника кажется, что он действительно надеется на это.

— Конечно, нет! — заносчиво вздергиваю подбородок. — Что за детский сад! Славик не в счет. Про Генку вы сами знаете.

Холодильник морщится, словно расчесал место старого комариного укуса, и просто кивает.

— Когда я училась на первом курсе, мне сделал предложение мой преподаватель философии. Даже к родителям ездил, просил разрешения за мной ухаживать. Мама была в шоке. Папа отказал ему, — нехотя вспоминаю я.

— А вы? — Холодильник внимательно вглядывается в мое лицо, ища в нем ответы. — Вам он нравился?

— Бог с вами! — честно и искренне восклицаю я, смеясь. — На первом же семинаре мы с ним переругались публично.

— Он к вам открыто приставал? — рычит Холодильник.

— Нет! — смеюсь, не могу остановиться. — Разыгрывали диалоги. Он был Платоном, а я его учеником Аристотелем. Разошлись в трактовании принципов объективного идеализма.

Холодильник дарит мне улыбку и говорит:

— Мой преподаватель философии был старичком, похожим на волшебника Мерлина.

— Мой тоже был в возрасте, лет тридцати, — доверительно сообщаю я Холодильнику. Александр Юрьевич не оценил мою шутку, авторитетно заметив, что тогда мне было всего восемнадцать и что тридцатилетний мужчина справедливо казался мне, первокурснице, стариком.

— Сейчас вам двадцать пять, — напоминает мне Холодильник. — Между нами нормальная разница — пять лет.

— Я вам больше скажу, — шепчу я, наклоняясь над столом, — Мне скоро двадцать шесть.

— Я постараюсь это пережить достойно, все мы не молодеем, — шепчет мне в ответ Холодильник. — Обещаю за вами ухаживать, когда вы станете совсем немощной, и не сдам вас в дом престарелых.

— Благодарю, — прикладываю руку к сердцу. — Вы очень милосердны.

Под насмешливым взглядом Холодильника наливаю себе вторую пиалу молокочая.

— Итак, преподаватель философии — первый соискатель. Кто же второй?

— Второй — Гена, — широко улыбаюсь я. — Он не то чтобы второй… Он постоянный какой-то… Как по восемнадцать нам исполнилось, так и сватается пару раз в год. Навязчивый, но безобидный.

— А третий? — спрашивает Холодильник, отказавшись еще от одной порции "ужина балерины".

— Третьим был мой инструктор по плаванию. Я воды очень боялась. Плавать научилась только пять лет назад. Записалась на тренировки с индивидуальным инструктором. Пару раз меня спас — решил, что я его Русалка и на мне нужно жениться, иначе я без него утону даже в ванной или раковине, — теплые воспоминания об Андрее вызывают грустную улыбку.

Этот высокий, атлетично сложенный блондин был трогательно внимательным и милым в общении. Он провожал меня домой, пил смородиновый чай с моими родителями и

симпатично краснел, когда встречался со мной глазами. Скоро общение с ним стало мне не просто в тягость, а начало угнетать до головной боли и желания выть на луну не только в полнолуние. Увидев его, караулящим меня на крыльце университета, я пряталась то в буфете, то в туалете. Последний раз я видела его в тот день, когда он пришел делать мне предложение. До сих пор неловко, когда вспоминаю его прощальный страдающий взгляд. С того дня я ни разу не плавала ни в бассейне, ни в реке, ни на море. Нигде.

— Самую интересную историю вы, наверное, оставили на десерт? — подталкивает меня к продолжению рассказа Холодильник.

— На четвертом курсе мне сделал предложение одногруппник. Мы не встречались и парой никогда не были. Он целый год безрезультатно пытался наладить со мной отношения. Упертым был… Избалован родительским деньгами, три автомобиля, один из них спортивный. Как на курсе культурологов оказался — вопрос! — смеюсь я, вспомнив Сергея. — Ходили сплетни, что он наказан отцом за безделие и наркотики.

— Почему же он сделал вам предложение? — не верит мне Холодильник. — Что в вас или в вашем поведении навело его на мысль, что вы можете принять это предложение?

— Отгадайте! — огрызаюсь я. — У него не получилось затащить меня в постель — и он решил на мне жениться. Это известная вам схема. Некоторые мужчины, оказывается, ею пользуются. Просто я уже успела об этом забыть.

Холодильник слегка сжимает лежащие на столе ладони.

— Если вы скажете мне фамилию… — Холодильник встает и подходит ко мне, неожиданно сев возле меня на корточки.

— Зачем? — удивляюсь я. — Зачем вам его фамилия? Будете морду бить?

— И морду тоже, — нежное прикосновение к моему колену не сочетается с грубыми словами. — Еще ноги и руки переломаю, не торопясь и очень аккуратно.

— Переломайте их себе! — отталкивая руки Холодильника, вскакиваю я со стула. — Вы его брат-близнец! У него вполне могла бы быть фамилия Климов.

— Не смейте нас сравнивать! — встает в полный рост и включается на полный режим Холодильник. — Вы ничего к нему не испытывали!

— Еще как испытывала! — бешусь я. — Я его презирала! За спесь! За эгоизм! За самоуверенность!

— Вы хотите сказать, что презираете меня? — вдруг тихо спрашивает Холодильник. — Ну же… Скажите… Вы же считаете себя кристально честным человеком, госпожа Симонова-Райская.

Я молчу, сверля его, надеюсь, грозным взглядом невинно обиженной женщины. Молчу минуту, две…

— Нет. Я вас не презираю, — сдаюсь я, растерянно глядя на то, как ослабляет напряженные плечи Холодильник. — Для вас целый букет чувств!

Мгновенно оказываюсь в кольце сильных рук.

— Вы зря радуетесь! — честно предупреждаю я. — Вам этот букет не понравится.

— Я готов выслушать и начать работу над ошибками, — по-пионерски подобострастно уверяет меня Холодильник.

— Вы авторитарны! — получаю легкий поцелуй в кончик носа.

— Надменны! — поцелуй в лоб.

— Жестоки! — горячие быстрые губы Холодильника целуют уголки моих губ.

— Упрямы! — чувствую его дыхание своим дыханием.

— Ревнивы! — выкрикиваю я прежде, чем мой рот накрывает сумасшедший поцелуй, который заканчивается… очень быстро.

Холодильник почти отталкивает меня со словами:

— Не убедили! Стандартный набор руководителя среднего звена. Даже обидно!

— Мы с вами не про работу говорим, а про жизнь! — возмущаюсь я. — И прекратите меня целовать! Я ответила на все ваши вопросы!

— Не на все, — качает головой Холодильник.

— В любом случае, теперь моя очередь! — настаиваю я.

— Не утруждайтесь! — холодная усмешка искажает красивое лицо Холодильника. — У меня уже готовы ответы.

— Без вопросов?! — не понимаю его я.

— Давайте проверим, насколько хорошо я вас изучил, — подначивает Александр Юрьевич. — Первое: договор с Костровыми был в чистом виде финансовым, но с добавлением одного, не имеющего отношения к бизнесу пункта. Торжественно обещаю вам рассказать о нем завтра.

Подозрительно смотрю на его спокойное лицо.

— Второе: да, я был близок с Кристиной несколько раз и действительно подумывал над тем, чтобы сделать ей предложение. Красивая девушка, умна, образованна, воспитанна. Неплохая пара для человека, который еще никогда никого не любил. Пожимаю плечами равнодушно и краснею. Нет. У меня, конечно, такой вопрос был, но я бы его ни за что не задала!

— Третье: выходка Матвея по отношению к Кристине только сократила время до нашего разрыва, на который я был настроен.

И об этом не решилась бы спросить…

— Четвертое: у меня никаких близких отношений со Светланой никогда не было. Не скрою, я их планировал ровно до того дня, пока не зашел в этот холл вот уже почти семь месяцев назад. У меня не было ни одной женщины с того момента.

Почти паралич нижних конечностей, хотя меня никто не целует.

— Пятое: ни в каком другом качестве вы меня не интересуете, только в качестве жены.

Паралич прогрессирует, охватывая верхнюю часть тела.

— Шестое: вам ничего не кажется, не мерещится, не снится. Я не могу без вас… без тебя существовать. Сегодня я проснулся с мыслью, что ты — смысл моей жизни…

Глава 38. Томление души

Библия учит нас любить ближних, она также учит нас любить врагов;
может быть, потому, что это обычно одни и те же люди.

Гилберт Честертон

Букет из ста двадцати одной розы стоит в напольной вазе в моей гостиной, и единственная красная роза смотрит на меня страстно и проникновенно, чувственно напоминая мне о том, что было вчера поздно вечером в холле. То ли я брежу, то ли Холодильник по-своему объяснился мне в любви. Правда, он не сказал, что любит… Но он сказал, что я — смысл его жизни… Что же это, если не любовь? И что мне с ней теперь делать?

Подхожу к зеркалу: мои глаза живут отдельной от лица жизнью. Лицо бледное, щеки горят лихорадочным румянцем. Контрастно к бледности лица глаза светятся каким-то странным светом, глубоким и яростным.

— Что тебе нужно, Симонова-Райская? — спрашивают эти глаза, заглядывая в сердце и находя там растерянность, смятение и… томление. Недавно прочитанные стихи приходят на ум сами собой:

Томление души — оно необъяснимо:
Предчувствие любви, несбыточность надежд,
Забвение на миг в дыханье торопливом
Невысказанных слое, не сброшенных одежд… *

Как после стольких тяжелых, обидных, раздражающих слов, высказанных друг другу в пафосном порыве противостояния, почти ненависти, у него родилось это космическое по своей значимости ощущение — невозможность жить без меня? Вернее, желание жить ради меня. Разве так бывает?

— Разве так бывает? — спрашиваю я Ленку, связавшись с ней по скайпу.

— Это у тебя все после… — сонно философствует разбуженная мною подруга. — А он тебе уже трижды говорил о том, что чувства его возникли с первого взгляда.

— Но он говорил о страсти, с которой не может справиться, а не о любви, — осторожно возражаю я. — Страсть и любовь, конечно, нужны друг другу, но не обязательны в паре. Ты же понимаешь?

— Я взрослая девочка. Я понимаю многое, если не все, — вздыхает Ленка, откровенно зевая. — Ложись спать. Утро вечера мудренее…

— Я не смогу заснуть, — честно говорю я Ленке, чувствуя, как сердце танцует польку. — Поговори со мной, пожалуйста…

— Спокойно! Не нервничай! — бодро командует подруга и потягивается, стряхивая остатки сна. — Я круче любого психотерапевта! Сейчас все по полочкам разложу. Вот скажи, почему ты после такого потрясающего признания будишь подругу, а не проводишь… время с мужчиной, который этого вполне достоин?

Как объяснить Ленке, что признание Холодильника сначала парализовало меня, а потом испугало до такой степени, что я просто убежала. Неожиданно для него, позорно для себя и очень быстро. Холодильник не сказал ни слова, не пытался меня остановить, не пошел за мной. Я беспрепятственно добралась до своей квартиры и еще долго стояла,

прижавшись спиной к входной двери, утихомиривая глупое сердце, танцующее венский вальс. Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три…

Через несколько минут я услышала шаги, звук которых приблизился к самой двери, а потом почти сразу удалился и затих.

Смотрю в дверной глазок: под дверью пусто. Трусливо выглядываю — на пороге лежит огромный букет белых роз, а сверху одна красная, как капля краски на светлом фоне. Сердце меняет ритм с вальса на танго.

Некоторое время занимаю себя устройством букета. Вспоминаю, что в кладовке есть старинная напольная ваза чудовищных размеров. которая раньше стояла в гостиной и которую я в детстве воспринимала как языческого идола. Темно-зеленая, с золотыми и кроваво-красными разводами, зловеще мерцающая позолотой в лунном свете и радостно сверкающая при свете дня. С большим трудом вытаскиваю вазу на привычное для нее когда-то место и аккуратно ставлю в нее цветы, по одному, не торопясь. Думаю о вазе, о розах и о той легенде, которую сочинил Холодильник. Осторожно вставляю красную розу в центр букета и обращаю внимание на то, что ее бутон своей формой на самом деле похож на сердце.

— Я не могу разобраться, что происходит. Все так странно и необычно! — почти плачу я, жалуясь Ленке. — Одно дело — отвечать на страсть, другое — на то, что сказал он.

— Смысл жизни не может состоять только в страсти, — убеждает меня Ленка.

— Страсть мимолетна, она быстро вспыхивает и так же стремительно прогорает. Поэтому, Нинка, прости за пафос и шаблон, но это… любовь.

— Я к ней не готова, — шепчу я, вытирая тыльной стороной ладони побежавшие слезы.

— За двадцать шесть лет так и не подготовилась? — мягко, боясь обидеть, смеется Ленка. — Ни к страсти, ни к любви?

— К этому можно подготовиться? — сомневаюсь я, улыбаясь сквозь слезы.

— Этого нужно ждать! — провозглашает Ленка, снова скатываясь к пафосу. — Каждая нормальная девочка, девушка, женщина ждет и готовится! Вот я всегда на дежурстве: только объект подходящий в зону моих интересов попадает — мои радары настраиваются автоматически. Все! Я готова! Смеюсь вместе с Ленкой и почти весело отвечаю:

— Я понимаю, что надо было готовиться. Но я опрометчиво этого не сделала.

— Зато сюрприз получился! — успокоительно шутит Ленка. — Тоже неплохо! Что думаешь делать? Что ему ответишь, когда встретишь при свете дня?

— Не знаю… — шмыгаю я носом. — Абсолютно не представляю… Может, мне самой уволиться? Квартиру продать? Новую купить в новостройке?

Ленка недоверчиво замирает и даже приближает свое лицо к камере, чтобы получше меня рассмотреть:

— Бежишь? Почему? Потому что так проще?

Честно смотрю ей в глаза и в сердцах просто вываливаю на единственную подругу все вопросы, которые задаю сама себе и которые разъедают мое сознание кислотой сомнения:

— Если все, что говорит он, правда, а я не смогу ответить на это чувство?

— Если силы моего чувства, по сравнению с его силой, будет недостаточно?

— Если это только томление, вожделение, вызванное той самой пресловутой страстью?

— Если я не смогу полюбить по-настоящему? Полюбить так же, как он?

— Если он просто симпатией не удовлетворится? Точно нет. И это будет трагедия. И

его, и моя… Ты бы видела его лицо и глаза, когда он все это говорил…

Ленка слушает меня, не перебивая, совершенно сраженная моими вопросами. Потом говорит горячечно, азартно:

— А попробовать полюбить? Не может же он совсем тебе не нравиться? Ты же только что сказала что-то про собственную страсть… Пообщайтесь по- человечески. Поговорите на разные темы. Вам надо проводить время вместе, что-то делать тоже вместе…

— Праздник в честь помолвки через две недели, — напоминаю я.

— Помолвка не свадьба! — беззаботно отмахивается Ленка. — И то, и другое можно отодвинуть на неопределенное время. Поставь такое условие. Он выполнит. Я так понимаю, что его теперь и за звездой на небо, и за жемчужиной на дно, и за цветочком аленьким…

— Я не хочу и не могу его обманывать. Он обман почувствует сразу, — уныло говорю я, растирая виски и борясь с головной болью.

— Нина, — Ленка улыбается мне, но глаза грустные. — Он просил разрешения ухаживать. Ты разрешила. Держи слово.

— Ему трудно себя сдерживать. Он постоянно об этом говорит, — смущаясь и краснея, делюсь я главным переживанием.

— Ты знаешь, — с сомнением отвечает мне подруга, — он признался тебе в любви, поэтому сдержит себя как миленький! Руки себе отгрызет, но сдержит.

Просыпаюсь от звонка в дверь. Вскакиваю. Я на диване в гостиной? Точно… Уснула после разговора с Ленкой, так и не добравшись до спальни. Восемь утра. На цыпочках пробираюсь к двери. Холодильник. Одет странно: джинсы и водолазка. Бросаю расстроенный взгляд на свою полосатую пижаму и все-таки открываю дверь.

Холодильник быстро, жадно окидывает меня взглядом.

— Доброе утро, Нина!

— Утро добрым не бывает! — ворчу я. — Чем обязана?

— Ты хотела поехать со мной. — хрипло напоминает Холодильник, уставившись на мои босые ноги.

Вздрагиваю от этого "ты", вспомнив, в связи с чем произошел такой переход.

— Да, — киваю я, завешивая лицо распущенными волосами. — Мы едем прямо сейчас? Это далеко?

— Сейчас. Не близко, — последовательно отвечает на мои вопросы Холодильник, которому безумно идут серо-голубая водолазка и темно- синие джинсы. Плечи кажутся еще более широкими и мощными, живот плоским, а ягодицы… Нина! Подними глаза! О чем ты думаешь!

— Я скоро, — нервно дернув плечами, обещаю я, не двигаясь с места. Холодильник кивает мне и, уходя к лифту. говорит:

— Жду в машине.

— А? — окликаю я, не зная, как задать вопрос, и спрашиваю прямо. — Что мне надеть?

— Что захочется! — ответ с коронной улыбкой, и сердце танцует кадриль. Контрастный душ. Чашка кофе. Гардеробная.

Выбираю джинсы и коралловый меланжевый пуловер крупной вязки бесформенного кроя с четвертным рукавом. Как давно я не надевала яркие вещи!

Сосчитав до десяти и заставив себя перестать торопиться, сажусь за туалетный столик, чтобы сделать макияж. Естественный, но освежающий. После сна в неудобной позе и пыток мыслями выгляжу я неотдохнувшей. Жемчужная пудра. Персиковые тени. Коричневая тушь.

На лице появляется жизнь.

Пока спускаюсь в холл в сопровождении Евгения, мучаюсь: переходить ли на "ты"? Он, видимо, перешел навсегда. Надо ли и мне? Его заденет, если не перейду… Но тогда он из Холодильника превратится в Сашу. Какой кошмар!

— Доброе утро, Ниночка! — Дарья Владиленовна уже сидит в своем кресле и пьет чай с печеньем.

Агентство еще закрыто, мы работаем с десяти утра, но милая добрая женщина уже на посту.

— Угощайтесь, Ниночка! — Дарья Владиленовна протягивает мне ароматное, пахнущее имбирем и корицей свежеиспеченное печенье. — Хорошего вам дня, красавица наша! Любуюсь вами с первых дней вашей жизни!

— Спасибо! — ловко хватаю еще теплую печеньку и выхожу в уже открытую для меня дверь. Евгений провожает меня до автомобиля Холодильника, но сам в машину не садится, помогая мне устроиться на заднем сидении в одиночестве. Александр Юрьевич за рулем.

— Поехали? — по-гагарински улыбается он и трогает с места.

— Без Евгения? — на всякий случай спрашиваю я.

— Без, — продолжает улыбаться Холодильник. — Ваш Евгений остался в агентстве. Мой Николай едет за нами.

— Я узнаю сегодня что-то о матери Маши? — спрашиваю я Холодильника, тщательно избегая грамматические конструкции, в которых придется использовать местоимение "ты", ну, на всякий случай, и "вы".

— Узнаешь, — просто отвечает Холодильник, прочно перейдя на близкое личное общение. — Я начал копаться в этой истории сразу после праздника, который ты делала для Маши.

— Понятно… — бормочу я, подбирая слова, чтобы спросить, что он узнал. — И что теперь известно?

— Та женщина с двумя детьми, с которой вы с Матвеем встречались в парке, Татьяна, бывшая жена Михаила, — рассказывает Холодильник.

— Я спросила ее, мать ли она Маши, — вспоминаю я. — Она подтвердила, но почему-то очень испугалась и все говорила про какие-то деньги. Клялась, что обязательно их отдаст.

— Я расскажу тебе все, что узнал. Но сначала мы попробуем еще раз поговорить с Татьяной, — делится планами Холодильник, подмигивая мне в зеркале заднего вида.

Смущаюсь и отворачиваюсь к окну. Через полчаса молчания под тихую музыку мы паркуемся возле здания детского сада. Еще через пару минут на переднее сидение возле Холодильника ниоткуда появившийся Николай садит Татьяну. Она тихо здоровается с Холодильником и с испугом оглядывается на меня:

— Вы обещали, что будете один!

— Не волнуйтесь и ничего не бойтесь! — Холодильник кладет руку на руку Татьяны и успокаивающе похлопывает. — Это самый близкий мне человек, моя невеста Нина.

— Она приходила ко мне и не говорила, что от вас. Она была с другим мужчиной, не с вами, — нервничает Татьяна, обхватывая руками свои плечи.

— Она была с моим лучшим другом. Это очень хороший человек. Никто из нас не причинит вам никакого вреда, — Холодильник говорит негромко и убедительно.

— Хорошо, — соглашается женщина. — Вы помогли мне и обещали помочь еще. Мне нужна ваша защита.

— Вы ее получите, — твердо говорит Холодильник. — Можете не сомневаться. Его интонация настолько убедительна, что в это вдруг верю и я.

— Отвечайте, пожалуйста, правду, — настраивает Татьяну Холодильник. — И все будет хорошо.

Татьяна согласно кивает, но, когда Холодильник снова начинает говорить, хватается за ручку двери.

— Я сделал генетическую экспертизу.

Дверь не открывается, и Татьяна с ужасом оглядывается на меня.

— Не бойтесь! — почти умоляю я ее, как и Холодильник, стараясь успокоить.

— Таня, — Холодильник почти ласков. — Вы не мать Маши, ведь так?

— Я ее мать! — вяло спорит Татьяна. — У меня есть документы.

— А у меня результаты анализа, — Холодильник достает из бардачка папку и подает ее Татьяне.

Женщина растерянно смотрит на нас, потом открывает папку и долго смотрит на лежащий там документ.

— Вы сделали этот анализ незаконно, без моего согласия. Ни один суд не примет его в качестве доказательства.

— Я не собираюсь идти в суд, — спокойно утверждает Холодильник. — Мне просто нужна правда. И я готов за нее заплатить. Более того, я готов взять вас под свою защиту, в том числе и юридическую.

Татьяна судорожно сглатывает и кивает.

— Я спрашиваю еще раз, — Холодильник четко выговаривает каждое слово. — Вы мать Маши?

Я замираю и перестаю дышать.

— Нет, — шепчет Татьяна. — Я не ее мать.

— Михаил ее отец? — и на второй вопрос отрицательный ответ.

— Больше я ничего вам не скажу! — паникует Татьяна. — Выпустите меня, пожалуйста.

— Отец ваших детей тот мужчина, с которым вы живете? Ваш второй муж? — не отпускает Татьяну Холодильник.

Татьяна замирает на пару секунд, потом, словно пойманная птица, начинает биться в дверь. Я сижу не шевелясь, не зная, что делать. Холодильник, кажется, безэмоционально смотрит на тихую истерику Татьяны. Но вот он встречается со мной взглядом, и я отчетливо вижу в его глазах сострадание.

— Да! Он отец моих детей! Он простой человек. Он работает фотографом в одном интернет-издании. Мы живем скромно. Отпустите меня и забудьте обо мне! Я передумала! Мне не нужны ваши деньги! — Татьяна протягивает в сторону Холодильника руки, молитвенно сложенные вместе. — Я сказала больше, чем нужно!

— Отпустите ее! — прошу я, закашлявшись, и Холодильник тут же снимает блокировку. Дверь открывается.

— Возьмите! — Холодильник протягивает разволновавшейся Татьяне банковскую карту. — Здесь больше, чем вы просили. И помните, что я вам обещал. Если возникнут проблемы — сразу обращайтесь.

— С-спасибо! — сквозь зубы благодарит Татьяна, и Николай, стоящий снаружи, помогает ей выйти.

Открываю рот, чтобы задать вопрос, но Холодильник говорит первым:

— Ты завтракала?

— Я пила кофе, — сообщаю я. — И у меня есть печенька.

Только сейчас обнаруживаю, что до сих пор держу в левой руке имбирное печенье. Нервно откусываю от него кусочек.

— Поделишься? — хрипло спрашивает Холодильник.

Протягиваю левую руку, и он аккуратно берет в рот оставшийся кусочек печенья, обхватив губами и два моих пальца. Меня бьет током наслаждения и испуга, и я отдергиваю руку.

— Этого недостаточно для завтрака, — улыбается мне Холодильник. — Хочешь блинчики с черничным вареньем?

И, не дожидаясь ответа, везет меня во французское кафе на набережную. На открытой веранде мы занимаем столик на двоих. Приветливая официантка приносит нам горячие маленькие блинчики и розеточки с черничным вареньем. — Кофе? Чай? Молоко? — спрашивает она, не отрывая восхищенного взгляда от Холодильника.

— Что будешь, любимая? — Холодильник кладет свои ладони на мои. — Здесь подают совершенно удивительный чай. Хочешь попробовать?

— Чем же он удивителен? — обращаюсь я к официантке с бейджем "Кристина" и усмехаюсь.

— Он исполняет желания! — смеется новая Кристина. — Это авторская смесь под названием "Исполнение желаний". Саша подбирал его лично.

Саша? Для этой Кристины он тоже Саша?

— Кристина работала в моем ресторане. Сейчас работает на Матвея, — улыбается мне Холодильник. — Так ты будешь загадывать желание?

— Буду, — отвечаю я. — У меня есть одно желание. Вернее, конечно, больше одного. Ваш чай сколько штук исполняет или все зависит от объема выпитого?

Холодильник громко и заразительно смеется:

— От объема выпитого всегда многое зависит! Кристина, неси нам большой чайник.

— Что будешь загадывать? — хитро спрашивает Холодильник, когда чай уже разлит по чашкам.

— Нельзя рассказывать о своих желаниях! — поучительно говорю я. — Они тогда не сбудутся!

— Тогда и я не скажу, — по-детски отвечает мне он, делая большой глоток. — Все! Я загадал!

Фыркаю, но тоже делаю глоток и закрываю глаза, проговаривая про себя желание. Когда открываю, встречаюсь с жарким, чувственным, ничем не прикрытым раскаленным взглядом. Вздрагиваю. Холодильник тоже на секунду закрывает глаза. а когда открывает, то смотрит уже спокойно и безмятежно.

— Загадала? — спрашивает он.

— Загадала, — подтверждаю я. — Буду ждать исполнения.

— А если бы рассказала, то я бы его исполнил немедленно, — сетует Холодильник.

Вот теперь надо сказать "Не сможешь!", но так ответ я сформулировать не могу, поэтому говорю:

— Не получится. Оно сложное для исполнения.

— Тем интереснее будет его исполнять! — подмигивает мне Холодильник, под столом своим коленом касаясь моего.

— И за звездой на небо, и за жемчужиной на дно, и за цветочком аленьким… — бормочу я, глядя, как поднимаются брови Холодильника. — Поговорим о Татьяне! — бодро меняю я тему и поджимаю ноги. — Откуда идея о тесте ДНК?

— Первое, что пришло на ум, когда я нашел Татьяну, — проверить родство, — Холодильник вытягивает ногу под столом и все-таки прижимается ею к моей ноге.

— Мне тоже не верилось, что мать может бросить ребенка, — начинаю я делиться мыслями. — Но так бывает… И матери бросают своих детей. Мы с ребятами посмотрели свадебные фотографии Татьяны и Михаила, видео. Они там такие счастливые, по-настоящему счастливые… Наверное, это потому, что они любили друг друга?

— Не наверное. — нежно утверждает Холодильник, — а точно. Любили.

Место, к которому прижимается нога Холодильника, горит, словно его натерли разогревающей мазью.

— Если Татьяна не мать Маши, а Михаил не ее отец, — говорю я, одновременно отодвигаясь вместе со стулом, — то кто ее родители? Может, ее удочерили и она из детского дома?

— Нет. Она внучка Кострова Кирилла Ивановича, — Холодильник усмехается, наблюдая за моей попыткой отодвинуться еще дальше. — Просто ее мать — это Светлана.

— Как?! — не верю я тому, что сказал Холодильник. — Светлане двадцать, а Маше почти пять!

— В этом и проблема, — Холодильник смотрит не на меня, а на мои губы. — Светлана родила ее в пятнадцать лет. Для его круга… для нашего круга это скандал серьезный. Кирилл Иванович скрыл это, как-то уговорив или заставив Татьяну и Михаила признать себя Машиными родителями.

— Но Татьяна хотела иметь своих детей? — подхватываю я. — И поэтому ушла, чтобы создать настоящую полноценную семью?

— У тебя, я вижу, в школе за сочинения тоже одни пятерки были? — дарит мне свою фирменную улыбку Холодильник. — Тут, к сожалению, все сложнее. Татьяна сказать побоялась, но я все выяснил еще пару недель назад. Давить на нее не стал — она запугана и без моего участия. И если с первой тайной она не справилась, то за вторую будет биться как львица.

— Вы расскажете мне? — невольно вырывается у меня.

— Вы?! — Холодильник хмурится и скрещивает руки на груди. — Я все ждал, когда ты обратишься ко мне… Не доверяешь настолько, что не можешь называть по имени и на "ты"?

— Простите… прости, — краснея, оправдываюсь я. — Мне это совсем не просто…

— Как тогда я могу тебе доверить чужую тайну и для Татьяны, действительно, опасную? — Холодильник резко встает и подает мне руку. — Спустимся к воде?

Мы подходим к парапету и некоторое время молча смотрим на воду.

— Саша! Я не хотела тебя обидеть… — шепотом начинаю я, но договорить не успеваю. Холодильник прижимает меня к себе и утыкается подбородком в макушку.

— Если бы ты знала, как звучит мое имя, когда его произносишь ты, — говорит он.

— Как? — спрашиваю я, осторожно освобождаясь из объятий. Он не удерживает.

— Мне сразу кажется, что мы близки… очень близки, — отвечает Холодильник, убирая руки за спину.

Я не знаю, что ответить на эти слова, поэтому снова молчу, наблюдая за шустрой и наглой чайкой.

— Костров сделал все, чтобы скрыть ошибку дочери. Но не смог удержать Татьяну в семье. И запугал основательно.

— Ты дашь ему знать, что теперь для тебя это не секрет? — спрашиваю я, закрепляя умение называть его на "ты".

Глаза Холодильника вспыхивают удовольствием:

— Нет. Это опасно для Татьяны. Тем более мне это и не нужно. Мне надо помочь Татьяне уберечь другой секрет.

— Другой? — не понимаю я. — Какой другой?

Холодильник подходит ко мне и нежно берет мое лицо в свои ладони:

— Помни, что это не твоя тайна, — предупреждает он, наклонившись близко-близко. — Старший ребенок Татьяны — тоже внук Кострова. Она ушла от Михаила беременной.

— А девочка? — пораженно выдыхаю я.

— Девочка от второго мужа, — ловит мое дыхание Холодильник. — И я не знаю, в курсе ли он информации о первом. Да это и не важно. Это касается только Татьяны и Михаила. Разберутся сами, если до этого дойдет. Просто Костров-старший точно не знает, что это его внук. Иначе…

— Иначе давно бы забрал? — понимаю я, и мне горько от этого понимания. — Но как такое возможно? Она же мать!

— А он влиятельный и очень богатый человек, — глядя на меня пронзительно и чувственно, шепчет Холодильник. — И если он использует все свои ресурсы — Татьяне не справиться.

— Почему мне кажется, что ты говоришь не о нем, а о нас? — шепчу я в ответ, поняв, что жду, когда же эти губы прикоснутся к моим.

— Да… Я был близок к тому, чтобы подключить все свои ресурсы, но вовремя понял, что я так не хочу, мне так не надо… — его губы не касаются моих, замерев в нескольких миллиметрах.

— А как надо? — глупо спрашиваю я, провоцируя его на ответ, которого страшусь.

— Надо так, как хочу, — отвечает он, прежде чем начинает меня целовать. — Я дождусь, чтобы ты пришла ко мне сама.

** Стихотворение Ольги Андроновой*

Глава 39. Сорока-ворона

Любовь искали и не находили, Любовь теряли и не берегли
"Любви не существует", — Люди говорили…
А сами… умирали без любви… приписывается Жюли Верс

Нежно глажу ткань форменного коричневого платья. Полчаса назад мы с Холодильником вернулись в агентство, и я отправилась к себе, чтобы переодеться. Наступила очередь этого платья. Ленка еще неделю назад притащила мне совершенно волшебный, потрясающе красивый, вывязанный крючком белоснежный воротник. Тонкий, я бы даже сказала, деликатный его узор похож на морозный и украшен жемчужными капельками.

В этом платье я удивительно похожа на свою маму с ее школьной фотографии: юная девушка, старшеклассница, стоит на крыльце школы в коротеньком коричневом платьице с кружевным воротничком.

После странного поцелуя, делающего ватными ноги и руки, мы с Холодильником молча уходим в машину и отправляемся на работу.

— Ты едешь со мной до крыльца! — не терпящим возражение тоном заявляет Холодильник. — Выходить за квартал до агентства я тебе не позволю!

Молча киваю. Я решилась на официальные отношения, и теперь глупо что- то скрывать и от работников нашего агентства, и от себя самой. Переодевшись, отправляюсь в свой кабинет и сажусь за проект для Тарасовых. Галина Ивановна и Степан Ильич заказали нам литературно- художественный вечер для своей дочери Ирины, художника-оформителя. Последняя книга, которую она оформляла, получила Гран-при на международном конкурсе. В моей голове уже несколько дней бродят интересные идеи. Работаю не поднимая головы, пока мне не звонит Холодильник.

— Время обедать, Нина, — напоминает он. — Куда бы ты хотела пойти? Я до сих пор не знаю, какую кухню ты любишь.

Какую кухню? Да что ты про меня вообще знаешь? Но я не произношу этого вслух, а спрашиваю:

— Может, перекусим в нашем кафе? Павел Денисович приготовит любое блюдо.

— Мне хотелось бы, чтобы это было не на работе, — мягко, но категорично говорит Холодильник. — Так какая кухня?

— Пожалуй, монгольская, — вредничаю я. Меня бы вполне устроил обед от Павла Денисовича.

— Монгольская? — со смешком переспрашивает Холодильник, разумеется, быстро догадавшись, что я делаю это специально. — Выполнение ваших желаний — моя основная обязанность. Через пятнадцать минут прошу быть в машине.

Продолжаю вредничать, поэтому работаю ровно пятнадцать минут и не иду переодеваться. На пятнадцатой минуте раздается стук в дверь. Евгений. Беру сумочку и иду за ним к автомобилю.

За рулем Евгений, поэтому меня ждет очередное испытание: поездка на заднем сидении рядом с Холодильником. Если его и удивляет то, что я не переоделась, то он этого не

показывает. Как только мы отъезжаем от агентства, Холодильник забирает в свои ладони мою левую руку и удерживает, заставляя меня и побледнеть, и покраснеть. Более того, через некоторое время он начинает поглаживать мою раскрытую ладонь указательным пальцем.

— Мы играем в "сороку-ворону"? — нервничаю я, неловко улыбаясь.

— Ты знаешь, — оживляется Холодильник, продолжая поглаживать мою чувствительную кожу. — В детстве меня крайне раздражала эта игра. Тебе не кажется, что мать-сорока должна быть наказана за использование детского труда и лишена родительских прав за жестокое обращение с сыновьями? Ты же помнишь, кого она оставила без еды?

Не удержавшись от смеха, фыркаю:

— Самого младшего. Мал, недорос, воды не принес…

— Это ужасная игра! — констатирует Холодильник, но не перестает в нее играть.

— Возможно, она приучала детей к самостоятельности и обучала помощи по дому? — насмешливо предполагаю я. — Не случайно же мать зовут не только сорокой, но и вороной.

— Не убедила! — Холодильник сжимает мою ладонь в кулак, но не отпускает. Так и едем, держась за руки, как подростки на первом свидании. Это тревожно и трогательно одновременно.

— Вообще-то это не просто игра, — рассказываю я, чтобы сбить себя с неверного настроя. — А игра-потешка. Обучающая. Со времен наших предков, славян-язычников, солнцепоклонников.

— Я и забыл, что ты культуролог, — улыбается мне Холодильник. — Что? Всему этому найдется стройное научное объяснение?

— Не научное. Историко-культурное, — важно отвечаю я и настойчиво забираю свою руку. — Я тебе покажу.

Услышав "тебе", Холодильник не сопротивляется и отпускает. И я, для пущей важности, начинаю небольшой лекторий, сопровождаемый активной жестикуляцией. Только бы не брал меня за руку…

— Утром, встречая солнце на востоке, славяне вставали к нему лицом. Что оказывалось справа? — машу правой рукой.

— Юг? — играет роль добросовестного ученика Александр Юрьевич.

— Молодец! — хвалю я. — Да. Черный юг. А слева? (машу левой рукой)

— Неужели север? — с сомнением спрашивает Холодильник.

— Естественно! Белый север! — подтверждаю я версию Холодильника. — Поэтому правая половина человека считалась черной, а левая белой. И если вспомнить, что правая сторона у славян мужская, а левая женская, то понятно, почему правой рукой отдают, а левой принимают. Тебе это понятно?

— Понятно, — кивает Холодильник, придурковато улыбаясь, хватает мои руки и целует их по очереди. — Это правая. Это левая. Правильно?

— Правильно, — с трудом унимаю взбесившиеся мурашки, загоняя их под длинные рукава платья. — Только у наших предков таких слов не было. Левая рука называлась "сорока", а правая "ворона".

— Руки назвали именами птиц? — Холодильник искренне удивлен. — Не знал.

— Нет! — смеюсь я, испытывая настоящее удовольствие от этого ничего не значащего разговора. — Наоборот! Птиц назвали как руки.

— Ворона черная, а сорока белая? — Холодильник серьезно поражен сделанным лингвистическим открытием. — Кашу варили не птицы, а мамины руки?

— Конечно! — хихикаю я. — Детки вовсе не детки, а пальчики!

— Пальчики? — шепчет Холодильник и берет теплыми губами мой мизинец, сводя с ума только что успокоившиеся мурашки.

— Это негигиенично! — восклицаю я и тяну руку на себя.

Холодильник не отпускает мой мизинец и слегка прикусывает.

— Отпусти! — тихо прошу я.

Холодильник негромко рычит, как добрый, но все-таки сторожевой пес, и отпускает мой палец.

— Приехали, Александр Юрьевич! — докладывает Евгений.

Ресторан "Бандерос" создает впечатление европейской респектабельности и американской роскоши. Черное стекло и белый мрамор.

— Бандерос? — с насмешкой спрашиваю я.

— Распространенная монгольская фамилия, — услужливо объясняет Холодильник.

В холле ресторана нас встречает… Матвей.

— Милая! Какой неожиданный образ! — Матвей распахивает руки, словно хочет меня обнять. — Просто юная гимназистка! Как давно мы с вами не виделись! Вы стали еще прекраснее.

Кошу глаза на Холодильника, чтобы увидеть его реакцию. Он улыбается другу и протягивает руку для приветствия.

— Это ресторан монгольской кухни, Матвей? — лукаво спрашиваю я, но своим вопросом Матвея не удивляю.

— Лучший из ресторанов монгольской кухни! — пафосно восклицает Матвей. — Если будет возможность сравнить, то вы в этом убедитесь!

— Чем же тебе нравится кухня Монголии? — интересуется Холодильник, когда мы садимся за маленький столик в углу большого, почти пустого зала.

— Простотой и легкостью! — дипломатично улыбаюсь я.

— Легкостью? Монгольская? — недоверчиво спрашивает Холодильник. Официант, сопровождаемый Матвеем, катит столик на колесиках, уставленный блюдами.

— Традиционная монгольская кухня аутентична и весьма оригинальна, — склоняется в поклоне Матвей. — Как ресторатор, одобряю ваш выбор.

— С-спасибо! — растерянно благодарю я, с опаской глядя на многочисленные тарелки. — Вы тоже ее любите?

— Да просто обожаю! — картинно льстит мне Матвей. — Если в двух словах, то это много жира, мало специй и ничего сырого.

Нервно икаю. Холодильник и Матвей дружно и громко смеются.

— Разыгрываете? — тут же по-детски обижаюсь я.

— Нет, — Матвей кивает официанту и передо мной ставят огромную тарелку с блюдом из крупных кусков говядины, сладкого перца, моркови и широкой лапши.

— Цуйван! — церемонно представляет Матвей. — Зеленым луком посыпать? Испуганно хлопаю ресницами.

— Почему такая порция огромная? Мне столько не съесть!

На таком количестве пищи я могла бы продержаться дня три, а то и неделю.

— Могу поменять на буузы, — услужливо предлагает Матвей, и передо мной ставят тарелку с гигантскими мантами. — Основа рецепта — жирная говядина.

— Жирная? — переспрашиваю я, не зная, что делать: смеяться или сбегать.

— Можно вместо буузов выбрать позы. Они с телятиной, — под доходчивый комментарий Матвея на столе появляется третья тарелка. На ней тоже манты, но размером поменьше.

— Хорошо, — бурчу я. — Сдаюсь. Я неудачно пошутила.

Холодильник снова смеется и, взяв мои руки, целует сначала правую, потом левую ладонь. Матвей замирает, глядя на эту картину, словно не верит своим глазам.

— Милая! Вы меня удивили! — Матвей даже прицокивает языком. — Вы сдались ему на милость?!

Его слова меня смущают и расстраивают.

— Нина никогда не сдается! — подмигивает мне Холодильник. — Поэтому и находится в осаде, долгой и изнурительной.

— А вот мои методы осады не сработали, — грустно разводит руками Матвей.

— Может, ты какое секретное слово знаешь?

— Пока только подбираю, — отвечает Холодильник Матвею. — Это так же сложно, как подобрать код к чужому банковскому сейфу.

— Счастливчик! — вздыхает Матвей и говорит мне. — Милая! Если он вас хоть раз обидит…

— Не милая! — сердится Холодильник.

— Как?! — разводит руками Матвей. — Уже не милая?! Быстро!

— Корми, скоморох! — усмехаясь, требует Холодильник.

— Мясо? Рыба? — учтиво спрашивает меня Матвей, кивком приказав официанту убирать со стола блюда монгольской кухни.

— Рыбу на гриле, пожалуйста, белую, — вежливо прошу я, чувствуя, что все- таки расслабляюсь в компании двух старых друзей.

— Прекрасный выбор, ми… Нина! — хвалит меня Матвей. — Вы попробуете мою дораду и навсегда поселитесь в моем ресторане.

— Не дождешься! — беззлобно рычит Холодильник.

— Шурка вас, наверное, уже баловал своей фирменной рыбой? Поверьте, моя дорада ничуть не хуже! — Матвей отдает распоряжение официанту.

Обед проходит весело, но слишком быстро. Подсевший за наш столик Матвей шутит, рассказывает анекдоты, подкалывает Холодильника. Александр Юрьевич отвечает лениво, не резко, чаще не реагирует вообще, практически не ест, а смотрит на меня как-то тягуче, завораживающе. Из-за этого время от времени я не могу проглотить ни кусочка, хотя дорада оказывается волшебно, божественно вкусной.

Матвей провожает нас до автомобиля и, не обращая внимания на хмуро- свирепое выражение лица друга, обнимает меня и специально громко, зловеще говорит на ухо:

— Ниночка! Это страшный человек! Я помогу вам от него избавиться! Только позовите!

— Какую руку тебе сломать? — задумчиво спрашивает Матвея Холодильник. — Сороку или ворону? Если ворону, то работать не сможешь, давай, я аккуратно сломаю тебе сороку!

— Вот! Еще и бредит! — панически горячо говорит мне Матвей, не убирая свои руки с моих плеч. — До встречи с вами он так не заговаривался.

— Обе. Я сломаю тебе обе руки, — принимает решение Холодильник и движется на Матвея.

Матвей, дурачась, прячется за мою спину.

— Нина! Вызывайте полицию!

Не могу удержаться и смеюсь, протягивая руки навстречу Холодильнику.

— Саша! Не надо ничего ломать Матвею, пожалуйста!

— Трогательно, но не убедительно! — грозно возражает мне Холодильник. — Живи, Матюша. Тебе даже не догадаться, какое слово тебя спасло!

— Я сам догадался, какое, — ворчит Матвей, выходя из-за моей спины и протягивая другу руку. Они тепло прощаются.

На обратном пути в агентство, чтобы заполнить неловкую паузу в общении, я неудачно спрашиваю Холодильника:

— Это правда, что вы хорошо готовите рыбу на гриле?

— Нет. Неправда, — негромко возражает Холодильник. — Это наглая ложь. Рыбу на гриле я готовлю не хорошо, а прекрасно, великолепно, лучше всех. Невольно улыбаюсь в ответ на эти слова и замираю с этой улыбкой под его горячим взглядом, который фокусируется на моих растянутых губах.

— Завтрашний субботний ужин докажет это лучше любых слов, — шепчет Холодильник, наклоняясь ко мне.

Резко откидываюсь назад и поспешно отвечаю:

— Замечательно! С удовольствием попробую и вашу рыбу!

— Тебя почти час ждет посетительница, — сообщает мне Димка. — Пытался узнать, чем можно помочь, но она ни в какую!

На маленьком диванчике под дверью моего кабинета сидит… Маргарита, любовница Кирилла Ивановича, актриса мюзик-холла. Невысокая изящная фигурка подчеркнута облегающим платьем винного цвета, делающим ее похожей на цыганку. Яркий макияж буквально кричит о красоте и уверенности в себе.

— Здравствуйте… Маргарита! — немного растерянно говорю я посетительнице. — Чем обязана такой…

— Чести? — хрипло смеясь, подсказывает мне Маргарита. — Вы могли бы уделить мне немного времени?

— Да. Конечно, проходите, — приглашаю я ее в свой кабинет, раздираемая любопытством.

— Вы удивлены? — прямо спрашивает Маргарита, садясь в одно из кресел и складывая ногу на ногу, обнажая стройное крепкое бедро.

— Удивлена! — честно отвечаю я, садясь напротив в позе прилежной ученицы: спина прямая, ноги согнуты в коленях и плотно прижаты друг к другу, руки лежат на подлокотниках. — Неужели вы хотите заказать нам праздник? Любопытно, какой?

— Нет! — откидываясь назад и смеясь грудным, глубоким смехом, не сочетающимся с хрупкой фигуркой, отвечает Маргарита. — Я пришла откровенно поговорить.

— О чем? — делаю вид, что не понимаю.

— Я бы сказала, о ком! — теперь Маргарита резко наклоняется вперед. — Думаю, вы догадываетесь, что о Кирилле… Кирилле Ивановиче.

— Вы хотите заказать праздник для него? — иронизирую я.

— Нет. Я хочу обезопасить свои отношения и предупредить вас, — строго говорит Маргарита.

— Маргарита… — начинаю и замолкаю.

— Марго. Мне нравится, когда меня называют Марго, — подсказывает Маргарита.

— Хорошо. Марго, — вздыхаю я. — Если вы себе что-то там придумали…

— Нет! — громко возражает Марго. — Вы не поняли! Я не думаю, что вам нужен мой Кирилл. Проблема в том, что ему нужны вы.

— Я? — теряюсь и не знаю, что сказать в ответ.

— Не в том смысле, о котором вы подумали! — хрипло смеется Марго. — Есть у него некоторые планы относительно вас.

— Вы пришли ими поделиться? — осторожно спрашиваю я.

— Я их не знаю, — ухмыляется Марго. — Просто хочу предупредить вас, что его повышенное внимание не связано с собственными матримониальными целями.

— Я это прекрасно понимаю, — теперь ухмыляюсь и я. — Даже если и было бы связано, это не имело бы никакого значения. Для меня.

— Я понимаю, — осторожно отвечает на мои слова Марго, садясь на краешек и подаваясь вперед. — Я видела вас с Александром. Вернее, видела, как Александр на вас реагирует. Тут никакой Кирилл не помешает.

— Тогда мне трудно понять смысл нашего разговора, если все и все понимают, — пожимаю я плечами, понимая не все. — Планы Кирилла Ивановича вам не знакомы. Цель вашего визита?

— Я хочу вас предупредить о том, что цели господина Кострова всегда честны и благородны, но средства, которыми он их достигает… скажем так, далеки не только от благородства, но и от некоторых фундаментальных морально-нравственных категорий, внушаемых порядочным людям с детства, — четко и жестко говорит Марго, пристально глядя мне в глаза и наблюдая за моей реакцией.

— Вы это знаете, но все равно… — пораженно начинаю я. — Все равно находитесь рядом?

— Дорогая моя! — хищно улыбается Марго, обнажив ряд мелких снежно- белых зубов и напоминая мне оскал летучей мыши, которым недавно пугал меня Димка, показывая видео из интернета. — Я прекрасно подхожу этому мужчине. Он долгие годы совершенно один, и ему нужна женщина, понимающая, принимающая его таким, каков он есть. Другим он уже не будет, но я вполне способна немного исправить то, что он сделал или делает.

— Я вас не понимаю, — честно говорю я.

— Скажите… — Марго встает и отходит к окну. — Александр Климов отказался от брака со Светланой Костровой из-за вас?

Я тоже встаю, но не двигаюсь с места.

— Я не могу этого утверждать, — глядя в спину Марго, отвечаю я.

— Разве не можете? — в голосе Марго слышится настоящий сарказм.

— Хорошо. Могу, — раздражаюсь я. — Александр Юрьевич Климов, по моему мнению и моим наблюдениям, никогда не принимает решения под чьим-то влиянием или давлением. Все его решения самостоятельны. Вряд ли именно моя скромная персона стала причиной разрыва договора Климова и Кострова. Может быть, вам стоит узнать подробности этого договора не у меня?

Марго возвращается на кресло и задиристо говорит, наблюдая за моей реакцией:

— А я знаю эти подробности. Первое: Александр получает часть бизнеса Кострова, неплохую такую часть. За такую и убить можно, не то что жениться.

Пожимаю плечами. Если Холодильник отказался от такой прибыли, значит, была серьезная причина. И что хотите со мной делайте, но я уверена, что он правильно сделал. Это страшно, когда главное чувство, которое связывает вас с женой, — это ледяное

равнодушие. Но ничего этого Марго я не говорю, и того, что я уже сказала, вполне достаточно.

Марго ничего не считывает с моего лица и заметно расстраивается. Она же не знает, что папа учил меня держать лицо с самого детства, с того дня, когда впервые посадил меня за стол играть в карты.

— И второе, — Марго просто впивается в меня острым взглядом. — Кирилл не смог добиться счастья для Машеньки теми способами, которые считал беспроигрышными. Разрыв договора обозначает, что у Маши так и не будет полноценной семьи.

Кипяток озарения ошпаривает меня с головы до ног. Она пришла не за Кирилла Ивановича бороться! Прекрасно ведь понимает, что я ей не соперница, прежде всего потому, что Кирилл Костров мне не нужен, и еще потому, что Александр Климов даже не даст проверить эту версию ни в теории, ни на практике. Она пришла выяснить, что я знаю о Маше! И отправил ее за информацией, несомненно, сам Костров.

— Не понимаю, — стряпаю я максимально растерянное лицо. — Если Машу бросила собственная мать, а отец весьма инфантилен, то как брак Александра Юрьевича и Светланы Кирилловны улучшит эту ситуацию?

— Дело в том, — осторожно начинает Марго, возвращаясь в кресло, — что у Кирилла Ивановича была еще одна договоренность с Климовым. При согласии Михаила, сына Кирилла, после регистрации брака Александр и Светлана должны были удочерить Машу. Тем более Маша так привязалась к Александру Юрьевичу…

Я помню… Шаша… Мне горько, что таким сложным обманным путем Светлана идет навстречу собственной дочери. Ловлю себя на мысли, что почти понимаю Кирилла Ивановича. Он любит внучку и дочку и хочет, чтобы у них была полноценная полная семья. Он сам загнал себя в это ловушку, когда скрыл от мира информацию о том, что Светлана родила в пятнадцать лет.

— Мне жаль Машу, — искренне говорю я Марго, не отводя взгляда. — Но это не мое решение, а Александра Юрьевича.

— Но теперь его невеста вы! — почти кричит Марго, нервно одергивая подол платья, пытаясь прикрыть колени.

— И вы предлагаете мне удочерить Машу? — горько усмехаюсь я. Мне любопытно, как Марго ответит на этот вопрос.

— Что?! Нет, конечно, нет! — брезгливо отвечает мне Марго. — Светлана хотя бы тетя девочки. — Просто Кирилл переживает, Светлана не спит уже не первую ночь… Мне показалось, Нина, что вы относитесь к ситуации, как к шутке, недоразумению…

Да. Это было очевидно всем. Даже Марго, которая видела меня один единственный раз, это почувствовала.

— Марго! Что вы от меня хотите? — добавляя интонацию завершения, спрашиваю я. — Моя личная жизнь ни вас, ни Кирилла Ивановича совершенно не касается. Если у вас есть вопросы к господину Климову, их надо задавать ему, а не мне. Прошу прощения, но если вы не надумали сделать какой-нибудь заказ, то…

Марго встает и, кивнув с достоинством, идет на выход. У двери она останавливается и говорит:

— Просто, если из невесты вы, по собственному желанию, так и не станете женой, вспомните о нашем разговоре и о том, чему вы помешали.

— А если я влюблена и мечтаю стать женой Холо… Александра Юрьевича? — не

выдерживаю я. — Если это брак по любви?

Марго грустно усмехается и перед тем, как выйти, говорит:

— Главное, чтобы вы сами в это верили.

Через полчаса неожиданно начинается сильный дождь и заставляет меня встать и подойти к окну. Все это время я просидела в кресле, реально глядя в потолок и прокручивая в голове разговор с Марго.

Почему-то быстро запотевают окна моего кабинета, и я прикладываю ладони к влажному стеклу. Потом вожу пальцем по отпечатку ладошки, приговаривая:

Сорока-ворона
Кашу варила,
Детей кормила.
Этому бала,
Этому дала,
— А ты где был?
Дров не рубил,
Печку не топил,
Кашу не варил,
Позже всех приходил.

— Хочешь туда, где надо рубить дрова. топить печь и варить кашу? — раздается голос Холодильника, и я медленно оборачиваюсь к Хозяину, стоящему в дверях моего кабинета. В его глазах плещется волнение и еще какая-то эмоция, которую я не могу распознать. Мой идентификатор сломался, и я не хочу его чинить.

— Есть такое место? — спрашиваю я.

— И оно тебе обязательно понравится, — уверяет меня Холодильник, делая шаг ко мне и провоцируя мои мурашки.

— Прошу прощения, Александр Юрьевич! — после тихого стука в кабинет заходит Римма Викторовна. — Только что был звонок от Кристины Олеговны. Она подъедет через полчаса, максимум минут через сорок, и просила передать, что ваша договоренность остается в силе.

Глава 40. Теория "восточного экспресса"

Я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов, — вот что я называю жизнью.

Михаил Лермонтов "Герой нашего времени"

— Все в порядке? — спрашивает меня Холодильник, стремительно сокращая расстояние между нами. — Марго тебя не обидела?

— Нет. Не обидела, — откровенно говорю я. — Натолкнула на пару мыслей…

— Можно узнать, на какие? — Холодильник берет меня за локти и слегка притягивает к себе.

— Она хотела выяснить, что я знаю про Машу, — рассказываю я, уставившись на узел его серого галстука. — И сообщила, что вы… ты со Светланой должны были удочерить девочку.

— Да, — мягко говорит Холодильник, сокращая расстояние между нами еще на пару сантиметров. — В просьбе Кострова и его дочери я сначала увидел только горячее желание помочь одинокому ребенку, отец которого не в состоянии позаботиться даже о самом себе.

— Маша знает, что ты мог бы стать ее отцом? — нервно спрашиваю я, последними усилиями не давая себя обнять.

— Я с ребенком об этом не говорил. Не думаю, что и Костровы это сделали. Они любят Машу, — Холодильник, наконец, подавляет мое тихое сопротивление и прижимает к своей груди.

Размеренно, сильно бьется его сердце. Мое же колотится быстро-быстро, больно стучит о ребра. Несколько минут Холодильник меня не отпускает и ничего не говорит. Мое сердце постепенно замедляет бег, и его биение синхронизируется с сердечным ритмом Холодильника. И это удивительно, потому что сразу меня накрывает пологом спокойствия и абсолютной тишины.

Одна теплая мужская рука перемещается на мой затылок, другая на шею. Холодильник отрывает мое лицо от своей груди и целует меня в губы, сначала легко, как-то лепестково (вот! уже слова изобретаю), потом все сильнее и глубже. И вот уже ничего в этом мире больше не существует, только его и мои губы. Я позволяю себя целовать без сопротивления. Меня начинает потряхивать от какого-то несовершенства происходящего, оно похоже на блюдо для гурмана, в которое забыли добавить очень важный ингредиент. Проблему понимаю, чувствую, но сформулировать не могу. И вдруг это делает Холодильник, который перестает меня целовать и говорит:

— Ты ни разу не ответила ни на один мой поцелуй. Почему? Я не чувствую, что они тебе неприятны. Или я ошибаюсь?

Делаю глубокий вздох и прямо отвечаю на вызов:

— Я эмоционально отстаю от событий. Катастрофически отстаю. Не торопи меня, Саша!

Холодильник непроизвольно улыбается, слыша свое имя, и вдруг гладит меня по голове,

как маленькую девочку, нуждающуюся в утешении:

— Ты лишена притворства или великий мастер скрывать свои эмоции? Не могу понять. Меня бросает от одной версии к другой.

Пожимаю плечами, чистосердечно отвечая на второй вызов:

— Я не знаю. Сама не знаю. Прости…

Холодильник на секунду дает мне увидеть в своих глазах разочарование, потом прячет его, заменяя чем-то теплым, участливым.

— Пойдем в мой кабинет, я тебе что-то покажу.

Он берет меня за руку и ведет к себе. В кабинете Холодильника накрыт чайный столик на двоих.

— Ты не стала есть десерт в ресторане Матвея, — лукаво напоминает мне Холодильник. — Павел Денисович очень обрадовался этому и приготовил для нас полдник.

— Ты уверен, что это на двоих? — пораженно спрашиваю я, распахнув глаза и открыв рот.

— Павел Денисович сказал, что это Ниночке и вам, Александр Юрьевич, — дурачится Холодильник. — Разве это много? Банановое парфе, мандариновая панна-котта, лимонный кекс, японское рисовое мороженое. И я забыл, как называется это…

Холодильник показывает на овальное блюдо. на котором на кремово-белой пирамиде лежит горстка свежей малины.

— Это итальянский десерт «Семифредо». Здесь только сливки, яйца, сахар, ваниль и малина, — смеюсь я. — Раньше это был мой любимый десерт.

— Раньше? — поднимает брови Холодильник, зеркаля мою улыбку.

— Пока Павел Денисович не угостил меня тортом "Нина". Он изобрел его прошлым летом на мое двадцатипятилетие, — весело объясняю я, садясь за столик. — За него я готова на многое.

— Правда? — хрипло спрашивает Холодильник. — Я заставлю его печь этот торт каждый день — у меня есть несколько несбыточных желаний.

— Неа! — хихикаю я, отправляя в рот ложечку итальянского десерта. — Это так не работает. Торт можно печь только на мой день рождения. Павел Денисович поклялся на "Книге о вкусной и здоровой пище" издания Наркомпищепрома 1939 года.

— Жаль… — тянет Александр Юрьевич, пробуя лимонный кекс. — Придется всего добиваться самому.

Краснею и поспешно переключаюсь на мороженое.

— Зачем столько? Нам и за три дня столько не съесть! — сетую я, чтобы хоть что-то сказать.

— Значит, не будем выходить отсюда все три дня, — шепчет Холодильник, окончательно меня смущая.

— Александр Юрьевич! К вам поднимается Кристина Олеговна, — постучавшись и чуть приоткрыв дверь, деликатно сообщает Римма Викторовна.

Поспешно поднимаюсь:

— Я пойду работать к себе.

— Подожди! — Холодильник берет меня за руку. — Не хочется пересказывать, вдруг что-нибудь забуду или перепутаю.

Александр Юрьевич тянет меня к плотной портьере шоколадного цвета, закрывающей большие окна его кабинета.

— Побудь здесь, пожалуйста!

— Я не хочу! — отчаянно сопротивляюсь я. — Это некрасиво!

— Это нормально, — шепчет Холодильник, все-таки запихивая меня за портьеру. — Кристина и некрасиво — слова синонимы!

Чувствую себя маленькой девочкой, спрятавшейся от Карповых в их большой квартире и играющей с ними в прятки, пока кто-нибудь их них не сдастся и не попросит меня выйти из укрытия.

— Здравствуй, Саша! — бодрый голос Кристины заставляет меня вздрогнуть.

— О! Ты подготовился к нашей встрече? Какая прелесть!

— Привет, Кристина! Это десертный стол для моей невесты Нины. Мы с ней пили чай. Так что это не для тебя, — насмешливый тон Холодильника радует меня и злит Кристину.

— Грубо! Твое отношение ко мне не повод нарушать элементарные требования этикета! — раздраженно говорит Кристина. — Предложишь присесть?

— Прошу! — я слышу звук отодвигаемого стула и понимаю, что Холодильник посадил Кристину не за наш чайный столик, а за большой рабочий стол. — Чем обязан встрече, о которой не просил, матушка?

— Прекрати! Твоя ревность совершенно не уместна! — наигранно кокетничает Кристина.

— Ревность? — иронизирует Холодильник, и я слышу звук его шагов и скрип кресла. Значит, он сел за свой стол подальше от жены отца. — Я бы назвал это почтением к статусу, а не ревностью.

— Никогда не поверю в твое почтение! — огрызается Кристина.

— И правильно сделаешь! — одобряет ее слова Холодильник. — Так чем обязан? И что это за дурацкие слова Римме Викторовне о некой договоренности?

— Почему дурацкие? — обиженно спрашивает Кристина. — Я договаривалась с тобой поговорить о наших проблемах наедине и как можно скорее.

— Но я с тобой не договаривался, — лениво, но твердо отвечает Холодильник. — У меня нет никаких проблем, связанных с тобой.

— Неправда! — крик Кристины сопровождается скрипом быстро отодвигаемого стула. Видимо, вскочила. — Мы плохо расстались, Саша. И ты не дал мне объясниться.

— Это совершенно лишнее и сейчас. У меня к тебе нет никаких вопросов, — голос Холодильника ровен и спокоен.

— Зато у меня есть ответы! — нервничает Кристина. Слышны ее торопливые шаги, наверное, мечется по кабинету перед большим столом Холодильника. — Ты поверил Матвею, а не мне! Он соблазнил меня, воспользовался моей растерянностью и слабостью!

— Не смеши меня! — стальной голос Холодильника резко прерывает поток слов. — И прекрати врать, противно.

— Я не вру! — почти визжит Кристина. — С больной головы на здоровую! Это ты обманул Светлану! Обещал жениться, ребенка удочерить — и обманул.

— Я. Никому. Ничего. Не обещал, — делит предложение на отдельные слова по-прежнему спокойный Холодильник. — Все договоренности были с Костровым, а не с его дочерью. И я бы их выполнил, если бы не два непреодолимых обстоятельства.

— Это интересно какие?! — Кристина больше не кричит и не визжит, но тяжело дышит, словно злость и бессилие от раздражения мешают ей говорить. — Я могу узнать?

— Конечно, — так и представляю себе, как усмехается Холодильник. — Нет ничего

проще. Первое — они меня обманули. Второе — я полюбил другую женщину.

Мои колени начинают дрожать мелко-мелко, и ноги практически перестают удерживать в вертикальном положении, того и гляди, плюхнусь на пол.

В кабинете стоит почти абсолютная тишина. я различаю только три звука: тяжелое дыхание Кристины, стук собственных зубов и чудовищный скрип паркета, раздающийся, когда я переношу вес тела с одной ноги на другую.

— Как они тебя обманули? — выдает первые слова Кристина.

— Спроси у них сама, — равнодушно отвечает Холодильник. — Мне теперь нет до этого никакого дела.

— Ты поступаешь крайне глупо! — змеей шипит Кристина.

— Матушка! — повторяет издевку Холодильник. — Мне помнится, ты была категорически против моей свадьбы со Светланой Костровой?

Слышу звуки какой-то невидимой, а значит, непонятной мне возни и медово-ласковый голос Кристины:

— Сашенька! Я просто ревновала, места себе не находила. Считала, что Светлана тебе не пара. Но эта твоя… Нина! Ой! — взвизгивает Кристина. — Пусти! Больно!

Очень хочется увидеть, что происходит в кабинете, но я не могу двигать портьеру.

— Я запрещаю тебе даже имя ее произносить! — ледяной тон Холодильника обдает волной холодной ярости и меня. — Тебя не касаются мои отношения ни с кем!

— Хорошо! — снова взвизгивает Кристина. — Я просто хотела сказать тебе, что я тебя жду и буду ждать.

— Любопытно! И где же? — Холодильник искренне смеется. — Неужели в постели?

— Не притворяйся, что не понимаешь меня! — сила настойчивости Кристины утраивается. — Я вышла за твоего отца, чтобы…

— Быть рядом со мной? — презрение Холодильника к Кристине материально осязаемо. — Я помню, что ты мне тогда говорила. Мне кажется, я уже ответил на это предложение.

— Это был единственный способ! — в тоне Кристины появляются умоляющие нотки. — Ты не слушал меня, не давал и слова сказать, отказывался встречаться…

— Тебе не кажется, что выйти замуж за отца — весьма странный, даже извращенный способ приблизиться к его сыну? — теперь презрением Холодильника можно намазывать бутерброды. — Я никогда не был очень близок со своим отцом, но даже ему я не пожелаю такого брака, который он уже заключил.

— Я уважаю твоего отца! — продолжает настаивать Кристина. — И люблю… по-своему… Но я говорю о другом! О страсти, о том, как хорошо нам с тобой было…

— Хватит! — по раздающимся звукам я понимаю, что Холодильник резко встает. — У тебя потрясающая способность слышать только то, что тебе хочется! Мне безразлична твоя жизнь и судьба. Я свою нашел. Ты все слышала в официальном объявлении, когда сделала вид, что не понимаешь, почему оно было публичным при таком большом количестве свидетелей. Все ты поняла!

— Да кто она такая! — возмущается Кристина. — Ты лжешь! Ты все это придумал, чтобы отомстить мне за измену, за мое поспешное решение стать женой твоего отца! Подумай хотя бы об этой девушке! Ты сознательно обманываешь ее, используя в своих целях!

— В каких? — спокойно спрашивает Холодильник, но я слышу далекие отголоски животной ярости в его голосе.

Неужели Кристина не понимает, что сейчас будет взрыв? Или это я научилась по малейшим интонациям считывать настроение Холодильника?

— Ты не хотел жениться на Светлане, — язвительно говорит Кристина. — Тебе не нужна бедная чужая девочка Маша. Ты хочешь заполучить в постель эту красивую трогательную дурочку! На такой хлипкой основе такие мужчины, как ты, не строят семьи!

— Уходи, — безэмоционально требует Холодильник.

— Подожди! Я еще не все сказала! — сопротивляется Кристина.

— У тебя пара секунд, — мрачно и низко рычит Холодильник. — Моей непорядочности хватит и на то, чтобы выбросить тебя из кабинета за шкирку.

— Слепой глупец! — выплевывает на прощание Кристина и уходит, хлопнув дверью.

В эту же секунду я принимаю решение сесть на пол, но осуществить его не успеваю. Портьера отбрасывается, сильные руки обнимают меня и подхватывают, отрывая от паркета. Через пару секунд Холодильник садится на диван со мной на коленях.

— Пусти! — прошу я, упираясь руками в его каменную грудь.

— Нет! — качает он головой. — Пока не пойму, что ты там надумала.

— Ничего я не надумала! — говорю я совершенно бесхитростно. — Если ты переживаешь, что я поверю словам Кристины…

— Переживаю! — перебивает меня Холодильник. — Женщины — существа нелогичные и эмоциональные.

— Я не дурочка! — ворчу я, прекратив вырываться.

— Нет, — рисует губами на моей шее Холодильник. — Не дурочка! Но Кристина права…

Дергаюсь в его руках, но безрезультатно. Холодильник ласково смеется:

— Разве ты не красивая и не трогательная?

— Трогательная от слова трогать? — спрашиваю я, с усилием разжимая его руки.

Холодильник снова смеется и вдруг шепчет, обхватив мою голову горячими ладонями и приблизив губы к моему уху:

— Мне очень хочется тебя трогать. Правда. Я уже на луну вою, как оборотень. И ночь ненавижу. Понимаешь за что?

Я понимаю. Но переварить эту информацию быстро не могу. Мне еще от "я полюбил другую женщину" как-то отойти надо…

— Отпусти! — прошу я, встречаясь глазами с Холодильником. Они обволакивают меня теплым гречишным медом, в них отражается сожаление, но он меня отпускает.

— Где будем ужинать? — спрашивает меня Холодильник, когда я уже берусь за ручку двери.

Со вздохом поворачиваюсь к нему, стоящему возле дивана, и снова прошу:

— Давай встретимся завтра! Я хочу поужинать в одиночестве. Мне это очень нужно.

— Хорошо, — отвечает Холодильник, на секунду прикрыв глаза. — До завтра!

— Роллы "Филадельфия", "Калифорния", "Бонито" и "Мозика", — перечисляет Костик, доставая из пакета наш ужин.

Мы собрались на моей кухне нашей четверкой, чтобы вспомнить наши традиционные пятницы и обсудить ситуацию с фальшивым дневником.

— Нинка — невеста Холодильника! — подначивает меня Димка. — А женой станешь, кем будешь? Морозилкой?

Бросаю в Димку кухонное полотенце, но он ловко уворачивается.

— Ты перенесла помолвку? — Ленка берет палочками ролл и макает его в соевый соус.

— Нет еще. — теряюсь я. — Столько событий! Я про нее уже забыла!

— Ты забыла. а Павла Борисовна нет! — жалуется Димка. — Меня назначили руководителем проекта. Так что, старуха, от меня зависит твой праздник!

— Не торопись! — устало прошу я. — Помолвку я точно либо перенесу, либо отменю.

— Почему? — давится рисом Ленка. — В отказ идешь?

— Помолвка ничего не решает. — объясняю я друзьям. — Событие больше светское, чем семейное. Соглашусь на нее — так и до свадьбы недалеко.

— А свадьбы не будет? — уточняет Костик. — Точно?

— Скорее нет, чем да, — киваю я. — По крайней мере, в скором времени. Я не успеваю за бешеным темпом Холодильника.

— Знаешь, Нинка, — бубнит с полным ртом Димка. — Я бы на месте Хозяина тоже торопился тебя заарканить.

— Согласен с предыдущим оратором! — встревает в разговор Костик.

— Можно узнать причину? — не верю я свои ушам.

— Во-первых, могут увести конкуренты, — смешит меня Димка. — Во-вторых, сил терпеть у него немного. Ну, сама понимаешь, что терпеть.

— В-третьих, — подхватывает ухмыляющийся Костик, — третьи силы все время вмешиваются и могут помешать двум любящим сердцам соединиться.

— Кстати! О третьих силах! — напоминает всем Ленка. — Что у кого по автору дневника?

— Да каждый мог! — горячусь я. — Я тут почти со всеми пообщалась… Они меня все "нежно любят"…

— Кто фаворит? — интересуется у меня Димка. — Светлана или ее отец?

— Нет! Это точно Кристина! — спорит Ленка, воруя последний ролл "Калифорния" у Димки. — Эта стерва может преподавать стервозное дело у молодых стервочек.

Улыбаюсь Ленке, которая более информирована, поскольку ей я уже выложила историю слепого прослушивания Кристины в кабинете Холодильника, пока мальчики спускались в холл к курьеру.

— Ну и про Генку с Сальмонеллой забывать нельзя. С Сальмонеллы и надо было начинать. Выкрадывать ее, пытать, запугивать, чтобы все выложила! — кровожадничает Ленка.

— Слишком много вводных! — наставляет нас Костик. — Надо сокращаться.

— Слушайте! — осеняет меня. — А если не надо сокращаться?

— В каком смысле? — теряется Ленка. — Не понимаю.

— Вы у Агаты Кристи "Убийство в восточном экспрессе" читали? Может, фильм смотрели? — возбуждаюсь я от невероятной догадки.

— Я читал, — сообщает Димка, борясь с Ленкой за следующий ролл.

— Я смотрел. Причем несколько экранизаций, — смеется над Ленкой и Димкой Костик и снимает их борьбу на телефон.

— Не в курсе! — говорит Ленка. — В чем фишка?

— О! Там крутая фишка! — воодушевляюсь я. — В поезде убит человек. Показания подозреваемых подкрепляют друг друга. У всех алиби. Знаменитый детектив Пуаро делает вывод: в преступлении замешаны все. Все они были знакомы, любили некую погибшую малышку, и все были потрясены ее ужасной смертью. Договорившись, они приговорили

похитителя ребенка к смерти, и каждый из них нанес ему удар ножом. Всего дюжина ударов.

— Жесть! — восклицает Ленка. — Я тебя правильно поняла? Они все: и Генка, и Сальмонелла, и Костровы, и Кристина — в сговоре?

— Нет… Конечно, и ты, и Холодильник — ценные призы, но не до такой же степени… — сомневается Димка.

— Согласен с предыдущим оратором! — сомневается и Костик.

Я, озвучив свою невероятную версию, тоже начинаю сомневаться. Да… Звучит нелепо…

— Хотя… — размышляет Ленка. — Костик! Какой уставной капитал у холдинга Холодильника?

Пальцы Костика быстро бегают по клавиатуре планшета. Через пару минут он разворачивает экран к нам.

— Костик! — стонет Ленка. — Срочно сфоткай нас всех вместе в обнимку! Потом замаемся доказывать, что с этой козой были лучшими друзьями.

— Чего сразу с козой-то? — возмущаюсь я.

— Ты нули считать умеешь? Разряды и классы чисел различаешь? — продолжает стонать Ленка.

— Различаю с начальной школы! — гордо сообщаю я. — Ты намекаешь на то, что я теперь богатая невеста?

— Почему намекаю? — удивляется подруга. — Не намекаю — прямо говорю!

— Меняю свои показания! — торжественно заявляет Димка. — Сговор врагов возможен!

— Согласен с предыдущим оратором! — смеется Костик.

В первом часу ночи я еще не сплю и ворочаюсь в постели как вошь на сковородке. В голове навязчиво крутятся строчки:

Хочу, чтоб ты меня забыл,
Молюсь об этом, как о чуде.
Тогда мне не хватило сил,
Сказать тебе, что "нас" не будет… *

На прикроватной тумбочке загорается экран телефона. Холодильник.

— Да? — хрипло спрашиваю я.

— Ты не спишь? — нелогично спрашивает Холодильник.

— Уже нет, — отвечаю я.

— Я разбудил тебя? Прости! — но в голосе Холодильника я не слышу раскаяния.

— Ты почему не спишь? — спрашиваю я, не зная, что сказать.

— Я рассказывал тебе сегодня, что плохо сплю и почему плохо сплю, — соблазняющим тоном отвечает Холодильник. — А поскольку ты в этом виновата, то я решил тебя разбудить.

— Если честно, то я не спала, — признаюсь я.

— Почему? — интересуется Холодильник. — Твои друзья разошлись больше двух часов назад.

— Ты следишь за мной? — вздыхая, констатирую я.

— Охраняю, — возражает Холодильник. — Это другое.

— От чего? От кого? — смеюсь я. — Кому я нужна?

— Мне. Очень нужна, — говорит Холодильник, и я внезапно чувствую его горячее

дыхание на своей щеке, к которой прижат телефон. Чертовщина какая-то!

— Допустим… — допускаю я. — Ты меня совсем не знаешь. Помнится, ты утверждал, что в радиусе километра вокруг меня не выживет ни один мужчина.

— Конечно, не выживет! Я не позволю! — хрипло смеется Холодильник.

— Не заговаривай мне зубы! — тоже смеюсь я. — Ты имел в виду совершенно другую причину!

Холодильник замолкает ненадолго, а потом говорит:

— Тебе и мне нужно выспаться. Завтра мы едем далеко.

— Куда? — пугаюсь я, вспомнив про Париж.

— Туда, где надо рубить дрова, топить печь и варить кашу, — шепчет Холодильник. — Будь готова к двенадцати. Хватит времени выспаться?

— Хватит… — теряюсь я. — А если едем далеко, то почему так поздно выезжаем? Давай пораньше, чтобы успеть вернуться.

— Мы не будем возвращаться завтра, — осторожно говорит Холодильник. — Мы останемся там ночевать.

** Стихотворение Жюли Верс*

Глава 41. mein Leben

Если вы любите, а вас нет — отпустите. Если вас любят, а вы нет — оцените и присмотритесь.

Если любовь взаимна — боритесь.

Ошо

Холодильник за рулем, я на заднем сидении. Машины охраны не вижу вообще.

— Мы едем без охраны? — недоверчиво спрашиваю я.

— Тебе меня недостаточно? — улыбается Холодильник своей волшебной улыбкой и снова вводит меня в состояние эйфории.

Мы в пути почти час, каждый раз, встречаясь со мной взглядом в зеркале, Холодильник улыбается. Мои мурашки давно сдались, смертельно устали бегать по моему сжавшемуся, закомплексованному телу и валяются, высунув язык и надеясь на отдых.

— Ты так и не скажешь, куда мы едем? — третий раз повторяю я свой главный вопрос.

— Тебе понравится, — в третий раз обещает мне Холодильник, но не торопится ничего уточнять.

Замолкаю и снова впадаю в счастливое анабиозное состояние: налицо передозировка улыбками Холодильника.

Еще через полчаса мы въезжаем в небольшой поселок, расположенный на берегу огромного то ли озера, то ли пруда. Добротные деревенские дома чередуются с огромными коттеджами из стекла и бетона, но смотрится это весьма органично. Смотрю в окно и играю, как в детстве, выбираю самый большой и самый красивый коттедж. Но автомобиль Холодильника останавливается практически на краю поселка, возле большого двухэтажного бревенчатого дома, похожего на терем из русских сказок. Огромные распашные деревянные ворота открывает высокий старик, похожий на деда Мороза без шубы и волшебного посоха. Густые кудрявые волосы, черные от природы, выбелены сединой, как посыпаны снегом. Аккуратная небольшая борода и густые усы, черные у корней и белоснежные по всей длине. Еще мужчина неуловимо похож на кого-то, кого я точно знаю, но не понимаю, на кого.

Холодильник паркуется на широком дворе и помогает мне выйти из машины. Усы фактурного старика подергиваются, выдавая улыбку:

— Добрый день! Как дорога?

— Здравствуйте. Спасибо. Хорошо, — отвечаю я, во все глаза его разглядывая. Мужчина одет в камуфляжный костюм и внешним видом напоминает кого-то вроде лесника, егеря.

— Александр Юрьевич! — представляет мне старика мой Александр Юрьевич.

— Дед! Это Нина Сергеевна Симонова-Райская! Твоя и моя гостья, — Холодильник по-хозяйски берет меня за талию и слегка подталкивает к хозяину дома.

Дед? Конечно! Высокая сухожавая фигура мужчины напоминает мне телосложение Юрия Александровича, а умные карие глаза — глаза Холодильника.

— Вижу, что Райская, — задумчиво говорит дед Холодильника, глядя мне прямо в глаза. — Добро пожаловать в мой дом! Он любит гостей, но бывают они здесь редко.

— Не ворчи, — ворчит Холодильник, отпуская меня и крепко обнимая деда. — Как смог, сразу приехал.

— Вижу! — похлопывая внука по широкому плечу, отвечает мужчина. — И все самое ценное с собой вывез?

Я краснею и начинаю смотреть себе под ноги.

— Не смущайтесь, Нина! Просто вы первая женщина, кроме матери Саши, кто побывает в этом доме. Логично предположить, что это не просто так. У меня был вопрос к внуку, почему вас зовут не Светлана, но он отпал сам собой.

— Отпал? — автоматически переспрашиваю я.

— Конечно! Вы Райская, а значит, в нашей жизни существует провидение! — смеется дед.

— Провидение? — Холодильник успевает спросить раньше меня.

— Целесообразное действие Бога во благо? — уточняю я высокое значение слова.

— Нина — культуролог, — почему-то с гордостью говорит деду Холодильник.

— Ум к красоте — редкое сочетание, — замечает дед. — Встречал за жизнь пару раз. Прошу, проходите!

Холодильник берет меня за руку и ведет в дом. Весь первый этаж — это огромная комната с большой кирпичной печью. с крепкой деревянной мебелью. Кроме печи, взгляд выхватывает настоящий сундук. Все скромно и стилизовано под деревенский дом.

— Вы не дед Мороз? — вырывается у меня, и я краснею.

— Нет, девочка! Но если бы у меня была такая Снегурочка… — хитрые карие глаза, так похожие на глаза Холодильника, осматривают меня с пристрастием и симпатией.

— Дед! Не увлекайся! — предостерегающе говорит Холодильник, закрывая меня собой.

— Даже так?! — восторженно восклицает дед и еще раз удивленно смотрит на меня, словно до этого плохо рассмотрел.

— Ты себе не представляешь, как! — усмехается Холодильник и тянет меня к лестнице.

Второй этаж представляет из себя широкий коридор с несколькими дверями. Холодильник ведет меня к самой дальней.

— Эта комната была маминой. Раньше. Теперь твоя.

— Моя? — пугаюсь я по-настоящему. — Мне не нужна комната в доме твоего деда!

— Аллилуйя! — Холодильник поднимает вверх руки в сакральном жесте язычников. — Значит, ты со мной в моей комнате? Даже мечтать не смел!

— Нет! — начинаю объяснять я. — Я имела в виду… Неважно. Спасибо. Очень уютная комната.

В комнате стоит широкая и высокая кровать, заправленная белым бельем с милым мелким рисунком, комод с тремя выдвижными ящиками и даже туалетный столик.

— Располагайся и спускайся вниз. Через час буду кормить тебя обедом. Холодильник целует меня в лоб, оставляет у порога мою спортивную сумку и уходит. Подхожу к окну и смотрю на большой яблоневый сад, оказывается, расположенный с другой стороны дома. Часть яблонь уже от цвета, остальные еще цветут, и дурманящий аромат плывет неспешно в открытое окно. Непрерывное гудение пчел, атакующих яблони, действует на меня как аутотренинг.

Я ложусь на кровать, смотрю в потолок и не знаю, что мне теперь делать. Холодильник настроен очень серьезно, а я до сих пор не могу понять, что мне надо… Да. Не буду врать самой себе. Этот мужчина не может не нравиться.

Красив, силен, богат и… добр. По крайней мере, ко мне. Я ему нравлюсь, по его словам, даже больше, чем нравлюсь. Страсть его я ощущаю каждым волоском на теле, каждой клеточкой кожи, каждой мурашкой. И тело мое все отчетливее и сильнее откликается на эту мужскую страсть, похожую на природную стихию. Я ничего о нем больше не знаю. Да —

умен. Да — ревнив. Да — способен быть чудовищно нежным. Что он читает? Как любит проводить свободное время? Что презирает и что ненавидит? Насколько он может быть уверен в том, что я не подведу его в той жизни, которой привыкла жить его семья? И воообще… собирается ли он меня в нее вводить или будет держать взаперти, например, в этом далеком от города доме?

Завалив и раздавив себя вопросами без ответа, я засыпаю. Мне снится Кристина, которая поит меня чаем и угощает пирожными, уговаривая выйти замуж за Генку. Генка тоже здесь, прячется в темном углу и боится из него выйти. Его закрывает своим крупным телом Сальмонелла. Она смотрит на меня как Кабаниха из пьесы Островского "Гроза": грозно, уничижительно для меня и величественно для себя.

— Кристина, помоги нам ее связать и спрятать в чулан! — просит Сальмонелла Кристину.

Просыпаюсь внезапно и резко. Сажусь на кровати и еще несколько минут прихожу в себя. Потом нахожу ванную комнату прямо напротив своей. Она оборудована современно, но скромно. Умываюсь холодной водой — и мне становится легче. Решаю не переодеваться: на мне джинсы и белая водолазка. Тихонько, стараясь не топать, спускаюсь по лестнице и замираю, услышав мужские голоса:

— Чего тянешь? Таких женщин берут сразу и навсегда, — это дед.

— Я достаточно напугал ее своим напором, чтобы сейчас все портить неразумной поспешностью, — это внук.

— Упустишь. Сбежит Песком сквозь пальцы уйдет, — пророчествует дед. — Она тебя боится и стесняется.

— Вот поэтому и не тороплю, — устало, но вежливо отвечает деду внук.

— Глупости! — ворчит дед. — Отрезай ей все пути к отступлению. Привязывай постелью.

— Дед! — грозный окрик Холодильника. — Побойся бога! Ты же старый человек! Что ты говоришь?!

— Я дело говорю! — эмоционально и так же резко отвечает дед. — Пока ты ее к себе приручать будешь, она сбежит. Вот увидишь, что сбежит! Давай я к Ильичу ночевать пойду. Он меня в свою баню зовет. И заночую у него.

— Зачем? — металлический привкус появляется в голосе Холодильника.

— Как зачем? Все двери перекроешь — и вперед! А там уж от твоего мастерства все зависит! — ехидничает дед.

— Слушай, — обманчиво ласково начинает говорить Холодильник. — Тебе деда Саша лет пятьдесят морду не бил никто? Решил от собственного внука получить?

Дед, не понятно мне почему, начинает громко и весело смеяться. Под этот смех я на цыпочках возвращаюсь на один пролет назад, а потом начинаю спускаться еще раз, специально топая.

— Нина! — радуется старший Александр Юрьевич. — Мы разбудили вас своими криками?

— Нет, — честно говорю я и тут же вру. — Меня разбудили пчелы.

— Тебя укусила пчела? — Холодильник быстро подходит ко мне и хватает меня за плечи. — Куда?

— Они разбудили меня жужжанием, — объясняю я, освобождаясь от рук Холодильника.

Дед внимательно смотрит на нас и ухмыляется.

— Да. В саду много пчел! Вы знаете, как называется наш поселок? Сашка вам сказал?

— Нет, — прохожу к столу и сажусь на стул рядом с дедом.

— Антей! — радостно сообщает старший Александр Юрьевич. — Наш поселок назван в честь сорта яблок "Антей".

— Интересно… — вяло соглашаюсь я, чувствуя растерянность и вынашивая план побега.

— Мы пойдем с вами в мой яблоневый сад, и я все вам покажу! — приподнимается дед.

— Дед! — окликает Холодильник. — Сначала мы пообедаем. У меня все готово.

— Сашка умеет готовить. И неплохо! — доверительно сообщает мне дед и подмигивает. — Ни у меня, ни у моего сына таких способностей нет!

Только после этих слов я вдруг задумываюсь над тем, что добрый наш Юрий Александрович — сын этого самого деда, и мне становится весело. Я даже улыбаюсь деду и Холодильнику.

Холодильник ставит передо мной тарелку борща, горячего, бордово- красного, наваристого. Аккуратно дую на первую ложку, пробую и восклицаю:

— Ни за что не поверю, что это ты варил суп!

— Потому что вкусный? — Холодильник делает вид, что обиделся.

— Потому что борщ и ты никак не сочетаетесь в моем воображении, — смеюсь я и, смакуя каждую ложку, наслаждаюсь супом.

— Я счастлив, что мой образ живет в вашем воображении, и черт с ней, вашей верой в мои кулинарные способности! — дарит мне новую улыбку Холодильник, и она уже лишняя, она не входит в меня, переполненную эмоциями, глупыми ожиданиями и надуманными страхами.

Доесть тарелку борща до конца я не могу, поэтому кладу ложку и искренне благодарю хозяев:

— Очень вкусно! Спасибо! Но все… Больше не войдет…

— Прогуляемся? — осторожно спрашивает Холодильник, убирая мою тарелку.

— Нет уж! — решительно отвечает за меня дед. — Я первый пригласил в сад. А ты пока посуду помой, внучок!

Внучок хмуро смотрит на деда, но не спорит.

— Это сорт "Весна", раннелетний, созревает раньше белого налива, — начинает свою экскурсию дед, крепко держа меня под руку. — Кругленькие такие яблочки, совсем небольшие, бело-желтые с румяным бочком.

Мы медленно идем по саду, постепенно я увлекаюсь рассказом и наполняюсь энергией этого удивительного человека.

— Вот! Королева Мелба! — торжественно представляет мне другой сорт экскурсовод. — Плоды можно хранить до января, но в Сашкино детство до зимы они никогда не доживали.

— Саша проводил здесь детство? — осторожно спрашиваю я.

— Лет до пятнадцати, — грустно улыбается мне Александр Юрьевич. — Потом все реже и реже.

Мы еще долго гуляем по саду. Дед Холодильника рассказывает мне о каждом яблоневом сорте, его достоинствах и недостатках. На ранних сортах уже завязи, более поздние красиво цветут, омузыкаленные пчелиным жужжанием.

Перед тем, как войти в дом, дед вдруг берет меня за руку и шепотом спрашивает:

— Вы добровольно согласились стать Сашкиной невестой?

— А что? — неловко улыбаюсь я. — Он обычно пытками их принуждает?

— Не знаю… — ласково смотрят на меня глаза, так похожие на глаза Холодильника, и мужчина снова шепчет. — Я их никогда не видел. Вы первая… кого он ко мне привез.

— И как я вам? — неожиданно вырывается у меня вопрос, и я даже замираю от шока. Неужели я сказала это вслух? Видимо, да, потому что дед подмигивает мне и хитро отвечает:

— Красивая и умная. Сашке повезло.

— Спасибо, но как же вы мой ум разглядели? — иронизирую я и недоверчиво качаю головой. — Мне кажется, что я еще ничего умного не сказала.

— Секрет в том, что вы не сказали ничего глупого, — смеется дед, открывая дверь и пропуская меня вперед.

Только заношу ногу, чтобы переступить порог, как дед прижимает меня к себе и говорит на ухо:

— Возьми ключи от моей машины и уезжай!

— Я не умею водить машину! — отвечаю я вместо "почему".

— Видит бог, я сделал все, что мог! — закатив глаза, говорит дед, и мы заходим в дом.

— Нагулялись? — по-детски обиженно спрашивает Холодильник.

— И погуляли, и поговорили, — сообщает внуку довольнехонький дед. — Откровенно так поговорили. И что выяснилось? Нина тебя не любит и замуж за тебя не пойдет!

Холодильник, при нашем появлении вставший с дивана и отправившийся нам навстречу, останавливается на полпути, впившись в меня пораженным взглядом. Я вообще стою с некрасиво открытым ртом и красными щеками. Дед же откидывает голову назад и начинает громко хохотать, показывая, как он доволен своей шуткой.

— Назвать бы тебя старым маразматиком, да боюсь зубов недосчитаться! — мгновенно успокоившись, говорит Холодильник, подходя ко мне, беря меня за руку и усаживая за стол.

— Правильно боишься! — хвалит внука дед. — Мы чай сегодня пить будем? А то мне к Ильичу в баньку скоро.

— К Ильичу ты можешь сходить, когда мы с Ниной уедем, — твердо прерывает деда Холодильник.

— Я рад, что вы приехали, но менять свои планы из-за вас не намерен, — лукаво улыбается дед и подмигивает нам обоим. — А план у меня простой: Ильич, банька, водочка холодная для дезинфекции и душевный разговор. У Ильича и заночую.

— У тебя своя баня есть. Затопи для меня. Ильича своего позови к нам, — предлагает Холодильник с просительными, почти умоляющими нотками в голосе.

— Вот еще! — фыркает дед. — У меня мы парились последние два раза! Теперь его очередь и его водка!

— Я куплю тебе водки! — обещает Холодильник. — Сколько? Ящик? Два?

— Нет уж! Это дело принципа! — возмущается дед. — И банька должна быть Ильича, и водка с него!

Холодильник закатывает глаза и сжимает руки, которые держит в карманах, в кулаки.

— Дед! — почти крик.

— Внук! — почти ласка.

Если бы я пару часов назад не услышала разговор этих двух мужчин, я бы даже не поняла сейчас, что же происходит. Но в том-то и дело, что я все понимаю.

— Мы с Ниной пойдем на пруд в беседку. Я обещал приготовить рыбу на гриле. Если

надумаешь. приходите вместе с Ильичом, — цедит сквозь зубы Холодильник.

Мы пьем чай с пряниками, и дед рассказывает мне истории из жизни единственного внука.

О том, как его семилетний внук Сашка бегал на рыбалку и сам варил из мелкой рыбешки знатную уху.

О том, как в десять лет этот Сашка сколотил плот и в сильную грозу переплыл с подружкой Вероникой. внучкой Ильича, пруд, за что и был наказан: получил подзатыльник и был посажен под домашний арест на неделю.

О том, как подружка Вероника носила арестованному гостинцы и плакала на крыльце, потому что дед к Саше не пускал и гостинцы не передавал.

О том, как тринадцатилетний Сашка спас Ильича, чуть не угоревшего в бане.

О том, как два года назад Александр Юрьевич Климов-младший построил в поселке маленькую часовенку, за что местными старожилами причислен если не к лику святых, то к списку ангелоподобных.

— Дед! — почти мольба.

— Внук! — почти крик.

Вскоре дед уходит, нагло подмигнув и попрощавшись с нами до утра. И в доме наступает тишина, тревожная и какая-то тяжелая.

— Нина! — Холодильник внимательно смотрит на меня с другого конца стола и оправдывается. — Мой дед — человек импульсивный и не поддающийся влиянию. Еще он твердо уверен в том, что обладает великолепным чувством юмора. Если он тебя каким-то словом обидел, то прошу за него прощения. Он сам, к сожалению, никогда не попросит.

— Что ты! — смущаюсь я. — Все в полном порядке! Мы, правда, пойдем жарить рыбу на пруд?

— Правда! — Холодильник встает из-за стола и, усмехаясь, говорит. — Должен же я утереть нос Матвею. Моя рыба лучше.

— Ты будешь ее ловить? — наивно спрашиваю я, обрадовавшись, что мы идем на рыбалку.

Холодильник смеется, но не обидно. а как-то ласково:

— Нет. На рыбалку мы не пойдем. Жарить я буду морскую рыбу.

Открытая беседка оказывается очень большой, с высокой крышей, вытянутым овальным столом, плетеными креслами и мощным угольным грилем. В течение получаса я наблюдаю за тем, как умело, несуетливо и просто красиво готовит Холодильник. Как ловко он чистит рыбу, быстро режет овощи. Я сижу в кресле и кутаюсь в большой теплый плед, развлекая Холодильника рассказами о своих первых проектах.

— Мы делали праздник для заслуженной спортсменки, которая пишет стихи и песни, по фамилии Козакова. Димка все перепутал и приготовил вместе с ее студентами, а она преподавала в институте физкультуры, литературный монтаж на стихи известной современной поэтессы Риммы Казаковой "Быть женщиной", рассказываю я Холодильнику, который натирает рыбу божественно пахнущей смесью специй. — Я проворонила этот момент и на генеральном прогоне номеров пришла в ужас! Сначала студенты проникновенно говорили о том, какой чудесный человек их преподаватель, а потом хвалили ее стихотворение о женщине и читали его пафосно и надрывно, словно выступали на съезде компартии.

Быть женщиной — что это значит?

Какою тайною владеть?
Вот женщина. Но ты незрячий.
Тебе ее не разглядеть.

— Что ты хочешь? — сказал мне тогда Димка. — Спортсмены. Они, знаешь, как долго текст учили! Нет! Им новый не выучить! Придумай что-нибудь!

И если женщина приходит,
себе единственно верна,
она приходит — как проходит
чума, блокада и война.

— Прекрасные слова! Подписываюсь под каждым! — прерывает мой рассказ Холодильник. — Чума, блокада и война… Так что ты придумала?

— Ничего особенного, — пожимаю я плечами. — Убрала слова об авторстве Козаковой и придумала новые слова о ее любви к стихам Казаковой.

— А если бы она их не любила? — насмешливо спрашивает Холодильник.

— А я не стала рисковать. Я ей позвонила и рассказала всю историю как анекдот. Она долго смеялась, поделилась тем, что с тех пор, как начала писать и публиковаться, такая путаница уже случалась. Так что все обошлось! Но читали студенты-физкультурники ужасно! Никак не могли поймать нужную интонацию.

— А как заканчиваются эти стихи? — Холодильник кладет на мою тарелку готовую рыбу.

Но если женщина уходит,
побито голову неся,
то все равно с собой уводит
бесповоротно все и вся.
И ты, тот, истинный, тот, лучший,
ты тоже — там, в том далеке,
зажат, как бесполезный ключик,
в ее печальном кулачке.

— Грустно, — констатирует Холодильник. — А как же счастливая любовь? Она же бывает?

— Бывает! — оптимистично отвечаю я и тянусь к рыбе.

— Позволь тебе представить! Сибас с маслинами, каперсами и лимоном! Заметь! Маслины сорта каламата! — Холодильник садится напротив меня и, замерев, ждет моего приговора.

— Это… это… лучше, чем… — я не заканчиваю свое предложение, потому что лихорадочно подбираю слово. Любимое выражение Ленки "Это лучше, чем секс" сейчас мне катастрофически не подходит.

— Чем что? — спрашивает Холодильник, потемневшими глазами глядя на мою нижнюю губу, которую я только что непроизвольно облизала.

— Чем дорада Матвея! — наконец, нахожу я нужное сравнение.

— Так и должно было быть, — совершенно серьезно, без улыбки, констатирует Холодильник. — Еще на десертах он меня может попытаться опередить. Именно, только попытаться! То на рыбе и мясе, увы… Что он делает лучше, так это супы! Терпеть не могу их готовить!

— А как же сегодняшний борщ? — не верю я.

— Это страшный секрет! Но борщ делал дед! В русской печи. Чтобы такой борщ сделать, нужно время. Он его несколько часов в печи томил. Я бы просто не успел, — сознается шепотом Холодильник.

— У тебя интересный дед. Оригинальный такой… Сколько ему лет? — с любопытством спрашиваю я.

— Семьдесят девять. Первого июня ему восемьдесят, — говорит Холодильник. — Может, ему праздник в нашем агентстве заказать? Возьмешься?

— Не знаю… — теряюсь я. — Захочет ли он? Справимся ли мы?

— Не волнуйся! Я пошутил! Дед ни за что не захочет! — смеется Холодильник, подкладывая на мою тарелку овощи. — Он гордится тем, что живет отшельником. В город ездит редко. Продукты привозим мы с отцом.

— А бабушка у тебя была? — спрашиваю я и только потом понимаю, что вопрос неделикатный.

— Бабушка? Была, — Холодильник не сердится и не удивляется моему вопросу. — Она умерла, когда мой отец еще в школу ходил. Так что я ее никогда не видел, и бабушкой в полном смысле она стать и не успела.

— Жаль! — вздыхаю я и быстро переключаюсь на другую тему, выбрав еще один дурацкий двусмысленный вопрос. — А почему мы остались ночевать? Двусмысленность вопроса я понимаю не сразу, а только тогда, когда Холодильник отвечает:

— У меня самого есть несколько версий. Первые десять тебе не понравятся. Они одинаково безнадежные. Запасная звучит прилично и убедительно: ты боялась, что наши отношения развиваются для тебя слишком быстро. Ты даже сказала "катастрофически быстро". Вот я и решил их притормозить, замедлить…

— И поэтому мы остались одни в большом доме на краю поселка на всю ночь? — дух противоречия подбросил мне этот вопрос и напитал его горьким сарказмом.

— Одни мы остались из-за детской вредности моего деда, — возражает Холодильник. — Я ничего не подстраивал. Повторюсь, я дождусь, чтобы ты пришла ко мне сама.

Натренированные за прошедшие полгода эмоции мгновенно реанимируются и атакуют собеседника:

— А если не приду?

— Я пока не разрешаю себе думать о таком варианте, — спокойно отвечает мне Холодильник, его напряжение еле заметно, но оно точно есть.

— Вернемся в дом? — вежливо спрашиваю я, подавляя рвущиеся с языка реплики. Но само предположение, что он так уверен в моей капитуляции, раздражает, бесит, подбрасывает. Сейчас спорить с ним опасно и чревато. Держусь из последних сил, пугая себя мыслью, что он передумает и придет ко мне сам.

— Можешь запереться изнутри, — усмехается Холодильник, провожая меня в мою комнату. — Если ты не веришь, что я сдержу свое слово.

— Спокойной ночи! — гордо отвечаю я и все-таки запираюсь.

Утро приходит слишком рано, кажется я только что залезла под одеяло, а уже назойливое солнышко щекочет мое лицо. Прячусь под одеяло с головой, но сон уже как рукой сняло… Долго стою под душем, не торопясь мою голову, еще дольше чищу зубы, до боли в деснах. Надеваю домашний серый костюм, распускаю мокрые волосы, чтобы высушить, фена в ванной комнате я не нахожу.

Спускаясь по лестнице, снова, как и вчера, слышу спорящие мужские голоса, только теперь они принадлежат троим. На первом этаже Холодильник, дед Саша и… Юрий Александрович.

— Доченька! — радостно и тепло приветствует он меня, обнимая и целуя в щеку.

— Здравствуйте, Юрий Александрович! — растерянно улыбаюсь я, не зная, что еще сказать.

— Вот, Нина! — смеется дед. — Можете сесть за завтраком между двумя Александрами Юрьевичами и загадать желание.

— Я на этой неделе уже загадывала желание. Разве два можно? — смеюсь я в ответ. — Саша угощал меня чаем "Исполнение желаний".

— Сашка — шарлатан, — подмигивает мне дед. — А сесть между тезками — средство проверенное и надежное.

— Дед! Не подкатывай! — строго говорит Холодильник, но глаза цвета теплого меда тоже смеются.

Холодильник усаживает меня возле себя, напротив отца и деда, и ставит передо мной миску с гречневой кашей.

— Как и обещал. Каша из печи.

— Твоя или Александра Юрьевича, как борщ? — подкалываю я.

— Его-его! Не сомневайся! — выдает внука дед. — Он ее с вечера томиться поставил!

Большой ложкой ем кашу и издаю стон удовольствия.

— Боже! Это не может быть человеческая каша!

— А можно одно маленькое желание за такую кашу? — тут же спрашивает Холодильник, прижимаясь ко мне под столом бедром.

Я давлюсь от неожиданности и долго кашляю.

— Прости! Напугал тебя! — пугается Холодильник.

— Потому что торопишься! — вдруг резко говорит Юрий Александрович.

— Я? — пищу я от неожиданности.

— Что ты, деточка! — успокаивает меня старый Хозяин. — Я говорю это сыну.

— Отец! Даже не начинай! — рычит Холодильник, взяв мою руку в свою.

— Я хочу поговорить с Ниной! — категорично говорит Юрий Александрович. — Наедине!

— Нет! — вот теперь окрик Холодильника точно похож на рычание.

— Отстань от ребенка! — дед вступается за внука. — Не позорьте меня перед девушкой в моем доме! Уезжайте и разговаривайте в городе!

— Никто не выйдет из дома, пока я не поговорю с Ниной наедине! — чеканит слова Юрий Александрович, и я замечаю, как Холодильник все-таки похож на своего отца. И категоричный тон, и тяжелый взгляд, и аура силы, уверенности в себе.

Перевожу взгляд с сына на отца, с отца на деда. Климов-младший и Климов-средний сверлят друг друга бешеными взглядами. Климов-старший явно наслаждается ситуацией и даже мне подмигивает.

— Выйди, отец! — просит Климов-средний деда. — И ты, сын! Выйди! Оставьте нас с Ниной.

— Нет! — Холодильник не дает пошевелиться мне, и сам не двигается.

— Хорошо! — внезапно соглашается Юрий Александрович. — Поговорим с тобой, сын, при Нине. Должна же она узнать…

— Какие языки? — вдруг спрашивает меня Холодильник, целуя мою левую руку в ладонь.

— Языки? — не понимаю я вопроса.

— У тебя два иностранных языка по анкете. Какие? — нетерпеливо повторяет вопрос Холодильник и отпускает мою руку.

— Французский и английский, — бормочу я, недоуменно оглядываясь по сторонам.

Холодильник начинает быстро и эмоционально говорить с отцом на… немецком языке. Юрий Александрович усмехается, но отвечает. Так же бегло, но менее эмоционально. Пока на меня никто не смотрит, достаю из кармана телефон и под столом включаю диктофон.

Некоторое время отец и сын обмениваются репликами, и со стороны мне кажется, что я смотрю фильм про войну. Вот Холодильник поворачивается ко мне и говорит:

— С какой целью заброшены на территорию Советского Союза?

Кино и немцы! Трясу головой, и Холодильник повторяет свои слова:

— Нина! Попрощайся с Юрием Александровичем. Он уже уезжает! Климов-средний открывает рот, чтобы что-то сказать, но не говорит и, кивнув мне и деду на прощание, выходит.

— Что это было? — осторожно спрашиваю я.

— Обычные проблемы отцов и детей! — устало бросает Холодильник.

— Артисты больших и малых! — веселится дед. — А я все думал, зачем вам с Юркой столько языков? Теперь понятно! Это чтобы деду ничего не понятно было! Издеваетесь над стариком!

— Ну какой же вы старик! — искренне говорю я. — Всем фору дадите! С сыном как ровесники выглядите.

— Это потому, что я Юрку в девятнадцать лет состряпал. А он мне Сашку только в тридцать! — объясняет насмешливый мужчина. — Вы приезжайте ко мне, Нина! Можете и без Сашки! Даже лучше без Сашки!

— Дед! — нежно окликает Холодильник.

— Внук! — ласково отвечает дед.

Дорога обратно кажется мне длиннее, а я безумно тороплюсь. Получив несуразные ответы на свои вопросы, Холодильник оставляет меня в покое и включает музыку.

— До завтра! — прощается со мной Александр Юрьевич. — Можно, я вечером позвоню тебе?

— Конечно! — радостно отвечаю я, набирая сообщение Ленке. — Спасибо за поездку и рыбу с кашей! Все было великолепным!

Через полчаса на такси приезжает моя подруга и ругательски ругается на меня за то, что я поторопила ее с педикюра.

— Ленуся! Не злись! Ты нужна как радистка Кэт! — заискиваю я перед Ленкой, ставя на кухонный стол кусок торта "Наполеон" и чашку кофе.

— Да ладно? Мой немецкий? — не верит Ленка. — Зачем?

Молча включаю диктофон. В тишине моей кухни звучит резкая немецкая речь.

— Еще раз! — поморщившись, просит Ленка и слушает запись повторно. Потом смотрит на меня округлившимися глазами и шепчет:

— Еще раз!

— Давай уже переводи! — сгораю я от любопытства, когда Ленка заканчивает слушать

запись в третий раз.

— Тут такое дело, подруга! — начинает Ленка, отодвигая от себя торт, а это плохой знак. — Первый напоминает второму, что, женившись на выбранной девушке, второй теряет почти весь свой бизнес по какому-то там старому договору.

— И что второй? — мое сердце вдруг перестает биться. Совсем.

— Второй говорит, что это его решение, meine Losung, и его жизнь, mein Leben. И он ни за что не передумает, — вздыхает Ленка.

— И все? — нервно сглатываю я.

— Не все, — говорит Ленка, придвигая к себе торт. — Еще первый обзывается, Narr, и все такое… Типа дурак, глупец… Говорит, что девушка не заслужила дурака… Что ей нужен сильный и reich, богатый…

— А второй? — мне не хочется плакать, просто в носу чешется.

— Второй говорит, что Reichtum, главное богатство он уже нашел…

В полночь мне звонит Холодильник и начинает разговор с обвинения:

— Ты назвала мне не последние строчки стихотворения! Почему?

— Я просто его плохо помню! — оправдываюсь я.

— Врешь! Я проверил текст. Там другие последние строки! — Холодильник давит и настаивает. словно хочет поссориться.

— Хорошо! Держи последние! — психую я.

Она в улыбку слезы спрячет,
переиначит правду в ложь…
Как счастлив ты, что ты незрячий
и что потери не поймешь.

Глава 42. Трудности перевода

— Почему вы так недоверчивы? — Ответить в хронологическом порядке или в алфавитном?

Шерлок Холмс (Sherlock Holmes)

Вчера, перед тем как уйти от меня. Ленка посоветовала:

— Слушай, Нин! Я немецкий язык еще в школе учила, а после у меня языковой практики почти не было. В институте на первом и втором курсе его формально преподавали. Это сколько ж лет прошло! Поэтому могут быть трудности перевода… Найди хорошего немца.

Всю ночь гоняю по извилинам мысль о том, кому нужно, чтобы Холодильник потерял львиную долю своего бизнеса?

Кострову в отместку? Вряд ли. С ним все юридические формальности уже соблюдены: Холодильник просто не получит того, что мог бы получить, женившись на Светлане.

Юрию Александровичу? Бред! Давно известно, что он собрался передать сыну почта весь свой бизнес и часть уже передал.

Может, у Холодильника был договор с кем-то другим? Но какое дело этому "другому" до того, на ком женится Климов-младший? И почему Светлана подходит, а не Светлана нет?

Я возвращаюсь к Кострову. Никто, кроме Кирилла Ивановича, на мой взгляд, не может быть заинтересован в Холодильнике настолько, чтобы так жестко заставлять его жениться на Светлане и не жениться на… ком-то другом.

И самое сложное для понимания: неужели Холодильник готов нести такие потери, только чтобы быть… со мной? Пока запрещаю себе об этом думать. Рабочий день понедельника начинается с плохого настроения, головной боли, вызванной коротким и некачественным сном, и планом допросить Генку. Устроить допрос Сальмонелле под силу только Генеральной прокуратуре, и не факт, что прокурор хоть чего-то добьется без пыток и шантажа.

Надеваю черную юбку-карандаш, белую блузку-рубашку, приталенный жилет и галстук-бабочку. Собственное отражение в зеркале напоминает мне работника казино.

— Делайте ставки, господа! — дурачусь я. — Все! Ставок больше нет!

— Ты будешь меня прикрывать! — ставлю я боевую задачу Димке.

— Прикрывать? — лениво переспрашивает мой помощник, развалившийся в кресле и рассеянно просматривающий файлы, касающиеся нашего последнего проекта. — Хорошо. от кого и чего?

— От Холодильника, — шепотом говорю я. — Мне нужно уехать к Муравьевым и поговорить с Генкой и, если получится, с Сальмонеллой.

За секунду от расслабленности Димки не остается и следа:

— Ты чего? Травануласъ за завтраком? — паникует мой помощник. — Молодого необстрелянного бойца в бой бросаешь без подготовки?!

— Что за патетика? — смеюсь я. — Во-первых, он может и не заметить моего отсутствия, во-вторых, я постараюсь вернуться очень быстро, в-третьих..

— В-третьих, когда ты вернешься, у тебя уже не будет помощника, дорогая! — верещит Димка. — Я тебя предупреждаю, что не перенесу физической боли. Когда его охранники

начнут меня пытать, я сдам тебя еще до первого синяка!

— Ну, Димочка! Ну, солнышко! — обнимаю я профессионального труса за шею и целую в щеку. — Ну, пожалуйста!

— Не трогай меня, ведьма! — гнусавым голосом возмущается Димка и картинно отшатывается. — Сейчас меня еще и как твоего любовника загребут!

— Что за сленг, Димочка? — делаю я замечание. — Откуда у звездного мальчика такие словечки в словаре? Загребут, травануласъ… Александра Юрьевича еще даже нет в агентстве. Римма Викторовна сказала, что он сегодня на переговорах до самого вечера.

Димка еще долго ворчит на меня, пока я секретничаю с Павлой Борисовной и Риммой Викторовной и вызываю такси. Я умышленно не звоню Генке предварительно, и теперь, услышав мой голос в домофоне, понимаю, как он удивлен.

Муравьевы живут втроем в двухкомнатной квартире: Яна Львовна, музыкальный редактор на известном радио. Иван Яковлевич, пенсионер-инвалид, бывший врач-стоматолог, и их сын Геннадий. молодой детский писатель.

— Нина? Какая… приятная неожиданность! — заикается Генка, пропуская меня в квартиру. — В последний раз ты была у нас в гостях лет пять назад!

— Больше, Геночка. лет восемь. Мы с тобой школу тогда заканчивали. — улыбаюсь я. — Ты один?

— Один! — пугается Гена. — Мама с папой в поликлинике. Скоро вернутся.

— Чем занимаешься. Гена? — приторно ласково спрашиваю я. Мне надо максимально много вопросов задать моему незадачливому жениху, пока не вернулась домой Сальмонелла.

— Пишу! — вскидывает голову Генка. — Пишу день и ночь! Скоро выйдет моя новая книга!

— Прекрасно! Жду подарочный экземпляр! — не дожидаясь приглашения. прохожу в квартиру.

— Конечно! Первый всегда маме, второй всегда тебе. — напоминает мне Генка.

— Мне нравится, как ты пишешь, — абсолютно честно говорю я приятелю, без приглашения садясь на диван.

— Спасибо! — радостно восклицает Генка. — Приятно это слышать именно от тебя!

— Чаем напоишь? — наглею я, вскакивая и отправляясь на кухню.

— Конечно-конечно! — частит Генка. семеня за мной. — У нас и пирожки есть! С печенью.

— Ужасно! — думаю я, но вслух говорю. — Прекрасно! Именно с печенью и хотелось!

Генка ставит чайник на плиту. Сальмонелла не признает электрические чайники. Почему-то вспоминаю об этом с уважением. Вспоминается шутка Жванецкого: "И самовар у нас электрический, и мы довольно неискренние!"

— Что за шутка про нашу с тобой помолвку? — нападаю я без предупреждения, усыпив бдительность Генки.

Генкина рука дрожит, и он проливает немного кипятка на скатерть.

— Почему шутка? — спрашивает Генка, пряча глаза.

— Ге-на! — по слогам твердо говорю я. — Посмотри на меня!

Генка встречается со мной взглядом. в котором я отчетливо вижу тревогу и досаду.

— Если жених ты, а невеста я. то почему невеста не в курсе, что выходит за тебя замуж? — четко проговаривая каждое слово. снова наступаю я.

— Помолвка — это формальность! — нервничает Генка. дрожащими руками беря свою

чашку. — Мы решили, что это поможет тебе определиться!

— Мы? Не я с тобой. а ты с мамой? Я правильно понимаю? — злобно прищуриваю я глаза.

Генка стискивает чашку и защищается:

— Мы желаем тебе только добра! Мы прекрасная пара!

— Это вы с мамой прекрасная пара! — соглашаюсь я. — В этом у меня никаких сомнений нет вот уже лет пятнадцать!

— Я самый близкий тебе мужчина! — Генка ставит свою чашку на стол и хватает меня за руку. чуть не выбив из моих рук мою чашку.

— Самый близкий мне мужчина — это мой отец! — я веду нешуточную борьбу за свою руку.

— Так будет не всегда! — парирует Генка, пока выигрывая борьбу. — Каждому надо создать свою семью, родить своих детей.

Неожиданно возникшие в воображении картинки заставляют меня перестать бороться: я и Генка. Вот мы лежим в супружеской постели, а Сальмонелла в длинной ночной рубашке и чепце, со свечой в руках, стоит над нами. Вот наши дети, мальчик и девочка. Вот Сальмонелла кормит их кашей. Вот Сальмонелла ведет их в школу. Вот Сальмонелла ходит на родительские собрания. Вот…

Трясу головой, чтобы выбросить из нее эти страшные фантазии. Генка, неверно поняв мое бездействие, рывком поднимает меня со стула и начинает целовать. Прихожу в себя быстро, даже мгновенно. Звонкая пощечина оставляет на Генкиной щеке хорошо заметный отпечаток.

— Ты чего?! — Генка шарахается от меня и трет щеку.

— Гена, — начинаю я с примирительной интонацией в голосе. — Я невеста совершенно другого человека. Мы… встречаемся. Вчера я познакомилась с его семьей. Твои… Ваши с мамой фантазии насчет нас с тобой не имеют никакого смысла. Ты просто теряешь время…

— У тебя там все несерьезно… — перебивает меня Генка.

— Да с чего ты это взял? — удивляюсь я. — Что ты можешь знать обо мне и моей жизни?

— Достаточно, чтобы понимать, что мы с тобой созданы друг для друга! — Генка достает из холодильника упаковку замороженных полуфабрикатов и прикладывает к щеке. (Да ладно! Неужели я так сильно его ударила?)

— Гена! Расскажи мне про дневники, — спрашиваю я без подготовки.

— Какие дневники? — равнодушно бурчит Генка, морщась и прижимаясь к полуфабрикату.

— Дневники, которые ведут рефлексирующие люди, записывая свои впечатления после прожитого дня, — нервно-терпеливо объясняю я, начиная торопиться и боясь, что вот-вот заявится хозяйка квартиры.

— Я не веду дневники. Я вообще не поклонник эпистолярного жанра, — ворчит Генка.

Никакого страха, замешательства или наигранности… Значит, Сальмонелла ведет игру, кое-что скрывая даже от сына… Все! Генка бесполезен.

— Ладно! Пока! — бодро и весело говорю я, отправляясь на выход.

— Нина! — окликает меня растерянный Генка. — То есть мы с тобой… никак?

— Никак. Никогда. Нигде, — негромко говорю я. — Ген! Будь справедлив и честен, мы

с тобой даже в детстве не особо дружили… Да, общались два- три раза в месяц, но не более…

— Ты мне очень нравишься, Нина! — Генка смотрит на меня глазами побитого щенка. — Почему мы не можем попробовать?

— Гена! Услышь меня, добрый мой приятель! Я невеста другого человека. Я скоро выйду замуж… Или не выйду. Но ты ни к первому варианту развития событий, ни ко второму не имеешь никакого отношения! — вздыхаю я и сама открываю входную дверь.

— Нина? — за порогом квартиры Сальмонелла с Иваном Яковлевичем. — Деточка! Ты пришла к нам в гости? Почему не предупредила? А мы вот в поликлинику ходили… А что вы делали с Геной? Впрочем, не мое дело, а дело ваше, молодое!

Мы с Геной искали дневники, — растягивая губы от уха до уха, вызывающе сообщаю я.

Лицо Сальмонеллы вытягивается и меняет цвет от привычного землистого через розовый до красного. Взгляд, полный досады и растерянности, перебегает с меня на сына и обратно. Но надо отдать должное талантливой женщине, она довольно быстро приходит в себя.

— Куда же ты пошла? Оставайся! Будем пить чай. Я пирогов напекла!

— Мы с Геной уже и чаю напились, и наболтались! — лукаво говорю я, вызывая в выражении лица Сальмонеллы мимолетную, едва уловимую эмоцию, имя которой… гнев.

Выбегаю из подъезда и, еле-еле успев затормозить, с размаху натыкаюсь на высокую и широкую стену — Евгения. По сложившейся у нас с ним традиции, мой личный охранник тут же катастрофически пугается личного контакта и делает шаг назад.

— Разрешите проводить вас до машины, — и это не вопрос.

Нашел все-таки… Странно было бы это не предположить. Значит, Холодильник узнает, где я была, и скоро.

Евгений провожает меня к своей машине, и я сажусь на заднее сидение, попадая прямо в руки Холодильника. Не узнает, а узнал…

— Здравствуй, Нина! — работает первая программа заморозки.

— Здравствуй, Саша! — находчиво здороваюсь и я.

— Ты ходила в гости, Нина? — обманчиво ласково спрашивает Холодильник.

— Я ищу авторов и исполнителей своего драматического дневника, — откровенно рассказываю я, для усиления эффекта добавив. — Саша.

— А поделиться со мной своими планами? — Холодильник впервые не покупается на свое имя из моих уст.

— Мне показалось, что ты утратил интерес к этому дневнику, — парирую я.

— Мне достаточно знать, что это не ты, — не размораживается Холодильник.

— А мне этого недостаточно! — возмущаюсь я, сложив руки на груди. — Мне нужен автор!

— Хорошо, — просто и спокойно отвечает Холодильник. — Я тебе его найду.

— Я сама хочу его найти! Это мое дело! — начинаю я привычные боевые действия.

— И поэтому ты идешь его искать в квартиру к Гене Муравьеву, когда дома только он один?! — вспоминаю, как папа радовался, что в нашем холодильнике есть функция "суперзаморозка". В моем Холодильнике она тоже есть, оказывается.

— Ты намекаешь на то, что я с Геной чем-то там занималась? — сразу завожусь я, и оказываюсь в объятиях Холодильника.

— Нет! — горячо выдыхает мне в лицо Холодильник. — Не намекаю. Если бы я только

заподозрил подобное, вам обоим было бы несдобровать. Особенно Гене. Я поражаюсь твоей глупости! Идти одной в квартиру к одинокому влюбленному мужчине, который может сделать с тобой что угодно!

— С Геной справится даже первоклассник! — смеюсь я. — Вот я недавно была в квартире одного одинокого мужчины, с которым не справится и мой Евгений… И ничего… Никто меня не обидел!

— Этот сильный мужчина не обидел тебя только потому, что ты ему дороже, чем все, что у него есть, — шепчет Холодильник и целует меня в кончик носа, хотя я уже приготовилась к поцелую в губы и даже их выпятила, совсем чуть-чуть, заметно только мне.

— Генка ничего не знает, — сообщаю я, смутившись от того, что Холодильник мог заметить движение моих губ, и от того, что он так и не поцеловал меня в губы. — Надо колоть Сальмонеллу!

Холодильник смеется и тягуче медленно целует обе моих руки, сначала ладони, потом тыльную сторону.

— Как прикажете, моя принцесса! Ваш верный рыцарь готов колоть всех ваших врагов и Сальмонеллу тоже.

Пока мы едем до агентства, Холодильник придумывает варианты, как организовать встречу с Сальмонеллой на своей территории.

— Все не то! — нетерпеливо морщусь я. — Надо, чтобы Римма Викторовна или Павла Борисовна позвонили ей и сказали, что агентство приглашает ее обговаривать детали праздника-помолвки Гены и Нины.

— Плохая шутка! — резко отвечает Холодильник, стискивая мою левую руку до боли.

— Это важная дезинформация! — горячусь я, ойкая от боли. — Иначе она не придет. Особенно после того, как Генка выдаст ей наш с ним разговор в подробностях.

— Я тоже хотел бы узнать о нем в мельчайших подробностях, — слегка рычит Холодильник, целуя каждый палец моей левой руки, словно извиняясь за невольно причиненную боль.

Я охотно рассказываю о своей встрече с Генкой, почти дословно, опустив только пару деталей: как Генка хватал меня за руки и как целовал. Холодильник подозрительно смотрит на меня, словно не просто догадывается, что я что-то скрываю, а точно знает, но ничего не говорит. Спасаю Генке жизнь по старой дружбе, а Сальмонелла все равно бессмертна.

— Мой Димка жив? — осторожно спрашиваю я.

— Нет! — хмуро отвечает Холодильник. — Пришлось его убрать. Кричал громко, привлекал к себе внимание. Евгений его закопал уже.

— Очень смешно! — фыркаю я. — Напугали мальчишку, теперь мне его на шухер больше не поставить.

— Провокаторша! — накидывается на меня Димка, как только я появляюсь в своем кабинете. — Я такого страху натерпелся! Этот твой Евгений так на меня смотрел, что я за пять минут рассказал ему свою биографию от ясельной группы до сегодняшнего дня!

— Не дуйся! — умоляю я Димку и беспокоюсь. — Тебя же не били?

— Психологическое давление может быть посильнее физического, — философски замечает Димка, лукаво подмигивая.

— Юмористы чертовы! — скалюсь я, но смеюсь, целуя Димку в щеку.

— Нина Сергеевна! — Холодильник стоит в дверях моего кабинета, а я замираю с прижатыми к Димкиной щеке губами.

Димка исчезает из кабинета как фантом, словно его и не было.

— Одного Евгения явно не хватает, чтобы обеспечить твою безопасность от самой себя, — упрекает меня Холодильник, но глаза добрые и теплые. — Яна Львовна Муравьева придет в шесть часов вечера.

— О! — удивляюсь я тому, как быстро развиваются события. — Спорим, тебе ее не расколоть? Но мне о-о-очень любопытно, как сложится ваш разговор!

— Есть замечательный способ, — шепчет Холодильник, как всегда, быстрым захватом прижимая меня к себе. — Портьера.

— Вот еще! — возмущаюсь я, пока мурашки-предатели сбегаются к левому уху, в которое шепчет Холодильник. — Больше я там прятаться не буду!

— Тогда предлагаю другой способ твоего присутствия, — губы Холодильника прихватывают мочку моего уха, и мурашки застывают на месте. — Любишь смотреть кино?

Я могу только кивать, что и делаю молча. Губы Холодильника перемещаются с мочки уха на шею, щеку и останавливаются в миллиметре от моих губ. Снова, как и в машине, чувствую легкое подрагивание своих губ в его сторону. И снова Холодильник не целует меня в губы.

— Тогда пойдем! — берет меня за руку Холодильник и ведет на первый этаж. Мы спускаемся по лестнице, встречаем сотрудников агентства, которые вежливо здороваются с нами, с улыбкой глядя на наши соединенные руки. Я каждый раз смущаюсь, а Холодильник усмехается, еще крепче сжимая мою руку.

В комнате охраны несколько экранов с выведенными на них камерами на этажах, лестничных пролетах, в кабинетах. Прохор Васильевич и еще один охранник-манекен встают при нашем появлении.

— Нина Сергеевна подойдет в шесть часов. Настройте мой кабинет. Два камеры наперекрест и звук, — отдает распоряжение Холодильник.

Прохор Васильевич дарит нам улыбку змея-искусителя, снова неожиданно напомнив мне о своей неземной красоте, о которой я все время как-то забываю, пока не увижу ее носителя.

— С удовольствием! — откликается на распоряжение руководителя начальник охраны.

— Удовольствие — это лишнее! — хмурится Холодильник, вызывая на лице Прохора Васильевича еще одну улыбку.

— Есть без удовольствия! — тут же реагирует Прохор Васильевич, видимо, пользуясь добрыми личными отношениями с Холодильником.

— Я приду с попкорном, — лукаво обещаю я и вижу усмешку на лице Прохора Васильевича и Холодильника, закатившего глаза.

— Пригласишь на обед? — неожиданно спрашивает меня Холодильник, проводив до кабинета.

— На обед? — теряюсь я. — Я планировала спуститься к Павлу Денисовичу… Можно вместе…

— Значит, не пригласишь? — уточняет разочарованно Холодильник, убирая локон моих волос за ухо.

— У меня ничего не приготовлено, — сознаюсь я, смутившись под его горячим взглядом, приклеившимся к моим губам.

— Вместе и приготовим, — шепчет Холодильник, склоняясь ко мне и целуя… в щеку.

— Ну… хорошо… — сдаюсь я, почему-то огорчившишь. — Но готовлю я плоховато.

— Я тебя научу, — лукаво обещает Холодильник, словно говорит о чем-то другом, и уходит. — Жди через час.

Минут тридцать бездумно работаю над проектом для Ирины Тарасовой. Перебирая бумаги на столе, нечаянно режу подушечку пальца краем листа, огорченно хнычу, все бросаю и бегу в свою квартиру.

С сумасшедшей скоростью вытираю пыль и пылесошу, хотя прибиралась два дня назад. Из-за гудения пылесоса даже не сразу слышу дверной звонок. Открываю дверь — на пороге Холодильник с бутылкой белого вина и пакетом, похоже с овощами и зеленью.

— Я не знаю, что можно приготовить из моего набора продуктов, — вздыхаю я, провожая Холодильника на кухню к холодильнику.

— Верь в меня! — призывает он, разглядывая содержимое тезки. — Вот! Куриное филе. Мне нужны оливковое масло, чеснок, куриный бульон, мед. Перец чили и розмарин я принес.

— А что мы будем делать? — мне очень любопытно, какое блюдо придумал Холодильник.

— Мы, — нажимая на это слово, отвечает Холодильник, — будем делать куриное филе в глазировке. Просто, быстро и очень красиво на тарелке. Кусочки курицы будут похожи на стеклянные.

— Никогда не пробовала, — распахнув глаза, сознаюсь я. — Но звучит заманчиво.

— Выдай фартук — и начнем! — командует Холодильник, начиная снимать пиджак, галстук и закатывать рукава белой (естественно!) рубашки.

Я застываю, глядя на него, и нервно сглатываю.

— Фартук, Нина! — напоминает Холодильник, окликая меня.

Бросаюсь к кухонному шкафу и вытаскиваю два фартука.

— Тебе голубой или розовый?

Холодильник наклоняет голову, как умный пес, и слегка хмурится, видимо, выбор ему не нравится.

— Других нет! — оправдываюсь я и не удерживаюсь от иронии. — Голубой — мальчику, розовый — девочке.

— Хорошо, — ворчит Холодильник, поднимая руки и жестом предлагая мне одеть на него фартук.

Подхожу к нему и прошу повернуться ко мне спиной.

— Нет, — хрипит Холодильник, закашлявшись. — Завяжи так.

Мне приходится сначала пристроить голубой фартук на его талию, а потом, практически прижавшись к его большому телу, делать узел из довольно коротких завязок. Сердце Холодильника стучит тяжело и глухо, мое заходится в стремительном биении.

— Теперь я, — говорит Холодильник, забирая из моих рук розовый фартук.

Не дав мне повернуться спиной, Холодильник совершает точно такие же действия, что и я. Правда, когда пытается завязать фартук, делает это из рук вон плохо.

— Не умеешь завязывать бантик? — ехидничаю я, находясь в объятиях Холодильника уже минут пять. — Я могу сама.

— Зачем сама, если есть я? — опаляет вопросом мою шею Холодильник.

— У тебя руки крюки! — смеюсь я. — Я боюсь щекотки!

Холодильник резко, словно танцует со мной аргентинское танго, поворачивает меня к себе спиной, но почему-то не завязывает фартук, а прижимает меня к своей груди, положив

свои большие ладони на мой живот.

— Надо было готовить без фартуков, — доверительно шепчет он моему затылку.

— Надо было надевать фартук самому, — отвечаю я, дрожащими руками убирая его руки. — Так мы готовим обед или нет? Ты дашь мне задание? Холодильник театрально вздыхает и говорит:

— Сможешь очень мелко порезать чили и чеснок для бульона?

— Конечно! — обиженно реагирую я на слово "сможешь".

— Я пока подготовлю грудки и поджарю их до корочки, — Холодильник достает из пакета перчики чили, а я из холодильника чеснок. Сосредотачиваюсь на резке и вскрикиваю от острой боли: начинает щипать палец в том месте, где я его порезала бумагой.

— Порезалась? — пугается Холодильник, бросаясь ко мне.

Метнувшись к раковине, открываю холодную воду и спасаю под струей от боли палец, который пульсирует.

— Нет. Это производственная травма, — шучу я, морщась, но улыбаясь. — Порезалась бумагой. Видимо, сок от чили попал в ранку.

Беру палец в рот, утихомиривая его болевую пульсацию. Холодильник тянет мою руку к себе и вдруг перекладывает мой многострадальный палец себе в рот, нежно обхватывая его губами и погладив ранку горячим языком. Сердце мое раздваивается и перемещается в оба уха, поскольку и в левом, и в правом ухе оно стучит, как набат. Зрачки Холодильника расширяются прямо на моих глазах, чернильным пятном перекрывая коричневую радужную оболочку.

— Обббед… — блею я, краснея и забирая палец.

— Сядь. Я все сделаю сам, — говорит Холодильник и усаживает меня на стул. Одурманенная происходящим, я слежу за действиями Холодильника, словно смотрю слайд-шоу. Вот он ловко и быстро нарезает за меня перец и чеснок. Вот тушит в курином бульоне розмарин, мед, чеснок и чили, получается вязкий сироп. Вот запивает поджаренное филе готовым сиропом и ставит в духовку.

— Через десять минут будет готово, — докладывает Холодильник. — Сейчас овощной салат сделаю.

— Ты не мужчина, а мечта! — вырывается у меня, и, только произнеся это, понимаю всю двусмысленность сказанного.

Холодильник замирает возле меня с тарелкой в руках, потом медленно ставит ее на стол.

— Я имею в виду… — лепечу я, — что мужчина, умеющий готовить, — настоящий клад для женщины, этого не умеющей.

— Я понял, что ты имела в виду, — говорит моему затылку Холодильник. — Тебе не кажется, что раз такие мужчины — редкость, то надо брать, не раздумывая.

— Я подумаю, — обещаю я, дрожащими руками придвигая к себе тарелку.

Мои вкусовые рецепторы пускаются в пляс, когда я вижу изящно оформленное блюдо. Куриное мясо кажется прозрачно-стеклянным, вокруг мяса огуречные и помидорные розы.

Мы сидим за кухонным столом напротив друг друга и неспешно обедаем, запивая прекрасную еду белым сухим вином.

— Я хотел бы так обедать каждый день, — говорит вдруг Холодильник и пугает меня вопросом. — А ты?

— Курица быстро надоест, — находчиво отвечаю я, делая вид, что речь идет об

обеденном меню.

— У меня есть хорошее предложение. Не торопись его отвергать, — Холодильник откладывает вилку и нож и смотрит на меня чернильными глазами. — Предлагаю обедать у тебя — от тебя быстро можно добраться до работы. Ужинать в ресторане на твой выбор. А завтракать у меня.

— Далековато для завтрака! Это ж во сколько мне вставать надо, чтобы сначала до тебя добраться, а потом вернуться в этот дом на работу! — быстро отвечаю я, натыкаясь на чувственно нежный, страстно ласковый взгляд и поняв, что хотел предложить Холодильник. — Я понимаю, что ты за мной машину пришлешь и после завтрака мы поедем вместе на работу…

— Я говорил о другом… — Холодильник слегка трясет головой, словно сбрасывает наваждение.

— Спасибо за чудесный обед! Пора возвращаться к работе, — напоминаю я и неловко шучу. — Мне еще в кино с Прохором Васильевичем идти… Холодильник встает из-за стола и хмуро говорит:

— На здоровье… В самой комнате охраны тоже круглосуточная запись ведется. Просмотрю потом, как вы кино смотрели…

— Ревность — самоуничтожающее чувство, — поучаю я Холодильника. — Негативно окрашенное.

— Конечно, — соглашается со мной Александр Юрьевич. — Человек ревнует от недостатка внимания (шаг ко мне навстречу), нежности (второй шаг), любви…

Холодильник берет мое лицо за подбородок и поднимает к себе. Поцелуй в подбородок — и мужчина уходит из моей квартиры.

— Где же попкорн? — красивая бровь Прохора Васильевича иронически изгибается.

— Александр Юрьевич не разрешил, — по секрету сообщаю я.

— Зато я подготовился! — начальник охраны ставит передо мной чашку свежесваренного кофе и мисочку с ореховой смесью.

В пустом кабинете Холодильника сначала появляются Римма Викторовна с Сальмонеллой. Усадив гостью на диван возле журнального столика, Римма Викторовна наливает гостье чай и предлагает свежее печенье.

— Спасибо, Риммочка, не стоило! — настороженно, с тревогой в голосе и глазах, говорит Сальмонелла, но от печенья Павла Денисовича отказаться не может.

— Добрый вечер! — широким шагом делового и занятого человека в свой кабинет заходит Холодильник.

Сальмонелла давится кусочком печенья и, закашлявшись, отпивает глоток чая.

— Ну что же вы, Яна Львовна! — заботливо говорит Холодильник, садясь за свой стол в кресло, а не подсев к гостье за чайный столик. — Римма Викторовна! Будьте добры…

Секретарь подает Холодильнику папку с бумагами, но он не берет ее, а кивает головой в сторону Сальмонеллы:

— Яна Львовна, прошу вас внимательно ознакомиться с документами. Сальмонелла, с опаской поглядывая на Холодильника и Римму Викторовну, открывает папку и начинает перебирать листы, на глазах бледнея и покрываясь испариной. Потом резко встает, бросив папку на стол переговоров:

— Не понимаю, какое отношение это имеет ко мне!

— Сядьте! — громко и жестко командует Холодильник и добавляет обманчиво

ласково. — Пожалуйста!

Сальмонелла плюхается обратно на диван и гордо выпрямляется:

— Что вы от меня хотите? Чтобы я вызвала полицию?

— Вы? Полицию? — восхищенно переспрашивает Холодильник. — Попробуйте! Интересно, что вы ей скажете?

— Что меня насильно удерживают в этом кабинете, куда заманили обманом! — выплевывает Сальмонелла.

— Разве? — широко и доброжелательно улыбается Холодильник. — Вы принесли документ. Я его проверил. Представил вам результаты проверки. Чем вы недовольны?

— В чем вы меня обиняете?! — переходит на крик Сальмонелла. — Я просто предупредила вас!

— А я просто проверил, — негромко отвечает Холодильник. Негромко, но так значительно, что Сальмонелла почти вжимается в спинку дивана.

— Мне безразличны ваши личные мотивы, — вкрадчиво говорит Холодильник.

— Мне не нужен исполнитель подделки. Мне нужен автор идеи. И вам его лучше вспомнить прямо сейчас…

Сальмонелла снова вскакивает, но теперь не для того, чтобы выскочить из кабинета, а для того, чтобы подбежать к столу Холодильника.

— Я вообще не понимаю, о чем мы с вами говорим! — ехидно заявляет Яна Львовна. — О каких подделках идет речь? Вы наговариваете на меня! Я ничего вам не давала!

— Посмотрите туда! — Холодильник показывает в правый от себя угол. Сальмонелла смотрит вправо. — Теперь туда! — Холодильник показывает на входную дверь. Сальмонелла оглядывается.

— В кабинете работают две камеры. Хотите посмотреть нашу предыдущую встречу с собой в главной роли? — Холодильник холодно смотрит на Сальмонеллу и переходит в режим "заморозка взглядом".

Сальмонелла краснеет и некоторое время пыхтит, подбирая слова.

— Кто вам передал эти листы? Вы мне тогда сказали, что это ваш сын Геннадий, который получил их от своей невесты Нины Симоновой-Райской, — обманчиво спокойный тон Холодильника не обманывает меня. Если Сальмонелла не ответит на его вопрос, я ей не завидую.

Сальмонелла испуганно отвечает:

— Гена вообще ни при чем! Вы меня тогда неверно поняли!

— Давайте еще раз и чистую правду. И я обещаю, что постараюсь понять вас правильно! — клянется Холодильник, дотянувшись до папки и положив на нее руку.

— Я не могу, — жалобно отвечает на предложение Сальмонелла. — Я обещала!

— Вы плохо ориентируетесь в ситуации, госпожа Муравьева? — цедит сквозь зубы Холодильник, вставая. — Сейчас гораздо важнее, что пообещаете вы мне!

— Я осознаю свою ошибку! — выкрикивает Сальмонелла. — Я доверилась не тем людям. Я тоже жертва обмана!

— Людей называете — и свободны! — резко говорит Холодильник. — Я не ослышался? Их несколько? Или множественное число называется вами обобщенно?

— Это обе ваши женщины! — выкрикивает Сальмонелла. — Обе ваши невесты!

Холодильник показывает удивление слегка прищуренным взглядом, брошенным на одну из камер. И я понимаю, что он смотрит на меня.

— Кого вы имеете в виду? — спокойно спрашивает Холодильник. — Я могу узнать имена?

— А что? У вас их было очень много? — злобно огрызается Сальмонелла. — Не всех помните?

— Откуда мне знать, что ваш список совпадает с моим? — иронизирует Холодильник, а я встречаюсь с насмешливым взглядом Прохора Васильевича.

— Кристина и Светлана! — Сальмонелла вскидывает голову и, не попрощавшись, покидает кабинет Холодильника.

Минут через пять за мной приходит Холодильник. Я вскакиваю ему навстречу:

— Ерунда! Это не они!

— Почему ерунда? — не стесняясь Прохора Васильевича, Холодильник нежно привлекает меня к себе. — Это твои главные конкурентки в борьбе за меня!

— Вот еще! — фыркаю я.

— Что означает твое пренебрежительное фырканье? — строго спрашивает Холодильник. — То, что они тебе не конкурентки?

— То, что я не веду никакую борьбу! — смеюсь я нервно и неискренне. Холодильник кивает головой в сторону двери, и Прохор Васильевич с глупейшей улыбкой выходит из комнаты.

— Жаль… — говорит мне Холодильник, целуя мои руки. — Очень жаль, что ты не хочешь вести за меня борьбу. Хотя… при твоем уме, я понимаю, почему…

— Почему? — глупо и по-детски переспрашиваю я.

— Потому то я сдался тебе без боя, — Холодильник гладит меня по щеке и, наклонившись, целует в уголок губ, но не в губы.

В восемь часов вечера мы с друзьями встречаемся в баре "Уховертка".

— Значит, Светлана и Кристина? — задумчиво спрашивает Ленка. — И чем ты недовольна, Нина?

— Господи! С Сальмонеллой, может быть, разговаривали Кристина и Светлана! Но откуда им знать про прозвище Холодильника? Про моего отца и карты? Про Ленку? Про некоторые мои мысли? — убеждаю я друзей.

— Нинка права! — поддерживает меня Костик. — Слишком много правды и личного в фальшивых дневниках,

— Тогда это кто-то из нас троих или сама Нинка! — смеется Димка. потягивая коктейль.

— Вернулись в точку отъезда! — вздыхает Ленка. — Нинка! Ты немца приличного нашла?

— Нет! Времени не было, — рассеянно отвечаю я.

— Что за немец? — любопытствует Костик. — Нинка переключилась на иностранных олигархов?

— Нужен человек, прилично знающий немецкий язык, — рассказываю я мальчикам.

— А Димка на что? — удивляется Костик, пихая локтем моего помощника, засмотревшегося на блондинку у барной стойки.

— Ты знаешь немецкий? — недоверчиво спрашивает Димку Ленка.

— Я вообще-то немецкую школу закончил! — пыжится Димка, подмигивая блондинке.

— Отлично! — хлопаю я в ладоши. — Я тебе сейчас аудиофайл перешлю, а ты мне переведи диалог Климовых, хорошо?

— Легко! — хвастается Димка и достает наушники.

— Значит так… — хмыкает Димка и переводит диалог Климова-среднего и Климова-младшего почти также, как и Ленка, но с одним отличием.

— Стоп! — останавливаю я его. — Договор или договоренность?

— Vertrag — это как контракт, документ, а Vereinbarung — договоренность, устное соглашение, не юридический документ, — растолковывает Димка.

— Значит… — начинаю я.

— Значит, речь идет о том, что сын что-то пообещал отцу. Ну, вроде как поклялся, что выполнит. И сам назначил цену за клятву. А теперь отказывается от своего слова и готов отдать за нарушение клятвы все, что имеет, — быстро и доходчиво объясняет Димка. — Что-то еще, mein Herz?

Сам назначил цену…

Глава 43. Акценты испанской кухни

Как определить, что человек влюблен?
Просто.
Влюбленный человек действует против своих интересов.
Франсуа Трюффо

— Не по твою ли душу? — хихикает, прикрываясь бокалом коктейля, Димка. Оборачиваюсь. Евгений. По мою, по чью же еще? Мой личный охранник, как огонь боящийся моих прикосновений. Вот интересно, если на меня вооруженная банда нападет, как он меня защищать будет? В кино личная охрана собой закрывает, на землю валит и сверху падает. А мой Евгений от меня пятится, словно я носитель нового неизлечимого вируса.

Стоит в дверях бара и не подходит. Ясно: команды еще не было.

— У Холодильника новая гастрономическая логистика, — сообщаю я Ленке, пока Димка с Костиком отходят к бару за очередной партией коктейлей.

— Гастрономическая? — удивляется Ленка, вздернув маленький носик. — Насчет твоего кормления?

— Что-то вроде того, — смеюсь я. — Представляешь? По его плану обедаем мы каждый день у меня, он сам готовит, потому что близко от работы.

— Нормальное предложение, — поддерживает идею Холодильника Ленка. — А ужин, конечно, в ресторане?

— Конечно, — вздыхаю я. — Сказал, ресторан по моему выбору.

— Тут я тебе с удовольствием помогу! — Ленка в предвкушении довольно потирает руки. — Облазим все сайты, найдем лучшие рестораны, заранее меню выберем!

— Да ужин — ерунда! — объясняю я подруге. — Завтраки — вот проблема! Он хочет, чтобы мы завтракали у него.

— Настырный какой и находчивый! Хорошая схема! — смеется Ленка. — Но ты его хитрость раскусила и не согласилась?

— Тоже мне хитрость! — ворчу я. — Вставать ни свет ни заря, ехать к нему через весь город, завтракать, а потом обратно в агентство! Не завтрак, а кругосветное путешествие!

— Тебе, правда, двадцать пять? Аттестат есть? Диплом? Справка о трудоспособности? — Ленка недоверчиво смотрит на меня.

— Через месяц двадцать шесть… — обиженно отвечаю я на несправедливый и непонятный выпад лучшей подруги.

— О! Это все меняет! — крутит мне у виска Ленка. — Сразу легче стало! Приближаешься к деменции.

— Да что не так?! — возмущаюсь я.

— Да все не так! — Ленка даже хлопает ладошкой по столу. — Он тебе совсем другое предложил!

— И что же? — настораживаюсь я. — Что такого понимаешь ты и не понимаю я?

Хотела добавить "про моего Холодильника", но вовремя одумалась.

— Он тебе предложил у себя ночевать! — маленьким кулачком Ленка стучит себе по лбу. — Расклад такой: поужинали — поехали к нему — переночевали — позавтракали —

поехали в агентство — пообедали в твоей квартире — поужинали…

Смотрю на Ленку ошарашенно и перевариваю то, что она сейчас сказала.

— Он не настаивал… Просто предложил… Я ему несколько раз однозначно проговорила, что у него не останусь, — объясняю я.

— Это было до того, как ты стала его невестой и сама согласилась принимать ухаживания. Между прочим, вариант жить до свадьбы вместе вполне себе распространенный! — улыбается мне Ленка, снисходительно, по-взрослому.

— Я не хочу жить вместе до свадьбы, — упрямо, но твердо говорю я. — Еще и со свадьбой ничего точно не решено. А если ее не будет, этой самой свадьбы?

— Он тебе… нравится, Нина? — сомневается Ленка. — Как мужчина?

— Влюбиться в него очень легко, — откровенно и отчаянно говорю я и с искренней горечью добавляю. — Умный, красивый, не бедный. Сейчас просто обложил меня вниманием и заботой. Как заложницу… Готовит сам. И хорошо готовит. Захочу — полетим в Париж. Не захочу — не полетим.

— Ты боишься? — осторожно и сочувственно догадывается Ленка. — Но почему?

— Я панически боюсь силы его чувства, — быстро отвечаю я и тороплюсь сказать, объяснить, хотя никогда бы не подумала, что самые сокровенные свои мысли и сомнения я буду выливать на подругу в баре "Уховертка", почти перекрикивая громкую мажорную музыку. — Оно родилось из страсти и одержимости. Это очень зыбкая основа. А если, кроме этого, ничего нет? Что тогда? Уползать в свою норку и лежать там, зализывая раны? Всю оставшуюся жизнь шарахаться от мужчин, которые проявят ко мне интерес, подозревая их бог знает в чем?

Ленка некоторое время молчит, наблюдая за тем, как Димка и Костик возвращаются к нашему столику со свежими коктейлями, потом, наклонившись, негромко говорит:

— Это от вас двоих теперь зависит, есть что-то еще или нет. Но без тесного общения, без проверки ты этого не поймешь. Он же не настаивает на свадьбе завтра.

— Почему-то мне кажется, что он и на сегодня согласен! — смеюсь я сквозь слезы, которые появляются ниоткуда. Просто появляются и все… — Лена! Если он действительно откажется от большей части бизнеса из-за меня, то это вообще катастрофа! Эйфория первых дней взаимной любви пройдет, и он не сможет мне простить, что…

— Бред! — шепотом вопит Ленка. — Он взрослый мальчик, принимающий решения самостоятельно не первый год! Он справится!

— Потом поговорим без ребят. Есть еще одна причина… — машу я на Ленку руками, чтобы она замолчала.

— Он тебя просто охраняет или потащит куда? — страшным шепотом спрашивает Димка, садясь за стол и кивая в сторону Евгения.

— Не знаю! — таким же шепотом отвечаю я. — Мне его программа неведома. В любом случае, у Евгения есть приказ и он его выполняет. Сейчас ему, видимо, велено стоять и караулить.

В это время приходит сообщение от Холодильника "Жду твоего выбора. Пора ужинать”. Одновременно с приходом сообщения Евгений начинает движение в сторону нашего стола.

— Нина Сергеевна! Прошу вас пройти в машину! — вежливо, но твердо обращается ко мне Евгений. — Вас ждут.

Прощаюсь с кривляющимися по-клоунски друзьями и выхожу в сопровождении охранника из бара.

— Я еще не придумала, куда надо ехать! — делюсь я с Евгением важной информацией, хватая его за локоть.

Евгений ожидаемо шарахается, избегая моего прикосновения, и ничего не отвечает.

— Подождите, Александр Юрьевич должен подъехать туда, куда я ему скажу! — не сдаюсь я, тормозя движение к автомобилю. — А я еще не выбрала!

Евгений останавливается, и в глубине его глаз я вижу плохо скрываемое недовольство, даже негодование. Да… Не сложилось у нас как-то с Евгением… Может, попросить поменять его на Николая? Тот и пообщительнее, и повеселее…

Охранник открывает для меня заднюю дверь автомобиля и кивком предлагает сесть. Вздохнув, сажусь и обнаруживаю на сидении яркий, но нежный фиолетово-розовый букет.

— Добрый вечер! — за руль автомобиля садится сам Холодильник, какой-то молодой, оживленный. — Этот букет называется "Женское счастье". По крайней мере, так уверял меня флорист.

— Красивый! — растерянно говорю я, беря букет в руки и рассматривая его. — Не знала, что женское счастье именно такого цвета.

— Хризантема кустовая, лимониум, гвоздика, альстромерия, вероника, роза, эвкалипт, фисташ! — докладывает Холодильник, на несколько секунд прикрыв глаза, словно так ему легче вспомнить.

— Ты смог запомнить состав букета? — удивляюсь я. — У тебя хорошая память или ты еще и ботаник?

— Я помню тридцать цифр после запятой в записи числа пи. Учу тридцать первую, — подмигивает мне Холодильник и снисходительно добавляет. — На ботаника обижаться не буду.

— По числу прожитых лет? — не верю я Александру Юрьевичу, разыгрывает, наверное, и смеюсь, вспомнив значение слова "ботаник" на молодежном сленге.

— Ты намекаешь на мой почтенный возраст? — грозно хмурится Холодильник, но не выдерживает и улыбается своей наркотически опасной улыбкой.

— Конечно! — утверждаю я. — Ты мужчина среднего возраста, принадлежишь к возрастной группе с серьезными рисками. Помолодели инфаркты и инсульты, сахарный диабет второго типа.

— Ты серьезно? Мне ведь не сорок, а пока только тридцать, — теперь уже Холодильник хмурится по-настоящему. — Ты еще про проблемы урологи вспомни…

— Да? — радуюсь я и сочувственно спрашиваю. — У тебя есть такие проблемы?

Холодильник, развернувшись ко мне лицом с переднего сидения, довольно жестко говорит, смягчая слова мягким взглядом:

— Жаль, что я уже дал слово, что дождусь твоего решения о глубине и близости наших отношений.

— Жаль?! — дерзко переспрашиваю я, встречаясь с медово-гречишным взглядом. — Ты хочешь взять свое обещание обратно?

— Ни в коем случае. У меня нет такой привычки брать свои обещания обратно, — в тоне Холодильника появляется легкий холод. — Ты решила, куда поедем ужинать?

— Предлагаю тебе самому сделать выбор, — находчиво отвечаю я. — Тебе это сделать легче.

— Никаких предпочтений? — усмехается Холодильник. — А как же любимая монгольская кухня?

— Я при свидетеле созналась, что пошутила, — ворчу я, смущаясь. — Кстати, о свидетеле… Мне понравился ресторан Матвея.

— Хочешь туда? — Холодильник поворачивает ключ в замке зажигания. — Не возражаю. Правда, обязательно примчится Матвей… Но мне же не стоит переживать по этому поводу?

— Переживать тебе ни по какому поводу не надо, — наставляю я. — Помни о группе риска!

Холодильник синхронно рычит и улыбается, отъезжая от бара "Уховертка".

В зале ресторана "Бандерос" много посетителей, играет живая музыка и заняты почти все столики, но нас провожают к зарезервированному.

— Сама выберешь или могу посоветовать? — спрашивает меня Холодильник, производящий своим внешним видом внушительное впечатление. Серый костюм, белая рубашка, серо-лиловый галстук.

Я переоделась еще перед походом в "Уховертку": Ленка принесла мне новинку из своего ателье. Это платье-трапеция насыщенного синего цвета длиной до колен, к которому я надела черные туфли-чулки. Ленка называет выбор всех оттенков синего или зеленого моим способом "подкрасить" радужку.

— Послушаю твоего совета, — ласково улыбаюсь я и этой улыбкой ставлю Холодильника на паузу. — Я в испанской кухне разбираюсь так же, как в монгольской.

— Ты остановилась на испанской? — Холодильник возвращает мне улыбку, теперь зависаю я. — У Матвея есть еще французская, итальянская…

— Хочу оправдать название ресторана, — объясняю я свой выбор и вдруг, глядя на мягкие губы Холодильника, вспоминаю, как он меня поцеловал первый раз.

— Хорошо, — кивает Холодильник. — Думаю, тебе понравится салат из рукколы с шампиньонами. Там еще фета, брынза и оливки.

Киваю головой, уставившись на его губы, которые двигаются, называя слова, каждое второе из которых я не понимаю. Холодильник что-то переспрашивает, по-моему, звучит вопрос "Точно?", я продолжаю кивать. Холодильник наклоняет голову и пожимает плечами. Я не понимаю, что он от меня хочет… Что за ерунда!

Молодой официант расставляет на нашем столе многочисленные тарелки.

— Что это? — пугаюсь я, с трудом очнувшись.

— Bacalao al pil pil, то есть треска апь пиль пиль, золотой гаспаччо, Pollo en pepitoria — это цыпленок в соусе пепитория, ну и морская паэлья, — перечисляя блюда, Холодильник подозрительно кашляет, а наткнувшись на мои выпученные глаза. громко смеется, привлекая внимание посетителей ресторана за соседними столиками:

— Это я еще тебя отговорил от браскады!

— Браскады? — с ужасом спрашиваю я, представив чудовищных морских гадов под каким-нибудь острым соусом.

— Браскада — сэндвич из хрустящего багета с жареным говяжьим филе, луком, беконом и яйцом, — насмешливо успокаивает меня Холодильник. — Испанцы любят очень.

— Я т-т-так не ужинаю! — заикаясь, говорю я.

— Я называл тебе блюда, а ты кивала, когда выбирала, — Холодильник расплавляет салфетку. — Я тебя несколько раз переспрашивал, точно ли ты определилась, и ты снова кивала. Что-то не так?

Какой позор! Впервые в жизни я засмотрелась на губы мужчины! И чьи? Холодильника!

— Милая! Шурка! — радостно приветливый оклик Матвея заставляет меня нервно вздрогнуть. — Какими судьбами? Оценили мою кухню?

Я смущенно улыбаюсь и киваю, похоже сегодня вечером я на большее не способна. Холодильник привстает, чтобы пожать другу руку.

— Нина оказалась ценительницей каталонской кухни, — серьезно говорит Холодильник. — Отдадим должное большому количеству блюд, друг мой!

— Не могли определиться и заказали все? — смеется Матвей и вдруг обращается ко мне с неожиданным вопросом. — А танцы в вашей программе есть, милая?

— Мне казалось, что с этим именем мы расстались? — обманчиво мягко спрашивает Матвея Холодильник.

— Как скажешь… милый! Как скажешь! — смеется Матвей, вставая и протягивая мне руку. — Потанцуем для аппетита?

Испуганно кошу глаза на Александра Юрьевича, который пристально смотрит на Матвея и спокойно говорит:

— Нет. Я не разрешаю. С некоторых пор Нина танцует только со мной.

— Как интересно! — снова садится и лениво откидывается на спинку стула Матвей, элегантно красивый, в классических синих брюках и полосатой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. Он подмигивает мне хитрым серым глазом. — С некоторых пор, значит… И до каких же пор?

— Это как Нина решит, — пожимает плечами Холодильник, кажется, что расслаблено, но на самом деле я вижу, как постепенно каменеют его плечи и снова темнеют карие глаза.

— Ужинаем или танцуем? — пронзительный взгляд Холодильника медленно, физически ощущаемо передвигается с моего лица на шею, плечи, руки, грудь.

— Ужинаем! — пищу я, хватаясь за вилку.

— Приятного аппетита! Не буду вам мешать! Десерт в подарок от заведения!

— Матвей театрально раскланивается и уходит.

— Давай попробуем всего понемногу! — предлагает Холодильник. — Кусочек одного, потом кусочек другого.

— Давай! — неестественно бодро соглашаюсь я. Чем дольше мы едим, тем больше вероятности, что Холодильник забудет про танцы.

Но он не забыл. Когда мы уже попробовали и салат, и гаспаччо, и паэлью, Холодильник встает, подходя ко мне и вставая за спиной, и говорит моей шее, которую душат сумасшедшие мурашки:

— Нужна передышка перед треской и цыпленком!

— Перед треской и цыпленком мне нужна недельная передышка! — глупо шучу я, пряча на колени дрожащие руки.

— Я готов танцевать неделю, — сообщает моей шее Холодильник и, найдя под столом мою руку, поднимает меня со стула, уводя к небольшой сцене, на которой играют музыканты и возле которой танцует насколько пар. Сильные руки обнимают меня за талию и спину и катастрофически близко прижимают к груди Холодильника. Так близко, что я задыхаюсь от смеси запахов: аромата туалетной воды Климова-младшего, в котором я прекрасно чувствую бергамот, красный апельсин, лаванду и базилик, и запаха своего трусливого возбуждения, напоминающего о том, что он красивый мужчина, достойный лучшего.

— Мне нечем дышать! — жалуюсь я партнеру, ведущему меня в медленном танце, в надежде на то, что Холодильник хотя бы слегка разомкнет объятия.

— Это месть! — сообщает Холодильник, нисколько не ослабляя хватку. — Я не дышу уже полгода. Вернее, дышу, но с перебоями и долгой задержкой дыхания. Так и задохнуться недолго…

— Мстительность — еще одно твое замечательное качество? — дурея от очередного завуалированного признания, увожу разговор в сторону.

— Мечтаю об отмщении, — шепчет Холодильник, двигая руку, лежащую на спине, в долгом поглаживающем движении, почти лишая меня врожденной и до мастерства отточенной способности спорить, — Позволила мне продержаться до этого момента.

— Что значит до этого момента? — настораживаюсь я. — Ты решил изменить своему слову?

— Я похож на человека, не умеющего держать свое слово? — начинает нагреваться Холодильник и ослабляет захват, позволяя мне немного отклониться.

— Не хочу задеть твои чувства, но… — начинаю я, — но на моей памяти ты уже дважды отказывался от своего слова.

Холодильник останавливается, пару секунд смотрит на меня не отрываясь, потом, мягко взяв за локоть, ведет к нашему столу.

— Можно поподробнее? — сухо спрашивает он. — Что ты имела в виду?

— Первое, — вздрогнув от этой сухости в голосе, говорю я, — ты снял ограничители к моему карточному выигрышу.

Холодильник кивает, но никак не комментирует сказанное.

— Второе, — решаюсь я сказать то, что мучает меня. — Ich verstehe Deutsch.

— Ты понимаешь немецкий? — переспрашивает Холодильник. — Wie gut? Как хорошо?

— Честно? — морщусь я, понимая, что парой вопросов на немецком он меня раскусит, и не желая обманывать, потому что мне это самой неприятно.

— Желательно, — Холодильник смотрит на меня внимательно и как-то настороженно.

— Я записала на диктофон. И мне перевели, — вздыхаю я. — Прости. Холодильник приподнимает брови и ничего не выражающим взглядом молча смотрит на меня.

— Ты сам отказался от какого-то слова или обещания. Поэтому теряешь почти весь свой бизнес. Добровольно. Хотя делать это совершенно неразумно, необязательно! — быстро-быстро говорю я, боясь, что он меня перебьет и не даст договорить.

— Глупости! — Холодильник не меняет отстраненного выражения лица. — Твой переводчик дилетант-любитель.

Мне бы такого противника для игры в покер… Держится великолепно. Ни одной эмоции на каменном лице…

— Врешь! — констатирую я, как радар, успев засечь в глубине его глаз эмоцию-молнию. — Я и от Юрия Александровича, и от тебя самого слышала, что, решив… жениться на мне, ты очень многое теряешь. И пошел на это сам. И я хочу понять почему!

— Все фантастически преувеличено, — почти лениво говорит Холодильник, но меня ему не провести. — Это просто старая шутка. Я отказался от своего ранее данного слова, но никакая фатальная потеря моему бизнесу не грозит.

Молчу, но по-прежнему не верю. В глазах Холодильника появляются настороженность и досада:

— Пробуешь треску или хочешь цыпленка?

— Я хочу знать правду, — вызывающе смотрю в лицо Холодильника и иду ва- банк, чувствуя, как дрожат мои колени. — У меня серьезные меркантильные цели.

— Даже так? — позволяет себе удивиться Холодильник. — Можешь их озвучить?

Я смотрю на этого уверенного в себе мужчину и мысленно прошу у него прощение за то, что сейчас скажу. Наверное, в моих глазах отражаются мои мучения, потому что Холодильник, наклонившись вперед, вдруг очень нежно говорит:

— Ты зря переживаешь. Все в полном порядке. В моей жизни нет ничего такого, что я бы не мог контролировать.

— Есть! — слишком резко, контрастно его нежности отвечаю я. — Одна вещь есть. Это я.

— Я говорил не об отношениях. Я говорил обо всем остальном, — мягкости в его тоне не убавляется. Холодильник не поддается на провокацию. — И не стоит называть себя вещью.

— Это метафора, — отмахиваюсь я и продолжаю наступление. — Поскольку происходящее связано и со мной, я хочу знать, чего именно ты можешь лишиться и, главное, почему?

Холодильник долго, очень долго не отвечает, словно взвешивает, что можно мне сказать, а что нет. Треска и цыпленок давно остыли, официант дважды подходил и спрашивал, не нужно ли подогреть горячее.

— Нина! Мой бизнес, его потери и приобретения, не имеют отношения к нам, — твердо произносит, наконец, Холодильник, давая понять, что закрывает тему раз навсегда.

Я отчетливо понимаю, что то, что сейчас буду говорить, произносить нельзя. Что я сейчас испорчу, даже уничтожу что-то новое в себе, что-то, рождающееся в муках и сомнениях, слабое, но уже явно ощущаемое, хотя робкое, беспомощное. Малодушно тяну время, трусовато оглядываюсь по сторонам, словно ищу пути отступления.

Холодильник делает знак официанту, и тот все-таки уносит наши тарелки, то ли разогревать остывшие блюда, то ли выбрасывать.

— Я правильно понял, что ты не будешь горячее? Звать Матвея с десертом?

— буднично просто спрашивает меня Холодильник, словно за пару минут до этого мы не говорили о самом важном, о том, что разрывает меня на части.

— Жаль, что ты не хочешь рассказать мне правду, — кусаю я губы, нервно расправляю ткань платья на коленях и кладу подрагивающие руки на стол.

— Я смелее тебя.

— Еще моложе, красивее, добрее, — смеясь, подхватывает Холодильник и тянется ко мне, чтобы положить свою руку на мою. — Не забудь про скромнее.

Я отдергиваю свою руку от его руки, чтобы не получить ожог.

— Тебе придется меня выслушать, Саша, — говорю я. — Чтобы потом сюрприза не было.

Холодильник медленно убирает свою руку и смотрит на меня не мигая.

— Вернемся к твоему бизнесу! — приглашаю я собеседника. — Вернее, сначала к нашей договоренности о моем новом статусе.

— Что не так с твоим новым статусом? — холодно спрашивает Холодильник.

— Я хочу быть невестой владельца заводов, газет, пароходов, — нагло говорю я, прижимая друг к другу трясущиеся колени. — И если ты по собственной глупости собираешься отказаться от львиной доли своего бизнеса, то уволь…

— Уволить тебя из агентства? — уточняет сквозь зубы Александр Юрьевич.

— Нет! — нервничаю я. — Уволь — значит не буду.

— Не будешь что? — снова уточняет Холодильник, мрачнея на глазах.

— Не буду твоей невестой! — храбро выкрикиваю я, и на наш столик начинают оборачиваться гости ресторана.

— Почему? — глаза Холодильника резко темнеют на два тона сразу.

— Потому что я думала, что вы… ты очень богатый человек! — шепотом говорю я, стесняясь всеобщего внимания. — А теперь это будет не так!

— Нина! — на меня дышит холодом сама Арктика. — Ты даже не представляешь размеры моего бизнеса, капитала. Уверяю тебя, что ты не заметишь никаких потерь, поскольку жизнь твоя вместе со мной станет ярче, богаче, интереснее во всех смыслах.

— Значит, потери все-таки будут? — цепляюсь я к словам.

— Это никого, кроме меня, не касается! — Холодильник откидывается на спинку стула и перекрещивает руки на груди.

— Я ценю твою жертву, если она имеет место быть, — официально начинаю я свою мерзкую речь. — Не будем ходить вокруг да около. Я хотела бы получить не только тебя, но и все, что ты имеешь. Ключевое слово "все". Иначе игра не стоит свеч… А поскольку это невозможно, извини… Я достойна большего. Не буду размениваться…

Я встаю на дрожащих ногах, беру сумочку и говорю застывшему Холодильнику:

— Я доберусь сама. Спасибо за ужин. Передай мою благодарность и мои извинения Матвею.

Он ничего не отвечает, глядя на меня мгновенно потухшим взглядом, словно лесной пожар потушили по мановению волшебной палочки. Но когда я делаю первый шаг от стола, резко говорит:

— Стоять!

Грубая команда помогает мне прийти в себя, и я использую последний, только что придуманный, но абсолютно железобетонный аргумент:

— Саша! Это были мои дневники. Да. Написаны они другим человеком, но под мою диктовку.

Эти слова вызывают новый лесной пожар в глазах Холодильника. И теперь он неконтролируемо полыхает, всепожирающий, яростный, адский и умирающий одновременно.

Быстро выхожу из ресторана на улицу. Ближайшие планы: не расплакаться и вызвать такси. Почему в любовных романах слезы героинь прозрачны, просто хрустальны, а мои мутны и не дают видеть даже на метр вперед? Сейчас прямо передо мной стена, но я прекрасно помню, что никакой стены здесь не было, а была длинная и широкая лестница, ведущая на парковку.

Стена движется мне навстречу. Евгений.

— Позвольте проводить вас в машину, — произносит он дежурную фразу.

— Спасибо, но я на такси, — бормочу я, пытаясь обойти широкую черную стену.

— Позвольте проводить вас в машину, — в голосе Евгения появляется интонация настойчивости.

— Спа-си-бо! — говорю я по слогам, почти срываясь на крик. — Но я еду на такси!

— Позвольте проводить вас в машину, — как робот, повторяет Евгений. Вовремя вспоминаю, что он боится моих прикосновений, и хватаю его за руки:

— Женечка! Отойдите! А то я вас ударю!

Евгений вздрагивает, не от угрозы, конечно, а от того, что я его касаюсь. Мой бывший

охранник впервые за все время нашего тесного общения не шарахается от меня, а наоборот. берет меня за локоть, аккуратно, но крепко.

— Позвольте проводить вас в машину.

— Да что ж такое! — кричу я. — Вы больше не мой охранник! Александр Юрьевич вам сам скоро все объяснит!

— Александр Юрьевич нам все уже объяснил, Нина Сергеевна. Только что, — возле Евгения ниоткуда возникает Николай и повторяет слова Евгения, вежливо. настойчиво. — Позвольте проводить вас в машину.

— Вы что-то путаете! — от бессилия перед ситуацией высыхают мои слезы.

— Никак нет! — как всегда, по-военному отвечает Николай, и меня по белы рученьки ведут к машине Холодильника.

Холодильник, уже сидящий за рулем, оборачивается ко мне, буквально парализуя взглядом, воспаленным, каким-то охмелевшим, хотя за ужином мы не заказывали алкоголь, и хладнокровно выцветшим голосом совершенно спокойно говорит:

— Я тоже хотел бы получить кое-что… Но немного наоборот. Не то, что ты имеешь… а тебя.

Глава 44. Катарсис

Любая страсть толкает на ошибки, но на самые глупые толкает любовь.
Франсуа де Ларошфуко

По семейной легенде, эти серебряные с позолотой канделябры — любимцы эфемерно существующей Ольги Ждановны Райской. Я вставила в них свечи, зажгла, теперь лежу на диване в гостиной и смотрю на огонь. Он желто-оранжевый, спокойный и умиротворяющий. Интересно, сколько поколений до меня вот так смотрели на подобные язычки пламени? Может, писали любовные письма… Может быть, вышивали или музицировали… А я думаю…

Думаю о том, как странно сложилась моя жизнь, начиная с того промозглого ноябрьского дня, когда Юрий Александрович сообщил мне, что женится, уезжает в кругосветное путешествие, а агентством будет управлять его сын Александр. А потом первая встреча с Климовым- младшим… Тот день, когда он стал Холодильником…

Я останусь слезою на мокром стекле,
Если сдавит виски в ожидании вздоха.
Это я, наконец, осознала, что мне
Без тебя и с тобой одинаково плохо… *

— Я тоже хотел бы получить кое-что… Но не то, что ты имеешь… а тебя.

Эти слова преследуют меня и не перебиваются никакими стихами. После этой фразы мы в полной тишине сидим в автомобиле Холодильника не меньше получаса. Тишина глубокая, вязкая и какая-то опасная.

Она давит на меня не хуже сказанных Холодильником слов, становясь… подбираю слова для описания ощущений: напряженно обманчивой, ожидающе томительной, невыносимо многозначительной, тягостно угнетающей, постепенно превращаясь в мучительно виноватую.

Он молчит, потому что тоже подбирает новые слова для меня. Это понятно по рукам с набухшими венами, вцепившимся в руль, по взгляду, безотрывно следящему за мной в зеркале, взгляду, ставшему совсем темным, свинцовым.

Странно, но я перестаю дрожать: успокоились и колени, и руки, и все тело. Только сердце стучит рвано, не соблюдая хронометраж, словно забыло заданную частотность.

— Мы поедем? — тихо спрашиваю я, надеясь на человеческий ответ.

— Договоримся и поедем, — так же негромко отвечает Холодильник, убрав руки с руля и разминая онемевшие пальцы.

— Договоримся? О чем? — я не могу оторваться от отражения в зеркале, а Холодильник не оборачивается и не смотрит на меня "вживую".

— О том, как будем сосуществовать теперь, когда вы выложили все свои тайные козыри, — снисходительная усмешка пугающе искажает красивое лицо волевого мужчины. — Не буду благодарить вас за откровенность, хотя должен был бы… Впервые в жизни задумался над тем, что предпочел бы ложь вместо правды. Вы пошатнули основы моего мировоззрения, госпожа Симонова-Райская.

Холодильник переходит на "вы". И мне кажется, что это его удерживает от чего-то темного, неконтролируемого, того, что он из последних сил старается удержать. Я не знаю,

что ответить и на это признание, поэтому только судорожно вздыхаю.

— Я сдержу слово, данное и вам, и не вам, — Холодильник, наконец, все-таки оборачивается и встречается со мной взглядами. — У меня есть возможность при любом раскладе удвоить и даже утроить свой капитал. Мои финансисты документально докажут вам это. Завтра.

— Зачем? — ошарашенно спрашиваю я, прижав к себе сумочку, словно в ней спрятано что-то ценное для меня и я это защищаю.

— Чтобы вы убедились, что выходите замуж за богатого человека, которого не разорит и не выведет из строя старый глупый спор. Ровно через две недели я получу в три раза больше, чем потеряю, — иронично отвечает мне Холодильник и добавляет. — Вы можете взять с собой любого известного вам финансового специалиста, если опасаетесь чего-то не понять. Или даже нескольких.

Самый известный мне финансовый специалист — это моя мама. Но вряд ли она что-то поймет. Вершина ее личной финансовой пирамиды — удачно и вовремя проданные ваучеры "МММ".

— Не нужно, — бурчу я. — Я верю вам на слово.

Вот и я перешла на "вы".

— Зато я не верю. Никакой веры на слово! — жестко и даже грубо отвечает на мою реплику Холодильник. — Я настаиваю.

— У меня нет финансового специалиста! — срываюсь я на полукрик.

— Тогда консультант, — устало говорит Холодильник, которого не трогает мой срыв.

— Он мне не нужен. У меня накоплений меньше ста тысяч. Даже сберкнижки нет! — фыркаю я. — В чем он меня проконсультирует? Как мне потратить мою зарплату? Я и без него справляюсь за неделю, а то и за пару дней!

— Тогда нанимайте его на все деньги, что у вас есть, — пренебрежительно советует Холодильник. — Я вам все компенсирую.

— Вы поняли меня слишком буквально! — раздражаюсь я, отшвырнув от себя бесполезную сумочку. — Я не требовала от вас меня содержать!

— Вы требовали все, что у меня есть, — спокойно напоминает мне Холодильник. — И я готов дать вам все и даже больше.

— Я уже не готова это принять! — сопротивляюсь я, с каждой минутой с ужасом осознавая, какую кашу заварила для сегодняшнего ужина.

— А вас уже никто не спрашивает! — неожиданно ласково говорит Холодильник. — Бойтесь своих желаний…

— Я желала совершенно другого, — упрямо трясу головой. — Вернее, не желала ничего! Это вы меня выбрали для… для…

— Для чего же я вас выбрал? — цинично усмехается Холодильник. — Удивите меня!

— Я не могу сказать для чего, я могу сказать почему! — храбро отвечаю я. — Вам первый раз в жизни отказала девушка! И вы, вместо того, чтобы отступиться и переключиться на любую другую, вбили себе в голову, что именно я вам нужна! Любой ценой! Самой невероятной, самой глупой ценой! Вы были готовы даже жениться…

— Я и сейчас готов! — цедя слова сквозь зубы, перебивает меня Холодильник. — Поэтому правильнее будет сказать — женюсь. И вы мне больше не откажете, поскольку причин для этого больше нет.

— Как это нет?! — задыхаюсь я и краснею, вспоминая все, что наговорила в

ресторане. — А наша взаимная неприязнь? Такая сильная, такая настоящая?! Разве на такой основе создают семью?

— У некоторых нет и этого, — философски пожимает плечами Холодильник. — А у нас с вами чистое, ничем не замутненное чувство…

— Издеваетесь? — теперь горько усмехаюсь я.

— Совсем чуть-чуть… — грустно улыбается Холодильник и спокойно добавляет. — Значит, все остается на своих местах? Я богатый жених, вы довольная невеста.

— И жених, и невеста должны быть счастливыми, — слабо сопротивляюсь я.

— Кто ж виноват, что для вас счастье в другом? — осматривая меня сухим, колючим взглядом, скептически спрашивает Холодильник.

— Не надо утрировать! Вы сами это придумали! Вам никто руки не выкручивал! — возмущаюсь я, избегая его взгляда. — Сегодня я предложила вам прекрасный выход!

— Он не устраивает меня! — строгому, резко очерченному лицу Холодильника позавидует любой скульптор. — С недавнего времени, госпожа Симонова- Райская, с легкой руки кого-то там, наверху, свою жизнь я представляю только с вами. Поэтому у нас есть, надеюсь, три-четыре десятка лет, чтобы полностью раствориться в этом взаимном чувстве.

— Во взаимной неприязни?! — не верю я собственным ушам. — Зачем? Это мазохизм какой-то! Так не бывает!

— Почему не бывает? — и снова эта циничная улыбка. — А мы?

Холодильник заводит машину, и через сорок минут мы уже у дверей моей квартиры.

В пути мы не разговариваем, и Холодильник даже не смотрит на меня. Негромкая музыка доносится из радиоприемника, как будто в насмешку звучит песня о странной любви-нелюбви.

Снова нет вестей,
И с Богом нам не вымолить и строчки.
Не найти чернил.
Мир теперь ничей,
Мы держим оборону в одиночку
Из последних сил.

Он не отказывается от меня и не принимает моего отказа. Его не отталкивают ни моя меркантильность, ни моя "правда" про фальшивый дневник. Его вообще ничего от меня не отталкивает!

Сверху вниз
Смотрит небо в отражение страниц,
Мы с тобой в одной вселенной
Не нашлись.

Странно… Но мои недавние страхи, не дающие мне спокойно спать, сейчас, в эти минуты, ко мне не возвращаются. Сумасшедший дом… Но я сижу на заднем сидении автомобиля Холодильника и представляю себе, что могло бы быть, если бы я сразу ответила согласием на его предложение о замужестве?

Меркнет свет, и города лежат в пыли.
Что нам делать этой ночью?
Мир объят любовью и ненавистью,
Ветер пахнет кровью, я жду новостей. *

Холодильник провожает меня до самой двери. За руку больше не берет. Просто идет

сзади, как конвой. У дверей разворачиваюсь к нему лицом.

— До свидания, — негромко говорю я, пытаясь не встретиться взглядом.

— Первая неожиданность! — усмехается Холодильник. — Моя девушка первая предлагает свидание. Сразу соглашусь. Вдруг вы второй раз не предложите? Предлагаю сразу завтра.

— У меня есть условие… — робко начинаю я.

— Как?! Еще одно?! — Холодильник осторожно поднимает мой опущенный подбородок и насмешливо смотрит прямо в глаза. — Не много ли? И все мои деньги, и еще какое-то условие?

— Да! Условие! — уже значительно смелее отвечаю я, ощущая, как от прикосновения пальцев Холодильника к моему лицу кожа тает и плавится, как холодное мороженое, к которому приложили горячую ложку.

— Даже любопытно! — Холодильник проводит большим пальцем по моему подбородку. — У меня, кроме меня самого и моего бизнеса, больше нет ничего, что могло бы вас заинтересовать.

— Это условие совершенно легко выполнить, — обещаю я, для верности честно распахивая глаза.

Холодильник ныряет в мой взгляд так по-настоящему, так осязаемо, что я чувствую тот миг, когда он начинает почти задыхаться от такого резкого и глубокого погружения. Но ему хватает сил пошутить перед тем, как задохнуться:

— Зачем вам то, что выполняется легко? Это невыгодно, ведь вы можете получить больше.

Холодильник прижимается горячими сухими губами к моей шее, и у меня подгибаются ноги. Меня крепко подхватывают за талию и прижимают к себе в каком-то отчаянно безнадежном порыве. Губы Холодильника прокладывают трепетную дорожку по всей длине шеи к уху, щеке. Дрогнув, раскрываются мои губы, но в губы меня Холодильник не целует. А говорит в них, словно пьет мое дыхание:

— Чем могу услужить еще?

— Никаких помолвок в нашем агентстве! — выкрикиваю я неадекватно ситуации, тихой, нежной, почти деликатной.

— Нужно поклясться? — контрастным шепотом спрашивает Холодильник и кладет мою правую ладонь на свое сердце. — Клянусь! Никаких помолвок в моем агентстве! Довольны?

— Почти… — отвечаю я, чувствуя, как глухо бьется под моей ладонью его большое сильное сердце.

— Ваша алчность не знает предела! — ласково упрекает меня Холодильник. — Неужели вам нужно что-то еще?

— Я имела в виду, что быть довольной не могу. Все идет не так, как… мне бы хотелось, как я себе представляла раньше… — пытаюсь объяснить я.

— Может, это наказание за корыстолюбие? — предполагает Холодильник. — Но я вас утешу. Заходите в свою светелку, красавица, и у вас исполнится еще парочка заветных желаний. Захотелось их исполнить еще до нашего ужина. Не ожидал, что он так сложится, но не забирать же обратно…

Холодильник разворачивает меня лицом к двери и прощается:

— До завтрашнего свидания!

В гостиной на журнальном столике вижу что-то, чего до этого у меня не было. Приближаюсь с опаской, думая о том, как же Холодильник попадал в мою квартиру. Либо вскрывал, либо Карповы давали ключи.

Это маленькая изящная прозрачная вазочка, в которой стоит орхидея. Включаю торшер. Орхидея потрясающего алого цвета. Рядом конверт из золотой бархатной бумаги. Внутри… сертификат. "Настоящим подтверждается внесение записи в "Международный каталог небесных тел" о присвоении звезде с координатами… двенадцатой величины в созвездии Рака имени "Нина" ROSKOSMOS".

Надо же… Звезда с неба и цветочек аленький.

Со стороны двух трехрожковых канделябров раздается треск. Это одна из свечей начинает потрескивать, пламя метаться, словно кто-то издалека дует только на одну из шести свечей. Треск этот кажется таинственным, даже сакральным. Пять свечей горят ровно, как-то неспешно, с поистине дворянским достоинством, а одна нервно, дергано, странно.

На память приходит Бродский:

Зажжем же свечи.
Полно говорить,
что нужно чей-то сумрак озарить.
Никто из нас другим не властелин,
хотя поползновения зловещи.
Не мне тебя, красавица, обнять.
И не тебе в слезах меня пенять;
поскольку заливает стеарин не мысли о вещах,
но сами вещи.

Как великие поэты могут так точно выразить мои! мысли? Наверное, в этом и состоит их величие… И заливает стеарин не мысли о вещах, но сами вещи…

Странная свеча горит ярче и сильнее других, а значит, и прогорит быстрее всех. Загадываю на нее желание, когда раздается телефонный звонок. Два часа ночи… Холодильник.

— Я не смог уйти… Вы можете спуститься?

— Я уже сплю, — трусливо и хрипло вру я.

— Пожалуйста… — коротко и просто говорит он и замирает в ожидании.

— Хорошо, — сдаюсь я.

Все равно не засну пока. Встаю с дивана. Мое чудесное платье-трапеция помялось. Переодеваться не хочу. Наскоро делаю высокий пучок из нерасчесанных волос и босиком спускаюсь в холл.

Холодильник ждет меня, не отрывая взгляда от лестницы. Подхожу и останавливаюсь подальше, шагах в двух.

— Тоже не спалось? — глядя на мое платье, спрашивает он.

— Гадала при свечах, — отвечаю я.

— На кого? — устало улыбается Холодильник. — Неужели на меня?

— На себя, — сознаюсь я, расправляя мятый подол.

— И что выпало? — Холодильник не делает попытки подойти ко мне. — Сундук с золотом?

Я не отвечаю и молча смотрю на него. Холодильник медленно подходит и останавливается близко-близко:

— Я никогда не гадал по свече… Научите? Впрочем, я вообще никогда не гадал…

— Вам на богатство? — против воли улыбаюсь я.

— Мне на любовь, — шепчет Холодильник и шутит. — Мадам раскинет карты?

— Что вы! — искренне возмущаюсь я. — Настоящий игрок так карты не оскорбляет! Да и гадают на других картах, специальных. У меня таких нет.

— Жаль… — левую руку Холодильник кладет мне на затылок, а правой обнимает за талию, прижавшись губами к моей макушке. — У меня впервые в жизни возникает странное желание погадать. Не знаете почему?

— Я не специалист по компульсиям, — мычу я, уткнувшись в его крепкое плечо.

— Вот! Вы даже слово знаете! — говорит Холодильник. — И что же это? Желание погадать?

— Нет, — снова мычу я. — Это периодически возникающее навязчивое желание совершить определенное действие, в том числе и ментальное, ритуальное.

— Это опасно? — с деланным ужасом спрашивает Холодильник.

— Да, — непроизвольно улыбаюсь я. — Невыполнение вызывает тревожность.

— Обсессивно-компульсивное расстройство из этой оперы? — интересуется Холодильник.

— Думаю, да, — высвобождаясь из теплых объятий, говорю я. — В чем ваше психическое расстройство?

— В одном навязчивом образе, — доверительно рассказывает Холодильник. — Не могу избавиться…

— К врачам обращались? — неловко шучу я, не зная, что еще можно сказать.

— Нет. Не обращался. Ни в коем случае. Вдруг они меня вылечат? А я этого не хочу, — Холодильник протягивает руки к пучку моих волос и неожиданно вытаскивает обе шпильки.

Волосы рассыпаются по плечам, и Холодильник начинает томительно медленно пропускать мои волосы сквозь пальцы. Я теряю способность дышать. Вот так просто. Стою и не дышу, но не задыхаюсь.

Холодильник берет мое лицо в руки и большими пальцами синхронно рисует мои брови от переносицы к уголкам глаз:

— Это вообще законно? Иметь такие глаза?

Не имея возможности дышать, я почему-то открываю рот, а потом закусываю нижнюю губу.

— Я проконсультируюсь у своих юристов, — обещает Холодильник, мягко целуя меня в правую, потом в левую бровь. — И если это все-таки незаконно…

— Вы подадите на меня в суд? — нервничаю я, не поддерживая шутку.

— Обязательно. И предъявлю сумасшедший иск, — обещает Холодильник без тени улыбки.

— Чтобы отсудить все то, что собираетесь положить в сундук? — решаю и я пошутить.

— Чтобы получить вас в вечное пользование, — объясняет серьезный Холодильник.

— Не очень-то приятные ощущения вызывает слово "пользование", — ворчу я, дерзко встречаясь с ним взглядом.

— А так? — быстрые, легкие поцелуи перемещаются со лба на щеки, подбородок и обратно.

— Что так? — переспрашиваю я, отчетливо понимая, что он не поцелует меня в губы, по какой-то ему одному понятной причине, но не поцелует…

— Мы можем подарить друг другу все это и даже больше, — губы Холодильника замирают возле моих. — Все зависит только от нас. Я выполню все свои обещания. Все до одного.

— Спасибо за аленький цветочек. Очень мило! — нарочно сбиваю я его с этого направления разговора. — Со звездой вы погорячились… Что я буду с ней делать?

— Владеть, — пожимает плечами Холодильник, отпустив меня. — Конечно, в свете нашего сегодняшнего ужина я должен был бы подарить вам в качестве звезды бриллиант, но… Эти подарки я придумал раньше.

— Это настоящий сертификат? * недоверчиво интересуюсь я, сделав вид, что не услышала слова о бриллианте.

— Оказалось, что да, — усмехается Холодильник. — Приятель подсказал.

— Это дорого? — спрашиваю я.

— Недешево, — кивает Холодильник. — Но я справился. И эти траты я могу восполнить.

— Вы намеренно хотите меня задеть? Оскорбить? — начав дышать, спрашиваю я.

— Я не сказал больше. чем сказали вы сами, — возражает нахмурившийся Холодильник. — Но… простите… Да. Хотел задеть. Прошу прощения.

— Мне нужно идти, - говорю я, разворачиваясь к лестнице. — До завтра…

— До сегодня. — поправляет меня негромко Холодильник, не удерживая.

Когда я прохожу первый пролет, все-таки окликает:

— Так что вы там нагадали, Нина?

— Сначала потеряю, потом найду, — на ходу сочиняю я, не оборачиваясь. Свечи продолжают гореть. И я с опозданием понимаю, что рисковала, уходя из квартиры, в которой остались непотушенными шесть свечей. Запоздало напугавшись, хватаюсь за сердце, выпрыгивающее из груди. Вот всегда смеялась над подобным олицетворением в художественной литературе.

Свеча-одиночка почти догорела. Подхожу и дую на нее. Пламя дергается, но не гаснет. Дую еще раз. Оранжевый огонек делает широкое танговое движение в сторону, но не сдается. Нервно смеюсь, подхожу совсем близко, почти плюю выдыхом на стойкого смельчака. Выгнувшись в сальто, огонь почти гаснет, но, хитро подмигнув мне, мгновенно восстанавливается.

— Да что ж такое! — вслух говорю я и гашу огонь большим и указательным пальцами, взвизгнув от острой боли.

Подушечки пальцев покраснели и болят. Что же это означает, если я загадала, надолго ли хватит чувств Холодильника?

* Жюли Верс

* Песня группы "Би-2"

Глава 45. Пати

Трое друзей в лодке, один из них начинает ее раскачивать.
Чтобы спасти свои жизни, что делают двое остальных?
Выбрасывают его за борт. Обмани меня / Теория лжи (Lie To Me)

Майское утро начинается с решительного выбора делового наряда, не вписывающегося в дресс-код. Буду искать компромисс: не джинсы с футболкой, конечно, но и не мертвые платья и костюмы.

— Революцию решила устроить? — смеется надо мной Ленка, которой я звоню. пока варю кофе в турке.

И это тоже разрыв шаблона. Не пара нажатий на кнопочки кофе-машины. а целый ритуал. Достаю медную турку Ольги Ждановны. Набираю в поисковике "Как правильно варить кофе в турке дома?".

"На стакан воды положите пять чайных ложек кофе и две чайные ложки сахара. Получится крепко и сладко. Кофе кладите в холодную турку, туда же наливайте холодную воду и добавляйте сахар. Поставьте турку на медленный огонь и не отходите — следите. когда начнет подниматься пена, в этот момент выключите. Подождите три-пять минут. Все! Домашний кофе готов".

Кофе получился, как и предсказывалось, крепким и сладким. Но главное, получился! Будем считать это хорошим знаком в начале нового дня. Сегодня не понедельник, а пятница. Поэтому шансов на позитивное начало, согласно суевериям, больше.

— Для дресс-кода с небольшими нарушениями могу предложить десятки вариантов! — воодушевляется Ленка. — Сейчас пришлю кого-нибудь из ателье. Увидишь — пальчики оближешь!

Пальчики облизывать я, конечно, не стала, но восхитилась искренне. Это было платье в стиле кимоно с запахом, широким поясом и дизайнерским воротником "кобра". Платиново-серый цвет производил настолько благородное впечатление, что я даже несколько с наслаждением провела по платью рукой.

Я заплела волосы во французскую косу и уложила ее на голове короной. К платью приколола брошь-стрекозу с аметистовыми крыльями, а потом долго подбирала к серым теням вторые оттеночные, чтобы они совпали цветом со стрекозьими крыльями.

Сфотографировала себя в зеркале и отправила Ленке.

— Вау! — тут же перезвонила она. — Поясни! Ты сдаешься или вышла на тропу войны?

— Я становлюсь сама собой! — выдвигаю я лозунг.

— Вряд ли! — сомневается моя ехидная подруга. — Бывшая Нина надела бы джинсы, свитер или пуловер. А прическа была бы наглым хвостом. И это максимум!

Внутренне соглашаюсь с Ленкой, рассматривая новую Нину в зеркале.

— Кому ты хочешь понравиться? Ему? — не отстает дотошная Ленка.

— Себе, — максимально честно отвечаю я, поправляя брошку и подмигивая своему отражению.

— Умница! — как заботливая мать и учительница, хвалит меня Ленка. — Теперь ты очень похожа именно на госпожу Симонову-Райскую, как тебя твой Холодильник называет.

Мой Холодильник… Взяв папку с материалами проекта для Тарасовых, отправляюсь к

нему в кабинет, чтобы получить окончательный вердикт: запускаем или нет. В приемной пусто, нет даже Риммы Викторовны. Пока я раздумываю, стучать или ждать секретаря, она выходит из кабинета Холодильника и, увидев меня, хитро улыбается, оставляя приличную щель. Римма Викторовна прикладывает палец к губам и на цыпочках выходит из приемной, видимо, чтобы меня не смущать.

Ее ухищрения бесполезны. Громкие голоса за дверью слышны и без подслушивания: спорят Холодильник и Юрий Александрович, громко и, видимо, давно.

— Меня, конечно, восхищает твое упорство, сын! Сейчас самое главное, чтобы ты все это делал не назло мне! — в голосе старого хозяина я чувствую серьезное, не наигранное беспокойство.

— Я вышел из того возраста, чтобы делать что-то тебе наперекор, — Холодильник говорит тише и спокойнее отца. — Чтобы досадить тебе, я не стал бы калечить свою жизнь. Ты сам себе такой подарок сделал.

— Ты говоришь о Кристине? — Юрий Александрович понижает голос. — Я знаю, ты был удивлен…

— Я был поражен, если честно! — в тоне Холодильника появляется хорошо считываемая насмешка. — Ты столько лет был один, а потом выбрал эту… Тогда, когда уже и опытен, и мудр…

— Ты знаешь, сынок… — Юрий Александрович говорит медленно, словно тщательно взвешивает каждое слово. — Ты почти прав. Но в моей ситуации важную, даже определяющую роль играет это самое "почти". А что стало определяющим для тебя? Почему все-таки Нина?

— Мне кажется, ты прекрасно знаешь почему, — я чувствую теплоту, появившуюся в голосе Холодильника. — Отец, я вижу это удовольствие в твоих глазах. Ты оказался прав — я ошибся. Ты победил — я проиграл. Эта формула всегда приносила тебе полное удовлетворение.

— Нет! — резко отвечает старый хозяин. — До полного удовлетворения еще далеко!

— То есть ты не успокоишься, пока не пустишь меня по миру? — Холодильник смеется мягко, бархатно, почти нежно, и это не кажется рисовкой. — У тебя не получится.

— У меня другая цель, прямо противоположная! — в ответе Юрия Александровича досада и разочарование. — Но тебе же все надо сделать по- своему!

— Раньше казалось, что мне надо много, — в тоне появляется твердость и даже жесткость, Холодильник явно пытается закончить разговор с отцом. — Теперь оказалось, что мне достаточно счастливого списка из одного пункта. И я от него не откажусь ни по какой причине. Тем более по той, какую предлагаешь мне ты.

— Хорошо! — вздыхает Юрий Александрович. — Делай, как решил! Ты будешь праздновать помолвку? Надеюсь, мы с Кристиной приглашены?

— Нина не хочет никакой помолвки, — ответ Холодильника спокоен и тверд. — Значит, никакой помолвки не будет.

— Сегодня Кристина организует вечеринку, — я чувствую, хотя и не вижу, как старый хозяин усмехается. — Она сказала "пати". Вы с Ниной приглашены.

— Кристина — пакимейкер? — теперь усмехается Холодильник. — Не староват ли ты для пати, отец?

— В самый раз! — смеется Юрий Александрович. — Не поверишь! Я теперь знаю, что такое хайлайтер!

— Highlight? — переспрашивает Холодильник. — От этого слова?

— Да! — отец Холодильника почти хохочет. — Ты, как любитель красивых женщин, должен бы знать и это!

— Красоте моей женщины не нужно добавлять блеска и гламура и что-то подчеркивать, — отвечает Холодильник. — И спасибо, но нет. Мы не придем на вашу с Кристиной пати.

Резко толкаю дверь от себя и захожу в кабинет Холодильника.

— Саша! Доброе утро! — улыбаюсь тысяч на сто. — А куда мы не пойдем и почему?

Мужчины, стоящие у дверей, застывают от неожиданности и смотрят на меня. Холодильник пораженно, а Юрий Александрович как-то странно, каким-то удивленным, печально добрым взглядом.

— Доченька! — старый хозяин берет мои руки в свои и целует обе. — Как ты сегодня прекрасна!

Мягко высвобождаю руки и протягиваю правую Холодильнику. Тот медлит пару секунд, в его глубоких карих глазах мелькает молнией какое-то чувство, потом он берет меня за руку, переплетая наши пальцы.

— А почему мы не пойдем? — снова спрашиваю я своего жениха. — У нас другие планы на пятничный вечер? Ты не говорил мне…

— Я не знал, что будет пати, — странным тоном отвечает мне Холодильник, да и выглядит он, как человек, что-то с трудом вспоминающий после долгой амнезии.

— Ну… Вам же не нужно к ней готовиться! — уговаривает сына отец. — Кристина будет рада. Небольшая веселая вечеринка, человек на тридцать- сорок. Кристина обещала, что будет весело.

Кристина? Обещала? Обхохочешься! Мои мысли роятся, как пчелы, нудно гудя и преследуя четкую цель.

— Если ты хочешь, Нина… — осторожно начинает Холодильник, которого я тут же перебиваю.

— Я давно не была на вечеринках! — честно говорю я, распахивая глаза.

— Как скажешь, — все еще недоверчиво отвечает мне Холодильник. — Пати так пати…

— Чудесно! — Юрий Александрович пожимает на прощание руку сыну, улыбается мне и уходит. — До вечера!

Мы молчим и смотрим друг на друга. Теплые глаза Холодильника осматривают меня с нескрываемым удовольствием.

— Ты сегодня какая-то трогательно красивая, — шепчет он, протягивая руку и гладя мою косу. — И глазами опять колдуешь…

О! Мы опять на "ты"?

— Не колдую. Просто умею краситься. Мы с Ленкой год назад проучились на курсах у очень крутого и дорогого визажиста, — рассказываю я, погрузившись в коричневые омуты. — Я была отличницей…

— Это заметно, — усмехнувшись, отвечает мне Холодильник. — Ты правда пойдешь на пати?

— Почему нет? — пожимаю плечами. — Если входить в твой круг, то почему не с этой пати?

— Входить в мой круг? — усмешка Холодильника становится циничной, и он аккуратно берет меня за плечи. — Вы решились в него войти?

— Ты не оставил мне выбора. Это ведь и твое желание, Саша? И мы на "ты" или на "вы"? — спрашиваю я, чувствуя, как хватка Холодильника становится крепче.

— И мое желание, — шепотом повторяет мои слова Холодильник и прижимается губами к моему виску. — Что ж… Любой твой каприз…

— Любой? Точно? — отстраняюсь я. — Тогда у меня три!

— Хорошо! Начинай заказывать, — Холодильник снова обнимает меня, теперь за талию. — Буду твоей золотой рыбкой!

— О! — иронизирую я, подрагивая в его руках. — Мне кажется, на стрекозу рыбу не ловят.

— Крупную ловят, — доверительно сообщает Холодильник, согревая дыханием мое ухо. — У тебя сейчас глаза цвета ее крыльев.

— Аметистовые? — недоверчиво спрашиваю я. — Бывают такие глаза?

— У тебя же есть, — отвечает он. — Так что за желания?

— Первое — Евгений, — сообщаю я. — Убери от меня охрану. Пожалуйста.

— Нет! — мгновенно и категорично отрезает Холодильник.

— Пожалуйста, — повторяю я, складывая ладони на его плечи.

Он наклоняет голову и прижимается щекой к тыльной стороне моей левой ладони.

— Хорошо, — сквозь зубы соглашается он. — Я уберу Евгения.

— По-настоящему? Обещаешь? — не верю я. — Евгений не будет прятаться за деревьями? Ползти по траве?

— Обещаю, — улыбается Холодильник. — Ползти не будет.

— Спасибо! — радуюсь я первой маленькой победе. Хотя… Евгений такой не маленький, что победа, похоже, большая. Теперь мне понадобится вся моя смелость. — Мои наряды. Я хочу одеваться так, как хочу.

— В фиолетовую юбку, платье Чикаго и костюм Русалочки? — рычит Холодильник, резко и крепко прижав меня к себе.

— Ты помнишь все мои наряды? — задыхаясь от крепости объятий удивляюсь я.

— Такое забудешь! — губы Холодильника прижимаются к моей шее. — Как вспомню, температура тела поднимается до гриппозной.

— С юбкой я переборщила, — признаю я, подрагивая от ощущения его губ на своей шее. — Но вкус у меня есть. Тебе все понравится…

— Обещаешь? — теперь этим словом пользуется Холодильник.

— Тебе нравится мой сегодняшний наряд? — спрашиваю я, освобождаясь от объятий и медленно поворачиваясь кругом.

— Ты великолепно выглядишь! — выдыхает он.

— Есть претензии к фасону, цвету, длине? — улыбаюсь я.

— Нет, Стрекоза! — он снова ловит меня сильными руками. — Сегодня претензий нет!

— И не будет больше! — клянусь я, обнимая его за шею.

Холодильник замирает надолго, словно мы с ним играем в игру "Морская фигура, замри!". Потом берет мое лицо в руки и целует в переносицу.

— Хо-ро-шо, — по слогам проговаривает ответ Холодильник. — Ты же уже выбросила ту юбку?

— Нет, но сегодня выброшу! — смеюсь я. — Могу отдать тебе, сам выбросишь.

— Отдай! — хрипло соглашается Холодильник.

— Вот придешь ко мне готовить обед, тогда и заберешь, — говорю я. Холодильник

наклоняет голову набок, и я опять мысленно сравниваю его с большой и умной собакой.

— Хочу понять, в чем подвох? — недоверчиво спрашивает мужчина. — Если первые два — это твои желания, то третье явно мое.

— И мое тоже, — говорю я, видя, как недоверие в глазах Холодильника сменяется чистым, ничем не разбавленным восторгом и… страстью.

Нервно сглатываю и делаю шаг назад.

— Только обед! — выставляю руки вперед. — И ничего больше!

— А завтрак? — тут же наступает он.

— Не торопись, — сопротивляюсь я и говорю, уходя из кабинета. — Пока сговоримся на обедах.

— Ты сегодня какая-то другая, — задумчиво говорит мне Димка, когда мы работаем с ним над проектом для Ирины Тарасовой. — Рассыпчатая, расплывчатая, туманная… Куда полетела?

Куда-куда? В обеденный перерыв!

— Салат Нисуаз. Говядина по-бургунски, — оглашает меню Холодильник, ставя на мой кухонный стол пакеты с продуктами. — Только чур… сегодня не помогаешь… Одно членовредительство, а не помощь.

— Вот уж… — обиженно ворчу я. — Это был порез бумагой, а не членовредительство!

— Сиди! — мягко, но настойчиво усаживает меня на стул Холодильник. — Так будет безопаснее.

— Спасибо, что не отдал команду "Сидеть!" — нахально отвечаю я, вздернув подбородок.

Холодильник, усмехнувшись, целует меня в кончик носа:

— Пожалуйста!

Первый раз в жизни я сижу на кухне и завороженно смотрю, как мужчина готовит. И это не мой отец.

Холодильник моет овощи, нарезает их, колдует над грибами и мясом, отваривает картофель и спаржевую фасоль. взбивает венчиком соус для салата, заваривает соус для говядины на красном вине. Это смотрится как волшебный ритуал, некое священнодействие…

Мы обедаем долго, заполняя время обсуждением рецептов приготовленного.

— Надо работать… — напоминаю я, глядя на него, его губы, что-то произносящие, но почти ничего не понимаю. Мне приятно и тревожно одновременно. Вот сейчас губы Холодильника, по-моему, велели мне открыть рот. Наваждение… Трясу головой, освобождаясь от видения.

— Открой рот! — мягко просит Холодильник. Значит, не показалось…

Вместо того, чтобы возмутиться, послушно открываю рот, и Холодильник, ловко нацепив на вилку крохотный шампиньон, отправляет его в мой рот. Глотаю ароматный гриб. выкупанный в винном соусе, и закрываю глаза от удовольствия.

— Ты превосходный повар! — искренне хвалю я Холодильника. — Может быть, ты зря отказался от этого направления бизнеса?

— Не думаю, — улыбается мне Холодильник. — Я перелистнул эту страничку. Теперь мне это неинтересно. Я не хочу содержать рестораны. Я хочу кормить свою семью.

Расслабленность, ленность, спокойствие, расположившиеся на моей кухне, мгновенно напрягаются, превращаясь в тревогу, беспокойство и почти панику.

— Мне нужно вернуться к проекту! — вскакиваю я из-за стола. — Праздник уже на следующей неделе. А литературный материал очень глубокий и серьезный.

— Хорошо, — сдержанно отвечает Холодильник. — Давайте вернемся к работе. В восемь часов я заеду за тобой. Будь готова.

Ленка прибегает ко мне в шесть часов вечера в радостном нетерпении с тремя вечерними платьями.

— Выбирай, подруга! — суетится она, раскладывая платья на спинке дивана в гостиной.

Лавандовое. Зеленое. Черное.

— У нас какая задача? — возбужденно теребит меня Ленка. — Поразить его? Поразить всех? Или повредничать?

Очень хочется повредничать… Но я не могу. Не сегодня.

— Наша задача — выглядеть достойно, но… сногсшибательно! — констатирую я.

— Тогда точно лавандовое! — уверенно убеждает меня Ленка и торопит. — Приступим!

Платье-бюстье из гофрированной ткани с закрытым левым плечом освежает своим нежным романтичным цветом.

— Сюда надо добавить что-то типа фуксии, ежевичного или сливового… — размышляет Ленка, оглядывая меня со всех сторон.

— У меня есть кулон "Сакура". Мне под него родители серебряную цепочку на новый год подарили, — вспоминаю я.

— Тащи! — командует Ленка. — Будем прикидывать!

Долго роюсь в спальне в комоде. Нашла.

— Идеально! — стонет Ленка. — Сейчас мерцающую пудру нанесем на шею и декольте… и будет совсем круто! Просто не к чему придраться. Длина до колен. Декольте символическое, только одно плечо и открыто.

Да. Бюстье высокое, закрывающее и грудь, и спину. Из-за этого открытое правое плечо, обнажающее хрупкую ключицу, придает образу трогательность и какое-то целомудрие.

Делюсь этими мыслями с Ленкой. Она смотрит на меня удивленно и даже с жалостью:

— Даже не утешай себя! — смеется она. — Кто тебе, кроме лучшей подруги, правду скажет?

— Какую правду? — подозрительно спрашиваю я.

— Я не вижу ни трогательности, ни целомудренности! — Ленка категорична. — Я вижу красоту, интеллигентный намек на сексуальность и эротику. Холодильника зашкалит!

— Мне не надо! — пугаюсь я. — Я ему обещала не провоцировать. Он и юбку мою фиолетовую забрал сегодня…

— Носить будет? — хмыкает Ленка. — Ему пойдет, если налезет!

Смеюсь в ответ до слез и долго не могу успокоиться. Это, видимо, тихая истерика.

— Что ты ему еще обещала? — спрашивает любопытная Ленка, заставляя меня снимать платье. — Давай краситься, время бежит!

— Я обещала одеваться с умом, без провокаций — и он отменил дресс-код. Я попросила убрать Евгения — и он согласился, — гордо докладываю я о своих первых победах.

— Это серьезно, Нинка! Это с его стороны не уступки, а просто капитуляция какая-то! — восклицает Ленка. — Значит, и это платье переживет!

После тщательно выполненного макияжа задумываемся над вечерней прической.

— Чего хочется? — спрашивает Ленка, листая фотографии на планшете. — Хочешь утюжком сделаю ретро-волны?

— Хочу вот такую укладку! — выбираю я.

— Губа не дура! — фыркает Ленка, глядя на выбранную мной фотографию. — Такую небрежность создать — настоящее искусство!

— Поэтому я и не вызываю мастера, — льщу я подруге. — А позвала тебя! Ленке приятен комплимент, и она начинает возиться с моими волосами. Накинув длинный белый плащ, ровно в восемь часов я спускаюсь в холл, где меня уже ждет Холодильник. Он в легких серых брюках и неожиданно черной рубашке. Увидев меня, спускающуюся по лестнице, Холодильник смотрит, не отрывая взгляда. Когда я подхожу к нему и говорю о том, что вечер сегодня "добрый", он хрипло отвечает:

— У меня только что было видение… Мне показалось, что ты идешь ко мне навстречу в белом свадебном платье…

— Это всего лишь плащ, — теряюсь я от такой откровенности.

— Под ним хоть что-то есть? — Холодильник берет меня за локоть и смотрит в глаза совершенно сумасшедшим взглядом почти невменяемого человека.

— Платье. Не короткое. Приличное, — быстро, по-военному докладываю я.

— Поверю… — выдыхает Холодильник, разрешив себе дышать.

До загородного ресторана "Вепрь" мы добираемся очень быстро. За рулем Николай. Возле него на переднем сидении Евгений. Мы с Холодильником сзади. Он забирает в свои теплые руки мою левую, держит нежно, никаких других поползновений в мою сторону не совершает.

— Чей это ресторан? — спрашиваю я, когда Холодильник помогает мне выйти из машины и ведет к крыльцу двухэтажного здания из серого кирпича.

— Отца, — отвечает Холодильник. — Он у него один, но любимый.

Интерьер первого этажа просто кричит о том, что этот ресторан для мужчин. Охотников, рыбаков, рыцарей, джентльменов.

Холодильник помогает мне снять плащ и, увидев мое платье, делает шутливое движение, чтобы одеть на меня плащ снова.

— Ты останешься в плаще! — рычит он, но глаза улыбаются.

— Оно совершенно невинно! — улыбаюсь я в ответ.

Мы встречаемся взглядами и замираем надолго, пока Юрий Александрович, вышедший нас встречать, не окликает:

— Саша! Нина! Рад вас видеть! Проходите!

Сопровождаемые старым хозяином, мы поднимаемся на второй этаж. Здесь нас встречает Кристина, за пару секунд совершающая полное сканирование моего лица и тела. Результаты ее не радуют, что сразу отражается на ее лице. На Кристине короткое коктейльное платье нежного персикового цвета, по подолу и лифу украшенное вышитыми изящными белыми и коралловыми бабочками. Кристина хороша, свежа, молода, красива. очаровательна и… зла. Глаза наполняются ядом, ноздри еле заметно раздраженно раздуваются.

— Я так рада вас видеть у нас в гостях! — выплевывает Кристина, показывая нам силу своей радости, а заодно и место, где мы должны сидеть.

Гостей рассаживают по периметру большого зала, в центре которого еще один круг столов, за которыми, застыв и глядя в одну точку на стенах, стоят во фраках с красными бабочками-галстуками молодые мужчины. Шесть столов — шесть красавцев.

— Предсказуемо! — усмехается Холодильник. — Почему не "Мулен Руж" или не что-

нибудь мексиканское, ковбойское?

Кристина криво улыбается и, ничего не ответив на выпад Холодильника, отходит от нашего стола.

— Почему предсказуемо? — спрашиваю я.

— Просто выбор темы для вечеринки прост и понятен. Можно было бы придумать что-нибудь пооригинальнее, — отвечает мне Холодильник, помогая сесть поудобнее.

— Да? — удивляюсь я. — А я пока не понимаю. Это игровые столы? У нас карточная вечеринка?

— А ты бы этого хотела? — смеется Холодильник. — Стала бы звездой вечера! Я не успеваю ничего ответить на эти слова. Кристина выходит в центр зала с микрофоном:

— Дорогие наши друзья! Мы с Юрой так скучали по вам, что даже раньше времени вернулись из кругосветного путешествия! Однажды за завтраком я сказала Юре, что я хочу домой, и он, как самый любящий муж на свете, тут же выполнил мое желание!

Смех и редкие хлопки в зале.

— Сегодня вас ждут десятки мастер-классов по миксологии. Под руководством опытного бармена желающие научатся смешивать любимые напитки, попутно дегустируя получившиеся коктейли и общаясь.

Смех и хлопки становятся живее и громче.

Воодушевленная поддержкой зала, Кристина завершает свою речь:

— Этот вид развлечения является одновременно тимбилдингом, способом научиться чему-то новому и отличным релаксантом. Мы начинаем первый круг!

Под бравурную музыку из мюзикла "Чикаго" официанты выкатывают столики, заставленные бутылками с алкоголем, и подкатывают их к столикам в центре зала. Как по мановению волшебной палочки, неподвижные фигуры во фраках превращаются в активных и артистичных барменов, устраивающих представления с подбрасыванием бутылок, поразительным переливанием жидкостей из одной емкости в другую, совершенно противоречащим законом физики.

— Коктейль "Нью-Йорк Сауэр"! — торжественно объявляет Кристина.

Кристину сменяет высокий молодой человек в шикарном фраке, который под музыку хорошо поставленным голосом профессионального актера рассказывает нам:

— Коктейль «Нью-Йорк Сауэр» является модификацией легендарного Виски Сауэр, в который добавлен еще один ингредиент — красное вино. Автор рецепта и место появления напитка точно не установлены. Традиция добавлять в сауэры кларет, а именно сухое красное вино из французского региона Бордо, появилась в Чикаго в конце девятнадцатого века, но популярность обрела именно в Нью-Йорке, поэтому с начала двадцатого века «Виски Сауэр» с вином начали называть нью-йоркским.

Холодильник подводит меня к одному из шести столов. Кудрявый и голубоглазый блондин-бармен широко нам улыбается и вежливо сообщает:

— Александр! Ваш покорный слуга! Господа! Начнем!

Быстро называя ингредиенты и пропорции, бармен Александр смешивает все составляющие. Он мастерски управляется с шейкером, стрейнером, так, оказывается, называется барное ситечко, выливая готовый коктейль в тумблер, то есть бокал для виски, и украшая лимонной цедрой.

Сделав коктейль, Александр кланяется хлопающим зрителям и вдруг в низком поклоне подает стакан мне:

— Я делал его для вас!

— Спасибо! — смущаюсь я, беру коктейль и поворачиваюсь к стоящему возле меня Холодильнику. — Я хотела сделать сама…

— Сделай для меня! — просит меня на ухо Холодильник.

Пользуясь подсказками Александра, я наполняю шейкер льдом, добавляю бурбон, лимонный сок, сахарный сироп и яичный белок. Встряхиваю. Дрожащими руками переливаю полученную смесь через стрейнер в тумблер, наполненный льдом. Самым сложным становится аккуратно по лезвию ножа влить красное сухое вино, которое образовывает верхний красный слой.

— Не перемешиваете. Пейте большими глотками, одновременно захватывая два слоя, — советует нам Александр, и мы возвращаемся за свой стол.

— У стола было четыре девушки, — хмуро-лукаво замечает Холодильник. — Но коктейль он делал только для тебя!

— Попробуй, получилось ли у меня! — отвлекаю я Холодильника от темы ревности.

Мы выпиваем по два больших глотка. Буквально через минуту начинает приятно кружиться голова. Я поздно вспоминаю, что не пью крепкие спиртные напитки. Глядя в мои расширившиеся глаза, Холодильник берет кусочек сыра на шпажке и протягивает мне. Осторожно беру сыр губами, и теперь глаза расширяются у Холодильника.

— Осторожно с коктейлями! — предупреждает меня Холодильник, съедая взглядом.

— Милые мои! — возле нашего стола появляются Матвей с Кристиной. — Можно к вам за столик?

Испуганно смотрю на Холодильника, боясь, что моей соседкой станет Кристина. Но за стол садится только Матвей. Кристина, поинтересовавшись у Холодильника, все ли у нас в порядке, отправляется, как радушная хозяйка вечера, в путешествие по залу.

— Как вечеринка? — спрашивает Матвей у Холодильника, но подмигивает мне.

— Как обычно, — пожимает плечами Холодильник. — Пока ничего оригинального.

— А мне очень нравится! — жизнерадостно говорю я Матвею. — Я на такой вечеринке первый раз. И коктейль "Нью-Йорк" пью первый раз.

— Рад за вас, милая Нина! — сделав акцент на имени, отвечает Матвей. — Коктейльные вечеринки самые опасные!

Гостей, смеющихся и пьющих "Нью-Йорк", теперь развлекает танцевальная группа мюзик-холла.

— Я по ножу наливала в бокал сухое вино и не пролила! — хвастаюсь я Матвею.

— "Нью-Йорк" я пропустил, придется наверстывать! — смеется Матвей.

— Коктейль "Текила бум"! — провозглашает Кристина, и ведущий бархатным голосом подхватывает тему, а в зал тягуче медленно льется "Бесаме мучо".

— Испанское название этого коктейля — "Rapido", что значит "быстрый". Действительно, приготовить его можно за одну-две минуты, в состав входят лишь два ингредиента: текила и спрайт. При этом у "Текила бум" миллионы почитателей, считающих его лучшим. Все дело в ритуале распития. Господа! Научитесь его готовить и мы с вами выполним этот таинственный ритуал!

Холодильник протягивает мне руку, и в сопровождении Матвея мы идем к столику Александра.

— Господа! Наливаем пятьдесят миллилитров текилы и сто миллилитров спрайта в бокал с толстым дном! — командует ведущий. — Жду вас!

Бармен Александр помогает нам наполнить бокалы.

— Все готовы?! — радостно-торжественно спрашивает ведущий, улыбаясь в ответ на разноголосый, но стройный ответ публики. — Внимание! Сверху вы должны накрыть бокал плотной салфеткой. Смельчаки могут это сделать ладонью! Теперь по моей команде стучим стаканом по столу три раза, громко говоря "Бум! Бум! Бум!".

— Раз! Два! Три! — кричит ведущий, и зал кричит вслед за этим "Бум! Бум! Бум!".

— Вспенившийся коктейль надо выпить залпом! — советует ведущий.

Матвей чокается со мной и Холодильником бокалами, и я первый раз в жизни залпом, до дна пью текилу.

Звучит новое танго, и танцующие заполняют танцпол. Каким-то образом на танцполе оказываемся и мы с Холодильником. Сильные руки обнимают меня крепко-крепко, почти впечатав в его тело. Легкая дрожь усиливается с каждой секундой. Поднимаю лицо. Какой же он красивый мужчина! Это на самом деле так? Или это мне подсказывают двумя голосами "Нью-Йорк" и "Бум"?

— Почему ты такой красивый? — серьезно спрашиваю я, решив все выяснить здесь и сейчас.

— Если ты напьешься, — угрожающе отвечает мне Холодильник, — то мы поедем ночевать ко мне.

Его слова быстро меня отрезвляют, но я говорю важно и с достоинством:

— Ты красивый в отца и деда. Маму я твою не видела, но уверена, что она тоже очень красивая женщина!

— Красота — сомнительный комплимент для мужчины, — усмехается Холодильник, прижимая меня еще крепче, если такое возможно. — А встретиться с моей мамой просто: тебе надо только захотеть.

— Зачем тебе дохлая невеста? — пискнув, спрашиваю я, и Холодильник поспешно ослабляет объятия.

Когда мы возвращаемся за столик, нас там ждет Юрий Александрович.

— Доченька! Я заберу Сашу на срочный и важный разговор, можно?

Я важно киваю, разрешая забрать у меня Сашу. Холодильник медленно и чувственно целует мои руки и уходит, попросив не вставать и никуда не ходить.

— Дамы! — ведущий добавляет в бархатный тон нотку сексуальности. — Следующий коктейль для вас!

— Б-521 — под визги гостей женщин объявляет Кристина.

— Один из самых знаменитых коктейлей! — рекламирует ведущий. — Этот трехцветный сладковатый напиток покорил все континенты. Был создан в середине прошлого столетия в одном из баров Малибу. Название ему дали в честь американского бомбардировщика-ракетоносца Боинг В-52.

О! Трехцветный! И такой я никогда не пробовала. Ни Холодильника, ни Матвей рядом нет. И я отправляюсь к своему бармену Александру. Александр, не видя возле меня грозных и внушительных мужчин, по- юношески мне улыбается и говорит всем подошедшим к его столу:

— Вся сложность заключается в равномерном распределении напитков. Добавлять ликеры надо по лезвию ножа или по тыльной стороне коктейльной ложки. Делать это надо медленно и аккуратно.

Под его руководством мы творим первый, нижний слой из кофейного ликера "Kahlua",

затем второй, средний слой из сливочного ликера "Бейлис" и, наконец, третий, верхний слой из апельсинового ликера "Cointreau".

— Когда напиток готов. — шепчет мне на ухо появившийся сзади Матвей, — его можно просто выпить, а можно поджечь.

— Будете поджигать? — спрашивает бармен Александр, не сводя с меня глаз.

— В этом случае пить надо через соломинку.

— Да! — шепот Матвея опаляет мою шею. — Трубочку опускают к самому нижнему слою и очень быстро, чтобы трубочка не расплавилась.

— И тогда, — бармен Александр словно соревнуется с Матвеем в том, кто расскажет мне о коктейле больше и интереснее, — вместо восхитительного вкуса Б-52 вы почувствуете вкус расплавленной пластмассы.

Ведущий тоже вносит свою лепту в занимательное повествование:

— Дамы! Не рекомендуется злоупотреблять напитком, так как после трех- четырех порций может наступить сильное опьянение.

— Я попробую только одну и без поджогов! — доверительно сообщаю я Матвею и бармену Александру и возвращаюсь к столу за кусочком сыра.

— Возьмите, милая, кусочек мяса, — советует Матвей, подвигая ко мне мясную тарелку. — Все-таки третий крепкий коктейль.

— Спасибо! Но я хочу сыр! — говорю я, залпом отправляя в себя и "Б-52". — Очень сладко!

— Где же ваш мрачный кавалер? — шутит Матвей, ласково глядя на меня. — Может, теперь мне повезет и мы с вами станцуем рокенрол?

Толпа гостей вечеринки соревнуется в рокенрольных вывертах, у многих получается очень даже неплохо.

— Мне надо проветриться, — сообщаю я Матвею, вставая.

— Проводить? — он тоже встает.

— Нет! Спасибо! — отказываюсь я. — Вас туда не пустят!

В фойе на первом этаже я нахожу зимний сад на огромной крытой веранде. Прохожу прямо к большому тонированному окну и смотрю на освещенные изящными фонарями дорожки сада камней.

— Здесь очень красиво! — раздается за моей спиной голос… Светланы Кирилловны. — Вы любите сад камней, Нина Сергеевна?

Оборачиваюсь и смотрю на нее, такую молодую, нет, молоденькую, трогательно свежую, в коротеньком платье с павлиньим принтом.

— Люблю, — отвечаю я тихо и добавляю, чтобы сравнять наши шансы. — Светлана Кирилловна.

Светлана смотрит на меня тяжелым взглядом и даже сжимает кулаки.

Боже мой! Я никогда не участвовала в драке! Даже в детском саду! Неужели она решится на такое?

Светлана начинает говорить без подготовки и вступления, желчно, горячечно, страстно:

— Я моложе вас… Я богаче… Мой отец — человек, с которым выгодно иметь дело… Конечно, вы красивее меня! Опытнее! Да! Я многое в постели не могу, в отличие от вас… Но только на сексе семью не строят! Откуда вы взялись на мою голову?!

Поскольку Светлана умолкает, почти задыхаясь от истерики, я решаюсь произнести свою реплику:

— Я не взялась. Я была всегда на одном и том же месте. В моем доме и в моем агентстве.

— Оно уже ваше? — перебивает Светлана.

— Я его называю своим, потому что живу там с рождения и работаю с семнадцати лет, а подрабатываю с четырнадцати, — спокойно объясняю я.

— Теперь все ваше! — огрызается Светлана. — Вы соблазнили Сашу! Я… Я хранила себя для него… Для своего первого мужчины…

Вот не знала бы я, что Маша — дочь Светланы, обязательно бы поверила, так она сейчас убедительна!

— Таких, как вы, в Сашиной жизни было и будет много! — Светлана заводит сама себя, верно скатываясь к новой истерике. — И как знать?! Может быть, перед вами сейчас одна из его будущих любовниц!

— Вот вечно Шурке везет! — насмешливый голос Матвея резко прекращает истерику Светланы. — Такие девушки за него бьются!

— За кого бьются девушки? — в зимнем саду появляется и Кристина. — Неужели за тебя, Матвеюшка?

— Да бог с тобой, Крысюша! — в паническом ужасе причитает Матвей, подходя ко мне и беря меня за локоть. — Я так… Оруженосцем при хозяине…

Какая прелесть! Крысюша! Мне ужасно нравится ее прозвище! Буду тоже пользоваться. Хотя бы про себя…

— Не называй меня так! — Кристина оглядывает меня с головы до ног еще раз. — Как тебе, Нина, моя вечеринка?

— Мне нравится, — честно отвечаю я. — Очень познавательно!

Глажу Матвея по руке и прошу:

— Оставь нас с девочками, пожалуйста, нам поболтать по секрету надо!

На меня смотрят с удивлением три пары глаз.

— Как скажешь, милая! — Матвей уходит из зимнего сада, подмигнув мне и помахав рукой Кристине и Светлане. — Если что… я рядом!

Демонстративно отворачиваюсь к окну и молчу. Пусть говорят сами. Уверена, им есть, что мне сказать.

Первой не выдерживает Кристина:

— И о чем же ты хочешь поболтать, дорогая?

— О Саше, конечно, — вступает в разговор Светлана. — Будет хвастаться, как его захомутала и как нас с носом оставила!

— О Саше можно, конечно, поболтать, — мягко соглашаюсь я. — Но что о нем говорить? Он теперь мой. Давайте поговорим о моем дневнике.

— Каком дневнике? — нервничая, спрашивает Светлана.

— Который по вашей просьбе Сальмонелла, ой, простите, Яна Львовна Муравьева передала Александру Юрьевичу, — напоминаю я.

— Что за бред?! — деланно возмущается Светлана. — Мы ничего и никому не передавали!

— Помолчи! — цыкает на нее Кристина и обращается ко мне. — Чего ты хочешь, Нина?

— Правду, — отвечаю я, забыв про Светлану и сосредоточившись на Кристине.

— Правду?! — Кристина медленно приближается ко мне, объемные вышитые атласом бабочки на ее платье вздрагиваю, как живые. — Зачем тебе правда, если и тебе, и Саше

известно, что это не твой дневник?

— Я хочу знать, откуда у вас подробности моей личной жизни? — говорю я, завороженная трепетом бабочек.

— Нам о них рассказал один человек, — в улыбке Кристины появляется восторг наслаждения от происходящего. — А что?

— Это личные подробности, — возражаю я, чувствуя, как тоска разочарования разъедает мое сознание, как ржавчина или грибок разъедают захваченное пространство. — Их никто не знает.

— Разве? — Кристина полностью оправдывает свое прозвище, показав в улыбке верхние клыки. — И откуда же мы их узнали? Ясновидением?

— Любимая! Я ищу тебя уже минут десять! — слышу я оклик Холодильника, появившегося в зимнем саду.

— К кому из нас троих ты обращаешься, Сашенька? — спрашивает Кристина, резко обернувшись.

— Я обращаюсь к своей невесте, — усмехаясь, отвечает Холодильник, начиная движение мне навстречу.

— Понятней не стало! — нервно смеется Светлана, подыгрывая Кристине. — К которой из трех?

— Избыток коктейлей угнетающе действует на ваш и без того скудный ум, — усмешка Холодильника становится злой и циничной. — Моя невеста меня прекрасно слышит.

— Я слышу, любимый! — подтверждаю я, идя к нему навстречу и протягивая руку, которую он берет, нарочито медленно целует в ладонь, потом в тыльную сторону, затем прижимается губами к моему запястью.

— Я к гостям! — Кристина быстро уходит с веранды. Светлана практически убегает за ней.

— Я вовремя или опоздал? — осторожно спрашивает меня Холодильник, беря в руки мое лицо и заглядывая в мои глаза. — Почему у меня ощущение, что ты собираешься плакать? Они тебя обидели?

— Не они, — искренне говорю я. — Меня обидел другой человек. Но я не знаю, кто это.

По недоумению в глазах Холодильника я вижу, что он меня не понимает, а я не знаю, как рассказать ему о том, что либо Ленка, либо Костик или Димка меня предали. Еще страшнее, если это были Карповы…

— Я хочу новый коктейль! — бодро говорю я, взяв мужчину под руку и потянув к выходу.

Холодильник останавливает меня словами:

— Я не шутил, когда сказал, что, если ты напьешься, мы поедем ночевать ко мне…

— Это способ не дать мне спиться? — спрашиваю я, смутившись под его горячим страстным взглядом.

— Это способ заранее извиниться, — отвечает мне Холодильник, утопив в двух карих вселенных. — Поскольку я планирую тебя напоить…

Глава 46. Фотографии

В любви-страсти совершенное счастье заключается не столько в близости, сколько в последнем шаге к ней.

Фредерик Стендаль

— Вы пропустили "Маргариту" и "Голубые Гавайи", — расстроенно говорит мне бармен Александр, к столику которого мы с Холодильником и Матвеем подходим.

— Ничего! — бодро отвечает ему Матвей. — Не волнуйся, дружок, мы наверстаем другими!

"Дружок" улыбается нам и кивает в сторону ведущего.

— Коктейль "Космополитен"! — сообщает гостям пати Кристина, стрельнув в меня колючим взглядом и почему-то нагло усмехнувшись.

— Всемирную славу этому коктейлю принес телевизионный сериал "Секс в большом городе". Его героини на каждой вечеринке наслаждались этим необычно вкусным напитком. Попробуйте его и вы, если еще не пробовали, и выпейте еще раз, если пробовали неоднократно! — сексуальная хрипотца в голосе ведущего находит широкий отклик у уже разогретой алкоголем публики.

— Охлаждаем бокал мартини, наполнив его кубиками льда! — радуется ведущий, координируя действия гостей, толпящихся у столиков с барменами, и самих барменов, демонстрирующих мастер-класс. — Теперь в шейкере перемешиваем лимонную водку, апельсиновый ликер Куантро, свежий сок лайма, клюквенный сок.

— Выбрасываем лед из бокала! — теперь нами бодро командует бармен Александр. — Переливаем коктейль из шейкера в бокал через стрейнер. Матвей, который взялся готовить этот коктейль на троих, разливает смесь потрясающего красно-оранжевого цвета по нашим бокалам.

— За ваше здоровье, Нина! — салютует мне друг Холодильника, и под саундтрек из сериала мы отправляемся к своему столику, остановившись перед перегородившим нам дорогу Кириллом Ивановичем.

— Добрый вечер, друзья мои! — Кирилл Иванович улыбается нам широко, белозубо, но улыбка эта не затрагивает выражения внимательных голубых глаз, так похожих на глаза Светланы, Михаила и Машеньки. — Рад встрече! Кирилл Иванович протягивает свой бокал с коктейлем, для того чтобы чокнуться с нами. Холодильник не торопится тянуться навстречу. Матвей единственный звонко чокается бокалом и желает Кириллу Ивановичу приятного вечера. Потом и я протягиваю свой бокал. Холодильник не двигается, просто отпивает глоток своего коктейля.

— И вам! — любезно отвечает Кирилл Иванович, сделав вид, что не заметил бестактности Александра Юрьевича. — Как вам пати?

— Как обычно, — пожимает плечами Матвей. — Пати как пати. Красиво, громко, дорого, со вкусом.

— Добрый вечер! Как отдыхается? — к нашей компании подходит Светлана в сопровождении молодого мужчины. — Можно к вам присоединиться?

Спутник Светланы, мужчина лет двадцати пяти-тридцати, в легких джинсах и рубашке поло расцветки милитари смотрит на меня не отрываясь, потом, усмехаясь, говорит:

— Здравствуйте! Рад познакомиться!

— Светик! Не представишь меня? — мужчина почему-то тянет ко мне свой бокал, и на запястье левой руки я вижу татуировку старинного кинжала, как бы растекающегося то ли от перегрева, то ли от магического воздействия. Кипяток узнавания ошпаривает мое слегка одурманенное алкоголем сознание. Я знаю, какие татуировки у этого мужчины на правом плече, на спине, на животе и даже ниже.

— Мой старый близкий друг Сергей! — кокетничает Светлана, стреляя голубыми глазками в Холодильника. — Неделю назад встретились после долгого перерыва совершенно случайно, теперь не расстаемся! Сергей, это Матвей, мой друг детства, одноклассник. А это… Саша… папин партнер по бизнесу и его арт-директор Нина Сергеевна.

— И моя невеста Нина, — спокойно поправляет Светлану Холодильник.

Не дожидаясь приглашения, Светлана ведет спутника и отца к нашему столику. Растерянно оборачиваюсь на Матвея и Холодильника. Матвей подмигивает мне и закатывает глаза. Холодильник смотрит придирчиво и как-то странно. Я же ощущаю себя абсолютно протрезвевшей.

— Саша! Вы с Ниной идете завтра на гарден-вечеринку к Матвею? — хлопая красиво накрашенными ресницами, спрашивает Светлана.

— Шурка думает! — подмигивает мне Матвей. — У них с Ниной много своих планов…

Я бы обязательно переспросила, что за вечеринка… Обязательно… Если бы лихорадочно не придумывала, как мне уйти сейчас отсюда так, чтобы никто не понял почему?

Сергей. возмужавший за прошедшие три года. слегка раздавшийся в плечах и шее. вертит в руках бокал с коктейлем и время от времени бросает на меня красноречиво говорящий взгляд. Этот взгляд срисовали уже все: Матвей в удивлении приподнимает брови. Кирилл Иванович откровенно заинтересован и тоже удивлен, Светлана недовольна и хмурится, Холодильник сидит рядом со мной, держа руку на моем колене и предостерегающе его сжимая.

Попалась! Никому и ничего не хочется объяснять. Даже самой себе…

— Если Нина захочет, мы придем, — говорит Холодильник, не отпуская мое колено.

— Приходите! — радушно равнодушно, если можно вообще соединить эти слова в словосочетание, приглашает Светлана. — Будет интересно! Мы с Сергеем обязательно придем.

— Странно! — усмехается Матвей. — Вечеринка моя, а приглашаешь ты. Светлана мило краснеет и кладет руку Матвею на локоть:

— Прости, дорогой мой! Я все делаю невпопад! — чуть нервно смеется она. — Просто у тебя, я уверена, будет совершенно чудесная вечеринка!

— Саша! Мне очень нужна твоя помощь! — возле нашего стола появляется Кристина, нервно дергающая руками. — Спаси, пожалуйста… Там… на кухне кошмар какой-то… Моисеевич опять в истерике… Если моя пати будет испорчена из-за него…

— Моисеевич? — хмыкает Холодильник. — И чем же я помогу? Он же добровольно к вам в ресторан… перешел работать.

— Только ты можешь его уговорить! — подобострастно восклицает Кристина, почти плача. — Он же вообще только тебя воспринимает!

Холодильник целует меня в щеку и шепчет:

— Я ненадолго. Не скучай. И никуда не уходи.

Господи! Ты даешь мне возможность трусливо сбежать?! Благодарю тебя! Глядя на удаляющегося Холодильника, я наклоняюсь к Матвею и говорю негромко, чтобы слышал только он:

— Выйду. Скоро вернусь.

— Проводить? — вежливо спрашивает он. — Все в порядке?

— Провожать не надо. Конечно, все в порядке! Просто освежиться надо, — улыбаюсь я, выходя из-за стола и, стараясь не бежать, выхожу из зала.

Вот теперь почти бегу, спускаясь на первый этаж и оглядываясь в поисках того, кто вернет мне плащ. Где здесь гардероб?

— Нина! — чужие сильные руки обнимают меня сзади. — Ты ли это?

Резко вырываюсь и разворачиваюсь. Сергей.

— Я, — соглашаюсь я с очевидным и раздумываю, куда его ударить и в какую сторону теперь бежать, бог с ним, с плащом!

— Как ты… как ты изменилась, — Сергей стоит напротив меня, перекрывая мне путь к дверям.

— Постарела? — нервно шучу я, стараясь не встречаться с ним взглядами.

— Стала еще красивее… — негромко отвечает Сергей и вдруг, крепко взяв за руку, тащит меня на веранду в зимний сад.

Похоже, я сегодня стану просто фанаткой редких растений. Залезть бы в какой-нибудь цветочный горшок и прикинуться цветущим кактусом. Или не цветущим… Или не кактусом…

— Как ты здесь? Почему? Ты вместе с Климовым? Давно? Ты на него работаешь? Или ты с ним спишь? — Сергей забрасывает меня вопросами, не давая сосредоточиться ни на одном из них.

— Отпусти меня, — негромко, но твердо говорю я, настойчиво освобождаясь от неприятных объятий.

— Я искал тебя. Звонил. Приезжал. Первое время после выпуска… — Сергей отходит от меня на пару шагов и жадно оглядывает всю, выискивая мельчайшие подробности в моем облике. — Только успокоился… И вот ты… Настоящая и живая…

Дохлая. Я сейчас просто дохлая кошка… Напряжение и тяжесть тех дней, когда я находилась под прессом его внимания ко мне, вернулись одновременно и придавили, не давая свободно дышать. Мне вспомнилась наша кошка Генриетта, которая однажды чем-то отравилась и долго болела, лежала, не в силах поднять ни морды, ни лапы, с трудом открывая свои голубо-зеленые глаза и с тоской глядя на нас, ее хозяев.

— Я выхожу за него замуж, — удается сказать мне спокойным ровным голосом. — Мы в отношениях полгода. Отвечаю из вежливости, поскольку тебя это совершенно не касается. И вообще наш с тобой разговор привлечет внимание. Меня будут искать и найдут в твоем обществе. Ничем хорошим для тебя это не кончится… Зачем тебе неприятности?

— Неприятности? Мне? — в серо-зеленых глазах Сергея зажигается огонек наглости и лицемерия. — Нинуш! Ты что-то путаешь. Это я могу организовать тебе такие неприятности! Или забыла?

Ничего я не забыла… Ни моего прозвища Нинуш, которое мой однокурсник Сергей дал мне, не спрашивая моего согласия, ни того, что этот человек может серьезно осложнить мою и без того в последнее время нелегкую жизнь.

— Зачем тебе все это? — повторяю я свой вопрос, наконец встретившись с ним

глазами. — Четыре года прошло.

— Года прошли, но я ничего не забыл… И все сохранил, — шепчет мне Сергей, приблизившись и обняв за талию.

— Сохранил воспоминания? — саркастически спрашиваю я, захлебнувшись горечью.

— Нет. От воспоминаний я избавился сразу, но, как оказалось, не навсегда. Ты знаешь, что я храню, — прижимает меня еще крепче.

— Я ударю тебя, — тихо предупреждаю я. — Ты знаешь, как я могу ударить… Сергей ежится и отпускает меня, но не отодвигается.

— Я считаю, что мы поговорили, — констатирую я, осторожно обходя Сергея.

— Вот уж нет! — восклицает он. — Разговор только начался. Ты немного мне должна. Тебе так не кажется?

— Нет, конечно! — нервно фыркаю я. — Мне не о чем с тобой говорить!

— Как же не о чем? — даже присвистывает Сергей, беря меня за локоть и снова прижимая к себе. — А о нашей близости и любви?

— О чем? — я даже теряюсь от такой неприкрытой самоуверенности. — Не было ни любви, ни близости!

— То, что близости не было, знаем только мы двое, а я ни за что в этом не сознаюсь, — цепкие пальцы держат крепко и больно, точно останутся синяки. — И любовь была. Моя любовь к тебе.

— Сергей! — с трудом выговариваю это имя. — Прекрати нести чушь! О какой любви ты говоришь? О своем маниакальном преследовании меня в течение года? Побойся бога!

— Нет! — горячо отвечает мне Сергей. — Это ты побойся… меня! Не уверен, что твой жених способен понять такую вольность в твоем поведении.

— Мой жених не требовал от меня девственности и первой любви. Мне двадцать пять лет, — зло усмехаюсь я и из чувства противоречия хочу добавить, что и их я смогу ему подарить, но, конечно, не добавляю.

Сергей не отпускает меня и, приблизив свое лицо к моему, шепчет:

— Может быть, все так, как ты говоришь. Но, дорогая моя Нинуш… Ты забыла такую мелочь, как то, что твой жених — лицо медийное. Перед вашей свадьбой наше с тобой фото, даже трехлетней давности, может наделать много шума… Свадьбу, конечно, не расстроит, но точно расстроит твоего Холодильника.

Вздрагиваю, услышав придуманное мною прозвище из уст Сергея. Вот уж кто не может его знать по умолчанию!

— Говоришь, случайно встретились старые близкие друзья? — спрашиваю я, выдергивая свою руку из цепкого захвата.

Сергей морщится от досады на самого себя, но быстро комментирует собственные слова:

— Светлана очень болтлива, знаешь ли…

— Знаю, — подтверждаю я, не зная, как мне избавиться от Сергея. Меня совершенно точно будут искать и найдут. И это закончится плохо для всех.

— Я хочу вернуться в зап к коктейлям.

— Тебе неинтересно услышать, чего же хочу я? — недоверчиво прищуривается Сергей. — Ты все-таки рискнешь репутацией Климова? Мне почему-то кажется, что он ею не рискнет…

— Что ты хочешь? — поднимаю я глаза на Сергея, и он, словно задохнувшись от

нехватки воздуха, восклицает:

— Они снились мне много раз!

— Они? — не понимаю я, с каждой минутой все больше опасаясь того, что в зимний сад сейчас придет Холодильник.

— Твои глаза, — шепчет Сергей. — Я помнил, как влюбился в них. Помнил, как они смотрели на меня то равнодушно, то с презрением, то со злостью…

— Что ты хочешь? — настойчиво повторяю я свой вопрос.

— Тебя, — одним словом отвечает он.

— Плохая шутка! — огрызаюсь я. — Ты не получил меня тогда, не получишь и сейчас.

— Я так не думаю, — лениво тянет Сергей, снова протягивая ко мне руку с татуировкой кинжала и усмехаясь, когда я шарахаюсь в сторону. — Тебе придется со мной встретиться, если ты не хочешь, чтобы наше фото увидел не только твой Холодильник, но и Светлана. Сама понимаешь, как она его использует!

Первый порывом было желание гордо и не оглядываясь уйти. Но я его подавила… Я вдруг четко осознала, что не хочу, чтобы эта ужасная страница моей жизни стала достоянием общественности, а также Кристины и Светланы.

— Где и когда? — быстро спрашиваю я, всем своим видом показывая, что очень тороплюсь.

— Завтра! — так же быстро отвечает Сергей. — Я найду способ передать тебе место и время.

Ничего не ответив, только кивнув, ухожу с веранды. Посреди фойе стоит Холодильник и смотрит, как я выхожу из зимнего сада. Подхожу к нему и останавливаюсь в одном шаге. Александр Юрьевич продолжает смотреть на верандную дверь, словно знает о том, кто за мной должен выйти. Но Сергей почему-то не выходит, видимо, чувствует, что не стоит торопиться за мной вслед.

— Ты ушла из зала, — мягко говорит Холодильник. — Почему?

— Не хотела проводить время в компании Светланы и ее отца, — сообщаю я половину правды и спрашиваю. — А что случилось с Моисеевичем и кто это такой?

— Пойдем! — Холодильник берет меня за руку. — Я вас познакомлю.

Мы проходим через несколько подсобных помещений и оказываемся в соседней с ресторанной кухней комнате, в которой стоит большой стол, окруженный десятком стульев, и несколько небольших диванчиков.

— Здесь обедают повара и официанты, — сообщает мне Холодильник, предлагая сесть на один из диванчиков. Сам остается стоять, не отпускает мою руку и кому-то звонит. Через пару минут в комнату приходит невысокий пожилой мужчина в белом халате шеф-повара и черной косынке, банданой завязанной на голове.

— Вот она, Леонид Моисеевич, та самая Нина, — представляет меня Холодильник.

Леонид Моисеевич садится рядом со мной и берет мою свободную руку, чтобы мягко пожать.

— Здравствуйте! Та самая? — переспрашиваю я. — Что значит та самая?

— Полчаса назад я узнал, что Александр здесь и со своей ужасной невестой, — радостно сообщает мне шеф-повар. — Потом Александр пришел меня попроведывать, и я попросил его нас с вами познакомить. Вы прекрасны!

— Ужасная невеста прекрасна? — смеюсь я, мне сразу понравился этот маленький бодрый пожилой мужчина.

— Ужасной вас назвала эта… женщина, — весело отмахивается он. — И еще не видя вас, я понял, что Александр, наконец, нашел свою… женщину.

Я смущаюсь и краснею, пытаясь забрать свою руку у Холодильника. Бесполезно дергаться.

— Моисеевич называет той женщиной Кристину, — усмехается Холодильник. — Где же элементарное уважение, Моисеевич? Это твоя новая хозяйка!

— У меня нет хозяев! — фыркает Леонид Моисеевич. — Я бедный, но независимый иудей! Скромно делюсь своим талантом…

— Скромно? — почти хохочет Холодильник. — Я даже не буду пугать Нину суммой твоего ежемесячного дохода, бедный иудей!

— От чего же? — ворчит Моисеевич. — Пугани! Может, хоть она меня пожалеет? Я стою вдвое больше!

— Не прибедняйся, друг мой! — строго говорит Холодильник. — Не гневи бога!

— Мой бог меня понимает и жалеет, — назидательно отвечает Моисеевич. — Вернемся к твоей невесте. Ты ее уже кормил?

— Кормил, — кивает Холодильник. — Говорит, что понравилось.

— Понравилось? — вдруг серьезным колючим взглядом впивается в мое лицо Моисеевич.

— Да, — отвечаю я, закашлявшись от неожиданности.

— Это хорошо! — с удовлетворением говорит старый шеф-повар.

— Моисеевич учил меня готовить, — наклонившись к моему уху, сообщает Холодильник.

— Александр — неплохой ученик. Не лучший из моих, но не плохой, — подтверждает Моисеевич.

— Не лучший! — раздается с порога. — Лучший я!

— Будь скромнее, Матвей! — строго говорит Моисеевич, вставая и обнимая пришедшего Матвея. — Но это и не ты!

— И здесь облом! — всплескивает руками Матвей. — Ну хоть в чем-то меня Шурка не обошел!

— Нина тебе, Матвей, не подходит, — вдруг говорит, хитро глядя на меня, Моисеевич.

— Что так? — обижается Матвей, так же хитро улыбаясь. — А Шурке, значит, подходит?

— Александру подходит, — твердо говорит Моисеевич. — Впервые кто-то ему подходит.

— Я тоже так думаю, нет, я уверен, — улыбается Холодильник. — Только Нина и подходит.

— Почему только я? — глупо спрашиваю я.

— Потому что все остальные были его недостойны, — пожимает плечами Леонид Моисеевич.

Матвей даже присвистывает:

— Ничего себе! Даже недостойны? Хотелось бы узнать почему?

— Вот когда поймешь почему, тогда и свою найдешь! — поучает Моисеевич, вставая с диванчика. — Нина! Сейчас я дам вам попробовать один мой соус. И вы признаетесь, что ничего вкуснее никогда не пробовали!

Леонид Моисеевич уходит на кухню. Матвей раскатисто смеется, потом шепчет мне:

— Не пробуйте, Нина! Это шаманский соус. Моисеевич шаманит его всю жизнь, рецепт никому не дает, но подсадит конкретно. Будете все его приказы и желания исполнять!

Испуганно распахиваю глаза, но Холодильник снисходительно улыбается:

— Нина — сама ведьма! Ее зелье не возьмет!

Вернувшийся шеф-повар приносит маленькую кастрюльку и большую ложку.

— Ну-ка, Нина! Пробуйте! — просит он, зачерпывая бордово-красный соус и протягивая мне ложку.

Осторожно беру в рот соус и держу во рту не глотая. Пряный вкус взрывает рецепторы и вызывает ощущение такого праздника, что мгновенно вызывает зависимость. Глядя на мои выпученные от восторга глаза, Леонид Моисеевич гордо выпрямляется во весь свой маленький рост:

— Подарю вам, Нина, бутылочку соуса при одном условии…

И у этого мужчины условия! Да что ж за жизнь у меня настала!

— Нина не будет тебя целовать! — шутливо рычит Холодильник.

— Когда твоя Нина попробует мой стейк филе миньон, она будет бегать за мной по всей кухне, умоляя дать ей добавку за сотни поцелуев! — пыжится Моисеевич и тревожно спрашивает меня. — Вы же не вегетарианка?

— Нет! — успокаиваю я шеф-повара. — Я очень люблю мясо!

— Прекрасно! Александр не ошибся и в этом! — давая мне еще одну ложку соуса, облегченно вздыхает Леонид Моисеевич. — Сейчас принесу бутылочку!

— Подождите! — окликаю его я. — Я еще не согласилась на ваше условие!

— Согласитесь! — смеется мужчина, возвращаясь с бутылкой соуса. — Надо всего лишь рассказать о том, какой это великолепный соус Пофисталу.

— Пофисталу Даздрасеновичу? — удивляюсь я, открыв рот. — Нашему Павлу Денисовичу?

— Да. Пофигушечке! — хохочет Моисеевич. — У него такое прозвище было в юности.

— Вы давно дружите? — догадываюсь я.

— Они давно враждуют и соревнуются! — сообщает мне довольный и расслабленный Холодильник. — Пока, Моисеевич! Удачи в общении с новой хозяйкой!

Моисеевич кисло улыбается, посылая мне воздушный поцелуй.

— Ты всегда можешь переметнуться ко мне! Как когда-то переметнулся от Шурки к его отцу! — заговорчески шепчет Матвей, выходя за нами. Останавливаю Холодильника, направившегося к лестнице на второй этаж и ведущего меня за собой.

— Саша! Я хотела бы поехать домой. К себе домой, — прошу я. — На сегодня мне и музыки, и коктейлей хватит.

Холодильник останавливается и пристально вглядывается в мое лицо, ища подвоха.

— Ты чего-то недоговариваешь, Нина! Что случилось?

— Ничего, — устало вздыхаю я. — Я никогда не пила столько алкоголя сразу… Спать просто очень хочется.

— Так уж и никогда? — нежно ехидничает Холодильник. — А в ночном клубе с хоккеистами?

— Тогда второй… — послушно киваю я, испытывая непреодолимое желание скорее уйти. — Хотя один раз мы с Ленкой тоже напились…

— О! Шурка! У твоей невесты бурная светская жизнь еще до тебя была! — подначивает Холодильника Матвей.

— Мне кажется, что ты все-таки что-то от меня скрываешь, — беря мое лицо в руки и целуя меня в щеку и подбородок, шепчет Холодильник предостерегающе. — Мне бы этого очень не хотелось. Я могу помочь тебе решить любую проблему.

Он провожает меня до квартиры и прощается. Дома я вылезаю из платья и хожу по квартире в одном белье Ленкиного производства, наслаждаясь его красотой и нервно думая над тем, как встретиться с Сергеем тайком от Холодильника.

Звук пришедшего на телефон сообщения отрывает меня от раздумий. Фотографии с незнакомого номера. Те фотографии, которые я уничтожила три года назад…

Три года назад

День рождения сестер-близнецов Вали и Вари Костенко был жарким майским днем. Наша студенческая группа культурологов-четверокурсников была на их даче в полном составе. Скоро выпускные экзамены, и мы расстанемся, поэтому используем любую возможность повеселиться, пока вместе.

Мы с девчонками режем салаты, жарим картошку, а наши немногочисленные мальчики в количестве шести штук колдуют над шашлыками. Нет только Сережки Родина, который раньше бывал с нами редко, а с этого года не пропускает ни одной вечеринки.

Сережка баснословно богат, по сравнению со всеми нами, бедными студентами. Меняет автомобили, мотоциклы и девушек. И то, и другое коллекционирует. Болтают, что сослан на наш факультет строгим высокопоставленным отцом после многочисленных полукриминальных выходок и полной потери родительского доверия.

Его навязчивое внимание сначала слегка раздражает, теперь откровенно и серьезно бесит. Ухаживает Сергей, нет, преследует на широкую ногу: цветы (не принимаю), рестораны (не хожу), катание на яхте, автомобиле, мотоцикле (не соглашаюсь), неожиданные подарки (не беру). Но он упорен, настойчив и в последнее время рассержен на меня и крайне раздражителен.

Юноши-студенты нашего университета боятся со мной даже разговаривать. Игорь с физико-математического избит после того, как проводил меня после студенческого бала. Данил с химического теперь даже переходит на другую сторону улицы, когда меня видит, и все после того, как посмел подсесть ко мне в столовой три раза подряд и однажды угостил капустным пирогом с компотом из сухофруктов. А шестерка из моей группы вообще разговаривает со мной общими фразами и не смотрит в глаза.

Существовать в таком режиме просто невозможно. Но ни мои резкие отказы, ни вежливые объяснения не приносят никаких результатов. В последние месяцы у меня ощущение, что я живу в вакууме, общаюсь с людьми исключительно по половому признаку и уже сама шарахаюсь от всех мужчин от шестнадцати до шестидесяти, боясь, что им причинят вред.

— Скажи ему, что ты представительница группы другой ориентации! — смеясь, советует Валя, добавляя в тазик с оливье упаковку майонеза. Ответить на такое остроумное предложение я не успеваю, за меня отвечает ее сестра Варя:

— Ты чего, Валька! С ума сошла? Сережка же тогда всех нас прищучит!

— Точно! — артистично разыгрывает панику Валя, но все впечатление портит облизыванием ложки, которой мешала салат. — Я об этом даже не подумала! Нет уж, Нинка! Не переключайся на женщин ради нашего спокойствия. А то сегодня с тобой ни одна не ляжет вместе спать, боясь Серегу.

— Если что, именинницы, — предупреждаю я. — Не обижайтесь! Я вызову такси и

домой!

Сергей с шиком появляется, когда праздничный стол уже накрыт. Подъезжает на спортивном автомобиле, привозит много алкоголя и даже цветы Вале и Варе. Он первым произносит тост в честь именинниц, а потом неожиданно говорит, обращаясь ко мне:

— Нина! Сегодня на празднике наших общих друзей я хочу сделать тебе предложение. Будь моей женой!

Под гробовое молчание мое и ребят он идет к машине и возвращается с огромным букетом нежно-розовых и желтых роз. Я, застывшая с бокалом шампанского в руке, прижимаюсь к Вальке или Варьке, не помню, поскольку потеряла ориентацию во времени и пространстве. Сергей встает на одно колено и протягивает мне бархатную коробочку. Я начинаю отрицательно мотать головой и даже размахивать руками. Со стороны, наверное, кажется, что я отгоняю пчелу или шмеля, такая паника охватывает меня.

— Не открывай! — кричу я Сергею, собравшемуся открыть коробочку и показать мне кольцо. — Это смешно!

— Что тебе смешно? — хмуро спрашивает он, вставая с колена.

— Это цирк какой-то! — сопротивляюсь я. — Я не собираюсь за тебя замуж! Мы не пара! У нас нет отношений!

Сергей несколько минут смотрит на меня бешено диким взглядом. потом молча разворачивается. бросает букет роз на землю и начинает топтать цветы ногами под испуганные вскрики однокурсниц и молчание парней. Растоптав розы до состояния каши, он подходит к мангалу и швыряет в него коробочку с кольцом. Никто не смеет подойти и вытащить ее. Все молчат. Сергей уходит в машину, но никуда не уезжает, а только на полную громкость включает музыку.

Через пару минут все отмирают и активно включаются в поздравительную программу, недаром же мы культурологи! Мы столько всего для Вали и Вари придумали!

Сергей сидит в машине больше двух часов, видимо, успокаивается. Потом приходит к нам и как ни в чем не бывало подключается к веселью. Я страшно жалею, что поддалась на уговоры сестер Костенко и не вызвала такси. Мрачный взгляд Сергея я время от времени ловлю на себе, и от этого очень неуютно.

— Спасть будешь с нами! — говорит мне Валька. — От греха подальше!

— Да! Он же чокнутый и бешеный! — подхватывает Варька. — При нас тронуть не посмеет!

В одиннадцать мне нужно позвонить родителям, как велел папа. Связь на даче плохая, поэтому я долго ищу место, с которого можно дозвониться до города. Это крыльцо старой бани в глубине большого по площади участка. Девчонки говорили, что их родители выкупили два соседних участка, чтобы в будущем построить на них дома для дочерей. Поэтому размеры "угодий" Костенко впечатляют.

Сажусь на крыльцо и долго разговариваю с мамой, подробно рассказывая ей, как мы поздравили сестер, и убеждая ее, что у меня все хорошо, мальчики не пьяные и не позднее двух часов дня я буду завтра дома.

— Спряталась? — громкий оклик Сергея пугает меня до дрожи. Хорошо, что мама уже повесила трубку.

Сергей зол и уже основательно пьян.

— Звонила родителям, — тихо отвечаю я, аккуратно обходя парня.

— Куда! — Сергей, несмотря на опьянение, ловко ловит меня и прижимает к себе. —

Попалась, Нинуш!

— Не называй меня так! — тут же сержусь я и тут же ругаю себя за то, что рассердилась. Сейчас надо было потерпеть, а не злить его еще больше.

— Нинуш! Моя Нинуш! — пылко говорит Сергей, начав целовать меня, куда попадает, так как я вырываюсь и пытаюсь освободиться. — Что? Что тебе еще надо? Я могу дать тебе такую жизнь, что ты каждый день будешь благодарить меня за это!

— Я буду прямо сейчас благодарить тебя, если ты меня отпустишь! — стараюсь говорить спокойно и не показывать свой страх.

— Ну уж нет! — отвечает мне Сергей, глядя на меня со страстью и решимостью. — Теперь ты никуда не денешься!

Он хватает меня на руки и несет в старую баню. Предбанник маленький, с низким потолком. Сергей ставит меня на пол, одной рукой загораживая лицо, по которому я безостановочно луплю, другой закрывая внутреннюю задвижку. Почти отшвырнув меня в угол, он включает свет.

— Раздевайся! — командует он. — Или порву все к чертовой матери!

Умом я понимаю слова, которые он говорит, но они пугают меня не так сильно, как низкий потолок и приближающиеся ко мне стены. Вот они все ближе и ближе.

Сергей срывает с себя футболку, обнажая загорелое красивое тело. Он стройный и спортивный, как говорит мой папа, с рабочими мускулами. И последнее, что помню я перед началом панической атаки, это его татуировки. Зловещие и очень красивые. Кинжал на запястье мы видели все, а вот волчий оскал на правом плече и изящный арбалет на накаченном животе, стрелой уходящий ниже пояса джинсов, я видела впервые. Красота татуировок и их необычность на несколько секунд задерживают меня в этой реальности, и я даже слышу слова Сергея:

— Ты издевалась надо мной целый год! Пришла пора платить за это!

На арбалете натягивается стрела, и я второй раз в жизни ухожу в другую реальность — падаю в обморок.

Возвращение предлагает те же виды: низкий потолок и почти подобравшиеся ко мне стены. Но теперь я ощущаю под головой твердость живого человеческого тела. И еще легкий озноб. Медленно провожу правой рукой по телу, левая прижата к чужому голому боку. На мне нет одежды.

— Жива? — хрипло спрашивает меня Сергей.

Еще медленнее, чем до этого действовала рукой, поворачиваю голову на голос и понимаю, что мы лежим на деревянном пологе. Левым боком я прижата к голому боку Родина.

— Что ты сделал? — тоже хрипло спрашиваю я, ощупывая себя и не находя никаких изменений, кроме отсутствия одежды и распущенных волос.

— Ничего, — после долгой паузы отвечает он, поворачивая ко мне голову и съедая меня взглядом. — Пару фотографий в стиле ню и один поцелуй.

— Ты! — кричу я и вскакиваю, начиная метаться по предбаннику в поисках своей одежды. Вот они, моя футболка и летние брюки, валяются в углу на полу. Лихорадочно одеваюсь, не с первого раза попав нужной ногой в нужную штанину.

— Ты воспользовался моим обмороком! — обвиняю я Сергея, продолжающего лежать голышом на пологе.

— Нет, — спокойно отвечает он. — Хотел, но испугался твоего обморока. У тебя

клаустрофобия?

— Что за фотографии? — не отвечаю я на его вопрос, а задаю свои. — Что ты собираешься с ними делать?

— Узнаешь, — лениво отвечает он, не торопясь вставая и начиная так же не торопясь одеваться.

— Я ненавижу тебя! — кричу я. — Если ты мне навредишь как-нибудь, я обращусь в полицию!

Сергей грустно смеется, но ничего не отвечает.

— Я… Я… Я обращусь к твоему отцу! — в бессильной злобе говорю я.

На эти слова Сергей реагирует резким поднятием головы и цепким взглядом, но снова ничего не отвечает

— Попробуй только хоть что-то сделать! — бросив последние слова, я вылетаю из бани в сад.

Удивленным сестрам я вру, что дозвонилась до родителей, мама себя плохо чувствует, и вызываю такси. Машину приходится ждать больше часа. Сергей возвращается за стол минут через пятнадцать после меня и невозмутимо продолжает пить с парнями виски, время от времени бросая на меня насмешливый взгляд. Я же мелкими глотками пью горячий сладкий чай, чтобы унять озноб, охвативший меня этим теплым майским вечером. Дома я час стою под горячим душем, согреваясь и осматривая на себе каждый сантиметр. Ложусь спать и перед тем, как завести будильник на телефоне, обнаруживаю четыре присланных мне фото. Которые рассматриваю в каком-то благоговейном, неправильном шоке.

Сейчас

Да. Это те фотографии, которые после небольшого замешательства, я удалила со своего телефона три года назад.

На трех только я. Как будто спящая, с красиво распущенными волосами. Обнаженное тело размыто при помощи какого-то специального эффекта. На четвертой же мы вместе с Сергеем. Переплетенные тела и поцелуй. Жутко и красиво одновременно. Сергею пришлось делать фото, держа телефон на вытянутой руке. Такой близкий ракурс создает впечатление трогательной интимности: наши губы слились в глубоком поцелуе, моя правая рука лежит на его шее, вторая его рука крепко держит мою голову, запутавшись в моих волосах. Мои глаза закрыты, как будто в порыве неконтролируемой страсти.

Последний раз я испытывала такой неправильный восторг и страх одновременно в краеведческом музее перед чучелом очаровательного олененка, смотрящего на меня детскими глазами мертвого ребенка. Набираю номер, с которого пришли фото.

— Впечатлилась? — иронический вопрос Сергея остается без ответа. — Ты же понимаешь, что убрать спецэффекты — это пара кликов. Так что ты решила? Мы поговорим завтра?

— Да. Поговорим, — наконец отвечаю я. — Где и в какое время?

Глава 47. Клочки по закоулочкам

Женщины делятся на две половины: те, кого можно скомпрометировать, и те, кто компрометирует вас.

Анри Бек

— Почему ты мне никогда не рассказывала эту историю? — пораженная Ленка, приехавшая ко мне в полдень, чтобы показать свои новые эскизы, получает бонус в виде моего рассказа о Сергее, наших студенческих "отношениях", истории в старой бане и художественного оформления в виде четырех фотографий.

— Думала, что она никогда не вспомнится, — честно отвечаю я. — Эту историю никто, кроме меня и Сергея, не знает, даже девчонки-одногруппницы. Сергей сразу после выпуска уехал в Штаты, говорили, отец отправил от греха подальше. Вот и забылось постепенно…

— Появился Холодильник — и все вспомнилось? — догадывается моя подруга. — То-то ты от него шарахаешься…

— Он для меня от Сергея первое время вообще не отличался ничем, кроме возраста, — продолжаю откровенничать я. — Старше, явно богаче, но ревнивый собственник, как и тот. А главное, любовь априоре равна постели… Сразу, с ходу, потому что захотелось — и все тут…

— А потом? — цепко хватается Ленка за мои слова "первое время".

— Потом стало понятно, что Холодильник не просто старше… Он умнее, порядочнее, добрее. Ну… или просто терпения больше… — пытаюсь объяснить я свои дальнейшие ощущения.

— Зачем согласилась встречаться? — недоумевает огорченная Ленка. — Бог с ними, с этими фотографиями! Ты представляешь, что может у самого Климова всплыть? Даже видео с самыми разнообразными и всем известными красотками! Ему тридцать лет!

— Холодильник патологически ревнив, в отличие от меня, — напоминаю я.

— Это еще неизвестно! — отмахивается Ленка. — Ты еще и не любила толком!

— Честно говоря, — делюсь я размышлениями, не дававшими мне спать сегодня ночью, — дело больше в Светлане и Кристине, чем в Климове. Холодильник, скорее всего, просто убьет Родина, меня строго-ласково пожурит — и все! А вот Светочка с Крысюшей черти где их распространить могут… И тогда я сгорю от стыда… Мама, папа, Карповы, мои клиенты, которые сотрудничают с агентством долгие годы… Поверь мне, Кристина со Светланой эти фото без ретуши выбросят в сеть, а может, чтобы и Климову насолить, в СМИ.

— Все, кто тебя знает и любит, все тебя поймут и не осудят! — горячится Ленка.

— Чтобы поняли и не осудили, надо каждому, понимаешь, каждому заново все рассказывать! — сержусь я на подругу и вскакиваю с дивана, на котором мы сидим с чашками какао.

— Сядь! — с интонацией Холодильника бросает мне Ленка. От неожиданности плюхаюсь обратно на диван.

— Теперь меня слушай! Перебьешь — получишь подзатыльник! — строго говорит она, смягчая резкость тона добрым взглядом со смешинкой. — Первое. Встречаться ни в коем случае нельзя. Сергей твой точно провокацию готовит!

Делаю глоток горячего какао и закрываю глаза. Конечно, Сергей просто так никаких

обещаний про фото не даст. Обязательно придумает, как любит говорить Дарья Владиленовна, каверзу какую…

— Второе! — Ленка решительно распаляется. — Можешь плюнуть мне в лицо, Нинка, но ни за что не поверю, что твой Холодильник уже все не знает, всего не видел и обо всем не позаботился!

Очень хочется перебить, но не хочется обижать единственную подругу. Откуда Холодильнику все знать? Евгений отозван с поста. В зимнем саду камер не было, вроде…

— Третье! — Ленка, довольная тем, что я ее не перебиваю, менторским тоном продолжает. — Даже если Светлана и Кристина сделают так, как ты предрекаешь… Климовская безопасность соцсети подчистит, распространителей за левую ногу, ну или за что понежнее, подвесит. И со СМИ разберется — если что, то и опровержение организует с информацией про подлог и фотошоп, причем с решением суда!

— Да за это время мои родители от стыда сгорят! — не выдерживаю я и перебиваю Ленку криком со слезами. — Моя мама в гимназии работает. Ее коллеги, ее ученики? На каждый роток платок не накинешь! Ты знаешь, как жестоки современные подростки? Они любой компромат на учителя с таким размахом используют! А папа?! Он человек очень строгих, традиционных интеллигентных представлений. А его здоровье?!

— И четвертое, — не поддаваясь на мою истерику, продолжает Ленка. — Да. Так бывает, подруга… Время, когда проверяется и любовь, и дружба… В том числе и родительская… Семья тебя защитит…

— Нет! — не соглашаюсь я. — Это я ее должна защитить!

— Ты же понимаешь, что Сергей с тебя не деньги попросит? — негодует Ленка, все-таки вывела я ее из себя. — Ты собираешься отдать ему то, что не получил реабилитированный выше Холодильник?

— Нет, конечно! — фыркаю я. — С чего ты взяла?

— Ты же не думаешь, что он возьмет конфетами или фантиками от них? — фыркает в ответ Ленка. — Или ты на дар убеждения рассчитываешь?

— Это самый сложный пункт плана, — соглашаюсь я, вздохнув.

— О! — Ленка ехидно дразнит меня. — У тебя даже план есть?

— Понимаешь… — допиваю сладкое какао, которое вдруг кажется горьким. — Холодильник явно вечер под себя забронировал. А вдруг Сергей вечером встречу назначит?

— Придется врать, выкручиваться, и ты обязательно попадешься, Мата Хари! — отвечает довольная Ленка.

— Ты не иронизируй, а помоги! — обижаюсь я.

— Я тебе все по полочкам уже разложила! — теперь обижается и Ленка. — Что непонятно? С Сергеем не встречаешься. Холодильнику сама все рассказываешь, хотя он все знает. И все! Расслабилась и наблюдай, как пойдут клочки по закоулочкам!

Ленка уходит, но расслабиться я не могу. В два часа дня звонит Холодильник.

— Выспалась?

— Да, — вру я достаточно правдоподобно.

— Что решила с гарден-вечеринкой Матвея? — осторожный его вопрос.

— Пока ничего… А до скольки можно думать? — растерянный мой ответ.

— Хоть до скольки, — смеется Холодильник. — Вечеринка начнется часов в десять вечера, продлится часов до двух-трех ночи. У него там все на ночных спецэффектах построено.

— Я перезвоню тебе через пару часов, — обещаю я.

— Если не пойдешь туда, где мы с тобой встретимся? — Холодильник не дает положить трубку.

— А где бы ты хотел? — теряюсь я. Могу думать только о встрече с Сергеем.

— Я бы хотел свозить тебя к маме, — осторожно прощупывает почву Холодильник.

— К маме?! — мгновенно пугаюсь я. — Только не сегодня, пожалуйста! Мне настроиться надо… Сегодня мне бы не хотелось…

— Хорошо, — быстро соглашается Холодильник. — Не сегодня, так не сегодня…

Чтобы смягчить разочарование от моего отказа, спрашиваю:

— Может, у тебя другие мысли есть, кроме мамы, ресторана или театра?

— Есть, — хрипло отвечает Холодильник, и я краснею, понимая, о чем он говорит.

— Какие? — храбро задаю вопрос.

— Можно просто погулять… — неуверенно предлагает он, и в это же время на моем телефоне пробивается звонок Сергея.

— Погулять?! Как здорово! — по-дурацки, совсем неправдоподобно выходит у меня демонстрация радости. — Я перезвоню тебе буквально через пять минут. Мне мама дозванивается по второй линии.

— Хорошо. Жду, — коротко отвечает Холодильник и кладет трубку.

— Нинуш! — ласково обращается ко мне Сергей, решаю не цепляться к имени. — Ты готова к нашей встрече?

— Где и во сколько? — бросаю я вопрос, ежась от омерзения.

— Есть предложение уединиться на гарден-вечеринке Матвея Сокольского, — бархатно шепчет Сергей, и мне кажется, что в мое правое ухо заползает шершавый змееныш. — Уж очень Светик настаивает на моем присутствии.

— Так уж и уединиться? — злюсь я, тщетно стараясь скрыть эту злость, прорывающуюся сквозь терпение и здравый смысл.

— Ну нам же не нужны свидетели? — откровенно смеется он надо мной.

— Свидетели чего? — спрашиваю я сквозь зубы.

— Личной беседы старых друзей! — и снова в трубке смех. — Не бойся, Нинуш, поболтаем несколько минут и разойдемся, довольные друг другом! Обещаю!

— Это будет непросто сделать, — ехидно предупреждаю я. — Александр Юрь… Саша с меня глаз не спускает. У меня одних охранников по две штуки на каждый день!

— А была бы со мной, — иронизирует Сергей, — их у тебя было бы с десяток. Ходила бы по городу, как поп-звезда!

Придурок! Хватило бы ума сделать комплимент, сказал бы, что снял бы любую охрану…

— Придумаем что-нибудь! Не трусь! — веселью Сергея нет предела.

— Ты недооцениваешь Климова, — презрительно констатирую я. — Нам даже парой слов сложно будет перекинуться, не то что поговорить целых пять минут!

— Это ты его переоцениваешь, дорогая Нинуш! — все веселье мгновенно заканчивается, теперь Сергей зол и раздражен. — Я вполне способен управлять ситуацией!

— Хорошо, — устало соглашаюсь я. — Встретимся там.

Без предупреждения кладу трубку.

— Я тут подумала… — лениво говорю я дрожащим голосом, перезванивая Холодильнику. — Я никогда не была на гарден-вечеринках. На дачи к друзьям, конечно,

ездила, только это называлось гулянкой, а иногда, в студенческие годы, даже… пьянкой.

Холодильник смеется, и его смех меня успокаивает так же сильно, как до этого сильно бесил смех Сергея:

— Сокольский будет рад! — подтверждает Холодильник. — В девять я за тобой заеду.

— Прямо там, на вечеринке? — Ленка не верит своим ушам. — Ты когда приедешь, Никка, сразу выбери самую красивую елочку, ну или что там у него вокруг коттеджа или ресторана растет… Не важно… Сосенку, березку. Нет! Там, наверное, точно есть туя! Давай, выбирай тую!

— Зачем тую? — туплю я.

— Чтобы тебя под ней вместе с твои Сергеем и прикопали! — бьется в экран Ленка. — Хотя… Ты фильмы про итальянскую мафию смотрела? Те, где ноги в тазик с цементом, — и в речку!

— Ты чего раздухарилась? — недоумеваю я. — Он это место выбрал, значит, придется там и разговаривать… как-нибудь…

— Делай, что хочешь! — сдается Ленка. — Чую, плохо все закончится… Для всех! Вместо твоего фотопозора выйдет криминальная хроника.

— Не каркай! — сержусь я. — Еще наряд выдумывать!

— Брючный костюм или что-то наподобие! — тут же предлагает загоревшаяся идеей Ленка. — Поздний вечер, сад — прохладно. И сверху что-нибудь тепленькое…

— Не хочу я тепленькое, — сопротивляюсь я.

— Правильно! — фыркает Ленка. — У тебя сразу два мужика — согреют!

— Лена! — предупреждающе говорю я.

— Ладно-ладно! — грустно смеется она. — Везу!

— Это… Это очень ярко… — отказываюсь я, когда к семи часам вечера Ленка привозит мне красный трикотажный костюм, состоящий из двубортного жакета и юбки-брюки.

— Это сильный аргумент в любом разговоре и споре! — убеждает меня Ленка. — С женщиной в красном никто не связывается! Сюда твои молочно-кремовые туфли на трапециевидном каблуке подойдут лучше всего.

— Под этот жакет ничего не наденешь! — возмущаюсь я.

— Как это ничего? — удивляется Ленка. — Нет, конечно, если ты голышом хочешь…

— Лена! — предупреждаю снова.

— А мое красное белье? Моя новиночка? — почти стонет Ленка, доставая красное бюстье.

— А что тогда на голове? — все еще сомневаюсь я.

— Ничего сложного, — быстро отвечает Ленка. — Все-таки садовая вечеринка!

— Ого! — встречает меня в холле Холодильник, одетый в демократичный мягкий костюм цвета мокрого асфальта и белую футболку под пиджаком. — Такое впечатление, что ты собралась на войну! Это очень круто!

— Не на войну, так, на садовую прогулку, — отвечаю я, крутанув высоким хвостом.

— Зато я тебя теперь ни в толпе, ни в зелени кустов не потеряю! — заключает довольный Холодильник.

Гарден-вечеринку Матвей организовал в своем загородном клубе-ресторане "Охотник". Будет человек сорок-пятьдесят. Самых близких.

Все это сообщает мне Холодильник, пока мы добираемся до "Охотника". Сорок-пятьдесят близких… Мне со всей родней столько не собрать.

На открытом пространстве, на самом берегу искусственного озера, я вижу сколоченную из грубой древесины огромную веранду с несколькими десятками столов, покрытых крафт-бумагой. В подвешенных к потолку веранды за горлышко на тонкой бечевке прозрачных бутылках, подобных тем, в которых в моем раннем детстве продавали кефир, по одной розе, розы самых разнообразных цветов. В центре каждого стола поднос с разноцветными и разновысокими толстыми свечами. Инструментальный квартет играет легкую музыку. Гостей еще немного. Мы приехали без опоздания.

— Вы просто вамп! — шутит Матвей, любуясь моим видом. Матвей встретил нас лично и теперь провожает к дальнему столику. — Вот! Здесь будет удобно. И все гости как на ладони, и мест за столом только три. И третьим буду я!

Благодарно улыбаюсь Матвею, и он добавляет:

— Как хозяин, я буду часто отлучаться. Значит, поболтаете наедине.

В этот момент, скорее всего, цвет моего лица совершенно совпал с цветом моего наряда. Но проверить не могу — не доставать же зеркальце.

— Не могу на тебя налюбоваться, — сознается Холодильник, когда мы остаемся одни, Матвей уходит встречать гостей. — Тебе очень идет этот агрессивный цвет.

— Никакой он не агрессивный, — не соглашаюсь я, растерявшись от того, что комплимент доставил мне удовольствие. — Просто ты своим дресс-кодом не дал мне возможности блеснуть большей частью нарядов.

— Я отработаю этот свой промах, — обещает мне Холодильник, беря с подноса официанта два бокала шампанского.

Больше двух часов мы беседуем обо всем и ни о чем, время от времени с интересом наблюдая за программой самой вечеринки. Оказалось, что ее тематика музыкально-гастрономическая. Матвей Сокольский собирается кардинально менять и основное меню ресторана, и его культурную концепцию. И это презентация нового подхода. Постепенно втягиваюсь в неспешный разговор с Холодильником и изредка подсаживающимся к нам Матвеем. С удовольствием слушаю живую музыку и… жду. Жду Сергея.

Родин появляется в компании Светланы с большим опозданием. Светлана тоже в брючном костюме. Он черный и очень идет ей, яркой блондинке с асимметричной прической. Если я, надев красный костюм, едва тронула губы бесцветным блеском, то Светлана сделала на своих губах акцент: они алые и очень выразительные.

Стол Сергея и Светланы в противоположном конце веранды. Им приходится подсесть в компанию к уже сидящим за стол на шестерых. Пока Светлана улыбается и здоровается, Сергей, еще не сев на свое место, уже находит глазами меня и здоровается издалека. Делаю вид, что не замечаю его, мазнув взглядом по столику и переведя его на бутылки с розами. Холодильник, как радар ПВО, тут же перехватывает мой взгляд и обшаривает веранду в поисках моей цели. Так… Значит, будет трудно…

— У тебя, правда, клаустрофобия? — вдруг спрашивает меня Холодильник, примагнитив мой взгляд.

— Правда, — осторожно отвечаю я. — А что?

— И в обмороки падаешь? — интересуется мой собеседник, не сводя с меня глаз.

— Падала. Два раза, — нервно рассказываю я, испугавшись, что Холодильник сразу спросит меня про Сергея. — В восемь лет и лет в двадцать-двадцать два…

— Может, к специалисту обратиться? — спрашивает меня Холодильник со странным выражением лица.

— Специалисту? — не понимаю я. — Ты меня к психиатру отправляешь?

— Нет. Советую, — расслабившись отвечает Холодильник. — Просто тогда бы мы смогли кататься на лифте.

— Пешком походим — здоровее будем! — смеюсь я.

Вечер идет своим чередом, когда к рыбе подают соус-новинку.

— Отгадай, Шурка, что я в него добавил! — дразнит друга Матвей.

— Начнем с того, что ты украл соус Моисеевича! — задирается Холодильник.

— Клевета! — картинно возмущается Матвей. — Докажу составом!

— Мускатный орех? — задумывается Холодильник и подмигивает мне.

Подмигивающий Холодильник — это та еще картина! Помилуйте! Где мой Холодильник? Предсказуемый и справедливо холодный?

— Да… — разочарованно отвечает Матвей. — Надо было понять, что ты догадаешься! Тогда еще загадка: отгадай все ингредиенты к соусу для грибов. Пойдемте на кухню. Грибы еще нескоро подавать будут. Я недотерплю!

— Может, поспорим на что? — лениво спрашивает Холодильник, в этот момент похожий на большого умного кота, который не хочет ловить мышь, а предлагает той добровольно сдаться.

— Нет-нет! — не соглашается Матвей. — Здесь у меня тоже шансов немного, а к тебе в рабы на месяц я не хочу!

— Что за детский сад! — возмущается Холодильник, опять мне подмигивая. — Будем спорить на машинку.

— Какую машинку? — не понимает шутки Матвей.

— Серенький мерседесик, — объясняет Холодильник и смеется.

— Ага! Сейчас! Нашел дурака! — Матвей встает и машет нам рукой. — Пошли на кухню. Могу предложить бутылку Шато Мутон Ротшильд 1975 года.

— Тогда я ставлю Шато Лафит Ротшильд того же года! — улыбается Холодильник, тоже встает и подает мне руку.

— Можно без меня? — спрашиваю я. — Я бы посидела и послушала музыку. Холодильник некоторое время молчит, пристально глядя на меня, потом, наклонившись к самому уху, шепчет:

— Только не уходи никуда, пожалуйста. Ты слово никуда понимаешь?

— Я понимаю большую часть слов русского языка, — спокойно отвечаю я, но внутренне содрогаюсь. Вот он и вернулся, мой Холодильник…

Мужчины уходят, и я остаюсь одна. Цепкий хищный взгляд Сергея сосредотачивается на мне и давит головной болью, дрожью рук и сбоем сердечного ритма. Встречаюсь с ним взглядом и вижу легкий кивок в сторону. Сигнал идти на ним. Еле заметно склоняю голову — поняла.

Подошедший к столу официант наполняет мой бокал свежим шампанским и с улыбкой подобострастного исполнителя кладет на стол сложенный вчетверо лист бумаги. Записка от Сергея. "Двор за зданием ресторана. Гараж".

Выжидаю после ухода Сергея пять минут и иду в указанном направлении. За рестораном оказывается довольно большой хозяйственный двор и капитальный гараж, дверь которого открыта. Осторожно захожу внутрь. Сергей уже здесь. Он широко улыбается и даже распахивает руки для объятий. Останавливаюсь у самой двери.

— Только тронь меня — сразу уйду! — предупреждаю я.

Сергей дурашливо поднимает руки вверх.

— Я потерплю, Нинуш! — скалится он в красивой улыбке, показывая идеальные зубы.

— Ну и где же твой Холодильник?

— Пробует соус на спор, — зачем-то рассказываю я, видимо, боясь перейти к настоящей теме встречи, хотя времени у меня катастрофически мало.

— На что спорят? — медленно подходит ко мне Сергей, отвлекая вопросом.

— На какие-то Шато Мутон Ротшильд и Шато Лафит Ротшильд, — отвечаю я, делая шаг назад. — 1975 года.

— Надо же! — присвистывает Сергей. — Сто сорок тысяч против почти двухсот! Умеют веселиться твои мужчины!

— Они не мои мужчины, — по инерции сопротивляюсь я. — Саша — мой жених, а Матвей — его друг.

— Ты спала и с тем, и с другим? — рывком притянув меня к себе, спрашивает Сергей, жадно гладя по спине.

— Ты больной! — гневно шиплю я, стараясь его оттолкнуть, но это у меня не получается. — Давай договариваться и расставаться!

— Моя постель, вернее, ты в моей постели — и мы договорились! — жарко шепчет Сергей, пытаясь расстегнуть мой жакет.

— Ты не можешь верить в то, что я соглашусь! — отталкиваю я его наконец.

— Ты умная красивая девочка, Нинуш! — смакует он мое прозвище. — Ты готова рискнуть своей репутацией, а значит, и репутацией жениха, самого господина Климова-младшего? Ты в курсе, что он руководит несколькими благотворительными фондами и имеет некоторый политический вес? Подпортить все это очень легко! Ты же знаешь поговорку "Нет дыма без огня"? Таким людям совсем не обязательно подбрасывать наркотики или что-то подстраивать. Наоборот, совсем маленькое пятнышко на репутации — и вот тебе сомнения, отказы от сотрудничества, так и до остракизма недалеко!

— Какое редкое слово ты выучил за эти годы! — саркастически ухмыляюсь я. — Мне помнится, на лекциях по философии ты спал или в карты играл, а на семинарах двух слов связать не мог!

— Не у всех была возможность спать с преподавателем философии… — тянет Сергей.

— Ты зарабатывала пятерки постелью, а я тройки честным бе да ме.

Я ничего не отвечаю на эту грязную и нелепую ложь. У меня совсем нет времени на его дурацкие воспоминания.

— Делай с фото все, что придумаешь! — заканчиваю я разговор. — Я не буду платить за них ни деньгами, ни собой. Но если ты всерьез говорил о своей любви и хотел на мне жениться, то зачем же ты все это делаешь? Разве это любовь?

— Любовь?! — даже взвизгивает Сергей. — Ты унизила меня при всех, при всей группе! Да мне ни одна не отказывала! Но я никого, никого, кроме тебя, замуж не звал! Сергей прижимает меня к себе больно, еще чуть-чуть, и он сломает мне ребра.

— А я тебя любил… Ты мне снилась… — горячо шепчет Сергей. — Ты не понимаешь, чем рискуешь…

Резкий скрип дверей на противоположной стороне гаража — и я вижу Николая и Евгения.

— Убери от нее руки, иначе без их помощи скоро будешь и есть, и в носу ковыряться, и удовольствие получать, — негромкий насмешливый голос Матвея раздается сзади. Сергей

отпускает меня, и я резко разворачиваюсь к тем дверям, через которые вошла в гараж.

Матвей и Холодильник. Матвей как-то странно и расслабленно улыбается, а Холодильник молча смотрит на меня. И это тот, старый пустой взгляд из бездны.

— И что же происходит в моем гараже? — живо интересуется Матвей, подходя к нам поближе. Холодильник не двигается с места.

— Встреча старых любовников! — смело огрызается Сергей. — Планирование новых встреч!

Холодильник кивает головой своим охранникам, и ко мне подходит мой Евгений.

— В машину! — первые резкие слова Холодильника, произнесенный в полупустом гараже, раздаются неожиданно и подтверждаются зловещим эхо.

— Пожалуйста, в машину, — неожиданно мягко повторяет команду хозяина Евгений и, даже слегка взяв меня за локоть, ведет к дверям.

— Тебе придется ее к ноге привязать! — нервно смеется Сергей. — Чтобы ко мне не бегала!

Это последние слова, которые я слышу, выходя с Евгением наружу. Мы неспешно идем к автомобилю Холодильника. И я решаюсь.

— Евгений! Женя! — хватаю я его за обе руки и прижимаю их к себе.

Впервые он не шарахается от меня и не забирает свои руки. Это придает мне смелости и артистизма.

— Женя! Отпусти меня! Я хочу уехать одна. Не с ним, а одна! — я понимаю, что это совершенно бесполезные и безнадежные слова, но почему-то продолжаю их повторять и повторять, почти прижав к себе охранника.

Евгений терпеливо и осторожно отрывает меня от себя и вдруг говорит:

— Идите!

Замираю, распахнув на него не верящие в удачу глаза.

— Идите! Время! — мягко, но настойчиво повторяет Евгений, и я бегу за ворота ресторана.

На парковке несколько такси. Плюхаюсь на заднее сидение самого близкого ко мне автомобиля. Делаю заказ до автовокзала. Лихорадочно соображаю, что делать… Ловлю себя на мысли, что подставила Евгения и что надо вернуться. А то под той пресловутой туей прикопают не меня, а бедного молодого человека… Но вернуться так и не решаюсь. В голове созревает сумасшедший план. И как человек, не обладающий терпением, я сразу же приступаю к его реализации.

— Почему ты сама не можешь вызвать себе такси? — не понимает меня Ленка, до которой я дозвониваюсь.

— Не знаю. Я в кино видела, что так делают, чтобы запутать следы. Он же такси быстро вычислит, на котором я уехала, — путано объясняю я.

— И куда ты поедешь? — пугается Ленка. — И зачем? Он тебя и пальцем не тронет!

— Он меня сегодня как муху прихлопнул приказом никуда не уходить, как собаке его дал, а потом этим "В машину!" довел, — кипячусь я.

— А ты сама виновата! Жених у тебя ревнивый, а ты по закоулочкам с другим прячешься! — тут бы и Ваня-пряник взбесился.

— В любви приказов не выполняют! — категорично заявляю я, садясь в пришедшее такси. — Я не поклонница БДСМ.

— Как знаешь… — растроенно отвечает Ленка. — Позвони потом, как доберешься туда,

куда собралась.

— Куда едем? — приятный пожилой таксист оборачивается ко мне.

— Западное направление, поселок Антей, там еще пруд большой, не искусственный, — сообщаю я. — Думаю, по навигатору найдем!

Большие ворота в дом Климова-самого старшего нараспашку. Из большого грузовика трое мужчин в черных комбинезонах разгружают дрова. Дед Холодильника руководит разгрузкой. И опять мне кажется, что он похож на Деда Мороза, переодевшегося в камуфляж. Дед удивленно смотрит на подъехавшее такси, с еще большим удивлением на меня, вышедшую из него.

— О! Райская! — радостно приветствует меня дед. — А где Саша?

— Саша в городе! — бодро сообщаю я. — Я от него сбежала!

Дед приподнимает густые седые брови, хмурится, потом откидывает голову назад и долго смеется, громко и с удовольствием.

— Он тебя быстро найдет! — предрекает дед, подходя ко мне, обнимая меня и целую в макушку. — С его то возможностями!

— А вы меня не отдавайте! — прошу я, улыбаясь хорошему человеку.

— Хорошо придумано! — радуется Александр Юрьевич. — Не отдам! Я даже отстреливаться могу! У меня ружье есть!

— Я серьезно, — ворчу я. — Не шучу!

— Какие шутки? — возмущается дед. — Охотничий карабин "Сайга"! Не фуфло! Сам Калашников проектировал! А у Ильича двустволка есть времен царя Гороха. Отобьемся! Только в вертолет я не попаду, если что…

— Издеваетесь? — смеюсь и я.

— Продумываю линию обороны! — серьезно отвечает он и подмигивает, такой похожий на своего внука Холодильника. — Пошли, чаем тебя поить буду! По моим подсчетам, у тебя и пары часов нет. Но не бойся! Повоюем! Ты не представляешь, как я рад, что Сашка впервые будет бороться за свою женщину!

Глава 48. Саша

У ревности глаза желтые. У зависти — зеленые.
У ненависти — черные. У радости — рыжие.
У любви их нет… совсем…
Автор неизвестен

— Надень-ка вот эти носочки! — заботливо советует дед и хвастается. — Ильич сам вязал!

"Носочками" дед Холодильника называет длинные, до колена, толстенные вязаные "почти валенки" забавного серо-голубого цвета.

— Мужчина вяжет? — удивляюсь я, снимая лакированные туфли. — И так хорошо?

— Ильич и варенье варит, и на швейной машинке умеет! — гордится другом дед. — Мы с ним оба вдовцы. Моя Мария умерла, когда Юрка еще в школу ходил. А его Екатерина лет десять назад. Так что пожили они вместе лет пятьдесят, по-моему, жаловаться не на что… Как она умерла, Ильич тут вязать и начал…

Сажусь за уже знакомый большой стол и боязливо выглядываю на улицу.

— Ждешь? — хитро улыбается дед, наливая мне большую чашку чая.

— Даже не знаю, как ответить вам, — пожимаю я плечами. — Когда сбегала, даже придумала, что вам скажу, а теперь мысли куда-то разбежались…

— Да и бог с ними! — машет рукой дед. — Я рад, что ты ко мне приехала, что вспомнила… Значит, Сашка наш тебе не безразличен… Думаю, заявится скоро…

Я теперь недопонимаю, что скажу Холодильнику. Почему убежала? Почему к его деду заявилась? И что там с Евгением?

Ароматный чай отчетливо пахнет смородиной. Дед сидит напротив и, не стесняясь, разглядывает меня.

— Красивая ты, Нина, — выносит он приговор, потирая бороду. — От красивых бед много… Даже жаль, что ты красивая…

— У Холо… Саши все невесты — красавицы! — возражаю я. — Я двух лично знаю.

— Ты единственная, кого он ко мне привозил! Трудно тебе с Сашкой? — спрашивает дед. — Расскажи, может, что и посоветую…

— Не просто, — тихо подтверждаю я. — Есть у нас некоторые противоречия…

— Столько слов сказала, а смысла на полкопейки! — смеется дед, подливая мне чаю.

— Яснее можешь выражаться?

Пока я собираюсь со словами и мыслями, дед продолжает говорить:

— Сашка, конечно, не подарок! Тридцать лет уже, а ничем, кроме бизнеса своего, не занимается! И еще спокойствие это его ледяное! Поэтому девушкам с ним тяжело. Немногословен, часами молчать может, с женщинами сух, бесстрастен что ли… Холодильник немногословен?! Мы с дедом говорим и думаем об одном и том же человеке? Молчать часами? Да он и минуты промолчать не может, чтобы или о страсти своей не сказать, или за ошибки меня повоспитывать, или наорать ни за что!

— Ты, наверное, обижаешься на него, что о чувствах своих говорить не умеет? — сетует дед. — А ты потерпи, поближе сойдетесь — разговорится обязательно!

С недоверием и недоумением смотрю на деда. Может, он так шутит? Нет… Лицо вроде серьезное… Даже глаза колючие, придирчиво-пытливые…

— Его самая первая невеста, — рассказывает дед, как сказку начинает (о! значит, был и нулевой пациент!), — нервничала очень, что неразговорчивый, неласковый, не ревнует. Вам же, женщинам, нравятся ревнивые мужчины?

Вздрагиваю, понимая, что дед спрашивает у меня.

— Нравятся ли мне ревнивые мужчины? — с ужасом переспрашиваю я и честно отвечаю. — Не нравятся…

— Вот! — как ребенок, радуется дед. — А Вероника…

Где-то я слышала это имя…

— Вероника — внучка Ильича, подружка детства Сашки, — реагирует на мой наморщенный лоб дед. — Мы с Ильичом размечтались породниться, да не вышло…

— Почему не вышло? — мне вдруг становится интересен и разговор, и предмет этого разговора.

— Да все как-то сразу не заладилось, — приглаживает усы дед. — В детстве вроде и общались неплохо, а подросли, Веронике страсти захотелось, живости в отношениях, ревности Сашиной… А ему все ровно, гладко, спокойно… Ты же знаешь теперь, какой он неэмоциональный, педантичный… Ревновать выше его представлений об отношениях! Его понять нужно!

У меня складывается стойкое ощущение, что я приехала не к тому деду. Вернее, не от того внука…

— Может, у вас где еще один внук завалялся? — неловко и неумно шучу я. — Мы же о Саше говорим?

— О ком же еще? — почти обижается дед. — Юрка у меня один. Сашка тоже. Может, Юрка со своей куклой кого и изобретут, но я сомневаюсь…

— Значит, Вероника с Сашей расстались из-за ревности? — уточняю я.

— Из-за ее отсутствия! — грустно смеется дед. — Вероника его ревновала ужасно, а он ее нет.

— Но жениться хотел? — не понимаю я.

— Не то чтобы хотел, но поговаривал, что знает Веронику давно, что она добрая и порядочная, что может ей доверять, что дети у них будут хорошие… — пытается объяснить мне дед. — Женщинам ведь надежные и крепкие мужчины нужны. Я думаю, он ее нравоучениями своими допек… Ты же от контроля его тотального сбежала? Так?

Теоретически дед прав, поэтому я согласно киваю, а потом вываливаю скопом:

— И от контроля тотального. И от ревности бешеной. И от страсти, но уже неконтролируемой.

Дед пораженно смотрит на меня. Во взгляде появляется некое благоговение, по-другому не скажешь, словно перед ним не Нина Симонова-Райская, а кто-то из почитаемых на Руси святых.

— А я все думал… — задумчиво говорит он. — Чего они с отцом сцепились? Предположил, что из-за куклы той, на которой Юрка женился… А это из-за тебя, оказывается… Вот вы, Райские, умеете ад устроить!

— И многих Райских вы знали? — удивляюсь я.

— Да одной достаточно! — ухмыляется дед. — А теперь вот две!

Дед неожиданно вытаскивает меня из-за стола и ставит перед собой, как генерал новобранца.

— Что ты за птица такая, Ника Райская?

— Симонова-Райская, — вежливо поправляю я, размышляя, сделать руки по швам или нет.

— Значит, говоришь, что о страсти говорит, ревнует и контролирует?

— Так точно! — не удерживаюсь я, уж очень комично растерянное выражение его лица.

— Так это же совсем другое дело! — радостно потирает руки дед. — Теперь оборона получает новый идеологический смысл. Мы же возьмем его тепленьким!

— Куда возьмем? — интересуюсь я, переминаясь с ноги на ногу.

— В клуб живых людей! — таинственно сообщает мне дед. — Иди-ка отдыхай, внученька!

В этот момент он снова напоминает мне Деда Мороза.

— Отдохни, полежи, фасон свадебного платья попридумывай…

Поднимаюсь на второй этаж и иду в "свою" комнату. Там все по-прежнему. Долго смотрю в окно на яблоневый сад, ощущая растущую в груди тревогу. Холодильник за мной не торопится. Или не нашел, что вряд ли. Или скрывает следы убийства Родина, а на это время надо. Или, что скорее всего, просто остывает, чтобы не пошли по закоулочкам мои клочки, точнее, клочки меня…

Наваливается чудовищная усталость… Снимаю жакет и в бюстье и брюках ложусь на "свою" кровать. Последняя мысль перед забытьем: любил ли он Веронику?

— Дед! — этот крик будит меня, заставляя вскочить с кровати.

Холодильник! Он нашел меня! Хватаю жакет, надеваю на ходу и осторожно крадусь к лестнице.

— Да никто ко мне не приезжал! — возмущенно говорит внуку дед. — А Нину твою я один раз видел всего, когда ты сам ее ко мне привозил.

— Дед! — устало и уже тихо говорит Холодильник. — Не придуривайся! У Нины в сумочке маячок. В телефоне прослушка. Может, тебе видео интервью с таксистом показать?

— Врет твоя техника вместе с таксистом! — не сдается дед.

Осторожно, стараясь быть тихой и незаметной, выглядываю в верхнего лестничного пролета. Господи! Дед сидит на первой ступеньке лестницы с карабином в руках, перегораживая внуку путь наверх.

— Дед! — предупреждающе.

— Внук! — категорично.

— Слушай, деда Саша, тогда это твои туфли? — Холодильник идет в прихожую и возвращается оттуда с моими кремово-молочными лакированными туфлями.

— Почему мои? — не теряется дед. — Это одной моей знакомой. Хорошая женщина. Иногда ко мне с Ильичом заходит…

— И уходит босая? — беззлобно смеется Холодильник. — Дед! Не смешно и не умно!

— Как хочешь! — пожимает плечами дед, но не двигается с места. — Можешь не верить!

— Могу и не верю! — начинает кипятиться Холодильник. — Пропусти! Это моя девушка! Моя невеста!

— Не пущу! — не сдается дед. — Чего ж она от тебя ко мне убежала?

— От меня, — соглашается Холодильник. — Но не к тебе, а ко мне.

— От тебе к тебе? — ехидничает дед. — Это как?

— Нину напугал один человек, — вздохнув, отвечает Холодильник. — Она не справилась с эмоциями и уехала, чтобы успокоиться.

Стройная теория! Молодец, Холодильник! Талантливо и почти правда…

— И этот человек не ты? — подозрительно интересуется дед.

— Я этот второй человек, — серьезно отвечает Холодильник. — И да. Я тоже ее напугал. Но она приехала сюда, значит, ко мне.

— Пока не доказательно! — фыркает дед, перекладывая карабин из одной руки в другую.

— Ты стрелять в меня будешь? — смеется Холодильник.

— Нет, конечно, прикладом добью, — смеется дед. — И пока, любезный внучок, ты мне все-все не скажешь, наверх не пройдешь!

— Все? — Холодильник встает перед дедом, засунув руки в карманы брюк, словно удерживая их там от греха подальше. — Хорошо. Я люблю Нину. Я хочу быть только с ней. Я женюсь только на ней, чтобы всегда, каждый день, всю жизнь быть с ней рядом. И я ревную ее так, что меня морским узлом внутри сворачивает. Достаточно?

— Пароль неверный, друг мой, — грустно говорит дед, отставляя карабин, но не вставая с лестницы. — Поэтому прохода нет…

— Хорошо! — на каменном лице Холодильника ходят желваки, он некоторое время молчит, потом говорит медленно, отделяя одно слово от другого паузой: то ли они трудно даются, то ли он себя заставляет. — Я… спрошу… у Нины… чего… хочет… она. И если… она… от меня… откажется…

— Ты отпустишь ее? — подсказывает дед.

— Я… дам ей время, чтобы она поняла, что неправа, — выдавливает из себя Холодильник.

— Ты безнадежен, Сашка! — констатирует дед печально. — И это тоже не пароль. Я не пущу тебя. Уезжай!

— Дед! — с таким отчаянием, что меня окатывает кипятком ответного сочувствия.

— Внук! — так обреченно строго, что кипяток сменяется холодными мурашками.

— Я спрошу и уеду. Обещаю, — сдается Холодильник.

— Спрашивай! — говорю я, спускаясь вниз.

Дед оборачивается на мой голос и встает с первой ступеньки.

— Я бы продержался, внученька! — горько говорит он, но в его умных карих Холодильниковых глазах я вижу огромное облегчение.

Холодильник замирает, охватывая меня взглядом всю, не пропуская ни сантиметра, потом двигается навстречу.

— Ты обещал! — напоминает дед, отходя в сторону.

Я спускаюсь вниз и встаю в шаге от Холодильника:

— Пойдем в ту беседку у пруда, — осторожно предлагаю я.

Холодильник кивает, словно разучился говорить, потом нелогично произносит:

— Жакет!

Опускаю глаза на свой жакет. Он не застегнут. Красное бюстье Ленкиной работы видят оба Климова. Быстро застегиваюсь, краснея.

— Очень красивое белье! — делает мне комплимент дед.

— Дед! — снова предостережение.

— Внук! — теперь это откровенная, но добрая насмешка.

— Нина наденет туфли твоей знакомой? — иронично спрашивает Холодильник. — Хотя… я могу нести ее на руках.

— Пожалуйста! Это знакомая Ильича! — не теряется дед. — Носите на здоровье! Холодильник вдруг опускается передо мной на одно колено и осторожно стаскивает по очереди правый и левый "носочек" Ильича. Потом так же не торопясь, вставляет мои ноги в туфли.

— Надо же… подошли! — удивляется он. — У тебя, Нина, один размер с гостьей моего деда!

Дед фыркает и просит:

— Возьмите плед с дивана, прохладно.

В беседке горят красивые круглые садовые фонарики. Холодильник укутывает меня в красно-черный клетчатый плед и усаживает на деревянную скамью, сам остается стоять.

— У меня к тебе много вопросов, — хрипло говорит Холодильник и отходит от меня подальше, словно не доверяет себе. — Ты настолько не доверяешь мне свои секреты, что готова рискнуть всем?

— Ты про Сергея? — уточняю я нервно, у меня зуб на зуб не попадает. — Если я не буду твоей невестой, то и опасности от него никакой. Мое прошлое ничем тебе не будет угрожать.

— Не доверяешь! — выносит приговор Холодильник. — А просто попросить помощи?

— Я справляюсь сама, — не зная, что ответить, говорю я.

— Разве ты справилась? — Холодильник чудо как терпелив и нежен. — Не появись мы с Матвеем, этот… друг студенческой юности тебя бы изнасиловал!

— Он бы не посмел! — возражаю я, сглатывая слюну.

— Как не посмел тогда? — Холодильник возвращается ко мне.

— Ты знаешь! — упрекаю я и краснею. — Маячок в сумочке, прослушка в телефоне — это твои показатели доверия?

— Это мои средства защиты тебя от тебя! — Холодильник по-прежнему не груб, но настойчив.

— Это моя личная жизнь! — завожусь я. — Ты не смел все это сделать, но сделал!

— Никто не покушается на все твои секреты и всю твою личную жизнь! — Холодильник подходит совсем близко. — Все это у тебя ровно сутки.

— После пати? — догадываюсь я.

— После пати, — подтверждает Холодильник.

— Что ты сделал с Сергеем? — испуганно спрашиваю я.

— А что я мог с ним сделать? — Холодильник равнодушно пожимает плечами. — Он жив. И даже здоров.

— Вы его не били? — настаиваю я на ответе. — Он не подаст на тебя в полицию?

— Мы его не били, — усмехается Холодильник. — Он, правда, налетел на дверь гаража, но это виновато плохое освещение, а не мы…

— Он пообещал что-то насчет фотографий? — с надеждой спрашиваю я.

— Нет! — Холодильник смотрит мне прямо в глаза. — Он пообещал распространить их везде, где сможет.

Я знала это. Предчувствовала. Серьезно избить Сергея, чтобы напугать его, было бы непростительной ошибкой. Там какой-то очень крутой отец, возможно, именно поэтому нам с ним не справиться.

— Надо опровергать информацию о нашей свадьбе! — настаиваю я, нервно кутаясь в плед.

— Только если ты сама откажешься от меня! — Холодильник резко поднимает меня, спеленутую пледом, со скамьи и прижимает к себе. — Забудь эту историю. Завтра она закончится, как будто и не было.

— Как? — не верю я, чувствуя себя беспомощной в его объятиях. — Что ты можешь сделать?

— Завтра ты сможешь узнать во всех подробностях, — обещает Холодильник, едва прикасаясь губами к уголкам моих губ, но не целуя.

Я снова отчетливо понимаю, что он давно принял решение, что не поцелует меня в губы, пока я сама этого не сделаю.

— Я другое должен спросить, как пообещал деду, — Холодильник садится на скамью со мной на руках. — Нина! Ответь, пожалуйста, прямо сейчас. Не завтра, не через месяц, а прямо сейчас. Ты останешься моей невестой? Ты выйдешь за меня замуж? Ты хоть немного хочешь этого?

Мне кажется, что клаустрофобия моя усиливается, превращая плед-пеленку в ненавистно замкнутое пространство. Я дергаюсь, и Холодильник меня отпускает. Освободившись от пледа, как от кокона, я встаю.

— Ты сможешь не контролировать каждый мой шаг и не ревновать меня постоянно? — слишком резко спрашиваю я.

Холодильник морщится и аккуратно отвечает:

— Я буду стараться.

— Ты не сможешь! — возражаю я. — Я тебя иногда боюсь…

— Я никогда не причиню тебе вреда! — убежденно говорит он.

— Этого мало! — кричу я. — Мало! И почему ты так в этом уверен?!

— Потому что я тебя люблю… — Холодильник подходит ко мне, но не пытается обнять.

— Тогда опусти… — шепчу я, отчетливо вспомнив, как Сергей говорил мне о своей любви, которая не помешала ему сделать то, что он сделал и еще собирается сделать…

Холодильник бледнеет, сжимая кулаки, долго смотрит на меня прожигающим черным взглядом, потом кивает и говорит спокойно и как-то безжизненно:

— Хорошо. Ты свободна.

В дом мы возвращаемся порознь. Сначала я, замерзшая и нервно возбужденная, через полчаса Холодильник, усталый и чужой. Все это время я сижу у теплой печки, и мы с дедом просто молчим.

— Я поехал, дед! — прощается Холодильник.

Самый старший Климов выходит провожать самого младшего.

— Я был за тебя, внук!

— Я знаю, дед!

— Она одумается, внук.

— Она меня не любит, дед…

Подхожу к окну и смотрю на то, как Холодильник жмет руку деду, и понимаю, что люблю его…

Потом вижу, как Холодильник подходит к уличному рукомойнику и, набрав щедрую горсть холодной воды, умывается… раз… другой, и понимаю, что люблю его…

Потом, наблюдаю, как он, словно большой пес, отряхивается, и понимаю, что люблю его…

Холодильник открывает дверцу автомобиля, и я срываюсь с места, выбегая на улицу в "носочках" Ильича.

— Саша! — кричу я без голоса, который кончается, словно исчерпан лимит на сегодня, и я хриплю снова. — Саша!

Он замирает, держа одной рукой открытую дверь и глядя на меня спокойно, равнодушно, по-деловому. Дед вскидывает брови, в его карих глазах мелькает огонек радости и надежды, которого нет в глазах у внука.

Хочу подбежать, но вместо этого медленно подхожу к Саше, который сосредоточил свой пустой взгляд на моих "носочках".

— Да, Нина? — вежливо обращается ко мне Саша. — Ты что-то забыла?

— Да! — смело говорю я, хотя сердце колотится по-воробьиному часто-часто. — Я забыла тебе сказать, что я тоже тебя люблю.

Саша слегка наклоняет голову набок и молчит, только рука его, придерживающая переднюю дверь автомобиля заметно вздрагивает. Он ничего мне не отвечает и даже не протягивает навстречу руки. Вот вообще ничего не делает!

Подхожу сама. Настойчиво беру обе его руки и кладу себе на талию. Потом обнимаю Сашу за шею и тянусь к его губам своими губами. Не робко, не застенчиво, а настырно. Как только мои губы касаются его губ, Саша вздрагивает всем телом и резко, болезненным кольцом сжимает свои руки на моей талии. Губы его захватывают мои, лишая дыхания. Мы целуемся как влюбленные, которые были надолго разлучены и уже не надеялись встретиться. И встреча это не навсегда, не надолго. Сейчас нас снова разлучат… Я слегка отстраняюсь, чтобы вдохнуть немного воздуха, Саша дает мне на это не более секунды, снова целуя меня, как будто последний в жизни раз.

— Я вспомнил! — вдруг восклицает дед, прерывая наш поцелуй своим криком. — Мне же к Ильичу самогон допивать срочно надо бежать!

— Ночью? — не верит ему Саша, взяв меня на руки. — Дед, останься!

— Дак… — крякает дед, выразительно выпучивая на меня глаза.

— Пожалуйста! — просит Саша, прижимая меня к себе, как найденного любимого котенка, крепко, но очень осторожно. — Все идем в дом! День был трудный. Завтра тоже непростой. Надо выспаться…

Зайдя в дом, Саша несет меня на руках до самой "моей" комнаты. Возле дверей опускает на пол.

— Спокойной ночи, Нина! — шепчет он моим губам, и мы снова начинаем целоваться. Потеряв счет времени, я наконец отрываюсь от его настойчивых и неутомимых губ и краснею, не зная, как пригласить его в свою комнату. Он мне никак не помогает в этом, а желает спокойной ночи и, слегка подтолкнув к дверям, уходит.

Захожу в комнату и бросаюсь на кровать, дрожа, как в лихорадке. Некоторое время лежу, глядя в потолок, слыша, как Саша разговаривает с дедом внизу, но не разбираю слов. Вскоре дом затихает и погружается в полную темноту.

Звонок телефона подбрасывает меня на постели.

— Нинка! Ты жива? — паникует Ленка.

— Все нормально! — успокаиваю я подругу, которой забыла позвонить.

— Хорошо! — выдыхает она. — Не забудь про мое бюстье, оно счастливое! Что Сергей?

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Пока у меня нет информации, что он будет делать.

— Удачи! Тебе и моему бюстье! — прощается с мной Ленка.

У меня, действительно, ничего нет, кроме этого красного костюма и Ленкиного бюстье. Трусливо-решительно снимаю с себя все, в том числе и белье, беру телефон и заворачиваюсь в кроватное покрывало. Выбираюсь из комнаты, мелко семеня ногами, как японская гейша, иду искать Сашину комнату.

Интересно, где спит дед? Вот будет потеха и позор, если я заявлюсь в его комнату! Я выбираю самую далекую от моей комнаты дверь — и не ошибаюсь. Саша лежит на кровати в одних брюках, без футболки, с голым торсом, на спине, положив руки под голову и глядя в потолок, как я несколько минут назад. Комната залита ярким лунным светом, настолько неправдоподобно ярким, словно это спецэффект, как на вечеринке Матвея.

— Я пришла! — сообщаю я очевидное.

Саша сначала резко садится на кровати, потом встает. Иду к нему навстречу походкой королевы, но запутываюсь в покрывале и плюхаюсь на колени прямо ему под ноги.

— Это перебор! — хрипло шутит Саша, быстро помогая мне встать.

Теперь надо эффектно сбросить покрывало. Шоковый способ справиться со страхом. Так папа учил меня плавать. Говорил, что надо просто прыгнуть. В результате напугал на всю жизнь, и я только в двадцать лет научилась плавать, и то благодаря терпеливому личному тренеру.

— Не подержишь телефон? — спрашиваю я Сашу.

Он растерянно протягивает мне руку, забирая мобильник. Я отпускаю покрывало, и оно слишком быстро падает на пол. Медленного эротического сползания не получилось. Совсем. Папа сказал бы, что надо учить физику. Покрывало тяжелое. Саша не охает от восторга, не хватает меня в объятия, не тянется с поцелуем. Он, смеясь, спрашивает:

— Ты пришла голая и с телефоном?

— Там фонарик, — сообщаю я важно. — Но он не понадобился, от луны светло…

— Это от тебя светло… — шепчет Саша, протягивая руки и нежно обнимая меня, словно я не живая девушка, а лунная проекция.

Подняв меня на руки, он осторожно кладет меня на свою кровать.

— Ты уверена? — нежно спрашивает он, но по мелкой дрожи в сильных руках я понимаю, что он сдерживается из последних сил.

— Да! Но… — договорить не успеваю, он набрасывается на мои губы и долго целует, прижимаясь все сильнее.

— Но? — одурманенным взглядом смотрит на меня.

— Скажи, что с Евгением! — прошу я, молитвенно сложив руки. — Если ты его наказал или уволил…

Саша растерянно улыбается и отводит глаза:

— Про Евгения завтра… Пока ты на меня не разозлилась…

Хорошо. Все завтра. И Сергей, и Евгений, только бы он был здоров…

Глава 49. Девять кругов рая

Сколько мужчин, влюбившись в женщину из-за глаз,
имели глупость жениться на ней целиком.
Ги Район

Просыпаюсь от того, что мою спину перестает греть что-то большое и теплое. Открываю глаза. Надо мной, лежащей на кровати, стоит Саша. Он, видимо, только что из душа: на широких голых плечах в лучах утреннего солнца, лукаво заглянувшего в комнату, насмешливо блестят капельки воды, волосы тоже влажные и кажутся темнее, чем на самом деле. Но меня настораживают и удивляют его глаза. В них тревожное беспокойство и искреннее сомнение. Он смотрит на меня и молчит.

— Доброе утро… — осторожно прощупывая почву, говорю я. — Что-то случилось?

Для верности широко улыбаюсь. У меня нет опыта просыпаться в мужской постели, и я не знаю, что говорят в таких случаях. И надо ли что-то говорить? Увидев мою улыбку, Саша с настоящим облегчением вздыхает и, наклонившись ко мне, неожиданно легко, как соломинку из стога, вытаскивает меня из постели. Я трусливо взвизгиваю и успеваю прихватить с собой одеяло, чтобы разделить им себя и его.

— Испугалась? — шепчет он, прикусывая мочку моего левого уха. — Мне понравился вчерашний стриптиз. Только номер очень быстро закончился. Ты одеяло для нового номера схватила?

— Шутка года! — довольно ворчу я, млея под его губами, но медленно и верно закутываясь. — Ничего я не испугалась! Просто неожиданно…

— А я испугался… — сообщает он теперь уже моему правому уху. — Ты глаза открыла — и у меня сердце в пятки ушло… Думаю, сейчас скажешь, что все это было ошибкой… Как в мелодраме…

— А если и правда ошибкой? — лукаво спрашиваю я его сильную шею, прижимаясь к ней губами.

Саша вздрагивает и даже стонет:

— Это не может быть ошибкой. Это чудо, госпожа Симонова-Райская. Я прошел с вами девять кругов ада, теперь настаиваю на девяти кругах рая. Нет. Не настаиваю. Требую!

— Как?! — усмехаясь, поражаюсь я. — У тебя столько грехов? Вот не зря я тебя подозревала во всех смертных!

— Зря! — Саша прокладывает дорожку поцелуев по моему плечу, зубами пытаясь стащить одеяло.

— Подожди! — строго говорю я, отстраняясь. — Нужно отпущение грехов! Надо проверить, из какого ты круга, и наказать соответственно.

— Из первого! — клянется Саша, захватывая мою нижнюю губу. — Самого невинного.

— И кто же ты? Некрещеный младенец или добродетельный нехристианин?

— интересуюсь я. — Хочешь обойтись безбольной скорбью?

— Почему? — не понимает он меня.

— В первом кругу такое наказание, — поучаю я, с удовольствием подставляя его губам шею и плечи.

— Тогда не подхожу, — Саша делает вид, что огорчился. — Тогда максимум второй!

— Да? — шутливо отталкиваю я его. — Там сладострастники и прелюбодеи…

— Что-то припоминаю… — рычит Саша. — Ты меня этими званиями уже награждала. Не хочется признаваться, но да… Это я! Какое там наказание?

— По Данте, кручение бурей, — пугаю я, обнимая его за шею и подставляя губы для поцелуя.

— Я согласен… — шепчет он, поднимая меня на руки и унося на кровать. — Сейчас ты узнаешь, как связываться с нами, сладострастниками!

Время, только что неспешно тянувшееся, совсем замирает. будто ждет нас в этой реальности, пока мы находимся в другой. И здесь только наши руки, губы, глаза. И еще мои стоны, которые он глотает, не давая им сорваться с губ, и его вздохи, которые я неумело ловлю, заставляя его содрогаться от нежности и страсти, замешенных в один коктейль.

— Я хочу накормить тебя завтраком, — первые слова Саши в первые секунды возвращения в нашу реальность.

— Очень кстати! — смеюсь я, проводя пальцем по его высокому лбу. — В третьем кругу ада обжоры. чревоугодники и даже гурманы. Тебе, как бывшему ресторатору и хорошему кулинару, придется дойти и до этого круга! Но наказание очень уж противное — гниение под дождем и солнцем.

— За те завтраки, обеды и ужины, которыми я собираюсь кормить тебя всю жизнь, я готов рискнуть! — Саша губами и зубами ловит мой указательный палец, которым я медленно обвожу контуры его лица, не отпускает и говорит сквозь зубы угрожающе. — А ты будешь моим вечным десертом… Я буду тебя баловать. Я так хочу тебя баловать. Я ночью проснулся, смотрел на тебя и придумывал, как я буду тебя баловать…

— Тогда ты дошел и до четвертого круга, — пытаюсь забрать у него свой палец.

— И кто там? — щекоча мой палец языком. спрашивает Саша.

— Скупцы и расточители! — торжественно объявляю я. — Их наказывают вечным спором.

— Ха! — смеется Саша, освобождая мой палец и отправляя в томительное путешествие по моему телу свои ладони. — У меня. благодаря тебе, такой опыт споров и выяснения отношений… Закалка и тренировка! Не боюсь!

— А я всегда боялась, что ты перегреешься! — глупо хихикаю я, нервно дрожа от его легких прикосновений. — Даже переименовала тебя как-то из Холодильника в Обогреватель.

— Я сам себе казался человеком, пропитанным гневом, — моя дрожь передается Саше, и он тянется к моим губам.

После долгого тягучего поцелуя я авторитетно сообщаю ему, что он сам себя довел до пятого круга:

— Там гневные и ленивые. И вечная драка в гнилом болоте!

— Гневные более грешны, чем скупые и транжиры? — удивляется Саша, приподнявшись на локте и начиная наматывать мои волосы на свою руку. — Значит ты меня, ведьма странноглазая, в гнилое болото затягивала?

— Ты сам придумывал поводы для гнева! — возмущаюсь я, чувствуя, что он снова нацелился на мои губы. — То юбка не та, то платье…

— Согласись, что юбка точно была не та! — шутливо рычит Саша, жестко зафиксировав мою голову и за волосы притягивая мое лицо к своему.

Этот поцелуй совсем другой. Он полусумасшедший. И я понимаю, что это за юбку, за

одно платье, потом за другое… Как будто Саша наказывает меня, но это наказание доставляет странное удовольствие…

— Сейчас меня целовал Холодильник, — сообщаю я Саше. — Надеюсь, у тебя не раздвоение личности?

— Не знаю, — задумчиво отвечает он. — С тобой я ни в чем не уверен. Предлагаю эксперимент: ты будешь ходить в таких нарядах только у нас дома. Передо мной.

— У нас дома? — теряюсь я.

— Я тебя теперь не отпущу! Ни на одну ночь… — предупреждает Саша с интонацией Холодильника и тут же смягчает категоричность тона словами.

— Это ты меня провела через пять кругов ада! Поведешь дальше?

— Дальше тебе не нужно, — серьезно говорю я, перестав шутить. — На те грехи ты не способен. А вот Светлана, Кристина и Сальмонелла уже в десятом рву восьмого круга!

— Звучит как уровень компьютерной игры, — смеется Саша. — Этот ров для стерв?

— Этот ров для лжесвидетелей! — кипячусь я.

— Их жарят живьем? — участливо интересуется Саша, перебирая мои волосы.

— Нет. Им насылают проказу и лишай, — вспоминаю я.

— Так просто? — не верит Саша.

— Ну… видимо, раньше их лечить не умели и от зараженных шарахались, — предполагаю я.

— Хорошо, — соглашается Саша. — Пусть будет лишай!

Он внезапно хватает меня за талию, переворачивает и кладет на себя сверху:

— Ты же понимаешь, что кукловода надо искать в твоем ближнем круге?

Сразу портится настроение. Саша, почувствовав это по выражению моих глаз, легким броском снова кладет меня на кровать, целует в кончик носа:

— Я пошел колдовать над завтраком. Евгений должен уже все привезти.

— Евгений! — кричу я, вскакивая и бросаясь к двери.

Саша перехватывает меня на полпути:

— Ты куда голая?

— Там Евгений? — уточняю я, смутившись и метнувшись к спасительному покрывалу из моей комнаты, которое со вчерашнего дня мягкой кляксой лежит на полу. Обернувшись на манер греческой туники, я снова иду к дверям, которые перегораживает Саша.

— Иди в душ и будем завтракать, — мягко говорит Саша, охлаждая мой порыв.

— Ты что-то скрываешь? Что с Евгением? Мне надо перед ним хотя бы извиниться! Ты же его не уволишь? — забрасываю я Сашу вопросами.

— Нет. Не уволю, — почему-то смущается Саша, очаровывая меня своими мальчишескими ямочками на щеках. — Нина… Он все делал по моей инструкции. И отпускал тоже… по инструкции…

— Почему? — обернутая покрывалом, плюхаюсь на кровать. — Ты велел ему меня отпустить?

— Я велел ему отпустить тебя, если ты этого захочешь, — с опаской и тревогой глядя на меня. объясняет Саша.

— Почему? — повторяю я вопрос, растерявшись из-за того, что зря переживала за судьбу Евгения, и обрадовавшись, что все с ним в порядке, от лица и тела до судьбы.

— Ты была рассержена и испугана. А я был… в общем, я был не в том состоянии, чтобы выяснять с тобой отношения и спрашивать у тебя, где твой здравый смысл, — виновато

говорит Саша. — Мне хотелось его убить, тебя встряхнуть…

— Или наоборот? — грустно шучу я.

— Нет. Не наоборот! — Саша подходит ко мне и встает на колени перед кроватью. на краешке которой я сижу. — Я никогда не причиню тебе боль или вред… Мне очень хочется так думать…

— Спасибо… — шепчу я, забыв от переизбытка чувств, что надо придерживать покрывало. Оно предательски сползает с плеч, Сашины глаза темнеют, а дыхание становится прерывистым.

— Мы останемся без завтрака. а в моих планах завоевать тебя изысканной и вкусной пищей, — говорит Саша, резко вставая и отходя от меня.

Краснею и тяну на себя покрывало.

— У меня, кроме красного костюма и бюстье, ничего нет, — напоминаю я Саше.

— Сейчас! — будто вспоминает он.

Саша открывает небольшой шкаф. стоящий в его комнате, и достает белую футболку.

— Это моя. Очень старая. Времен студенчества. Чистая. Надевал один раз. А дед хранит зачем-то… Я тогда поменьше был, чем сейчас…

— У тебя пунктик на белое? — спрашиваю я, не удивившись цвету футболки.

— Почему? Нет, — растерянно отвечает Саша. — Впрочем, я и не задумывался никогда.

— Пунктик! — важно сообщаю я. — Это надо лечить. Купим тебе черную футболку.

— У меня есть черные футболки, — хмурится Саша, включая режим "Холодильник". — Я тебе покажу, когда мы ко мне сегодня ночевать поедем. Сможешь провести инвентаризацию всех моих вещей.

— А мы поедем к тебе? — теряюсь я от такого напора.

— Можно и к тебе, — тут же соглашается Саша. — Лишь бы вместе. Все! Готовься завтракать и восхищаться!

Он отдает мне футболку и уходит. Мы вместе с покрывалом, ставшим моим вторым комплектом одежды, возвращаемся в мою комнату. После душа, который я принимаю не торопясь, испытывая наслаждение от теплой воды и нового счастья, я надеваю Сашину футболку и подхожу к маленькому туалетному столику. Зеркало небольшое, но, если отойти подальше, то можно отразиться почти полностью. Футболка мне широка и длинна. Но глупое воспоминание о том, что ее надевал когда-то Саша, смущает меня и безотчетно радует.

Надеваю еще и юбку-брюки, иначе нельзя, футболку, похожую на мини-платье, Саша не одобрит. Были бы одни, я бы повредничала… Но… Есть еще и дед. Его шокировать я не буду. А то останусь без завтрака! Хихикаю, как шестнадцатилетняя девица, ожидающая нового свидания и точно знающая, что ее ждут.

Оставляю мокрые волосы сушиться на плечах и иду вниз. И тут слышу незнакомый голос, останавливаюсь, прислушиваясь к разговору. Смешно… Это становится странной традицией: подслушивать сверху то, что говорят без меня снизу в этом доме.

— Боже! Какая красота! — этот восторженный женский голос мне незнаком. — По какому случаю такой удивительный завтрак? Неужели ради меня?

— Сашка невесту кормить будет! — слышу я довольные интонации в голосе деда. — Она сейчас спустится, вот и познакомитесь, Вероничка!

— Очередная? — искренне удивляется какая-то Вероничка. — И сюда привез? Это что-то новенькое!

— Не очередная, а настоящая! — чувствую обиду в ответе деда и невольно испытываю благодарность к этому замечательному человеку. — И свадьба скоро! Дай бог, до правнуков доживу… Нет! Точно доживу! Нина красивая очень. И умная. Первостатейные правнуки будут!

— Рада за вас с Сашей… — Вероничка явно растеряна. — А где же он сам?

— Стартанул куда-то на огромной скорости! — рассказывает дед. — Сказал, что скоро будет, даже завтрак остыть не успеет.

Первым желанием становится мысль пойти переодеться, заменив футболку жакетом, что-то придумать с прической и предстать перед незнакомой мне гостьей Климовых в более респектабельном виде. Но, подумав несколько мгновений, я этого не делаю. Сашина футболка — знак всем остальным женщинам, что он занят. Еще пара мгновений уходит на осознание того, что я "заняла" Сашу и не только сама себе в этом призналась, но и собираюсь продемонстрировать это открыто.

Неисповедимы пути твои…

Спускаюсь вниз, широко улыбаясь и честно радуясь новому дню. Дед оборачивается ко мне и радостно-ворчливо приветствует:

— Доброе утро, Нина! Еле дождался вас с Сашкой. Долго спите! Или я зря нападаю? Поди и глаз-то не сомкнули, бедненькие?

Уговариваю себя не краснеть, но, видимо, все-таки краснею.

— Доброе… — негромко говорю я ему и добавляю, обращаясь к симпатичной молодой женщине в черных джинсах и белом пуловере, который очень освежает ее. Это брюнетка с очень короткой стрижкой и живыми карими глазами. — Здравствуйте!

— Здравствуйте! — она заинтересованно и откровенно разглядывает меня, нарушая все правила приличия.

Я же, открыв рот, смотрю на накрытый стол. Посередине стоит блюдо с маленькими пышными ярко-желтыми блинчиками с невероятным количеством дырочек в мягкой пористой структуре пенного теста. Рядом плошки с разноцветным медом: нежно-прозрачно-желтеньким, темно- коричневым, снежно-белым.

— Что это?! — поражаюсь я. — Блинчики?

— Блинчики! — гордо подтверждает очень довольный моей восторженной реакцией дед. — Марокканские! Сашка напек для нашей принцессы.

— Вас так и зовут? Принцесса? — неловко улыбается мне Вероничка, нервно закусывая губу. — У моей подруги так зовут комнатную собачку.

— Это наша самая замечательная невеста Нина! — торжественно представляет меня дед.

— Принцесса Нина! — представляюсь я, насмешливо, уж простите, и церемонно склонив голову в знак приветствия.

— Извините, — Вероничка в ответ на мой кивок неловко пожимает плечами. — Глупая шутка. Не хотела вас обидеть.

Хотела. Вижу, что очень хотела. Но… не обидела.

— Нина! — в комнату стремительно заходит Саша. Бодрый, веселый, с задорно горящими глазами. В руках у него огромный букет садовых ромашек. Честное слово, огромный! Их не меньше сотни…

— Спасибо… — растерянно-восхищенно говорю я, не зная, удастся ли обхватить такое количество цветов.

— У Макаровны забрал весь ее урожай? — понимающе смеется дед. — К ней ездил?

— К ней! — подтверждает Саша, не глядя ни на кого, кроме меня. Карие омуты медленно затягивают меня на свое дно, не давая даже шанса удержаться на поверхности. И я сдаюсь, позволяя себя утопить и желая этого утопления.

Садовые ромашки, крупные, с ярко-желтым центром и белоснежными лепестками. прижатые у груди Саши, становятся непреодолимой преградой для нашего объятия.

— Дед! — просит Саша.

Климов-самый старший ловко перехватывает букет из рук внука, и мы, притянутые взглядами-магнитами, не бросаемся в объятья друг друга, а тягуче медленно примагничиваемся. Я обнимаю его за талию и прижимаюсь лицом к груди. Он обнимает меня за плечи и обжигает горячим поцелуем мою макушку.

— Они должны быть еще теплыми, — обещает Саша, кивнув в сторону марокканских блинчиков. — Их едят обязательно с медом.

— Привет, Саша! — здоровается Вероничка. — Давно не виделись!

Саша оборачивается на ее голос и, приветливо улыбнувшись, говорит:

— Привет, Вероника! Я тебя не заметил, прости.

Худшего комплимента женщине и не придумать. Вероника слегка морщится, но быстро берет себя в руки.

— Приехала к деду на пару дней, — рассказывает она, пока Сашин дед рассаживает нас за большим столом, пригласив Вероничку позавтракать с нами.

— Привезла Ильичу правнуков? — одобрительно спрашивает наш дед.

Как же быстро я начала считать его своим!

— Только старшего. Юрку привезла. Зойка ветрянкой болеет, с мамой осталась, — отвечает Вероничка, благодарно кивая Саше, наливающему ей кофе.

— Кофе у деда только растворимый, — огорченно говорит мне Саша. — Ты ведь такой не пьешь?

— Не пью, — подтверждаю я. — А ты откуда знаешь?

— Из отчетов Евгения, — подмигивает мне Саша. — Тогда дедов чай?

Дед наливает мне ароматный чай, крепко заваренный, терпкий.

— Блинчики волшебные! — хвалит угощение Вероничка. — Язык можно проглотить! Спасибо и за блинчики, Саша, и за кофе. Так приятно, что ты помнишь, какой я люблю кофе.

— Помню, — соглашается Саша, садясь рядом со мной и прижимаясь своим бедром к моему. — Растворимый и со сливками, но без сахара.

— Это так неожиданно приятно! — в голосе Вероники тот самый сахар, который она не кладет в кофе.

— Месяца не прошло, как мы его пили, трудно забыть, — вежливо отвечает Саша подруге детства и первой своей невесте.

— Ах! Ты о той встрече? — смущается Вероничка, словно намекает на что-то, известное им двоим, ей даже удается покраснеть, что отчетливо видно на фоте ее белого пуловера.

— Надеюсь, я тогда тебе помог? — участливо спрашивает Саша, начиная под столом гладить мое бедро. — Отбились от твоего мужа с моим адвокатом?

— Отбились! — пафосно подтверждает молодая женщина. — И за это тебе тоже спасибо!

— Не за что… — отмахивается от нее Саша, нахально сосредоточившись на внутренней

стороне моего бедра.

— Останетесь до вечера? — с надеждой спрашивает дед у Саши.

— Нет, дед. Не получится. Дел много, — огорчает его внук.

— И день у нас рабочий, — осторожно напоминаю я, еле удерживаясь от стона, вызываемого поглаживаниями Сашиной руки. — У меня начальник строгий.

— Строгий? — возмущенно переспрашивает Саша. сжимая мое бедро. — Да он сама деликатность!

— Не сказала бы! — вредничаю я, получая почти забытое удовольствие от нашего словесного спора. Вот чего мне не хватает в последние дни… — Мне он кажется невыносимо высокомерным, чересчур жестким, неадекватно реагирующим, фатально подозрительным, нелогично ревнующим, несправедливо наказывающим…

— Такой монстр? — удивляется Вероничка. — А где вы работаете?

— В одном маленьком агентстве. — отвечаю я. наслаждаясь и собственным лукавством, и блинчиком, искупанным в жидком цветочном меде.

— Я знаю твоего Хозяина, — делая акцент на слове «Хозяин», возражает Саша. — Хороший бизнесмен. Деловой человек. Выдержанный в общении с подчиненными руководитель.

Я вижу недоумение на лице Вероники, дурашливую радость на лице деда, в отличие от Вероники, понимающего, что сейчас происходит.

— Это он с тобой такой выдержанный, — шепотом говорю я Саше, улыбаясь ему испачканными медом губами.

— Не вытирай! Я сам! — тоже шепотом отвечает мне Саша, не отрывающий взгляда от моих губ, и громко добавляет. — Нам действительно надо ехать, дед. Был рад видеть тебя. Вероника!

Саша спешно встает из-за стола и тянет за руку меня.

— Куда торопитесь? — расстраивается дед. — Столько блинов осталось! Куда же их?

— Вероника пусть сыну отнесет и Ильичу, — советует Саша. которому почему-то срочно нужно подняться наверх и утащить за собой меня.

— Точно! — смеется дед. — Мы с Ильичом будем ими водку закусывать! Ты ешь. Вероничка, ешь на здоровье! Пусть бегут себе. дело молодое…

Еле успеваю за Сашей подниматься по лестнице. Он затаскивает меня, иначе не скажешь, в свою комнату и, быстро захлопнув дверь, прижимает к ней, начинает целовать, слизывая с моих губ остатки меда. Долго не отпускает, несмотря на то, что я уже некоторое время легонько стучу кулачками по его каменной спине.

— Я с тобой астматиком стану! — нежно упрекаю я Сашу, как только он отрывается от моих губ. — Я десять минут дышала ушами!

— Мы будем тренироваться, — обещает мне Саша, вызывая горячую волну мобилизованных в дорогу мурашек.

— Ты обещал решить проблему с Сергеем… — напоминаю я по-деловому, хотя хочется целоваться и не вспоминать об этом человеке.

— Обещал — решу, — просто и твердо отвечает Саша, провожая меня в мою комнату. — Собирайся, через пятнадцать минут уезжаем.

Трачу время на расчесывание высохших волос и их укладывание. Выбираю высокий пучок. Ленка всегда говорит, что это самая сексуальная прическа на свете. Ловлю себя на ощущении: хочется быть сексуальной. Я ли это?

— Саша ждет тебя во дворе, — сообщает мне дед, увидев меня и уже выходя из дома.

Вероника еще здесь. Она складывает в контейнер оставшиеся марокканские блинчики.

— До свидания! — бросаю я Веронике и ищу свои туфли, вспоминая, куда же я их вчера сбросила. Может, дед переставил?

Вероника резко оборачивается ко мне, но говорить начинает контрастно медленно, как будто осторожно подбирает слова:

— Мы с вами, конечно. едва знакомы для таких откровений…

Застываю и смотрю на нее, вопросительно приподняв брови и этим разрешив ей продолжать.

— Саша вам, конечно, не скажет, что мы с ним…

— Я знаю, что вы его первая невеста, — перебиваю я, отмирая и продолжая поиск туфель.

— Да! — подходя ко мне совсем близко, подтверждает она мои слова. — Первая.

— А я последняя, — серьезно говорю я, встречаясь с ее взглядом. — Хотите что-то посоветовать?

— Боже упаси! — фыркает она пренебрежительно, потом неожиданно меняет интонацию и негромко, словно боится, что ее кто-то услышит, продолжает.

— Вы кажетесь мне слишком юной и нестойкой. Вам будет сложно с ним. Он способен оценить только идеал. А вы не кажетесь идеальной…

Да где же эти туфли? Я уже обшарила взглядом всю прихожую.

— Идеальны вы? Я правильно понимаю? — поддерживаю я разговор.

— Нет! — довольно искренне вздыхает Вероника. — И я для него не идеальна. Поэтому у нас ничего и не получилось…

— А вы пытались? — мне вдруг становится интересно, что она ответит.

— Пыталась! — гордо отвечает Вероника. — Но трудно общаться с человеком, который считает, что чувства и эмоции не обязательная часть нашей жизни.

Вот они, мои туфли! Дед положил сверху «носочки» Ильича, вот я и не заметила.

— Но мы поддерживаем друг друга, несмотря на то, что и не поженились. Те годы, что мы провели вместе, нам дороги обоим, — начинает зачем-то оправдываться Вероника.

— Прекрасно! — хвалю я ее и надеваю туфли.

— У нас много общего! — продолжает настаивать Вероника. — И мой сын Юра, он…

Нас прерывает вернувшийся в дом Саша.

— Нина! Ты готова? Поехали.

Саша за руку ведет меня в машину, заднюю дверку которой придерживает Евгений.

— Евгений! — вырываюсь я, бросаясь к охраннику и практически обняв его. — Здравствуйте!

Евгений беспомощно смотрит на Хозяина, мол, ничего не могу сделать… это не я, а она…

— Здравствуйте, Нина Сергеевна, — осторожно отвечает Евгений, жестом приглашая меня сесть. — Прошу вас.

— Внучка! — окликает меня дед. с которым я еще не попрощалась. — Приезжай ко мне с Сашкой и без! Помни, что у тебя есть дед с карабином, и мы в обиду тебя не дадим!

— Саша! — Вероника. вышедшая за нами во двор. вдруг обнимает моего Сашу. — Юрка по тебе скучает. Приходи в гости. Ты же помнишь, что у него на этой неделе день рождения?

По слегка растерянному выражению лица Саши я понимаю, что он не помнит этого и.

более того, не знает, почему должен об этом помнить.

— Полдень. — сообщает всем Саша. — Нам надо уезжать.

— Мы с Юрой будем ждать! — напоминает Вероника, и дед с удивлением смотрит на нее.

— Не обещаю! — бросает Саша, садясь со мной на заднее сидение.

— Ее сына зовут Юрий в честь деда? — спрашиваю я, не в силах удержаться и ругая себя за это.

— Деда Юрия зовут Борис, он единственный сын Ильича, — отвечает Саша, прижимая меня к себе. — У Вероники отчество Борисовна.

— А второго деда? — не сдаюсь я.

— Не знаю. — теряется Саша, отстраняясь и удивленно заглядывая в мое лицо. — Откуда такой живой интерес к посторонним тебе людям?

— Зато тебе они не посторонние! — возражаю я сердито. — Юрий — твой сын и внук Юрия Александровича?

Саша пораженно смотрит на меня и, помолчав некоторое время, неожиданно начинает смеяться:

— Ты ревнуешь, Нина?! Ты не представляешь, как мне это приятно!

— Тебя приятна моя ревность? — не верю я и довольно добавляю. — Хорошо. Тогда вспомни о том, что ревность — приятное состояние, когда вздумаешь беспричинно ревновать меня!

— Пожалуй, не стоит меня провоцировать, — осторожно напоминает мне Саша, и снова я слышу в его голосе так знакомые мне интонации Холодильника.

— Я не провоцирую. Я сравниваю, — ворчу я. — Вероника дала мне понять, что Юрий — ваш общий сын. И что вы с ней могли бы… могли бы…

— Дурочка! — ласково говорит Саша, притянув меня к себе и начиная целовать. — Я даже не помню, сколько этому Юрке лет. Вероника, когда вышла замуж, уехала с мужем военным на Сахалин. Они пару лет вообще без детей жили.

— Но она же приезжала домой в гости? — подозрительно спрашиваю я.

— Приезжала, — кивает Саша. — Но это не подтверждает мое отцовство. Чтобы стать отцом, нужно провести магический ритуал. Ты же теперь в курсе?

Я краснею, но не сдаюсь:

— Она намекала и очень настойчиво…

— Нина! — Саша жестко фиксирует меня в своих объятиях. — Мне тридцать лет. У меня были женщины, с которыми я не только в театры и рестораны ходил. Я трижды принимал решение жениться, но так и не женился. Если бы у кого-то из них был мой ребенок, поверь, я бы об этом знал еще на стадии зачатия. А в этой давней истории самое важное то, что с Вероникой я никогда не был близок.

— Никогда? — переспрашиваю я, и он отвечает, целуя меня в уголки губ:

— Мы вместе провели детство, пацанское детство. Потом Вероника вдруг превратилась в девчонку, симпатичную, добрую, верную. И мне подумалось, что вот, я нашел ее, свою будущую жену… Все знакомо, все просто, без вывертов..

— А я с вывертами, — напоминаю я, вытягивая губы вперед.

— Я обожаю твои выверты, — шепчет Саша, захватывая мои губы своими. — Если бы ты не была такой, какая ты есть, то не было бы и нас…

— А мы есть? — сомневаюсь я. — Человек, который трижды был готов жениться, но

так и не женился, не может быть уверен…

— Я уверен! — Саша не дает мне отвести глаза. — Какие у тебя потрясающие глаза… Глаза сирены…

Мы совершаем взаимное погружение, окунувшись в любимые глаза. И когда глаза Холодильника стали для меня глазами любимого человека? За эти полгода или только сейчас?

— Ты в курсе, что сирены — демонические существа? — спрашиваю я, с трудом стряхивая наваждение, и хитро улыбаюсь, хихикая. — И только верхняя часть у них женская, а нижняя — рыбья?

— Ты особая сирена, — страстно шепчет Саша. — И нижняя часть у тебя совершенно женская… Сам видел…

— Ах ты! — взвизгиваю я, охваченная праведным гневом, и начинаю лупить его кулачками по груди и плечам. — Сейчас получишь!

— Я уже получил тебя и никогда не отпущу, — смеется Саша, ловит мои кулаки и целует их по очереди. — И потом я думал, что сирена — это полуженщина или полуптица, если верить Гомеру.

— Есть несколько версий, художественно зафиксированных, — говорю я и по- детски показываю язык. — Но тебе не подойдут обе.

— Почему? — недоумевает Саша.

— У полуптиц тоже с нижней частью… Сам понимаешь… — дразню я его.

— Ну, погоди! — шутливо рычит Саша. — Доберемся до моей квартиры… Все вопросы про верх и низ решим быстро и навсегда.

— Александр Юрьевич! — Евгений обращается к Хозяину, не поворачивая головы. — До вылета два часа. Объект выехал в аэропорт.

— В аэропорт! — командует Саша.

Тут же пугаюсь. Он решил, что теперь мы полетим в Париж?

— Ты куда-то летишь? — спрашиваю я. — Или мы летим?

— Когда-нибудь обязательно, — улыбается Саша. — Но не сегодня. Хотя, если ты хочешь…

— Нет-нет! — спохватываюсь я. — Не хочу. У тебя встреча по работе?

— У меня встреча по тебе, — после небольшой паузы отвечает Саша. — Сейчас мы решим вопрос с фотографиями раз и навсегда.

— Расскажи! — требую я.

— Как решим — сразу расскажу, — таинственно обещает Саша.

На автомобильной парковке аэропорта Саша выходит из машины и в сопровождении непонятно откуда взявшегося Николая идет к паркующемуся черному мерседесу. Остаюсь наблюдать из окна. Из мерседеса выходит водитель и открывает заднюю дверь. помогая выйди невысокому, но очень представительному мужчине с кожаным портфелем, лицо которого кажется мне смутно знакомым. Саша что-то коротко говорит и протягивает мужчине руку. Что-то переспросив. мужчина пожимает протянутую руку. Саша передает мужчине свой телефон и произносит несколько коротких и, видимо, резких фраз. Мужчина внимательно смотрит на Сашу, некоторое время молчит, потом бросает охраннику портфель, возвращает Саше телефон, и по выражению его хмурого серьезного лица я отчетливо понимаю, что он недоволен. Они обмениваются еще парой фраз, и наконец, снова пожав руки, расходятся.

Саша возвращается ко мне. Спокойный и чем-то довольный.

— Кто это был? — спрашиваю я, сгорая от любопытства. — Что ты ему показывал?

— Это был чиновник федерального уровня, ты должна была его узнать, если видела его лицо, — отвечает Саша, успокаивающе беря меня за руку.

— Точно! — восклицаю я. — Неужели это он?

— Он, — подтверждает Саша. — Но фамилию лучше не называй.

— Это он нам поможет с Сергеем? — догадываюсь я. — Ты просил его надавить на отца Сергея? Он там какая-то шишка важная.

— Нет, я не просил его надавить на отца Сергея, — Саша целует мою руку. — Я сам давил на отца Сергея. Это и был его отец.

— Как?! — не верю я услышанному. — У Сергея фамилия Родин, а у этого…

— Никаких фамилий! — снова предупреждает меня Саша. — Его родители не состояли в браке. Но других детей у… чиновника нет, поэтому Сергей ему дорог, и он его неплохо всю жизнь содержит. Особой тайны в отцовстве нет. И сын, и отец, и мать его не афишируют. Это условие отца. Сергей не тот сын, которым стоит гордиться и которого стоит показывать публике.

— И что ты сделал? — спрашиваю я, уже и сама понимая, что Саша ответит.

— Предложил отцу решить этот вопрос с сыном тихо, по-семейному, но раз и навсегда, — говорит Саша. — Он дал слово. Сергей не трогает тебя и нас, забывает о твоем существовании. А я забываю о том, что могу сделать в ответ, если Сергей все-таки сглупит. Ни о чем не беспокойся. Эта история забыта.

— Что ты ему показывал? — краснею я. — Те фото?

— Да, — вздыхает Саша. — Не волнуйся, они были с ретушью. Иначе он не поверил бы. И еще он тебя узнал. Он в курсе, что его сын целый год добивался тебя, но так и не добился. О чем он, кстати, сожалеет.

— Ага! Еще чего! Сожалеет он! — нервничаю я. — Он точно твоему бизнесу и имиджу вреда не принесет?

— Точно! — Саша целует меня в кончик носа. — Едем на работу, госпожа арт-директор.

Вернувшись в агентство, я бегу к себе и переодеваюсь серое платье- футляр, единственным нарушением установленного ранее дресс-кода становятся боковые разрезы. Будем постепенно прощупывать границы Сашиного самообладания.

Сегодня я знакомлю Галину Тарасову с окончательным вариантом праздника для дочери Ирины. Она уже ждет меня в моем кабинете вместе с Димкой.

— Скоро ты вообще на работу к вечеру приходить будешь, — тихо, чтобы не услышала клиентка, ворчит мой помощник. — Заимела блат в руководстве и пользуешься!

На разговор с Галиной Ивановной уходит около трех часов, зато я успокаиваюсь: мои идеи нравятся Тарасовой, и я испытываю творческое удовлетворение. Пока я работаю, мне дважды звонит Саша.

— Да? — говорю я и совершенно дурею от Сашиного вопроса:

— Ты скоро освободишься?

— Работаю на благо вашего агентства! — подобострастно докладываю я. — Как говорится, преумножаю славу и капитал.

— Я тебя жду! — и кладет трубку.

И так два раза.

Димка идет провожать Галину Ивановну, а я, дрожа от предвкушения, отправляюсь в Сашин кабинет.

— Александр Юрьевич! К вам Нина Сергеевна. Можно? — спрашивает Римма Викторовна Сашу, заглядывая в кабинет.

— Да-да! — равнодушно отвечает он. — Пусть проходит.

— Вызывали? — спрашиваю я, заходя, закрывая за собой дверь и не двигаясь с места.

Вот только что Саша сидел за своим большим столом и смотрел на меня горящим взглядом, а через пару секунд он уже возле меня.

— Я скучал, — шепчет он, поднимая мое лицо за подбородок. — Ты долго.

— Я работала, — шепчу я в ответ. — И прошло всего лишь три часа.

— Целых три часа! — возражает он, целуя меня в губы.

Продолжительный поцелуй, начавшись как легкое. почти невесомое прикосновение, постепенно становится хмельным и упоительно- сладостным. Его ладони томительно долго опускаются с моих плеч на спину, талию. бедра и находят разрезы на платье.

— Что это? — хрипло спрашивает он, замирая.

— Упражнение на развитие терпимости и психического равновесия, — терпеливо поясняю я.

— Я не смогу его выполнить, — сознается Саша, и его руки, пользуясь длиной разреза, ползут выше.

— Подожди! — перехватываю я их. — Так нельзя!

— Совершенно с тобой согласен! — Саша категоричен и строг. — Так нельзя ходить по агентству! Если я, глядя на твои разрезы, могу думать только об одном, то и другие…

— Нет никаких других, Саша! — мягко говорю я, беря в руки его лицо, как только что он брал мое. — Как нет у тебя Вероники. Светланы, Кристины, так у меня нет никаких других. Просто верь мне…

— Я работаю над собой… — снова шепчет Саша. — Давай поднимемся в твою квартиру.

— Нет, — твердо говорю я. — Я хотела бы пообедать с Ленкой. Пойми, она моя единственная подруга и переживает за меня. Нам надо поговорить.

— Хорошо, — обиженно говорит Саша, напоминая мне маленького мальчика, которому отказали в реализации задуманной шалости. — Но учти! Ужин мой и ночь моя! Или ты все-таки передумала?

— Нет, я не передумала, — успокаиваю его я и повторяю за ним. — Ужин твой и ночь твоя. Кто-то заказывал десять кругов рая или я ослышалась?

— Ты напугала меня, Нинка! — ругается Ленка, выслушав мой сбивчивый, но подробный рассказ и заказав у бармена Женьки две чашки гляссе с яичным желтком и ванильным мороженым. — Одна надежда на твоего Холодильника была. Не подвел, слава богу!

— Он мне… нам очень помог, — смущаясь, подтверждаю я.

— Синяков много? — по-деловому интересуется Ленка.

— Каких синяков? — не понимаю я.

— Ну, должен же был Холодильник тебя побить? Я бы врезала пару подзатыльников! — ехидничает Ленка. — Моя бабушка всегда говорила, что если через башку не доходит, то должно доходить через попу.

— Лена! — смеюсь я, с любовью глядя на подругу. — Подзатыльники дают по затылку,

а не по попе!

— Да! — глубокомысленно соглашается Ленка. — По попе в вашем случае — это уже эротика. Расскажи, было или нет?

— Лена! — предостерегаю я, но, не выдержав, смеюсь еще веселее.

— Скрытная ты, Нинка! — упрекает Ленка. — Я бы тебе рассказала! Хоть что- то расскажи! Пошли все-таки клочки по закоулочкам? Разнес там все Холодильник?

— Я не знаю, — теряюсь я. А я ведь действительно не знаю, что было дальше в ресторане «Охотник», когда я сбежала на такси. — Может, и разнес… Но меня штормило здорово…

— Испугалась? — сочувствует Ленка.

— Отчаялась, — подбираю я нужное слово. — Совсем отчаялась. Решила, что Сергей сейчас и мне, и Саше так подгадит, что долго отмываться будем.

— Саше?! — Ленка даже вскакивает. — Он для нас Саша?! Аллилуйя! Женька! Нам теперь кофе с бренди по-венски! Гуляем!

— Прекрати скакать! — сержусь я на Ленку. — На нас обращают внимание! Ленка плюхается обратно на стул.

— Я понимаю, как ты переживала, — говорит она. — Но Климов твой молодцом, разрулил!

Климов мой. Эти слова согревают, а кофе с бренди настраивает на философский лад:

— Меня реально на клочки рвало. И не Саша, а сама ситуация. Настоящие лохмотья из моего сознания, из моих воспоминаний. Фотографии эти. Сергей с его руками и губами, ко мне тянущимися. И тайны по закоулкам, секреты, давящие, мешающие спать, дышать, жить… Кто настоящий автор дневника? Как избавиться от Сергея? А если и удастся, как о нем забыть? И Холодильник… хочет или все-таки любит? И кому доверять?

Ленка слушает, не перебивая меня, в ее добрых глазах понимание, сочувствие и приближающиеся слезы.

— И вдруг в этом хаосе мыслей идея — ехать к деду. Он надежный. Как будто мой. Вот и поехала… Даже загадала, если примет, то сто раз подумаю, прежде чем Холо… Саше откажу.

— И? — всхлипывает подруга.

— И сама себя обманула. Все-равно отказала… А он вдруг взял и отпустил. Совсем и насовсем. И тут дышать трудно стало, думать ни о чем не думалось, и таким бессмысленным все показалось по сравнению с тем, что между нами могло бы быть…

— И страшно, и красиво, — шепчет Ленка грустно, потом бодро объявляет:

— А вот и наши оболтусы!

К нам присоединяются Димка с Костиком. Мы пьем кофе, смеемся, рассказываем что-то веселое. вспоминаем. Мне тепло-тепло. Неожиданно для всех и для самой себя я, вдруг резко сменив тему разговора, спрашиваю:

— Это ведь не вы меня предали?

Они замолкают и смотрят на меня по-разному: Ленка пораженно. словно у меня выросла вторая голова. Димка обиженно, как будто я его оскорбила до глубины души, Костик недоуменно, словно не веря, что я вообще могла такое предположить.

— Я тебя не предавал, — просто и коротко говорит Костик.

— Я с тобой вообще больше не разговариваю! — так реагирует Димка.

— Приехали… — выдавливает из себя Ленка.

— Тогда это Карповы, — почти плачу я. — А этого не может быть потому, что этого не может быть никогда…

Глава 50. Продавец счастья

— Ой, недаром дуб с рябиной в роще рядышком стоит,
У Гордеича с Галиной скоро свадьба предстоит.
— А чего ж они скрывают, Никаноровна?
— А они еще не знают, Христофоровна.
Художественный фильм «Кубанские казаки» (1949 г.)

В пять часов вечера Римма Викторовна обежала агентство с потрясающей новостью: Хозяин сократил рабочий день на час, всем можно идти домой. Димка подозрительно смотрит на меня и спрашивает:

— С чего бы это? Первый раз за полгода правления Климова Второго неожиданно сокращают рабочий день. Нина, ты не знаешь, что могло случиться?

— Откуда мне знать? — пожимаю я плечами в искреннем недоумении. — Он со мной не советовался.

И только произношу эти слова, как отчетливо понимаю, почему Саша так сделал, и глупейшим образом хихикаю. Он не может дождаться, когда закончится рабочий день, и форсирует события. Я ведь заявила ему, что раз мы опоздали на работу на три часа, то это время надо отработать. А он мне не только отработать не дает, он еще и законный час из рабочего графика изымает.

— Из-за тебя? Да? — глядя на меня, догадывается Димка. — Слушай, старуха, может, ты раз в неделю такой фокус будешь организовывать?

— Раз в неделю вряд ли… — сомневаюсь я и лукаво улыбаюсь. — Может, раз в месяц…

Ровно в пять часов Димку как ветром сдуло: у него очередное увлечение и первое свидание с новым объектом — Люсенькой из бухгалтерии. Стараюсь допечатать сценарий вечера для Тарасовых, чтобы завтра заниматься только правкой и редактурой.

В пять часов пять минут в дверях моего кабинета сердито-обиженный Саша с нежным букетом белых и сиреневых тюльпанов, завернутых в лиловый фетр.

— Уже пять минут шестого! — обвиняюще говорит он мне, причем так строго, словно я опоздала на Ноев ковчег, и теперь нашей пары там не будет, чтобы оставить спасенному миру после себя так нуждающееся в нем потомство.

— Какой красивый букет! — сбиваю я Сашу с курса и темы. — Очень мило! У нас букетно-конфетный период? Тогда где конфеты?

— Ха! — отвечает довольный Саша, доставая из-за спины коробку конфет «Петербургская коллекция. Малина и Шоколад».

— Евгений? — понимающе спрашиваю я.

Саша согласно кивает. Евгений оказался внимательным и педантичным: все замечал и все запоминал. И прекрасно изучил привычки, пристрастия и вкусы объекта охраны, то есть меня.

— Стилист назвал букет «Великолепная весна», — радостно сообщает мне Саша, положив коробку конфет на стол и вытаскивая меня саму из-за стола, как дед репку. С первого раза, как и в сказке, не получается — репка сопротивляется.

— Подожди! Допечатаю последнее слово! — прошу я, вцепившись в клавиатуру. — Терпеть не могу недоделанное!

— Это я не могу терпеть. Совсем, — рычит Саша, все-таки выдергивая меня и прижимая к себе.

Аромат его парфюма тут же парализует меня: мускус, бергамот, красный апельсин, лаванда, базилик. Я все чувствую. За последние сутки у меня обострились слух, обоняние и тактильность. Прижатый к моей спине букет расточает свой аромат, аромат весны и счастья.

— Из чего же складывается великолепие весны? — спрашиваю я, шевеля ждущими поцелуя губами возле его губ.

— Проверяешь ботаника? — улыбается он. — Тюльпан, гипсофила, рускус. Всего три пункта.

— Красиво, хоть и из трех! — шепчу я и, наконец, получаю свой поцелуй.

Когда мы отрываемся друг от друга, Саша почти стонет:

— Поехали ко мне, пожалуйста!

— Мне надо собраться, — спорю я. — Взять свои вещи, хотя бы некоторые.

— Мы можем заехать во все магазины по дороге до моего дома и купить тебе с десяток гардеробов на все случаи жизни, — насмешливо предлагает он.

— Ты фанат фильма «Красотка»? — иронизирую я. — Никогда бы не подумала. По тебе не скажешь…

— Какого фильма? — не понимает меня Саша, растерявшись.

— Слава богу! — радуюсь я и теперь уже сама тащу его в свою квартиру за руку.

Усадив Сашу, отказавшегося и от кофе, и от чая, на диван в гостиной, я иду в спальню за главным секретом: Ленкиным комплектом черно-серого белья «Черный журавль».

— Если ты его не опробуешь в действии, — угрожала мне моя подруга, — то я обижусь на тебя сильнее, чем за подозрение в предательстве!

Это короткий кружевной топик и маленькие изящные трусики. Кладу комплект в сумку первым. С сомнением гляжу на ярко-желтую атласную пижаму: короткие широкие штанишки, кофту с отложным воротничком и четырьмя огромными пластмассовыми пуговицами размером с кофейное блюдце. Придется брать и ее, это самая новая моя пижама, остальные старые и ношеные. Захватив из гардеробной спортивный костюм, банный халат и строгое черное платье на завтра, с большой сумкой выхожу в гостиную.

— Я не переезжаю к тебе, — предвосхищаю я Сашин вопрос. — Просто у меня сумок поменьше размером нет. Только огромный чемодан.

— Жаль, что не чемодан, — улыбается Саша, забирая у меня сумку. — Может, чемодан соберешь?

— Не торопи меня, — откровенно нервничаю я. — Я еще ни с кем никогда не жила.

— Эта мысль заставляет меня летать от счастья, — шепчет Саша, поставив сумку на пол, обняв меня и прижавшись ко мне в глубоком и долгом поцелуе.

— Господин Климов! — шучу я, когда мне позволяют набрать в легкие воздуха. — Половина шестого. Вы куда-то торопились?

— Да! — соглашается Саша, снова берет сумку, меня за руку, и мы почти бежим вниз на парковку.

Дорога. Сашин дом. Подъем в лифте, которого я не помню, потому что опять задыхаюсь от сумасшедшего поцелуя. Сашина квартира. Сашина спальня. Сашина кровать. И я не успеваю разобрать свою большую сумку.

Физическую любовь между мужчиной и женщиной часто сравнивают с искусством. Имея суточный опыт плотских отношений, я бы сравнила то, что происходит между мной и

Сашей, с джазом, музыкой для знатоков, для избранных. Музыканты, играющие джазовые композиции, никогда не повторяются. Каждый раз это что-то новое, даже если ноты те же самые. Кажется, что могло измениться в нас за сутки? Но мы совершенно другие, не такие, как вчера…

Это другие руки, другие губы, другие глаза… Все, как в первый раз, все удивительно и совершенно непредсказуемо. То весело и быстро, то печально и тягуче медленно, то торжественно и пафосно. И еще это… томительно предвкушающе… Томление это сродни сладкой боли, которую так боишься и так ждешь…

— Я так и не разобрала сумку с одеждой, — жалуюсь я крепкой Сашиной груди, к которой он меня нежно прижимает.

— А зачем тебе одежда? — серьезно спрашивает меня Саша, лукаво заглядывая мне в глаза. — Мне так больше нравится.

И получает подушкой. Тут же прилетает ответ в виде шлепка по…, в общем — по. Начинается новая джазовая композиция, которую мы играем вдохновенно и на бис.

— Я не покормил тебя ужином, — виновато шепчет мне Саша, целуя мои руки.

— А я не разобрала сумку, — вздыхаю я, целуя его руки.

— Я сейчас что-нибудь приготовлю, — Саша выбирается из постели.

— Полночь уже, — смеясь, напоминаю я.

— А я что-нибудь легкое, — обещает Саша и уходит на кухню.

Достаю Ленкино белье и смело его надеваю. Зеркало обнаруживается после тщательных поисков только на внутренней стороне огромного шкафа. Какой красивый "черный журавль"! Нет. Не так. Мы с ним, с этим шикарным бельем, на пару очень красивые. И что теперь делать? Идти в таком виде на кухню? На этого моей храбрости не хватит. Выручает спортивный костюм, серый с розовыми лампасами. Он прячет черно-серую кружевную красоту и утешает мою природную скромность.

— Клубника, моцарелла, руккола, бальзамический крем, соевый соус — все! — церемонно объявляет Саша, усаживая меня за кухонный стол. — Вкусно и легко. Афродизиак.

— Он тебе нужен? — дразню я любимого мужчину, отправляя в рот кусочек клубники с кусочком сыра. — Сказывается все-таки возраст?

— Получишь! — угрожающе рычит Саша.

— Что? Премию? — хихикаю я. — В виде дополнительного поцелуя?

— Не будем мелочиться! — шутливо сердится Саша. — Выпишем тебе что-нибудь покрупнее.

Я оказываюсь у него на коленях, и он меня кормит салатом, забрав в плен мои руки и не давая есть самой. Легкий ужин заканчивается тяжелым поцелуем. Это какой-то странный поцелуй. Он вдруг становится мне важен, как важен сам Саша, наши новые с ним отношения, как важны мне мои родители, моя работа в агентстве, мой родной старый дом. Меня начинает бить мелкой дрожью, словно я замерзла в теплых Сашиных объятиях. Он успокаивает меня и греет в своих руках.

— Что с тобой, Уголек? — спрашивает меня Саша, заглядывая в мои глаза.

— Уголек? — удивляюсь я. — Ты знаешь значение моего имени на языке индейцев Южной Америки?

— Да. На языке индейцев кечуа, — подтверждает Саша. — Хотел тебя удивить.

— Я удивилась! — клянусь я. — Я знала. Когда-то давно перерыла всю литературу о

своем имени. Мне кажется, Уголек мне не подходит. Так называют черноволосых и черноглазых. Такое прозвище больше подходит тебе.

— Ты тоже брюнетка, — прижимается губами к моим волосам Саша. — Но Уголек ты не поэтому.

— А почему же? — запускаю руки в его волосы.

— Ты как настоящий уголек, то раскаленный и горящий, то нежный, тлеющий, то шипящий и жалящий, — Сашины губы осторожно опускаются ниже плеч и все смелее отправляются в эротическое путешествие по моему телу.

— На древнееврейском "Нина" — Богом милованная, — сообщаю я тоном девочки-отличницы. — А на греческом и грузинском — Царица. Попрошу учесть!

— Ты — мой Уголек, — не сдается Саша, легко поднимая меня на руки и унося в спальню. — Пошли пожар раздувать, а потом тушить!

Начинается совершенно удивительная неделя, проходящая по сценарию, ранее придуманному еще Холодильником. И мы с Сашей с упоением следуем выбранному режиму.

Ночуем и завтракаем у Саши. Обедаем у меня дома. Готовит Саша: меня уже баловали и французским луковым супом, и рататуем, и конфи из кролика, и кордон блю. Перекормленная обедом, я категорически ежедневно отказываюсь от ужина, и мы сразу уезжаем к Саше, иногда по ночам совершая набег на холодильник и в полночь наслаждаясь сыром или суджуком с терпким красным или нежным белым вином.

В пятницу Саша приглашает меня в ресторан, но я отказываюсь. Сегодня праздник в честь дочери Карповых — Ирины, художника-оформителя, а после подобных мероприятий у нас всегда вечеринка старых друзей и работников агентства, готовивших праздник.

Художественную ставку я делаю на последнюю работу Ирины: оформление сборника ее любимых стихов, за который она получила гран-при на международном конкурсе. Мне так нравится эта книга, что я вдохновенно пишу сценарий и собираюсь вести сам вечер, что делаю очень редко.

Первый раздел сборника посвящен стихам о цветах. Димка заказал цветочные корзины необычного набора: белая сирень для стихов Тэффи, Плещеевская фиалка, удивительные одуванчики, герои стихотворения Леонида Филатова, настоящие, сохраненные флористом с прошлого лета при помощи женского лака для волос, розы Омара Хайяма, маргаритки Игоря Северянина, лилии Анненского.

Ленка привозит мне длинное платье из темно-синей органзы с вышитыми по подолу, лифу и рукавам лазурно-голубыми незабудками.

— Смотри, какое платье-чехол под органзу длинное! — рекламирует чудесное платье, не нуждающееся в рекламе, Ленка. — И рукава длинные, и лиф высокий, и спина полностью закрытая! А незабудочки какие насыщенные, прямо под цвет твоих глаз! Мы тебе локоны навьем, бирюзовыми камушками украсим — и все! Фея цветов!

Ленка тщательно создает мой новый образ. Мы долго подбираем тени для глаз и останавливаемся на голубо-серебряных.

— Подводку обязательно! — уговаривает Ленка. — Со стрелками!

Саша уехал на какие-то важные для его бизнеса переговоры, обещал, что вернется к началу праздника. Он пришел в мою квартиру перед отъездом. Мы не обедали сегодня вместе, в день праздника я не могу есть. Ленка, завивавшая мне локоны, поздоровалась, фыркнула, хихикнула, потом тактично убежала попить чаю к Павлу Денисовичу.

— Я буду скучать, — говорит Саша, протягивая ко мне руки.

— Нельзя, локоны! — пугаюсь я, что он испортит то, что Ленка создавала вот уже второй час.

— Я осторожно, — обещает Саша, мягко притягивая меня к себе, но тут же нарушает обещание, начав перебирать мои волосы.

— Ленка убьет тебя! — зловеще обещаю я, наслаждаясь его прикосновениями.

— Я убегу раньше, — обещает Саша, порабощая мои нетерпеливые губы.

Вечер начинается с известного романса, который исполняет для дочери Степан Ильич.

В том саду где мы с вами встретились,
Ваш любимый куст хризантем расцвел,
И в моей груди расцвело тогда
Чувство яркое нежной любви… *

Именно эти строки Ирина выбрала эпиграфом к своему сборнику. Под прекрасное исполнение наши элегантные студенты театрального училища дарят всем присутствующим женщинам веточку кустовой белой хризантемы, возле Ирины ставят корзину, полную таких же хризантем, они зефирным облаком ластятся к ее ногам.

Вспоминаю, как сегодня рано утром, проснувшись, мы спорим с Сашей, еще лежа в постели.

— Почему рубашка всегда белая? — спрашиваю я.

— Не всегда, — возражает Саша. — У меня много разноцветных рубашек.

— Которые ты не носишь! — заканчиваю за него я.

— Ношу. Иногда, — ворчит Саша. — А в чем дело-то?

— Хочу понять твою странную любовь к белому цвету, — объясняю я. — И именно в рубашках.

— Классика. Что тут понимать? — удивляется Саша. — Ты же в курсе, что у белого много оттенков.

— И у белого? — моя очередь удивляться. — Ты намекаешь на модные оттенки серого?

— Нет. Я серьезно говорю тебе о разных оттенках белого, — смеется Саша. — Но мне нравится ход твоих мыслей! Есть белый, белоснежный, зефирный, лунный, белая лилия, облако, ангел, чайка, опал, лотос и даже редька…

Смеюсь и не верю:

— Врешь! На ходу придумываешь!

— Вовсе нет! — смеется вместе со мной Саша. — Еще белый дым, слоновая кость, молочный, алебастровый…

— Ясно! — прекращаю спорить я. — Давай-ка сегодня на свои переговоры ты наденешь "облако"… Нет! Лучше рубашку цвета редьки!

И мы долго смеемся, целуясь и забывая о времени.

Костик показывает нам видеонарезку из новостных программ, посвященных успеху Ирины Тарасовой на конкурсах. А потом мы выводим на наш огромный экран иллюстрации Ирины. Я начинаю читать Тэффи под мягкое инструментальное сопровождение:

Я белая сирень. Медлительно томят
Цветы мои, цветы серебряно-нагие.
Осыпятся одни — распустятся другие,
И землю опьянит их новый аромат!

И в это время в зал заходит Саша. Он впервые видит меня в новом платье и буквально застывает на месте, словно не верит своим глазам. Я тоже поражена, потому что у него в руках букет мелких голубых цветов, очень похожих на те незабудки, что распустились на моем невесомом платье. И я читаю стихи о белой сирени, думая о его букете для меня. А ведь он не видел моего платья до этого момента…

Меж небом и землей, сквозная светотень,
Как пламень белый, я безогненно сгораю…
Я солнцем рождена и в солнце умираю…
Я жизни жизнь! Я — белая сирень!

Юные пятилетние воспитанницы Галины Ивановны из детской хореографической студии в юбочках, оформленных как лепестки фиалки, танцуют, а Ирина сама читает стихи Плещеева:

— Скажи, фиалка, отчего
Так рано к нам ты воротилась,
Когда в полях ни одного
Еще цветка не распустилось?
— Бедна нарядом и мала,
Я меж других цветов незрима,
И если б с ними я цвела,
Ты, может быть, прошел бы мимо.

Мы с Сашей завтракаем свежеиспеченными булочками с корицей.

— Если бы ты в самый первый день нашей встречи испек их для меня, — постанывая от гастрономического экстаза, сообщаю я ему с набитым ртом, — то я легла бы к тебе в постель в течение пяти минут. Тебе от меня даже отбиваться бы пришлось и выдвигать обвинение в изнасиловании.

— Если бы я только знал! — сокрушается Саша. — Это сколько же времени потеряно зря! Я мог бы уже полгода находить твои волосы на своих подушках?

— Да! — радостно вру и дразнюсь я. — А ты заметил только мои рваные джинсы.

— Твои рваные джинсы я, конечно, заметил, — соглашается Саша. — И черный пуловер с разноцветными снежинками. Но затормозил я на твоих глазах. Ты как- нибудь оденешься для меня так, как была одета при первой нашей встрече? Ты мне месяца три снилась такой…

Сначала Галина Ивановна рассказывает гостям о детстве и юности Ирины, потом Степан Ильич, растрогавшийся до слез, в отличие от железной жены, у которой не дрогнул голос и не появилось ни одной слезинки, показывает сделанный им из первых рисунков Ирины диафильм. Это так трогательно, что от неожиданности плачет даже Ирина. Димка с Костиком показывают мне большой палец, восторгаясь моей идеей.

А вот стихотворение Леонида Филатова Ирина превращает в веселую игру в рифмы:

Меня сочтут обманщиком,
Да только я не лгу:
Вином из… одуванчиков
Торгуют на… углу.
Уж, если одурачивать -

То как-нибудь хитро:
Вино из одуванчиков -
Ведь это же… ситро!
Нашли же чем попотчивать
Доверчивый народ, —
А очередь, а очередь,
А очередь… растет.

Студенты-официанты угощают всех самодельным ситро в исполнении Павла Денисовича. Это волшебный лимонно-сахарный эликсир.

Начинается мастер-класс от художника-оформителя Карповой Ирины Степановны: гости учатся рисовать одуванчики простым карандашом, пастелью, мелками, гуашью, акварелью и даже при помощи вилки. Саша, наконец, добирается до меня и шепчет на ухо:

— Я хочу тебя украсть, Уголек! Пойдем со мной!

— Нет, Саша, пожалуйста, давай проведем вечер с моими друзьями! Останься со мной здесь, — прошу я, пряча ладошку за лацкан его пиджака, ощущая удары его сердца, значительно ускорившиеся после этого жеста, и соблазнительно моргнув ресницами, рассчитывая на красоту подводки.

Вечер для Карповых заканчивается, и мы дружной компанией работников агентства рассаживаемся за сдвинутыми вместе столами. Саша впервые остается с нами. Сначала это обстоятельство слегка напрягает присутствующих, но потом, после того как по Сашиному приказу охрана приносит французское шампанское, все расслабляются. Саша сидит рядом со мной молча и пытает поглаживанием колена да перечислением на ухо всего того, что он за день придумал со мной сделать сегодня ночью.

Смех. Воспоминания. Звон бокалов. Меня охватывает четкое понимание и горячее осознание того, что я нахожусь там, где и должна находиться: среди самых лучших и любимых друзей. И рядом с Сашей.

— Ниночка! — обращается ко мне Дарья Владиленовна. — А когда свадьба?

— Какая свадьба? — не понимаю я, пытаясь вспомнить, есть ли среди наших ближайших заказов свадьба. — Вы о какой именно? У нас летом, по-моему, есть заказ на юбилей свадьбы двух полковников полиции.

— Как это? — пугается Димка. — Мы разве берем такие заказы?

— Это он и она. Просто они оба — полковники. Второй брак, — смеюсь я, и мой смех подхватывают все.

— Я о вашей свадьбе с Сашей, Ниночка! — радостно объясняет пожилая женщина, ласково глядя на меня.

Все замолкают, а я краснею, неловко улыбаясь в ответ. Молчание прерывает Саша, который встает и, не отпуская моей руки, кивает Прохору Васильевичу, который приносит… гитару. В абсолютной, просто вакуумной тишине, Саша, поцеловав, отпускает мою руку, снимает пиджак, оставшись в одной белой рубашке, отставляет стул и садится на него, подмигнув мне.

— Холодильник играет на гитаре?! — шепчет мне Димка, не веря своим глазам и толкая меня в плечо. — Поющий Холодильник?

У меня нет сил и желания отвечать, потому что Саша начинает играть и петь:

Твои глаза подобны морю,
Я ни о чем с тобой не говорю…

Я в них гляжу с надеждою и болью,
Пытаясь угадать судьбу свою.

Воспоминания захватывают меня теплой волной, накрывая, оглушая, отрезая от мира и от всех этих людей, дорогих мне, но единственным я могу назвать только одного.

— Вы? спокойно, бархатно произносит брезгливый Хозяин.

— Я? ласково переспрашиваю я.

— Кто вы? — Хозяин медленно опускает взгляд с моего лица на огромный пуловер крупной вязки, черный с белыми, розовыми и зелеными снежинками, черные джинсы с дырками на коленях. А что? Это классика уличного стиля. Такие имеются в гардеробе каждой уважающей себя трендовой девушки. Дырки — пикантная изюминка образа. Как назвала этот образ Ленка? А! Сдержанно-кричащий.

Вот прямо сейчас у моего молодого Хозяина тоже сдержанно-кричащий вид, и он ждет моего ответа.

— Это Нина Симонова-Райская, — докладывает Римма Викторовна, мягко и сочувственно мне улыбаясь. — Наш… Ваш арт-директор.

— Мой? — с сомнением переспрашивает Хозяин и снова смотрит на меня, вернувшись к моему лицу.

Дерзко смотрю на Александра Юрьевича, взглядом демонстрируя непонимание такого пристального интереса с его стороны.

— Вот с вас и начнем, Симонова-Райская, — безэмоционально говорит Хозяин, поправив воротник белоснежной рубашки. — Начнем знакомство с агентством.

В них движутся лучи и тени,
Чем глубже в них, тем тише и темней…
В них силуэты зыбкие растений
И мачты затонувших кораблей.

— А что выбрали бы вы? — вдруг серьезно спрашивает Холодильник.

— Я? — мечтательно закатываю глаза. — Я давно коплю на путешествие. Я бы выбрала Париж. Я была в Италии, в Испании, в Германии. Но давно, еще школьницей. Мне моя прабабушка дарила путевки. А во Франции я не была. Мне кажется, что именно Париж — город влюбленных.

Вторая горячая ладонь накрывает второе мое колено.

— Полетели! — читаю я по губам.

— Куда полетели? — читает он по моим губам.

— В Париж.

— Когда?

— Если хочешь, то прямо сейчас. Сегодня.

Открываю рот и не могу его закрыть. Потом начинаю чувствовать, как раздражение, гнев, злость порциями поступают в мой организм.

— Александр Юрьевич! кричу я. — Я не буду вашей любовницей. Ни в Москве, ни в Париже, ни в раю!

Я понял все, я не обманут
И ничего хорошего не жду,
Пусть мой корабль туда еще не втянут,
Я сам его на камни поведу!

— Вот она, ваша правая сторона, Нина, черная, как ночь. Это ваши сумасбродные идеи,

сумасшедшие проекты, горячая и неуправляемая натура,

— Холодильник мягко опускает правую руку под мою правую грудь.

— А это ваша левая сторона, белая, чистая, целомудренная. Это то, какой вы могли бы быть, если бы не шли на поводу у своей буйной, я бы даже сказал, больной фантазии, — левая рука Холодильника поднимается под левую грудь.

Одуревшим взглядом смотрю на наше отражение. Кожа горит под его горячими руками, которые он не убирает.

— Это убийственный коктейль, госпожа Симонова-Райская, — шепчет Хозяин, своими губами щекоча кожу моей шеи.

— Вам не понравился сегодняшний вечер? — сглотнув, спрашиваю я, не в силах ни оттолкнуть его, ни отойти самой.

— Да. Мне не понравился этот вечер, — подтверждает мое предположение Холодильник. — Он был прекрасен, но…

— Но? — дрожу я от напряжения и от осознания тяжести его рук под моей грудью. Что будет, если он переместит руки выше?

И все страдания и муки
Благословлю я в свой последний час,
И я умру умру, раскинув руки
На темном дне твоих зеленых глаз…

Подхожу к окну и смотрю на то, как Холодильник жмет руку деду, и понимаю, что люблю его…

Потом вижу, как Холодильник подходит к уличному рукомойнику и, набрав щедрую горсть холодной воды, умывается… раз… другой, и понимаю, что люблю его…

Потом, наблюдаю, как он, словно большой пес, отряхивается, и понимаю, что люблю его…

Холодильник открывает дверцу автомобиля, и я срываюсь с места, выбегая на улицу в "носочках" Ильича.

— Саша! — кричу я без голоса, который кончается, словно исчерпан лимит на сегодня, и я хриплю снова. — Саша!

Он замирает, держа одной рукой открытую дверь и глядя на меня спокойно, равнодушно, по-деловому. Дед вскидывает брови, в его карих глазах мелькает огонек радости и надежды, которого нет в глазах у внука.

Хочу подбежать, но вместо этого медленно подхожу к Саше, который сосредоточил свой пустой взгляд на моих "носочках".

— Да, Нина? — вежливо обращается ко мне Саша. — Ты что-то забыла?

— Да! — смело говорю я, хотя сердце колотится по-воробьиному часто-часто. Я забыла тебе сказать, что я тоже тебя люблю.

Голос у Саши теплый и мягкий. Он поет, не отрывая от меня своих глаз и не отпуская мои глаза, не позволяя отвести, закрыть, даже моргнуть.

Песня заканчивается. Саша встает, отдает гитару Прохору Васильевичу и подходит ко мне. Я глохну от тишины, она кажется мне невероятной. И в этой тишине раздается тихий вопрос Саши, который все равно кажется громким:

— Ты выйдешь за меня замуж?

Я молчу, беспомощно оглядываясь на друзей. Дарья Владиленовна смотрит на меня с тревожной надеждой. Павла Борисовна едва заметно кивает, успокаивая. Павел Денисович

нервно приглаживает усы и улыбается. Костик показывает большой палец. Димка ухмыляется и потирает руки.

Куда я там хотела применить теорию "Восточного экспресса"? Мне кажется, или они все сговорились?

— Ты выйдешь за меня замуж? — терпеливо повторяет вопрос Саша, беря мои руки и целуя ладони. — Ты спасешь рыцаря-самоучку от тоскливой смерти?

Сглатываю и по-прежнему молчу, не давая себе нырнуть в коричневые омуты, снова вспоминая.

— Да… Я был близок к тому, чтобы подключить все свои ресурсы, но вовремя понял, что я так не хочу, мне так не надо… его губы не касаются моих, замерев в нескольких миллиметрах.

— А как надо? — глупо спрашиваю я, провоцируя его на ответ, которого страшусь.

— Надо так, как хочу, — отвечает он, прежде чем начинает меня целовать. — Я дождусь, чтобы ты пришла ко мне сама.

— Я не буду тебя торопить, — шепчет Саша, не дождавшись моего ответа и на пару секунд прикрыв глаза. — Я буду ждать. Только разреши мне ждать.

В глазах Риммы Викторовны я вижу настоящие слезы разочарования.

"Эх ты! — говорят глаза Димки. — Трусиха!"

"Не бойся, девочка!" — беспокойство даже в добром взгляде Дениса Владиленовича.

Дарья Владиленовна спокойна и странно счастлива, она машет мне сухонькой ладошкой и салютует бокалом шампанского.

— Я буду в машине, — возвращает меня в эту реальность Саша. Спокойный. Сильный. Но уже не уверенный в себе. Он надевает пиджак, и я вижу, как слегка дрожат его руки.

— Я буду очень счастлива, если ты возьмешь меня замуж, Саша, — хрипло отвечаю я.

Тишина мгновенно нарушается: все начинают говорить одновременно и очень громко. Что именно они говорят, я совершенно не понимаю. Ни словечка. Саша тоже что-то говорит моей макушке, крепко, до хруста костей обняв меня.

— Очень жить хочется! — пищу я, вырываясь из родных объятий.

— Прости? — не понимает меня Саша, слегка ослабив хватку.

— Ты меня раздавишь, — ворчу я, но не отпускаю его сама, вцепившись в широкие плечи.

— Гип-гип! Ура! — дурачится Димка.

И начинается настоящий хаос. Все говорят, смеются, чокаются бокалами, что-то выкрикивают нам с Сашей.

— Какая-то цыганская свадьба! — снова ворчу я, улыбаясь и смущаясь.

— Кстати, о свадьбе! — встревает в разговор Димка. — Надеюсь, в родном агентстве?

— Надеюсь скоро? — это уже Павла Борисовна.

— Давайте в сентябре! — говорю я Саше и всем остальным. — Очень хороший месяц для свадьбы!

— До сентября еще три месяца! — с ужасом отвечает мне Димка.

— Три — это долго, — поддерживает Димку Саша. — Я не дотерплю. Умру от ожидания и отчаяния.

— А когда? — совершенно теряюсь я. — В августе?

— Долго! — вредничает Саша, медленно приближая свои губы к моим.

— Помолвка через две недели будет готова! — клянется Димка. — Так что свадьбу

можно и в июле сыграть!

Саша останавливается в паре сантиметров от моих губ и грозно, по-холодильниковски, смотрит на моего помощника.

— Согласен! — трусит Димка. — Это тоже долго! Помолвка через неделю — свадьба через две!

— Вы с ума сошли! — паникую я. — Это слишком…

— Долго… — заканчивает за меня Саша. — Помолвка через три дня. Свадьба через неделю. У нас профессиональное агентство.

Наш поцелуй тонет в море восторженных криков. Через несколько минут, совершенно ошалевшая от произошедшего сегодня, я послушно иду за Сашей к его автомобилю.

— Тебе не кажется, что мы торопимся? — нервничаю я, садясь в машину.

— Мы медлим, — серьезно отвечает Саша, садясь рядом. — Я бы расписался завтра.

— Нас никто не распишет, — смеюсь я, поражаясь такому напору. — Нам совершенно некуда торопиться! У нас же все… было…

— Ничего еще у нас не было! — целует меня в кончик носа Саша. — И я действительно все могу организовать завтра.

— Подожди, — не сдаюсь я. — Я не сторонница ритуала помолвки. Странно это все!

— Ага! — хмурится Саша. — Помолка — странный праздник? Празднование развода тебя, мне помнится, не смущало!

— Это другое! — хихикаю я. — Это для сильных духом. Вот будем с тобой разводиться, тогда тоже устроим праздник.

— Я тебе разведусь! — шутливо пугает меня Саша, быстро наматывая мои волосы на одну руку, а другую кладя на мое горло.

— Уходишь в режим "Холодильник"? — провоцирую его я.

— Боишься? — шепчет Саша.

— Нет, — честно отвечаю я. — Я по нему соскучилась…

Сашины глаза вспыхивают затаенной радостью:

— Тогда ухожу…

Поцелуй сильный, глубокий, почти бешеный. Ну, здравствуй, Холодильник!

После долгих "торгов" и споров мы останавливаемся на торжественном майском приеме по случаю нашей будущей свадьбы с неопределенным сроком, просто нынешним летом. Это моя честная победа, купленная жаркими ролевыми играми и десятком самых разнообразных обещаний.

— Платье не может быть черным! — ругает мой выбор Ленка. — Это плохая примета!

— Это просто прием! — борюсь я до последнего. — Не помолвка и не свадьба! Какие могут быть приметы?!

— Я предупредила! — ворчит Ленка, помогая мне надеть черное коктейльное платье и черные чулки.

— Оно мне идет! — доказываю я, отразившись в зеркале.

— В нем тебя и похоронят! — дразнит меня Ленка.

— Он почти перевоспитался! — объясняю я. — Я дома хожу в подобном, приучаю. Надо закреплять успех!

— Аминь! — не верит мне Ленка.

Прием проходит в ресторане Матвея: "Бандерос" закрыт на обслуживание. Гостей

пригласили немного, в этом Саша был со мной согласен. Никого постороннего. Его родственники, пара друзей. Моя Ленка, мои родители и мои друзья из агентства.

Мама взволнованна, папа обижен.

— Последними узнали, спасибо, дочь! — сердился он накануне.

Приехал даже дед Климов-самый старший, которого я уговорила, сломив недельное сопротивление.

Костровых, конечно, не будет. Но без Юрия Александровича с Кристиной не обойдется. Старого Хозяина я искренне люблю, а вот его жену… Бог с ней! Она же моя свекровь теперь?

Хотя… нет. Свекровью должна стать Сашина мама, Наталья Владимировна, с которой мы познакомились неделю назад. Она тоже здесь: высокая, стройная женщина, совершенно не похожая на своего сына, вернее, Саша на нее не похож внешне. А вот натурой, видимо, в нее. Не женщина, а Малефисента. Холодная, спокойная, выдержанная и очень красивая.

Несмотря на мою просьбу, ребята из агентства все-таки придумывают шутливую церемонию помолвки, задействовав Дарью Владиленовну и Дениса Владиленовича, которых я не могу обидеть отказом.

Меня, в коктейльном черном платье до колена, и Сашу, неотразимо красивого, в черном костюме и белой рубашке, ставят под арку живых цветов, и Дарья Владиленовна, держа под руку брата, улыбаясь, обращается к гостям:

— Если кто-то из собравшихся здесь знает причину, по которой этот мужчина и эта женщина не могут сочетаться законным браком, пусть скажет сейчас или не говорит вовсе.

— Потому что мы ему не поверим! — добавляет Денис Владиленович.

— А зря! — раздается незнакомый голос. — Могли бы и послушать!

Я слышу, как охает Ленка, стоящая с бокалом шампанского рядом с Матвеем. Вижу, как распахиваются в удивлении глаза Дарьи Владиленовны. Пугаюсь, потому что моя мама бледнеет, хватается за папину руку и без сил садится на стул.

— Оля! — дед, строгий и важный, в сером костюме-тройке и галстуке-косынке, обрадованно-удивленно обращается к невысокой пожилой женщине в серо-голубом костюме, которая появляется в зале ресторана в сопровождении высокого мужчины лет сорока.

Мне не надо говорить, кто это. На меня с непонятной мне любовью и окутывающей нежностью смотрят мои собственные глаза, по какой-то странной причине оказавшиеся на лице другой женщины. Значит, не только у меня и Генриетты такие голубо-зеленые…

— Бабушка! — мама берет себя в руки и идет навстречу мифической Ольге Ждановне Райской.

Саша давно обнял меня обеими руками за талию сзади, взяв руки в замок, словно приготовился оттаскивать от невидимых врагов. А потом и вовсе попытался запихнуть меня за свою спину. Но ему это не удалось, потому что я, проявив недюжинную настойчивость, тоже пошла навстречу волшебным образом появившейся женщине.

— Танюша, — спокойно констатирует Ольга Ждановна, когда моя мама подходит к ней поближе. — Рада тебя видеть, внучка! Спасибо за Нину!

— Нина — это я, — говорю я растерянно. — А вы моя прабабушка?

— Ольга Райская, — представляется женщина, подходя ко мне близко-близко. — Ну, здравствуй, Нина Райская!

— Симонова-Райская! — поправляю я.

Ольга Ждановна морщится и кивает, потом протягивает ко мне руки, которые я аккуратно пожимаю.

— Климов, — определяет прабабушка, строго глядя моими глазами на Сашу. — Конечно, ирония судьбы!

— Не ирония судьбы, а перст судьбы! — ухмыляется дед, подходя к нам.

— Не можете без представлений, Ольга Ждановна? — вздыхает присоединившийся к нам Юрий Александрович.

— Помолчите, юноша! — резко отвечает ему Райская. — Вы еще свое получите, и до вас очередь дойдет!

— Очередь? — продолжает ухмыляться дед. — Ты всех в очередь поставила, Оленька? Или для меня сделаешь исключение?

— Для Климовых никаких исключений! — резко отвечает "Оленька".

— Что происходит? — Саше все-таки удается убрать меня за свою спину, и это уже Саша, а Холодильник. — Что за шутки? Кто вы? Мы вас не приглашали.

— И совершенно зря! Повторюсь! — улыбается ему Райская, распахнув мои глаза.

— Вам что-то нужно от Нины? — строго спрашивает Холодильник.

— Мне нужна сама Нина, — просто и серьезно отвечает Ольга Ждановка. — Райские не могут достаться Климовым.

Моя мама ахает, и папа отводит ее к столу, подавая стакан воды.

— Кто же придумал такое странное правило? — снова в разговор вмешивается дед. — Наверное, ты, Оленька! Опоздала ты, дорогая. Лет на двадцать пять.

— Добро и справедливость вершить никогда не поздно, — парирует Райская.

— Пошутили и будет! — примирительно говорит Юрий Александрович. — Отец, проводи нашу гостью к столу. Вам есть о чем поговорить после стольких лет. Грехами обменяйтесь!

— Вы бы, юноша, — презрительно отвечает Старому Хозяину Ольга Ждановна, — свои грехи замаливали. Еще неизвестно, простит ли вас Нина…

Юрий Александрович краснеет и замолкает.

— Отец? — предупреждающе повисает вопрос Холодильника. — Мне есть о чем беспокоиться?

— Совершенно не о чем! — фыркает Юрий Александрович. — Абсолютно не о чем!

— Эх, Юрочка! — иронизирует Райская. — Так вырос, почти состарился, а остался тем же шалунишкой, что и в детстве!

— Вам не кажется, что у нашей старой истории слишком много слушателей? — вдруг спрашивает дед.

— Здесь только близкие люди, — отвечает ему внук Холодильник, вцепившись в меня и не отпуская. — Ненавижу тайны и глупые шутки! А за попытку помешать мне быть с Ниной…

Холодильник недоговаривает, но этого и не требуется.

— Не в тебя! — отвечает довольная Райская, обращаясь к деду. — Если бы ты таким был…

Ее слова стирают усмешку с лица Климова-самого старшего.

— Я пытался тебя остановить, но ты ничего не хотела слушать! — начинает нервничать дед.

— А ты у сыночка спроси подробности, — отмахивается Райская. — Присядем?

Матвей подает знак музыкантам, те играют легкую музыку, под которую мы: я с Сашей, все мужчины Климовы, мама без папы — садимся за отдельный стол.

— Четко. Понятно. И по существу, — командует Холодильник, жестко глядя на мою прабабушку.

Та гордо выпрямляется и пронзительными голубо-зелеными глазами смотрит на Юрия Александровича.

— Начнете, юноша?

Климов-средний фыркает и молчит.

— Нина! — обращается ко мне Райская. — Вы хотели найти автора идеи "фальшивого дневника"?

— Да… — мямлю я, ничего не понимая. Горячая рука Саши ложится на мои плечи.

— Вот он, — сморщенный указательный палец аквамариновым ноготком показывает на Юрия Александровича.

— Ведьма! — ласково говорит Сашин отец. — Всегда тебя боялся!

— Я знаю, — весело отвечает Райская. — Сам расскажешь или помочь?

— Прошу! — Юрий Александрович складывает на груди руки.

— Ну что ж… — Ольга Ждановна жестом просит у официанта бокал шампанского, отпивает глоток и начинает говорить, глядя только на меня:

— Мужчины семьи Климовых никогда не могли ценить настоящих женщин. Они всегда их упускали.

Дед фыркает и мрачнеет. Климов-средний почему-то оглядывается на Наталью Владимировну. Саша крепче обнимает меня.

— И один выросший и поумневший маленький… гаденыш, — Райская ухмыляется, прикрыв чудесные глаза. — Вдруг понял, что сын его, как и он сам, никогда не будет счастлив. Как не был счастлив его собственный отец, потерявший любимую женщину. Как не счастлив и он сам, переживший такую же потерю.

— Дед? — Саша смотрит на Климова-старшего.

— Отец? — переводит взгляд на Климова-среднего. — Что она говорит?

— Она говорит, внучок, — вздыхает дед, — о нафталиновом времени, которое уже никто не помнит!

— Подождите, — смешиваюсь я в разговор. — Что вы сказали про дневник?

— Я сказала, что его автор — Юрочка! — отвечает мне Райская, с интересом меня разглядывая.

— Почему? Зачем? — не верю я своей прабабушке.

— А как заставить сына не упустить свое счастье? — сладким голосом поет Райская, словно сказку рассказывает. — Живет в старом доме волшебная девочка Нина. Чистая, честная, умная, красивая, нежная. А у сына, что не женщина — все не та… Не Райская… А сын единственный, любимый… Да и перед отцом всю жизнь неловко… Я что-то приврала?

Неожиданный строгий вопрос, обращенный к Юрию Александровичу, получает небыстрый, но честный ответ:

— Нет. Пока не приврала.

— О! Это был достойный план! — смеется прабабушка. — Уехать на год. Заставить сына хотя бы приехать в агентство. Лишь бы увидел ее, хоть разок… Так?

Снова резкий вопрос. И снова честный ответ:

— Так, ведьма!

— Вот! — Райская собой чрезвычайно довольна. — Приехал, увидел, получилось… Но Райская попалась не та… Видимо, от Симоновых чего примешалось…

Прабабушка сердито смотрит на свою внучку, мою маму, и продолжает:

— Да и сынок подкачал… Нет, чтобы под венец, он в постель тащит! Ничего не придумываю? Все верно?

Эти вопросы уже Саше, который мрачно смотрит на Райскую и, в отличие от отца, не отвечает.

— Все верно! — сама себе отвечает за Сашу Райская. — Но зацепила Нина сына. Душу-то разбередила. Забыть не может… Работать не может… Жить, как раньше, не может… Даже жениться готов, но только чтобы в постель утащить.

Сашино лицо темнеет, но он молчит.

— Переживает отец. Влюбить влюбил, а толку никакого. Решил силу чувств проверить. На спор финансовый сына вынудил. Сомнения дневником фальшивым заронил. И ничего не останавливает теперь Климова-младшего. И деньги не нужны. И даже любовь ответная не обязательна. Хочу, говорит. Люблю, говорит. Женюсь, говорит. Ну что? Не перебьешь?

И снова ехидный вопрос Саше.

— Сказочница! — нежно откликается дед.

— Подождите! — останавливаю я разошедшуюся прабабушку. — Откуда такие подробности? И почему через Кристину, Светлану и Сальмонеллу?

— Ну! — вдруг зычно командует Райская, грозно глядя на Юрия Александровича.

— Павла… — выдавливает он. — И Римма…

— Как? — ахаю я, мгновенно расстроившись.

— Они не знали. Я их в темную… — оправдывается Климов-средний. — И Кристинку с этими тоже… Но ведь получилось, а?!

Юрий Александрович виновато смотрит на меня и сына:

— Прости меня, доченька. Но ведь получилось?

— Ничего не получилось! Тоже мне! Продавец счастья нашелся! — резко перебивает его Ольга Ждановна Райская, вставая. — Таня! Я пока забираю Нину. Мне с ней поговорить надо.

— Я никуда Нину не отпущу, — спокойно говорит Саша.

— Отпустишь! — смеется прабабушка. — Если она скажет, чтобы отпустил — отпустишь!

— С чего вы взяли? — теперь Райской отвечает Холодильник. — Она моя и она останется со мной.

— Она своя собственная и она пойдет со мной, — злится Ольга Ждановна. — Райские вам не по зубам!

— Да прости ты меня, тетя Оля! — вскакивает Юрий Александрович. — Я же маму жалел. Я же отца в семье удержать хотел! Папа, и ты прости!

— Бог простит! — устало машет ка него рукой Райская. — Пошли, Нина! У меня к тебе разговоров на неделю.

Я освобождаюсь от объятий Саши и встаю. Саша резко встает за мной.

— Я не отпущу тебя! — говорит он, но руками не трогает.

— А я и не дам меня отпустить! — отвечаю я, улыбаясь. — Я тебя люблю. И вас, Юрий Александрович, я люблю. И вас, Александр Юрьевич, тоже. И вас, Бабушка Оля, я тоже бы любила, если бы вы были рядом.

Ольга Ждановна Райская внимательным, цепким взглядом моих собственных глаз смотрит на меня довольно долго. Потом усмехается:

— Ну что ж… Повезло вам, Климовы, одну Райскую все-таки прихватили… Хорошо, Евгений завтра тебя ко мне привезет. Поговорить все-таки надо. Везунчик ты, Климов-младший!

— Подождите… Какой Евгений? Мой охранник? То есть Сашин, конечно… — поражаюсь я.

— Это мой Евгений, — хитро улыбается прабабушка и уходит.

— Да, сынок, — вздыхает дед, глядя на Климова-младшего. — И нам бы поговорить…

Саша утаскивает меня в фойе ресторана.

— Все, что она сказала…

— Я люблю тебя, — перебиваю я.

— Это правда только наполовину, — не сдается Саша.

— Я люблю тебя, — смеюсь я, ероша его тщательно уложенные волосы.

— И отец… Он тебя тоже любит. И дед, — Саша притягивает меня к себе.

— А я люблю тебя, — сообщаю я тайну его красивому уху. — Поехали домой?

Саша целует меня, сначала нежно, потом все настойчивее и глубже.

— Домой… — напоминаю я. — Я замерзла под кондиционерами.

— Естественно! — отвечает мне Холодильник. — На тебе же тряпочка с носовой платочек! Мы так не договаривались…

— Поехали, Климов, договариваться с Райской…

*Слова Николая Харито

**Слова А.Саджая и Е.Евтушенко

КОНЕЦ КНИГИ